

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ЭНТИНА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА

**ОСОБЕННОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ
ГОСУДАРСТВ ПОСТЬЮГОСЛАВСКОГО ПРОСТРАНСТВА)**

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и
регионального развития

Диссертация
на соискание ученой степени доктора политических наук

МОСКВА – 2020

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Феномен европейской интеграции и его особенности в регионах полиакторности	43
Глава 1.1. Балканы как политически детерминированное пространство.....	43
Глава 1.2 Основные подходы к европейской интеграции и неоклассический реализм.....	52
Глава 1.3. Синтетизм как основа изучения современной интеграционной политики ЕС	75
Глава 2. Эволюция отношений ЕЭС/ЕС и Югославии.....	81
Глава 2.1 Опыт экономического и политического взаимодействия ЕЭС и СФРЮ	81
Глава 2.2. Внутренние и внешние факторы экономического кризиса в СФРЮ .	114
Глава 2.3 Роль ЕС в событиях югославского кризиса.....	138
Глава 3. Особенности и результаты интеграционной политики ЕС в государствах постъюгославского пространства в первые десятилетия XXI века.....	178
Глава 3.1 Специфика стратегии расширения Европейского союза в отношении Западных Балкан	178
Глава 3.2 Особенности и основные результаты интеграционной политики Европейского союза на Западных Балканах в период 2000 – 2013 гг.	207
Глава 3.3. Внутренние ограничения европейской интеграции в западно-балканских государствах в 2014-2019 гг.	252
Глава 4. Политика региональных акторов в отношении государств постъюгославского пространства в контексте европейской интеграции региона	297
Глава 4.1. Фактор Турции в балканском направлении внешней политики ЕС ...	299
Глава 4.2. Особенности Греции как модели и проводника европейской интеграции государств постъюгославского пространства	320
Глава 4.3 Трансформация балканской политики арабо-мусульманского мира в контексте европейской интеграции стран региона	339
Глава 5. Роль глобальных акторов в современных интеграционных процессах в Юго-Восточной Европе	360
Глава 5.1. Особенности американской политики на Балканах в контексте евроатлантического партнерства.....	360
Глава 5.2. Российский фактор на Балканах в контексте политики ЕС.....	389
Глава 5.3 Роль китайских внешнеполитических инициатив в европейской интеграции государств постъюгославского пространства	418
Заключение	436
Список использованных источников и литературы	453

Введение

Актуальность темы исследования

Изучение феномена Европейского союза и его интеграционной политики представляет большую ценность в связи с ростом количества интеграционных объединений в современном мире. В данном контексте ЕС по-прежнему остается единственной организацией глубокого интеграционного типа, успешно существующей на протяжении нескольких десятилетий и пережившей колоссальную трансформацию системы международных отношений. Фундаментальные сдвиги в области мировой политики и экономики конца предыдущего столетия - начала 2000-х гг., а также рост Китая, Индии, возвращение России в орбиту геополитически значимых сил, очередной виток эскалации противоречий на Ближнем Востоке дали импульс к складыванию новой архитектуры международных отношений, которая, вероятнее всего, будет построена на союзах подвижной конфигурации. В этих условиях изучение опыта взаимодействия Европейского союза со странами, географически объединенными в одно пространство, но при этом имеющими абсолютно разные традиции государственного, политического, социально-экономического строительства, приобретает особое значение.

Осмысление интеграционной политики Европейского союза в Юго-Восточной Европе актуально не только для понимания региональных сюжетов международных отношений и направлений развития европейской интеграции, но и для оценки мировых трендов во взаимоотношениях ЕС с глобальными акторами. Применительно к Юго-Восточной Европе, повышение ее транзитного значения в начале 2000-х гг. обеспечило рост заинтересованности различных международных сил в региональных процессах. В результате Европейский союз перестал быть исключительной влиятельной внешней силой, хотя по-прежнему остается единственной, предлагающей концепцию качественной системной трансформации региона. Однако вопрос заключается в том, в какой степени концепция качественной трансформации теми ресурсами, которые сегодня находятся в распоряжении Брюсселя, остается актуальной и привлекательной для Юго-Восточной Европы, а в какой – движение в направлении сближения с ЕС является для балканских политических элит инерционным.

Четкое разграничение между «проблемным» прошлым и «европейским будущим» связано с географическим символизмом в современной Европе, а конкретно – с местом, которое государства бывшей Югославии занимают на символической карте континента, и какое место досталось их историческому наследию в культурной памяти Европы. В отношении европейской интеграции в рамках теорий конструктивизма была выработано

две трактовки слова «Европа»¹: культурологическая и политически-ценностная. В культурологическом отношении категории «Европа» и «Балканы» комплиментарны. Что же до политико-ценностного, то они зачастую противостоят друг другу. Идентификация с «Европой» всегда позитивна, идентификация с «Балканами» – маргинальна и нежелательна. Интеграционная политика ЕС в Юго-Восточной Европе, призванная путем европеизации стабилизировать и модернизировать данное пространство, была построена на идее преодоления «балканского синдрома». Однако если интеграция через европеизацию сравнительно успешно удалась в отношении стран Центральной и Восточной Европы, применительно к Балканскому региону она стала пробуксовывать. Это торможение поставило под вопрос методологические и идейные основания, заложенные в интеграционный инструментарий, и, по мнению отдельных политических лидеров стран-членов, вызвало необходимость их пересмотра (о чем в октябре 2019 г. открыто заявил французский президент Э. Макрон)².

Кроме того, стагнация интеграционной динамики в Юго-Восточной Европе, а также общий контекст мировых политических и социально-экономических процессов обнажили серьезные внутренние проблемы в странах региона, нерешенность которых ставит под сомнение не только успех возможной европейской интеграции данных государств, но и стабильность, а в определенной степени и мир. В момент завершения работы над диссертацией в странах региона повсеместно наблюдается ситуация очень шаткого, с трудом сдерживаемого внутреннего баланса и нарастающей конфликтности.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется и тем, что на преодолении традиционных черт исторического и национального развития и применении структурно идентичных методов европеизации, используемых Брюсселем для того, чтобы стабилизировать и модернизировать то или иное геополитическое пространство, построена политика ЕС в отношении стран Восточного партнерства, Средней Азии, Средиземноморья. Кроме того, в отдельных случаях она подменяет собой решение повседневных проблем безопасности, имеющих для соответствующего геополитического пространства весомое значение. Поэтому рассмотрение результатов присутствия ЕС в Юго-Восточной Европе актуально и в свете построения проекций на другие регионы.

¹ Petrovic T. Yuropa. Jugoslovensko nasleđe I politika budućnosti u postjugoslovenskom drštvima. Beograd.: Edicija REC. 2012. Str. 10

² Macron urges reform of 'bizarre' system for EU hopefuls // Politico. 16.10.2019. Режим доступа: URL: <https://www.politico.eu/article/macron-urges-reform-of-bizarre-system-for-eu-hopefuls/> (Дата обращения 20.01.2020).

Объектом исследования является балканское направление международной деятельности Европейского союза в комплексе внутренних и внешних взаимосвязей в Юго-Восточной Европе. **Предмет исследования** – особенности и пределы интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала переговоров между Европейским экономическим сообществом и Социалистической федеративной республикой Югославией о торгово-экономическом сотрудничестве во второй половине 1960-х гг. Тогда, в результате первых шагов по складыванию единого экономического пространства, ЕЭС потребовалось формирование политики Сообщества в отношении соседей. Со своей стороны, СФРЮ, в силу своего внеблокового статуса и геоэкономических факторов, оказалась подходящим объектом для демонстрации гибкости и преимуществ капиталистического блока, что привело к оформлению первых торгово-экономических соглашений между ЕЭС и социалистической страной в 1970 г. Хотя с этого момента прошло полвека, членами Европейского союза из стран бывшей Югославии, а также в целом Юго-Восточной Европы стали только Словения (2004 г.), Болгария и Румыния (2007 г.) и Хорватия (2013 г.). Для остальных государств региона процесс евроинтеграции продолжается, что придает верхней границе данного исследования условный характер и служит основанием для рассмотрения дальнейших перспектив его эволюции.

Гипотеза исследования состоит в том, что отношения с ЕЭС/ЕС и сама европейская интеграция на протяжении периода, начиная со второй половины 1960-х гг. и до настоящего времени, были и остаются непреложным фактором внутренней и внешней политики сначала Югославии, а потом ее бывших республик. При этом политика как ЕЭС, так и ЕС в отношении Югославии, за исключением периода конца 1990-х – 2000-х гг., не была общей, а ее существенную часть составляла секьюритизация пространства от внутренних и внешних угроз.

Хотя в начале 2000-х гг. лидирующая роль ЕС в модернизации Юго-Восточной Европы не оспаривалась ни одним международным актором, особенности интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства не позволили полноценно реализовать политику их европеизации и последующей интеграции. В настоящее время в условиях изменившейся архитектуры международных отношений применение механизмов европеизации, разработанных в период однополярности, не может дать ЕС закладываемый в них результат. В ряде случаев оно

порождает противоположные последствия, указывая тем самым на пределы интеграционной политики ЕС.

Учитывая геополитические интересы и активность других региональных и глобальных акторов в Юго-Восточной Европе, служащие ее другим важным ограничителем, итогом интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства с высокой вероятностью станет изменение форматов интеграции в сторону более гибких и подвижных конфигураций, при усилении объединяющей роли НАТО и снижении акторности ЕС.

Цель исследования – установить особенности и пределы интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства со второй половины 1960-х гг. по настоящее время.

Поставленная цель требует решения следующих **научных задач**:

- рассмотреть теоретические подходы к изучению интеграции и сформулировать теоретические основания исследования интеграционной политики в условиях полиакторной системы международных отношений;

- выявить специфику взаимоотношений Европейского сообщества с СФРЮ, а также фактор ЕЭС в усугублении кризисных тенденций в СФРЮ и роль ЕС в событиях югославского кризиса, с целью установить взаимосвязь между историческими особенностями их взаимодействия и основаниями политики ЕС, реализуемой с начала XXI века в Юго-Восточной Европе;

- сформулировать особенности и показать специфику политики европеизации в отношении государств постъюгославского пространства;

- выявить факторы, которые оказывают влияние на интеграционную политику ЕС в отношении государств постъюгославского пространства;

- проследить основные результаты интеграционной политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства;

- проанализировать ключевые особенности политики региональных и глобальных международных сил в Юго-Восточной Европе и установить, каким образом их присутствие и активность влияют или могут повлиять на интеграционную политику Европейского союза;

- показать, как общий контекст отношений ЕС с ведущими мировыми и региональными игроками сказывается на ситуации в Юго-Восточной Европе и акторности самого Европейского союза.

Положения, выносимые на защиту:

1. В условиях изменения современной архитектуры международных отношений и активизации в Юго-Восточной Европе целого ряда международных акторов, имеющих свою историю и традиции взаимодействия с государствами региона, а также по-своему видящих его границы, Европейский союз вынужден в целях собственной секьюритизации выступать с реалистских позиций. Поэтому для теоретического осмысления феномена европейской интеграции классические теории оказываются недостаточными. Для комплексного исследования современных интеграционных процессов необходимо сочетание либерально-конструктивистских подходов с реалистскими. Оптимальным выбором является синтетическая теория неоклассического реализма. Ее соединение с конструктивистскими теориями второго уровня делает возможным исследование современной интеграционной политики ЕС не как находящейся в вакууме, а в совокупности международных связей и отношений. Это позволяет преодолеть ограниченность прежде использовавшихся по отдельности теоретических подходов.
2. Несмотря на то что СФРЮ была первым социалистическим государством, установившим официальные взаимоотношения с ЕЭС в 1970 г., и Белград, и Брюссель воспринимали сотрудничество в парадигме реализма и собственной безопасности, а не с точки зрения возможной интеграции. В этом смысле СФРЮ не была «пионером» евроинтеграции в ряду постсоциалистических стран.
3. Экономический кризис в качестве важнейшего фактора, спровоцировавшего распад СФРЮ, был обусловлен не только несовершенством и структурной деформацией югославской экономической модели, но и политикой, проводимой ЕЭС в отношении Югославии. Особое место занимало то, каким образом на практике действовали Соглашения о сотрудничестве между ЕЭС и СФРЮ, структура и форматы инвестирования в югославскую экономику. На финальном этапе, предшествующем распаду СФРЮ, позиция ЕЭС в отношении реформ правительства Анте Марковича, не только вводила в заблуждение само союзное руководство Югославии, но и порождала предположения о том, что Запад ожидает более сильного и авторитетного лидера, способного сохранить единство страны. В итоге позиция ЕЭС, провоцируя углубление противоречий между республиканскими лидерами, не только ускорила распад Югославии, которого Сообщество на данном этапе не желало, но и стимулировала появление С. Милошевича со всей спецификой его политической позиции.

4. Роль ЕС в югославском кризисе была обусловлена процессом перехода от Европейского политического сотрудничества к Общей внешней политике и политике безопасности и в целом трансформации из Сообщества в Союз. В этой связи можно говорить о том, что Югославия стала жертвой в процессе построения европейского единства и углубления интеграции. Не сумев проявить своей акторности в качестве эффективного медиатора в кризисе, ЕС к 1997 г. разработал комплексную стратегию стабилизации региона Юго-Восточной Европы, для которой требовались наличие демократических политических режимов и купирование острой фазы этно-территориальных противоречий. Поэтому европейский консенсус в отношении Косова в 1999 г. обеспечило не только признание ведущей роли НАТО в урегулировании югославского кризиса, но и понимание со стороны ЕС, что его стратегическим интересам отвечает скорейшее достижение относительного мира и наличие демократических и лояльных ему политических режимов. Сами же эти интересы виделись в расширении объединения и утверждении своего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе.
5. В свете своей новой акторности и успешной интеграции Центральной и Восточной Европы после окончания холодной войны Европейский союз решил повторить успешный опыт в Юго-Восточной Европе. Брюссель стремился обеспечить собственную программу путем построения «сообщества безопасности» в регионе через его европеизацию. Однако неучтенные Брюсселем особенности постконфликтного примирения и государственного строительства стран региона, выбор соревновательного трека интеграции (принцип «регаты») повлекли за собой торможение интеграционных процессов. Применение одинаковых механизмов европеизации к государствам с принципиально разной внутренней спецификой показало свою низкую эффективность. В условиях изменения архитектуры международных отношений это спровоцировало стагнацию европейской интеграции, ренационализацию политики ЕС в регионе, что свидетельствует о частичной потере акторности Союза.
6. Процесс европеизации стран бывшей Югославии, помимо вышеперечисленных факторов, был осложнен рядом внутренних и внешних вызовов, которые с течением времени трансформируются в пределы интеграционной политики ЕС. Внутренние вызовы можно разделить на две категории: связанные с субрегиональной спецификой Юго-Восточной Европы и вызванные особенностями внутри ЕС. К первым относятся: низкий уровень социально-экономического

развития; проблема оттока трудоспособного и активного населения; одновременный рост авторитарных тенденций и протестных настроений во внутренней политике; проблема организованной преступности. Вторые составляют: изначально ложная посылка политики европеизации в Юго-Восточной Европе, согласно которой перспектива вступления в ЕС была самодостаточным стимулом для запуска внутренней модернизации региона; миграционный кризис 2015 г., обнаживший проблему ответственного взаимодействия по вопросам безопасности как внутри ЕС, так и в его подбрюшье; трансформация целей и задач Великобритании в связи с Брекзитом. Немаловажную роль играет и общий скепсис в отношении перспектив и возможностей дальнейшего расширения ЕС, характерный как для граждан Юго-Восточной Европы, так и для граждан и политических элит ЕС.

7. Интеграционная политика Европейского союза в Юго-Восточной Европе имеет и ряд серьёзных «внешних» ограничителей в виде акторности других международных сил в регионе. К их числу относятся акторы, имеющие, применительно к Юго-Восточной Европе, региональное значение – Турция, Греция и арабо-мусульманский мир (присутствие на Балканах стран Персидского залива и негосударственных структур, имеющих связь с ними). Помимо региональных, в Юго-Восточной Европе свою акторность реализуют и международные силы глобального значения – США, КНР и Россия, что объективно влечёт за собой столкновение интересов ЕС с решаемыми ими задачами. Их вовлечённость в дела этой части Европы, нарастающая или активно поддерживаемая, обуславливается ростом транзитного и усилением геостратегического (как перекрестья Европы и Ближнего Востока) значения региона.
8. На разных этапах Греция и Турция воспринимались Европейским союзом в качестве проводников интересов Брюсселя в регионе. В начале XXI века инструменты «экономической дипломатии» Греции и политика «нулевых проблем» в отношениях с соседями, реализуемая Турцией, позволили обеспечить обеим странам стабильное присутствие в регионе и определенный уровень политического влияния, гарантирующий безопасность инвестиций. Оба государства до начала 2010-х гг. активно способствовали продвижению европейской интеграции в регионе. Греция – в качестве члена Европейского союза и модели успешно интегрировавшегося в ЕС южно-европейского государства; Турция – как последовательный евроатлантический партнер и быстро развивающийся сосед, способный не только оказывать влияние на мусульманское

население региона, но и осуществлять посредничество в диалоге Белграда с бывшими югославскими республиками. Страны Персидского залива, чье присутствие в Юго-Восточной Европе традиционно воспринималось Брюсселем только в категориях продвижения идей радикального ислама, с конца первого десятилетия XXI века, наряду с религиозно-просветительской деятельностью, запустили инвестиционную активность. Она имеет свою специфику и географические области, в зависимости от конкретных стран и даже эмиратов (в отношении ОАЭ) и закладывает основу под более масштабную акторность арабомусульманского мира в Европе. Кризис в Греции и способы его урегулирования, примененные ЕС, сделали невозможным дальнейшее системное использование инструментов «экономической дипломатии» и статуса «успешной модели интеграции». Нарастание противоречий Анкары с евроатлантическими партнерами и отсутствие перспективы вступления в ЕС, как и специфика внутривосточной ситуации снижают стремление Турции действовать в русле европейских интересов на Балканах. При этом, хотя Анкара в гораздо большей степени занята ближневосточным вопросом, чем балканским, политика, проводимая ею в 2000-е гг. на Балканах, обеспечила определенный уровень влияния вне зависимости от политических и экономических контекстов в регионе. Однако указанные тренды не противоречат на сегодняшний день видению перспективы европейской интеграции Юго-Восточной Европы как отвечающей стратегическим интересам Греции, Турции и стран Персидского залива. Возможность сохранения или изменения данной позиции полностью зависит от направлений развития двусторонних отношений данных стран с Брюсселем и общего контекста архитектуры международных отношений в Европе.

9. Присутствие глобальных акторов – США, России и КНР – в Юго-Восточной Европе существенно влияет на интеграционную политику Европейского союза. Для Вашингтона, традиционно считающегося партнером ЕС в Балканском регионе, самоценность Юго-Восточной Европы как направления внешней политики не очевидна. США рассматривают регион в контексте их совокупного присутствия в Европе и возглавляемой НАТО системы безопасности. В этой связи последовательная натоизация Юго-Восточной Европы должна анализироваться в двух направлениях: как завершающая стадия процесса закрепления комплексного присутствия США в Европе и как создание географического пространства наиболее зависимых и последовательных сторонников Вашингтона на случай углубления противоречий с традиционными западно-европейскими союзниками по

НАТО и Турцией. Поэтому процесс расширения НАТО в Юго-Восточной Европе можно рассматривать в качестве автономного от его европейской интеграции. Это не отвечает стратегическим интересам ЕС, связанным с удержанием постъюгославского пространства в спектре своего геополитического влияния. КНР является на сегодняшний день единственной державой мирового значения, предлагающей и свой собственный трансрегиональный геополитический проект (инициатива «Пояс и Путь»), в котором Юго-Восточная Европа является органической частью, и собственные границы региона (проект 17+1 после добавления Греции). Это принципиально выделяет Китай в ряду всех других международных сил. Необходимо также учитывать, что его инициатива предлагает выстраивание трансрегиональных цепочек, дает необходимые инвестиции и транспортно-логистическую инфраструктуру, закладывает потенциал под решение проблем социально-экономического характера, наиболее остро стоящих в Юго-Восточной Европе. Одновременно с этим Пекин не чувствителен к вопросам политического характера. В сумме это делает именно КНР основным конкурентом и «ограничителем» европеизации Юго-Восточной Европы в том виде, в котором это представляется Брюсселю. Наконец, акторность России и в истории, и на современном этапе существенно сложнее, чем выполнение функции «спойлера» европейской политики, каким Москва ошибочно считается в западном мире. Восприятие политики России в регионе преимущественно в русле цивилизационной общности, характерное для США, также неверно. С каждой из стран региона Москва имеет свою, весьма разнообразную конфигурацию отношений. Её специфика заключается в отсутствии комплексной общерегиональной стратегии и преимущественной опоре на двухсторонние отношения. В качестве связующего звена выступает энергетический сектор. С одной стороны, изменение позиции Брюсселя по российскому газовому экспорту является негласным подтверждением того, что обеспечить экономическую стабильность Балканского региона без России невозможно. С другой стороны, снижение удельной доли российских инвестиций, которое может произойти в результате активизировавшегося давления на страны региона со стороны Запада, настаивающего на нежелательности их сотрудничества с Москвой, приведет исключительно к повышению инвестиционного присутствия других международных сил. В результате секьюритизации интересов Европейского союза путем вытеснения других международных сил и в условиях сохранения

евроатлантической связки его акторность или понизится, или сохранится, но не увеличится.

Методология исследования. Специфика выбранной темы потребовала совместить политологический и исторический материал, вследствие чего в работе активно используются методы на стыке двух соответствующих наук. Диссертация построена на общенаучных *принципах научной объективности и системности*, предполагающих комплексное и контекстуальное рассмотрение событий, явлений и процессов. В рамках анализа внешней политики региональных и глобальных акторов были применены *методы анализа внешней политики (Foreign policy analysis): метод кейс-стади* при рассмотрении подходов европейских стран к югославскому кризису; *метод архивных исследований* - при рассмотрении отношений СФРЮ и ЕЭС. При рассмотрении политики государств автор руководствуется *моделью рациональных акторов*, в которой государство и его институты являются основными объектами анализа. Европейский союз также рассматривается как рациональный актор в силу того, что он состоит из государств-рациональных акторов.

Системный подход позволил рассмотреть интеграционную политику не только в традиционных рамках анализа достижений и провалов стран-кандидатов в их взаимодействии с Брюсселем, но и представить ее в комплексе неразрывных внутренних и внешних (международных) взаимосвязей. Это позволило оценить ее особенности и пределы с точки зрения международного положения Балкан.

При рассмотрении внешних пределов интеграционной политики ЕС в Юго-Восточной Европе был применен *акторный подход*, суть которого в международных отношениях сводится к выделению активных субъектов политического и/или международного процесса, способных оказывать реальное влияние на трансформацию системы. В частности, в диссертации выделяются акторы, имеющие региональное значение (локальное) для интеграционной политики Европейского союза, а также глобальные акторы, его взаимоотношения с которыми в Балканском регионе отражают более широкий международный контекст. К числу региональных автор относит Турцию, Грецию, страны Персидского залива. К числу глобальных – Россию, США, КНР.

В диссертационном труде использован *метод факторного анализа* при изучении внешней политики Европейского союза, европейских стран, региональных и глобальных игроков региона. Особенность проблематики обусловила использование *сравнительного метода*. На нем построено исследование интеграционных инструментов Европейского

союза по отношению к различным республикам бывшей Югославии, в частности Сербии и Хорватии и особенности их имплементации.

При изучении феномена внутренней трансформации в государствах бывшей Югославии необходимо использование *феноменологического метода*. Он, в частности, используется при выделении и обосновании особенностей пути сближения с ЕС Сербии и Хорватии после 2000 г. Наконец, был использован и *бихевиористский метод*, позволивший изучить современные внутривластные тенденции, в частности, причины роста авторитаризма в большинстве стран Юго-Восточной Европы в контексте европейской интеграции. Кроме того, он помог понять и причины постоянных внутренних противоречий в коалиционных правительствах в Сербии на протяжении 2000-х гг., а также корни ренационализации интеграционной политики ЕС во второй половине 2010-х гг.

Многочисленность и разный статус источников информации, использованных при написании диссертации, обусловили применение *метода сопоставительного подтверждения достоверности сведений*. С помощью данного метода автор агрегировала информацию из различных, взаимно независимых источников, что позволило устранить «интерпретационные шумы» и политизированность ряда источников и литературы, связанные с острой политической актуальностью выбранной темы исследования.

В диссертации задействовано солидное количество исторических документов, в том числе неопубликованных, которые служат фактологической базой нескольких параграфов исследования. При их изучении использовался *метод историзма*, согласно которому процессы и явления исследуются в контексте исторических условий их применения. При этом исторический материал в данной диссертации не является самоцелью. Он используется для построения системных обобщений, характеризующих особенности интеграционной политики Европейского союза в выбранном регионе как имеющей очевидную содержательную преемственность. С этой же целью в работе используются традиционные методы исторического анализа. *Историко-описательный, историко-сравнительный, историко-генетический* применяются во второй, исторической главе работы, для рассмотрения эволюции отношений Европейского сообщества и Югославии, а также внутренних политических и социально-экономических процессов в Югославии. Так, в частности, историко-сравнительный метод особенно пригодился при анализе интеграционных методов Европейского сообщества, историко-генетический метод оказался полезен при определении истоков экономических проблем СФРЮ.

Совокупность примененных методов позволяет отнести работу к международно-политическим, а не историческим исследованиям. Вместе с тем, органическое сплетение и реализация исторических и политологических задач обусловили как теоретическую, так и практическую новизну исследования.

Для анализа политики акторов региональной подсистемы Юго-Восточной Европы много дала концепция неоклассического реализма, являющаяся частью реалистской парадигмы³. Она была разработана на рубеже веков Г. Роузом, Ф. Закарией, Р. Л. Швеллером и Т. Кристенсенном. Данная концепция неоклассического реализма продолжает структуралистскую традицию неореализма К. Уолца, С. Уолта и др. При этом сторонники неоклассического реализма доказывают, что внешняя политика государства определяется не только системными императивами, но и внутренними императивами. Они зависят от особенностей государственного устройства, структуры политических элит и общественного строя того или иного государства⁴. В настоящем исследовании неоклассический реализм используется не только как теория международных отношений, но и инструмент изучения европейской интеграции в странах, где ею был определен весь комплекс внутренней и внешней трансформации государств, что является уникальным для отечественной науки теоретическим подходом.

Источниковая база исследования

Источниковую базу диссертации составляют несколько видов источников: неопубликованные материалы, опубликованная дипломатическая документация официального характера, законодательные акты и официальные документы органов государственной власти, основных институтов Европейского союза, материалы СМИ и периодической печати, источники мемуарного происхождения и политическая публицистика, статистические материалы. При этом значительная часть источников вводится в научный оборот впервые.

Важнейшими источниками для изучения эволюции взаимоотношений социалистической Югославии и Европейского сообщества стали **неопубликованные документы и материалы, полученные автором в рамках исследовательской работы в**

³ Ripsman N. M., Taliaferro J. W., Lobell S. E. Neoclassical realist theory of international politics. NY: Oxford University Press, 2016.

⁴ Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. No.51(1). P. 144-172; Schweller R. L. Deadly Imbalances: Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest. NY: Columbia University Press, 1998; Christensen T. J. Useful Adversaries: Grand Strategy, Domestic Mobilization, and Sino-American Conflict, 1947-1958. New Jersey: Princeton University Press, 1997.; Zakaria F. From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role. New Jersey: Princeton University Press, 1999. 216 p.; Waltz K. Theory of international politics. Berkeley: University of California, 1979.; Walt S. M. The Origins of Alliances. London: Cornell University Press, 2013.

Архиве Югославии и Архиве Министерства иностранных дел Республики Сербии. В Архиве Югославии автор изучала материалы трех фондов, где сосредоточено наибольшее количество документов, проливающих свет на внешнеполитическую активность руководства югославского государства – это фонд «Аппарата главы государства» (Кабинет Председника), фонд Союзного правительства (Савезно извршно веће) и фонд Центрального комитета Союза коммунистов Югославии (ЦК СКЈ) за 1966 – 1984 гг. включительно. В Дипломатическом архиве Министерства иностранных дел Республики Сербии изучались материалы фонда «Политический архив», референтура «Европейское сообщество» за 1969 – 1980 гг.

Выбранные для работы архивные фонды располагают наиболее важными документами по внешней политике, позволяющими оценить ход переговорного процесса между СФРЮ и ЕЭС, те противоречия, которые видели югославы в своем сближении с Сообществом, насколько крепко они держались за свой внеблоковый статус. Кроме того, знакомство с ними дало возможность автору выявить, какое место Белград занимал в западной стратегии «сдерживания» СССР, и сделать вывод о том, что основным посылом ЕЭС в его сближении с СФРЮ было недопущение роста влияния Москвы в регионе, в более широком контексте – Средиземноморье. В свою очередь, Белград главным образом опасался в результате балансирования между СЭВ и ЕЭС «остаться ни с чем». В результате изучение данных архивных фондов показало обоснованность рассмотрения политики ЕЭС в Юго-Восточной Европе в парадигме неоклассического реализма.

Изучение архивных материалов позволило определить повторяемость основных задач, решаемых ЕЭС и СФРЮ в историческом прошлом и в настоящий момент, на витке институционально значительно более сложных и комплексных взаимоотношений между странами региона и Европейским союзом.

Для понимания событий периода распада Югославии и югославского кризиса 1990-х гг., в связи с закрытостью архивных фондов за этот период, особенно важны сборники документов. Для исследования эволюции антикризисной политики ЕС использовались *документы по внешней политике Европейского союза*, которые публикуются в Бюллетене Европейского политического сотрудничества 1985-1994 гг. (издается с 1987 г. в сотрудничестве с Боннским Институтом европейской политики и Флорентийским Европейским Университетом). Бюллетень включает в себя текст официальных заявлений и деклараций Совета министров иностранных дел стран ЕС, Европейского Совета, деятельности внешнеполитических структур ЕС в этом процессе. Помимо этого, в Бюллетене уделяется внимание и документации Европейского Парламента (выступления председателя ЕС на слушаниях, официальные материалы для СМИ, записи парламентских

дебатов), затрагивающей основные направления единой внешней политики ЕС, в том числе и положения антикризисной политики ЕС на Балканах.

Отдельную группу источников составляют документы, связанные с развитием институциональных и инструментальных параметров интеграционной политики Европейского союза в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы после Маастрихтского договора, а также собственно сами нормативные документы в рамках Маастрихтского договора, заложившие переход от ЕПС к ОВПБ. К ней же примыкают ежегодные аналитические отчеты Европейской Комиссии о прогрессе стран западно-балканского региона на пути вступления в Европейский союз. Хотя данная группа документов представляет исключительно официальную точку зрения ЕС и бюрократическую оценку процессов, происходящих в странах бывшей Югославии, оставляя за рамками множество факторов, оказывающих влияние на состояние их экономики, политической системы, общества, они содержат чрезвычайно полезную информацию. Эта информация крайне важна для всестороннего и объективного изучения интеграционной политики ЕС.

В списке опубликованных материалов необходимо отметить *тематические сборники документов, посвященные югославскому кризису как феномену современной истории*. Огромное значение для изучения югославского кризиса имеют отечественные сборники «Югославия в огне», «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии (1998-1999 гг.)», опубликованные сотрудниками Института славяноведения РАН. «Сборник документов из области обороны и безопасности Югославии (1990-1991 гг.)», который был издан в 2002 г. в Белграде, представляет важный для работы источник, позволяющий составить мнение о позиции международных организаций и о мерах органов государственной власти по выходу из кризисной ситуации и недопущению военного конфликта внутри страны.

Среди вышедших в последние годы изданий документов по данной проблеме особо стоит выделить составленный и опубликованный Институтом современной истории в Белграде в 2010 г. двухтомник «Сербские политические элиты и план Вэнса-Оуэна», продолженный затем публикацией в 2016 г. второго двухтомника «Сербские политические элиты и Лондонская конференция». Их особая ценность заключается не только в самой подборке документов, но и в том, что солидную часть книг составляют дневниковые записи участников переговоров, сопровождаемые, в том числе, комментариями составителя – известного сербского историка Владимира Петровича. Несмотря на определенную отрывочность данных тематических сборников, в условиях, когда период 1990-х гг. еще не доступен для работы в архивах, данные труды

предоставляют уникальную возможность по отдельным документам оценить общий контекст переговоров на разных стадиях югославского кризиса, восприятие происходящего представителями как Балканского региона, так и ЕС, его отдельных стран-членов, США, России, в определенной степени – Турции и Греции.

Определенную ценность представляют собой *документы, опубликованные на официальных сайтах министерств иностранных дел, в том числе, ведомств или департаментов, отвечающих за европейскую интеграцию, стран Балканского региона, а также выступления, заявления, интервью и публикации глав государств и правительств ЕС*, высокопоставленных представителей дипломатических ведомств, влиятельных членов национальных партий стран региона. Их значимость определяется не только содержащимися в них официальными трактовками принципов и приоритетов внешней деятельности Евросоюза, общих и специфических интересов и целей стран-членов ЕС, оценками конкретных аспектов региональной проблематики, но и наличием важного дополнительного фактического материала по теме работы. Данные источники позволяют составить представление о тех интересах и целях, которые преследует политическое руководство стран региона при выстраивании отношений с Евросоюзом, и прояснить ряд проблемных вопросов в их взаимоотношениях с Союзом.

Отдельное место в исследовании заняли *материалы слушаний в Конгрессе США*. Часть из них была получена автором в ходе научно-исследовательской стажировки в Гарвардском университете (материалы за 1990-е - начало 2000 гг.). Стенограммы отдельных заседаний (заседания последних лет по ситуации на Балканах, в том числе в рамках дискуссии по сдерживанию России в Евразии) есть в открытом доступе на сайте библиотеки Конгресса США.

Несомненный интерес представляет категория *статистических источников*. На основе используемых в диссертации статистических материалов «Евробарометра», исследований общественного мнения Гэллапа, отдельных социологических исследований, проведенных зарубежными, преимущественно, балканскими аналитическими центрами, осуществляется анализ общественного мнения. Он позволил сопоставить настроения как в отдельных странах ЕС в отношении различных аспектов европейской политики на территории бывшей Югославии, так и в государствах бывшей Югославии по различным вопросам европейской интеграции. Дополнительная информация, представляемая статистическими данными, способствует более объективному изучению внутренних и внешних факторов, определяющих интеграционную политику ЕС в Юго-Восточной Европе.

Много полезного для целей исследования дало изучение *дневников, воспоминаний, статей и выступлений непосредственных участников рассматриваемых в работе событий*. Так, сопоставление публичных выступлений главы Социалистической партии Сербии, бывшего президента Сербии и Югославии, Слободана Милошевича за период 1989-2001 гг. и других политических деятелей того периода помогло объяснить, почему в глазах Запада столь противоречивый и неоднозначный политик длительное время казался более предпочтительным, нежели они. Он последовательно отстаивал интернационалистские позиции и тем самым выгодно отличался от экстремистских лидеров традиционалистских и националистических партий.

Значимым источником являются также воспоминания Бориса Йовича, который являлся председателем Президиума СФРЮ в 1990-991 г. Его мемуары охватывают период с середины мая 1989 г. по август 1992 г. Их изучение даёт возможность составить более объективное представление о международных контактах сербского руководства на начальном этапе усилий по урегулированию югославского кризиса и лучше понять отдельные аспекты отстаивавшихся им позиций в ходе переговоров. Помимо этого, оно позволяет получить представление о том, что двигало, с точки зрения Белграда, представителями Европейского сообщества.

Определённый интерес представляют мемуары прокурора Международного трибунала по бывшей Югославии в 1999-2007 гг. Карлы дель Понте. Они помогают проследить, как вопрос о выдаче в Гаагу сербских военных и государственных деятелей превратился в руках международного сообщества в орудие постоянного давления на сербское руководство.

Для реконструкции внутривнутриполитических процессов в Сербии в начале «нулевых» годов очевидную важность представляют сборники статей и выступлений одного из лидеров Демократической оппозиции Сербии и Демократической партии, убитого 12 марта 2003 г., премьер-министра Зорана Джинджича. Общеизвестно, что он был наиболее последовательным сторонником европейской интеграции Сербии, настроенным на жесткое реформирование и отказ от национальной сербской идеи. Системное представление о его публичных выступлениях и философии, которая объясняет не только его личную позицию, но и реализуемый при нем политический курс, даёт сборник его статей «Сербия на пути в Европу»⁵. Качественный анализ институциональных реформ в Сербии и трудностей евроинтеграции содержится в собрании статей соратника З.

⁵ Đinđić Z. Put Srbije u Evropu. Beograd: Drasler partner. 2005. 416 str.

Джинджича и неизменного члена четырёх коалиционных правительств Сербии Б. Джелича⁶.

Под углом зрения настоящего исследования интерес представляют мемуары американского посла в Белграде в период 1989-1992 гг. У. Циммерманна. Их автор описывает живую картину первой стадии активной фазы конфликта в бывшей Югославии, раскрывает причины неудачи реформы правительства Анте Марковича, в целом довольно красочно передает эмоциональный контекст югославского кризиса.

Вопросам евроинтеграции Юго-Восточной Европы, особенностей интеграционной политики ЕС в отношении региона, в целом разным аспектам сотрудничества и взаимодействия Югославии, а затем стран региона с Европейским союзом и другими международными акторами посвящено большое количество *материалов в периодических изданиях*. Автор диссертационного исследования использовала материалы как отечественных, так и зарубежных СМИ с начала 1990-х гг. до настоящего времени.

Однако особую ценность в данной категории источников применительно к рассматриваемым проблемам имеет тематическая подборка материалов югославской прессы по вопросам взаимоотношений с Европейским сообществом, составленная автором в Архиве издательского дома «Борба» и охватывающая период с конца 1980-х по 2008 гг.

В работе весомо использованы также материалы, опубликованные в периодических изданиях и прессе, в частности газетах «Политика», «Данас», «Борба», «Vreme», еженедельнике «НИН» в период с начала 1970-х до 2000 гг., собранные автором в Народной библиотеке Республики Сербии. По комплексу современных внутренних и внешних процессов в регионе крайне полезными оказались публикации электронного новостного и аналитического ресурса Balkan Insight.

Использованные в диссертации источники являются многоаспектными. Они высвечивают исследуемые в ней проблемы под самыми разными углами зрения. Конечно, они отличаются разной степенью достоверности. Вместе с тем, они содержат более чем достаточную информацию для того, чтобы их критический анализ и комплексный подход к их изучению позволили полным и объективным образом решить задачи, поставленные в диссертационном исследовании.

Степень научной разработанности темы

Специфика внутренних и внешних балканских процессов и их международного контекста изучены в мировой историографии очень неравномерно.

⁶ Ђелић Б. Када ће нам бити боље. Београд: Службени гласник: Б-92. 2006. –267 стр.

В отечественной науке огромное внимание уделяется истории Балкан, советско-югославским отношениям, причинам распада югославской федерации, самому югославскому кризису и роли отдельных стран в его урегулировании, некоторым аспектам внутривосточных трансформаций в странах региона, преимущественно до 2013 г. Европейская интеграция бывших югославских республик в целом рассматривается как часть евроатлантической. Больше внимание уделяется вопросам «технического» сближения региона с ЕС. В зарубежной науке вопросы, связанные с осознанием цивилизационной роли Балкан, различными аспектами их более ранней истории, исследованием югославского кризиса, также хорошо изучены. В отношении европейской интеграции основная масса работ посвящена анализу и оценкам европеизации региона. Труды, которые бы затрагивали отдельные вопросы влияния «третьих» стран в контексте европейской интеграции Балкан, только начинают появляться. При этом ни в отечественной, ни в зарубежной науке не существует работ, где бы полностью прослеживалась эволюция взаимоотношений Европейского союза с постъюгославским пространством – от торгово-экономических соглашений второй половины прошлого века через травматичный распад федеративного государства в условиях существенного влияния внешнего фактора – до современных интеграционных процессов в регионе. Значительная часть трудов, использованных при подготовке диссертации, вводится в научный оборот в нашей стране впервые. Литературу, в которой нашли отражение объект и предмет исследования, можно подразделить на несколько тематических разделов.

Работы, посвященные истории политического и экономического взаимодействия рассматриваемых акторов:

Несмотря на то что Югославия была первым социалистическим государством, начавшим практическое сближение с Европейским сообществом, в отечественной и мировой историографии практически нет работ, посвященных их взаимодействию в период до распада СФРЮ и интернационализации югославского кризиса. Среди научных трудов, косвенно затрагивающих проблематику взаимоотношений Югославии с Западной Европой, можно выделить монографию сотрудника Института славяноведения РАН Б. С. Новосельцева «Внешняя политика Югославии 1961 – 1968 гг.», в которой рассматриваются вопросы взаимоотношений Белграда с отдельными западноевропейскими странами в контексте его роли в «движении неприсоединения»⁷. Применительно непосредственно к отношениям СФРЮ и ЕЭС отдельного внимания

⁷ Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии 1961 – 1968 гг. М.: Институт славяноведения. 2015. 352 С.

заслуживают работы Бенедетто Заккарии⁸. При этом фактически единственным фундаментальным исследованием является его монография «Политика ЕЭС в отношении Югославии в период холодной войны, 1968-1980». Остальные статьи и публикации, подготовленные им, включая вторую приведенную здесь книгу, являются переизданием отдельных параграфов труда 2016 г. Необходимо отметить, что в монографии активно используются неопубликованные материалы Европейской Комиссии и Архива Югославии, а сама она представляет подробную историческую реставрацию переговоров югославской стороны с Брюсселем в рассматриваемый период.

Другим заметным трудом, охватывающим взаимоотношения СФРЮ и ЕЭС в качестве отдельной главы исследования, стала монография Бранислава Раделича⁹ «Европа и распад Югославии: роль негосударственных акторов и европейской дипломатии». Тем не менее, гораздо больший упор в труде делается на роли медиа, диаспоры, проживающей на территории ЕС, и католической церкви в распаде Югославии, чем на собственно эволюцию взаимодействия ЕЭС и СФРЮ.

Несомненный интерес для понимания отношений между СФРЮ и ЕЭС периода 1970-х гг. представляют статьи Патрика Артизье¹⁰, опубликованные в соавторстве с другими исследователями в начале 1980-х гг. Столь же интересными представляются работы видного югославского экономиста Оскара Ковача¹¹, изданные на изломе 1980-1990-х гг. Для данного диссертационного исследования они оказались полезными в плане освещения текущих аспектов функционирования югославской экономики. Они много дали также для понимания того, как экономисты видели будущее развитие внутренних процессов в СФРЮ и то, в каком направлении Югославия должна и может трансформироваться, чтобы адекватно отвечать на начавшиеся трансформации в Западной Европе.

Некоторые аспекты внешнеторгового и правового взаимодействия ЕЭС и СФРЮ были отражены в югославских научных журналах того периода. Особо следует выделить такие, как «Международные проблемы»¹² и «Экономическая мысль»¹³. Они получили

⁸ Zaccaria B. The EEC's Yugoslav Policy in Cold War Europe, 1968—1980. L.: Palgrave Macmillan. 2016; Zaccaria B. Under the Shadow of the Soviet Union: the EEC, Yugoslavia and the Cold War in the long 1970s. //The Balkans in the Cold War edited by Svetozar Rajak, Konstantina E. Botsiou, Eirini Karamouzi, Evanthis Hatzivassiliou. Palgrave Macmillan. 2017.

⁹ Radeljic B. Europe and the Collapse of Yugoslavia: The Role of Non-State Actors and European Diplomacy. L.: I. B. Tauris. 2012.

¹⁰ Artisien P. and Buckley P. Joint ventures in Yugoslavia: opportunities and constraints // Journal of International Business Studies. Vol. 16. No.1. 1985. pp. 111-135; Artisien P., Holt Stephen Yugoslavia and the E.E.C. in the 1970s // Journal of Common Market Studies. Volume 18. Issue 4. June 1980. pp. 355 -369.

¹¹ Kovač O., Evropa 1992. Moguće posledice i opcije za Jugoslaviju Beograd: Savremena administracija. 1990.

¹² Đurđević O. Hronologija odnosa SFRJ – EEZ 1962 – 1986 // Međunarodni problem. N 2-3. Mart 1987. Jovanović S. Mogućnosti i granice unapređivanja odnosa Jugoslavije i Evropske ekonomske zajednice // Međunarodni problemi. 1987. N4. Kovačević G. Spoljnotrgovinska saradnja Jugoslavije sa EEZ. // Međunarodni

освещение также в отечественном обзоре, подготовленном в 1990 г. сотрудниками АН СССР и изданном ИНИОН АН СССР в начале 1991 г. – «Опыт друзей: реформы конца 80-х годов в Югославии»¹⁴.

В связи с недостаточной исследованностью вопроса взаимоотношений Югославии и ЕЭС в период с момента установления дипломатических отношений до начала распада СФРЮ политологическая реконструкция основных этапов и контекстов их взаимодействия проводилась в опоре на неопубликованные документы и материалы периодических изданий указанного исторического периода.

Работы, посвященные причинам распада Югославии, югославскому кризису и политике международного сообщества, в частности Европейского союза в отношении его урегулирования:

Центральное место в изучении процессов в Югославии в отечественной науке принадлежит Институту славяноведения РАН. Одним из крупнейших исследователей, изучавших югославский кризис, был член-корреспондент РАН В. К. Волков¹⁵, в 1987-2004 гг. возглавлявший Институт славяноведения РАН. Особый интерес представляют две его наиболее известные работы, ставшие отечественной «классикой» в изучении балканского феномена конца XX века: сборник «Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы» и статья «Трагедия Югославии», впервые опубликованная в 1994 г. «Узловые проблемы» в части исследования югославского кризиса посвящены описанию его истоков и анализу процесса международного миротворчества в контексте общебалканских и общеевропейских проблем. При этом в книге даются точные характеристики того, какое влияние югославский кризис оказал на современную нам архитектуру международных отношений. В статье «Трагедия Югославии» В. К. Волков исследует миротворческий опыт Запада, акцентируя внимание на выявлении противоречий между этно-национальными реалиями постбиполярного мира и основными постулатами международного права. При очевидной критике западного интервенционистского, силового подхода, В. К. Волков вполне четко обрисовывает, почему в действительности регион требует более взвешенного и согласованного международного подхода.

problem. broj 2-3. 1987; Marković M. Pravni aspekti protekcionizma sa posebnim osvrtom na odnose SFRJ – EEZ // Doktorska disertacija. Novi Sad. 1990.

¹³ Ekonomiska misao 2, Beograd, jun. 1986.

¹⁴ Опыт друзей: реформы конца 80-х годов в Югославии. Выпуск 2. М.: ИНИОН АН СССР. 1991. 210 с.

¹⁵ Волков В. К. Трагедия Югославии (1991-1995)// Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик. 2000; Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик. 2000.

Наиболее детально, с уделением внимания отдельным деталям и эпизодам распада СФРЮ, югославский кризис анализируется в работах руководителя Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН Е. Ю. Гуськовой¹⁶. Е. Ю. указывает, что антикризисные действия ЕС не были успешными, а также, что Европейский союз не смог продемонстрировать свою акторность в урегулировании кризиса. Кроме того, Е. Ю. Гуськова утверждает, что международное посредничество и силовой вариант урегулирования конфликта не могли развязать узел балканских противоречий и решить существующие проблемы. Фундаментальным трудом, где раскрываются данные положения, стала монография автора под названием «История югославского кризиса (1990-2000)»¹⁷. Концепция Е. Ю. Гуськовой и после выхода монографии нашла развитие в более поздних работах автора, в том числе посвященных уже следующему этапу взаимодействия Европейского союза со странами региона¹⁸.

Среди обобщающих трудов, также подготовленных Институтом славяноведения РАН, можно выделить исследование «Югославия в XX веке. Очерки политической истории», отдельные главы которого написаны Е. Ю. Гуськовой и К. В. Никифоровым. Последний справедливо отмечает важность западного вмешательства в югославский кризис (в первую очередь со стороны США и НАТО), которое привело, в том числе, к изменению системы международной безопасности и натоизации постъюгославского пространства.

Принципиальное значение для данного исследования имеет кандидатская диссертация В. С. Глушко «Политика Европейского союза в отношении югославского кризиса (1991-1995 гг.)»¹⁹. Она была защищена в Уральском государственном университете в 2002 г. Её автор подробнейшим образом исследует роль ЕС в развитии и урегулировании югославского кризиса до 1995 г..

На основе изучения огромного эмпирического материала он приходит к выводу о том, что кризис на Балканах наложился на переход Европейского политического сотрудничества к Общей внешней политике и политике безопасности, осложненный отсутствием у ЕС опыта и действенных механизмов урегулирования подобного рода конфликтов. К этому важно добавить противоречия между национальными интересами отдельных стран-членов. В своей совокупности, как он считает, это привело к провалу

¹⁶ Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М.: ИНИОН. 1998.

¹⁷ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право. 2001.

¹⁸ Гуськова Е. Ю. Вооружённый конфликт и политическое урегулирование: Кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Часть 1. // Новая и новейшая история. 2016. № 6.

¹⁹ Глушко В. С. Политика Европейского Союза в отношении югославского кризиса (1991-1995 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Екатеринбург. 2002.

миротворчества Союза. В результате центр принятия решений в 1994 г. сместился к США и НАТО.

Данная работа, дополненная диссертационными исследованиями и научными статьями других отечественных ученых, посвященными роли и месту отдельных стран-членов в югославском кризисе²⁰, позволила при написании настоящего диссертационного исследования выработать комплексное видение позиции ЕС по югославскому кризису. Эволюция этой позиции прослеживается от периода попыток сохранения целостности СФРЮ до провала миротворчества и формирования собственного подхода к стабилизации региона, реализации которого не противоречила операция НАТО против Югославии в 1999 г., что и стало основной причиной «антисербского» консенсуса евроатлантических партнеров.

Среди трудов зарубежных исследователей можно также выделить ряд «классических» работ, традиционно используемых при изучении разных аспектов югославского кризиса, а также несколько исследований, вышедших в последние годы. В ряду первых работ можно отметить монографию С. Вудвард «Балканская трагедия: хаос и распад после холодной войны»²¹. Автор полагает, что главной причиной кризиса конца 1980 – начала 1990-х гг. стал крах политических и демократических преобразований, обусловленный последствиями несбалансированности рыночных реформ и деструктивной политикой международного сообщества. В работе также воспроизводится динамика югославского кризиса, рассматриваются проблемы межэтнического противостояния. В том, что касается Европейского союза, С. Вудвард приходит к неутешительному для него выводу о том, что «политика признания» на основе самоопределения была не просто

²⁰ Абрамов А. В. Подход к урегулированию этнополитических и этноконфессиональных конфликтов на постюгославском пространстве // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. 2006; Андреева Т. Н. Англо-французское сотрудничество в политических интеграционных процессах Западной Европы (1980-е – 1990-е). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2001; Барабанов О. А. Европейское сообщество и югославский кризис 1990-1993 гг. // Омский научный вестник. 2013. № 2 (116). Барабанов О. А. Послевоенные формы внешнего вмешательства в кризисные процессы на территории БиГ (1995–2008) и СРЮ (1999–2008). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2018; Белякова Т.В. Внешняя политика Германии в отношении Европейского Союза после прихода к власти кабинета Г. Шрёдера // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 3. С. 255-264; Гросс Е. Н. ФРГ и Балканский кризис на рубеже XX – XXI вв. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тула. 2007; Меден Н. К. Роль Германии в признании и становлении независимого Косово // Косово: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев; предисл. Р. С. Гринберг). СПб.: Алетейя. 2012; Павлов Ю. Роль Германии в Балканском кризисе // Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. М.: Добросвет. 2000; Рубинский Ю. И. Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта // Косово: международные аспекты кризиса. Под редакцией Д.Тренина и Е.Степановой. М: Московский Центр Карнеги. 1999; Стрельцова Я. Р. Почему Франция признала независимость Косово? // Косово: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев; предисл. Р. С. Гринберг). СПб.: Алетейя. 2012.

²¹ Woodward S. L. *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington: Brooking Institutions Press. 1995.

крайне неуспешной, но и запустила «эффект домино». Такая политика сделала неизбежным в существующем историческом контексте острое межэтническое противостояние. В целом брюссельская дипломатия столкнула два основных принципа международного права, которые не могли применяться в отрыве друг от друга: право наций на самоопределение и территориальная целостность государств.

По-другому оценивает причины югославского кризиса Л. Коэн. В своей книге «Нарушенные обязательства»²² автор делает основной акцент на роли республиканских элит, адресуя именно им основную критику за обострение ситуации в СФРЮ. По мнению Л. Коэна, именно растущий республиканский национализм и неготовность пересматривать модель политического сосуществования в условиях специфического этно-национального исторического контекста спровоцировали распад Югославии. Политику ЕС в отношении урегулирования конфликта Л. Коэн характеризует как неудачную, пусть и основанную на благих намерениях импровизацию. Выделение этно-религиозных факторов в югославском конфликте и негативная оценка роли ЕС как актора, глубоко не вникавшего в суть югославских противоречий, в целом характерна для всей американской историографии. В данном отношении работа Л. Коэна представляется агрегированным выражением прочтения американцами истоков и причин югославского кризиса.

Кризис идеологии югославизма подробно анализируется в монографии А. Павковича «Распад Югославии: национализм в многонациональном государстве»²³. Выводы и оценки дипломатии ЕС, сделанные А. Павковичем, созвучны тем, к которым традиционно приходят европейские исследователи. Довольно подробно автор в своей работе объясняет, что неверная оценка природы югославского кризиса привела к тому, что Брюссель на начальном этапе кризиса практически не использовал механизм превентивной дипломатии. Этот подход в дальнейшем был развит в трудах С. Лукарелли, Д. Маролова, К. Бешку²⁴.

Среди второй группы работ, которых объединяет то, что они вышли в последнее время, можно выделить монографии хорватских исследователей Й. Глаурдича «Час Европы»²⁵ и М. Давора «Хорватия 1989-1992. Рождение государства»²⁶, а также ряд статей

²² Cohen, L.J. Broken bonds: Yugoslavia's disintegration and Balkan politics in transition / 2nd ed. / Boulder: Westview Press. 1995.

²³ Pavkovic A. The Fragmentation of Yugoslavia. Nationalism in a Multinational State. NY: Palgrave Macmillan. 1997.

²⁴ Beshku K., The European Union's Normative Role in the Dissolution of the ex-Yugoslavia: An underestimated contribution. // Law journal. January 2018. 5. Pp. 1- 15; Lucarelli S. The European Response to the Yugoslav Crisis Story of a Two-Level Constraint. // EI Working paper RSC No. 95-37. 1995; Marolov D. The EU policy towards the dissolution of Yugoslavia. Special emphasis on the EU policy towards the Republic of Macedonia. // Analytical journal. January 2012. 4(2) 22 p.

²⁵ Glaurdić J., Čas Europe: Zapadne sile i raspad Jugoslavije. Zagreb: Mate. 2011.

²⁶ Davor M. Hrvatska 1989.-1992. Rađanje države. Zagreb: Hrvatski institut za povest. 2017.

сербских исследователей Б. Аландара, П. Симича, Р. Накарады²⁷. Последние в большей степени посвящены разбору причин, приведших к распаду Югославии, а труды П. Симича, в частности – особой роли и позиции Германии и Франции в отношении югославского кризиса. Это объясняется в том числе тем, что автор был не только профессором факультета политических наук Белградского университета, но и видным югославским и сербским дипломатом, послом Сербии во Франции. Напротив, монографии М. Давора и Й. Глаурдича имеют несомненное значение для понимания хорватского видения как югославского кризиса и его причин самих по себе, так и роли международного сообщества в урегулировании балканских процессов в глазах Загреба.

Наконец, большую ценность для реализации задач данного исследования, связанных с изучением того, каким образом и насколько политика отдельных стран-членов разнилась или шла в русле европейской, представляет докторская диссертация Кристиана Джонса «Франция и распад Югославии»²⁸. На основе неопубликованных документов французского МИД автор комплексно исследует в ней политику Франции в отношении югославского кризиса. Особое внимание он уделяет вопросам её координации с немецкими, итальянскими партнерами и США.

В целом можно сказать, что отдельные аспекты проблемы югославского кризиса и роли международных акторов в его развитии и урегулировании изучены и в отечественной, и в зарубежной историографии относительно подробно. В этой связи основной задачей автора данного диссертационного исследования было на основе вышеприведенных работ и других источников показать, как различные этапы, провалы и достижения европейской дипломатии в югославском кризисе привели к формированию стратегии Европейского союза, направленной на стабилизацию и модернизацию Балкан посредством евроинтеграции.

Работы, посвященные отдельным аспектам взаимодействия ЕС со странами региона:

Среди публикаций отечественных исследователей, занимающихся современными проблемами европейских интеграционных процессов в странах Юго-Восточной Европы, центральное место занимают работы Е. Г. Пономаревой, П. Е. Канделя, А. А. Язьковой, А. А. Пивоваренко, Г. Н. Энгельгардта, автора настоящего диссертационного исследования (Е. Г. Энтина (Волкова)).

²⁷ Alendar B. Uloga Evropske Unije u jugoslovenskoj krizi // Jugoslavija i postbipolarni svet. Beograd. 2000; Nakarada R. Raspad Jugoslavije: problemi tumačenja, suočavanja i tranzicije. Službeni glasnik. 2008; Симич П. Пут у Рамбује. Београд: Неа. 2000.

²⁸ Jones C. D. France and the Dissolution of Yugoslavia. // Doctor thesis. University of East Anglia. 2015.

Профессор МГИМО (У) МИД России Е. Г. Пономарева²⁹ посвятила ряд работ политическому развитию постъюгославских стран, которые помогают осмыслить произошедшие в конце XX века события на Балканах в их исторической ретроспективе, сделать выводы о традиционности внутренних модернизационных процессов в регионе с активным участием внешнего фактора. Другие её работы посвящены исследованию внутренних процессов в современной Боснии и Герцеговине³⁰ и стали важным материалом при оценке успешности и пределов интеграционной политики Европейского союза в отношении этого образования, стоящего в ряду «стремящихся состояться государств», как оценивает его в своих трудах Е. Г. Пономарева.

П. Е. Кандель является ведущим отечественным специалистом по вопросам взаимодействия стран Балканского региона и Европейского союза, их интеграции в НАТО. В целом автор придерживается точки зрения³¹, согласно которой ЕС и не стремится включить регион в свои ряды, осознанно, по меньшей мере, последние десять лет ведет политику «кнута без пряника», формируя ситуацию, когда в «ЕС делают вид, что будут расширяться, а Балканы делают вид, что этому верят». Эта очень точно описанная П. Е. Канделем философия и составляет один из пределов интеграционной политики ЕС, совокупность которых анализирует автор настоящего диссертационного исследования.

Бесспорную ценность для понимания и освещения процессов внутривнутриполитических трансформаций в свете комплексного влияния на них внешнего фактора имеют работы

²⁹ Пономарева Е. Г. Новые государства на Балканах. М.: Издательство МГИМО-Университет. 2010; Пономарева Е. Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: Издательство МГИМО-Университет. 2007.

³⁰ Пономарева Е., Попадьева Т. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель. №11. 2018. С. 63-76; Пономарева Е. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 64-75; Пономарева Е. Г., Димитровска А. Противодействие терроризму и экстремизму. Опыт Балканских стран. Обозреватель. октябрь 2018. №10 (345). с. 37-54; Пономарева Е. Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 86-95.

³¹ Кандель П. Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО. 2011. № 1. С.77-86 ; О «цветных» и «бесцветных» революциях в Юго-Восточной Европе // Экспорт демократии» и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе. М.: Фонд исторической перспективы. 2017. С. 114 – 121; Кандель П. Е. Балканы: «Праздник непослушания» // Европейская аналитика. 2017 / Отв. ред. К.Н. Гусев. М.; СПб: Нестор-История. 2017. С. 142 – 152; Кандель П. Е. Балканы в ожидании Трампа // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. II. / Отв. редакторы Е.А. Маслова, О.Ю. Потемкина. М.: ИЕ РАН. 2017. С. 71 – 75; Кандель П. Е. Экспоненты политической альтернативы на Балканах // Партии и движения политической альтернативы в современной Европе [сб. ст.] / [отв. ред. В.Я. Швейцер]. М.: Ин-т Европы РАН. 2018. С. 128-132. (Доклады Института Европы, №357); Кандель П. Е. Западные Балканы между «Старой» и «Новой Европой»// Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях [сб. ст.] / [отв. ред. Л. Н. Шишелина]. XII международная конференция «Отношения стран Вишеградской четверки и Россия в новых геополитических реальностях». М.: Ин-т Европы РАН.2018. С.147-153. Кандель П. Е. Грозит ли Балканам дестабилизация? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т.62. №3. С.50-58. Кандель П. Е. Что нового в Стратегии ЕС на Западных Балканах? // Современная Европа. 2018. №5. С.17-24. Кандель П. Е. Брюссельские стратеги и балканские реалии //Совр. Европа. 2018. №7. С. 122-127.

(что является чрезвычайно важным для оценки успешности интеграционной политики ЕС и используемых для этого инструментов), посвященные трем странам региона – Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговине (конкретно Республике Сербской). На исследовании этих вопросов были сконцентрированы кандидатские диссертации А. А. Пивоваренко, Г. Н. Энгельгардта и Е. Г. Волковой (Энтиной), а также опубликованные по их результатам монографии³². Вклад в исследование общей проблемы евроинтеграции Балкан и их места в системе европейской безопасности представляют публикации научного сотрудника ИМЭМО РАН П. С. Соколовой³³.

Среди зарубежных исследователей современных процессов в Юго-Восточной Европе в контексте ее евроинтеграции, которых в массе своей огромное количество, особенно заметны работы Деяна Йовича, Димитра Бечева и Флориана Бибера. Хотя автор выделяет их одной строкой, ни в коем случае нельзя сказать, что данные исследователи придерживаются схожих точек зрения. Ф. Бибер³⁴ возглавляет центр по изучению Юго-Восточной Европы Университета в Граце (Австрия) и является представителем, скорее, парадигмы официального ЕС во взглядах на внутренние и внешние процессы в регионе. Его труды или работы, выпущенные под его редакцией, носят наиболее системный и комплексный характер: с одной стороны, он рассматривает «европеизацию» как явление, с другой – дает оценку внутренним трансформациям в регионе. Часть его исследований посвящена положению медиа и росту авторитарных тенденций на современных Балканах. В какой-то степени автор включает в свои публикации и анализ роли и места внешнего фактора в современных международных процессах в Юго-Восточной Европе. В центре его исследования находится прежде всего описание рисков и основных направлений,

³² Пивоваренко А. А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI вв. М. 2018; Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990-2006 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2015; Волкова Е. Г. Европейский Союз как фактор преобразования партийной системы Сербии на рубеже XX-XXI веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук, Екатеринбург. 2009; Волкова Е. Г. Еще один путь в Европу: от нерушимой Югославии к неделимой Сербии. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2011.

³³ Соколова П. С. Балканский регион: на пути к стабилизации // Год планеты. 2004. Ежегодник. С.363 -367; Соколова П. С. Балканская составляющая европейской безопасности. Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 11. С. 17-26; Соколова П.С. Влияние кризиса на политику расширения ЕС: Западные Балканы. Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты). Арбатова Н.К., Кокеев А.М., отв. ред. Москва. ИМЭМО РАН. 2013. С. 31-48; Соколова П. Евро-атлантическая ориентация Западных Балкан. Мировая экономика и международные отношения. 2016. т. 60. № 7. с. 37-47.

³⁴ Bieber F. Building Impossible States? State-Building Strategies and EU Membership in the Western Balkans // EU conditionality for the Western Balkans. Edited by Florian Bieber. London: Routledge. 2018; Bieber F. Patterns of competitive authoritarianism in the Western Balkans // Journal of East European Politics. 2018. Volume 34. Issue 3. Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1080/21599165.2018.1490272> (дата обращения 10.01.2020); Bieber F. Patterns of competitive authoritarianism in the Western Balkans // Journal of East European Politics. 2018. N 34 (3). pp. 337-354; Bieber F. Post-War Bosnia: Ethnicity, Inequality and Public Sector Governance. London: Palgrave. 2006; Bieber F., Irena Ristić I. Constrained Democracy: The Consolidation of Democracy in Yugoslav Successor States // Southeastern Europe. 2012. N 36 (3). pp. 373–397.

которых должна придерживаться политика ЕС, чтобы не допустить роста значимости внешнего фактора и «размывания» процесса евроинтеграции. В этой связи автор дает не всегда объективную картину состоянию, ресурсам, целям и задачам политики ЕС на Балканах, зачастую приукрашивая их.

Многочисленные статьи Д. Бечева, как и его монография³⁵, посвященная политике России в Юго-Восточной Европе, являют собой традиционный современный подход значительной части американских или американизированных интеллектуальных элит к оценкам политики ЕС и других международных акторов на Балканах. В целом он даёт очень критическую оценку как действиям Европейского союза в регионе в последние десять лет, так и собственно успехам балканских стран в процессе их трансформации. Вместе с тем Д. Бечев усиленно «предупреждает» регион и европейские политические элиты от роста влияния третьих сил и, прежде всего, России как основного «ограничителя» и «спойлера» европейской интеграционной политики.

Огромный вклад в разработку парадигм внутреннего развития стран бывшей Югославии внесли монографии и публикации Деяна Йовича, известного хорватского ученого сербского происхождения, профессора Университета в Стирлинге и Загребского университета, советника по международным вопросам бывшего президента Хорватии И. Йосиповича. Несмотря на свою вовлеченность в практическую политику, он остается в первую очередь добросовестным историком, которому присущи глубокие философские параллели и способность дать ретроспективный анализ этно-национальных процессов, характерных для региона, в их взаимосвязи с целями и задачами США, России, отдельных европейских стран. Его монография «Страна, которой больше нет: восхождение, кризис и распад «карделевской» Югославии» вкупе со статьями «1989: год, который с нами не случился», «Вступление в ЕС и восприятие внешних акторов» и др. дают возможность понять и оценить взаимосвязь внутренних и внешних процессов времен социалистической Югославии с современными³⁶.

³⁵ Bechev D. 2012. The Periphery of the Periphery: The Western Balkans and the Euro Crisis, ECFR Policy Brief, May, European Council on Foreign Relations. Режим доступа: URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR60_WESTERN_BALKANS_BRIEF_AW.pdf (Дата обращения 10.01.2020); Bechev D. Between Enlargement and CFSP: the EU and the Western Balkans // LSE European Foreign Policy conference 2-3 June 2004. London School of Economics. Режим доступа: URL: <http://www.lse.ac.uk/efpu/efpuconferencepapers2004/bechev> (Дата обращения 10.01.2020); Bechev D. The EU and Britain in the Western Balkans: Sustaining Cooperation after Brexit. Atlantic community. March 12. 2019. Режим доступа: URL: <https://atlantic-community.org/the-eu-and-britain-in-the-western-balkans-sustaining-cooperation-after-brexit/#> (Дата обращения 20.12.2019).

³⁶ Jović D. Jugoslavia: država koja odumrla: uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije: (1974-1990). Zagreb: Prometej. 2003; Jovic D. 1989: GODINA KOJA NAM SE NIJE DOGODILA. Politička misao. 07.12.2014. Режим доступа: URL: <http://politickamisa.com/1989-godina-koja-nam-se-nije-dogodila/> (Дата обращения 10.01.2020); Jovic D. Accession to the European Union and Perception of External Actors in the Western Balkans // Croatian International Relations Review. 2018. N 25 (83). pp. 6-32.; Jovic D. Croatia and the European Union: a long

Исследование современных процессов на Балканах, в том числе в контексте их сближения с Европейским союзом, а в особенности отдельных аспектов несостоявшейся европеизации, в частности, партийной трансформации, социально-экономического положения в странах региона, межгосударственного диалога и нормализации отношений, было бы неполным без обращения к работам исследователей из региона Юго-Восточной Европы. В этом плане приоритетного внимания заслуживают статьи Д. Релича, В. Джихича, Х. Бутковича, А. Хацкая, С. Марушича, Д. Мандича, Г. Нутчевой, П. Симича, С. Антонича, А. Врачич, С. Суботича, А. Гаича и пр.³⁷.

Однако, несмотря на обилие работ по отдельным аспектам европеизации стран бывшей Югославии, разбирающих успехи и провалы интеграционной политики ЕС в регионе, большая часть из них либо вырывает процесс евроинтеграции из общего контекста отношений Балкан и Западной Европы, либо представляет их в политизированном ключе. Это делает историографию по этой проблеме объемной, но не имеющей достаточной глубины и научной объективности.

Работы, посвященные политике региональных акторов в Юго-Восточной Европе:

В качестве акторов, имеющих региональное значение, чье присутствие отражается на реализации интеграционной политики ЕС на Балканах, автор настоящего диссертационного исследования рассматривает Турцию, Грецию и страны Персидского залива. Хотя их постановка в один ряд может являться предметом дискуссии, несомненно, что одним из факторов восприятия этих акторов другими внешними силами и самими народами рассматриваемого региона служит религиозный контекст. Кроме того, и Турция, и Греция, и страны Персидского залива считаются региональными акторами с

delayed journey // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2066. N 8 (1). pp. 85-103; Jović D. Hrvatski referendum o članstvu u Europskoj Uniji i njegove posljedice za smanjeni Zapadni Balkan // Anali hrvatskog politikološkog društva, 2012. Str.163 - 182; Jovic D. Problems of Early Post-Communist Transition Theory: From Transition from to Transition to. // Politička misao. 2010. N 47:5. pp. 44-68; Jovic D. Turning nationalists into EU supporters: the case of Croatia // Rupnik Jacques (ed.). The Western Balkans and the EU: 'the hour of Europe'. Chaillot Paper, 126. Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2011. pp. 33-45.

³⁷ Vracic A. The Way Back: Brain Drain and Prosperity in the Western Balkans // ECFR Report. 9 May 2018. Режим доступа: URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/the_way_back_brain_drain_and_prosperity_in_the_western_balkans#_ftn11 (Дата обращения 10.01.2020); Subotić Strahinja. Zapadni Balkan iz perspective Bregzita // CEP pogled. Novembar 2018. Режим доступа: URL: <https://cep.org.rs/wp-content/uploads/2018/12/Zapadni-Balkan-i-Bregzit.pdf> (Дата обращения 10.01.2020); Simić P. Teorija „bezbednosne zajednice” i širenje EU i NATO na Zapadni Balkan. Izazovi evropskih integracija // Časopis za pravo i ekonomiju evropskih integracija. 2011. N15 str. 35-45; Mandić, D. Anatomy of a refugee wave: Forced migration on the Balkan route as two processes // Europe Now Journal, 5 January 2017. Режим доступа: URL: <http://www.europenowjournal.org/2017/01/04/anatomy-of-a-refugee-wave-forced-migration-on-the-balkan-route-as-two-processes/>. (Дата обращения 10.01.2020); Hackaj Ardian, Madhi Gentiola, Hackaj Krisela. MONITORING THE BERLIN PROCESS: FROM PARIS TO TRIESTE // Working Paper “Berlin Process Series” Berlin Process. 2.2017; Džihic V., Dieter S. Lessons from ‘Post-Yugoslav’ Democratization. Functional Problems of Stateness and the Limits of Democracy // East European Politics and Societies. 2012. N. 26 (2). pp. 239–253; Гајић А. С. Евроатлантске Интеграције, Србија И Западни Балкан После „Брегзита“: Геополитичке Околности. // Политика националне безбедности. 2018. 14 (1). Стр. 123-139.

потенциалом или амбициями роста как самостоятельного влияния в регионе, так и в связке с другими международными силами.

Среди отечественных работ, посвященных исследованию места современной Греции в международных отношениях, отдельно стоит выделить труды Ю. Д. Квашнина, в частности, сборник «Современная Греция в мировой экономике и мировой политике»,³⁸ вышедший в 2013 г. под его редакцией. В своих статьях, посвященных основному вопросу балканского направления греческой внешней политики, которым остаются греко-македонские противоречия³⁹, Ю. Д. Квашин приходит к выводу о том, что формальное заключение Преспанского соглашения между Афинами и Скопье вряд ли повлечёт за собой окончательное примирение. Он предупреждает, что мировое сообщество может стать свидетелем нового витка напряженности, связанного с ростом патриотических настроений в Греции (не только в результате «примирения» с македонцами, но и как следствие положения греков внутри ЕС). Вопросам политической истории Греции, в особенности периоду взаимосвязи внутренних и внешних процессов, посвящена книга А. Улуныяна «Политическая история Греции XX века»⁴⁰.

Вопросам «экономической дипломатии» Греции начала века посвящены кандидатская диссертация и статьи сотрудника Института Европы РАН Д. И. Зеликсона⁴¹. Рассматривая «экономическую дипломатию» на примере отношений Греции с Албанией и Македонией, исследователь справедливо выделяет её внеэкономические аспекты. Он приходит к выводу, что основными посылами активизации Греции в отношении своих северных соседей были обеспечение как места в новых геополитических реалиях, сложившихся после распада СССР, так и безопасности своих границ и внутреннего порядка, которые могли пострадать в результате негативных тенденций, сопровождавших развал Югославии.

Наряду с отечественными исследователями, в частности, Ю. Д. Квашниным, Д. И. Зеликсонем и П. С. Соколовой⁴², зарубежные авторы оценивает первую половину 1990-х

³⁸ Современная Греция в мировой экономике и мировой политике, Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. 2013.

³⁹ Квашин Ю. Д. Македонский вопрос в современной греческой политике. // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №2(63). С. 66 -74; Квашин Ю.Д. Преспанское соглашение и перспективы урегулирования вопроса о названии Македонии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №5. С. 47 - 53.

⁴⁰ Улуныян А. А. Политическая история Греции XX века: учеб. пособие / А.А. Улуныян. М. : Высш. шк. (ВШ). 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). 196 С.

⁴¹ Зеликсон Д. И. Интересы Греции на Западных Балканах. // Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность. Доклады Института Европы РАН. №363. Москва. ИЕ РАН. 2019; Зеликсон Д. И. Экономическая дипломатия как инструмент внешней политики Греции на Балканах // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. Институт Европы РАН. 2015.

⁴² Соколова П. С. Основные направления внешней политики Греции // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №8. С.84 -94.

гг. как проявление иррационального поведения Греции в отношении своих международных партнеров. Напротив, вторую половину 1990-х гг. и начало XXI века они описывают в качестве наиболее удачного периода современной внешней политики греческого государства⁴³.

Вопросам влияния вступления Греции в ЕЭС в 1981 г. на Юго-Восточную Европу посвящены работы Дж. Колиопулоса, С. Вриноса, Ф. Лэйребби⁴⁴, эффекту современного греческого кризиса на Балканский регион – труды Р. Панагиоту и А. Валвиса, М. Коппа, П. Гогаса и А. Димитриаду⁴⁵.

Несмотря на огромный исторический период османского господства на Балканах, исследований, рассматривающих современный период турецкого присутствия в регионе, не так уж много. Основная масса трудов посвящена анализу эволюции позиции Турции в югославском кризисе. Также геометрический рост количества публикаций по Турции и её политике в отношении соседних государств был связан с политической активностью одного из видных турецких политиков А. Давутоглу и возросшей популярностью идей неосманизма в практической политике Турецкой республики. Общим вопросам взаимодействия Турции и Европейского союза посвящены работы Ю. С. Кудряшовой и И. В. Кудряшовой и В. В. Матюхина⁴⁶.

Хотя аналитика по внутренней политике Турции в рамках данного диссертационного исследования может показаться не совсем уместной, на практике значительная часть балканской политики Турции опосредована именно внутренним фактором: в силу большого количества выходцев из стран региона и волн переселения Балканы стали важной частью всех избирательных циклов современной Турции. В этой

⁴³ Armakolas I., Triantafyllou G. Greece and EU enlargement to the Western Balkans: understanding an ambivalent relationship. // Southeast European and Black Sea Studies. 2017. No4(17). pp. 611 -629; Goumenas T. Greek Perception of the Balkans: Edgy Coexistence or Difficult Relationship? // UACES 35th Annual Conference and 10th Research Conference "The European Union: Past and Future Enlargements". Zagreb, 2005. Режим доступа: URL:

https://www.academia.edu/2298396/_Greek_Perceptions_of_the_Balkans_Edgy_Coexistence_or_Difficult_Relationship_ (Дата обращения 21.12.2019).

⁴⁴ Greece in the Road to Democracy: From the Junta to PASOK 1974 – 1986 / edited by Vryonius S. Jr. New York: Orpheus publishing Inc. 1991; Koliopoulos J. S. Greece and the Balkans: A Historical Perspective. // Southeast European and Black Sea Studies. 2002. № 3(2). pp. 25-38; Larrabee F. S. Greece's Balkan Policy in a New Strategic Era. // Southeast European and Black Sea Studies. 2005.No. 3(5). pp. 405 -425

⁴⁵ Panagiotou R., Valvis A. How is the sovereign debt crisis affecting Greece's relations with the Balkan countries and Greece's standing in the region? An initial impact assessment // ELIAMEP, 2014; Koppa M. The Greek Crisis and Its Repercussions on the Balkan Neighbourhood: The End of the Myth. // Special Issue: Deciphering the Greek Crisis: Issues, Failures, Challenges // Uluslararası İlişkiler / International Relations. 2018. No. 58(15). pp. 57 - 67; Gogas P., Dimitriadou A. Greek banks in the Balkans: The big crunch. // The Business Thinker. March 6. 2017. Режим доступа: URL: <https://businessthinker.com/greek-banks-in-the-balkans-the-big-crunch/> (Дата обращения 23.12.2019).

⁴⁶ Кудряшова И.В., Матюхин В. В. Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. 2013. № 3 С. 117 -136; Кудряшова Ю. С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М., Институт Ближнего востока. 2010.

связи определенную ценность представляла диссертация В. А. Аваткова⁴⁷, посвященная идеологическим аспектам изменений в позиционировании Турецкой республики, связанным с эволюцией Партии справедливости и развития.

Среди зарубежных авторов, исследовавших современную политику Турции на Балканах, значительную часть работ составляют труды, вышедшие из-под пера турецких авторов. В связи с большой поляризацией оценок философии правления Р. Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития внутри турецкого общества, изученные статьи в массе своей не лишены политизированных оценок (безотносительно в каком ключе) турецкой внешней политики. В общей массе публикаций заметно выделяется статья О. Керема «Между эмиграцией, деисламизацией и национальным государством: мусульманские сообщества на Балканах сегодня»,⁴⁸ где автор подробно раскрывает специфику мусульманских миграционных потоков на Балканах, а также особенности турецкого влияния среди балканских мусульман, разделенных как в языковом, так и в этническом плане. В этом же контексте особого внимания заслуживает докторская диссертация Х. Фазлича,⁴⁹ который, отстаивает редкую для Европы точку зрения о том, что никакой радикализации ислама в действительности на Балканах не происходит.

Под углом зрения оценок турецкой внешней политики в период югославского кризиса, крайне интересны работы Б. Демирташа, К. Бугареля и Д. Екинджи⁵⁰. При этом стоит отметить, что Б. Демирташ, в целом крайне негативно высказываясь по поводу тенденций внутреннего развития Турции, позитивно оценивает возможное влияние Анкары на европеизацию Балканского региона. В частности, он отмечает, что она соответствует долгосрочной евроатлантической ориентации Турции. Наконец, принципиально важное значение для осмысления того, каким образом А. Давутоглу пришел к концепции «нулевых проблем» в отношениях с соседями и вообще эволюции внешней политики Турции после распада биполярной системы международных отношений, имеет монография Д. Танасковича «Неоосманизм»⁵¹. В ней излагается

⁴⁷ Аватков В. А. Идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. МГИМО. 2013

⁴⁸ Kerem O. Between emigration, de-Islamization and the nation-state: Muslim communities in the Balkans today. // Southeast European and Black Sea Studies. June 2011. N11(2). pp. 155 – 171.

⁴⁹ Fazlic H. Islam in the successor states of former Yugoslavia – religious changes in the post-communist Balkans from 1989 – 2009. // PhD Thesis. University of Birmingham. 2011.

⁵⁰ Bougarel X. The Role of Balkan Muslims in Building a European Islam // Zurich: European Policy Centre. Режим доступа: URL: <http://www.isn.ethz.ch/isn/Digitallibrary/Publications/Detail/?ots591=0c54e3b3-;> Ekinici D. Turkey and the Balkans in the post-cold war era: Diplomatic, Political, economic and military relations. // PhD Dissertation. Bilkent University. 2009; Demirtas B. Turkish foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. N17:2. pp. 123 – 140.

⁵¹ Танаскович Д. Неоосманизм: доктрина и спољнополитичка пракса. Друго, допуњено издање. Београд: Службени гласник. 2011. 160 стр.

традиционная сербская точка зрения на амбиции турок в регионе. Вместе с тем она даёт очень четкое определение «неоосманизма» и прослеживает его эволюцию.

Вполне органично в диссертационном исследовании рассматривается фактор влияния стран Персидского залива в странах бывшей Югославии, зародившегося в результате сближения А. Изетбеговича с лидерами иранской исламской революции, которое заметно укрепилось в ходе конфликта в Боснии и Герцеговине и Косовского кризиса. Как ряд отечественных, так и зарубежных исследователей придерживается традиционной точки зрения о том, что основную часть арабского присутствия на Балканах составляет стратегия распространения радикального ислама⁵².

Не оспаривая ее справедливость в общих чертах, автор настоящего диссертационного исследования стремится показать, что религиозный фактор и создание ячеек радикального ислама в Европе не являются на сегодняшний день основной стратегией проникновения арабов в регион. Она поменялась. На это указывает анализ внешнеполитических и внешнеэкономических интересов стран Персидского залива в других регионах мира, а также структура их инвестиций и торгового оборота. Приведенные выводы обосновываются с опорой на анализ структурных недостатков и потребностей экономик стран Залива, разбираемых в статье Е. С. Бирюкова,⁵³ межправительственного подхода, на основе которого строит свои заключения касательно отношений стран Залива с Балканами Назиф Мандаци,⁵⁴ обзора присутствия арабов в регионе, дающегося в аналитической записке В. Лильяновой⁵⁵.

Следует отметить, что роль и место Турции, Греции и стран Персидского залива во внутреннем и внешнем развитии стран бывшей Югославии изучены достаточно хорошо, когда речь идет о югославском кризисе. Иначе дело обстоит в отношении более позднего периода. Так, греческий фактор в период после 2010-х гг. и как воздействующий на

⁵² Deliso C. *ThecomingBalkanChaliphate. The Threat of Radical Islam to Europe and the West*. London: Westport, 2007; Initiatives to Prevent/Counter Violent Extremism in South East Europe // Regional Cooperation Council. 2016. Режим доступа: URL: [https://www.rcc.int/download/pubs/RCC-CVE-Case-Study%20\(3\).pdf/88adfd3c5fd8007d87bfc2e7ecba2cc2.pdf](https://www.rcc.int/download/pubs/RCC-CVE-Case-Study%20(3).pdf/88adfd3c5fd8007d87bfc2e7ecba2cc2.pdf). (Дата обращения 10.01.2020); Kurop. M. *European Jihads: Al Qaeda's Balkan links* // Asian Wall Street Journal. Victoria, Hong Kong. 2001. N 1. Режим доступа: URL: <http://search.proquest.com.ezp-prod1.hul.harvard.edu/docview/315358268?accountid=11311> (дата обращения 10.01.2020); Pena C. *Al Qaida: the Balkans Connection* // Mediterranean Quarterly. 2005. N 16. pp.65 - 76; Rexhepi P. *Arab others at European borders: racializing religion and refugees along the Balkan Route* // Ethnic and Racial Studies. 2018. N 41:12. pp. 215-234; упоминавшиеся выше работы Е. Г. Пономаревой.

⁵³ Бирюков Е. С. *Инвестиции в земельные ресурсы как новый тренд в глобальном управлении и международных экономических отношениях (на примере инвестиций аравийских монархий)* // Международная торговля и торговая политика. 2017. № 4 (12). С. 134 -150.

⁵⁴ Mandaci Nazif *Western Balkans and the Gulf: Interregionalism in the making Mediterranean Politics Volume 23, 2018. Issue 3*.pp. 340 – 363.

⁵⁵ Lilyanova V. *Saudi Arabia in the Western Balkans* // European Parliamentary Research Service. 2017. Режим доступа: URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA\(2017\)614582_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA(2017)614582_EN.pdf) (дата обращения 10.01.2020).

европейскую интеграцию, и как самостоятельный феномен практически не рассматривается ни в отечественной, ни в зарубежной литературе.

Анализ турецкого присутствия на Балканах и влияния Анкары на европейскую интеграцию Балкан, даваемый в имеющейся литературе, в основном ограничивается периодом, предшествующим обособлению турок от общей евроатлантической линии с началом «арабской весны». Значение фактора присутствия стран Персидского залива для развития Балкан в принципе учитывается преимущественно только в связи с изучением религиозного экстремизма и терроризма. Однако структура арабских инвестиций в регион последних десяти лет свидетельствует о возникновении и развитии дополнительных элементов стратегии арабских стран на европейском направлении, преимущественно связанных с перспективой вступления стран бывшей Югославии в ЕС, в силу разных причин позитивно оцениваемой арабским миром.

Работы, посвященные политике России, США и Китая в Юго-Восточной Европе:

Все три рассматриваемые международные силы имеют довольно обширную историю взаимоотношений с Балканским регионом и ведут активную политику на постъюгославском пространстве на современном этапе, а Китай и Россия часто позиционируются западными исследователями как силы, подрывающие политику ЕС в Юго-Восточной Европе. Тем не менее, отечественная и зарубежная историография посвящена в основном либо истории взаимоотношений, либо периоду югославского кризиса.

Для осмысления истоков американской политики на Балканах крайне полезными оказались кандидатские диссертации А. А. Хортова⁵⁶ и А. С. Киясова.⁵⁷ Хотя название обеих предполагает изучение периода после распада биполярной системы международных отношений, чуть ли не половина текста работы А. Киясова обращена к исследованию американской политики на Балканах с конца XIX века до завершения холодной войны, а отдельная глава у А. Хортова – отношениям США и СФРЮ периода холодной войны. Из представленных исследований становится очевидным, что американская позиция в годы гражданских войн на пространстве бывшей Югославии была продиктована не сиюминутными амбициями и тактическим видением ситуации. На неё повлияли предубеждения, возникшие, в том числе, вследствие неудачного дипломатического опыта США на Балканах периода между двумя мировыми войнами, а также специфика взаимоотношений с Белградом в первой четверти XX века. Позиции США в югославском

⁵⁶ Хортов А. А. Политика США в боснийском конфликте и косовском кризисе: 1990-е гг. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль. 2011.

⁵⁷ Киясов А. С. Внешнеполитический курс США на Западных Балканах (1990-2000е гг.). // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань. 2012.

кризисе, ее флуктуациям, соотнесению с американскими задачами по линии НАТО посвящены уже упоминавшиеся работы К. В. Никифорова, а также Д. Шоллета, Л. Пулэна и И. Телеки, Дж. Петерсона, Г. Ксюдо⁵⁸. Осмыслению целей и задач самостоятельной политики США в Юго-Восточной Европе – два обобщающих сборника: «Америка и Балканы: записки президенту» и «Политика ЕС, США и ФРГ на Балканах»⁵⁹. Кроме того, немало для понимания американской политики на Балканах, внутренних дискуссий относительно путей и методов ее реализации, соотнесения с политикой евроинтеграции дали материалы слушаний в Конгрессе.

Применительно к исследованию роли КНР в Юго-Восточной Европе сложно говорить о какой-то наработанной или обширной историографии вопроса. Несмотря на то что сино-балканским отношениям периода холодной войны посвящено немало работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, их оценки очень сложно применить к современной внешней политике, реализуемой Китаем. Поэтому основная масса работ представлена в виде научных статей иностранных ученых (например, Зенели, Вангели)⁶⁰, в том числе сербских, которые восприняли появление Китая во внешнеполитическом поле как системообразующее событие, привлекающее внимание всех страт общества. Особенно стоит выделить статьи Д. Павличевича,⁶¹ который практически единственный начал концептуализировать политику КНР, предпринял попытку обобщить видение Пекина странами, по которым проходит «Пояс и Путь», через категории «угрозы» и «возможности». Среди отечественных работ, которых по китайским инициативам в последние годы вышло довольно много, применительно к задачам данного исследования

⁵⁸ Chollet D. *The Road to the Dayton Accords: A Study of American Statecraft*. Palgrave Macmillan. 2005th Edition. 2005. 272 P.; Poulain L., Teleki I. *U.S. Policy toward the Western Balkan // Western Balkan policy review 2010: a report of the CSIS* Lavrentis, ed. by Janusz Bugajski. 2010; Daalder I. H., O'Hanlon M. E. *The United States in the Balkans: There to Stay // The Washington Quarterly*. Autumn 2000. N23(4); Peterson J. *The US and Europe in the Balkans / Peterson J., Pollack M. (ed.) Europe, America, Bush: Transatlantic Relations in the Twenty-First Century*. N.Y., 2003. pp. 85-98; Xhudo G. *Diplomacy and Crisis Management in the Balkans: A US Foreign Policy Perspective*. NY: Macmillan Press Ltd. 1996.

⁵⁹ *America and the Balkans: Memos to a President* edited by Robert B. Zoellick and Philip D. Zelikow. W. W. Norton & Company, Inc; *Cooperation or competition? American, European Union and German policies in the Balkans* edited by Lily Gardener Feldman. *German Issues* 26. 2001.

⁶⁰ Vangeli A. *China: a new geo-economic approach to the Balkans // The Western Balkans in the World Linkages and Relations with Non-Western Countries*. Edited by Florian Bieber and Nikolaos Tzifakis. London: Routledge. 2019; Vangeli A. *Global China and Symbolic Power: The Case of 16+1 Cooperation // Journal of Contemporary China*. 2018. N 27:113. pp.674-687; Vangeli A. *China's Engagement with the Sixteen Countries of Central, East and Southeast Europe under the Belt and Road Initiative // China & World Economy*. 2017. N 25 (5). pp. 101–124; Zeneli V. *China's Balkan Gamble. Why is China investing so much in the debt-burdened Balkans? // The Diplomat*. 15.12.2014. Режим доступа: URL: thediplomat.com/2014/12/chinas-balkan-gamble/ (дата обращения: 20.12.2019).

⁶¹ Pavličević D. 'China Threat' and 'China Opportunity': Politics of Dreams and Fears in China-Central and Eastern European Relations // *Journal of Contemporary China*. 2018. N 27:113. pp. 688-702; Pavlicevic D. *China's New Silk Road Takes Shape in Central and Eastern Europe // China Brief*. Issue 1. 9 January 2015. pp. 9 -14. Pavlicevic D. *The Sino-Serbian Strategic Partnership in a Sino-EU Relationship Context // The University of Nottingham. Briefing Series*. April 2011. Issue 68. 12 P.

целесообразно отметить сборник «Китай и Восточная Европа»⁶². В нем панорамно описываются китайские проекты в регионе, дается информация по спектру транспортных маршрутов и их специфике. Однако многое из приводимых данных, хотя книга вышла в 2016 г., уже утратило актуальность. Все они посвящены оценкам инициативы «Пояса и Пути», перспективам её реализации, отчасти вопросам корреляции европейских и китайских инициатив в регионе.

Центральное место в изучении российской политики на Балканах, её интересов, особенностей реализации принадлежит российским ученым-балканистам: К. В. Никифорову, В. К. Волкову, С. А. Романенко, Е. Ю. Гуськовой, Е. Г. Пономаревой, А. А. Улуняну, Н. В. Бондареву, Г. Н. Энгельгардту, А. А. Пивоваренко и отчасти автору настоящего диссертационного исследования.

Различные аспекты российско-сербских, советско-югославских отношений, где особое внимание уделяется вопросам югославского кризиса конца XX века, рассмотрены в коллективной монографии «Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке»,⁶³ выпущенной в 2016 году Институтом славяноведения РАН. В ее подготовке приняли участие как российские, так и зарубежные (преимущественно, сербские) ученые.

В монографии «Сербия в XX веке» К. В. Никифоров⁶⁴ дает системную оценку усилиям российской дипломатии на изломе веков. Кроме того, автор предлагает обоснование того, почему 2003 г. – не раньше и не позже – стал переломным для отношений Москвы с Западом, что для современной отечественной историографии является нетривиальной, но, кажется, очень точной оценкой или, во всяком случае, имеющей под собой солидную систему аргументов. Параллели между распадом СССР и СФРЮ, а также явлениями, касающимися структурной общности двух федераций, проводит в своей монографии Сергей Романенко⁶⁵. Кроме того, автор описывает противоречия, которые возникали между Горбачевым М. С., а позднее Б. Н. Ельциным и С. Милошевичем. Это определенным образом объясняет шаги, предпринятые Россией в начале югославского кризиса, с точки зрения внутренних причин, а не только в парадигме общей «соглашательской» с Западом линии. Балканская политика России 1990-х гг.

⁶² Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / Отв. ред. В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН. 2016.

⁶³ Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. 400 С.

⁶⁴ Никифоров К. В. Сербия на Балканах XX век. М. Индрик. 2012. Никифоров К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН. 1999. 262 С.

⁶⁵ Романенко С. Между «пролетарским национализмом» и «славянским братством». М. 2011.

абсолютно всеми российскими исследователями оценивается исключительно в негативном ключе⁶⁶.

Современная внешняя политика России в Юго-Восточной Европе исследуется отечественными учеными А. А. Пивоваренко⁶⁷, Е. Г. Энтиной, Г. Н. Энгельгардтом и М. Саморуковым, а также зарубежными – Д. Бечевым, П. Стронски, Л. Коэном. При этом Пивоваренко, Энтина и Энгельгардт, анализируя эволюцию и конкретные инициативы России на Балканах, делают вывод о том, что Россия является единственной традиционной международной силой, которой, несмотря на большое количество реализуемых проектов в силу их разрозненности и отсутствия комплексной стратегии в отношении региона, грозит вытеснение. Им вторит Н. В. Бондарев⁶⁸, который весьма критически оценивает «мягкую силу» России на современном этапе, отмечая её, несомненно, богатейший потенциал и историческое значение для развития Балкан. Напротив, Саморуков, Бечев и Стронски⁶⁹ склонны видеть в России «спойлера», чьей основной задачей является затягивание разрешения проблемных вопросов постъюгославского наследия и замедления европейской и евроатлантической интеграции Балкан.

В итоге можно констатировать, что, вопреки огромной популярности темы европейской интеграции, а также исторической роли «великих держав» в регионе цивилизационного перекрестья, каким являются Балканы, и отношений между ними и в отечественной, и в зарубежной науке отсутствуют обобщающие исследования, подобные проведенному в данной диссертации и восполняющему этот пробел.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

⁶⁶ Романенко С., Улуян А. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла. / Т.6 / М.: Pro et Contra. 2001, №4.; Волков В. К. Балканы в системе геополитических интересов России // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М. Индик, 2000; Энгельгардт Г. Н. Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. №3. С. 27 - 41; Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990-2000) М.: Русское право. 2001.

⁶⁷ Пивоваренко А. Сербия становится Европой. // РСМД. 02.06.2015. Режим доступа: URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/serbiya-stanovitsya-evropoy/> (Дата обращения 21.12.2019); Пивоваренко А. Современная Россия на Балканах: «мягкая сила» через инвестиции. // РСМД. 16 мая 2014 г. Режим доступа: URL:http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3707#top-content (Дата обращения 19.12.2019).

⁶⁸ Бондарев Н. В. Россия на Балканах ходит как лунатик // Креативная дипломатия. 13.08.2019. Режим доступа: URL: http://picreadianalitika.ru/bondarev?fbclid=IwAR2_SGL5G5FFbBzvMSckSIckZ-opM2iODXp2uHDcC5_UXyoxhzWLg9NvnHc (дата обращения: 17.12.2019).

⁶⁹ Саморуков М. Противоречия России и ЕС на Балканах. В чем они и можно ли их преодолеть// Московский центр Карнеги. Режим доступа: URL: <https://carnegie.ru/commentary/77961> (Дата обращения 21.12.2019).

Bechev D. Russia in the Balkans: How should the EU respond? Policy Brief. // European Policy Centre. 12 October 2015; Bechev D. Rival power. Russia's influence in Southeast Europe. London: Yale University Press. 2017; Cohen L. J. Russia and the Balkans: Pan-Slavism, Partnership and Power // International Journal. 1994. N49(4). pp. 814-845.

- впервые в отечественной исторической науке и европеистике исследован опыт взаимоотношений ЕЭС и СФРЮ и выявлена взаимосвязь между историческими особенностями их взаимодействия и современными основаниями политики, проводимой ЕС в регионе Юго-Восточной Европы;

- в комплексе рассмотрена политика Европейского союза в исследуемом регионе с учетом фактора изменившейся геометрии международных отношений;

- показана роль всех значимых на современном этапе в Юго-Восточной Европе акторов международных отношений в преломлении к европейской интеграции региона;

- проведен системный анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на развитие региона как перекрестья интересов ЕС, других мировых и региональных игроков, под углом зрения их эволюции с середины 1960-х гг. по настоящее время;

- введено в научный оборот большое количество источников по теме исследования, ранее не использовавшихся в отечественной литературе.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в методологию исследования феномена интеграции в современном мире. Автор применяет конкретный подход к исследованию проблем международных отношений – теорию неоклассического реализма для анализа факторов, влияющих на европейскую интеграцию стран бывшей Югославии как имеющих среди всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы наиболее длительную и сложную историю взаимодействия с ЕС. На основе ее соединения с конструктивистскими теориями второго уровня предлагается авторский подход к рассмотрению современных интеграционных процессов.

Переосмысление и комплексное рассмотрение эволюции взаимодействия и интеграционной политики Европейского союза в отношении государств постъюгославского пространства является теоретической и практической основой для реформирования и конкретизации современных теорий интеграции. Подходы, примененные автором, позволили установить, каким образом трансформировались традиционные процессы интеграции, проходившие в условиях би-/однополярности, в контексте современной полиакторной архитектуры международных отношений, и предложить доработанный теоретический инструментарий на основе синтеза либерально-конструктивистских и реалистских подходов, позволяющий рассматривать внутреннее содержание современных интеграционных процессов в комплексе международных связей и факторов.

Практическая значимость работы

Использование результатов исследования возможно при разработке стратегической линии в отношении постъюгославского пространства и взаимодействия в Юго-Восточной Европе с ЕС, региональными и внерегиональными акторами. Результаты, к которым пришел автор, могут быть полезны при исследовании политики ЕС в отношении стран Восточного партнерства. Они также могут быть применены для анализа процессов интеграции в Средней Азии, Латинской Америке, разработки дальнейших интеграционных форматов в Евразийском экономическом союзе. Отдельные положения диссертации могут использоваться при выработке форматов международного взаимодействия по некоторым европейским досье, в первую очередь по проблематике Боснии и Герцеговины и Косовскому вопросу. Опыт политико-экономического взаимодействия различных международных акторов со странами бывшей Югославии может быть полезен для предприятий реального сектора экономики в процессе их входа на рынки Балканского региона и Европейского союза. Материалы диссертации могут использоваться в работе Министерства иностранных дел, Администрации Президента при выработке стратегии внешнеполитического присутствия России в Юго-Восточной Европе, отношений России с ЕС, США, КНР, РФ, Турцией и странами региона.

Эмпирический материал, выводы и результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории международных отношений, политологии, новейшей истории европейских стран, истории европейской интеграции, международным организациям. Основные положения диссертационного исследования могут быть включены в курсы по истории международных отношений, истории стран Юго-Восточной Европы, конфликтологии, широкому спектру дисциплин, посвященных Европейскому союзу и интеграционным процессам в мире.

Апробация исследования

Основные положения диссертации отражены в 51 публикации общим объемом 105,2 печатных листа. Диссертант выступала в качестве автора и соавтора в восьми монографиях (из них шесть коллективных и две индивидуальных, в том числе одна в качестве монографии, опубликованной Институтом Европы РАН). Основные результаты работы представлены в восемнадцати статьях в изданиях, рекомендованных или приравненных к ВАК (4 – в зарубежных журналах, индексируемых SCOPUS и Web of Science). Кроме того, шесть статей были опубликованы в зарубежных научных изданиях, индексируемых иными ведущими международными базами, апробированы пяти тезисах научных докладов (в том числе трех – в зарубежных изданиях), а также в десяти аналитических материалах (доклады, рабочие тетради, аналитические записки, статьи) в

крупнейших российских аналитических электронных ресурсах – Российском совете по международным делам и Международном дискуссионном клубе «Валдай».

Результаты докладывались на российских и международных научных конференциях и семинарах в России (в том числе, в рамках организации и модерирования секций, посвященных теме диссертационного исследования на Конгрессах Российской ассоциации международных исследований 2017 и 2019 гг., Апрельской конференции НИУ ВШЭ 2018, 2019, 2020 гг., научных семинарах и круглых столах в Институте Европы РАН), Сербии, Боснии и Герцеговине, Хорватии, Словении, Польше, Албании, Италии, Бельгии, Великобритании, Австрии, Германии, США, КНР.

Кроме того, результаты исследования были апробированы в рамках научных семинаров Дейвис центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета, на которых в ходе научно-исследовательской стажировки диссертант неоднократно выступала докладчиком (ноябрь 2018 г.); на закрытых экспертных сессиях, посвященных проблемам европейской и евроатлантической интеграции Балкан в Министерстве иностранных дел ФРГ (январь и декабрь 2019 г.), Министерстве обороны Австрии (февраль 2019 г.), Российском институте стратегических исследований (с участием представителей профильных департаментов МИД России).

Отдельные положения диссертации обсуждались в рамках экспертных встреч с Б. Йовичем (последний президент СФРЮ), Б. Лончаром (министр иностранных дел СФРЮ в период с 1987 по 1991 г.), Б. Тадичем (президент Сербии с 2004 по 2012 гг.), Б. Пахором (президент Словении), Х. Тачи (президент Косова), Ж.-К. Юнкером (Председатель Европейской Комиссии в 2014 - 2019 гг.), К. Эштон (Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности в 2009 – 2014 гг.), М. Палмером (Спецпредставитель США по Балканам), М. Джуричем (глава Канцелярии по Косову и Метохии Правительства Республики Сербия), А. Курти (глава Партии «Самоопределение», премьер-министр Косова) и др.

Диссертант с 2008 по 2012 гг. включительно проводила цикл лекций на тему «Политические трансформации в странах Юго-Восточной Европы в свете европейской интеграции» на зимних и летних школах Университета Приштины (Косовская Митровица). Начиная с 2012 г. и по настоящее время читает отдельные темы, рассматриваемые в диссертационном исследовании, в рамках дисциплин «Международные конфликты», «Международные организации», «Россия в современной системе международных отношений» по направлению подготовки «Международные отношения» (бакалавриат) в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы. Заявленная структура позволяет исследовать интеграционную политику Европейского союза в Юго-Восточной Европе в комплексе, не отделяя внутренние и внешние аспекты и факторы, влияющие на интеграционный процесс, от их теоретического осмысления.

Глава 1. Феномен европейской интеграции и его особенности в регионах полиакторности

Глава 1.1. Балканы как политически детерминированное пространство

Политическая детерминированность исторического процесса построения территориальных границ региона, который в разные периоды и у разных международных акторов имел названия «Балканы», «Балканский регион», «Балканский полуостров», «Европейская Турция», «Юго-Восточная Европа», «Западные Балканы» и др., традиционно вызывает у исследователей значительные сложности с использованием и обоснованием терминологии. Наличие большого количества разделительных линий (географических, государственных, этнических, интеграционных), а также вовлеченность в историко-политический процесс множества стран как внутри региона, так и внешних по отношению к нему, не позволяют четко определить границы региона. Однако это не редкость для исторической или политологической науки: такие же проблемы испытывают исследователи современного Ближнего Востока.

Как правило, ученые оперируют системой условных понятий, включающих различный набор стран в зависимости от политической контекстуализации. Часть этих понятий (Центральная и Юго-Восточная Европа, Балканский регион, страны бывшей Югославии как его ядро) являются традиционными для российской научной литературы. Другие (например, Западные Балканы) заимствованы из западного научно-политического нарратива и де-факто используются в российском экспертно-аналитическом сообществе.

На подобную дифференциацию повлияли не только разделительные линии, но также и то, что одновременно с вхождением в массовое употребление, как пишет М. Тодорова в монографии «Воображаемые Балканы»⁷⁰, понятие «Балканы» приобрело не только и не столько географическую детерминированность, но и общественно-культурное значение, превратившие его в сложный исторический феномен. В конце XIX – начале XX вв. термин «Балканы» приобретает политическую коннотацию. От него образуется определение «балканизация», признаком которой является не только создание мелких государств, но и то обстоятельство, что все балканские национализмы были окрашены великонациональной идеей, как правило, продвигавшей приоритет интересов каждого народа в ущерб соседним⁷¹. Хотя феномен «балканизации» находится за рамками данного диссертационного исследования, в связи с установлением географических рамок региона

⁷⁰ Todorova M. *Imaginary Balkans*. Zagreb: Ljevak, 2015. Str. 45-46.

⁷¹ Дмитриевич В. Югославский кризис и мировое сообщество // *Сербия о себе: Сборник/ сост. М. Иванович. М.: Европа. 2005. С. 40.*

важно отметить, что термин «Балканы» в результате приобрел негативную окраску для большинства внешних по отношению к региону акторов. Его употребление стало нежелательным и непопулярным и в самих Сербии, Хорватии, Черногории, Албании, Греции и т.д.

Географически к Балканскому полуострову принадлежат Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Греция, Северная Македония, Румыния, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория и европейская часть Турции. До середины XIX века определение «балканский», которое происходит от тюркского – «горный хребет», в привязке к полуострову было редко употребляемым. Как и в будущем, тогда, основу коннотации составляла культурно-цивилизационная принадлежность. Применялись прилагательные «эллинский», «иллирийский», «римский», «византийский». До Берлинского конгресса 1878 года наиболее частыми определениями были «европейская Турция», «европейское османское царство», «европейский Левант», «Ближний Восток». Сами турки также чаще называли эти территории «земли римлян», «османская Европа».

Только к концу XIX столетия определение «Балканы», «Балканский полуостров» запускается в оборот и получает широкое хождение. Однако практически параллельно с этим Теобальд Фишер реанимирует изобретенную полстолетия ранее германским дипломатом Йоханом Георгом фон Ханом дефиницию «Юго-Восточная Европа», которую последний употреблял как равнозначную «Балканам» и «Балканскому полуострову»⁷². Она становится все более популярной между двумя мировыми войнами как альтернатива скомпрометировавшей себя дефиниции «Балканы», которая в результате региональных процессов на изломе XIX–XX вв. и обретает вышеупомянутую негативную политическую коннотацию. «Юго-Восточная Европа» была призвана стать нейтральным, лишенным политического и идеологического контекста географическим определением, которое ставило бы точку на историко-политической дихотомии между Дунайской монархией и османскими Балканами. Чуть позднее, в первой четверти XX века термин «Юго-восточная Европа» начинает употребляться применительно к региону в США.

Однако в период после Второй мировой войны термины «Балканы», «Юго-Восточная Европа» становятся менее популярными в мировом масштабе применительно к текущим политико-экономическим процессам. Этому в первую очередь способствовали изменившиеся геополитические реалии и положение в них стран, географически относившихся к Балканскому полуострову. Одна часть Балканского полуострова оказалась включенной в капиталистический блок, другая считалась органическим

⁷² Todorova M. Op. cit. P. 54.

продолжением советской Восточной Европы. Внутри региона это в определенной степени разрывает представление об исторической и цивилизационной общности.

Внеблоковое положение Югославии, объединившей в себе значительную часть того пространства, которое ранее называли Балканами и/или Юго-Восточной Европой, впоследствии привнесло в научный и политический дискурс еще одно определение – «постъюгославское пространство» или «страны бывшей Югославии». Это территории, составлявшие единое государство, распавшееся по кризисному сценарию. При этом процессы, происходящие на территории бывшей Югославии на современном этапе, нерешенность части проблем, оставшихся в наследие в результате гражданских войн и распада 1990-х гг., оказывают ключевое влияние на общее развитие более широкого региона.

Применительно к данному диссертационному исследованию интеграционная политика ЕС в Юго-Восточной Европе рассматривается на примере государств постъюгославского пространства. Подобные рамки представляются обоснованными по, как минимум, двум обстоятельствам. Во-первых, именно с Югославией Брюссель имел институциональные отношения на предыдущем историческом отрезке. В этом плане другие страны региона – будь то Румыния или Болгария и отчасти Албания – такого принципиального значения не имели. Во-вторых, государства постъюгославского пространства представляют собой постконфликтную зону, где активность ЕС была наиболее высокой.

Распад биполярной системы международных отношений возродил проблему терминологического характера в отношении рассматриваемой территории. Можно говорить и о том, что устоявшаяся и общепринятая в мировом масштабе терминология в отношении региона за практически тридцать лет, прошедших с момента окончания холодной войны, не выработана. С одной стороны, это свидетельствует о состоянии современной архитектуры международных отношений, которая вслед за кратким периодом условной однополярности только начинает выстраиваться. С другой – отсутствие международного консенсуса по поводу политико-географической дефиниции и индифферентное отношение самих стран региона к тому, в каких границах его рассматривают в своих внешнеполитических стратегиях международные акторы, являются дополнительным доказательством того, что при всей внешней детерминированности региона европейской интеграцией, его реальное развитие в перспективе будет происходить в условиях подвижной геометрии международных отношений.

Именно поэтому употребление разных терминов в отношении одного и того же пространства, рассматриваемого в диссертации, является уместным. Оно отражает исторические, современные и будущие процессы в регионе. В диссертационном исследовании определения «Балканы», «Балканский регион», «Западные Балканы», «Юго-Восточная Европа» применяются исходя из того, каким образом их используют в своих доктринальных, научных и внешнеполитических построениях соответствующие международные акторы. При этом проблемным и, одновременно, ключевым ядром для всех рассматриваемых акторов являются страны бывшей Югославии.

Теоретики Копенгагенской школы Б. Бузан и О. Уэвер в начале 2000-х годов ответили на вопрос о возможности отнесения Балкан или Юго-Восточной Европы к отдельному региону отрицательно на основании отсутствия здесь мощной региональной или глобальной державы, являющейся основным «стейкхолдером» в области политики и безопасности (таким, какими США являются в Западном полушарии или Россия – на постсоветском пространстве). Военные конфликты 1990-х гг. трактовались ими как попытка создания автономной системы региональной безопасности, центральным элементом которой, по всей видимости, должна была стать СР Югославия (Сербия). Военное вмешательство НАТО в 1999 г. положило конец данным попыткам, а смена в 2000 г. режима в Сербии (как и в Хорватии) была воспринята как шаг в сторону более «европейского» («нормального») порядка вещей⁷³.

Таким образом, в начале 2000-х гг. Юго-Восточная Европа понималась теоретиками Копенгагенской школы как субрегион, являющийся неотъемлемой частью европейской системы региональной безопасности (regional security complex). К понятию «Балканы» авторы относили 8 стран: Хорватию, Боснию и Герцеговину, СР Югославию (Сербию и Черногорию), Македонию, Албанию, Болгарию, Румынию, Грецию. Понятие «Юго-Восточная Европа» включало 12 стран: «Балканы» плюс Словения, Венгрия, Турция, Кипр⁷⁴.

Эта трактовка является значимой в плане формулирования границ региона в видении США и ЕС и осознания посылов их внешнеполитических стратегий. Для США регион, включающий в себя государства бывшей Югославии, в первую очередь рассматривается в контексте его потенциала в рамках европейской системы региональной безопасности. Таким образом, натоизация региона выглядит логичным и закономерным завершением процесса выстраивания США своего присутствия в Европе. Вследствие

⁷³ Buzan B., Waever O. *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge University Press. 2003. P. 377-37. 395-396.

⁷⁴ Ibid. P. 379.

этого, при всей важности участия США и неоднозначности их роли в югославском кризисе, их политику, как и политику НАТО в странах бывшей Югославии не имеет смысла рассматривать как исключительно самоценную или движимую перспективой европейской интеграции региона. Поэтому для выполнения задач данного диссертационного исследования *место бывших югославских республик во внешнеполитической стратегии США необходимо рассматривать в контексте Центральной и Юго-Восточной Европы и отношений США с Грецией и Турцией внутри НАТО.*

В этой парадигме становится также понятным, почему *Европейский союз*, разработав в конце 1990-х гг. стратегию стабилизации Юго-Восточной Европы, не стал серьезно задаваться вопросом концептуализации границ региона, сформулировав его абсолютно *бюрократическое определение – Западные Балканы*, исходя из сугубо преходящих потребностей. Западные Балканы – регион, включающий в себя страны бывшей Югославии минус Словения плюс Албания. Спецификой данного термина является его подвижность. Так, Хорватия, вступив в 2013 году в Европейский союз, перестала относиться к региону Западных Балкан. Таким образом, данное определение можно считать временным, имеющим чисто техническое значение в рамках интеграционной политики ЕС. Тем не менее, его употребление по понятным причинам неизбежно в тех случаях, когда речь идет о политике Европейского союза в отношении региона после 2000 года.

Наиболее традиционным для *российской научной литературы* (речь идет об областях современной истории, международных отношений, регионоведения, экономики) является понятие Центральная и Юго-Восточная Европа. Оно включает в себя страны бывшей Югославии, Вишеградской группы, Болгарию, Румынию, а также в некоторой степени Албанию и Словению. Данное понятие возникло в годы холодной войны и включало группу социалистических стран. Группировка по этому принципу исключала из понятия Юго-Восточная Европа такие важные страны, как Греция и Турция, попавшие в сферу англо-американского влияния и ставшие в 1952 г. членами НАТО. Однако и в 1990-е и 2000-е годы термин «Центральная и Юго-Восточная Европа» сохранил свою актуальность: исследователи продолжили объединять эти страны в единую группу для изучения процессов экономической трансформации и в попытках найти общие моменты в области трансформации политической.

Существенным является цивилизационный компонент, заключающийся в том, что в понятие Центральная и Юго-Восточная Европа включались большей частью славянские страны. Вполне логично, что основные институты, где осуществляется подготовка

специалистов и ведутся исследования, имеют в своем названии понятие «славяне» (кафедра истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ, Институт славяноведения РАН). Однако при этом в область их интересов традиционно входит история Албании, Венгрии, Прибалтики, Австрии.

Следует подчеркнуть, что понятие Центральная и Юго-Восточная Европа (без учета Греции и Турции) характерно для исследований, занимающихся проблемами второй половины XX века. Если иметь в виду балканские исследования периода XVIII-XIX веков или первой половины XX века, то в данном случае понятие «Балканы» распространяют на пространство от дунайских княжеств на востоке (Молдавия и Валахия) до Греции на юге, включая, естественно, и зону соприкосновения Австрийской и Османской империи⁷⁵. Таким образом, академическое понимание региона адаптировалось к актуальным политическим изменениям и отражало задачи, стоявшие перед научным сообществом в тот или иной исторический период.

Сегодня подобные широкие границы региона, принятые в российском научном дискурсе, условны. Во-первых, распад социалистического блока и возникновение на месте двух федераций, Чехословакии и Югославии, целой группы стран, привели к тому, что рассматривать их как единое пространство стало практически невозможно. В современных условиях вряд ли целесообразно сравнивать процессы социально-экономического и политического развития, например, Польши и Румынии или Болгарии и Боснии и Герцеговины. Анализ актуальных событий внутри субрегиональных структур, например, результаты анализа событий в треугольнике Сербия–Северная Македония–Косово сложно применить к анализу структуры отношений внутри Вишеградской группы.

Во-вторых, результатом завершения процесса экономической трансформации стран Центральной и Юго-Восточной Европы стало углубление различий по уровню благосостояния между странами Центральной Европы (Вишеградская группа, а также Словения и Хорватия) и менее преуспевающими странами юго-восточного субрегиона.

В этой связи целесообразным представляется то, какими границы региона видят в российском дипломатическом ведомстве. Регионом Юго-Восточной Европы занимается 4-ый европейский департамент МИД России⁷⁶. В его ведении находятся 12 государств: Албания, БиГ, Сербия, Северная Македония, Черногория, Словения, Болгария, Румыния, Кипр, Хорватия, а также Греция и Турция. Странами Центральной Европы занимается другой, 3-ий европейский департамент МИД. В сферу его ответственности входят также

⁷⁵ Виноградов В. В. История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 1-6.

⁷⁶ Центральный аппарат // МИД России. Режим доступа: URL: http://www.mid.ru/about/structure/central_office (Дата обращения 10.02.2020).

Австрия, Швейцария, Германия и Лихтенштейн. Такое разделение является для МИД традиционным. Оно берет своё начало со времен Российской империи, когда Балканы относились к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел, в то время как европейскими странами занимался отдельный департамент⁷⁷.

С окончанием холодной войны и исчезновением «железного занавеса» произошло более активное вовлечение в балканскую проблематику **Греции** и возвращение **Турции** в политическом, социально-экономическом и инфраструктурном плане. Кроме того, свою роль играют современные процессы. Миграционный кризис 2015 г. наглядно продемонстрировал взаимосвязанность Греции с Турцией и другими соседними странами в вопросах логистики и взаимозависимость в контексте внешних гуманитарных вызовов. Соединение Греции с остальными Балканами предусмотрено и концептуальным планированием ЕС: согласно «Макрорегиональной стратегии» Европейского союза Греция вместе с Италией и республиками бывшей Югославии, относится к адриатико-ионическому макрорегиону, существующему наряду с балтийским, дунайским и альпийским макрорегионами⁷⁸. Проекты модернизации трансрегиональной транспортной системы (Коридор X) не исключают Грецию. Наоборот, они делают ее конечным государством большого транзитного маршрута. Таким образом, если Балканы стали ближе к Европе, то Греция стала ближе к Балканам. В свою очередь, Греция воспринимает регион как пространство возможностей, но в то же время, будучи членом Европейского союза, не считает себя его частью. Используя термин «Балканский регион» в отношении постъюгославских стран, Афины, во-первых, ограничивают интегрирующееся геополитическое пространство (в силу того, что иные термины слишком широки), а, во-вторых, исключает себя из него, подчеркивая свой европейский статус.

Что касается Турции, то ее возвращение в балканскую проблематику происходит с начала 1990-х годов посредством участия в стабилизационных миссиях в Боснии и Косово, затем – в связи с растущими показателями инвестиций и товарооборота, инфраструктурными проектами. Отдельным вопросом является культурное влияние Турции, выражающееся в создании мечетей и культурных центров (наиболее крупные в г. Бар, Черногория и Тиране, Албания), наличием диаспоры, составляющей, по

⁷⁷ Европейскими делами в Министерстве иностранных дел с 1832 г. занимался Департамент внешних сношений, в 1847 г. преобразованный в Особую канцелярию МИД. Азиатскими делами занимался созданный в 1819 г. Азиатский департамент МИД Российской империи.

⁷⁸ См. сайт Европейской комиссии. Раздел «Макрорегиональные стратегии» (Macro-Regional Strategies). Режим доступа: URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/cooperation/macro-regional-strategies/ (дата обращения 10.01.2020).

официальным данным, около 110 тыс. человек в 9 странах региона⁷⁹. Возможно, фундаментальным обстоятельством, связывающим Турцию с Балканским полуостровом, являются газотранспортные маршруты. Через территорию Турции должны пройти сразу два газопровода – собственно «Турецкий поток» и его продолжение, переходящее в газопровод ТАР (строительство которого на территории Греции и Албании завершено на 88%)⁸⁰. Таким образом, Турция собирает на своей территории основные энергетические активы и становится способной влиять на ситуацию на Балканах в области энергетической политики.

Наглядную связь турецкой проблематики с балканской показывает конфликт на шельфе Кипра. Заявление Никосии о том, что она будет блокировать расширение Евросоюза, если ЕС не окажет Кипру помощь в противодействии Турции⁸¹, показывает приближение восточно-средиземноморской повестки к Балканам. Как и Греция, Турция также применяет термин «Балканы» или «Балканский регион» в отношении постъюгославских стран. Употребление этого термина символизирует разделение турецкой политики в Юго-Восточной Европе (на политику в отношении стран ЕС и других), подчеркивая особые права Турции на влияние в регионе и, опять-таки, исключая Турцию из этого региона.

Возможно, объединение Юго-Восточной и Центральной Европы в единый комплекс станет актуальным в среднесрочной перспективе, с завершением реализации китайской инициативы «Пояса и Пути». Пекин создал проект «17+1», объединяющий европейское пространство от Таллина до Афин. Он воспринимается ЕС как прямой вызов концепции европейской интеграции. Согласно видению Китая, Центральная и Восточная Европа станут финальным участком «Пояса и Пути». Особую роль среди 17 стран объединения играет Сербия, которой Пекин отводит основную транзитную роль в Центральной и Восточной Европе. Объясняется это естественным географическим положением Сербии, расположенной на пересечении транспортных артерий европейского континента, историко-политической подоплекой китайско-сербских отношений и политическим статусом самой Сербии – самого крупного постъюгославского государства, не входящего в Европейский союз.

⁷⁹ Buyuk H.F., Clapp A., Nahhijaj S. // *Balkan Insight* .19.03.2019. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2019/03/19/diaspora-politics-turkeys-new-balkan-ambassadors/>(дата обращения 10.01.2020).

⁸⁰ Project Progress// *Trans Adriatic Pipeline*. Режим доступа: URL: <https://www.tap-ag.com/pipeline-construction/project-progress> (дата обращения 10.01.2020).

⁸¹ Greek Cyprus threatens to veto EU enlargement over row with Turkey // *Daily Sabah*. 18.06.2019. Режим доступа: URL: <https://www.dailysabah.com/eu-affairs/2019/06/18/greek-cyprus-threatens-to-veto-eu-enlargement-over-row-with-turkey> (дата обращения 10.01.2020).

В отношении региона Китай использует термин Центральная и Восточная Европа. Это объясняется характером китайской политики на данном направлении: Пекин продвигает трансрегиональный проект, призванный связать евразийские макрорегионы. В данном случае термин Центральная и Восточная Европа наиболее приемлем, так как включает в себя наибольшее количество государств.

Таким образом, акторы, проявляющие активность в регионе, – ЕС и его страны-члены, другие региональные и глобальные игроки – имеют свои собственные термины для обозначения региона, которые подчеркивают их отношение к нему и формируют нарративы о данном пространстве.

Для глобальных акторов – США, России, КНР – он, прежде всего, рассматривается как составная часть Юго-Восточной Европы и/или Центральной и Восточной Европы. В дискурсе региональных акторов и самого ЕС используются термины «Балканский регион» и эксклюзивное понятие «Западные Балканы». Подобным образом проводится черта между странами Европейского союза и иными, или же, как в случае, например, с Турцией и Грецией, помимо этого, обозначается их собственное «отмежевание» от соседей.

Наконец, в отношении региона употребляются и термины, имеющие коннотацию, отсылающую к вопросам безопасности, – «постъюгославское пространство» или «страны бывшей Югославии». Данные понятия применяются при описании нестабильности, конфликтности и исторического наследия этих государств. Кроме того, для характеристики прогрессирующей нестабильности и нарастающего конфликтного потенциала как в истории, так и в современности в западноевропейском нарративе используется термин «балканизация». Его негативная эмоциональная окраска стала одной из причин нежелания самих стран, географически принадлежащих к Балканскому полуострову, идентифицировать себя с Балканами.

Наличие множества разделительных линий, подвижность границ региона для внутренних и внешних акторов под влиянием эволюции системы международных отношений, негативная коннотация региона, связанная с его конфликтностью, кроме того, повлияли на складывание идентичности в странах Юго-Восточной Европы. В отношении них можно говорить о формировании национальных идентичностей, часто входящих в противоречие друг с другом, и отсутствии субрегиональной/региональной. Эту особенность можно рассматривать как одну из критических, оказывающих влияние не только на интеграционную политику ЕС, но и условия взаимодействия ЕС с другими акторами на данном пространстве.

Глава 1.2 Основные подходы к европейской интеграции и неоклассический реализм

Европейская интеграция представляет собой уникальный феномен международных отношений и является предметом множества научных дебатов. Интеграционные процессы на европейском континенте рассматривались как с точки зрения классических теорий международных отношений – реализма, либерализма, впоследствии конструктивизма – так и сами стали источником новых подходов в международных отношениях (функционалистского, межправительственного подхода, подхода многоуровневого управления). Кроме того, европейская интеграция исследовалась с точки зрения критических теорий, теории коммуникации, институционализма. В целом, среди подходов к европейской интеграции можно выделить несколько направлений: рационалистические / иррационалистические и государствоцентричные / транснациональные. В данном параграфе рассматриваются основные подходы к феномену европейской интеграции и оценивается их применимость в отношении интеграционной политики ЕС в Юго-Восточной Европе.

Неофункционализм

Неофункционализм является продолжением функционалистской теории европейской интеграции, выдвинутой Д. Митрани⁸². На фоне первых успехов европейской интеграции в 1950-е гг. неофункционализм, изложенный в работах Э. Хааса, получил широкое распространение⁸³. Ключевым элементом в теории неофункционализма является эффект перелива (spillover effect) – распространение интеграции из одной общественной сферы в другую из-за взаимосвязи данных сфер, что ведет к интеграции правового, политического и экономического пространства⁸⁴. В неофункционалистской теории создание наднациональных институтов влияет на изменение ожиданий и поведение социальных групп, что в свою очередь ведет к созданию транснациональных социальных групп и объединений, которые стремятся достигать своих целей через имеющиеся наднациональные институты⁸⁵. Эффект перелива же возникает в тот момент, когда достижению целей мешает отсутствие дополнительных наднациональных институтов.

Неофункционализм уступил первенство межправительственному подходу после периода «Евросклероза» 1970-х гг. Пустое кресло де Голля, казалось бы, отчетливо

⁸² Стрежнева М. В. Теории европейской интеграции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. Июль-сентябрь. С. 35.

⁸³ Sandholtz W., Sweet A. S. Neo-Functionalism and Supranational Governance. // The Oxford Handbook of the European Union, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012.

⁸⁴ Haas E. B. The Uniting of Europe. Stanford: Stanford University Press. 1958.

⁸⁵ Sandholtz W., Sweet A. S. op. cit. P. 36.

доказало незаменимость глав государств в вопросах интеграции⁸⁶. Однако подписание Маастрихтского договора и общие процессы глобализации подтвердили актуальность неофункционалистской теории. В настоящее время неофункционалистская теория представлена трехступенчатой моделью: транснациональная деятельность ведет к активизации наднационального управления, которое приводит к увеличению транснациональных обменов. Это, в свою очередь, формирует стремление к большему наднациональному управлению⁸⁷. Таким образом, эффект перелива достигается в областях, смежных с областями с высокой транснациональной активностью.

Крайне важную роль в неофункционализме играют институты. Европейские институты, такие как Европейская Комиссия и Европейский Суд, в своей сущности являются институтами, направленными на углубление интеграции и обладающие акторностью⁸⁸. Примером углубления интеграции наднациональными европейскими институтами является создание Европейской ассоциации венчурного капитала в 1980-е гг., которая впоследствии стала площадкой для возникновения новых фондовых бирж по всей Европе⁸⁹. В свою очередь, Европейский Суд своими решениями в 1960-1970-е гг. «конституционализировал» Римский договор 1957 г, заложив основы европейской «квазифедерации»⁹⁰.

Однако неофункционализм, будучи действенным инструментом анализа интеграции внутри Европейского союза, малоприменим в отношении Юго-Восточной Европы, где ЕС и его государства проводят свою политику вместе с другими глобальными и региональными игроками; облик региона исторически определялся и продолжается определяться именно государствами. Кроме того, эффекта перелива от транснациональных обменов не наблюдается; региональные институты не обладают акторностью и, в целом, не реализуют свой потенциал. Таким образом, неофункционализм, несмотря на аналитическую привлекательность в отношении европейской интеграции, не является действенным инструментом изучения интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе.

Межправительственный подход

⁸⁶ Бида Д. А. Люксембургское соглашение и кризис наднациональности в европейской интеграции в 60-е – 70-е годы XX века. // Издательство «Грамота», архив научных статей. Режим доступа: URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/7.html> (Дата обращения 21.02.2020).

⁸⁷ Sandholtz W., Sweet A. S. op. cit. P. 37.

⁸⁸ Ibid. P. 38

⁸⁹ Koen L. Constitutionalism and the Many Faces of Federalism. // American Journal of Comparative Law. 38. 1990.

⁹⁰ Posner E. The Origins of Europe's New Stock Markets. Cambridge. MA: Harvard University Press. 2009.

Межправительственный подход представляет собой еще один «классический» подход к изучению европейской интеграции. В отличие от функционализма, главным движущим актором интеграционного процесса являются государства. Изначально межправительственный подход был экстраполяцией реалистских постулатов на европейские интеграционные процессы в виду торможения европейской интеграции в 1960-1970-е гг. из-за противодействия национальных государств. Наиболее ярко подобная версия «реалистского межправительственного подхода» отразилась в работах Стенли Хоффмана, Уильяма Уолласа, Пола Тейлора⁹¹. Согласно сторонникам подхода, такие события, как создание Европейского Совета и Европейской валютной системы, были проявлением воли национальных государств⁹². Однако проблема данного подхода была в том, что, по большей части, он был описательным и не обладал предиктивными свойствами. Значительное углубление интеграции в 1990-е гг. реалистский межправительственный подход объяснить не мог⁹³.

Качественным изменением межправительственного подхода стали работы Эндрю Моравчика, создавшего теорию либерального межправительственного подхода, порвавшую с реалистскими постулатами⁹⁴. Главную роль Э. Моравчик, как и предыдущие сторонники межправительственного подхода, отводил государствам, однако их действия объяснялись принципиально иначе. Либеральный межправительственный подход оперирует трехступенчатой моделью поведения интегрирующихся государств⁹⁵. На первом этапе национальные интересы формируются под давлением внутренних факторов, интересов различных социальных групп внутри государства⁹⁶. Внешнее давление, давление со стороны «международной системы» вторично. На втором этапе государства садятся за стол переговоров в Брюсселе со своими конкретными национальными интересами, где они заключают между собой сделки. Характер этих сделок не зависит от влияния наднациональных организаций – сделки определяются относительной силой переговоривающихся государств. Наконец, на третьем этапе государства объединяют свои суверенитеты или передают полномочия на наднациональный уровень для повышения

⁹¹ Hoffmann S. *Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe*. // *Daedalus*. No. 3. 1966. P. 862–915.

⁹² Quoted in Scharpf F. W. *The Joint-Decision Trap: Lessons from German Federalism and European Integration*. *Public Administration*. No3. 1988. P. 239–78.

⁹³ Taylor P. *The Limits of European Integration*. New York: Columbia University Press. 1983.

⁹⁴ Moravcsik A. *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. Ithaca: Cornell University Press. 1998.

⁹⁵ Pollack M. A. *Realist, Intergovernmentalist, and Institutionalist Approaches*. // *The Oxford Handbook of the European Union*, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012.

⁹⁶ Байков А. А., Дымова, Л. А. От утопии к теории. Вклад Э. Моравчика в развитие либерально-идеалистического подхода к изучению международных отношений. // *Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 9(1). 2017. С. 3–23.

взаимного доверия. Делегирование суверенитета на наднациональный уровень не позволяет нарушить государствам взятые на себя обязательства.

Дальнейшее развитие либеральный межправительственный подход получил в институционализме рационального выбора. Данная теория изучает решение государств делегировать свой суверенитет на наднациональный уровень, а также саму деятельность институтов Европейского союза⁹⁷.

Тем не менее, межправительственный подход, несмотря на свою распространенность, имеет значительное количество недостатков как в описании европейских интеграционных процессов в целом, так и в отношении интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе. Идея о формировании национальных интересов под влиянием исключительно интересов внутренних социальных групп не выдерживает критики: игнорирование внешних императивов и интересов и представлений политических лидеров не позволяет получить всеобъемлющее представление о внешнеполитических драйверах государства⁹⁸. В отношении Юго-Восточной Европы, где трехступенчатая модель в отсутствие похожих на европейские институтов и вовсе не применима, либеральный межправительственный подход непригоден.

Структурный реализм

Реализм и европейская интеграция, на первый взгляд, представляют собой оксюморон: теория реализма, постулирующая, что государства стремятся максимизировать свою силу и укрепить свой суверенитет, не может объяснить объединение и делегирование суверенитета на наднациональном уровне. Однако различные направления реализма по-разному объясняют европейскую интеграцию. Наступательный реализм, представленный в работах Джона Миршаймера, наиболее пессимистично воспринимает европейскую интеграцию, рассматривая ее как заранее обреченную на провал⁹⁹. Более того, Д. Миршаймер не воспринимает ЕС как политического актора. Оборонительный реализм в том виде, в котором он представлен Стивеном Уолтем, в принципе не может дать ответы на вопросы как о драйверах европейской интеграции, так и о роли Европейского союза в международной системе в силу государствоцентричности реалистской теории¹⁰⁰. Выдвинутая в рамках оборонительного реализма теория баланса угроз С. Уолта также не может быть

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Foulon M. Neoclassical Realism: Challengers and Bridging Identities. // *International Studies Review*. 2015. 17. P. 644–646.

⁹⁹ Rynning S. Return of the jedi : realism and the study of the european union. // *Politique européenne*. 2005. №17(3). 10-33.

¹⁰⁰ Ibid.

использована для объяснения большинства европейских интеграционных процессов. Согласно теории, схожее восприятие государствами одной и той же угрозы – в случае с европейскими странами, Советского Союза, они будут объединяться, балансируя эту угрозу¹⁰¹. Тем не менее, качественный рывок европейской интеграции произошел после окончания холодной войны и распада Советского Союза. Европейский союз также не стал контрбалансирующим других акторов, как, например, Соединенные Штаты, а объединенная Германия не стала восприниматься другими европейскими странами как ревизионистский актор¹⁰².

Тем не менее, достоинство реалистской теории состоит в оперировании понятиями силы, международной системы и внешнеполитических интересов. В настоящем диссертационном исследовании анализируется геополитическое пространство Юго-Восточной Европы, на котором действуют европейские, региональные и глобальные акторы. Интеграционные процессы в Юго-Восточной Европе являются инструментом политики государств. Однако данная политика является не только, как в случае с межправительственным подходом, совокупностью предпочтений внутренних социальных групп, но реакцией на действия других акторов, угрожающие национальной безопасности государства. Реалистская теория позволяет рассматривать ЕС в качестве рационального, прагматического актора международной системы, действующего исходя из своих интересов в своем балканском «подбрюшье». Тем не менее, структурный реализм все же непригоден в качестве инструмента для анализа интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе. Структурный реализм не принимает в расчет интересы внутренних групп в государстве. Структурный реализм не способен объяснить феномен европеизации и не способен дать ответ на причины различных образов региона у акторов. Анализ интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе требует использования комплексного подхода, находящегося «на стыке» между различными теориями.

Конструктивизм

Конструктивизм представляет собой альтернативу рационалистическим и государствоцентричным теориям европейской интеграции. Конструктивистский анализ проходит на двух уровнях – агентном и структурном¹⁰³. Конструктивизм утверждает, что европейская интеграция движима идентичностями, образами, идеями, представлениями и

¹⁰¹ Walt S. M. *The Origins of Alliances*. NY: Cornell University Press. 2013.

¹⁰² Rynning S. Return of the jedi: realism and the study of the European union. // *Politique européenne*. 2005. №17(3). 10-33.

¹⁰³ Schimmelfennig F. *Constructivist Perspectives*. // *The Oxford Handbook of the European Union*, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012.

дискурсами¹⁰⁴. Структурными элементами и являются транснациональные идеи, ценности и нормы, создающие чувство общности на европейском уровне. Структурные элементы задают предпочтения социальных групп и определяют результат их взаимодействия. Действия акторов в данной структуре определяются не их стратегическими интересами, а разделяемыми ими нормами и идентичностями. Конструктивизм утверждает, что интегрирующимися акторами могут быть как транснациональные сообщества, так и наднациональные институты и сами государства¹⁰⁵. При этом в своем взаимодействии акторы не придерживаются стратегии «жесткого торга» (*hard bargaining*), но следуют логике «приемлемости» (*appropriateness*), при которой переговоры «выигрывает» сторона с наилучшими аргументами¹⁰⁶. В подтверждение этого конструктивисты приводят кейс дебатов в Европейском сообществе о принятии Франкистской Испании в Сообщество. Несмотря на поддержку со стороны Франции, ФРГ и Бельгии, Парламентская ассамблея Европейского сообщества заблокировала принятие Испании в ряды объединения из-за несовместимости последней с либеральным, антифашистским характером интеграционного объединения¹⁰⁷. Расширение ЕС на Восток конструктивисты связывают с «чувством вины» европейцев перед Центральной и Восточной Европой и ощущением долга вернуть эти страны в лоно «европейской семьи»¹⁰⁸.

В конструктивистской парадигме европейская интеграция – это процесс построения сообщества, т.е. социальной группы, разделяющей определенный набор идентичностей, ценностей и норм¹⁰⁹. Построение сообщества требует транснациональных институтов, которые, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию интеграцию и углублению транснациональных идентичностей. В данном отношении конструктивизм по форме идентичен неофункционализму. Однако в неофункционализме интеграцией движут рациональные предпочтения различных групп, которые ведут к образованию новых наднациональных институтов, которые уже, в свою очередь, трансформируют существующие идентичности. В конструктивизме интеграцией движут еще

¹⁰⁴ Schimmelfennig F. Op. cit.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ March J. G., Olsen J. P. *Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics*. NY: The Free Press. 1999. Risse T. 'Let's Argue!' Communicative Action in World Politics. // *International Organization*. 2000. No.1(54). P. 1–39.

¹⁰⁷ Thomas D. C. Constitutionalization through enlargement: the contested origins of the EU's democratic identity. // *Journal of European Public Policy*. 2006. No. 13(8). P. 1190-1210.

¹⁰⁸ Sedelmeier U. *Constructing the Path to Eastern Enlargement. The Uneven Policy Impact of EU Identity* Manchester: Manchester University Press. 2005.

Sjursen H. Why Expand? The Question of Legitimacy and Justification in the EU's Enlargement Policy. // *Journal of Common Market Studies*. No. 3(40). 2002. P. 491-513.

Lasas A. Restituting Victims: EU and NATO Enlargements through the Lenses of Collective Guilt. // *Journal of European Public Policy*. 2008. No.1(15). P. 98–116.

¹⁰⁹ Schimmelfennig F. Op. cit.

существующие идентичности, а создаваемые институты усиливают их и придают им новые смыслы. Институты создают площадку для постоянных контактов, благоприятствуя принятию про-интеграционных решений, что способствует процессам социального обучения акторов интеграции.

В контексте европейской интеграции конструктивисты выделяют два значения слова Европа¹¹⁰. Существует европейская идентичность в цивилизационном понимании, характеризующаяся чувством принадлежности к европейской культуре¹¹¹. Подобная идентичность может соседствовать с национальной, региональной и иными идентичностями¹¹². Второе понимание «Европы» политически-ценностное. В этом контексте «Европа» представляет собой набор ценностей, принципов и норм, таких как демократия, терпимость, многосторонность¹¹³. Первая идентичность гораздо сильнее и «толще», чем вторая, поскольку в большинстве случаев является частью национальной идентичности, в то время как вторая предполагает лояльность акторов к определенному набору транснациональных ценностей.

В отношении внешней политики Европейского союза конструктивизм предлагает три концепта: брюсселизация, европеизация и формирование коллективной идентичности¹¹⁴. Брюсселизация есть формирование внешней политики Европейского союза наднациональными институтами ЕС и транснациональной европейской элиты, возникшей в результате интеграционной социализации. Брюсселизация представляет собой переход от межправительственного подхода к трансговернментализму и предоставляет объяснение возникновению внешней политике ЕС через возникновение особой транснациональной социальной группы¹¹⁵.

Европеизация представляет собой процесс изменения идентичностей внутри национальных государств путем транснациональной социализации, что, в свою очередь, ведет к изменению их внешней политики¹¹⁶. Европеизация проходит в три этапа¹¹⁷. На

¹¹⁰ Schimmelfennig F. Op. cit.

¹¹¹ Стрежнева М.В. Методологические аспекты в изучении внешней политики и глобальной роли Европейского союза. // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 25-42.

¹¹² Колянов А.Ю. Европейская идентичность сегодня: мысль или ощущение? // Дискурс.;5(5). 2019. С. 76-87.

¹¹³ Kaelble H. Identification with Europe and Politicization of the EU since the 1980s. From: *European Identity*, edited by Checkel J. T. and Katzenstein P. J. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. P. 193–212. Бикернице А. Эволюция Европейской Политической идентичности как социального конструкта ЕС. *Society: Politics, Economics, Law*. 5. 2018. С. 17–24.

¹¹⁴ Thomas D. C., Tonra B. To What Ends EU Foreign Policy? Contending Approaches to the Union's Diplomatic Objectives and Representation. // UCD Dublin European Institute Working Paper 11-2. July 2011.

Allen D. Who speaks for Europe? // From: *A common policy for Europe? Competing visions for CFSP*, edited by Peterson J., Sjurgen H. NY: Routledge. 1998.

¹¹⁵ Howorth, J. European Defence and the Changing Politics of the European Union: Hanging Together or Hanging Separately? // *Journal of Common Market Studies*. 2001. No. 39: 765-789.

¹¹⁶ Tonra B. *The Europeanisation of National Foreign Policy: Dutch, Danish and Irish Foreign Policy in the European Union*. NY: Ashgate Publishing. 2001. Громогласова Е. С. Концепция европеизации в зарубежной

первом этапе национальное государство адаптируется к пребыванию в ЕС, в результате чего образ Европейского союза становится частью национального механизма принятия решений. На втором этапе национальное государство начинает вносить свой вклад в формирование принципов внешней политики Европейского союза и пытается проводить свою национальную политику через ЕС, используя Союз в качестве мультипликатора. На третьем этапе происходит взаимное обучение и социализация государств, совместно создающих нормы и принципы внешней политики ЕС, которые впоследствии становятся частью национальных механизмов принятия решений.

Формирование коллективной идентичности является третьей моделью анализа внешней политики ЕС в рамках конструктивистской теории¹¹⁸. Согласно данной концепции, внешняя политика Европейского союза представляет собой дискурсивную практику, формирующую коллективную идентичность интеграционного объединения. Концепция утверждает, что формируется общеевропейское политическое пространство, в котором национальные проевропейские социальные группы создают панъевропейские нарративы, которые ведут к трансформации идентичностей и формированию транснациональных социальных групп. Обсуждение ключевых вопросов внешней политики в рамках данного панъевропейского политического поля ведет к определению интересов социальных групп на общеевропейском уровне¹¹⁹. Иными словами, национальное становится европейским, а европейское – национальным.

Конструктивизм вносит в академический дискурс множество ценных идей и понятий. Конструктивизм предоставляет набор инструментов для изучения европейских идентичностей, процессов брсселизации и европеизации. Безусловно, невозможно изучать интеграционную политику Европейского союза в Юго-Восточной Европе, не говоря о представлениях европейских лидеров, европейских социальных групп, о том, какой должна быть европейская политика в регионе. Также необходимо изучать представления стран самого региона об интеграции, о Европе, а также представления глобальных акторов. Вместе с этим, конструктивизм как аналитический инструмент изучения интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе обладает рядом значительных недостатков. Во-первых, конструктивистские гипотезы слабо

политологии. Вестник Московского университета. Серия 25: международные отношения и мировая политика. №. 2010. С. 27-43.

¹¹⁷ Major C. Europeanisation and Foreign and Security Policy – Undermining or Rescuing the Nation State? // *Politics*. 2005. 25(3). P. 175–190.

¹¹⁸ Cambell D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1992.

¹¹⁹ Risse T., Grabowsky j. K. *European Identity Formation in the Public Sphere and in Foreign Policy*. // 12 RECON Online Working Paper 2008/04. Режим доступа: URL: https://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/international/atasp/publikationen/4_artikel_papiere/2009_paper_TR_european_identity_formation/RECON_wp_0804.pdf (Дата обращения 20.12.2019).

верифицируемы. Так, например, конструктивисты полагают, что расширение ЕС на Восток было связано с чувством вины и ответственности по отношению к странам Центральной и Восточной Европы. Предположим, что, действительно, подобные настроения были распространены среди европейских социальных групп, среди европейских элит. Насколько они повлияли на решение о расширении ЕС? Конструктивизм не может дать ответ на этот вопрос, как и на вопрос о механизме формирования и имплементации внешней политики ЕС и европейских государств в целом. Во-вторых, конструктивизм малоприменим в случае ретроспективного анализа. Эволюцию идентичностей, ценностей и норм – понятий весьма абстрактных – проследить крайне трудно, что делает внешнеполитический анализ в исторической ретроспективе с помощью теории конструктивизма весьма трудным. Таким образом, конструктивизм в качестве теории неприменим в отношении интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе; однако в работе будут использоваться конструктивистские методы.

Социологический подход

Социологический подход к европейской интеграции представляет собой изучение европейской интеграции «снизу-вверх», что отчасти роднит его с неофункционализмом¹²⁰. Более того, сторонники социологического подхода к европейской интеграции утверждают, что большинство основных подходов к европейской интеграции (за исключением структурного реализма – *прим. автора, Е. Г. Энтиной*) по сути своей рассматривают европейские интеграционные процессы как проходящие снизу, то есть из общества, социальных групп, вверх, на национальный и наднациональный уровень¹²¹. Так, в неофункционализме ключевым актором интеграции являются транснациональные группы. В либеральном межправительственном подходе Э. Моравчика ключевыми акторами являются государства, однако они – проводники совокупных интересов внутренних социальных групп. Конструктивизм, утверждающий, что транснациональные идентичности движут интеграцию, также видит ключевым актором социальные группы. Тем не менее, стоит отметить, что несмотря на значимость социальных групп для межправительственного подхода, они редко фигурируют в интерговернменталистском анализе¹²². Социологический подход призван заполнить эту нишу.

Социологический подход также призван заполнить пробелы конструктивистской теории. Несмотря на то, что сторонники и конструктивистского, и социологического

¹²⁰ Parsons C. Sociological Perspectives on European Integration. // The Oxford Handbook of the European Union, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012.

¹²¹ Ibid.

¹²² Parsons C. Op. cit.

подходов используют схожий инструмент, оперируя понятиями идентичности, норм, ценностей и социальных структур в целом, социологи критикуют конструктивистов за отсутствие изучения самих социальных групп-носителей тех или иных норм и идентичностей¹²³. Кроме того, сторонники социологического подхода отказываются следовать в русле конструктивистской дихотомии «идеалистское-материальное». В словах Виктории Гуиродон социологи европейской интеграции рассматривают «локус действия, природу взаимодействия и позиции акторов в ней»¹²⁴.

Новизна социологического подхода состоит в рассмотрении таких социальных категорий, как интеграция, идентичность, интересы и государство, которые воспринимаются как данность в других интеграционных теориях. В данной концепции вводится понятие поля или «Общеввропейского поля действия» (Europe-wide field of action)¹²⁵. По сути, это аналитический инструмент для классификации европейских интеграционных процессов по секторам – в телекоммуникациях, финансах, обороне. В поле протекают различные процессы взаимодействия – как «снизу-вверх», так и «сверху-вниз», -движущие интеграцию в рамках этого поля. Сам концепт поля имеет корни в французской социологии Пьера Бурдьё, в основе трудов которого лежат такие понятия, как «поле», «капитал» и «габитус»¹²⁶.

Достоинство такого подхода состоит в его нюансированности и возможности проследить различные интеракции акторов, протекающие в рамках того или иного общеввропейского поля, а также сам процесс создания и слияния подобных полей в результате действий социальных акторов.

Социологический подход обогащает академический дискурс своей междисциплинарностью, привнося социологические методы в политическую науку. Аналитический инструмент социальных полей интерес тем, что позволяет отдельно рассматривать формирование того или иного направления политики Европейского союза. Тем не менее, социологический подход не является теорией в настоящем смысле этого слова. Социологический подход способен частично объяснить взаимодействия на региональном уровне, но не на глобальном. Как и конструктивистский подход, социологический подход имеет в своем распоряжении ряд методов, потенциально

¹²³ Kauppi N. Bourdieu's Political Sociology and the Politics of European Integration. // *Theory and Society*. 2003. No. 32. P. 775–789.

¹²⁴ Guiraudon V. The EU Through Europeans' Eyes: Political Sociology and EU Studies. // *EUSA Review*. 2006. No. 1(19). P. 1-5.

¹²⁵ Fligstein N. *Euroclash: The EU, European Identity, and the Future of Europe*. NY: Oxford University Press. 2008.

¹²⁶ Parson C. Op. cit.

применимых для изучения интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе, однако это нельзя сказать о подходе в целом.

Цивилизационный подход

Цивилизационный подход к изучению европейской интеграции представляет собой развитие цивилизационной теории Освальда Шпенглера и Альфреда Тойнби¹²⁷. Цивилизационный подход рассматривает европейскую интеграцию как детерминированный исторический процесс объединения европейского континента. В цивилизационном подходе европейская интеграция понимается как стягивание европейского континента к западноевропейскому пост-секулярному центру, сформировавшемуся после Второй мировой войны в противовес другому центру – коммунистическо-атеистическому¹²⁸.

При этом стоит отметить, что на европейском континенте исследователи выделяли и другие цивилизационные проекты – русский цивилизационный проект, восточно-православный проект, который включает себя страны Балканского полуострова, восточноевропейский проект, отличающийся национализмом и религиозностью. Европейский союз представляет собой объединение различных цивилизационных проектов с очевидным доминированием западноевропейского проекта.

К преимуществам цивилизационного подхода можно отнести его всеохватность: он объясняет как либерально-конструктивистские теории европейской интеграции, так и реалистские¹²⁹. Так, стремление к «все большему союзу» цивилизационный подход объясняет цивилизационной общностью государств и народов. Неофункционалистский подход к европейской интеграции также можно рассмотреть с цивилизационной стороны: взаимодействие между людьми проходит значительно проще, если они принадлежат к одному культурному пласту. Цивилизационный подход также позволяет рассматривать Европейский союз в качестве актора международных отношений с точки зрения теории столкновения цивилизаций, выдвинутой Самуэлем Хантингтоном¹³⁰.

К недостаткам цивилизационного подхода стоит отнести его противоречивость и методологическую слабость. Цивилизационный подход не представляет конкретных

¹²⁷ Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф. 2001.

Шпенглер О. Закат Европы. М: «Наука», 1993.

¹²⁸ Штекль К. Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей. // Государство, Религия, Церковь. №1(30). 2012. С. 57-82.

¹²⁹ Авдонин В. С. О характере плюрализма исследований Европейского Союза в России. // Человек. Сообщество, Управление. №3. 2006. С. 40-54.

¹³⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2003. Мовсисян А.А., Космачёв М.В. Методологические подходы к исследованию геополитического господства (на примере цивилизационного и мир - системного подходов). // Бизнес. Общество. Власть. №9. 2011. С. 48-59.

инструментов анализа интеграции – скорее, он объясняет детерминированность интеграции через цивилизационную близость государств. Кроме того, выделяемые исследователями цивилизации зачастую разнятся: так, если А. Тойнби и С. Хантингтон выделяли православную христианскую цивилизацию, которая включала в себя и Россию и православные страны Юго-Восточной и Восточной Европы, О. Шпенглер выделял, помимо русской православной цивилизации, еще и православную балканскую. Некоторые исследователи отдельно выделяют восточноевропейскую цивилизацию. Таким образом, цивилизационный подход содержит множество противоречий и не может объяснить всю комплексность текущих европейских интеграционных процессов.

Тем не менее, в диссертации будут применяться сравнительно-цивилизационный подход при рассмотрении исторических процессов на территории бывшей Югославии, которая представляет собой, по сути, микрокосм столкновения цивилизаций – западно-христианской, восточно-христианской и исламской. Кроме того, использование сравнительно-цивилизационного подхода отчасти объясняет поддержку западными державами Хорватии и Словении, исламскими – Боснии и Герцеговины и Косова.

Подход многоуровневого управления

Концепция многоуровневого управления представляет собой как теорию, так и эмпирический инструмент¹³¹. В корне данного концепта лежит представление о том, что управление в Европейском союзе осуществляется на нескольких уровнях: наднациональном, национальном и субнациональном при значительном давлении со стороны различных национальных и транснациональных групп влияния¹³².

Подход многоуровневого управления, как и неофункционализм, отрицает государствоцентричность европейской интеграции¹³³. Однако в отличие от неофункционализма, многоуровневое управление не ставит задачей определить истоки и причины европейской интеграции; оно изучает сам Европейский союз, европейскую политику, европейский механизм принятия решений. Не отрицая важности национальных государств, сторонники данного подхода утверждают о важности акторности европейских наднациональных институтов. Многоуровневый подход также отвергает тезис о роли «привратника», которое играет национальное государство при взаимодействии наднациональных и субнациональных акторов.

¹³¹ Pagoulatos G., Tsoukalis L. Multilevel Governance. // The Oxford Handbook of the European Union, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012.

¹³² Ibid.

¹³³ Ibid

В рамках многоуровневого подхода ЕС рассматривается в качестве уникальной политики. Не будучи настоящей федерацией, ЕС стремится к «все большему союзу», что позволяет некоторым исследователям говорить о Союзе как о зарождающейся федерации¹³⁴. Иные исследователи утверждают, что ЕС можно охарактеризовать понятием «конфедеральная консоциация» - политическая структура, состоящая из политических сетей, но существующая не в единой юридической системе, а на основе договоренностей между акторами этой системы¹³⁵. Таким образом, многоуровневый подход рассматривает ЕС как сложную систему политических сетей, объединяющих наднациональных, транснациональных, национальных и субнациональных акторов¹³⁶.

Многоуровневый подход является наиболее «глобализационным» подходом к пониманию Европейского союза¹³⁷. Сторонники этого подхода говорят об ослаблении национальных государств, об ограничении их возможностей как со стороны наднациональных институтов Европейского союза, так и со стороны субнациональных акторов¹³⁸. В качестве подтверждения этому тезису приводится факт провала принятия Конституции ЕС на референдумах во Франции и Нидерландах после подписания их правительствами договора о Конституции, что, по мнению сторонников многоуровневого подхода, говорит о потере государствами всеисильности по вопросам интеграции на национальном уровне¹³⁹.

Подход многоуровневого управления также предоставляет четырехступенчатую модель принятия решений в Европейском союзе с указанием наиболее влиятельных акторов на каждой стадии. Всего выделяют четыре стадии: инициация, принятие решения, имплементация и адьюдикация¹⁴⁰. На стадии инициации Европейская Комиссия задает повестку, однако инициаторами могут выступать различные акторы: транснациональные группы, негосударственные акторы, государства-члены ЕС. На стадии принятия решений

¹³⁴ Börzel T. A., Risse T. Who is Afraid of a European Federation? How to Constitutionalise a Multi-Level Governance System. // Jean Monnet Working Paper 7. 2000. Режим доступа: URL: <http://centers.law.nyu.edu/jeanmonnet/papers/00/00f0101.html> (Дата обращения 21.12.2019).

¹³⁵ Schmitter P. C. Examining the Present Euro-Polity with the Help of Past Theories. From: Governance in the European Union, edited by Marks G., Scharpf, F. W. Schmitter P., and Streeck W. London: Sage. 1996. P. 1–14.

Танчев Е. Конституционный плюрализм и многоуровневое управление в Европейском Союзе. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. №6(49). 2014. С. 1052-1062.

Chrysochoou D. Democracy in the European Union. London: I.B. Tauris. 1998.

¹³⁶ Marks G. Structural Policy in the European Community. // From: Europolitics: Institutions and Policymaking in the “New” European Community, edited by A. Sbragia. Washington: Brookings Institute. 1992. P. 191–224.

Полулях Д. С. Эволюция системы многоуровневого управления в Европейском Союзе. // Политическая наука. №2. 2014. С. 259-275.

¹³⁷ Стрежнева М. В. Структурирование политического пространства в Европейском Союзе // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12. С. 38–49.

¹³⁸ Rhodes R. A. W. Understanding Governance: Ten Years On. // Organization Studies. 2007. No. 8(28). P. 1243–64.

¹³⁹ Pagoulatos G., Tsoukalis L. Op. cit.

¹⁴⁰ Hooghe L., Marks G. Multi-Level Governance and European Integration. Oxford: Rowman and Littlefield. 2001.

наиболее влиятельными являются национальные парламенты, которые, однако, подвергаются давлению как со стороны Еврокомиссии, так и со стороны транснациональных и субнациональных акторов. На стадии имплементации наибольший вес получает Европейская Комиссия, способная вести переговоры не только с национальными правительствами, но и с локальными акторами, лоббистскими группами, неправительственными организациями. Наконец, на стадии адьюдикации наибольшим влиянием обладает Европейский Суд.

При всей новизне многоуровневого подхода, он имеет ряд недостатков, которые признают даже его сторонники. Во-первых, в таких областях как внешняя политика и безопасность многоуровневое направление значительно слабее, чем в иных¹⁴¹. Данные сектора чрезвычайно иерархичны и несмотря на то, что в них также присутствуют лоббистские группы и негосударственные акторы, внешняя политика ЕС все еще остается прерогативой наднациональных институтов ЕС и его стран-участниц. Во-вторых, как уже отмечалось выше, многоуровневый подход не объясняет причин интеграции. Исходя из этого, можно утверждать, что подобный подход мало применим в отношении интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе. Тем не менее, стоит учесть некоторые положения этого подхода, как, например, влияние транснациональных лоббистских групп на формирование внешней политики ЕС.

Таким образом, подходы к европейской интеграции можно разделить на несколько категорий. К государствоцентричным подходам относятся межправительственный подход и структурный реализм, к транснациональным – неофункционалистский, конструктивистский, социологический и многоуровневый подходы. К рационалистским подходам относятся неофункционализм, межправительственный подход, структурный реализм и подход многоуровневого управления, к конструктивистским – непосредственно конструктивистский подход и социологический подход. Однако в отношении интеграционных процессов на пространстве Юго-Восточной Европы ни один из этих подходов не является подходящим.

Значимость транснациональных групп, лоббистских групп, негосударственных организаций, наднациональных институтов нельзя не учитывать¹⁴². Они являются агентами интеграции; они влияют и формируют политику европейских стран и Европейского союза. В то же время, в регионе, где помимо собственно европейских

¹⁴¹ Pagoulatos G., Tsoukalis L. Op. cit.

¹⁴² Потемкина О.Ю., Бабынина Л.О. Лоббизм и легитимность в Европейском Союзе. // Современная Европа. 2018. № 2 (81). С. 135-140.

акторов и акторов, стремящихся стать европейскими, существуют иные региональные и глобальные акторы, политика определяется национальными государствами.

Европейский союз представляет собой уникальную политику, основанную на разделяемых цивилизационных и политических ценностях, нормах и убеждениях, которые встроены в механизм принятия решений на общеевропейском уровне, так и на национальном уровне. В то же время, политику ЕС и его стран-участниц в их Юго-Восточном подбрюшье зачастую определяли сугубо прагматические интересы.

Таким образом, изучение интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе требует комплексного подхода, способного синтезировать государствоцентричные и транснациональные методы и использовать как рационалистический, так и конструктивистский подход. В качестве такого подхода в данном диссертационном исследовании выступает теория неоклассического реализма.

Неоклассический реализм как теория международных отношений и ее применимость к изучению европейской интеграции в регионах полиакторности

«Неоклассический реализм» как термин был впервые употреблен американским исследователем Гидеоном Роузом в 1998 г. в отношении работ Томаса Кристенсена, Рэндалла Швеллера, Уильяма Уоллфорта и Фариды Закария¹⁴³. По мнению Г. Роуза, эти исследователи, написавшие свои работы в реалистской парадигме, не могли быть отнесены ни к классическим реалистам, ни к структурным реалистам. Так, Р. Швеллер, анализируя систему международных отношений в Интербеллум, пришел к выводу, что война была вызвана различными восприятиями сложившегося баланса сил: в то время как Германия видела себя в качестве одного из полюсов трехполярной системы, состоящей из Германии, США и СССР, Советский Союз воспринимал международную систему как четырехполярную, в которую входили США, СССР, Германия и Великобритания-Франция¹⁴⁴. У. Уоллфорт пришел к выводу о том, что стратегия СССР во время холодной войны была вызвана не только давлением системы, но и несовпадением представлений Москвы и Вашингтона на послевоенную международную систему¹⁴⁵. Т. Кристенсен заявляет, что кризис в отношениях США и Китая в середине XX в. был вызван не только стратегиями этих государств, но и внутренними императивами этих государств, в частности – необходимостью максимально мобилизовать национальные ресурсы¹⁴⁶.

¹⁴³ Rose. G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // World Politics. October 1998. No. 51.P. 145.

¹⁴⁴ Schweller R. L. Deadly Imbalances: Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest. NY: Columbia University Press. 1998.

¹⁴⁵ Rose G. Op. cit.

¹⁴⁶ Ibid.

Все эти работы объединяло несколько характеристик. Исследователи в них отходят от рассмотрения системы как единственно-важного фактора формирования внешнеполитических стратегий государств; воспринимают внешнюю анархию не как ограничитель, а как пространство для действий и, что самое главное, опознают государство и его внутренние процессы как важные переменные международных отношений. Г. Роуз объединил эти работы под одной теорией, таким образом ознаменовав новый этап в развитии международной политической науки.

Поскольку неоклассический реализм является самым прогрессивным ответвлением реалистической парадигмы, необходимо кратко рассмотреть историю ее эволюции.

Классический реализм являлся первой полноправной теорией международных отношений и окончательно оформился в первой половине XX века. Он наиболее коротко описывается тремя S: statism, self-help, survival¹⁴⁷. Первая часть этой триады означает тот факт, что единственными акторами международных отношений являются государства¹⁴⁸. Только их действия, так или иначе, влияют на международные отношения. Чем сильнее государства, тем больше их влияние, тем большей свободой они обладают и тем больше шансов имеют на выживание и сохранение безопасности. Государства однородны, и потому их лидеры обладают всей полнотой информации, чтобы поступать эффективно, исходя из национальных интересов. Классический реализм больше фокусируется на изучении внешней политики государств как зависимой переменной.

Self-help, известное как «помоги себе сам», в действительности подчёркивает анархичность международной системы¹⁴⁹. Базируя свои доводы на «дилемме заключенного», реалисты заявляют, что не существует возможности создать какую-либо устойчивую практику совместного управления международными отношениями. Поскольку выстраивание иерархии (то есть распределение акторов по постоянным позициям с постоянными ролями) невозможно, в мировом сообществе существует анархия, то есть отсутствие верховной власти. В таких условиях государство для реализации своих национальных интересов может рассчитывать только на собственные силы. Эти национальные интересы являются ничем иным, как совокупностью мер, которые могут обезопасить государство на мировой арене, чтобы выполнить главную цель его существования – выживание (survival)¹⁵⁰.

Структурный реализм оспаривает некоторые суждения классического реализма. Он был создан как ответ на новые реалии холодной войны, которые не могли быть объяснены

¹⁴⁷ Snyder J. One world, rival theories// Foreign policy. November-December 2004. No. 145.P. 58.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Ibid. 59.

¹⁵⁰ Snyder J. Op. cit.

классическим реализмом. Основной упор в исследованиях неореализма переносится с государств на среду, в которой они существуют. Неореалисты заявляют, что анархия, существующая в международных отношениях, несмотря на отсутствие верховной власти над государствами, не является хаосом. Существующее разделение государств на слабых и сильных создает устойчивую классификацию, которая является одной из причин существования системы международных отношений. Она подчиняется определенным законам и обладает определенной стабильностью, что дает возможность для ее комплексного исследования. Именно система формирует вызовы для безопасности государств.

Несмотря на то, что государства остаются главными акторами в международных отношениях, их изучению в неореализме уделяется меньше внимания, чем в классической теории. Во-первых, у государств нет такой свободы действий, которая бы позволяла им как-либо вариативно строить свою политику. Во-вторых, неореализм предполагает возникновение негосударственных акторов международных отношений, которые, хоть и не играют столь значительной роли на мировой арене, как государства, но всё же оказывают значительное влияние на систему.

Чтобы лучше описать структурный реализм, Кеннет Уолтц использовал аналогию с рыночным механизмом¹⁵¹. Микроэкономическая модель (как и международная система) состоит из независимых фирм, использующих свои возможности, чтобы выжить и максимизировать прибыль. Их индивидуальные независимые действия формируют рыночную систему, которая и создает спрос и предложение. Они в свою очередь позволяют данной системе функционировать.

Помимо прочего, неореалисты выдвинули классификацию систем международных отношений, базирующуюся на количестве великих держав в каждой из них¹⁵². Приверженцы данного подхода считают, что однополярная система мира является наиболее неустойчивой, биполярная в свою очередь самой устойчивой, а многополярная – промежуточной. Однако неореализм оказался неспособен предсказать распад Советского Союза и последующую трансформацию международной системы. Именно этот кризис неореализма и привел к появлению новой теории.

Изначально Г. Роуз позиционировал теорию неоклассического реализма как теорию внешней политики, но, благодаря ее интенсивному и экстенсивному развитию, многие исследователи начали ее считать теорией международных отношений, а Рэндалл

¹⁵¹ Waltz K. Theory of international politics. University of California. Berkeley. 1979.P. 118.

¹⁵² Deutsch K., Singer D. J. Multipolar systems and international stability // World politics. 1964. No. 3(16).P. 394.

Швеллер предложил называть ее «теорией ошибок», поскольку она исправляет огромное количество недочетов классического реализма и структурного реализма¹⁵³.

Одним из основных вопросов любой теории международных отношений является вопрос о государстве: его необходимости, эффективности, его роли в мировой политике.

В неоклассическом реализме (как и в любом другом подвиде этого течения) государство является главным и единственным способом людей выжить¹⁵⁴. Неоклассики восходят к идее Томаса Гоббса о войне всех против всех в естественном состоянии, что приводит людей к необходимости создавать некий институт для сдерживания самих себя и наделять его уникальным правом на легитимное насилие.

Как и прежде в классическом реализме, государство является главным актором международных отношений, но направление действий государств в мире определяет давление внешней системы, что унаследовано от неореализма. От него же неоклассический реализм и перенимает допущение о существовании негосударственных акторов¹⁵⁵.

Исходя из взглядов К. Уолтца, государства механически реагируют на вызовы внешней системы только исходя из своей силы, и этот тезис оспаривают представители неоклассической школы¹⁵⁶. По их мнению, внутренние государственные институты (такие как различные правительственные организации, разнообразные группы людей, население как таковое) оказывают непосредственное влияние на процесс принятия и имплементации решений на государственном уровне¹⁵⁷. Согласно С. Лобеллу, М. Рипсману и Д. Тальяферро, вызовы системы, проходя через призму государственных институтов, преобразуются в решения с учетом четырех факторов: образов лидеров, стратегической культуры, отношений между государством и обществом и внутренних институтов¹⁵⁸.

Первым фактором является образ лидеров. Под этим понимается, с одной стороны, каким лидер воспринимается общественностью. В зависимости от своего образа политик имеет ограниченное количество решений и действий, которые будут коррелировать с общественным мнением и пользоваться поддержкой населения. С другой стороны, под образом лидеров понимаются их личные качества и характеристики. В зависимости от их воспитания, окружения, темперамента они могут по-разному воспринимать вызовы

¹⁵³ Shweller R. *Unanswered Threats: political constraints on the balance of power*. Princeton university press. 2006. P. 135.

¹⁵⁴ Rose G., *Op. cit.* P. 146.

¹⁵⁵ Ripsman M., Taliaferro J., Lobell S. *Neoclassic realism, the state and foreign policy*. Cambridge university press. 2009. P. 56.

¹⁵⁶ *Ibid.* P. 24.

¹⁵⁷ Чихарев И. А., Косоруков А. А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса. *Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки*. №1. 2010. С. 50-66.

¹⁵⁸ *Ibid.* P. 69.

внешней системы и принимать различные решения, формирующие политику государства на международной арене. От их личности зачастую и зависит эффективность государства в сфере международных отношений.

Стратегическая культура государств является следующим фактором. Под этим термином здесь понимается набор традиций, верований, норм, а также приверженность населения к определенным идеологиям. В каких-то государствах распространена демократическая традиция, в других крайне популярны традиционные милитаристские настроения. От стратегической культуры зависят не только те решения, к которым тяготеют лидеры, но и варианты их действий в соответствии с настроениями общественности.

Неоклассический реализм, в отличие от теории неореализма, разделяет государство и общество, причем предполагает их определенную автономию, а отношения между ними считаются важным внутригосударственным фактором международных отношений. Под государством здесь понимаются различные центральные институты, а под обществом – экономические и социальные группы. Гармония между этими акторами внутренней политики расширяет возможности государства, но достижение этой гармонии является нелегкой задачей. Конфликтная среда между государством и обществом может негативно сказаться на потенциальной военной мобилизации населения, одобрении действий лидеров и единстве принимающих решения персон.

Следующий фактор неразрывно связан с предыдущим, поскольку представляет собой внутригосударственные институты, которые зачастую выражают отношения между государством и обществом. Неоклассический реализм предполагает рассмотрение различных правительственных и неправительственных организаций, церкви, образования и прочих государственных институтов как факторов международных отношений.

Эти четыре ограничителя неоклассического реализма сближают теорию с либеральной и марксистской парадигмами, поскольку учитывают некоторые внутренние факторы, а также с классическим реализмом, так как снова подразумевают изучение государства как важную часть теории¹⁵⁹. Более того изучение представлений лидеров и стратегической культуры вносит конструктивистский оттенок в теорию неоклассического реализма. При этом неоклассики не отказываются от идеи первенства внешних факторов над внутренними. Более того, по мнению последователей Г. Роуза, внутренние ограничительные факторы влияют на политику государства только в краткосрочной перспективе, доминирующим же стимулом остается система.

¹⁵⁹ Ripsman M., Taliaferro J., Lobell S. Op. cit. P. 56.

Однако система в неоклассической теории претерпевает некоторые изменения по сравнению с концепцией Кеннета Уолтца. Такие исследователи, как Барри Бузан, Стивен Ван Эвера и Гленн Снайдер утверждают, что на систему, помимо действий государств, в глобальном смысле могут влиять неструктурные факторы, самым очевидным примером которых является технологический прогресс, который может привести к серьезным изменениям на мировой арене.¹⁶⁰ При этом неструктурные факторы могут оказывать неравное влияние на различные государства. Так, какие-либо географические изменения или природные катаклизмы, изменяющие всю международную систему, в основном оказывают непосредственное влияние на достаточно ограниченный перечень акторов.

Стоит также отметить, что неоклассический реализм не ограничивает число внутренних корректирующих переменных, более того – они не ограничены набором, предложенным С. Лобеллом, М. Рипсманом и Д. Тальяферо. Так, Г. Роуз выделяет две переменные: представления политических лидеров и силу государственного аппарата. Колин Дюк выделил особый набор внутренних корректирующих переменных при рассмотрении вооруженных интервенций¹⁶¹.

Также как и в неореализме, в неоклассическом реализме термин «полярность» используется для описания распределения сил на мировой арене, одновременно с тем раскрывая количество существующих великих держав. Но взгляд на полярность претерпевает изменения. Согласно неореалистам, в определенный момент времени система международных отношений является либо монополярной, либо биполярной, либо многополярной, и от этого значения зависит степень её стабильности¹⁶². Неоклассики же утверждают, что эти полярности в том виде, как их описывали неореалисты, в реальности практически недостижимы. Система может к ним стремиться и быть похожей на них, но в остальном же эти термины можно использовать только для приблизительного описания ситуации. Такой подход дает возможность расширить перспективы исследования, поскольку отказывается от значительного количества допущений, которые предполагал неореализм, а также позволяет анализировать переходные системы, когда она движется от одного типа к другому. В качестве примера можно привести середину XX в., когда система изменялась от многополярной (США, Германия, Япония, Великобритания, СССР, Франция) к биполярной (США и СССР).

¹⁶⁰ Buzan B., Jones C., Little R. (Eds.) *The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism*. Columbia University Press, 1993. P. 29; Van Evera S. *Causes of War: Power and the Roots of Conflict*. Cornell University Press, 1999. P. 7–10; Snyder G. *Process Variables in Neorealist Theory* // *World Politics*. 1978. No. 2(30).

¹⁶¹ Dueck C. *Neoclassical realism and the national interest: presidents, domestic politics, and major military interventions* // In: S. E. Lobell, N. M. Ripsman & J. W. Taliaferro (Eds.) *Neoclassical Realism, The State, and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. P. 139-169.

¹⁶² Deutsch K., David Singer J. *Op. cit.* P. 395.

Исходя из размышлений неоклассического реализма на тему системы, государства и его внутренних институтов, можно сделать вывод о существовании определенной структуры развития международных отношений. В неореализме имелось две специфических переменных: независимая переменная в виде внешней системы, которая оказывает влияние на внешнюю политику государства (зависимую переменную). Неоклассический реализм же привносит новую переменную, и итоговая структура, согласно Татьяне Романовой, включает:

- «Независимую переменную» (внешнюю среду, систему);
- «Вмешивающуюся переменную» (весь комплекс внутри государства – институты, взаимоотношения власти и общества, восприятие и идеология);
- «Зависимую переменную» (внешнюю политику)¹⁶³.

Какие-либо действия государств в рамках международной системы по такой схеме происходят следующим образом:

1. Система формирует новые вызовы, которые государству необходимо преодолеть, чтобы продолжить свое существование на международной арене;
2. Вызов интерпретируется лидерами государства исходя из их личных характеристик и прозрачности системы;
3. На основании этой интерпретации и влияния различных институтов на имеющиеся государственные ресурсы выбирается наиболее рациональный вариант ответа;
4. Осуществляется какое-либо действие (или комплекс действий) государства.

Стоит отметить, что порядок этих событий достаточно условный, поскольку появление новых вызовов происходит постоянно и причиной этого являются действия государства.

Методологически неоклассический реализм также является продолжением реалистических традиций, но обладает определенным количеством отклонений от предшествующих парадигм.

Во-первых, по-новому ставится задача выбора зависимой переменной исследования. В неоклассическом реализме, в связи с рассмотрением не только влияния системы на государства, но и внутренних государственных факторов, этот выбор расширяется. М. Рипсман, Д. Тальяферро и С. Лобелл предложили классификацию возможных зависимых переменных относительно периода анализа (краткосрочный,

¹⁶³ Романова Т. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. №3. 2012. С. 8 - 21

среднесрочный и долгосрочный) и уровня анализа (внутригосударственного, государственного, системного)¹⁶⁴. Следуя этой классификации, зависимыми переменными могут являться конкретные случаи принятия решений, внешняя политика конкретного государства, стратегия внешней политики конкретного государства, системные вызовы, стратегические изменения всей системы в целом.

Во-вторых, помимо зависимой переменной, неоклассический реализм предполагает наличие вмешивающейся переменной. Ее выбор может достигаться двумя путями: дедукцией и индукцией¹⁶⁵. Дедукция предполагает минимальное обращение к конкретным кейсам и использование логики для определения необходимости применить данную вмешивающуюся переменную для выбранной зависимой переменной. С точки зрения дедуктивного подхода, выбор вмешивающейся переменной также зависит от периода исследования. То есть для исследования краткосрочных событий лучше будет использовать роль лидеров, а для долгосрочных – более устойчивую стратегическую культуру. Индуктивный подход предполагает рассмотрение кейсов, аналогичных исходному, для определения наиболее важных вмешивающихся переменных, которые можно будет использовать в исследовании.

В-третьих, возникает необходимость выбора правильного неореалистического базиса¹⁶⁶. Методологически неоклассический реализм во многом опирается на структурный реализм, но последний достаточно трудно представить в виде одной общей теории. Он существует в виде большого количества специфических теорий, таких как наступательный реализм, оборонительный реализм, теории баланса угроз и других. Выбранный неореалистический базис должен соответствовать трем требованиям:

1. Априорность определения и обозначения базиса автором;
2. Возможность эмпирически проверить базис исследователем;
3. Возможность применить базис к анализу целой категории событий, а не только одного исследуемого.

В-четвертых, в неоклассическом реализме большое внимание уделяется лицам, ответственным за принятие и имплементацию политических решений, но в мире существуют ситуации, когда людей, в реальности выполняющих функции лидеров, бывает трудно отследить¹⁶⁷. Потребность в переоценке лидеров возникает в двух случаях. Иногда исследователь ожидает от человека значительного влияния на принятие решений на государственном и международном уровнях, но ожидания не оправдываются, что может

¹⁶⁴ Ripsman M., Taliaferro J., Lobell S. Op. cit. P. 127.

¹⁶⁵ Ibid. P. 134.

¹⁶⁶ Ripsman M., Taliaferro J., Lobell S. Op. cit. P. 130.

¹⁶⁷ Ripsman M., Taliaferro J., Lobell S. Op. cit. P. 140.

потребовать рассмотреть влияние других личностей на происходящее. Другой причиной для анализа ранее нерассмотренных личностей как лидеров может являться неожиданное влияние какого-либо человека на изучаемые процессы.

Таким образом, выбор неоклассического реализма в качестве основного подхода в диссертационном исследовании обусловлен его комплексным и всеобъемлющим характером, позволяющим совместить реалистскую, либеральную и конструктивистскую парадигмы вместе с частными теориями европейской интеграции в единую теоретическую систему, отличающуюся гибкостью и позволяющую максимально полно и подробно рассмотреть современные интеграционные процессы, в том числе на в государствах постъюгославского пространства.

Глава 1.3. Синтетизм как основа изучения современной интеграционной политики ЕС

В свете того, что наибольшую интенсивность в современном мире развитие интеграционных процессов получило в европейской части евразийского континента, а после краха социалистической идеи лежащая в ее основе марксистская парадигма перестала быть одним из основных альтернативных подходов в научном осмыслении происходящих в мире процессов, теоретические аспекты интеграции рассматриваются, как показано в предыдущем параграфе, в русле западных концепций и методологических подходов. Это закономерно породило аксиоматичное восприятие самого процесса европейской интеграции как всегда и всюду идущего в рамках либерально-конструктивистской парадигмы.

Данные теории в целом адекватно отражали общие идеи интеграции в период холодной войны в силу автономного друг от друга существования блоковых систем и встроенности всех значимых международных акторов в одну из них. Кроме того, они и сегодня применимы к обществам и государствам с существующими и функционирующими институтами, а также к региональным процессам в условиях поступательного, бесконфликтного развития международных отношений, и в пространствах, где геополитическая конкуренция отсутствует, или существует прочный международный консенсус по поводу их развития (как было в отношении Центральной и Восточной Европы периода 1990-х гг. и Юго-Восточной в начале XXI столетия).

В том, что касается внутренней интеграции, для сближения и единения государств и народов, уже участвующих в интеграционном проекте, основная внешняя задача заключается в «огораживании» территории. Это означает, что для успеха интеграции необходимо минимизировать внешнее влияние на интегрируемое геополитическое пространство и со временем свести его, желательно, к нулю; заменить традиционные классические межгосударственные отношения на взаимосвязи качественно иного типа; ограничить роль общего международного права в качестве системы, регулирующей отношения, складывающиеся между участниками интеграционного проекта, на частично, а затем полностью самостоятельную правовую систему, т.н. наднациональную правовую систему *sui generis*.

Решая эту задачу, интеграционное объединение поэтапно создает внутри себя новую политическую, экономическую и социокультурную среду, принципиально отличную от той, которая существовала раньше, и той, на которую она проецирует себя, осуществляя внешнюю экспансию. Новая среда характеризуется сращиванием

политических элит; формированием общего/единого рынка; проведением совместно вырабатываемой и осуществляемой политики; выдвиганием, защитой и продвижением общих ценностей.

По отношению к интеграционной политике вовне этот процесс предполагает появление подобной или близкой среды вне границ интеграционного объединения, поскольку альтернативной модели не существует, либо она не обладает равносильной привлекательностью. Формирование этой среды происходит через имплементацию политики европеизации. Данный термин, как было упомянуто в предыдущем параграфе, является частью конструктивистской парадигмы, однако может быть использован и в неореалистских подходах для описания трансформации внутренних корректирующих переменных – представлений лидеров, стратегической культуры, государственных институтов, социальных институтов. Прежде всего, европеизации подвергаются стратегические культуры стран вследствие транснациональной социализации европейских элит, что впоследствии ведет к трансформации государственных и социальных институтов субъектов, вовлеченных в процесс¹⁶⁸.

Унифицированное применение данной политики в отношении включенных в интеграционные процессы субъектов как неизбежно эффективной является большим допущением. Применительно к Балканскому региону и другим пространствам, находящимся на социокультурном, геополитическом перекрестье, имеющим различные политические традиции и стратегическую культуру, подобное допущение предполагает нейтрализацию их собственной субъектности, в том числе через создание условий внешней монополии ЕС.

Именно поэтому возможной теоретико-концептуальной основой изучения современной интеграционной политики ЕС являются неореалистские парадигмы. Неоклассический реализм рассматривает ЕС как полноценный элемент международной системы¹⁶⁹. Не будучи государством в настоящем смысле этого слова, ЕС, тем не менее, способен реагировать на системные вызовы и проводить свою внешнюю политику, в особенности, в непосредственной близости от своих границ, где угрозы безопасности Союза наиболее высоки. В научной литературе уже предпринимались попытки проанализировать внешнюю политику ЕС с точки зрения неоклассического реализма. Так, в работе А. Хайд-Прайса представлен общий обзор политики соседства ЕС с точки зрения НКР¹⁷⁰; Н. Р. Смит смотрит на конкретный кейс Украины в контексте политики соседства

¹⁶⁸ Skemperis G. Strategic Culture In Post-War Europe. Syracuse University. 2003.

¹⁶⁹ Vennesson P. Op. cit.

¹⁷⁰ Hyde-Price A. Realism and the European Neighbourhood Policy // The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy. L: Routledge. 2017.

ЕС с позиций неоклассического реализма¹⁷¹. Политике ЕС в Африке и Евро-Средиземноморском регионе посвящены работы Г. Р. Олсена и С. Костелли¹⁷². В данных работах ЕС предстает как актер, вынужденный действовать в реалистском ключе на своей периферии. Страны Юго-Восточной Европы, в особенности – страны бывшей Югославии, как и перечисленные выше, являются периферией для Европейского союза.

Кроме того, неоклассический реализм более приближен к оборонительному реализму, чем наступательному. Неоклассические реалисты не считают, что государство заинтересовано в постоянном наращивании своей относительной мощи. Согласно ему, государство, в первую очередь, заинтересовано в безопасности¹⁷³. Пути достижения этой безопасности могут отличаться. Таким образом, неоклассический реализм не противоречит структурно-функционалистским подходам. Европейская интеграция и представляет собой один из путей достижения безопасности – через объединение с другими государствами, пусть для этого придется пожертвовать частью суверенитета. Формальный суверенитет не является самоценным. Более того, европейская интеграция методом «единого голоса» и экономики масштаба ведет к усилению относительной роли отдельного государства в международной системе¹⁷⁴.

Соответственно, первым, образующим «рамку» исследования уровнем, является концепция неоклассического реализма, позволяющая рассматривать европейскую интеграцию в качестве пути достижения безопасности. Инструментально достижение безопасности осуществляется через европеизацию как процесс трансформации стратегических культур, государственных и социальных институтов субъектов, которые встроены в интеграцию.

Согласно теории неоклассического реализма, внешняя политика государства формируется следующим образом: политические лидеры воспринимают внешний системный сигнал; далее принимается решение; наконец, данное решение имплементируется. На каждом из данных трех этапов действуют внутренние корректирующие переменные, влияющие на конечный внешнеполитический результат¹⁷⁵. Восприятие политических лидеров ограничено их собственными представлениями и

¹⁷¹ Smith N. R. The EU under a realist scope: Employing a neoclassical realist framework for the analysis of the EU's Deep and Comprehensive Free Trade Agreement offer to Ukraine // International relations. 2015. No. 1 (30). P. 1-20.

¹⁷² Olsen G. R. Fighting terrorism in Africa by proxy: the USA and the European Union in Somalia and Mali // European Security. 2014. No 23:3. P. 290-306; Costalli S. Power over the Sea: The Relevance of Neoclassical Realism to Euro-Mediterranean Relations // Mediterranean Politics. 2009. No. 14:3. pp. 323-342.

¹⁷³ Ripsman M., Taliaferro J., Lobell S. Op. cit.

¹⁷⁴ Vennesson P. Neoclassical Realism and the European Union grand strategy // 52nd International Studies Association Annual Convention, Montréal. Québec. Canada. March 16-20. 2011.

¹⁷⁵ Norrin M. Ripsman, Jeffrey W. Taliaferro, Steven E. Lobell. Neoclassical realist theory of international politics New York, NY: Oxford University Press. 2016.

стратегической культурой; процесс принятия решений также проходит в рамках существующих представлений и стратегической культуры и ограничен институциональными рамками институтов власти и общества. Имплементация принятого решения проходит в рамках существующей стратегической культуры и институтов.

Процесс принятия решений в ЕС проходит по той же схеме, что и процесс принятия решений в государстве, однако, с одним важным исключением. На этапе принятия решений они могут быть заблокированы на институциональном уровне одним из государств, ведущих собственную национальную политику (в регионе Юго-Восточной Европы это, прежде всего, Германия, Франция и Великобритания до Брекзита). Неспособность Евросоюза выработать внешнеполитическое решение из-за вето одного из указанных стейкхолдеров будет вести к ренационализации политики ЕС его государствами-членами применительно к рассматриваемому региону. «Ренационализация» означает определенную степень потери акторности Европейским союзом и возврат внешней политики на национальный уровень.

Процесс принятия решений в пространствах, где внешний фактор традиционно играл значительную роль (каким, несомненно, является постъюгославское пространство), опосредован психологическим нежеланием политических лидеров и общества становиться объектом проводимой извне политики, множеством фобий и стереотипов относительно устремлений тех или иных внешних акторов. Поэтому *вторым уровнем в данном исследовании стали теория секьюритизации, теория общества безопасности и теория комплексной взаимозависимости.*

Теория секьюритизации позволяет рассмотреть процесс создания государственными акторами концепта безопасности вокруг определенного процесса или явления для того или иного референтного объекта. Так, допустим, секьюритизация европейскими политическими элитами (актор) присутствия России на Балканах (объект секьюритизации) служит целью настроить европейское общество и страны региона (референтные объекты) на противостояние с Россией¹⁷⁶. Таким образом, теория секьюритизации изучает не саму безопасность, а восприятие и конструирование безопасности политическими акторами в своих действиях и дискурсных практиках¹⁷⁷. Анализ действий и дискурсных практик акторов с точки зрения теории секьюритизации

¹⁷⁶ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 1998. Тамбовцева М. А. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики. №9(83). 2017. С.185-187.

¹⁷⁷ Ibid.

позволяет более подробно рассмотреть внутренние императивы политики европейских и других государств.

Теория сообщества безопасности Карла Дойча рассматривает сообщества безопасности, формируемые в результате общности идентичностей его участников, которые находятся в сообществе, будучи уверенными, что ни один из членов сообщества не представляет им угрозы¹⁷⁸. В качестве сообщества безопасности в работе рассматривается Европейское сообщество, которое является плюралистическим сообществом с ярко выраженными центрами в виде стран Западной Европы. Югославский кризис выступал для европейского сообщества безопасности в качестве процесса социального познания, после которого Европейское сообщество стало сообществом безопасности: разделяя общие ценности и умея так или иначе предсказывать поведение своих участников, европейцы научились своевременно реагировать на вызовы безопасности¹⁷⁹.

Наконец, *третьим уровнем, который позволяет рассмотреть интеграционную политику в комплексе международных взаимосвязей*, а не в качестве процесса, происходящего «в вакууме» европейской международной подсистемы, является теория комплексной взаимозависимости Джозефа Ная и Роберта Кохейна, которая дает возможность рассмотреть отношения между региональными и глобальными акторами и странами региона¹⁸⁰. Асимметричность отношений и зависимость от внешних игроков Югославии и стран, возникших на ее территории, определили их политику и политику региональных игроков по отношению к этим странам.

Следует отметить, что указанные выше теории не относятся к реалистской школе: так, теория секьюритизации и теория сообщества безопасности относятся к школе конструктивизма, в то время как теория комплексной взаимозависимости относится к либеральной школе. Однако данное диссертационное исследование, выполненное в реалистской парадигме, применяет эти теории для рассмотрения конкретных проблем, процессов или явлений, будь то европейское сообщество безопасности, асимметричность связей постъюгославских стран и Европы или дискурсные практики европейских и иных политиков.

Таким образом, применение трёхуровневого анализа, основанного на синтезе реалистских и либерально-конструктивистских подходов, позволяет системно

¹⁷⁸ Deutsch, Karl W. et al. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton University Press. 1957.

¹⁷⁹ Нефедова Е. В. Теория сообщества безопасности в работах Карла Дойча и его последователей. // Вестник Томского государственного университета. 2008. №2(3). С. 85-92.

¹⁸⁰ Keohane R.O., Nye J.S. *Power and Interdependence Revisited*. // *International Organization*, 41(4), 1987. pp. 725–753.

рассмотреть интеграционную политику Европейского союза с учетом максимального числа значимых для принятия решений и ее эффективности в целом факторов. Кроме того, синтетическая основа позволяет встроить интеграционную политику в комплекс международных взаимосвязей и современную архитектуру международных отношений, что ведет к возможности экстраполяции данного синтеза на теоретическую концептуализацию интеграционных процессов в других регионах мира.

Глава 2. Эволюция отношений ЕЭС/ЕС и Югославии

Глава 2.1 Опыт экономического и политического взаимодействия ЕЭС и СФРЮ

Формирование Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, а также конфликт между югославским лидером Й. Б. Тито и советским лидером И. В. Сталиным во многом обусловили феномен «особого пути» Югославии. Будучи формально независимой, СФРЮ оказалась на самом деле наиболее уязвимым звеном биполярной системы международных отношений. Она входила в орбиту влияния и интересов - как экономических, так и военно-политических - обоих блоков. При этом международное положение страны и характер её внешних связей во многом определяли внутренние процессы.

После создания ЕЭС, ЕАСТ и углубления интеграции в СЭВ отношения со всеми этими региональными организациями становятся важнейшим направлением внешней политики Югославии¹⁸¹. Появление региональных интеграционных группировок и рост их влияния рассматривались Белградом в качестве угрозы. Он видел её в возникновении трудно преодолимых административных и экономических барьеров, препятствующих доступу югославских товаров на рынок, от которого он зависел, а также в необходимости встраивания в новые правила игры, ставящие под вопрос внеблоковый статус государства.

Внутренние идеологические обстоятельства накладывали серьезный отпечаток и ограничения на внешнеполитические амбиции югославского руководства и делали невозможными резкие движения от одной стороны к другой. Например, «западные державы рассматривали Югославию в контексте системы европейской безопасности. После официального вступления в 1951 году Греции и Турции в НАТО, разделительной линией между ними и Западной Европой оказалась именно Югославия. Западные страны настаивали на улучшении двусторонних отношений Югославии с Грецией, Турцией и Италией и установлении связей с НАТО. Но когда основные препятствия были преодолены, югославское руководство начало уходить в сторону от подобной формы сотрудничества в пользу установления более тесных связей с государствами в Азии и Африке... Во-первых, это новое направление давало Югославии возможность продвигать бренд независимого и прогрессивного демократического социализма, а, во-вторых, через

¹⁸¹ Obradić I. A troubled relationship: Yugoslavia and the European Economic Community in détente // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2014. N21(2).pp. 329-348.

сближение со странами «третьего мира» Тито надеялся снизить появившуюся зависимость от Запада»¹⁸².

В этой связи образование в 1951 году Европейского объединения угля и стали усложняло геополитическую ситуацию вокруг Югославии. Запуск экономической интеграции привел к тому, что конфронтация начинает воспроизводиться не только в идеологической, но и в экономической плоскости. В отличие от стран социалистического блока, которые публично охарактеризовали созданное в 1957 году Европейское экономическое сообщество как капиталистический, реакционный и дискриминационный проект¹⁸³, Белград довольно быстро попытался выработать рациональную политику в их отношении и получил позитивный отклик со стороны ЕЭС. Подобная реакция ЕЭС удачно вписывалась в логику межблоковой конфронтации и «перетягивания» невовлеченного ни в одну из систем государства. Ставка, в первую очередь, делалась на возможный югославский прецедент. Советская стратегия заключалась в непризнании политического статуса Сообщества. Таким образом, переговоры с социалистической страной, какой являлась Югославия, могли стать прецедентом и укрепить имидж Сообщества внутри социалистического блока¹⁸⁴. Мотивация же Югославии в установлении контактов с ЕЭС, по большей части, была обусловлена внутрорегиональными экономическими факторами. Б. Заккария справедливо указывает, что «амбиции «шестёрки» создать общеевропейский рынок, основанный на едином внешнем тарифе и торговой политике, ударили по югославскому экспорту, который в конце 1950-х гг. в страны «шестерки» составлял более 30% от всех экспортируемых товаров. По мнению югославов, регионализация рынка в Западной Европе также могла оказаться препятствием для перелива капитала и технологий»¹⁸⁵.

Кроме того, Югославия имела очевидную практическую важность и для самих ЕЭС. По европейским меркам это было не маленькое и отнюдь не периферийное государство. Югославия напрямую граничила со странами ЕАСТ и ЕЭС. Вследствие этого, ни один проект, включающий большое Средиземноморье, не мог быть воплощен без подключения Белграда. С точки зрения транспортной логистики Югославия была государством, через которое проходил один из трёх главных транспортных маршрутов в

¹⁸² Radeljic B. *Europe and the Collapse of Yugoslavia: The Role of Non-State Actors and European Diplomacy*. L.: I. B. Tauris. 2012. P. 49.

¹⁸³ См. подробнее: Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М: Русский фонд содействия образованию и науке. 2016. 560 С.; Lipkin M. *A Struggle between Eastern and Western Models of «Integration» in the First Half of the 1970s// Quelle(s) Europe(s)? Nouvelles approches en histoire de l'intégration européenne*. Katrin Rucker & Laurent Warloutzet (eds). P.I.E.-Peter Lang. Brussels. 2006. P. 299-310

¹⁸⁴ Zaccaria B. *The EEC's Yugoslav Policy in Cold War Europe, 1968—1980*. L. Palgrave Macmillan. 2016. pp. 21-22.

¹⁸⁵ Zaccaria B. *Op. cit.* pp.16-17.

ЕЭС. Югославский экономист, Оскар Ковач, так характеризовал геоэкономическое положение СФРЮ: «несмотря на все достижения в геометрии, прямая линия до сих пор означает самое краткое расстояние от точки А до точки Б. Если провести прямую от Ламанша до Греции и Ближнего Востока, то она пройдет через Югославию. Дунай проходит на протяжении 588 км по территории Югославии, вместе с каналом Рейн – Майн связывая страны Центральной Европы с Восточной и Черным морем»¹⁸⁶.

Получалось, что интеграция, движимая экономическим сотрудничеством, на практике стимулировала дальнейшее разделение Европы и подрывала возможность поступательного развития Югославии. Будучи «зажатой» между блоками, оказавшись в воронке значительных политических противоречий между Востоком и Западом и экономической нестабильности, вызванной, помимо прочего, созданием различных экономических группировок (ЕЭС, ЕАСТ, СЭВ), Югославия не могла отказаться от участия в региональных экономических процессах. Однако не могла и полностью присоединиться к ним в силу своего «особого пути».

Можно согласиться с П. Артизьеном и С. Хольтом,¹⁸⁷ которые выявили три причины важности данного сотрудничества. Их первый аргумент связан с активным участием Югославии в движении неприсоединения, где она играла важную роль в создании нового международного экономического порядка, отвечавшего потребностям менее развитых народов и потому считавшейся направленной на неблагополучные страны. Второй аргумент связан с геополитическим положением Югославии. Ее географическое положение – на перекрестке торговых путей и рынков Сообщества и коммунистических стран; ее политическая амбивалентность приводила к необходимости постоянного искусного балансирования, направленного на сочетание идеологических принципов с конфликтующими экономическими потребностями... Наконец, авторы выделяют Югославию в контексте будущего расширения Сообщества. Учитывая перспективу членства Греции, Югославия опасалась, что Сообщество может наложить ряд дополнительных рестриктивных мер на их экспорт. Поэтому как глашатай от всех средиземноморских стран, Югославия хотела получить долгосрочные гарантии от Брюсселя, что традиционные торговые отношения между странами-членами общего рынка и средиземноморскими государствами не пострадают в результате расширения Сообщества.

¹⁸⁶ Kovač O., *Evropa 1992. Moguće posledice i opcije za Jugoslaviju* Beograd: Savremena administracija. 1990. Str.30.

¹⁸⁷ Artisien P., Holt Stephen *Yugoslavia and the E.E.C. in the 1970s. Journal of Common Market Studies. Volume 18. Issue 4. June 1980. pp. 355-369.*

Определенные опасения Белграда вызывала также и реальная готовность ЕЭС облегчать торговые режимы с третьими странами. Югославские эксперты указывали, что с 1959 года заключено всего два договора подобного характера (с Израилем и Ираном), а все остальные – со странами Европы, Азии, Африки и Латинской Америки – находятся в процессе проработки и консультаций¹⁸⁸.

Возможно, в связи с этим, практически вслед за получением Грецией статуса ассоциированного члена в 1961 году, югославы начинают менять отношение к ЕЭС. По информации из посольства СССР в Нидерландах: «влиятельный ежедневник «Политика» пишет... в своем последнем номере, что еврынок не является «империализмом», чтобы его попросту отвергнуть, как это произошло на недавнем заседании экономистов-коммунистов в Москве, что он является действительностью, требующей серьезного изучения»¹⁸⁹. Косвенно это подтверждается и материалами ЦК СКЮ по европейской безопасности и сотрудничеству: «Хотя «общий рынок» создан в условиях холодной войны в Европе и несет печать детища межблокового противостояния, логика экономического развития все активнее разбивает его блоковую ограниченность»¹⁹⁰.

Кроме того, Югославия сталкивалась и с трудностями абсолютно практического характера, которые не позволяли ей, в отличие от СССР, игнорировать факт существования общего рынка ЕЭС. Попытки Югославии преодолеть дискриминационные препятствия общего рынка со странами-членами ЕАСТ и ЕЭС в двустороннем формате не давали удовлетворительных результатов¹⁹¹. В декабре 1967 года Союзная Скупщина СФРЮ приняла официальную резолюцию «Об основах экономической политики на 1968 год», где одной из главных задач экономической политики значилось расширение внешнеэкономических связей со странами Западной Европы. При разработке основных положений экономической политики на 1968 год СКЮ и правительство СФРЮ исходило главным образом из того, что объем товарооборота и заинтересованность югославских хозяйственных организаций в развитии деловых контактов со странами Запада постоянно растут. «В 1967 году 58% всего внешнеторгового оборота Югославии приходилось на страны конвертируемой валюты, причем рост товарооборота с капиталистическими странами Запада шел в основном за счет импорта... Все это объясняется тем, что условия

¹⁸⁸ AJ. SIV. 656/130. J1089. L.8 Informacije Razgovori SFRJ-EEZ na nivou eksperata. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu. 12.01.1965.

¹⁸⁹ АВП РФ. Ф.0144. Оп.23. П.55.Д.10. Л.8-9. Югославия ищет контактов с ЕЭС (перевод статьи, опубликованной в голландской газете «Де Фолксран» от 22 сентября 1962 года). Временный поверенный в делах СССР в Нидерландах – Заведующему Первым европейским отделом МИД СССР тов. Грубякову В. Ф. 24 сентября 1962 года.

¹⁹⁰ AJ. SK SKJ. IX. 247. Materijali o evropskoj bezbednosti I saradnji. Komisija za međunarodni radne odnose i veze. 10.12.1969.

¹⁹¹ АВП РФ. Ф. 144. ОП.29 П.68. Д.10. Л.30. Югославия и «общий рынок». Посольство СССР в СФРЮ. 21 мая 1968 года. № 239.

экспорта югославских товаров на рынки западных стран являются самыми тяжелыми, а условия импорта – наиболее благоприятными... Западные страны в условиях кризисной конъюнктуры предоставляют более благоприятные, чем социалистические, условия поставки товаров. Они более охотно предоставляют не только государственные, но и частные, фирменные коммерческие кредиты на покупку их товаров»¹⁹². Безусловно, это привело к тому, что на местах, учитывая кризис и достаточную открытость предпринимательской деятельности в СФРЮ, югославские предприятия охотно развивали торговые отношения с Западом, а руководство страны, по меньшей мере, было вынуждено облекать это де-факто существующее сотрудничество в конкретные организационные формы.

С учетом географической близости и инфраструктурной взаимозависимости югославская экономика и в более ранний период в значительной степени была сопряжена с экономиками стран, образовавших ЕЭС. Так, например, в год создания ЕЭС на шесть стран-основательниц объединения приходилось 32% югославского экспорта и 27% импорта¹⁹³. В первое десятилетие существования ЕЭС экспорт товаров с низкой добавленной стоимостью в него только возрастал. Это было обусловлено, в первую очередь, необходимостью модернизации послевоенных западноевропейских экономик. Данное обстоятельство стало основной причиной существенного роста югославского экспорта в ЕЭС в первой половине 1960-х гг. Восходящий тренд сохранялся вплоть до расширения ЕЭС в 1973 году (по статистическим данным о внешней торговле Югославии в 1973 году экспорт в ЕЭС товаров с низкой добавленной стоимостью составил рекордные 60% от общего). Его замедление с середины 1960- гг., как считает Гордана Ковачевич¹⁹⁴, обуславливался не столько желанием стран-членов ЕЭС ввести протекционистские меры, сколько стагнацией в развитии югославского сельского хозяйства и сырьевого сектора.

С 1959 по 1962 гг. контакты между представителями Югославии и ЕЭС постепенно наращивались. В течение 1959 года, Жарко Томашевич, секретарь Посольства СФРЮ в Бельгии, неоднократно встречался с представителями Первого общего директората ЕЭС. Югославский дипломат выражал очевидную заинтересованность позицией Сообщества в отношении его страны и пытался продемонстрировать, что, благодаря экономическим реформам, проводившимся в СФРЮ с начала 1950-х гг., Югославию нельзя считать «восточной страной», а потому он был готов обсуждать возможности экономического сотрудничества с Сообществом¹⁹⁵. В этой части Европы находились и два основных

¹⁹² Там же. Л.32.

¹⁹³ Kovačević G. Op. cit. str. 179.

¹⁹⁴ Ibid.

¹⁹⁵ Zaccaria B. Op. cit. P. 18.

внешнеторговых партнера Югославии – Италии и ФРГ, «на которые приходилось 82% общего товарооборота с ЕЭС, а в мировом измерении – на 1969 год – 26,3% экспорта и 33% всего импорта»¹⁹⁶. Целью Югославии было сбалансировать импорт товаров с западноевропейского рынка и приспособиться к предстоящей имплементации Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС, которая рассматривалась Белградом в качестве серьезной угрозы своему экспорту. В 1961 году 48,2% общего экспорта Югославии в ЕЭС составляла сельхозпродукция (преимущественно говядина, свинина, кукуруза, вино и табак), 30% - сырье (в основном древесина и бокситовые руды) и только 21,8% приходилось на промышленный сектор. Поиск баланса предполагал формализацию коммерческих требований Югославии к ЕЭС¹⁹⁷.

В официальной повестке Сообщества Югославия впервые упоминается в конце 1962 года в связи с желанием югославского руководства обсудить технические вопросы торгового сотрудничества с Сообществом. В ходе заседания Сообщество обсуждало югославское предложение (с которым югославы вышли как к Сообществу в целом, так и к их отдельным государствам-членам) подписать торговое соглашение. С одной стороны, страны-члены ЕЭС в целом позитивно восприняли предложение югославской стороны, но в то же время они хотели, чтобы Югославия более четко обозначила свою позицию в отношении Восточного блока. С другой стороны, столкнувшись с экономическим кризисом и растущей зависимостью населения от товаров потребления, Сообщество однозначно выбирало перспективу оказания помощи Югославии, предполагая через удовлетворение ее appetitov раз и навсегда отдалить ее от советского блока¹⁹⁸.

В общих отчетах ЕЭС Югославия начала рассматриваться отдельно, но все еще в общем блоке «Отношения со странами Восточного блока». Это не было ошибкой, а, скорее, реакцией ЕЭС на амбициозные планы как Югославии, так и СССР. Совет ЕЭС исходил из утверждения Никиты Хрущева о том, что торговые отношения между СФРЮ и СССР должны строиться на основе равенства и взаимного интереса.

В данный период в Белграде пристально следили за развитием как ЕЭС, так и СЭВ, пытаясь понять, что несет большую угрозу югославской экономике в перспективе. Рассматривая СЭВ и ЕЭС, югославы указывали на критические различия двух типов экономического взаимодействия. «В то время как в ЕЭС пошли по пути интеграции рынка, в результате чего в перспективе случится и интеграция производства, на пространстве СЭВ, через кооперацию и специализацию, идет интеграция производства,

¹⁹⁶ AJ. KPR. I-3-b/3. Informacija o saradnji SFRJ-EEZ u vezi posete predsednika Komisije EEZ, Jean Rey-a našoj zemlji. Državni sekretariat za inostrane poslove. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu. 15 maj 1970.

¹⁹⁷ Zaccaria B Op. cit. P. 19.

¹⁹⁸ Radeljic B. Op. cit. P. 54.

которая должна привести позднее к интеграции рынка»¹⁹⁹. Основываясь на этих утверждениях, в Белграде делали вывод о том, что в краткосрочной перспективе политика ЕЭС, направленная на снижение таможенных барьеров, несмотря на интеграцию (к примеру, в сельскохозяйственной сфере), третьими странами остро ощущаться не будет. Архивные документы секретариата ФНРЮ по внешней торговле показывают нам, что югославы рассматривали интеграцию в Западной Европе со стратегических позиций: «в ЕЭС входят страны, важным направлением внешней политики которых является торговля. Соответственно, в условиях интеграции необходимо понимать, что она будет усиливаться в тех сферах, которые отвечают экономической структуре и высокой степени промышленного развития данных стран, и одновременно, будет наблюдаться стагнация, а, может, и отказ от некоторых видов производства, особенно тех, где задействуется большое количество рабочей силы, как, например, в текстильной промышленности»²⁰⁰. Что же касается интеграции по линии СЭВ, то и она – в понимании югославского руководства - пока не сильно ощущается третьими странами, поскольку разницы в таможенном регулировании между членами СЭВ и другими государствами нет, однако чем глубже будет разделение труда и связаннее производство, тем в меньшей степени страны СЭВ будут нуждаться в импорте,²⁰¹ но из здесь останется определенное пространство для маневра.

Таким образом, югославские экономисты и дипломаты понимали ограничения невхождения в тот или иной блок, а своей целью ставили в кратко- и среднесрочной перспективе наполнить рынки и ЕЭС, и СЭВ теми товарами, которых не хватало в текущем периоде. В долгосрочной перспективе вопрос возможной доли СФРЮ на этих рынках пока не обсуждался. В этой связи Белград ставил задачу стать «ядром» и «рынком», объединив вокруг себя страны третьего мира.

На «потепление» советско-югославских отношений ЕЭС отреагировали молчанием. В этой связи Раделич выделяет две возможных причины: первая: ЕЭС сам по себе находился в стадии формирования и, возможно, сознательно воздерживался от вмешательства в дела стран-нечленов Сообщества. Вторая. Хотя Югославия имела тесные дипломатические контакты со всеми государствами-основоположниками ЕЭС, официальные отношения между СФРЮ и ЕЭС не были установлены, переводя все взаимосвязи в плоскость политической воли»²⁰².

¹⁹⁹ AJ. SIV. 656/130. J1086. str.3. Evropske ekonomsko-političke integracije i jugoslovenski izvoz nekih važnih proizvoda. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu. Beograd. 17.07.1968.

²⁰⁰ Ibid. str.4.

²⁰¹ Ibid.

²⁰² Radeljic B. Op. cit P. 51.

Однако, несмотря на «потепление» отношений между СССР и СФРЮ и открывшиеся в этой связи перспективы, к середине 1960-х гг. Югославия приходит к осознанию неизбежной для югославской экономики необходимости заключения торгового соглашения с ЕЭС. Внутренние экономические реформы, запущенные «либеральным» крылом югославского руководства, требовали, как указывает И. Обрадич, значительного открытия югославского рынка, нового торгового законодательства, направленного на привлечение иностранных инвестиций в форме совместных предприятий, девальвации динара и введения экспортных пошлин²⁰³.

Экономическая реформа, запущенная югославским правительством в начале 1960-х гг., была направлена на уменьшение партийного контроля, частичное прекращение субсидирования, повышение продуктивности и минимизацию неэкономических факторов. Основной целью реформы была стабилизация экономики и повышение уровня жизни через децентрализацию принятия экономических решений и укрепление системы самоуправленческого социализма. Предполагалось, что это возможно только через открытие югославской экономики мировым рынкам. В первую очередь, Западной Европе.

Инновационный и условно либеральный характер запущенных реформ, позволявший Югославии присоединиться к нормам ГАТТ/ВТО уже в 1965 году, придал стимул и отношениям страны с ЕЭС, поскольку открывал экономику для экспорта западных промышленных товаров. К слову, все югославские экономические маневры после 1965 года были посвящены поддержке импорта западноевропейских технологий и ноу-хау, а также стимулированию туристского потока из стран ЕЭС. Однако, рост импорта товаров из Западной Европы дался ценой экономического отката, вызванного существенным ростом торгового дефицита, который в 1965 году составлял 196 млн долл. США, в 1966 – 355 млн долл., в 1967 – 455 млн. долл. Дефицит торгового баланса в 1970 году составлял около 600 млн долл. Из общего долга в конце 1970 года по долгосрочным и среднесрочным кредитам объем задолженности СФРЮ перед ФРГ составлял 361, Италией – 229 и Францией - 123 миллиона долларов²⁰⁴.

Для того чтобы побороть эту тенденцию, Югославия просила у «шестерки» специальные коммерческие уступки в промышленной и сельскохозяйственной областях. Тем не менее, как указывали сами югославские представители, будущее соглашение с ЕЭС не могло быть преференциальным. Это означало, что Югославия не хотела получать от ЕЭС уступок, которые не распространялись бы на других партнеров Сообщества в рамках режима наибольшего благоприятствования.

²⁰³ Obradić I. Op. cit pp. 329-348.

²⁰⁴ AJ. KPR. I – 3 b/38. Informacija o odnosima SFRJ – Evropske ekonomske zajednice. 25.06.1971.

Эта, казалось бы, техническая деталь, ограничила маневр ЕЭС. При этом она была политически мотивирована: в соответствии с позицией югославского секретариата по иностранным делам, любые преференциальные решения шли вразрез с ролью Югославии в рамках движения неприсоединения и свидетельствовали бы о четком намерении институционализировать свои отношения с Сообществом и интегрироваться в общий рынок»²⁰⁵. В процессе переговоров с ЕЭС вплоть до середины 1980-х гг. вопрос преференциальности стал узловым и во многом воспрепятствовал как углублению интеграции, так и намерениям и возможностям ЕЭС обстоятельно вникнуть в суть внутриюгославских проблем.

Наиболее сложным вопросом для Белграда был вопрос расширения и диверсификации внешней торговли с третьим миром. С политической точки зрения, новые независимые государства третьего мира казались наиболее подходящим направлением. С экономической, развитие данного направления не только потенциально могло снизить зависимость Югославии от связей с экономиками западноевропейских стран, но и обеспечить рынок для югославских промышленных товаров. Таким образом, развитие торговли с третьим миром оставалось основной задачей Югославии на протяжении 1960-х и 1970-х гг. Вдобавок, в 1960-е гг. Белград хотел нарастить импорт из Восточной Европы, снизив объемы западноевропейского. Хотя очевидно, что эта стратегия имела своей целью снизить платежный дефицит, важно понимать, что происходило это вследствие определенного политического сближения с СССР в тот период²⁰⁶.

Вопрос о начале переговоров с СФРЮ касательно заключения непререференциального торгового соглашения вызвал неоднозначную реакцию со стороны ЕЭС. Их возможность неоднократно блокировалась ведущими странами-членами по различным обстоятельствам. В разные периоды противоречия возникали с Бонном, Римом и Парижем.

Отношения с ФРГ, которых де-факто не существовало прежде, претерпели значительные позитивные изменения во второй половине 1960-х годов, когда в 1967 г. в ФРГ было создано правительство «большой коалиции» ХДС/ХСС - СДПГ. Новый министр иностранных дел Вилли Брандт взялся за продвижение отдельного, югославского, направления в рамках первого этапа Восточной политики ФРГ. Новый виток в отношениях Бонна и Белграда, приведший к восстановлению дипломатических отношений 31 января 1968 года, должен был позитивно сказаться на традиционно

²⁰⁵ Zaccaria B. Op. cit. pp. 24-25.

²⁰⁶ Obradić I. Op. cit pp. 329-348.

настороженной позиции ФРГ в отношении сотрудничества ЕЭС-СФРЮ. ФРГ действительно публично стала высказываться за налаживание отношений с Югославией, причем в большей степени политических, чем экономических²⁰⁷.

Следует отметить, что в тот момент, когда наладились германо-югославские отношения, против запуска переговоров ЕЭС с СФРЮ выступил Рим. Для итальянцев вопрос взаимодействия со странами региона, не являющимися членами объединения, ставил на повестку проблему выстраивания отношений со всем Средиземноморьем – Тунисом, Алжиром, Марокко, Испанией, Израилем. С другой стороны, Б. Заккария констатирует, что вето на начало переговоров было сделано, в том числе, «в пику вето Шарля де Голля на вторую заявку Великобритании в ЕЭС»²⁰⁸. Кроме того, действующее итальянское правительство опасалось подобного шага в преддверии парламентских выборов. Этот аргумент подтверждается тем, что новое итальянское правительство, возглавленное Джованни Леоне, сразу же поддержало югославскую заявку о начале переговоров, сняв вето на заседании Европейского совета 30 июля 1968 года. В этот же день мандат на переговоры был одобрен.

Вместе с тем, именно в этот период внутри ЕЭС шли дискуссии о дальнейших путях углубления интеграции: общая сельскохозяйственная политика, общая индустриальная политика и перспективы создания валютного союза. Все они напрямую затрагивали экономические интересы СФРЮ и перспективы ее финансового и внешнеторгового развития. Наиболее глубокие противоречия наблюдались между ФРГ и Францией. Концепция министра экономики ФРГ Карла Шиллера заключалась в том, что он выступал против всего, что могло замедлить рост конкуренции. В связи с этим основой его концепции было открытие промышленного рынка одновременно с рынком капитала как внутри ЕЭС, так и для внешних акторов. Министр выступал против инструментов, которые охраняют национальные структуры и тем самым закрывают рынки в национальных границах. Против западногерманского неолиберального подхода выступали национально ориентированные французы, чей министр иностранных дел Морис Шуман де-факто выступал за сохранение протекционистских мер государства²⁰⁹.

В этот период, по мнению советских дипломатов, решение проблемы своих взаимоотношений с «общим рынком» Югославия пыталась искать в нескольких направлениях: «Во-первых, югославы продолжают свои попытки добиться возможных льгот... в ходе двусторонних переговоров. Во-вторых, они ведут переговоры с Советом

²⁰⁷ Zaccaria B. Op. cit. P. 26.

²⁰⁸ Zaccaria B. Op. cit., P. 27.

²⁰⁹ AJ. KPR. I - 3 b/31. Borba za međusobno otvaranje tržišta// Ekonomska politika. 26.05.1976. str. 43-44.

ЕЭС в Брюсселе о заключении различных коллективных договоров, ...которые бы помогли Югославии обойти дискриминационные таможенные, административные и другие защитные меры «Общего рынка»... они выдвигают предложения о совместном выступлении социалистических стран против дискриминационной политики «общего рынка» и, наконец, ...предлагают установить непосредственные контакты югославских хозяйственных организаций с отдельными предприятиями и отраслями промышленности стран-членов ЕЭС... с тем, чтобы использовать их влияние на правительства соответствующих стран в выгодном для Югославии ключе»²¹⁰.

Практически вслед за этим последовали «пражские события» 1968 года. В свете наметившегося сближения социалистической Югославии с воплощением капиталистической системы в лице ЕЭС ввод советских танков в Чехословакию вызывал у югославов закономерный страх и, как казалось, демонстрировал возможные политические последствия сотрудничества с Западом. Параллельно в Югославии резко ухудшилась экономическая ситуация. Имел место скачкообразный рост торгового дефицита. В первую очередь, он был связан с введением в действие регулятивных мер по импорту говядины и телятины в рамках Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС. Эти меры нанесли удар по экспортерам мяса для «шестерки» - Аргентине, Австрии и Югославии. Дисбаланс в экономике Югославии предполагал необходимость реакции со стороны ЕЭС. Но решение вопроса было нетривиальной задачей в силу того, что именно она была наиболее чувствительной зоной, в которой французские национальные интересы жестко сталкивались с наднациональной политикой Европейской Комиссии на протяжении всего десятилетия²¹¹. При этом мандат на переговоры, выданный Советом двумя месяцами ранее, не предполагал переговоры в сельскохозяйственной сфере. Хотя очевидно, что для югославской стороны именно решение вопроса по экспорту сельскохозяйственных товаров был основной целью заключения непреференциального соглашения на данном этапе.

Придавая большое политическое значение самому факту переговоров, понимая, что это означает определенные геостратегические сдвиги в Европе, ведущие комиссары ЕЭС придерживались мнения, что запросы Югославии по сельскохозяйственной сфере непременно должны быть учтены, но в рамках существующей политики ЕЭС. Так, Э. Валленштайн писал: «Политическое значение этих переговоров важно не только в отношении самой Югославии, но имеет непосредственное влияние на отношения со

²¹⁰ АВП РФ. Ф. 144. ОП.29 П.68. Д.10. Л.37-38. Югославия и «общий рынок». Посольство СССР в СФРЮ. 21.05.1968. № 239.

²¹¹ Zaccaria B. Op. cit. pp. 31-32.

странами Восточной Европы и третьего мира. Это первые официальные переговоры по заключению торгового соглашения со страной, которая до недавнего времени по политическим причинам не поддерживала дипломатических отношений с Сообществом и выражала враждебность к интеграции как в Западной, так и Восточной Европе. Факт, что югославское правительство, понимая всю ограниченность нашего предложения, все же решило запустить переговоры вскоре после событий в Праге, является очевидным доказательством политической ориентации, которую Сообщество должно поощрить»²¹².

Архивные документы секретариата по иностранным делам СФРЮ свидетельствуют о том, что в тот момент все страны ЕЭС, кроме Франции, были готовы оказать ту или иную поддержку югославам²¹³. Возможное соглашение с Югославией получило одобрение со стороны Бельгии. Министр иностранных дел Люксембурга, Пьер Грегуар, стоял на позиции, что ЕЭС должны пойти на некоторые жертвы в сельскохозяйственном секторе, чтобы удовлетворить Югославию, и выступал за расширение переговорного мандата. Кроме того, он подтверждал, что бельгийцы в свою очередь готовы полностью их поддержать. Итальянский представитель Марио Малфатти подчеркивал, что Совет должен трактовать Югославию как исключение, заслуживающее место в ОСП. Рольф Лар, представитель Западной Германии, отдельно указывал, что вторжение в Чехословакию поставило Югославию в затруднительное положение и в этой связи необходимо оказать Белграду поддержку в сфере торговли. Голландский министр иностранных дел, Йозеф Ланс, хотя по многим параметрам сельское хозяйство Нидерландов испытывало те же проблемы, что и французы, обещал всемерную поддержку югославской инициативе²¹⁴. И только французы во главе Мишелем Дебрэ были категорически против. Дебрэ разделял мнение о том, что экономическая стабильность Югославии должна быть обеспечена политической поддержкой со стороны ЕЭС, особенно в столь деликатный международный период, но Париж не готов принести в жертву интересы национальных сельхозпроизводителей, включив в переговорную повестку сельскохозяйственную область²¹⁵. В данном случае де-голлевская Франция считала, что цели Комиссии и национальные интересы и прерогативы Франции расходятся²¹⁶.

²¹² Zaccaria B. Under the Shadow of the Soviet Union: the EEC, Yugoslavia and the Cold War in the long 1970s.// The Balkans in the Cold War edited by Svetozar Rajak, Konstantina E. Botsiou, Eirini Karamouzi, Evanthi Hatzivassiliou. Palgrave Macmillan. 2017. p. 242.

²¹³ DA MSP RS. PA. 1968. 141. 4. 437656. Svim DK predstavništva u inostranstvu, Služba za privredne odnose. 7.10.1968.

²¹⁴ DA MSP RS. PA. 1968. 4/141. 4. 437313. DSIP – Milovanović Брисел. 14.10.1968. str.4

²¹⁵ DA MSP RS. PA. 1969. 6/141. 43785. DSIP, Brisel, Misija. broj 24. 30. 01. 1969.

²¹⁶ Zaccaria B. Op. cit. pp. 37-38.

Вместе с тем, взаимодействие с ЕЭС становилось все более важным в поддержании социально-экономической стабильности Югославии. «В 1969 году страны-члены ЕЭС приносили около 50% общих доходов от туризма (96 из общих 193 млн долл.). В этих странах, особенно в ФРГ, находились на заработках югославские рабочие. Поступления от их перечислений в 1969 году составили 150 млн долл.²¹⁷ После интервенции стран ОВД в Чехословакию в августе 1968 г. Белград все больше рассматривал сотрудничество с ЕЭС и как определенную гарантию собственной безопасности, и как мост в развитии рабочих отношений с другими европейскими странами: «для Югославии развитые экономические отношения с Сообществом представляют... важную часть ее международного положения и безопасности. Экономическое сотрудничество обусловило установление добрососедских отношений между СФРЮ и Италией, стимулирует расширение и интенсификацию сотрудничества с ФРГ, наполняет содержанием традиционно хорошие отношения с Францией и странами Бенилюкса. Отношения с ЕЭС в свете необходимости развития отношений и с другими европейскими государствами представляют важное направление нашей европейской, и более того – международной политики»²¹⁸.

Противоречия внутри ЕЭС преодолевали достаточно долго – практически год. Наиболее прагматичную позицию в отношении югославов довольно предсказуемо заняли Бонн и Рим. С середины 1968 года ФРГ интенсифицировала отношения с Белградом и, благодаря непосредственному участию Вилли Брандта, «спонсировала» развитие отношений СФРЮ-ЕЭС. В октябре 1968 года Бонн подписал соглашение с Югославией по трудовым мигрантам, позволяющее более 500,000 рабочих из Югославии трудоустроиться в ФРГ... Прогресс в двухсторонних отношениях также наблюдался в сфере торговли, так, что к концу 1969 года Бонн стал основным торговым партнером Югославии²¹⁹.

Рим преследовал несколько целей: от патетичной – укрепление своей посреднической роли в переговорах между Западной и Восточной Европой – до национальной: нахождение окончательного решения итало-югославской проблемы. В этой связи Италия поддерживала внутренние экономические реформы в Югославии. К концу 1969 года были сняты и франко-югославские противоречия. Главным образом, это произошло в результате смены политики Помпиду в отношении Европейской комиссии. Французы были готовы снизить таможенный тариф для югославской телятины на 25% и ввести общую систему контроля цены и качества мяса.

²¹⁷ AJ. KPR. I- 3- b/31. Informacija o saradnji SFRJ-EEZ u vezi posete predsednika Komisije EEZ, Jean Rey-a našoj zemlji. Drzavni sekretariat za inostrane poslove. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu. 15 maj 1970.

²¹⁸ Ibid.

²¹⁹ Zaccaria B. Op. cit. P. 40.

В результате 19 марта 1970 года было подписано первое торговое соглашение между СФРЮ и ЕЭС. В соответствии с югославскими пожеланиями, оно было непреференциальным. Данное соглашение преимущественно имело скорее символическое значение, поскольку с экономической точки зрения оно, конечно же, не могло решить ни одну проблему югославов. О том, что оно не закладывало основ стратегического взаимодействия, свидетельствовали три его основных положения: во-первых, оно было непреференциальным, соответственно, значительно ограничивало широту маневра для обеих сторон. Во-вторых, оно было заключено сроком всего на три года, что исключало возможность долгосрочного планирования внешнеэкономического сотрудничества обеих сторон. Наконец, в сельскохозяйственной области оно касалось только экспорта телятины, которая, хоть и была основным экспортным товаром, но все же составляла меньше половины от всего объема экспортируемых в ЕЭС продуктов. Получалось, что «за бортом» соглашения оставалась солидная группа товаров.

Для ЕЭС оно также было значимым в большей степени с позиций статуса и символики: соглашение с СФРЮ позволило ЕЭС прекратить многочисленные дискуссии об автаркичности и закрытости интеграционного пространства «шестерки» индустриальных стран Западной Европы²²⁰. Параллельно с этим, соглашение с югославами стимулировало и формирование общей средиземноморской политики ЕЭС, и их отношений с третьими странами. «Средиземноморская политика ЕЭС строилась на французском постулате о том, что заключение различных преференциальных и ассоциативных договоренностей расширяет объем торговых отношений, а вместе с ними и политико-экономические позиции ЕЭС в данных странах. В этой связи ведутся переговоры с Испанией, Мальтой, Израилем, расширяются соглашения со странами Магриба. Подобную же политику ЕЭС осуществляет в отношении стран Африки... Данные действия не остались без внимания со стороны США, укорявших «шестерку» в том, что заключение подобного типа соглашений дискриминирует третьи страны и наносит ущерб национальным интересам США на мировых рынках. Однако не стоит преувеличивать значение текущих противоречий между ЕЭС и США»²²¹ для их стратегического партнерства.

С одной стороны, ЕЭС был крупнейшим покупателем югославской сельскохозяйственной продукции и основным поставщиком технологий и конвертируемой валюты. Комиссия усиливала экономическое сотрудничество с

²²⁰ AJ. KPR. I- 3- b/31. Informacija o saradnji SFRJ-EEZ u vezi posete predsednika Komisije EEZ, Jean Rey-a našoj zemlji. Drzavni sekretariat za inostrane poslove. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu. 15 maj 1970.

²²¹ Ibid.

Югославией, что было явно позитивным решением, которое подтверждалось также еще и готовностью в перспективе внедрить общую преференциальную систему. Вместе с тем, ложка дегтя, несомненно, была. Так, третья глава²²², регулировавшая торговое соглашение между двумя сторонами, фиксировала, что в случае возникновения какой-либо угрозы общему рынку в результате увеличившегося импорта из Югославии Сообщество вправе незамедлительно приостановить действие преференциальных мер. Кроме того, поскольку соглашение предусматривало отдельный протокол, по которому регулировался ввоз телятины на территорию ЕЭС из Югославии (по данной, критически важной для Белграда, позиции за рынки ЕЭС традиционно конкурировали страны Восточной Европы, Аргентина и Уругвай), страны-конкуренты начали выступать с обвинениями в преференциальном характере данного положения. Однако югославам удалось отбить эти обвинения. Действительно протокол по поставкам телятины был на грани преференциального соглашения, однако по нормам ГАТТ подобные соглашения предусматривают взаимные преференции. В данном случае уступки осуществлялись только одной стороной, без симметричных положений от Белграда.

Ограниченной была и значимость соглашения в отношении «разрядки» и межблоковой конфронтации в Европе, хотя функционеры ЕЭС представляли соглашение (во всяком случае, на словах) как шаг вперед к единой Европе. Югославский же союзный секретарь по иностранным делам, Мирко Тепавац, был намного сдержаннее в своих оценках соглашения в этом ключе: «Диалог, который начат, сам по себе достижение, сколь скромным оно бы ни было. Четверть века Европа была разделена и находилась в состоянии конфронтации. Но до сегодняшнего дня не произошло ничего, что бы могло этот процесс остановить»²²³.

Через год после вступления в силу соглашения стала очевидной его ограниченность. Позитивным итогом заключения соглашения было уменьшение неопределенности в краткосрочной перспективе и создание условий для введения приемлемых цен. Что же касается существенного роста экспортируемых югославских товаров, то соглашение не могло оказать на это серьезного влияния в силу наличия большого количество товарных ограничений, с одной стороны, и перспективы ввода в действие Общей системы преференций, с другой. Югославский товарооборот сохранил тенденцию к быстрому росту импорта и стагнации экспорта. За 11 месяцев 1970 года экспорт в ЕЭС увеличен на 19%, а импорт – на 37, 5, чем серьезно увеличен дефицит

²²² AJ. SIV. 658/130. J1089. Izveštaj o završnim pregovorima SFRJ sa EEZ. 17.01.1970

²²³ Повезаност Југославије са земљама ван Европе повећава њен утицај у Европи. Интервју Мирка Тепавца Политици // Политика. Број 20320. 30.април, 1. и 2. мај 1970.

торгового баланса. Он достиг 535 млн долл., цифры большей, чем сам югославский экспорт в данный период (502 млн долл.)²²⁴.

Краткосрочность соглашения (трехлетний договор действовал до 1973 года) и желание Белграда во что бы то ни стало сохранить статус «неприсоединившейся страны» лишили соглашение горизонта сотрудничества и содержательной глубины.

Отчасти наличие соглашения усугубляло разделительные линии в Европе, повышая градус недоверия как между самими блоками и наращивая внутренние опасения Белграда в результате «остаться ни с чем». Наиболее ярко позицию Югославии выражают слова лидера СФРЮ, Й. Б. Тито, сказанные во время встречи с председателем Европейской комиссии Франко Мальфатти в Белграде в июне 1971 года: «Больше всего нас беспокоит тот факт, что в условиях существования глубоко интегрированного СЭВ и все более мощного западноевропейского экономического сообщества Югославия окажется прослойкой в сэндвиче, в неравноправном положении, где тяжелее всего сохранить собственную независимость»²²⁵.

Кроме попыток диверсификации торговых потоков, в 1960е годы югославское правительство пристально следило за дискуссией внутри ЮНКТАД и ГАТТ по поводу основ международной торговли. Югославы надеялись, что некоторые проблемы их внешней торговли могут быть решены или облегчены в результате переговоров по введению Общей системы преференций для развивающихся стран. Этим объяснялась активизация участия СФРЮ в Группе 77²²⁶. По оценкам в Белграде, проблемы в связи с осуществлением программы ЮНКТАД по поводу преференциального таможенного соглашения между развитыми странами в отношении развивающихся «были обозначены после открытия торговых переговоров между СФРЮ и ЕЭС. Только тогда, в 1969 году, развитые страны начали детальнее разрабатывать свои предложения возможных вариантов системы преференций»²²⁷. Таким образом, кейс Югославии де-факто подстегнул формирование политики развитого мира в отношении развивающегося.

С 1 июля 1971 года ЕЭС ввел Общую систему преференций, формально открыв свои рынки для товаров развивающихся стран. Первоначальная реакция на нее со стороны Белграда была крайне позитивной. С ее введением Белград рассчитывал на существенное снижение таможенных тарифов по критически важным для себя группам товаров.

²²⁴ AJ. SIV. 660/130. 1092. Informacija o prvom zasedanju mešovite komisije SFRJ-EEZ, predvidjenim za 7 i 8 januar 1971. 28. 12.1970.

²²⁵ AJ. KPR. I- 3b/38. Zabeležka o razgovoru Predsednika Republike sa predsednikom Izvršne komisije Evropske ekonomske zajednice Franco Marija Malfatti-em 25. juna 1971. 25. 06.1971.

²²⁶ Obradić I. Op. cit. pp. 329-348.

²²⁷ AJ SIV 130 656 J1086_1. Informacija o učešću SFR Jugoslavije u aktivnostima međunarodnih organizacija. 27.08.1969.

Основными задачами в этой связи для себя видел присвоение статуса «развивающейся страны» и «признание внеблокового положения, только с позиции которого Белград может получить наиболее приемлемое решение вопросов экономического сотрудничества»²²⁸. При этом больших иллюзий в отношении того, во что может выродиться данная система у югославов также не было. Признавая безусловную необходимость введения Общей системы преференций в отношении развивающихся стран, югославские эксперты считали, что «эффект преференций растворяется тем больше, чем большую прерогативу отношения между самими развитыми странами будут иметь. Если это произойдет, то стремления фаворизировать отношения друг с другом неизбежно будет вытеснять любое продвижение существующих или формирование новых тенденций на обоюдную пользу развитых и развивающихся стран. Если преференциальная маржа уменьшится – например, как следствие общего процесса либерализации импорта в развитых странах - ожидаемый глобальный эффект будет еще меньше. Это естественный ограничитель реализации Общей системы преференций для развивающихся стран»²²⁹.

Как и предполагалось, эффект от появления данной системы оказался невелик, поскольку список «чувствительных категорий товаров», изъятых из-под действия соглашения оказался внушительным. Не последнюю роль в этом, судя по всему, сыграли США. Из хроник встречи Жана Денно и Жана Рея с коллегами в Белграде 15 июня 1970 года: «(Жан Денно) указывает, что первоначально США предлагали, чтобы из преференциальной системы были изъяты такие «чувствительные категории товаров», как текстиль, бензин и другие... Встречным предложением ЕЭС было обойтись без списка исключений, поскольку в противном случае каждая из стран составит внушительный лист «чувствительных категорий товаров»²³⁰.

Параллельно, усугублялись внутренние югославские проблемы. Экономические трудности в Югославии влияли на отношения между республиками и подстегивали Тито к усилению центральной роли партии. Подавление «хорватской весны» последовало после введения в июле 1971 года конституционных поправок, повышавших автономию республик. После подавления хорватского «бунта» «либеральное» крыло Сербской

²²⁸ AJ. KPR. I -3 b/ 31.1. Zaključke Komisije SIV-a za odnose sa inostranstvom i nacionalnu bezbednost koja je na svojoj sednici od 22. o.m. razmatrala pitanje saradnje SFRJ- EEZ u vezi posete predsednjika Komisije EEZ, Jean Rey-a našoj zemlji. 26. 05.1970. str. 4-5.

²²⁹ AJ. CK SKJ, 33/IX, 33. 273. Fabinc I. O novim osnovama spoljnotrgovinske politike evropskih zemalja prema zemljama u razvoju. 1971. str.16-17.

²³⁰ AJ. SIV. 658/130. 91089_7. Izveštaj o poseti Žana Reja, predsednika Komisije EEZ i Žana Denoia, člana Komisije EEZ sa grupom funkcionera Komisije EEZ. Savezno izvršno veće. Kabinet Tome Granfila. 15.06.1970. str.5.

коммунистической партии, настаивавшее на экономических реформах с 1965 года, также было выхолощено из власти.

Подоплекой этих событий был и вопрос преемственности власти с центральным вопросом «а что после Тито?». Кроме того, существенную роль играло будущее отношений между СССР и СФРЮ. Конституционная реформа, приведшая к принятию Конституции 1974 года, совпала с неожиданным сближением Москвы и Белграда после визита Л. Брежнева в Югославию в сентябре 1971 года. Визит ознаменовался обновлением экономических отношений между Югославией и СЭВ: был заключен финансовый протокол, предоставлявший Югославии заем в размере 540 млн долларов на создание и внедрение 228 совместных промышленных проектов в период с 1973 по 1980 гг.

Озабоченность Запада по поводу советско-югославских отношений усиливалась в атмосфере растущей нестабильности в Средиземноморье, набирающей обороты конфронтации Запада и Востока в регионе, шедшими вразрез с международной разрядкой между Вашингтоном и Москвой. Несмотря на период международной разрядки и медленный, но верный путь к соглашению в Хельсинки, в Средиземноморье противостояние Восток-Запад было острым как никогда. Сильное влияние на политическую нестабильность в регионе оказал военный переворот в Турции в 1960 году, рост популярности крайне левых партий в Италии, конец режима диктатуры Франко в Испании. Арабо-израильский конфликт был второй составляющей нарастающей нестабильности, которая в региональном масштабе отражалась на динамике холодной войны. Восхождение Муаммара Каддафи в Ливии в конце 1960-х гг. также представляло угрозу западным интересам в Северной Африке.

Основную озабоченность Запада вызывало увеличение советского морского присутствия в регионе. Это четко прослеживалось в ходе саммита НАТО 30-31 мая 1972 года, на котором участники обсуждали и одобрили секретный отчет под названием «Ситуация в Средиземноморье, декабрь 1971 – апрель 1972 года», в котором описывалось увеличение советского давления в Южном Средиземноморье и Ближнем Востоке. Отмечалось, что СССР устанавливает эффективные экономические и военные связи с многими странами региона, в частности с Египтом, Ливией, Сирией и Мальтой. Также упоминались Балканы. По отношению к Югославии, в отчете указывается, что внутренние волнения в Хорватии в 1971 году могли ослабить страну и сделать ее более уязвимой для советского влияния. В отчете заключалось, что наряду с усилением своего военного

присутствия в регионе, НАТО должна увеличить экономические связи со средиземноморскими партнерами²³¹.

Советская угроза и гипотетическая возможность перехода СФРЮ под крыло СССР периодически оказывались лейтмотивом политики Запада в отношении Югославии. Вилли Брандт, поддерживавший хорошие личные отношения с Тито с конца 1960-х гг., также был убежден, что независимость Югославии была фактором европейской стабильности. Он говорил Жоржу Помпиду на двусторонней встрече в июле 1971 года: «Можем ли мы и как, если потребуется, предотвратить дальнейший разворот Югославии после смерти Тито? Русские наверняка захотят вернуть страну. Будущее Югославии тесно связано со Средиземноморьем, и я надеюсь, что мы не упустим этот вопрос»²³². В подтверждение опасений Брандта западногерманская делегация в НАТО рапортовала в Центр следующее: «Если Тито не сможет консолидировать югославскую систему, решив национальный конфликт и стабилизировав экономику, продолжение умной тактики, выбранной Советами, может позволить им оказаться «нужными друзьями» в трудную минуту. Таким образом, развитие внутренней ситуации в Югославии и рост советского влияния провоцируют Запад уделять больше внимания, а также настаивать на готовности Запада сотрудничать с текущим югославским правительством»²³³.

В этой связи к подготовке следующего торгового соглашения между СФРЮ и ЕЭС Запад подошел с гораздо большим вниманием. Переговоры по его заключению проходили очень быстро. Югославская сторона понимала, что в условиях заключения непреференциального соглашения от ЕЭС не удастся добиться каких-то серьезных уступок. Позиция Белграда исходила из возможности расширения категорий товаров, подпадавших под соглашение: «мы поставили вопрос об условиях экспорта текстиля, вина, табака, других сельскохозяйственных товаров/ необходимо в интересах нашей экономики, найти место для решения вопросов более широкого экономического сотрудничества, которые уже перешли или находятся в процессе перехода в коммунитарные компетенции ЕЭС.../поставили вопрос о включении перспективного параграфа не из-за того, что югославские позиции могут измениться, а для того, чтобы дать пространство для маневра в решении проблем в ситуации, когда компетенции Сообщества будут расширяться»²³⁴.

²³¹ Zaccaria B. The EEC's Yugoslav Policy...P. 59.

²³² Цит. по: Zaccaria B. Op. cit. P. 62.

²³³ Ibid. P. 62.

²³⁴ AJ. KPR. I – 3 – b/42. Informacija o odnosima SFRJ-EEZ povodom posete Dr S. Mansholt-a, predsednika Komisije EEZ. Savezno izvršno veće. Kabinet B. Šnuderla. 6.12.1972.

Западные страны, в свою очередь, были озабочены ухудшением международной обстановки и обострением внутренних югославских проблем, поэтому стремились как можно быстрее «закрепить» сложившееся особые отношения с СФРЮ.

Первый раунд переговоров ЕЭС-СФРЮ состоялся 27-28 ноября 1972 года в Брюсселе и проходил в контексте необходимости наращивания влияния Сообщества в Средиземноморье. В ходе переговоров югославская делегация прямо заявила о своих желаниях. Соглашение должно быть подписано сроком на пять лет и быть непреференциальным; в отношении телятины подтверждались условия соглашения 1970 года; торговые отношения предполагалось дополнить социальной и промышленной сферами в соответствии с положениями средиземноморской политики Сообщества; также соглашение должно было включать параграф по будущей трансформации рынка ЕЭС.

В сфере промышленности, как отмечалось югославской делегацией, хорошо развиты двусторонние отношения СФРЮ-отдельные государства-члены ЕЭС. Из 370 соглашений, подписанных с иностранными компаниями, 249, то есть 70% являлись договорами с представителями «девятки». Указывалось, что соглашения эффективны сами по себе, но хотелось бы объединить их с целью правовой гармонизации. В социальной сфере подчеркивалось, что свыше 600,000 югославы работают в странах ЕЭС, а их заработки представляют существенный источник твердой валюты. В этой области югославские представители, считая невозможным регулирование на двустороннем уровне, хотели встроиться в динамику трудового рынка ЕЭС. По представлениям ЕК, это пожелание было нереалистичным, поскольку статус иностранных рабочих регулировался странами-членами ЕЭС строго на двусторонней основе, хотя ЕК не имела ничего против обсуждения данной проблемы как таковой²³⁵.

Предложения ЕК перекликались с позицией Белграда. Они предлагали пятилетнее, пролонгируемое, непреференциальное торговое соглашение, включавшее перспективный параграф и создание системы экономического сотрудничества, регулировавшей отношения между предприятиями. Предложение ЕК также включало обсуждение ситуации с гастарбайтерами из Югославии. Вдобавок, предложенный мандат включал возможность улучшения условия поставок телятины на рынок Сообщества²³⁶.

Переговоры проходили с 12 апреля по 25 мая 1973 года. Новое торговое соглашение было подписано в Люксембурге 26 июня 1973 года. Непреференциальное соглашение 1973 года подтверждало все положения предыдущего трехлетнего договора.

²³⁵Artisien P. and Buckley P. Joint ventures in Yugoslavia: opportunities and constraints. *Journal of International Business Studies*. Vol. 16. No.1. 1985. pp. 111-135.

²³⁶DA MSP RS. PA, 1972, 10/149. 424436. Platforma za pregovore SFRJ-EEZ. Savezni sekretarijat za inostrane poslove. Uprava za privredne odnose. 26. 06.1972.

Экспорт югославской телятины облегчался в виду более длительного срока действия соглашения (Статья 5). Также данной статьей предусматривались регулярные заседания Смешанной комиссии, которая должна была находить «методы и пути» развития экономического сотрудничества. Как указывалось в Приложении 2 к соглашению, сотрудничество должно было касаться преимущественно промышленного сектора, отмены нетарифных барьеров, исследованию рынка и продвижению продаж. Сотрудничество не предполагало регулирование рынка трудовой силы, поскольку это выходило за рамки торговых отношений. Впервые ЕЭС включили перспективную статью по экономическому сотрудничеству в торговое соглашение, заключавшееся в рамках Статьи 113 Римских договоров²³⁷. Данное событие четко сигнализировало о том, что отношения Югославии и Сообщества выйдут за рамки коммерческой сферы по мере эволюции самих ЕЭС. Помимо Б. Заккарии, в целом это было именно то, чего добивалась Югославия²³⁸. Кроме того, соглашением всё же предусматривался обмен письмами по поводу положения рабочей силы из Югославии в странах- членах ЕЭС²³⁹.

Именно в ходе переговоров по соглашению 1973 года вопрос о внутренней стабильности в Югославии, межреспубликанской борьбе впервые оказался на повестке дня Сообщества.

В тот самый момент, когда вроде бы появилась возможность расширенного сотрудничества, экономическая рецессия в Западной Европе завела в тупик торговые отношения ЕЭС и СФРЮ. Действие уступок, данных Сообществом в сельскохозяйственной области, было приостановлено. Начался новый период протекционизма Сообщества, выразившийся в запрете на поставку мяса из других стран. Безусловно, это вызвало острейшую реакцию Белграда: «Серьезные трудности в наших отношениях с Сообществом и резкий рост торгового дефицита вследствие эмбарго (мяса) и других ограничений на ввоз товаров из третьих стран...указали на глубокие структурные проблемы и сложности. Их результат – фактическое неравноправие в наших отношениях. Кризисная ситуация, возникшая после 1974 года показала, что гарантии, данные текущим соглашением, не являются достаточными и что сложности могут быть преодолены только через использованием новых подходов, позволяющих выстроить

²³⁷ DA. MSP RS. PA, 10/147.426851.Svim ambasadama SFRJ. Kabinet PSS M. Markovića. 21.6.1973.

²³⁸ Zaccaria B. Op. cit. pp. 70-71.

²³⁹ Унапређење размене између Југославије и ЗЕТ // Политика. 16 јун. 1973. стр. 4.

отношения на принципиально другой, более широкой, стабильной и долгосрочной основе»²⁴⁰.

Новое поколение европейских лидеров во Франции и Западной Германии боролось за регулирование внешнеэкономических отношений строго на национальном уровне. Соответственно, югославы поняли, что «их мечты о глубоком сотрудничестве с ЕЭС оказались химерой... Стагнация в отношениях ЕЭС-СФРЮ обнажила ... «психологическую» зависимость последней от Сообщества»²⁴¹.

Справедливости ради, стоит принять во внимание, что Сообщество не могло рассматривать взаимоотношения с СФРЮ в тот период в качестве первостепенной да и просто значимой задачи. Внимание стран-членов было сосредоточено, в первую очередь, на энергетическом сотрудничестве с арабскими странами. В политическом отношении наиболее острой проблемой становится Средиземноморье, в частности революция в Португалии и свержение диктатуры «черных полковников» в Греции. События в Португалии в апреле 1974 года, в стране-одной из инициаторов НАТО, привела к утверждению коммунистического режима. Всего несколько месяцев спустя, заговор греческих «черных полковников» против президента Кипра архиепископа Макариоса и последовавшее за ним вторжение в северную часть острова турецкой армии привели к прямой конфронтации между Афинами и Турцией, двумя составляющими южного крыла НАТО. Кипрский кризис привел к падению режима «черных полковников» и открыл деликатный для Греции вопрос будущих отношений с НАТО: 14 августа 1974 года новый греческий премьер-министр Константинос Караманлис принял решение о выходе из интегрированной командной структуры НАТО в качестве ответного действия на неспособность Альянса предотвратить турецкое вторжение на Кипр. Смерть Франциско Франко в ноябре 1975 года также привела в Испании, традиционном союзнике НАТО в средиземноморском регионе, к политическому кризису и нарастающей нестабильности. В это же время экономический кризис и социальное недовольство в Италии привели к возвышению итальянской коммунистической партии, которая под руководством Энрико Берлингера смогла объединиться под флагом «еврокоммунизма». Все это уводило вопрос сотрудничества с СФРЮ на второй план.

Нисходящий тренд в торгово-экономическом сотрудничестве Югославии и ЕЭС привел к активизации отношений Белграда с СЭВ. Помимо традиционного стремления югославы балансировать между конфликтующими интересами более сильных игроков,

²⁴⁰ AJ. KPR. I – 3 – B/50.1. Podsetnjik za razgovore sa Van der Stoel-om, ministrom inostranih poslova Holandije i predsedavajućem u Savjetu ministra inostranih poslova Evropske ekonomske zajednice. Savezni sektertarijat za inostrane poslove. 28.11.1976. str. 2.

²⁴¹ Zaccaria B. Op. cit. P. 73.

активизация на восточном направлении была обусловлена и определенной «оттепелью» в формально не существовавших до этого отношениях между СЭВ и ЕЭС. Несмотря на то что неофициально Москва начала контактировать с ЕЭС еще в начале 1970-х гг. для того, чтобы не допустить запуска переговоров между ЕЭС и отдельными странами СЭВ, публичная позиция Кремля в отношении ЕЭС была изменена только в декабре 1972 года, когда на праздновании 50-ой годовщины образования СССР Л. И. Брежнев призвал к установлению отношений между СЭВ и ЕЭС.

Югославия, которая находилась в состоянии будущего перехода от «титовской» к «пост-титовской» эпохе, в определенной степени также оказывалась проблемной частью большой средиземноморской политики ЕЭС. В этой связи к концу 1975 года вопрос о будущем союзничестве Белграда стал центральным в региональной стратегии Запада. К интересным выводам приходит Б. Заккария. В частности, он пишет, что и «девятка», и Вашингтон верили, что «шаткость» югославской международной позиции обнаруживалась тремя основными элементами. Они были следующими:

1. Усиливающийся кризис югославского лидерства в «движении неприсоединения», которое с начала 1960-х гг. было одним из наиболее ярких символов международной независимости Белграда.

2. Укрепление отношений с Москвой и социалистическим лагерем. Включение Югославии в список братских социалистических народов в выступлении Брежнева на 25 Съезде КПСС поднимало вопрос, было ли это выражением намерений СССР в отношении Югославии после смерти Тито. При этом, наряду с итальянской компартией и идеей Энрико Берлингере о «еврокоммунизме», с которым югославские коммунисты интенсифицировали взаимоотношения, югославы по-прежнему исходили из убеждения в том, что СССР должен признавать уникальность их социалистического пути.

3. Дискуссия о перспективах пост-титовской эры. Все больше западные дипломаты задавались вопросом «Что после Тито?» Хотя вмешательство Москвы в югославские дела рассматривалось как маловероятное, западные дипломаты предполагали, что СССР будет поддерживать просоветские силы в Югославии, в том числе через эксплуатацию межреспубликанского соперничества, тем самым ослабляя федерацию и уменьшая ее стабильность²⁴².

Естественно, что несмотря на интенсификацию диалога с Москвой, ЕЭС не теряет важности и для Белграда. Скорее, наоборот. Укрепление его международной роли, перспектива установления прямых контактов с СЭВ и правительством КНР, казались, воплощали ночной кошмар Й. Тито пятилетней давности - остаться вне торговых сетей

²⁴² Zaccaria B. Op. cit. pp.102-103.

ЕЭС. Поэтому с югославской точки зрения, сотрудничество с ЕЭС не только давало возможность преодоления экономической стагнации, но также и не позволяло Югославии оказаться исключенной из «треугольника» Брюссель-Москва-Пекин. Неслучайно, что именно в этот период активизируются переговоры по углублению формата сотрудничества СФРЮ и ЕЭС, связанного с подписанием декларации о расширении взаимодействия, а также – до определенного уровня – возрастают ставки в геополитической игре двух блоков в Юго-Восточной Европе.

15 ноября 1976 года Совет министров ЕЭС официально объявил о визите 1-2 декабря в Белград и о документах, которые в его ходе будут подписаны. В тот же день лидер СССР, Леонид Брежнев, прилетел в Белград для встречи с Тито. Это было первый визит Брежнева в Югославию за последние пять лет и вызывал озабоченность Запада по двум причинам. Первая: растущий интерес Москвы к получению доступа к Адриатике. Вторая: планы Брежнева установить более тесные экономические отношения с Белградом в контексте приближения пост-титовской эры. В понимании ЕЭС, судя по всему, это было ясным сигналом намерений Москвы попытаться «перетянуть» югославы ближе к себе.

Л. И. Брежнев обвинил Запад в том, что он представляет Югославию «красной шапочкой», а СССР – «большим серым волком». Как иронично заметил Дугальд Стюарт: «продолжая в том же духе описывать советскую политику в отношении Югославии, он повернулся к Тито в дружеской манере, но, состроив звериный оскал и открыв медвежьи объятия, произнес: если это агрессия, то нам остается только сожалеть об этом»...Брежневская «красная шапочка» эхом пронеслась по европейским столицам и подстегнула «девятку» ускорить подготовку к подписанию общей декларации.... Финальная версия декларации была написана, по существу, по югославскому варианту»²⁴³.

Объяснение этому было довольно простым. Помимо грядущего перехода в пост-титовскую эпоху, ЕЭС должен был каким-то образом компенсировать реальные ограничения экономического взаимодействия, в которые, несмотря на соглашения, СФРЮ попала практически сразу после заключения Соглашения 29173 года. Так, с 1971 года СФРЮ была участником Общей системы преференций, которая вводила преференциальный режим для товаров, произведенных в развивающихся странах. В рамках ОСП часть югославских товаров (в пределах установленных квот) освобождалась от ввозных пошлин. До 1973 года Югославия находилась на первом месте среди стран-участниц ОСП с 33,9% от общего числа ввезенных в ЕЭС товаров в рамках данной системы. Однако в результате внутреннего кризиса в 1975 году ЕЭС ввели ограничения на

²⁴³ Zaccaria V. Op. cit. pp.121-122.

16 групп югославских товаров, что привело к падению экспорта из Югославии на 11,1%²⁴⁴. Таким образом, Брюссель политическими инструментами пытался купировать проблемы торгово-экономического характера.

Белградская декларация 1976 года стала основой для развития сотрудничества преференциального типа, которое позднее было содержательно зафиксировано в Соглашении о сотрудничестве 1980 года²⁴⁵. При ее подготовке основными задачами югославской стороны были выход на решение, которое бы помогло уменьшить торговый дефицит, а также четкой квалификации Югославии как «политически неприсоединяющейся социалистической развивающейся средиземноморской страны». Необходимо заметить, что ранее, подобный статус в разных форматах и документах косвенно проговаривался. Однако прямая формулировка нигде не встречалась. В соглашении 1970 года статус развивающейся страны упоминается в общем контексте. Общая система преференций ЕЭС 1971 года также напрямую не квалифицировала страны как развивающиеся, а была односторонним актом добровольной поддержки со стороны ЕЭС. Насколько важным этот вопрос был для СФРЮ, видно из стенограмм документов в ходе подготовки к визиту высших должностных лиц в Белград. «Один из открытых вопросов особой значимости – признание за СФРЮ статуса развивающейся страны. На этот вопрос некоторые страны-члены ЕЭС, а особенно Франция, смотрят как на ключевой вопрос экономической квалификации. Франция видит в этом помеху ее национальной средиземноморской политики, основанной на региональной концепции фаворитизма и стимулирования всех видов экономического, финансового и социального сотрудничества на основе преференциальных формул и особых связей...Из-за сопротивления Франции данную формулировку не удалось включить в предварительный текст декларации...Вопрос отложен до встречи в Белграде... Аргумент Парижа заключается в том, что признание подобного статуса предполагает определенные экономические уступки. С другой стороны, упоминается факт создания прецедента (Румынии и др.) хотя дополнительной формулировкой «средиземноморская» возможность прецедента значительно сужается»²⁴⁶.

Что же касается торгового дисбаланса, то югославская сторона призывала и к прямому практическому действию, точнее всего выражающемуся в подзаголовке одной из

²⁴⁴ Barlet V., Uvalić M. Aktuelni problemi spoljnotrgovinskih odnosa između Jugoslavije i Evropske ekonomske zajednice. *Ekonomika misao*. God.19. Br.2. 1986. Str.72.

²⁴⁵ Đurđević O. Hronologija odnosa SFRJ – EEZ 1962 – 1986 // *Međunarodni problem*. N 2-3. Mart 1987.

²⁴⁶ AJ. KPR I – 3 b/50. Izveštaj o rezultatima rada predsednika SFRJ u Redakcionoj grupi SFRJ-EEZ za usaglašavanje teksta Zajedničke izjave SFRJ-EEZ koja treba da bude prihvaćena prilikom posete Jugoslaviji 1-2. decembra 1976 predsednika Savjeta ministara inostranih poslova Evropske zajednice, Max Van de Stoel-a i člana Izvršne komisije EEZ i v.d. komesara za odnose sa inozemstvom, Finn Olav Gundelach-a. Savezni sekretarijat za inostrane poslove. 27.11. 1976.

статей газеты «Борба» - «Вместо кредитов – совместные проекты»²⁴⁷. Этот призыв был поддержан и другими новостными изданиями, например, ежедневником «Политика»²⁴⁸.

Позиция дипломатии ЕЭС в целом не выходила за рамки традиционных «добрых пожеланий». Во время визита в Белград Макс Ван дер Стул выражал ее следующим образом: «разрешите вас уверить, что не только ваша страна, но и власти стран-членов европейского общего рынка совместно работают над реализацией диалога по подписания Заключительного Хельсинского акта, а также диалога между развитыми и развивающимися странами. Вместе с тем, глупо отрицать, что совсем недавно мы столкнулись с серьезными проблемами, рецессией, которую свободно можно назвать кризисом. Чтобы преодолеть эти проблемы, недостаточно односторонних действий, чтобы каждый был только за себя, необходимы общие усилия, работа на общие интересы»²⁴⁹.

Интенсивная дипломатическая активность была своего рода «лебединой песней» Й. Б. Тито. С августа 1977 по март 1978 года он посетил Москву, Пекин, Вашингтон, несколько западноевропейских столиц, Ближний Восток и Восточную Азию. Представители «девятки» в Белграде считали, что таким образом югославское руководство стремилось подготовить почву для пост-титовской эры на международном уровне. Установление хороших отношений с Москвой было неотъемлемой частью внешней политики Белграда. Несмотря на регулярные противоречия, югославский лидер был частью коммунистической традиции и прекрасно понимал историческую и идеологическую матрицы, связывавшие югославскую и советскую политические системы. Вдобавок вследствие упоминавшегося выше экономического кризиса в странах-членах ЕЭС в период 1973-1976 гг., СССР стал главным торговым партнером Югославии: в 1978 года на один СССР приходилось 25% югославского экспорта, на все страны СЭВ – около 34%»²⁵⁰.

В конце 1978 года Белград впервые открыто намекает на желательность заключения содержательно преференциального соглашения, облеченного в некую нейтральную форму. В ЕЭС понимали, согласие Белграда вести переговоры о своего рода преференциальном соглашении представляет собой радикальный шаг в югославской внешней политике. Для страны, которая хотела поддерживать тесные отношения как с ЕЭС, так и СЭВ, установление преференциальных связей с Сообществом было деликатным политическим жестом. Однако, принимая во внимание неопределенность в

²⁴⁷ Сређивање односа између ЕЕЗ и СФРЈ // Борба. 2 Децембар 1976. стр.4.

²⁴⁸ Могућности за дугорочнији и равномернији развој привредних односа СФРЈ и ЕЕЗ // Политика. 3 децембар 1976. стр. 3.

²⁴⁹ Стул: ЕЕЗ је одлучна да ојача и даље развије сарадње са СФРЈ // Политика. 2 децембар 1976. стр.2.

²⁵⁰ Zaccaria V. Op. cit. P.130.

отношении реальных намерений Югославии, немецкий еврокомиссар решил посетить Белград для прямого и открытого обмена идеями с югославскими властями о будущем отношений СФРЮ - ЕЭС.

Новый преференциальный статус, основанный на уже имеющихся у Сообщества подобных договорах, сыграл бы на руку развитию отношений СФРЮ-ЕЭС по трем причинам. Во-первых, таким образом можно было бы легально снизить барьеры ЕЭС для югославских товаров; в частности, это позволило бы ЕЭС удовлетворить требования Югославии по тарифным и квотным снижениям для промышленной продукции, относящейся к стратегически важной продукции и производимой на основе двухстороннего сотрудничества. В отношении сельскохозяйственного сектора преференциальный статус позволил бы «девятке» пойти на односторонние индивидуальные уступки. Вторая причина заключалась в том, что подобный статус позволил бы развивать двухстороннее сотрудничества в разных экономических областях: финансы, транспорт, туризм, наука, технологии, образование, окружающая среда и социальная сфера.

Третье и основное преимущество нового преференциального подхода касалось политической сферы. В действительности он представлял шаг вперед в сближении ЕЭС и Югославии с позиции второго расширения Сообщества и в преддверии пост-титовской эры. Соглашение символизировало бы наиболее тесную форму ассоциации и включенность в будущее Сообщества, на которые Югославия, будучи неприсоединившимся государством и имеющая особую связь с Москвой, была готова пойти. Обсуждению этих элементов были посвящены переговоры представительства СФРЮ при ЕЭС во второй половине 1978 года²⁵¹.

Как и общий торговый баланс Югославии, баланс с ЕЭС в течение 1970-х годов характеризовался растущим дефицитом, достигшим рекордного уровня в 1979 году – 3711 миллионов долларов США. Хотя с конца 1979, а особенно после 1981 года он постепенно снижался, связано это было в основном с резким снижением югославского импорта, который с 5794 миллионов долларов в 1979 году снизился до 3691 млн долл. в 1983 году... Это падение напрямую было связано с реализацией мер в рамках Программы экономической стабилизации²⁵² и было обусловлено резким сокращением импорта оборудования из ЕЭС.

²⁵¹ DA MSP RS. PA. 20/206. 456382. Aktivnost u vezi novog mandata EZ za pregovore sa SFRJ. Savezni sekretarijat za inostrane poslove SFRJ, kabinet podsekretara Lončara, 19.10.1978.

²⁵² Barlet V., Uvalić M. Op. cit. Str.73-74.

Таким образом оказалось, что первые два соглашения о сотрудничестве СФРЮ-ЕЭС априори в силу своей структуры и содержания не могли преодолеть проблему дисбаланса товарооборота, хотя безусловно давали определенные уступки в отношении сельскохозяйственной продукции, а также небольшой группы промышленных товаров. Третье соглашение о сотрудничестве СФРЮ-ЕЭС было подписано в Белграде 2 апреля 1980 года, однако вступило в силу три года спустя, 1 апреля 1983 года. Де-факто оно повторило приверженность принципам, озвученным в Белградской декларации 1976 года,²⁵³ и, по содержанию, являлось преференциальным. В целях стимулирования торгового обмена и в попытке преодолеть ставший огромным дисбаланс данное соглашение предоставляло льготы на экспорт из Югославии обширной группы промышленных товаров. Соглашение предусматривало постепенную отмену ввозных пошлин на определенные группы югославских товаров, в том числе неметаллов и цветной металлургии.

Переговоры по его заключению были очень длительными и тяжелыми (по существу к ним можно присовокупить и переговоры по подписанию Белградской декларации 1976 года), о чем свидетельствует интервью Йосипа Врховца газете «Борба»: «Справедливости ради, надо сказать, что заключенный договор – результат, которого нелегко было достичь. Результат трехлетних усилий...одно из важнейших достижений соглашение – имплементация принципа равноправия и взаимной выгоды»²⁵⁴, который дает надежду на преодоление дисбалансов наших экономических отношений.

При рассмотрении институциональных факторов, оказывавших влияние на торговое сотрудничество СФРЮ и ЕЭС, необходимо учитывать положения Международного торгового соглашения об экспорте товаров текстильной промышленности и одежды из развивающихся стран, который в значительной мере отступал от норм ГАТТ, исключая возможность применения режима наибольшего благоприятствования и недискриминации. ЕЭС применяло данное соглашение с 1977 года, настаивая на том, что Югославия, будучи развивающимся государством, должна следовать его ограничениям. По Соглашению 1980 года все данные защитные меры были сохранены²⁵⁵. Только в конце 1982 года Белграду удалось подписать дополнительный к соглашению Протокол о торговле текстилем, который выводил СФРЮ из-под действия данного соглашения.

²⁵³ Marković M. Pravni aspekti protekcionizma sa posebnim osvrtom na odnose SFRJ – EEZ // Doktorska disertacija. Novi Sad. 1990. str. 100.

²⁵⁴ Споразум равноправности и обостране користи. Интервју Јосипа Врховца // Борба. 3 април 1980. стр. 7.

²⁵⁵ Kovačević G. Op. cit..str. 178.

Вследствие рецессии, замедления инвестиционной активности, роста безработицы в странах ЕЭС доходная динамика югославской экономики, прежде всего, в секторах туризма, строительства, транспортных связей значительно снижается, и торговый дефицит становится все сложнее покрыть через позитивное сальдо общей торговли. Из-за этого рос и платежный дефицит Югославии в отношении ЕЭС. В свою очередь, рост платежного дефицита Югославии провоцировал все большие и большие государственные займы в странах ЕЭС. Соглашение 1980 года стало попыткой преодолеть данные проблемы, однако комплекс внутренних и внешних обстоятельств не позволил это сделать. Гордана Ковачевич на основании вышеперечисленных факторов делает вывод о том, что «рецессия в странах ЕЭС достигла кульминации в 1982 году, экономическая активность практически стагнировала... Несмотря на заключение Соглашения, все это нивелировало возможность увеличения экспорта СФРЮ в ЕЭС... Фактически он упал вдвое по сравнению с 1970 годом»²⁵⁶.

Югославские экономист также указывали, что югославский торговый дефицит снизился на 20%, но это произошло за счет уменьшения импорта и снижения стоимости торгового обмена, а не за счет увеличения экспорта²⁵⁷. Необходимость выработки эффективной стратегии была очевидной. Другой проблемой отношений СФРЮ и ЕЭС данного периода был транзит через территорию Югославии. Особенно она обострилась со вступлением Греции в ЕЭС в 1981 году.

Однако несмотря на неоднозначность практического экономического эффекта от заключения нового соглашения, его политическое значение, возможно, было даже большим, чем у предыдущих двух. Положение Югославии невозможно свести только к общему типу преференциальных соглашений по типу тех, что были заключены со странами Средиземноморья, поскольку отдельные его положения превращают его в особый тип. Важную роль в понимании статуса и границ соглашения играла преамбула к соглашению, где Югославия обозначалась как «европейская и средиземноморская развивающаяся страна из числа неприсоединившихся». Тем самым соглашение впервые получило абсолютно однозначный политический контекст.

Политический аспект Соглашения о сотрудничестве и долгосрочное определение взаимоотношений виделись еще более значимыми, если принять во внимание тот факт, что Европейское Сообщество в своих отношениях с третьими странами в этот период все

²⁵⁶ Kovačević G. Op. cit. str. 182.

²⁵⁷ Први резултати споразума Југославија – Европска заједница // Политика. 16 јануар 1981. стр.4.

активнее начинают обуславливать прогресс в сфере экономического сотрудничества и его институционализацию определенными политическими требованиями²⁵⁸.

Наконец, в новом соглашении отдельное место отводилось товарам, произведенным в свободной экономической зоне, созданной по итогам комплексного Осимского соглашения 1975 года между Италией и СФРЮ. Таким образом, двухстороннее Осимское соглашение приобрело европейское измерение²⁵⁹, что также стало новым элементом отношений капиталистических и социалистических стран.

В феврале 1986 года начались переговоры между СФРЮ и ЕЭС относительно обновления протоколов к соглашению, а также изменений, предполагавшихся в связи со вступлением Испании и Португалии в Сообщество. В своих предложениях по корректировкам к соглашению югославская сторона исходила из усиливающейся проблемы дисбаланса экспорта/импорта в отношениях с ЕЭС, а также растущей долговой ямы.

В сфере промышленного сотрудничества Белград предлагал полную либерализацию экспорта в ЕЭС, а также снятие ограничений по значительной группе «чувствительных» товаров. В сельскохозяйственном секторе стремился к созданию условий для увеличения объемов экспорта. Запрашивались отмена или снижение пошлин, а также отмена ввозных квот²⁶⁰. Однако переговорщики от ЕЭС получили мандат на подписание точно такого же протокола, как действовал прежде. В этой связи ни о каких дополнительных преференциях не могло идти речи, и переговоры были отложены до получения нового мандата почти на год (следующие начались в декабре 1986 года). Не лишним будет отметить, что по большому счету позиция Белграда была оправданной: Югославия была единственной страной Средиземноморья, чей экспорт промышленных товаров не был полностью освобожден от ввозных пошлин и других ограничений²⁶¹. Основой же для контрапозиции ЕЭС был аргумент, что преградой на пути югославского экспорта является не рестриктивный режим Сообщества, а структурный дисбаланс югославского экспорта, региональная ограниченность и неконкурентоспособность²⁶². В итоге новый протокол, мало что менявший в отношениях СФРЮ и ЕЭС, был подписан в 1987 году.

Дефицит, который СФРЮ имела в своем торговом балансе с ЕЭС в течение всех 1970-х гг. в большой степени повлиял на увеличение государственного долга, который в

²⁵⁸ Jovanović S. Mogućnosti i granice unapređivanja odnosa Jugoslavije i Evropske ekonomske zajednice // Međunarodni problemi. 1987. N4. str. 450.

²⁵⁹ Београдски споразум // Политика. 4 април 1980. стр.2.

²⁶⁰ Marković M. Op. cit. str. 109.

²⁶¹ Marković M. Op. cit. str. 111.

²⁶² Ibid. str. 113.

свою очередь был одной из основных причин введения политики экономической стабилизации, значительно замедлившей экономический рост в 1980-е гг. Торговый дефицит Югославии в отношениях с ЕЭС частично был следствием рестриктивных мер и растущего протекционизма со стороны стран ЕЭС в отношении третьих государств. Хотя Соглашение между ЕЭС и СФРЮ 1980 года было подписано с намерением исправить данную ситуацию, его влияние на структуру и состояние отношений СФРЮ и ЕЭС было минимальным. Казалось, что ЕЭС был не готов углубляться в решение экономических проблем Югославии, особенно в свете присоединения к ним Греции, Португалии и Испании. С другой стороны, сам Белград введением мер по купированию роста государственного иностранного долга обрек торговые отношения с ЕЭС на стагнацию, поскольку на протяжении всех 1980-х гг. югославский экспорт практически не увеличивался, а импорт из ЕЭС значительно упал. Подобный подход вряд ли мог оказать позитивное влияние на обе стороны: он оказал негативное влияние на процесс индустриализации Югославии (значит, косвенно – и на потенциальный объем экспорта), а также за счет введения заградительных мер одновременно снизил экономическую привлекательность югославских сельскохозяйственных товаров, усугубляя рецессию в ключевом секторе экономики СФРЮ и важном секторе для ЕЭС.

Положение существенно осложнялось началом выстраивания отношений по линии ЕЭС и СЭВ. Очень верный прогноз тогда дал югославский экономист Зоран Жиц, писавший в своем обзоре европейских тенденций развития в 1987 году, что усиление интеграционных процессов в Европе, которыми предводит ЕЭС, усложнит положение Югославии, если она сохранит прежний формат отношений с Сообществом, поставит страну в относительную изоляцию и оставит в стороне от процессов развития европейского сотрудничества в области экономики и современных технологий. С одной стороны, это доказывается фактом предстоящего заключения соглашения СЭВ-ЕЭС, в соответствии с которым восточноевропейские страны смогут заключать индивидуальные договоры о сотрудничестве с ЕЭС; некоторые из этих стран уже начали переговоры и обиваются имеющегося у Югославии статуса. Учитывая схожесть экспортной структуры этих стран с югославской, это конечно же поставит нас в невыгодное положение и уменьшит возможности реализации наших товаров на европейском рынке. С другой стороны, это доказывается фактом развития процесса интеграции с государствами-нечленами ЕС, с нейтральными и неприсоединившимися странами Европы, и в этом отношении Югославия может попасть в изолированное, относительно слабое положение в

сравнение с другими государствами, которые уже вошли в другой формат отношений с Сообществом²⁶³.

Обобщая эволюцию сотрудничества ЕЭС и СФРЮ в период со второй половины 1960-х гг. до второй половины 1980-х гг., можно сделать следующие выводы о том, какую роль сыграла институционализация их взаимодействия в политической и экономической сферах.

Первым торговым соглашением и одновременно первым договором, который ЕЭС заключили с третьей страной, было соглашение с СФРЮ, действовавшее с 1970 по 1973 гг. Оно было непреференциальным, основанным на режиме наибольшего благоприятствования, предусмотренного нормами ГАТТ. Для его реализации была создана специальная общая комиссия. С появлением Общей системы преференций ЕЭС (1 июля 1971 года) Югославия стала ее участником. К сожалению, югославский экспорт сельскохозяйственных товаров практически целиком попадал под режим общей аграрной политики ЕЭС, в связи с чем на него не распространялись положения Общей системы преференций. Определенные льготы получили югославские промышленные товары. Вместе с тем, и здесь был внушительный лист «исключений», критически важных для югославской экономики: текстиль, кожа и кожаные изделия, черная и цветная металлургии, электрооборудование, продукты деревообработки и пр.).

Второе торговое соглашение, действовавшее с 1973 по 1978 (80) гг., было также непреференциальным; в качестве одного из положений оно включало Общую систему преференций ЕЭС. Соглашение фиксировало разницу в уровне экономического развития Югославии и ЕЭС, а также оставляло пространство для включения новых областей сотрудничества по мере их возникновения. Кроме того, в нем впервые ставился вопрос о положении рабочих из Югославии в странах ЕЭС. Тем не менее, договор не предусматривал ни механизмов, ни конкретных действий, которые могли бы существенным образом повлиять на растущий торговый дефицит СФРЮ.

В 1976 году в попытке интенсифицировать экономическое сотрудничество была подписана Белградская декларация, заложившая основу под новое соглашение, уже преференциального характера, а также предусматривавшего доступ к займам Европейского инвестиционного банка. Новое соглашение было заключено в 1980 году, на бессрочной основе, однако вступило в силу только три года спустя. В 1987 году торговый протокол Соглашения был обновлен и продлен в целом еще на пять лет, по отдельным положениям – до 1995 года.

²⁶³ Žic Z. Savremena kretanja u Zapadnoj Evropi – položaj i uloga u međunarodnim odnosima i interesi SFRJ. // Pregled Centra za strategijske studije. God. I. Br. II. decembar 1987. Str. 505.

Таким образом, в экономическом отношении можно говорить о том, что торгово-экономическое сотрудничество между ЕЭС и СФРЮ было частью стратегии собственной секьюритизации, как для Сообщества, так и для Югославии. Оно практически не выходило за рамки классического торгово-экономического взаимодействия, соответственно в экономическом плане его нельзя было рассматривать с позиций потенциальной интеграции Югославии в Сообщество.

И в политическом отношении ЕЭС не видело сотрудничество с Югославией с позиций продвижения альтернативной социалистической реальности в Центральной и Восточной Европе, а преимущественно было озабочено тем, чтобы оградить СФРЮ от советского влияния и чрезмерного сближения с Москвой. Политика ЕЭС в отношении Югославии в целом вписывалась в общую интеграционную политику ЕЭС в Средиземноморском регионе. Однако инструментально балканское и южно-средиземноморские направления реализовались принципиально по-разному: Португалии, Испании, Греции могло быть предложено членство. С Югославией подобный формат отношений не рассматривался по обоюдному согласию, что лишало отношения ЕЭС – СФРЮ горизонта. Тем самым, вовлеченность ЕЭС во внутренние процессы в СФРЮ во второй половине 1960-х – до середины 1980-х гг., глубина их понимания были существенно меньше, чем предполагало их географическое соседство и формальная интенсивность экономического взаимодействия. Вследствие этого Сообщество пропустило обострение внутриюгославских проблем, эскалацию межэтнической напряженности и становление республиканского сепаратизма, недооценило невозможность реформирования югославского государства в рамках существовавшего социалистического нарратива и внешнеполитической равноудаленности. Таким образом, опыт сотрудничества ЕЭС с Югославией не стал образцом плавного перехода социалистических стран к интеграции с ЕЭС.

Глава 2.2. Внутренние и внешние факторы экономического кризиса в СФРЮ

Место экономического кризиса в предпосылках распада Югославской федерации

В начале 1980-х гг. Югославию охватил глубокий экономический кризис, который стал результатом длительной предшествующей непродуманной экономической политики. Основными элементами этого кризиса были «критическое положение в области поддержания внешней платежеспособности страны; сокращение промышленного производства; усиление общего и структурного несоответствия в области поддержания внешней платежеспособности страны; превышение темпов роста потребления над реальными материальными и финансовыми возможностями страны; рост цен и темпа инфляции; снижение производительности труда и эффективности хозяйствования; обострение проблем безработицы; падение жизненного уровня и заработной платы; рост социальных различий. В стране ощущалась нехватка сырья и полуфабрикатов, электроэнергии, товаров широкого потребления»²⁶⁴.

Причины экономического кризиса 1980-х имели глубокие корни, восходящие к основам созданной в Югославии альтернативной «системы социалистического общественного самоуправления». Концепция самоуправления в Югославии была разработана в конце 1940-х гг. словенскими экономистами и видными деятелями Союза коммунистов Югославии Б. Кидричем и Э. Карделем. В начале 50-х гг. эти идеи были окончательно оформлены, и И. Броз Тито положил их в основу долговременной социально-политической программы развития страны. На практике они впервые стали осуществляться в 1949 г., когда было принято «Руководство по созданию и деятельности рабочих советов государственных предприятий». В 1950 – 1952 гг. был принят ряд законов и постановлений, расширяющих права участия рабочих в управлении своими предприятиями. Все нововведения были зафиксированы в Конституционном законе 1953 г. В окончательном варианте концепция самоуправления была закреплена в Программе СКЮ, принятой VII съездом в 1958г²⁶⁵.

Концепция самоуправления – это вариант социалистического строительства, в основе которого лежит принцип управления государственными предприятиями со стороны трудовых коллективов. В конституционном законе 1953 г. указывалось, что общественная собственность на средства производства, самоуправление производителей в

²⁶⁴ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право. 2001. С.63.

²⁶⁵ Подробнее см.: Кузнецhevский В.Д. Какая концепция самоуправления осуществлена в Югославии? // Советское славяноведение. 1991. №2. С.17-29.

экономике и самоуправление трудового народа в общине, городе и районе представляют собой основу общественного и политического строя страны, а главной формой управления являются рабочие советы, а также кооперативы, коммуны, хозяйственные ассоциации²⁶⁶. Сама экономика определялась как «планово-рыночная». Рынок рассматривался как главное звено в экономической деятельности. Была разрешена свободная аренда и продажа земли и использование в установленных пределах наемной рабочей силы. Товарно-денежные отношения использовались как важный рычаг подъема производительности труда. На основе планирования производства самими предприятиями осуществлялась общая линия развития государственного плана. Таким образом, создавалась система «социалистического рыночного хозяйства», при которой самостоятельные в хозяйственном отношении предприятия приобретали статус непосредственного товаропроизводителя²⁶⁷.

В сельском хозяйстве также существовала система самоуправления. При этом главной задачей было укрепление социалистических отношений в деревне, а не наращивание производства в крестьянских хозяйствах. Следствием этого было исчерпание экстенсивных методов производства, что уже в 1970-е гг. привело к снижению темпов сельскохозяйственного производства.

Таким образом, главная цель самоуправления состояла в том, чтобы воплотить в жизнь идею непосредственного участия трудящихся в управлении производством и государством. При этом ведущее значение в политическом и экономическом развитии государства занимал процесс «трех Д»: децентрализация, деbüroкратизация, демократизация.

Особенностью югославского самоуправления было его постоянное развитие. При сохранении базовых принципов самоуправления ряд основополагающих элементов с течением времени трактовались по-новому, менялось и содержание термина «самоуправление»: «рабочее самоуправление» 1950-х гг. сменилось «общественным самоуправлением» в 1965 г., с принятием Конституции 1974 г. провозглашалась система «социалистического самоуправления».

В 1960-е годы возникли серьёзные экономические и политические проблемы. Критику и недовольство вызвали последствия административно-командного управления экономикой, сосредоточение всей полноты власти в руках союзных органов. «Усилились противоречия и трения между республиками, каждая из которых считала, что при

²⁶⁶ Закон об основах общественного и политического устройства ФНРЮ и о союзных органах власти // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т.3./ Отв. ред. Мельцер Д.Б. Минск. 1991. С.313-314.

²⁶⁷ Каменецкий В.М. Политическая система Югославии (1950-1980гг.). М.: Наука. 1991. С.13-25.

централизованном распределении производственного продукта именно её «объедают» соседи, а все вместе они обвиняли союзные органы в ошибочных и волюнтаристских решениях. К тому же, вскоре заметно оживились националистические настроения в ряде республик, которые привели общество к системному кризису 1970-х годов»²⁶⁸.

Всё это побудило И. Б. Тито и его ближайших соратников принять решение о проведении радикальной реформы федерации. Её суть в том, чтобы переложить на республики и автономные края всю ответственность за своё экономическое и культурное развитие, социальную политику. Рассчитывали, что реформа укрепит федерацию, но уже на принципиально новой основе – общественном самоуправлении (которое замышлялось как дальнейшее развитие социалистических производственных отношений). Одновременно делалась попытка внедрить в экономику «управляемые» рыночные рычаги.

По замыслу авторов реформы, освобожденные от государственно-бюрократической опеки предприятия, должны были выступать инициаторами интеграционных процессов во всей стране, а, обретя свободу действий, легко преодолеть любые административно-территориальные границы. Надеялись также на то, что республики и края в новых условиях станут одинаково ревностно отстаивать как свои собственные, так и югославские интересы. Эти положения реформы нашли сначала отражение в конституционных поправках, а в 1974 году окончательно были закреплены в четвёртой по счёту конституции СФРЮ. Впервые политические и экономические функции федерации существенно ограничивались в пользу республик и краёв.

Конституция 1974 г. изменила соотношение прав и полномочий центральных и республиканских органов управления. Республики и автономные края приобрели политическую и экономическую самостоятельность, главная роль при решении экономических и кадровых вопросов теперь отводилась местным органам. Функции центра в структуре государства значительно сузились, в его ведении остались: обеспечение независимости и территориальной целостности страны; регулирование трудового права; вопросы экономического планирования, функционирования валютной системы, платежного обращения; экономических отношений с другими государствами и т.д.²⁶⁹. По сути, субъекты федерации получали государственный статус. Выполнение федеральных функций республиками должно было осуществляться посредством взаимных соглашений, а также общественно-политических содружеств (ОПС), которые

²⁶⁸ Вострухов Е., Ермолович Н. Развод по-югославски. Известия. 8 апреля 1991 г.

²⁶⁹ Конституция СФРЮ (1974 г.). // Конституции мира. Режим доступа: URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=781> (Дата обращения 20.12.2019).

должны были представлять собой «синтез территориально организованной политической власти и самоуправленческой интеграции на территориальной основе... Между ОПС отныне не существовало иерархических отношений. Каждое из них было автономно и самостоятельно, а отношения строились на основе взаимосвязи и кооперации как по горизонтали, так и по вертикали»²⁷⁰. Целью этой политики было устранение национальных противоречий и укрепление стабильности государства после смерти И. Броз Тито.

Особо следует упомянуть о политике «выравнивания» экономического и культурного уровня исторически неравно развитых регионов. Задача этой политики сводилась к тому, чтобы выровнять различные части Федерации по уровню социально-экономического развития. Для достижения этого в 1970-х годах был принят закон об отчислении развитыми республиками 2% своего общественного продукта в так называемый Фонд федерации по кредитованию недостаточно развитых республик и автономного края Косово и Метохия. Это должно было, по мнению авторов концепции «выравнивания», сгладить зарождавшиеся межреспубликанские противоречия²⁷¹.

Таким образом, увеличение полномочий местных властей должно было способствовать интеграции югославского рынка и интенсификации товарного воспроизводства.

На практике эта система мало чем отличалась от советской, номенклатурно-бюрократической. «Под маской самоуправления скрывалось отсутствие фактической самостоятельности предприятий, во всю процветал диктат партийных комитетов, от производственных ячеек до федеральных ЦК»²⁷². Другой причиной, приведшей самоуправление в тупик, стала децентрализация власти, когда Конституцией 1974 г. централизм был опущен с федерального уровня на республиканский. В республиках и автономных краях постепенно возникали политические центры, вокруг которых стали складываться этнократические кланы. К представителям «этнократии» В. К. Волков относит часть старой партократии, бюрократические слои, управленцев в экономической сфере, дельцов теневой экономики, а также националистическую интеллигенцию. «Общей чертой всех этнократических кланов является их стремление к национально-авторитарным формам правления, борьба за власть и собственность, за полный контроль над «своей» территорией при полном игнорировании и непризнании за другими этносами

²⁷⁰ Гуськова Е.Ю. Указ соч. С.60.

²⁷¹ Вуяич В., Заславский В. СССР и Югославия: причины распада. // Этнографическое обозрение. 1993. № С.25.

²⁷² Вострухов Е., Ермолович Н. Экономическое чудо югославского премьера может не состояться из-за сепаратизма республиканских лидеров // Известия. 2 апреля 1991. С.5; Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов (Круглый стол) // История СССР. 1991. №1. С.27.

тех прав, которых она добивалась для обоснования своей власти»²⁷³. Следовательно, «демонтаж этатизма на уровне федерации обернулся ростом республиканско-краевого и даже общинного этатизма»²⁷⁴. Это привело к складыванию восьми практически самостоятельных государственных образований в рамках республик и краев. Наиболее острой проблемой становится вопрос о статусе автономного края Косово, который в соответствии с новой конституцией обретает практически статус республики и это предопределяет в дальнейшем конфликт с руководством Сербии, рост сербского национализма.

Не в меньшей степени нарастанию кризисных тенденций способствовали внешнеполитические обстоятельства. Геополитический раскол Европы, существование НАТО и Варшавского Договора создавали для Югославии позицию неуязвимости в межблоковом противостоянии, которая, как показано в предыдущем параграфе, на поверку оказалась иллюзией и стимулировала усугубление фобий и внутри блоков, и у самой СФРЮ. Однако в статическом состоянии периода холодной войны ситуация выглядела выгодной: Югославия получала финансовую и научно-техническую помощь от стран Запада, а с конца 1950-х годов, после нормализации советско-югославских отношений, став в 1961 г. ассоциированным членом СЭВ, получила ещё и право на те «преференции», которыми пользовались страны социалистического содружества. «Это – наркотик дешевых, фактически бросовых цен на наше сырье и энергоносители и всеядный и безграничный советский рынок. Кроме того, в первой половине 1970-х годов республики, воспользовавшись новыми возможностями, начали бесконтрольно, без разрешения союзного правительства набирать иностранные займы. На Югославию обрушился финансовый вал. Часть средств пошла на инвестиции, и власть самодовольно объявила Югославию «самой большой стройкой Европы»²⁷⁵.

Однако уже в 1979 году югославский торговый дефицит составлял 7,2 млрд долл., а иностранный долг – свыше 20 млрд долл.»²⁷⁶. Политическая элита после чисток начала 1970-х использовала кредиты для того, чтобы «купить» политическую лояльность, однако это привело не к выходу из кризиса, а к его усугублению.

Экономический кризис сказался на увеличении общественно-экономического неравенства между республиками. Политика вкладывания крупных средств в

²⁷³ Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик. 2000. С.227-228.

²⁷⁴ Гиренко Ю. С. В борьбе за интересы трудящихся (К 70-летию СКЮ) // Советское славяноведение. 1989. №4. С.14.

²⁷⁵ Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / отв. Ред. Э.Г. Задорожнюк; Ин-т славяноведения РАН. М.: Наука. 2006. С. 371.

²⁷⁶ Glaurdić J., Vrijeme. Čas Europe: Zapadne sile i raspad Jugoslavije. Zagreb: Mate. 2011. Str.11.

слаборазвитые регионы или перераспределение на нужды этих регионов части доходов более богатых республик успеха не имела, потому что эти мероприятия никогда не достигали результатов в полном объеме. Это объяснялось тем, что для слаборазвитых регионов была характерна низкая производительность труда и быстрый демографический рост. К тому же помощь оказывалась без каких-либо условий и обязательств. В итоге споры о выплате взносов в этот Фонд усилили напряженность в отношениях между югославскими республиками. В частности, для Словении, население которой составляло 8% населения Югославии, сумма отчислений достигала примерно 25% федерального бюджета и около 17-19% - в федеральный фонд неразвитых регионов. С начала 1980-х годов Словения и Хорватия сначала резко сократили отчисления в данный фонд, а затем и вовсе перестали их осуществлять. Это, в свою очередь, негативно сказалось на социально-экономической ситуации в слаборазвитых республиках и Косове.

Как фиксирует И. Некрасов, ежегодный уровень доходов на душу населения в промышленно развитых Словении и Хорватии примерно в 3 раза превышал аналогичные показатели в Косово. В 1981 г. уровень безработицы среди албанцев в Косово превышал 27%, заметно превосходя общегославский уровень²⁷⁷. Именно с этого времени начался распад югославской экономики.

Экономические противоречия усилили центробежные тенденции, в основе которых лежала национальная идеология. «Экономический национализм» привел в середине 80-х гг. к завершению процесса «автаркизации» – то есть складыванию восьми обособленных народнохозяйственных комплексов – по числу республик и автономных областей. Это проявилось в функционировании восьми замкнутых электроэнергетических систем, а также в банковском деле, промышленной политике и т.д. Границы республик и краев пересекала лишь ¼ товарной продукции. «Торговые войны» между республиками (Сербия и Словения, Сербия и Хорватия) также подорвали единство общегославского рынка²⁷⁸.

Экономический кризис проявился также в прогрессирующем спаде производства: среднегодовые темпы прироста валового общественного продукта в 1981 – 1985 гг. не достигли 1%; на 8% снизилась производительность труда; наблюдалось резкое падение реальных личных доходов населения. Особую проблему составляла безработица, которая существовала одновременно с избыточной занятостью (в Югославии 30% занятых могли

²⁷⁷ Некрасов И. Ни разрубить, ни развязать. Косово – заложник противоположных интересов // Известия. 14 января 1999. С.5.

²⁷⁸ См.: Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М: Индрик. 2000. С.233; Вуячич В., Заславский В. СССР и Югославия: причины распада. С.29; Аблазова Л.С. Дискуссия: национальный фактор в международных отношениях в ЦЮВЕ // Советское славяноведение. 1992. №1. С.17.

быть уволены без сокращения объема производства), при этом в среднем уровень безработицы составлял 16%²⁷⁹. В 1978 г. в Югославии насчитывалось 700 тыс. безработных, в том числе 330 тыс. высококвалифицированных и квалифицированных рабочих. В 1980-е гг. безработица стала постоянным фактором жизни общества: к 1985 г. общая численность официально зарегистрированных безработных выросла до 1 млн, а с учетом скрытой безработицы достигла 5 млн человек.

Таким образом, разразившийся в начале 1980-х гг. экономический кризис был вызван объективными внутренними и внешними причинами. В первую очередь оказалась нежизнеспособной сама система «социалистического самоуправления» как национальный вариант перераспределительной экономики. Ее хозяйственные механизмы, сочетавшие планирование и рыночные отношения, оказались неспособными осуществлять эффективное управление экономикой. К началу 1980-х гг. возможности экстенсивного роста, жизни в кредит были исчерпаны: это вызвало сначала застой в экономике, а затем глубокий кризис, который был усилен внешним фактором, в частности выплатой огромного финансового долга. Со смертью И. Б. Тито в 1980 г., Югославия, оставшись без общенационального лидера, начинает мучительный поиск выхода из кризиса.

При усилившейся экономической отсталости СФРЮ постепенно стала утрачивать значение «стратегического буферного государства» между Востоком и Западом²⁸⁰. В период существования «второй Югославии» одним из основных источников финансирования являлись иностранные займы, которые распределялись и тратились крайне неэффективно. Власти прибегали к финансированию капиталовложений путем эмиссии денег. А когда и этого оказывалось недостаточно, то к использованию дополнительных иностранных средств сверх экономически оправданных объемов. В итоге огромный внешний долг лишил ее возможности получать новые займы, и ей приходилось выделять свыше 40 процентов валютных поступлений на обслуживание иностранных долгов.²⁸¹ Платежный баланс страны складывался с постоянным дефицитом. Мировой энергетический кризис середины 1970 - начала 1980-х гг., а также подорожание трансфера технологий усугубили экономическое положение Югославии.

Подключение МВФ к решению югославской экономической проблемы существенно обострило внутренние процессы в СФРЮ. В результате переговоров о возможности получения кредита в начале 1980х гг. МВФ принудил Югославию резко

²⁷⁹ Авен П.О. Экономическая реформа: основные модели и последовательность осуществления // Экономика и математические методы. 1991. Т. 27. Вып. 3. С.474.

²⁸⁰ Симич П. Гражданская война в Югославии. Причины и последствия // Международная жизнь. 1993. № 7. С.77.

²⁸¹ Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М.: Гея итерум, 2000. С.314.

снизить бюджетные расходы, девальвировать динар, отпустить цены и т. д. Правительство и парламент СФРЮ были вынуждены уступить под давлением, поскольку единственной альтернативой было банкротство, а прекращение иностранного кредитования означало бы и крах всей экономики. Так, Югославия ввела строгие ограничения, и ее население столкнулось с самым серьезным экономическим кризисом со времен конфликта Тито и Сталина. К 1984 году как результат данных реформ удалось обуздать торговый дефицит. Во всех же остальных сферах меры провалились²⁸².

Но главное, стало ясно, что система объединенного труда и основанная на ней «договорная экономика» функционируют неэффективно. Это заставляло задуматься над пересмотром всей системы координат. Однако коллективное руководство Югославии оказалось неспособным что-то кардинально изменить или выступить с чем-то принципиально новым. В результате была запущена «Долгосрочная программа экономической стабилизации».

Она была подготовлена как результат двухлетних публичных дебатов, главным координатором которых был словенский представитель в Президиуме СФРЮ Сергей Крайгер. Документ, объемом в 15 000 страниц, получил статус официального документа XII съезда СКЮ (1982). Программа была принята 4 июля 1982г. в Скупщине СФРЮ по предложению главы правительства М. Планинц (1982 – 1986 гг.)²⁸³. Главная причина кризиса в оценке авторов ДПЭС заключалась том, что в его основе несоответствие между производственными силами и отношениями.

В концепции ДПЭС провозглашалась политика максимальной экономии расходов бюджетных средств, роста накоплений, а также проведение активной демографической политики, ведущей, в частности, к сокращению прироста населения в Косово. В основе концепции устанавливалась стратегия экспансии экспорта. Авторы программы особо отмечали: «В Долгосрочной программе экономической стабилизации... мы выступаем за развитие на основе модели открытой экономики, за рост экспорта, а не импортозамещения»²⁸⁴. Программа включала традиционные меры: обуздание инфляции, снижение роста цен, дефицита внешнеторгового и платежного балансов. Традиционно подчеркивалась необходимость выравнивания уровней экономического развития отдельных республик СФРЮ.

²⁸² Glaurdić J. Op. cit. Str.13.

²⁸³ Югославия в огне: документы, факты, комментарии (1990 - 1992) / Отв. Ред. Гуськова Е. Ю. М.: Экспертинформ. 1992. С.360.

²⁸⁴ Ланг Р., Войнич Д. Реформа экономической системы в Югославии // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 5. С.114.

Отечественные исследователи полагают, что труд Крайгера получился компромиссным и неконкретным. Программа не только консервировала существовавшее положение, но и с самого начала не выполнялась²⁸⁵. Так, инфляция в 1984 г. была около 60%, вместо запланированных программой 15 %. Как считают отечественные исследователи, сохранение приверженности «карделевской» Югославии превращало идеологию в важнейшую причину экономического кризиса: неготовность что-либо менять стимулировала дальнейшую децентрализацию, делала неизбежным дробление и сегментирование югославского рынка²⁸⁶.

Население всё больше привыкало жить «без власти» и выживать «вопреки власти». Тем более, что на протяжении предшествующего десятилетия по мере нарастания кризиса номенклатурно-самоуправленческого социализма нормой стала жизнь по т.н. «VIP-системе» («Veze i prijateljstvo» – по-сербски) – т.е. жизнь вне нормативных институтов, на основе «связей и дружеских отношений». Тем самым усиливались характерные для сербского общества традиционалистские, патриархальные черты, которые во многом были результатом своеобразного по своему содержанию процесса ускоренной не столько урбанизации социума, сколько превращения города в село, когда вместо институтов гражданского общества воспроизводились традиционные корпоративные и клановые связи. Именно это обстоятельство сыграло свою роль в том, что в массовом сознании всё прочнее вызревало не только острое недовольство властью как таковой, её бессилием, но и стремление найти как виновников своего трагического положения (а они были рядом, в соседней республике), так и харизматического лидера, вождя (своего, но теперь республиканского «Тито»).

Следует отметить, что реализация начатой в 1982 г. ДПЭС первоначально дала определенные положительные результаты: так, объем югославского экспорта в страны со свободно конвертируемой валютой в 1987 г. вырос более чем на 5 % по сравнению с 1986 г. и на 8% по сравнению с 1983 г. Совокупный импорт Югославии при этом несколько уменьшился²⁸⁷. Активное сальдо югославской торговли с зарубежными странами составило за первые пять месяцев 1988 г. 5 млн долларов. Однако наряду с увеличением экспорта, смягчением остроты положения в платежном балансе, регулярной выплатой долга шло резкое сокращение инвестиций, вследствие чего рост промышленного производства в 1987 году составил менее 0,6 %.

²⁸⁵ Югославия в XX веке...С. 745.

²⁸⁶ Там же. С. 13.

²⁸⁷ См. подробнее: Kovač O., Popović T. Yugoslavia and the European Union: the past and the future. Belgrade. 1996. 184 S.

Одновременно, поскольку эти относительные успехи были достигнуты за счет жестких рестриктивных мер, уровень жизни населения постоянно снижался. Свободное ценообразование и отсутствие государственного контроля за ценами вызвали высокий уровень инфляции, которая составляла в среднем в 1970-е гг. 20%, в 1981г. – 39.8%, в 1983 г. 280%, а в 1989 г. достигла уже 2800%. Средняя заработная плата в общественном секторе уменьшилась на $\frac{1}{3}$; в связи с инфляцией увеличились различия в размере заработной платы в общественном секторе, так, коэффициент вариации заработной платы в промышленности в 1986 – 1987 гг. увеличился больше, чем вдвое. Официальная безработица выросла до 1,2 миллиона человек, что составляло около 16% численности всего населения²⁸⁸. При этом, как минимум, половину безработных составляла трудоспособная молодежь.²⁸⁹

Характерной чертой середины 1980-х стала маргинализация городского населения: быстрый рост безработицы (по официальным данным регистрации 1 млн, а по неофициальным – до 5 млн человек) сопровождался притоком в крупные города (в первую очередь, Белград) мигрантов из Косова, Боснии и Герцеговины, Македонии. Избыточную рабочую силу не могла поглотить и трудовая миграция в ФРГ, Австрию, Швейцарию и другие европейские страны, которая в середине 1980-х гг. превысила 1,5 млн человек. Постепенно Белград и другие города-мегаполисы превращались в средоточие молодых маргиналов. Белград, в частности, был заполнен безработными косоварами, цыганами, боснийцами, бежавшими из Косова сербами и черногорцами, ночующими в парках и скверах столицы в ожидании любого заработка.

Параллельно происходило снижение политической активности в масштабах федерации. Показательны в этом отношении данные исследования политической активности членов СКЮ профессора политических наук Загребского университета И. Шибера, проведенные в 1982 – 1983 гг.²⁹⁰ В соответствии с ним большинство членов партии были не готовы открыто высказывать собственное мнение, приводя в качестве оправдания то, что «боятся последствий», «не хотят вызвать гнев руководящих органов» или «их волнуют только личные интересы». По результатам сравнительного анализа данных о политической активности коммунистов за 1976 и 1982 годы авторы исследования фиксировали «драматическое снижение» степени удовлетворенности положением дел в своей партийной организации: в 1976 г. 39,2% анкетированных были им удовлетворены, а в мае 1983 г. таковых осталось лишь 19%.

²⁸⁸ Авен П.О. Экономическая реформа: основные модели и последовательность осуществления // Экономика и математические методы. 1991. 27(3). С. 474.

²⁸⁹ Зечевић В., Јовановић Ор. cit. стр. 7-8.

²⁹⁰ Никшић С. Зашто комунисти ћуте // НИН. 4. септембар 1983. С.11-14.

По мнению организаторов исследования, «оппортунизм» (забота лишь о собственных интересах) и «конформизм» (страх от последствий) стали доминирующими причинами пассивности коммунистов, при этом в 1982 г. эти два параметра были характерны для почти половины членов СКЮ (49,8%). Вопреки устоявшемуся мнению о том, что молодые – наиболее активные в выражении собственного мнения, результаты исследования свидетельствовали об обратном: наиболее пассивны были не только самые молодые члены партии (до 25 лет, которые ссылаются на «поглощенность самим собой» и недостаточную информированность), но и члены партии в возрасте от 25 до 35 лет, а наиболее активны члены партии старше 55 лет, в первую очередь пенсионеры, которым «нечего терять».²⁹¹ Причины «драматического снижения» политической активности коммунистов, их «оппортунизма» и «конформизма» авторы исследования тактично объясняли «ярко выраженным экономическим застоём, резким падением жизненного уровня, рядом острых проблем в функционировании политической системы, а также как результат резкого обострения обстановки в мире...».

В то же время, эти данные свидетельствовали и о глубоком идеологическом кризисе: таково мнение члена ГК Союза коммунистов Сербии П. Ралича.²⁹² Он называл четыре забытых принципа, которые «делают нашу идеологическую ситуацию невыносимой»: 1. вопрос собственности является главным принципом коммунистического движения, а «коммунистическая революция есть самое радикальное отрицание традиционных отношений собственности»; 2. что не критика, а революция есть движущая сила общественных перемен; 3. что без революционной теории нет революционного движения, что без новых идей и понимания путей освобождения труженика и труда воцаряется прагматизм и практицизм; и 4. «без развития социалистического югославского сознания, югославского социалистического патриотизма мы не сможем сохранить себя в рамках ключевых принципов Югославской социалистической революции». И он же предупреждал: если это станет реальностью, мы можем назвать свою революцию проваленной».

Анализ настроений представителей молодёжи свидетельствовал о том, что её оценки состояния экономической и общественной ситуации существенно отличались от конформистского поведения членов партии. Это продемонстрировали данные опроса 500 молодых рабочих, студентов, безработных и учащихся средней школы их Белграда и Ниша, проведённого весной 1983 г. совместно с газетой «Политика» членами

²⁹¹ Никшић С. *Op. cit.* С.13.

²⁹² Ралић П. Порекло конформизма // НИИ. 4. септембар 1983. С.13.

Исследовательско-издательского центра Союза социалистической молодёжи Сербии.²⁹³ Характерно, что главной проблемой общества подавляющее большинство опрошенных (95%) называли безработицу, и это несмотря на то что каждый второй из них имел работу. Обращает на себя внимание то, что практически только половина опрошенных (51%) верили в превосходство системы социалистического самоуправления, а каждый пятый считал, что система самоуправления уступает в своей эффективности «другим системам управления». При этом ответственность за неблагоприятную общественно-политическую ситуацию в стране 26% возлагали на руководителей, 22% – на деформации в самой общественно-политической системе, 22% связывали с общей ситуацией в мире и 17% – с экономическим положением в стране. Несмотря на то что мнения об ответственности разделились, симптоматично, что молодёжь в своём большинстве ответственность за экономическую и политическую ситуацию в стране возлагала на руководителей. При этом 77% опрошенных были уверены, что именно в среде руководящих работников все больше становится тех, кто использует свое положение в личных целях.

В целом результаты опроса свидетельствовали о крайне пессимистической оценке молодыми дальнейших перспектив: практически каждый второй (43%) считал, что ситуация в стране будет только ухудшаться, а ещё 16% считали, что все останется без изменений. По мнению организаторов опроса, самым беспокоящим было то, что большинство опрошенных не видели вариантов решения кризисных проблем и, тем более, не верили в способность молодежи оказывать влияние на эти процессы²⁹⁴.

Таким образом, эгалитаризм массового сознания привел к двум чрезвычайно важным последствиям. Во-первых, экономический кризис в Югославии при нежелании реформировать модель самоуправленческого социализма и ставке на то, что именно она – основное внутреннее звено, формирующее югославскую «уникальность», привел к тому, что единственным выходом из него казался поиск несоциалистической альтернативы. На данном этапе это принципиальным образом отличало ситуацию в Югославии от положения в Советском Союзе. Жизнь «за счет» натурального хозяйства и отсутствие голода усиливали среди населения представления о том, что в основе кризиса лежит идеология. Эгалитаризм массового сознания вел к росту противоречий между отдельными республиками, поскольку повсеместно вызрело представление о том, что республики являются «заложниками» друг друга, хотя объясняли это в Белграде, Загребе, Любляне и других республиканских столицах по-разному.

²⁹³ Шуваковић З. Не само «њихове бриге» // Политика. 3. април 1983.

²⁹⁴ Шуваковић З. Op. cit.

Во-вторых, массовое осознание «неравенства» и глубоких различий в положении, которые были абсолютно несовместимы с эгалитаристской концепцией социалистического самоуправления, стали мощнейшим ресурсом формирующихся республиканских этнократических кланов, которые сформировались в условиях самоуправленческой автаркии и не допускали мысли о возможной централизации. В СФРЮ, тем самым, экономический кризис был равносителен не столько экономической, сколько идеологической катастрофе, выход из которой виделся в демократизации через усиление националистического дискурса. Именно это, судя по всему, недопонимали на Западе, а также надеялись преодолеть в федеральном центре – Белграде.

Попытки экономических реформ в рамках самоуправленческого социалистического нарратива, которыми были безуспешно заняты четыре последних федеральных правительства, были обречены на столкновение с интересами республиканских партийно-бюрократических элит. Кроме того, в условиях общественного разочарования и идеологического кризиса республиканские элиты не были заинтересованы в возникновении фигуры «нового» Тито федерального уровня. Их интересам отвечало появление сильных республиканских лидеров. Это постепенно происходило во всех республиках СФРЮ, в том числе и в Союзе коммунистов Сербии.

В 1982 г. Председателем Городского комитета СК Белграда стал И. Стамболич, а его избрание в 1984 г. на пост Председателя СК Сербии открыло путь к стремительной политической карьере его однокурсника и друга Слободана Милошевича. В 1986 г. С. Милошевич стал председателем Центрального комитета СК Сербии – первым человеком в республике²⁹⁵. Начав карьеру как последовательный «титоист», лояльный федеральному центру, С. Милошевич довольно быстро оказался в центре идеологической борьбы по вопросам судьбы всей федерации.

Экономическая реформа союзного правительства Анте Марковича

В таком политическом контексте правительство А. Марковича попыталось связать последнюю экономическую реформу союзного правительства СФРЮ с углублением сотрудничества с ЕЭС. Сформированное в марте 1989 г. правительство А. Марковича в преддверии осуществления радикальных реформ предприняло конкретные шаги по расширению сотрудничества с европейскими интеграционными институтами: весной оно добилось получения статуса «особого члена Парламентской ассамблеи Совета Европы, подписало пять соответствующих конвенций и заявила о готовности в ближайшие месяцы

²⁹⁵ Николић, К. «Нико не сме да вас бије»: Слободан Милошевић у Косову Пољу 24-25. април 1987: историја и легенда. Београд: Институт за савремену историју. 2006.

ратифицировать ещё 42 конвенции Совета Европы. В своем выступлении 27 ноября 1989 г. на очередном ежегодном заседании Совета по сотрудничеству между ЕЭС и Югославией министр иностранных дел СФРЮ Б. Лончар особо подчеркнул, что для правительства А. Марковича «развитие сотрудничества и отношений с Европейским сообществом является условием успеха югославских реформ»²⁹⁶.

В ходе переговоров югославской делегации в Брюсселе с председателем Совета ЕЭС министром иностранных дел Франции М. Дюма и председателем Совета по сотрудничеству А. Матеусом югославская сторона просила, чтобы ЕЭС оказало содействие в реструктуризации югославского долга перед международными финансовыми институтами, в получении финансовой помощи со стороны МВФ, Европейского инвестиционного банка и непосредственно от стран-членов. В то же время в своем выступлении на заседании Совета Б. Лончар неожиданно заявил о намерении СФРЮ получить статус «ассоциированного члена» Сообщества²⁹⁷. Неожиданность этого заявления была вызвана тем, что месяцем ранее председателю Совета ЕЭС М. Дюма и председателю Европейской Комиссии Ж. Делору был направлен официальный Меморандум югославского правительства об отношениях с ЕЭС, в котором данное намерение СФРЮ вообще не было упомянуто. В тексте Меморандума правительства А. Марковича говорилось о том, что «Югославия твердо намерена проводить фундаментальные изменения в обществе с целью развития экономической эффективности и расширения политической демократии», а также подчеркивалось, что «...открытость Югославии миру, и в особенности в отношении Европы, – основа перемен и реформ, которые ею предпринимаются»²⁹⁸. В то же время в разделе Меморандума, который не был опубликован в югославской печати, А. Маркович назвал «создание «общего европейского дома» в качестве «безусловного исторического процесса» и подчеркнул, что вкладом Югославии в этот процесс должны быть реформы, основанные на трех принципах: «рыночная экономика – политический плюрализм – демократия», и что югославское правительство твердо намерено добиваться реализации намеченных целей»²⁹⁹.

Неожиданность заявления Б. Лончара о намерении правительства добиваться статуса ассоциированного члена ЕЭС, в совокупности с заявленной правительством А. Марковича в неопубликованной части Меморандума приверженностью т.н. «трём принципам», свидетельствовало о крайне неоднозначном восприятии немеченых реформ

²⁹⁶ Заједничко саопштење за штампу. Брисел, 28. новембар 1989. године // НИН. посебни број “Европа’ 92”. 10. децембар 1989. Стр.34-35.

²⁹⁷ Никшић С. Југославија жели да се “придружи” // НИН. посебни број “Европа’ 92”. 10. децембар 1989. стр.31.

²⁹⁸ Никшић Оп. cit. стр. 31.

²⁹⁹ Никшић Оп. cit. стр.32-33.

и внешнеполитической ориентации СФРЮ, декларируемыми правительством А. Марковича, представителями отдельных югославских республик.

Члены ЕЭС позитивно восприняли намерения югославского правительства подкрепить экономические и политические реформы расширением сферы сотрудничества с Сообществом. В то же время они сдержанно отнеслись к предложению о повышении статуса Югославии до уровня ассоциированного члена ЕЭС, который к этому моменту имели Кипр и Мальта – два других претендента на получение статуса страны-кандидата, входящие вместе с Югославией в т.н. «средиземноморскую группу»³⁰⁰. Одним из мотивов «сдержанности» ЕЭС было то, что само Сообщество вступало в период серьезных институциональных реформ в период 1990-1992 гг., и как заявил Э. Райн, комиссар ЕЭС по взаимоотношениям со странами Средиземноморья, югославы должны быть «терпеливы», поскольку в предстоящие несколько лет «мы не намерены расширять наше членство»³⁰¹.

То, каким образом оценили премьера и его программу в США, может, - наиболее яркий задокументированный пример, иллюстрирующий, с какими проблемами сталкивался Маркович. Тогдашний посол США в Белграде Уоррен Циммерман считал, что Маркович прекрасно осознавал необходимость не только политической, но и финансовой поддержки Запада. А. Маркович смог добиться официального визита в Вашингтон и встреч с президентом Дж. Бушем, государственным секретарем Джеймсом Бейкером, министром финансов Николасом Брадом и другими чиновниками, представителям Всемирного банка и МВФ. Однако все это не увенчалось никакой финансовой поддержкой.

Во время встречи с американским президентом у А. Марковича была возможность поделиться мнением о М. Горбачеве и в целом ситуации в СССР. Как после охарактеризовал визит Роберт Хатчингс, директор европейского отдела Совета национальной безопасности в период с 1989 по 1992 год, визит Марковича напоминал «звук аплодисментов одной рукой: его внимательно выслушали и вербально поддержали, но не дали никакой ощутимой экономической или политической поддержки»³⁰². По воспоминаниям У. Циммермана, премьеру недвусмысленно показали место Югославии в приоритетах Вашингтона³⁰³.

³⁰⁰ Матутес А. Ми смо забринути за Југославију // НИИ. посебни број “Европа’ 92”. 10. децембар 1989. С.36-37.

³⁰¹ Рајн Е. У чему смо слични, где се разликујемо // НИИ. посебни број “Европа’ 92”. 10. децембар 1989. С. 39.

³⁰² Hutchings R. American Diplomacy and the End of the Cold War: An Insider's Account of US Diplomacy in Europe, 1989-1992. Woodrow Wilson Center Press. 1997. p. 304.

³⁰³ Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. Random House USA Inc; 1999. P. 47

По мнению Й. Глаурдича, мировое сообщество изначально было пессимистично настроено в отношении способности югославов осуществить эффективные реформы вообще. После длительного периода разочарования результатами проводившихся экономических реформ начало мандата Анте Марковича воспринималось с пессимизмом. «В начале одной из своих статей газета Financial Times четко изложила позицию международных финансовых кругов: «В прошлом долг Югославии чрезмерно часто реструктурировали, а новые кредиты одобряли на основании обещаний впечатляющих реформ, которые никогда не воплощались дальше уровня идеи. Судя по всему, нет оснований верить Югославии и сейчас... Очевидно, что к моменту прихода к власти Анте Марковича добрая воля в отношении Югославии была исчерпана»³⁰⁴.

Отношения между республиками и центром все более обострялись. Существующие законодательные механизмы на практике не могли обеспечить функционирование единого рынка и государственно-политической системы в масштабах федерации и вели к еще большей децентрализации. Радикальная экономическая реформа в СФРЮ, положившая конец паллиативным мерам экономической стабилизации, которые предпринимались правительствами М. Планинц и Б. Микулича в 1982-1988 гг., фактически началась в конце 1988 г. федеральным правительством Б. Микулича. Оно провело в федеральной Скупшине целый пакет законодательных актов, направленных на радикальный разрыв с экономикой «самоуправленческого социализма». Однако провести эти реформы в жизнь Б. Микуличу не удалось в связи с известной аферой «Агрокоммерц», заставившей югославского премьера уйти в отставку.

Для создания эффективного механизма реформирования экономики и стабилизации положения в стране требовался пересмотр положений Конституции СФРЮ 1974 г. Поэтому радикальная реформа началась 25 ноября 1988 г., когда Скупщина СФРЮ приняла 39 поправок к Конституции 1974 г., которые дополняли или отменяли более 130 статей нормативного раздела Конституции. Целью данных поправок было по-новому структурировать отношения по линии федерация - республики.

В соответствии с принятыми поправками, федерация через союзные органы получила право вмешиваться во внутренние дела республик и краев при невыполнении союзных законов. Создавалась единая финансовая, кредитная, налоговая и валютная система. Федерация получила право определять стратегию научно-технического развития Югославии, утверждать основы системы товарных резервов, условия деятельности открытых зон, основы правового положения и деятельности организаций объединенного труда и других субъектов рыночной деятельности на единой экономической территории

³⁰⁴ Glaurdić J. Op. cit. Str. 57

Югославии, определять единые показатели общественного производства. Союзные органы должны были определять и распоряжаться общественными средствами, предназначенными для ЮНА, принимать союзные законы в сфере экологии и защиты окружающей среды. Одновременно сужалась компетенция краевых властей, поскольку теперь они могли осуществлять международное сотрудничество только в рамках утвержденной политики СР Сербии. Автономные края утрачивали элементы государственности, становились подотчетными республиканским органам Сербии. В итоге была принята Конституция, которая сводила правовой статус краев к территориальной и культурной автономии, лишив их всех элементов государственности.

Таким образом, в Югославии на законодательном уровне были восстановлены широкие полномочия центра по отношению к республиканским органам управления. Эта конституционная реформа создала правовую основу для дальнейших экономических преобразований.

В конце 1989 г., когда инфляция достигла уже почти 3000 %, Маркович предложил пакет мер по оздоровлению экономики. Его основу составляли превращение динара в конвертируемую внутри страны валюту, сбалансирование бюджета, свободное формирование цен, широкая приватизация. Таким образом, суть предложенной А. Марковичем реформы сводилась к признанию неэффективности паллиативных мер по «стабилизации», необходимости резкого крена в сторону рыночной экономики, то есть гораздо более глубокого, системного и радикального реформирования. По подобному пути с разным успехом осуществлялся переход к рыночному хозяйствованию всех восточноевропейских стран.

Начиная свою работу в качестве премьер-министра, Маркович осторожно заявил, что полное выполнение его реформаторской программы займет не менее пяти лет, а обуздание инфляции примерно 500 дней.

В борьбе с инфляцией правительство А. Марковича достигло успехов практически сразу. Как указывает Н. В. Куликова в своем обзоре программы общественно-экономической реформы Югославии³⁰⁵, темпы прироста цен в первые три месяца 1990 года упали, а с апреля началось их постепенное снижение. В результате прекратился «массовый психоз потребления», когда все боялись отложить вложение в покупки полученных сегодня денег на завтра, буквально за день исчез «черный» валютный рынок, а в обществе появилось чувство определенной стабильности и надежды на выход из

³⁰⁵ Куликова Н. В. Программа общественно-экономической реформы и ее реализация (обзор). // Опыт друзей: реформы конца 80-х годов в Югославии. Выпуск 2. М. ИНИОН АН СССР. 1991. С. 37.

кризиса. Правительство, однако, не отождествляло победу над инфляцией с выходом из кризиса, считая ее не самой трудной задачей программы экономической стабилизации.

Основная задача реформы сводилась к стабилизации финансовой системы, на базе которой должны были проводиться остальные преобразования. Новая политика опиралась на идею срочного перевода динара в ранг конвертируемой валюты, что должно было укрепить кредитно-денежную систему. Для этого был принят Закон о деноминации потерявшей вес национальной валюты. С 1 января 1990 г. вводился новый динар, который привязывался к курсу западногерманской марки. Теперь 7 новых динаров обменивались на 1 марку ФРГ, а 12 динаров – на 1 доллар США. Благодаря этому увеличился валютный резерв путем активного притока иностранных капиталов.

Эта мера способствовала решению важнейшей проблемы 1980-х гг. – остановке и снижению инфляции. В условиях свободного ценообразования темпы роста цен за 1989 год достигли 2500%. Правительство запустило «Программу экономической реформы и мер по её реализации в 1990 г.», целью которой было через командные механизмы управления и в условиях общего сохранения свободного ценообразования временно зафиксировать цены на нефтепродукты, лекарства, заморозить заработную плату, чтобы ограничить спрос на потребительском рынке. И уже в начале 1990 г. инфляция снизилась более чем в 20 раз, причем товарная насыщенность рынка не уменьшилась, а даже возросла.

Новый Закон об иностранных капиталовложениях (1989 г.) значительно расширил возможности притока в страну иностранного капитала. Закон допускал иностранные инвестиции во все виды предприятий, включая банки и страховые организации. Предусматривал участие в управлении в соответствии с вложенным капиталом. За счет подобных новаций предполагалось открыть рынок технологиям, которые прежде Югославия получала в основном через кредитные обязательства; создать дополнительные рабочие места, начать включение страны в мировой рынок. За десять месяцев 1990 года было заключено свыше двух тысяч договоров об иностранных инвестициях в югославскую экономику. Обмен иностранных долгов на акции югославских предприятий срезал внешнюю задолженность с 23 млрд до 16 млрд долларов (на начало 1991 г.). Зарубежные банки и фирмы выразили готовность широко инвестировать рождение рыночной экономики в «бывшей коммунистической стране»; но при условии ее открытости внешнему миру и бизнесу, дальнейших демократизации и утверждения свобод, приватизации экономики. Так вполне эффективно была осуществлена частичная реструктуризация внешней задолженности.

Закон о внешнеторговой деятельности полностью либерализовал экспорт и импорт, отменил все запреты на ввоз и вывоз югославскими и иностранными гражданами товаров при условии уплаты таможенной пошлины. Юридически Югославия данным законом признавала международные правила торговли. С одной стороны, открытие экономики значительно расширяло возможности развития страны, было призвано повысить эффективность и конкурентоспособность нового рыночного хозяйства Югославии. С другой, очевидно ударяло по югославским производителям, особенно товаров народного потребления длительного пользования.

На втором этапе, который начался в июне 1990 г., правительство приняло ряд мер, направленных на осуществление приватизации общественной собственности и общественного капитала. Цель приватизации состояла в том, чтобы каждый работник стал совладельцем предприятия и участвовал в распределении прибыли. Всем предприятиям предоставлялось право продавать собственность через акции своим рабочим и лицам, которые прежде были заняты на этом предприятии, а также любым другим трудящимся, работавшим в общественном секторе народного хозяйства. Все бывшие работники также получали право через пенсионные фонды стать совладельцами заводского капитала и управлять им. Таким образом вся собственность предприятий трансформировалась в смешанную – государственно-частную. В перспективе предполагалось, что через десять лет все коллективы, выкупившие свои предприятия, станут настоящими «капиталистами».

Переход СФРЮ к рыночному хозяйствованию сопровождался не только внутриюгославскими причинами, но и системными сдвигами на международной арене в сторону распада биполярности (Мальтийская встреча Дж. Буша и М. Горбачева, падение Берлинской стены, начало «бархатных революций» в ЦВЕ). Не в последнюю очередь поэтому кризис в Югославии и попытки найти выход из экономической тупика имели не только региональный и внутригосударственный контекст, но и более широкое, глобальное измерение.

Р. Накарада³⁰⁶ указывает на органическую связь внутреннего кризиса в Югославии с качественно новым периодом трансформации капитализма – переходом от кейнсианства к неолиберализму. Главными акторами глобальных трансформаций являлись МВФ и Всемирный банк, «чей интерес в структурных реформах находил своё выражение в либерализации внешней торговли, жесткой бюджетной и финансовой политике, а это имело результат в своеобразной «глобализации» югославской экономики». С этим же она связывает начало борьбы части национальной элиты (кейнсианской, как считает С.

³⁰⁶ См. Подробнее: Nakarada Radmila, Raspad Jugoslavije: problem tumačenja, suočavanja i tranzicije. Službeni glasnik. 2008. 294 str.

Вудвард³⁰⁷, и локального крыла транснациональной элиты, внутренних сторонников неолиберализма). Жесткие рестриктивные меры, навязанные в первую очередь МВФ, реинтеграция югославского рынка привели к ограничению бюджетных расходов и мерам, направленным на экономию, и в свою очередь лишали государство возможности обеспечить социальную защищенность граждан. «Попытки жестких мер были безуспешны и приводили к стремительному падению доходов домохозяйств, уменьшению покупательной способности и росту безработицы»³⁰⁸.

Попытки реформ встретили сопротивление тех, кто считал, что «экономический кризис не может быть решен укреплением федерации, реинтеграцией рынка, свободным перемещением товаров, людей и капиталов. Иными словами, сопротивление исходило от тех республик, которые не желали нарушения своего суверенитета, обретенного по Конституции 1974 г., и правом распоряжаться экономическими ресурсами на собственной территории»³⁰⁹. Этому способствовало и окончание холодной войны. На этом основании С. Вудвард настаивает на том, что не точно характеризовать югославский кризис как исходно этнический. Он, прежде всего, был результатом одновременной трансформации существующей международной системы (перехода от кейнсианства к неолиберализму) и внутреннего порядка (переход от социалистического к капиталистическому).

В результате против кабинета А. Марковича, как ни парадоксально, единым фронтом выступили все республиканские этнократические кланы. Так, переговоры члена президиума СФРЮ от Сербии Б. Йовича с председателем президиума Республики Сербии С. Милошевичем в декабре 1989 года подтверждают, что сербское руководство воспринимало реформу в логике межреспубликанской борьбы. Они рассматривали меры, предложенные А. Марковичем и, в первую очередь, антиинфляционные механизмы как направленные на реализацию интересов Словении и Хорватии и ущемляющие позиции Сербии. С. Милошевич был настроен предельно критически, считая программу А. Марковича неприемлемой для Сербии и настаивая на отставке А. Марковича³¹⁰.

Руководство сербской республики все больше укреплялось в мнении о том, что «поворот» федерального правительства к ЕЭС следует рассматривать как шаг на пути интернационализации внутриюгославских противоречий и в подготовке к отделению северо-западных республик (Словении и Хорватии).

³⁰⁷ Woodward S. *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington, D. C.: the Brookings Institution. 1995. P. 59.

³⁰⁸ Woodward S. *Op. cit.* p.60.

³⁰⁹ *Ibid.* pp. 60-61.

³¹⁰ Јовић, Б. Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника / 2 изд. Београд – Крагујевац: Призма. 1996.

Примечательно, что схожей была позиция хорватского руководства. Хорватский премьер Йосип Манолич в марте 1991 года отмечал, что проблемой А. Марковича является то, что он верит в возможность решения проблемы без обсуждения вопроса политического будущего Югославии. Он стал заложником централизации, которую уже победило время и которая не в интересах ни одной из республик, включая Сербию. Кроме того, он считал, что ориентация реформ Анте Марковича и опция сохранения Югославии входят в противоречие с демократическими изменениями в стране. Конституционные изменения в ущерб союзной Конституции, как отмечает Й. Манолич, А. Маркович воспринимал как атаку на его реформу и единство Югославии и пытался «увечить существующую Югославию», что было контрпродуктивно демократическим изменениям. Позитивным в ней было лишь то, что в краткосрочной перспективе она сдерживала силовые тенденции и способствовала демократическим преобразованиям, смягчая положение в стране³¹¹.

После того, как кандидатура Стипе Месича в качестве кандидата на пост председателя союзного парламента была отвергнута, хорватское руководство встало на позицию, что в союзном руководстве, включая Марковича, нет стремления к дискуссии о единственном возможном выходе из кризиса – создании союза суверенных республик. В этих обстоятельствах Ф. Туджман считал, что А. Маркович пытается стать «спасителем» Югославии и тем самым оказывается противником, стремящимся заполучить западную поддержку и представляющим в данном случае республики как сепаратистов³¹².

В итоге экономическая реформа, которая предполагала изменение отношений собственности, в условиях глубокого недоверия руководств республик друг другу и центру привела к «войне» за нее. При этом, как указывает Э. Джонатан, лидеры ЕЭС, казалось, упускали из виду тот факт, что все соседние государства уже рассматривали создание различных альянсов на случай распада Югославии. Напротив, они концентрировали свои усилия с целью оказания давления на А. Марковича, чтобы тот ускорил реформы. На церемонии открытия Европейского банка реконструкции и развития в Лондоне в апреле 1991 года, пригласивший туда Анте Марковича британский премьер Джон Мейер, открыто заявлял, «что он не стал бы поддерживать или награждать тех, кто стремится изменить отношения внутри Югославии как путем отсоединения, так и через создание такой атмосферы внутри страны, которая привела бы к ее распаду»³¹³.

³¹¹ Manolić J. *Politika i domovina*. Zagreb: Ljevak. 2015.

³¹² Davor M. *Op. cit.* Str. 372-373.

³¹³ Eyal J., *Europe and Yugoslavia: Lessons from a Failure*. // Royal United Services Institute for Defence Studies. 1993. P. 8-9.

При этом двумя месяцами ранее, в начале февраля 1991 года, в Белграде миссия Международного валютного фонда отказала в запросе правительства Анте Марковича о новом кредитном транше, ссылаясь на отсутствие уверенности в том, что союзные власти контролируют ключевые элементы макроэкономической политики. Это было четким сигналом о том, что Югославия рассматривается как страна с высокими инвестиционными рисками,³¹⁴ а, помимо этого, свидетельствовало о том, что западные партнеры, как минимум, осознавали степень напряженности в югославской федерации.

Западную поддержку реформам Анте Марковича по-своему нейтрализовали инерционные и не имеющие особенного практического смысла шаги наиболее важных международных акторов. Одним из них таких действий была поправка Николса-Бентли, когда США наложили вето на символическую финансовую помощь Югославии в размере 5 миллионов долларов. Как отмечал тогдашний посол США в Югославии Уоррен Циммерман, данная поправка попала не в ту мишень, поскольку «целясь в Сербию, поразила Югославию»³¹⁵.

Неоднозначно на фоне разрушающейся биполярной системы выглядели и слова отдельных политических лидеров о преимуществах нейтрального статуса Югославии. Об этом неоднократно в течение 1989 – 1990-х гг. говорили западногерманский посол Х. Айфа в Белграде, канцлер ФРГ Г. Коль, премьер-министр Франции М. Рокар. Более того, накануне своего визита в Югославию в декабре 1989 года он заявил, что в Западной Европе отмечают, что соседи с Востока во многом опередили Югославию, хотя вначале было наоборот³¹⁶. Двусмысленность общей позиции Запада, которую в чем-то можно назвать даже лицемерной, обесценивала те усилия, которые предпринимались в практической плоскости.

Война за собственность на практике привела не только к усугублению политических недовольств и недоверия, но и окончательно свела нет все попытки сохранить экономическое единство страны. Получилось, что радикальная реформа А. Марковича приблизила Югославию к гражданской войне: приватизация в ней приобрела не просто номенклатурно-криминальный, но и ярко выраженный этнический характер. Пик реформы пришелся на 1990 – 1991 гг. и совпал по времени с процессом распада Союза коммунистов Югославии (несущей конструкции федерации) и трансформацией Югославской народной армии в силу ряда обстоятельств в состоящую преимущественно

³¹⁴ Davor M. Op. cit. Str. 370.

³¹⁵ Цит. по: Bing A. Hrvatska u međunarodnoj zajednici// Stvaranje hrvatske države i Domovinski rat. Školska knjiga. Zagreb. 2006. Str. 294.

³¹⁶ Елисеева Е. В. Отношения Югославии со странами Западной Европы. // Опыт друзей: реформы конца 80-х годов в Югославии. Выпуск 2. М.: ИНИОН АН СССР. 1990. С. 197.

из сербов. Эти обстоятельства усиливали стремление республик к экономическому разьединению, попыткам «оттянуть» на себя как можно большее количество ресурсов.

20 декабря 1991 года А. Маркович подал в отставку под предлогом, что 81% бюджета 1992 года отдан под финансирование ЮНА. После отставки Марковича из кабинета вышли и другие республиканские министры, и правительство до создания Союзной республики Югославии возглавлял вице-премьер Александр Митрович. Правительство Анте Марковича, как пишет М. Давор, осталось в воспоминаниях как последний общегославский институт благодаря лично Марковичу, бывшему до самого конца последовательным сторонником югославизма³¹⁷.

Таким образом, в СФРЮ экономические реформы 1950-х – 60-х гг., а также положения Конституции 1974 года стимулировали не только децентрализацию управления, но и определенную экономическую автономию республик. Экономическое сотрудничество с внешним миром в конце 1960-в течение 1970х гг. создавали иллюзию благополучия среди населения. При этом практически неконтролируемый процесс займа дешевых кредитов и инвестиций в конце 1970-х гг., подталкиваемый, с одной стороны, необходимостью «усмирить» республики после волны репрессий, с другой – готовностью западных институтов, в первую очередь ЕЭС, их выдавать, катастрофически повлиял на макроэкономическую стабильность государства. Ошибки в экономической политике, эгоизм республик, мировой энергетический кризис привели к тому, что вместо ожидаемого экономического бума самый большой в истории Югославии инвестиционный вал завершился экономическим кризисом³¹⁸.

Реформа правительства А. Марковича была запущена в крайне неблагоприятных внешних и внутренних условиях. С одной стороны, «геополитическая ось истории» сместилась в сторону Центральной и Восточной Европы. При этом исторический парадокс состоял в том, что «титовская» Югославия оказалась не только детищем холодной войны, но само её существование, относительная внутренняя стабильность и экономическое процветание, находились в прямой зависимости от состояния холодной войны. С другой стороны, в условиях специфического социалистического нарратива в СФРЮ появление после смерти И. Б. Тито «нового Тито» на федеральном уровне было просто невозможно: он мог возникнуть только на республиканском. Что постепенно и происходило.

³¹⁷ Davor M. Op. cit. Str. 374.

³¹⁸ Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Ответственный редактор К. В. Никифоров. М.: «Индрик». 2011. С. 12.

В этих обстоятельствах, такая позиция, когда Запад поддерживал Анте Марковича только на словах, существенно ограничивала ему свободу маневра, а кроме того, влияла на принимаемые решения и общее понимание ситуации. Зная, что его политическая жизнь зависит от реальной внешней поддержки, А. Маркович не только публично приукрашивал свое сотрудничество с западными политиками, но и, похоже, лично верил в то, что Запад поможет сохранить Югославию.

Несмотря на то что югославский кризис и реформы, предложенные А. Марковичем, напоминали по своей сути то, что происходило в Польше, реакция на две ситуации была полярной. Правительство Тадеуша Мазовецкого получило более пяти миллиардов долларов срочной помощи, как и дополнительные займы МВФ и Всемирного банка. Югославия не получила ничего подобного. По свидетельствам Роберта Хатчингса, США и Запад были пресыщены неудачами предшественника Марковича, Бранко Микулича, и сейчас воздерживались от «новой поддержки югославскому лидеру, который еще только должен был доказать авторитет в отношении республик. Или, как метко выразился Уоррен Циммерман, Марковича не поддержали, потому что «Югославия выглядела лузером»³¹⁹.

В свою очередь, неготовность со стороны Запада оказать реальную финансовую поддержку, неизбежно ставило для республиканских лидеров на повестку дня вопрос, не является ли это молчаливым согласием с возможной трансформацией СФРЮ или ожиданием другого, более авторитетного лидера. Попытки получить ответ на обе составляющие данного вопроса на практике начались сразу после отставки правительства А. Марковича.

Тем самым опыт реализации антикризисной программы с активным участием ЕЭС в период радикальной экономической реформы федерального правительства А. Марковича потерпел полный провал, а процесс экономической дезинтеграции страны принял необратимый характер.

³¹⁹ Цит. по: Glaudić J. Op. cit. Str.63.

Глава 2.3 Роль ЕС в событиях югославского кризиса

Начало «перестройки» в Советском Союзе в середине 1980-х гг. по общему признанию было и фоном, и катализатором сходных процессов во всех социалистических странах Восточной Европы. «Бархатные революции» явно ускорили процесс политического распада Югославии, а в чем-то и определили ее судьбу. Как справедливо отмечает В. К. Волков, «югославский кризис имел комплексный, многослойный характер, а, следовательно, и многообразные причины. Прежде всего, его нельзя рассматривать в отрыве от таких событий, как революции 1989 г. в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, последовавший вслед за ними распад «социалистического лагеря», а затем (после провала путча в августе 1991 г.) и Советского Союза. Крах социализма как общественного строя, мировой системы и политической идеологии прямо затронул и Югославию, которая переживала те же процессы (хотя и в специфической форме), что и другие социалистические страны»³²⁰.

Радикальное изменение международной системы в связи с распадом СССР усугубили, с одной стороны, объединение Германии, с другой, - последовавшая за ним трансформация Европейского сообщества из экономического объединения в полноценный Союз.

Выработка и проведение в жизнь внешнеполитических решений от имени ЕЭС, а вместе с ними и основ Общей внешней политики и политики безопасности осложнялись рядом внешних обстоятельств. Центробежные процессы Юго-Восточной Европы были последствием центростремительных процессов в Западной Европе; вкупе они представляли собой звенья в цепи трансформации международной системы от биполярной к постбиполярной. Однако при этом сохранялись традиционные противоречия между европейскими державами. В то время как Париж пытался решить кувейтский кризис дипломатическими методами, Лондон поддерживал американскую позицию по Ираку.

В силу расширения глобальных и региональных контактов Европейского сообщества, в особенности со странами Восточной Европы, нестабильность на Балканах угрожала европейской безопасности и процессу европейской интеграции. Более того, югославский кризис предоставлял Европейскому сообществу заявить о себе как о новом акторе постбиполярного мира, участвуя в антикризисном урегулировании. Однако понимание того, что в действительности происходит в Югославии, было сопряжено не только с внешними, но и с внутренними ограничениями.

³²⁰ Волков В. К. Трагедия Югославии (1991-1995)// Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик. 2000. С. 223.

Профессор Тиранского университета Клодиана Бешку, на наш взгляд, справедливо группирует данные ограничения в три блока: экономический, правовой и политический³²¹. Финансовые займы, выданные СФРЮ в период с 1976 по 1990 гг. через ЕБРР, насчитывали около одного миллиарда ЭКЮ, - пишет она. «В документах архива ЕС во Флоренции значится, что большая часть данных инвестиций была направлена на строительство транспортной инфраструктуры и панъевропейских коридоров, соединяющих ЕЭС с Грецией через Балканы...В этой связи сохранение федерального центра любой ценой [в противовес признанию республик – *Е. Г. Энтина*] не казалось плохой идеей»³²². Кроме того, в ЕЭС были убеждены, что постепенный переход всех соседних стран на рыночные рельсы предопределен, и манящая перспектива общеевропейской экономической интеграции сильнее национальных распрей.

С правовой точки зрения, ЕЭС находились в процессе формирования Общей внешней политики и политики безопасности, что «часто недооценивается современниками. Это обстоятельство не играло на руку ЕЭС в вопросе согласованной позиции по югославскому кризису. Как точно подметил Хавьер Солана, «мало кто мог предположить, что новорожденную ОВПБ окрестит такой сложный регион»³²³.

Наконец, с политической точки зрения, как считает Бешку, в период крушения идеологий и конца холодной войны европейские политики не могли предвидеть масштаб югославской трагедии, выразившийся во взрыве этнических конфликтов³²⁴. Таким образом, справедливо утверждать, что к моменту обострения внутривнутриполитической и внутриэкономической ситуации Европейское сообщество подошло не готовым ни морально, ни инструментально. Тем не менее, движение в направлении объединения и претензии на политическое лидерство на континенте поставили ЕЭС перед необходимостью взять на себя ответственность за разрешение подобных кризисных явлений.

Урегулирование югославского конфликта осуществлялось путем «политики признания» (декабрь 1991 - июнь 1992) и политики «малых шагов» (июнь 1992 - ноябрь 1995). До начала политики признания, страны-участницы ЕЭС стремились выработать политику, устраивавшую всех членов ЕЭС, направленную на сохранение территориальной целостности.

³²¹ Подробнее см.: Beshku K., The European Union's Normative Role in the Dissolution of the ex-Yugoslavia: An underestimated contribution. // Law journal. January 2018. 5. P. 1- 15.

³²² Ibid, P. 6.

³²³ Beshku K. Op. cit. P. 8.

³²⁴ Ibid. P. 9.

Попытки найти приемлемое решение для сохранения СФРЮ продолжались и в начале 1991 г. На данном этапе, весной 1991 г., ЕЭС пытается впервые повлиять на переговоры о будущем Югославии. 4 апреля 1991 г. в Белград прибыла т.н. министерская «тройка» Европейского сообщества, деятельность которой была ключевым инструментом политики сохранения целостности, в составе Ж. Поса, Дж. Де Микелиса, министра иностранных дел Италии и Ван ден Брука, министра иностранных дел Нидерландов. На переговорах с председателем Президиума СФРЮ Б. Йовичем³²⁵ участники тройки выразили заинтересованность в сохранении территориальной целостности СФРЮ, указывая на многолетний опыт позитивного сотрудничества между ЕЭС и СФРЮ. Сам Б. Йович был уверен в том, что продолжение переговорного процесса о предоставлении ассоциативного статуса СФРЮ в ЕЭС могло бы способствовать выработке компромисса по будущему конституционному устройству Югославии. Ж. Пос заверял Б. Йовича, что «Европейское сообщество не поддержит распад Югославии, не согласится на сепаратные переговоры с её отдельными субъектами...»³²⁶ Всё это привело Б. Йовича к выводу, что сохранение территориальной целостности Югославии в интересах ЕЭС. Есть все основания полагать, что позиция европейцев была искренней в силу ее обусловленности соображениями политического, экономического и геостратегического характера. В соответствии с принципом территориальной целостности ЕС первоначально определил Словению и Хорватию как угрозу стабильности и миру в Юго-Восточной Европе, а федеральное правительство и ЮНА – как стабилизирующий фактор, – справедливо утверждает Деян Маролов³²⁷. Это предпочтение статус-кво на Балканах, даже если оно означало сохранение у власти коммунистического режима, послужило основой для первоначальной позиции Запада в отношении двух республик. Причины такого оригинального и, возможно, иронического подхода ЕЭС объясняются страхом возможного эффекта домино в Европе. Действия Словении и Хорватии рассматривались как создающие сепаратистский хаос, который невозможно контролировать. Для Италии потенциальный югославский кризис к тому же создавал бы проблему беженцев. Вместе с тем, французы предполагали, что проблему можно решить через обсуждение межнациональных противоречий в многостороннем формате. По мнению Элизабет Гигу, «то, что Европа наблюдает в Югославии – концентрированное выражение проблем Центральной и Восточной Европы в целом...и это доказывает необходимость

³²⁵ Јовић, Б. Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника / 2 изд. Београд – Крагујевац: Призма, 1996. Стр.314-317.

³²⁶ Јовић, Б. *Op. cit.* Стр.317.

³²⁷ Marolov D. The EU policy towards the dissolution of Yugoslavia. Special emphasis on the EU policy towards the Republic of Macedonia. // Analytical journal. January 2012. 4(2). P. 5.

оперативного создания многостороннего переговорного формата, где бы все эти страны, сталкивающиеся с одними и теми же проблемы, могли встречаться, обсуждать и преодолевать межнациональные противоречия»³²⁸. Этим многосторонним форматом была идея Ф. Миттерана о Европейской конфедерации. Хотя Гигу также предлагала и варианты урегулирования кризиса, и она исходила из аксиомы, что Югославия останется единой.

Таким образом, факторы, способствовавшие выработке первоначальной позиции ЕЭС о необходимости сохранения Югославии, можно разбить на три группы:

Политический фактор: Распад Югославии рассматривался странами Сообщества как триггер, который бы запустил за собой неконтролируемое развитие событий в Юго-Восточной Европе, что привело бы к вооруженным конфликтам и кризису беженцев. Для европейских политиков развитие кризиса на Балканах могло стать препятствующим фактором в развитии европейского интеграционного процесса.

Экономический фактор: Югославия была для Европейского сообщества значительным рынком реэкспорта и возможной площадкой экономической экспансии сообщества на Балканах, через которую, помимо всего прочего, пролегали наиболее значимые транспортные артерии между Центральной и Восточной Европой и Ближним Востоком.

Геостратегический фактор: Включение Югославии и Балкан в целом в процессы европейской интеграции отвечало долгосрочным интересам Сообщества. Интеграция Балканского региона европейские политические и экономические институты было невозможно без определенной региональной стабильности. Стабильность же, по мнению европейских политиков, обеспечивалась сохранением территориальной целостности и СФРЮ и ее реформированием.

Обозначенные интересы Европейского сообщества обеспечили единую позицию ЕЭС относительно вопроса территориальной целостности СФРЮ. При этом, национальные интересы стран-участниц Европейского сообщества не противоречили общеевропейским интересам³²⁹. Данную позицию о соответствии интересов разделяют далеко не все исследователи. Так, В. К. Волков пишет: «реакция западной прессы и отдельные нюансы политики ряда европейских государств раскрывают тот факт, что сепаратистские действия Словении и Хорватии встречали тайное или плохо скрываемое поощрение со стороны различных политических сил (например, итальянских либералов, республиканцев в США и т.д.). Зазвучали слова о необходимости поддержать

³²⁸ Цит. по: Jones C. D. France and the Dissolution of Yugoslavia // Doctor thesis. University of East Anglia. 2015. P.92.

³²⁹ Глушко В. С. Политика Европейского Союза (Европейских Сообществ) в отношении югославского кризиса (1991-1995 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Екатеринбург. 2002. С. 58-59.

«некоммунистические» республики Югославии, тогда как сербское руководство стало почти повсеместно называться «небольшевистским». За показной идеологизацией оценок скрывались, однако, определенные геополитические интересы. И они ясно проявились после провала путча в августе 1991 г. в Москве»³³⁰. Данной точки зрения придерживается большинство отечественных и сербских ученых.

Однако вскоре стали очевидными национальные интересы Германии – ключевого стейкхолдера ЕЭС. При этом стал очевидно невозможен компромисс между Белградом, Загребом и Любляной. Вкупе с ухудшением ситуации в Хорватии летом 1991 года данные процессы вынуждали ЕЭС перейти от политики сохранения территориальной целостности СФРЮ к «политике признания».

Первым шагом «политики признания» стало подписание Брионских соглашений. В рамках политики ЕЭС, все еще направленной на сохранение целостности Югославии как гарантии стабильности в регионе, Брионская декларация признавала единство СФРЮ. Однако вместе с тем, подписание соглашений делало *de facto* Словению и Хорватию субъектами международного права, что открывало путь к постепенному признанию их независимости.³³¹ По итогам Брионских соглашений Словения стала участником переговорного процесса и закрепила за собой право ставить вопрос об сецессии.³³²

Двойственная трактовка статуса Югославии и отдельных югославских республик вызывала уверенность у руководства Словении и Хорватии, что идея о независимости республик принималась ЕЭС. Возникшая в результате действий европейцев неоднозначность, отражала процесса формирования политики ЕЭС, выработки подходов к ЕЭС к разрешению кризиса. При этом, юридическая неоднозначность и дипломатическая нерешительность свели на нет усилия Сообщества по предотвращению распада Югославии, а, следовательно, и эскалации конфликта.

По завершении военных действий в Словении, Жак Бло, французский глава европейского отдела МИД, посетил Югославию, где встречался с министром иностранных дел СФРЮ Будимиром Лончаром. В ходе разговоров собеседники сошлись во мнении о том, что базиса для федеративной Югославии больше нет. Будимир Лончар думал, что лучшей альтернативой была бы конфедерация, но он не видит основы для диалога. Бло также подтвердил, что Жак Делор общался с тогдашним генсеком НАТО Манфредом

³³⁰Волков В. К. Указ соч. С. 244.

³³¹Woodward S. L. *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington: Brooking Institutions Press, 1995. P. 168.

³³²Гуськова Е. Ю. *Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии*. М.: ИНИОН. 1998. С.25.

Уорнером, заявившим, что «НАТО не готова и не подготовлена к действиям». Югославия по-прежнему была целиком европейской проблемой»³³³.

По данным архива министерства иностранных дел Франции, приведенным в диссертации Кристофера Джонса, Жан-Мари Геэнно, президент Международной кризисной группы, считал, что распад Югославии отразится на всей Европе и даже может привести к ее «ливанизации». Министр иностранных дел Нидерландов, осознавая, что крайние сербы не будут жить в независимой Хорватии на правах национального меньшинства, предложил ЕЭС рассмотреть вопрос о перекройке границ. Предложение было расценено Сообществом как недопустимое. Тогда Геэнно высказался за то, чтобы европейцы попробовали подменить собой федеральный центр в части арбитра и гаранта. Геэнно полагал, что Сообщество могло бы взять на себя роль своеобразного антикризисного управляющего. Сценарий бы реализовывался только в случае поддержки со стороны СБСЕ и принятия самими югославами. Он позволял бы большую включенность Европы и допускал или воссоздание федеральной югославской власти, или создание конфедерации под эгидой Сообщества. При этом Геэнно указывал, что Европа в любом случае должна выполнять роль арбитра в межнациональных спорах, в связи с чем необходимо усилить диалог в условиях нарастающего военного присутствия ЕС в регионе, ответственность за который должна лечь на ЗЕС. Он заключал: «Югославский кризис может сломать Европейское сообщество. Однако он может помочь им перейти на следующую ступень развития, если немцы и французы будут действовать сообща в решении данного важного предмета, с общей позицией, которая бы не впадала в крайности признания меньшинств или сохранения статуса кво, но была бы революционной в восприятии процесса деволуции власти и помогла бы выйти за границу логики национальностей: мы стабилизируем границы только посредством принятия нового распределения властей»³³⁴.

Франсуа Миттеран действительно предложил 25 июля 1991 года создание «сил взаимопонимания» ЗЕС. Миттеран считал, что ЗЕС может стать полноценным оборонным звеном ЕЭС, но его замыслы были отвергнуты британцами и голландцами, опасавшимися возможного негативного эффекта от реализации подобных предложений для НАТО.

Провал августовского путча в СССР дал Западу большую свободу маневра в Югославии. Если до этого европейцы были осторожны в Югославии, боясь усугубить положение М. Горбачева, то провал путча убрал со сцены тех консерваторов в Москве, кто поддерживал Белград. К концу августа 1991 г. окончательно не удалась продвигаемая

³³³ Jones C. D. Op. cit. P. 105.

³³⁴ Jones C. D. Op. cit. pp. 105 -109.

ЕЭС концепции перехода Югославии к мягкой конфедерации в качестве «решительного шага по возвращению к конституционному порядку и мирному диалогу о будущей структуре Югославии»³³⁵. Мирные инициативы Сообщества, нацеленные на прекращение вооруженного конфликта между сербами и хорватами в Хорватии, регулярно игнорировались сторонами из-за нежелания идти на компромисс и отсутствия у ЕЭС реальных рычагов давления для контроля над соблюдением договоренностей. Эти неудачи ставили под вопрос состоятельность ЕЭС как посредника в урегулировании югославского кризиса, что, в свою очередь, ставило вопрос о изменении формата европейского миротворчества.

На этот направлении работа ЕЭС началась с принятия 27 августа 1991 г. решения о созыве Конференции Европейского сообщества по Югославии (с августа 1992 г. Международная конференция по бывшей Югославии). Помимо решения о созыве конференции, в принятой Декларации по Югославии от 27 августа 1991 г. был включен ряд других важнейших положений, в частности, создание Арбитражной комиссии, «состоящей из пяти членов, избранных из председателей конституционных судов стран Сообщества»³³⁶.

Тем не менее, к данному решению ЕЭС пришли с большим трудом. Перед заседанием голландцы подготовили заявление, жестко осуждающее сербскую республику и ЮНА, и предложили вариант, при котором Сербия и Черногория исключались из переговоров. Ролан Дюма раскритиковал голландский проект, назвав его слишком антисербским. Его поддержали Великобритания и Греция. Испания, Люксембург и Ирландия согласились с проектом в целом и посоветовали смягчить тональность. Дания, Бельгия, Португалия, Италия и Европейская комиссия полностью поддержали голландский проект. Тем не менее, «за рамками Совета, Дюма и Геншер смогли согласовать свои позиции, надеясь выступить единым и сильным франко-германским фронтом. Миттеран и Коль длительное время работали в направлении объединения Европы, и Геншер не мог пожертвовать усилиями Коля по строительству Общей внешней политики и политики безопасности в угоду личным убеждениям. Геншер предложил созвать мирную конференцию при посредничестве ЕС, а Дюма предложил создать

³³⁵ Statement Concerning Yugoslavia, Brussels, 8 June 1991. Doc. 91/165. P.1 // Бюллетень Европейского политического сотрудничества. Режим доступа: URL: <http://aei.pitt.edu/36871/1/A2880.pdf> (Дата обращения 21.12.2019).

³³⁶ Statement by an extraordinary EPC Ministerial Meeting concerning Yugoslavia. Brussels, The Hague, 27 August 1991. Doc 91/252. // Бюллетень Европейского политического сотрудничества. Режим доступа: URL: <http://aei.pitt.edu/36871/1/A2880.pdf> (Дата обращения: 08.01.2020).

арбитражную комиссию. В итоге она и была создана во главе с бывшим министром юстиции и председателем Конституционного суда Франции, Робером Бадентэром»³³⁷.

На первом заседании Конференции ЕЭС по Югославии 7 сентября 1991 г. было подтверждено решение о создании Арбитражной комиссии. Комиссии принять пакет юридических постановлений, создавших основу для принципиальных решений Конференции о признании прекращения существования Югославии в качестве единого государства и подготовивших правовое основание для признания бывших югославских республик³³⁸.

При этом соглашение о прекращении огня являлось «существенным условием созыва Конференции и работы Арбитражной комиссии ЕЭС»³³⁹. Примечательно, что вследствие принятия декларации впервые в официальном документе Сообщества не была отражена поддержка территориальной целостности Югославии. Утверждалось лишь то, что страны ЕЭС никогда не согласятся с изменением границ путем силовых действий.

Работа конференции началась 7 сентября 1991 г. в Гааге под председательством бывшего министра иностранных дел Соединенного королевства и генерального секретаря Североатлантического лорда Каррингтона и продолжалась фактически до середины декабря 1991 г. Основной задачей Конференции было создание плана урегулирования югославского конфликта. В своем выступлении на открытии конференции президент Сербии Слободан Милошевич подчеркнул специфику роли ЕЭС, заявив, что «решение о путях и средствах выхода из кризиса в Югославии... является суверенным правом югославских народов, которые только они одни могут принимать решения о своей собственной судьбе»³⁴⁰. В то же время Милошевич предупредил, что роль ЕЭС состоит в беспристрастном и компетентном посредничестве для урегулировании кризиса, а не навязывании решения.

Однако, начиная с первого обсуждения «плана Каррингтона» 4 октября 1991 г., его содержание постоянно корректировалось в сторону констатации факта «прекращения существования» СФРЮ и поиска легитимных оснований для признания независимости республик.³⁴¹ Сразу же стало ясно, что камнем преткновения являются противоречия между главами республик СФРЮ. Словенцы и хорваты выразили желание выйти из югославской федерации и провозгласить государственную независимость. Милошевич

³³⁷ Jones C. D. Op. cit. P. 105 -109.

³³⁸ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М: Русское право. 2001. С. 340-343.

³³⁹ Statement by an extraordinary EPC Ministerial Meeting Concerning Yugoslavia. Brussels, 27 Aug. 1991. Doc.91/252. P.1-2. // Бюллетень Европейского политического сотрудничества. Режим доступа: URL: (<http://aei.pitt.edu/36871/1/A2880.pdf>) (Дата обращения 21.12.2019).

³⁴⁰ Милошевић С. Говор на мировној конференцији о Југославији у Хагу. 7. септембар 1991. // Милошевић С. Прилог историји двадесетог века. Београд: Трећи milenijum. 2008. Стр.109.

³⁴¹ Гуськова Е.Ю. История...С.336-340.

упорно отстаивал принцип преемственности. Это, по его мнению, означало, что до тех пор, пока хотя бы две республики имеют желание продолжить совместное существование, СФРЮ продолжает быть субъектом международного права со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями.

На встрече, состоявшейся 15 сентября 1991 года в Венеции, мининдел ФРГ и Италии впервые открыто заявили о возможности признания независимости Словении и Хорватии безотносительно позиции партнеров по ЕЭС. Начало военных действий в Словении было использовано Берлином в качестве предлога для внесения данного вопроса в повестку. «Позицию Германии поддерживали и другие страны, не входившие в Сообщество, однако разделявшие похожие взгляды. В первую очередь, Австрия. В контексте ее имперского прошлого следует упомянуть, что половина территории Югославии была включена в нее. Другой стала Венгрия»³⁴². Однако это по-прежнему вызывало резкое неприятие партнеров ФРГ по ЕЭС – Франции и Нидерландов. Как пишет М. Либал, «Пьер Морель, советник Миттерана, говорил с партнерами о Франции о том, какими должны быть следующие шаги Сообщества. Французский министр обороны подтверждал, что за последние дни все основные командные посты в ЮНА были переданы сербам. В свете сербских попыток присвоить себе общегославский административный аппарат, французский посол в Германии, Серж Бодено извещал, что Бонн находится под сильнейшим общественным давлением, требующим признать две республики. По его информации, Геншер находился в постоянном телефонном контакте с обеими республиками и заверял, что они готовы сотрудничать с ЕЭС. Морель советовал Бодено упираться на тот факт, что «поставить единство двенадцати под вопрос может спровоцировать тяжелые последствия». На практике Геншер держал партнеров по СБСЕ в курсе всего происходящего в переговорах внутри ЕЭС, не желая превращать Сообщество в основную площадку урегулирования кризиса. Примечательно, что голландский мининдел, Ханс ван ден Брук, с которым Геншер расходился и в вопросе объединения двух Германий, был против признания обеих республик»³⁴³.

Пленарное заседание Конференции 18 октября 1991 г., на котором лорд Каррингтон предложил вариант документа, в котором констатировалось «прекращение существования» СФРЮ и возможность признания республик, «которые этого пожелают», оказалось наиболее драматичным³⁴⁴. При этом, для сербов Хорватии предусматривалось создание национальной автономии.

³⁴² Marolov D. Op. cit.

³⁴³ Libal Michael Limits of Persuasion: Germany and the Yugoslav Crisis, 1991-1992. London. 1997. pp.14-16.

³⁴⁴ Подробнее о «плане Каррингтона» см.: Глушко В. С. Указ. соч. С. 93-94.

На самом заседании лорд Каррингтон не дал членам Президиума СФРЮ выступить от имени Югославии, которые в знак протеста покинуть заседание. С. Милошевич заявил о невозможности принятия плана делегацией Сербии, отметив противоречия и слабости документа. Он настаивал на продолжении работы Арбитражной комиссии, которой должна была предоставить правовую оценку вопроса о праве народов или субъектов федерации на самоопределение; соответствия международному праву самого процесса сецессии и условий сецессии; и, наконец, вопроса о соответствии международному праву решений об изменении внутренних (административных) границ и внешних (государственных) границ³⁴⁵.

Кроме того, С. Милошевич отметил, что предложенные в проекте решения открыто «отрицают существующий конституционный и правовой порядок в Югославии и определяют элементы абсолютно нового конституционного устройства политического пространства, которое занимает нынешняя Югославия». Фактически они «не только отрицают существующий конституционный статус Югославии, но и упраздняют Югославию как государство, которое непрерывно существует уже свыше 70 лет»³⁴⁶. Милошевич заметил, что принятие подобного решения не входит в компетенции ни международного форума, ни даже верховной учредительной власти в стране, тем более – участников этой конференции. «Такое решение могут принять только те субъекты, которые в свое время создали это государство». Обращая внимание на истинные причины кризиса, он отметил: «Эти предложения узаконивают односторонние акты сецессии отдельных республик, которые Конституционный суд Югославии признал недействительными как противоречащие Конституции. Именно односторонняя сецессия республик явилась причиной вооруженных столкновений, поскольку она поставила под угрозу целостность страны и народов. Простая легализация такого положения не только бы попрала принципы правового порядка, но, без сомнения, сохранила бы и главные причины вооруженных столкновений в Югославии». Однако лидер Сербии не был услышан³⁴⁷.

Отношения между Белградом и Брюсселем резко ухудшились в конце октября – начале ноября 1991 г. Нарушения режима прекращения огня и обострение напряженности после истечения 7 октября 1991 трехмесячного моратория на односторонние шаги по самоопределению республик вылились в то, что на встрече в Риме 8 ноября 1991 г. Совет министров Европейского сообщества принял предложение лорда Каррингтона о наложении экономических санкций на Белград. Основанием принятия предложения

³⁴⁵ Милошевић С. *Op. cit.* Стр.111-112.

³⁴⁶ *Ibid.* С. 112.

³⁴⁷ Гуськова Е.Ю. История... С.336.

Каррингтона стал новый вариант проекта лорда, представленный на восьмом заседании конференции по Югославии (5 ноября 1991 г.), который сербская сторона считала неприемлемым, назвав документ ультиматумом, противоречащим основополагающим принципам и целям конференции³⁴⁸.

Таким образом переговорный процесс на конференции зашел в тупик, а члены Европейского сообщества приняли решение принудить сербскую сторону к принятию европейских условий. 8 ноября Совет министров ЕЭС приостановил действие Соглашения о торговле и сотрудничестве с СФРЮ 1980 г., ввел ограничения на поставку текстильной продукции на европейские рынки, исключил Югославию из списка участников генерального соглашения о преференциях в отношениях со странами Сообщества, приостановил членство СФРЮ в программе ФАРЕ.

Все это происходило на фоне стремительного снижения вовлеченности СССР в решение глобальных и региональных проблем и возникновения вакуума влияния, который ЕС поспешил заполнить. Сложно не согласиться с В. К. Волковым, который пишет, что «параллелизм между процессом распада Советского Союза и позицией европейских держав в ходе развития югославского кризиса наводит на размышления. Вряд ли здесь будет уместно говорить о совпадении событий по времени. Так, трудно отрешиться от мысли, что итоги украинского референдума о независимости 1 декабря 1991 г. и последовавшая затем беловежская встреча были расценены отдельными сторонами как зеленый свет для их действий»³⁴⁹.

8 декабря 1991 г. Совет министров ЕЭС ввел «ограничительные меры» в отношении СФРЮ, которые затем были превращены в режим санкций, чье действие распространялось исключительно на Сербию и Черногорию. 18 декабря 1991 г. состоялось девятое совещание на министерском уровне совета по сотрудничеству ЕЭС, ставшее последним³⁵⁰.

Помимо этого, Совет министров ЕЭС направил обращение в Совет безопасности ООН с предложением ужесточить эмбарго на поставки оружия и призвал ввести эмбарго на поставки нефти на территорию Югославии³⁵¹. Это решение вылилось в дальнейшие скоординированные действия международного сообщества против Сербии и Черногории: инициатива ЕЭС по нефтяному эмбарго была поддержана США. 19 ноября Совет

³⁴⁸ Милошевић С. Оп. cit. С.109.

³⁴⁹ Волков В. К. Указ. соч. С. 244.

³⁵⁰ Kancelarija za pridruživanje EU. Istorijat // Zvanični sajt Vlade Republike Srbije. Режим доступа: URL: (<http://www.mei.gov.rs/srp/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/>) (Дата обращения 20.12.2019).

³⁵¹ Декларација о Југославије. Рим, 8.11.1991. // Зборник докумената из области одбране и безбедности Југославије 1990-1991. године / [приредили Славољуб Шишић, Златоје Терзић, Никола Петровић]. Београд: Војноиздавачки завод. 2002. С. 550-551.

Западноевропейского Союза принял решение начать блокаду побережья Югославии, направив корабли Италии, Франции и Великобритании в Адриатику. 2 декабря 1991 г. Совет министров ЕЭС скорректировал свое решение, распространив санкции только на Сербию и Черногорию, а 4 декабря Германия остановила все транспортное сообщение с Сербией и Черногорией³⁵².

17 декабря 1991 г. в Брюсселе прошло заседание министров иностранных дел стран Сообщества, по итогам которого была принята Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза. Декларация ссылаясь на Устав ООН, права человека, Парижскую Хартию, Заключительный акт Хельсинкского Совещания, права национальных меньшинств и этнических групп, принципы самоопределения. Часть положений декларации уточнялась в принятой в тот же день Декларации по Югославии, где Сообщество утверждало о своей готовности признать независимость всех желающих югославских республик, которые подтвердят свою приверженность принципам, изложенным в документе о условиях признания новых государств³⁵³.

Согласно принятой Декларации все республики СФРЮ в срок до 23 декабря 1991 г. должны были определить, «желают ли они быть признаны независимыми государствами», и «признают ли они все обязательства, содержащиеся в документе о критериях признания новых государств»³⁵⁴. Некоторые российские исследователи (в частности, В. К. Волков и О. А. Барабанов), Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе связывала процессы распада в СФРЮ и СССР, однако «если по отношению к советским республикам они носили скорее поощрительный, рекомендательный характер, то «по отношению к югославским республикам - императивный»³⁵⁵. Данное замечание косвенно подтверждает тезис о связанности процессов, происходивших в СССР, с активизацией национальных политик европейских стран на Балканах.

В отечественной и зарубежной науке детально исследована роль, которую сыграла дипломатия ФРГ, в частности министр иностранных дел Д. Геншер, в трансформации политики ЕЭС в отношении урегулирования югославского кризиса, а также причины изменения позиции Великобритании и Франции в контексте заключения Маастрихтского

³⁵² См.: Гуськова Е.Ю. История... С.39.

³⁵³ Волков В.К. Трагедия Югославии (1991 – 1995) // Славянский мир: проблемы истории и современность (Памяти Владимира Константиновича Волкова). Сборник статей. М.: ООО «Вельта». 2006. С.81.

³⁵⁴ Критеријума за признавање нових држава. 17.12.1991. // Зборник докумената из области одбране и безбедности Југославије 1990-1991. године / [приредили Славољуб Шишић, Златоје Терзић, Никола Петровић]. Београд: Војноиздавачки завод. 2002. С. 589.

³⁵⁵ Цит. По: Барабанов О. А. Европейское сообщество и югославский кризис 1990-1993 гг. // Омский научный вестник. 2013. № 2 (116). С. 27.

договора³⁵⁶. Роль немецкой дипломатии в переходе Сообщества от политики сохранения целостности СФРЮ к признанию ее отдельных республик в целом считается ключевой³⁵⁷. Оценки исследователей нередко доходят и до того, чтобы характеризовать германскую политику начала 1990-х гг. как ремейк столетней давности, нацеленный на создание гегемонии на Балканах. Как отмечает Ю. Павлов, «в дискуссиях по внешней политике Германии, относящихся к периоду 1990-1991 гг., обсуждались вопросы возможного участия бундесвера в военных конфликтах за пределами границ НАТО. Как известно, немецкая конституция не предусматривала таких возможностей. Однако в правящих в Германии консервативно-либеральных кругах приобрела популярность и широко использовалась идея о «возросшей ответственности». Ее выдвинули сторонники сильной внешней политики. «Возросшая ответственность» в определенной мере противопоставлялась «исторической ответственности», которую несла бывшая ФРГ... Она предполагала модификацию и трансформацию части основополагающих и зафиксированных в конституции внешнеполитических принципов, базирующихся на «историческом опыте», или даже полный отказ от них. Тезис о «возросшей ответственности» базировался в основном на пространственно-географическом факторе и был первым шагом на пути формирования немецкой геополитики»³⁵⁸. Ряд других исследователей говорят о том, что неразумно сводить все к стремлению Германии «заполучить средиземноморскую гавань через признание Словении и Хорватии», а связывают активную позицию Берлина с неспособностью ЕЭС и Европы в целом решить вопрос³⁵⁹. Точка, в которой большинство исследователей сходятся во мнении, - что ФРГ было необходимо политически и инструментально оправдать свое собственное недавнее объединение. Сам же мининдел Геншер позднее писал, что Германия настояла на признании Словении и Хорватии с целью интернационализировать конфликт на случай

³⁵⁶ См.: Волков В.К. Трагедия Югославии (1991 – 1995) // Славянский мир: проблемы истории и современность (Памяти Владимира Константиновича Волкова). Сборник статей. М.: ООО «Вельта». 2006. С.82; Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право, 2001; Cohen L.J. Broken bonds: Yugoslavia's disintegration and Balkan politics in transition / 2nd ed. /Boulder: Westview Press. 1995; Pavkovic A. The Fragmentation of Yugoslavia. Nationalism in a Multinational State. NY: Palgrave Macmillan. 1997; Woodward S. L. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington: Brooking Institutions Press. 1995.

³⁵⁷ См, например Simić P. Francuska i Nemačka pred jugoslovenskom dilemom. // Međunarodna politika. Beograd. Godina XLV. 1 oktobar 1994. broj 1023. str. 1-5; Swartz H. P. Spoljna politika bez concepta. // Tanjug press. br.202. oktobar 1993. str.22-23; большинство работ отечественных балканистов (Е. Ю. Гуськова, Е. Г. Пономарева, К. В. Никифоров, В. К. Волков и др.).

³⁵⁸ Павлов Ю. Роль Германии в Балканском кризисе // Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. М.: Добросвет. 2000. С. 195.

³⁵⁹ Например, Alterman S., "Summit airs old British theme, dances to new german tune" // Reuters. Dec.11. 1991; Thiebault J. La Commission d'arbitrage pour la Paix en Yougoslavie preside par Robert Badinter. 1994. P.57, Beshku K. The European Union's Normative Role in the Dissolution of the ex-Yugoslavia: An underestimated contribution. // Law journal. January 2018. 5. pp. 1- 15.

сербской оккупации, поскольку только в данном случае было возможно вмешательство в конфликт ООН³⁶⁰.

Вместе с тем, как отмечает тот же В. К. Волков, «трудно понять причины, заставившие германскую дипломатию занять столь одностороннюю позицию, которая носит как антиюгославский, так и антисербский характер, особенно если учесть историческое сознание и воспоминание сербов, связанные с годами антигитлеровской коалиции»³⁶¹. Довольно разумное объяснение этому дает известный сербский ученый и дипломат Предраг Симич³⁶², утверждавший, что Германия была убеждена, что только она понимает истинное значение изменений в Европе. Именно поэтому объединение Германии, которое произошло благодаря праву на самоопределение, для немцев стало единственным критерием, который должна была учитывать Европа в югославском кризисе. Но на одной стороне оказались Словения и Хорватия, республики, с которыми Германию связывали история, культура, религия, а на другой – сербы, традиционно считавшие немцев виновниками всех балканских проблем. Если объединению Германии способствовали исторические, культурные, экономические и политические причины, то в случае с Югославией во внимание принимались только различия, из-за которых она стала считаться искусственным конструктором. Социалистический характер второй Югославии в ситуации, когда социализм в Центральной и Восточной Европе рушился, а приемлемая для всех альтернатива отсутствовала, дискредитировал в глазах Запада (а особенно, Германии) всех тех, кто пытался сохранить страну.

Позиция Берлина, как известно, самым серьезным образом расходилась с видением югославского кризиса и путей его урегулирования со стороны Парижа. Франко-германские противоречия того периода лучше всего иллюстрируют слова Ролана Дюма в ответ на предложение из Бундестага признать Словению и Хорватию: «Поступая таким образом, вы вернете франко-германские отношения на двадцать лет назад»³⁶³.

Еще в ноябре 1990 Борисав Йович встречался в Париже с Франсуа Миттераном. Французский президент выражал свою озабоченность тем, что если Югославия распадется, то «велика угроза взрыва национализма в Европе и «эффекта домино». Хотя Миттеран был больше обеспокоен в целом европейским положением дел, югославский президент расценил высказывание, как то, что Франция выступает против распада Югославии. Миттеран также дал понять, что Франция и Европа не хотели бы вмешиваться во внутренние дела Югославии и отдают карт бланш Б. Йовичу и С. Милошевичу.

³⁶⁰ Цит. по: Beshku K. Op. cit. pp. 1- 15.

³⁶¹ Волков В. К. Указ. соч. С. 245.

³⁶² Simić P. Op. cit. Str. 2.

³⁶³ Ibid. Str. 3.

Конкретно он заявил: «Только вы можете найти баланс между федерацией и уважением национальности. Это крайне сложные проблемы. Мы следим за тем, что происходит в Словении, в Косово... Это внутренняя проблема. Мы не будем вмешиваться. Это крайне нежелательно, чтобы существующие государства распались на части. Должно быть, проблема усугубляется экономическим положением»³⁶⁴.

За франко-германскими разногласиями по поводу Югославии в целом стояли концептуально различные подходы к данному пространству. Франция исторически опасалась чрезмерного усиления немцев на востоке Европе. К ужасу большинства западноевропейских стран, по мнению П. Симича, война в Югославии позволила Германии спустя полвека, впервые после Второй мировой войны определить свои интересы в Европе, а главное – позицию по отношению к партнерам по Сообществу. Это поставило Францию перед дилеммой. Относительно неуспешный в определении своих интересов в этой части Европы, Париж должен был или допустить наличие самостоятельной политики Германии на востоке и тем самым поставить под угрозу ЕЭС, или присоединиться к позиции Берлина, сохранив европейское единство³⁶⁵. Позднее, по мнению Т. Н. Андреевой, в югославском кризисе французы увидели возможность превращения ЕС в самостоятельный от НАТО и США фактор. Она пишет: «Опасения Франции, что вовлеченность США в европейские дела после окончания холодной войны способна помешать утверждению Западной Европы в качестве автономного стратегического игрока, вызывали стойкое нежелание Парижа согласиться как с участием НАТО в югославском кризисе, так с осуществлением НАТО функций обеспечения совместной безопасности Запада. Кроме того, Франция "подозревала американцев в том, что те или намеренно позволяют европейцам действовать в урегулировании кризиса самостоятельно, надеясь, что их вероятное поражение сделает желательным активное вовлечение США; и/или в том, что США готовятся сами захватить лидерство по ходу кризиса, имея в виду исключить европейцев из процесса его урегулирования". На этом фоне понятны мотивы настоятельных предложений Франции о "миротворческой интервенции" ЕС/ЗЕС летом 1991 г. и ее решительная оппозиция вовлечению НАТО в первую фазу конфликта»³⁶⁶. Кроме того, Париж рассматривал события на Балканах как главную возможность практически поддержать и продемонстрировать в деле статус Франции как великой державы. На Западе не было секретом, что «если Франция

³⁶⁴ Цит. по: Jones C. D. Op. cit. P.87.

³⁶⁵ Simić P. Op. cit. Str. 3.

³⁶⁶ Андреева Т. Н. Англо-французское сотрудничество в политических интеграционных процессах Западной Европы (1980-е – 1990-е).// Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2001. С. 130.

намеревалась подтвердить свое право на постоянное место в Совете Безопасности ООН в период, когда этому праву могли угрожать начавшееся после холодной войны перераспределение в соотношении сил и европейская интеграция, то французское лидерство в разрешении югославского кризиса было необходимо»³⁶⁷.

Государственные деятели Великобритании и британские дипломаты были склонны интерпретировать югославский кризис как своеобразный балканский феномен. Он-де стал результатом древней иррациональной вражды, присущей балканским народам, грызущимся друг с другом с незапамятных времен, где нет однозначно правых и виновных³⁶⁸. Скорее считая более выгодным для себя формат сохранения единой Югославии, в отличие от Франции, Великобритания не рассматривала для себя возможностей самостоятельного участия (вне многосторонних форматов НАТО, ООН, ЕЭС) и в отрыве от позиции США.

Вариативность подходов к проблеме будущего СФРЮ (в частности наличие противоречивость позиций Германии, с одной стороны, и Великобритании и Франции – с другой) порождала внутренний раскол в рамках Сообщества и затрудняла осуществление единой политики ЕЭС. Как отмечает С. Вудвард, «на данном этапе реальная проблема заключалась в том, что не существовало определенной позиции ЕЭС или их коллективной политики»³⁶⁹.

Именно в результате сильнейшего дипломатического давления со стороны Германии³⁷⁰, которая заявила о своей готовности уже 23 декабря 1991 г. в одностороннем порядке признать независимость Словении и Хорватии, страны- члены ЕЭС, де-факто сменили роль беспристрастного посредника на позицию арбитра, присвоив себе прерогативы СБСЕ и ООН. Аргументы Геншера за фактическое и немедленное признание независимости Словении и Хорватии были весомы: четырнадцать подписанных соглашений о перемирии не остановили вооруженные столкновения, разорение городов и страдания гражданских лиц. А лорд Каррингтон, по мнению мининдел ФРГ, своими действиями дал время ЮНА перегруппироваться и усилиться.

В. К. Волков констатирует: «декларации ЕС как бы создавали правовую основу для легализации односторонних действий отдельных республик, поощряли сепаратистские настроения и игнорировали существование югославской федерации как субъекта международного права...В декларациях ЕС смешивались понятия государственных границ и административных межреспубликанских границ, что вступало

³⁶⁷ Ibid. С. 131.

³⁶⁸ Marolov D., Op. cit.

³⁶⁹ Woodward S. L. Op. cit. P. 161.

³⁷⁰ Подробнее см.: Глушко В. С. Указ. соч. С. 108-111.

в противоречие с правом наций на самоопределение и открывало возможности применения «двойных стандартов» при решении многих проблем»³⁷¹.

Признание Словении и Хорватии рассматривалось странами ЕЭС, прежде всего, в качестве средства преодоления наметившегося внутреннего раскола Сообщества в сфере внешней политики: в определенном смысле гибнущая югославская федерация была принесена в жертву ради достижения «высоких идеалов» европейского единства³⁷². Тем не менее, именно они дали толчок для воплощения на деле идей «нового мирового порядка». Действия ЕЭС превратили Югославию из субъекта международного права в объект дипломатической практики 12 стран Европейского сообщества³⁷³.

Одностороннее и скоординированное признание странами-членами ЕЭС независимости Словении и Хорватии на основании Заключений комиссии Р. Бадентэра вызвало острую реакцию сербского руководства и даже разочарование в роли Европейского сообщества в качестве посредника в урегулировании конфликта. Об этом свидетельствует беседа Б. Йовича с госсекретарем США Л. Иглбергером 27 января 1992 г., в которой сербская сторона выразила свою готовность сотрудничать с США в урегулировании конфликта, указывая на то, что США, в отличие от ЕЭС, не форсировали процесс признания бывших югославских республик³⁷⁴.

Оценивая процесс интернационализации югославского кризиса в период с весны 1991 г. до января 1992 г., необходимо согласиться с тем, что, признав суверенитет сначала Словении, а затем Хорватии, ЕЭС усугубило внутренние противоречия внешними и осложнило задачу по мирному урегулированию югославской проблемы. Это был первый и возможно решающий провал политики Европейского сообщества. Причина заключалась в том, что реакция ЕЭС на события в Югославии была не только несвоевременной, но и недостаточно последовательной в результате острых внутренних разногласий внутри Сообщества. В итоге первоначальные ожидания, что ЕЭС будут в состоянии быстро решить югославскую проблему политическими средствами и этим утвердить свои права как основного действующего фактора в постбиполярной Европе, не оправдались³⁷⁵.

В силу внутреннего раскола и отсутствия действенных механизмов коллективной внешней политики, способных решать кризисы такого масштаба, ЕЭС оказались бессильными перед лицом эскалации напряженности на Балканах и неспособными предотвратить процесс распада Югославского государства. Новообразованные и

³⁷¹ Волков В. К. Указ. соч. С. 245.

³⁷² См. Pavkovic A. Op. cit. P.131.

³⁷³ Подробнее см.: Волков В. К. Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик. 2000. С. 337-357.

³⁷⁴ Јовић, Б. Op. cit. С.424.

³⁷⁵ Глушко В.С. Op. cit. С.112.

самопровозглашенные государства оказались субъектами конфликтности и это привело к тому, что ЕЭС уже с октября 1991 г. стали рассматривать свою роль в разрешении кризиса в рамках «политики признания» как основного инструмента миротворчества. Вместе с тем, поспешное и несбалансированное использование данного инструмента способствовало обратному эффекту. Интернационализация югославского кризиса не привела, как того ожидали европейские политики, к глобальному разрешению проблемы, а лишь преобразовала югославский кризис из внутригосударственного в международный. Превращение бывших югославских республик в суверенные государства, то есть в субъект международного права, передавало их под юрисдикцию ООН, что, по мнению европейских дипломатов, являлось гарантией от последующего разрастания кризиса. В результате «на протяжении января - февраля 1992 г. ЕЭС ничего не предпринимали в отношении Боснии, упустив бесценную возможность для политического решения»³⁷⁶. Таким образом, переход к «политике признания» символизировал не только банкротство всей концепции внешнеполитического курса ЕЭС, но и открыл очередной этап югославского кризиса, который воплотился в войне на территории Боснии и Герцеговины³⁷⁷.

Конфликт в Боснии и Герцеговине стал следующим и наиболее острым этапом югославского кризиса, в котором сложность этнического состава в сочетании с религиозным фактором и неэффективностью миротворческих усилий международного сообщества привели к жестокой и масштабной гражданской войне³⁷⁸.

В. С. Глушко отмечает особую сложность ситуации в Боснии и Герцеговине: «в отношении боснийского кризиса реализация антикризисной стратегии ЕС требовала разрешения целого ряда вопросов: проблема необходимости сохранения единоличного лидерства в процессе миротворчества, проблема приоритетов в осуществлении соответствующих антикризисных технологий (перспектива военной интервенции, применение экономических санкций и мер политической изоляции), проблема интерпретации природы боснийского кризиса»³⁷⁹.

Кроме того, если Словения и Хорватия представляли собой интерес для многих европейских стран, то в ситуации с Боснией и Герцеговиной все было иначе. Она не была важной для европейских стран ни в плане исторической общности, ни в политико-

³⁷⁶ Woodward S. L. Op. cit. P. 279.

³⁷⁷ Подробнее о роли ЕС в урегулировании конфликта в Боснии см.: Глушко В. С. Указ. соч. С. 113-185.

³⁷⁸ См. Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990-1992) / Отв. редактор Е. Ю. Гуськова. М.: Экспертинформ. 1992; Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М.: ИНИОН. 1998; Woodward S. Balkan Tragedy. Washington: Brooking Institutions Press, 1995; Mazover M. The War in Bosnia: An Analysis. London, Action for Bosnia, 1992; Janjic D. Građanski Rat I Mogoćnost Mira u Bosni I Hercegovini. Belgrade. 1992.

³⁷⁹ Глушко В. С. Указ. соч. С. 121.

экономическом отношении. Основными опасностями, исходившими из БиГ для ЕЭС, казались потоки беженцев, возможность распространения фундаментального ислама вглубь Европы. Совокупность вышеперечисленных факторов и определяла сложность формирования общей и активной политики по БиГ со стороны Европейского сообщества.

«Политика признания» осуществлялась, с одной стороны, через решение вопроса признания независимости и суверенитета в международном разрезе. С другой стороны, включала разработку и посредничество в проектах конституционального устройства. «Разработка глобальных проектов конституционального урегулирования символизировала приоритет «внутреннего» решения кризиса самими противоборствующими сторонами лишь при посредническом участии внешнего фактора, в лице ЕЭС. Международное же признание являлось не только основным рычагом давления на участников конфликта, но и средством предотвращения эскалации кризиса, перехода его в военную фазу»³⁸⁰.

Во время визита в Сараево 6 января 1992 г., лорд Каррингтон выступил с предложением открыть отдельный цикл переговоров по Боснии в рамках структуры Конференции по Югославии, который возглавил португальский дипломат Жозе Кутильеро. «Подобный выбор был не случайным. В результате очередной ротации место председательствующего в ЕС государства заняла Португалия, и «это устанавливало более или менее устойчивую связь между Конференцией и председательством ЕЭС»³⁸¹, что должно было придать громоздкому координационному механизму ЕЭС большую оперативность»³⁸². 14 февраля 1992 года открылось заседание Международной конференции по Боснии и Герцеговине.

ЕЭС в целом придерживался ранее заявленных принципов о недопустимости силового варианта изменения границ. 18 марта 1992 года в результате переговоров были утверждены «Принципы нового конституционального устройства Боснии и Герцеговины»,³⁸³ известные больше как «план Кутильеро». Поскольку ЕЭС исходило из того, что конфликт имеет этническую природу, то основой плана стала идея о таком устройстве государства, при котором три основных этнических группы делят контроль над территориями³⁸⁴. В соответствии с данными документов, предполагалось создание трех конституирующих единиц, без изменения границ, с суверенными гражданскими правами мусульман, сербов и хорватов, а также других наций и национальностей. Территориальные границы конституирующих единиц в таком случае определялись бы

³⁸⁰ Подробнее Глушко В. С. Указ. соч. С.122

³⁸¹ Gow J. Triumph of the Lack of Will. P.80.

³⁸² Глушко В. С. Указ. соч. С. 123.

³⁸³ Izjava o principima ustanovnih resenja BiH // Međunarodna politika. Beograd. 1992. №1003. Str.15.

³⁸⁴ Woodward S. Op. cit. P.281.

консенсусом в рамках рабочей группы на основе национальных принципов с использованием географических, экономических и других критериев.

Ведущий российский исследователь югославского кризиса Е. Ю. Гуськова точно отметила: «казалось, соглашение по БиГ достигнуто. Однако президент БиГ Алия Изетбегович после разговоров с американским послом в Югославии У. Циммерманом изменил позицию и отказался от своей подписи под соглашением, так как ему пообещали целую и неделимую Боснию. «Америка спровоцировала эту войну, – считал Караджич, – Уоррен Циммерман... и не скрывал этого. Он сказал, что сам убедил Изетбеговича отказаться от лиссабонской карты». У. Циммерман в своих мемуарах не отрицает факта встречи и длительного разговора с А. Изетбеговичем, но не упоминает ни о каких предложениях президенту БиГ, хотя по тону разговора можно понять, что посол недоволен решением руководителя БиГ присоединиться к плану Кутильеро»³⁸⁵. При этом сам У. Циммерман утверждал, что не давал никаких прямых указаний А. Изетбеговичу³⁰. Тем не менее «факт остается фактом: после разговора с американским послом Изетбегович отозвал свою подпись под договором, который мог принести мир на многострадальную землю»³⁸⁶.

Текущий момент располагал США к четкой артикуляции своей позиции. Концепция признания,³⁸⁷ которую в итоге согласовало ЕЭС, была принята совместно и под влиянием США и предусматривала признание независимости всех четырех бывших югославских республик одновременно.

Новый раунд переговоров проходил очень медленно и тяжело. Б. Алendar указывает, что «мусульмане настаивали на унитарной версии государства, в то время как сербы считали, что провозглашенная волеизъявлением сербского народа Республика Сербская является неизменной реальностью. Хорватская сторона номинально соглашалась с федерацией в лице мусульман, на деле же часть Герцеговины шла по пути к присоединению к Хорватии. Вооруженные столкновения не прекращались»³⁸⁸.

В этой ситуации Совет министров ЕС склонился к признанию независимости Боснии и Герцеговины как единственно приемлемому варианту. Такой подход оказался удачным в Словении и с меньшим успехом, но сработал в случае с Хорватией. Видимо, это и стало формальным поводом к «слабой надежде, что признание послужит

³⁸⁵Гуськова Е. Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: Кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Часть 1. // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 83

³⁰Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. NY: Times Books. P.190.

³⁸⁶Гуськова Е. Ю. Вооруженный конфликт С.83.

³⁸⁷US/EC declaration on the recognition of the Yugoslav republics. 10 March 1992, Brussels, Lisbon. Doc. 92/ 080. // European Political Cooperation Documentation Bulletin, 1992, Vol 8. Режим доступа: URL: <http://aei.pitt.edu/36872/1/A2881.pdf> (Дата обращения: 08.01.2020).

³⁸⁸Alendar B. Uloga Evropske Unije u jugoslovenskoj krizi // Jugoslavija I postbipolarni svet, Beograd. 2000. Str. 87

сдерживанию войны в Боснии, как оно привело к окончанию насилия в Хорватии»³⁸⁹.

На наш взгляд, европейские политики или недопонимали всю сложность внутренней структуры БиГ, или осознанно приняли заведомо ошибочное решение. В пользу первого объяснения свидетельствуют выводы отечественного исследователя В. Глушко: «при подробном анализе документов ЕС, относящихся к политике в отношении конфликта в БиГ на данном этапе, мы нигде не встречаем четкой трактовки сущности данного конфликта. Соответственно сложно было ожидать от Сообщества осуществления адекватной сложившейся ситуации антикризисной политики. Ошибка ЕС состояла в том, что европейские дипломаты унифицировали “политику признания” для всех очагов конфликтности в бывшей Югославии. Это был серьезный просчет политики ЕС в долгосрочной перспективе, вытекающий из отсутствия четкого понимания всей многообразной мозаики югославского кризиса»³⁹⁰.

В пользу второго свидетельствует результат переговоров по «плану Кутильеро»: уже тогда было очевидно, что достичь соглашения сторон с учетом этнического, экономического и географического фактора при активном разноплановом внешнем влиянии практически невозможно, а признание независимости в данном случае не могло стимулировать нахождение консенсуса между мусульманами, хорватами и сербами, а могло только подтолкнуть к обострению боевых действий с целью занятия наиболее «лакомых кусков» силовым путем кем-то из конфликтующих сторон, самостоятельно или при поддержке извне.

Тем не менее, 7 апреля 1992 года Европейское сообщество признает независимость Боснии и Герцеговины³⁹¹. В этот же день президент Джордж Буш подписывает указ о признании независимости Боснии и Герцеговины, Словении и Хорватии, скупщина боснийских сербов провозглашает независимость Республики Сербской³⁹². Примечательно, что в этот же день, в Европейском Парламенте проходит первое общее обсуждение будущих рамок Европейского союза, а конкретно положения Маастрихтского договора³⁹³. Таким образом в результате решения ЕЭС югославский кризис переходит в следующую фазу - интернационализации. Хотя исследователи признают, что «безуспешные дебаты об устройстве республики создали устойчивый конституционный и

³⁸⁹ Cohen L. J. Broken Bonds: Yugoslavia's Disintegration And Balkan Politics In Transition / 2nd edition/ NY: Routledge. 1995. P.238.

³⁹⁰ Глушко В. С. Указ. соч. С. 130.

³⁹¹ Statement on Yugoslavia, Brussels, Luxembourg, Lisbon, 7 April 1992, Doc. 92/130. // European Political Cooperation Documentation Bulletin, 1992, Vol 8. Режим доступа: URL: <http://aei.pitt.edu/36872/1/A2881.pdf> (Дата обращения: 08.01.2020).

³⁹² Alendar B. Op. cit. Str. 87.

³⁹³ Statement on European Union, Strasbourg. 7 April 1992, Doc. 92/132. // European Political Cooperation Documentation Bulletin. 1992. Vol 8. Режим доступа: URL: <http://aei.pitt.edu/36872/1/A2881.pdf> (Дата обращения: 08.01.2020).

правовой вакуум и спровоцировали полную дезинтеграцию боснийской государственной структуры еще до международного признания»³⁹⁴. По мнению В. Глушко, «логика процесса этно-национализма разрушила бы БиГ в любом случае. Вмешательство ЕС не имело в этом отношении решающего значения, а лишь усугубило в силу своей несостоятельности внутренние дезинтеграционные тенденции»³⁹⁵. Интернационализация югославского кризиса привела, как и ожидалось, к активному подключению других акторов международного процесса, кроме ЕЭС, а конкретно - ООН и НАТО.

Новый этап антикризисной концепции ЕЭС был связан с двумя основными концептуальными составляющими: специальным посланием Генерального секретаря ООН Бутроса-Гали от 17 июня 1992 года, основной мыслью которого было утверждение, что процесс урегулирования конфликта предшествует его разрешению. При этом основной составляющей урегулирование должно стать создание нейтральной стороной условий для возникновения доверия между конфликтующими акторами. Это вполне укладывалось в те представления и механизмы, которыми стремился обладать ЕС. Одним из важнейших инструментов, сложившихся в немалой степени в результате несогласованности внутри Сообщества на начальной стадии югославского кризиса, стала концепция «совместных операций», принятая в рамках Маастрихтского договора и явившаяся системообразующим звеном складывающейся ОВПБ. Она предполагала проведение совместных операций странами-членами ЕС в тех сферах, где государства-члены имеют общие интересы. Таким образом, политика «малых шагов» предполагала, что ЕЭС делает ставку на поэтапное разрешение конфликта, т.е. на создание условий на каждом из этапов переговорного процесса для достижения договоренностей и перехода на следующую стадию. Ее принципиальное отличие от всех предыдущих этапов заключалось в обязательном наличии посредника, т.е. на данном этапе уже исключалась даже сама возможность достижения компромисса внутренними силами, без участия внешнего фактора. Основным инструментом для ЕЭС стало усиление дипломатического давления на стороны. Конференция Европейского сообщества по Югославии была преобразована в Международную Конференцию по бывшей Югославии под совместным патронажем ЕС и ООН.

Лондонская конференция проходила 26-28 августа 1992 года с целью найти окончательное решение проблем бывшей Югославии (эта цель даже была заявлена на ее открытии). В рамках Конференции было создано несколько рабочих групп: по Боснии и Герцеговине, по гуманитарным вопросам, национальным меньшинствам, по вопросам

³⁹⁴ Calic M. *German Perspectives // International Perspectives of the Yugoslav Conflict*. London. 1996. P.61.

³⁹⁵ Глушко В. С. Указ. соч. С. 131.

правопреемства, экономическим отношениям, восстановлению доверия и безопасности. Ролан Дюма, французский министр иностранных дел, выделял четыре цели Конференции: обновление политического диалога, включая права меньшинств в Санджаке и Косово; снижение напряженности и укрепление эмбарго на вооружения, гуманитарная помощь, соблюдение прав человека. Данные цели полностью коррелировали и с установками самого ЕС.

Р. Дюма предлагал два способа воплощения этих целей – запросить комиссию Бадентэра дать свое мнение относительно прав национальных меньшинств и их гарантий с тем, чтобы легитимировать новую Международную конференцию по бывшей Югославии. Второй – создать международный трибунал по военным преступлениям. Представитель ООН Сайрус Вэнс и ЕЭС – Дэвид Оуэн включили в повестку Конференции работу Арбитражной комиссии Бадентэра, как и хотел Дюма. Кроме того, как указано выше, была создана и рабочая группа по гуманитарным вопросам. В ходе встреч было оказано существенное давление на сербов, и они согласились вывести тяжелые вооружения со «значительной части» боснийской территории, которая должна стать под контроль ООН...Эти меры принесли дивиденды. Кроме того, одновременно с Конференцией ЗЕС сделал заявление о готовности направить 5000 миротворцев под мандатом ООН...Первоначально, итоги Лондонской конференции выглядели успехом»³⁹⁶. При этом несмотря на объединений усилий, международный консенсус в отношении ситуации в БиГ не был достигнут³⁹⁷. В. С. Глушко справедливо указывает: «Взаимоотношения ЕЭС и ООН осложнялись и отсутствием четкого механизма координации между глобальными и региональными международными структурами в процессе антикризисного урегулирования»³⁹⁸. Кроме того, эта своеобразная коалиция миротворцев была абсолютно не готова к урегулированию кризисов, подобных югославскому, и осваивала, что может, а что не может сработать на практике. Во многом именно это результировало в то, что совместная политика ЕС и ООН носила реактивно-репрессивный характер. Проактивная же часть политики, по сути, заключалась в шантаже сторон (чаще – сербской – *Е. Г. Энтина*), с целью заставить стороны согласиться с предлагаемыми мирными планами³⁹⁹.

Так, одним из центральных моментов для европейской дипломатии становится вопрос о военном вмешательстве. Тот же В. С. Глушко утверждает, что «ведущие державы ЕЭС весьма скептически относились к перспективе самостоятельной

³⁹⁶ Jones C. D. Op. cit. P.198-200.

³⁹⁷ Gow. J. Op. cit P.224.

³⁹⁸ Глушко В. С. Указ. соч. С. 140 – 141.

³⁹⁹ Lucarelli S. The European Response to the Yugoslav Crisis Story of a Two-Level Constraint. // EI Working paper RSC No. 95-37. 1995. P. 10-12.

европейской военной интервенции с использованием структуры ЗЕС. Подобная позиция во многом была основана на реальной оценке потенциала и возможностей ЗЕС в проведении подобной акции и анализе готовности ЕС принять политическое решение о военном вмешательстве»⁴⁰⁰.

Великобритания имела наиболее продолжительную традицию военных операций за пределами своих границ. Более того, «это страна, где общественность обычно выступает за вмешательство. Если считать истинным то, что и в целом британское общественное мнение, и политический истеблишмент не слишком сопротивляются вмешательству как форме урегулирования конфликта, то почему было не принять решение о военной акции в случае с Боснией?...Уже через год в Великобритании должны были пройти всеобщие выборы, поэтому, как пишет С. Лукарелли, меньше всего власти хотели быть обвиненными в гибели британских солдат»⁴⁰¹. Возможно, это было не ключевым, но крайне важным обстоятельством.

То же самое можно сказать и о Франции. Франция по-прежнему оставалась наиболее ярким сторонником проведения операции силами ЗЕС. Помимо этого, большинство инициатив международного сообщества – и инициатива об использовании легких вооружений на начальном этапе кризиса, и эмбарго на поставку вооружений, и идея мирной конференции, и открытие бесполетной зоны над БиГ – были французскими. Несмотря на активное сопротивление представителей министерства обороны, Франция была страной, которая направила наибольшее число военных в миротворческую миссию ООН. Соня Лукарелли объясняет это следующим образом: «Позиции Франции существует два объяснения. Первое – внимание французских лидеров к общественному мнению. Французские общественность, СМИ и интеллектуалы дали почву для решительных действий и ясно определили зону ответственности. В этой связи неожиданный визит Миттерана в Сараево в июне 1992 году мог быть интерпретирован как посыл внутривластная акция... В целом практические шаги Парижа коррелировали с барометром общественного мнения (вставка автора – *Е. Г. Энтиной*). Второе объяснение – более активными действиями Франция отстаивала статус великой державы, защищая место в Совете безопасности ООН»⁴⁰².

Под наиболее существенным давлением оказывалась Германия. С одной стороны, еще на предыдущем этапе югославского кризиса именно поддержка Любляны и Загреб со стороны Берлина обеспечили независимость. Как мы помним, усилиями немецкой

⁴⁰⁰ Глушко В. С. Указ. соч. С. 143.

⁴⁰¹ Lucarelli S. Op. cit. pp. 16-17.

⁴⁰² Lucarelli S. Op. cit. pp. 17-18.

дипломатии кризис в Югославии получил международное измерение. Что же касается возможности участия бундесвера в операции в Боснии и Герцеговине, то его обсуждение фактически было табуированным. Возможность участия немецких военных в акциях по линии ЗЕС и НАТО вызвала огромную дискуссию в парламенте. Кроме того, Берлин, вероятнее всего, не хотел рисковать привилегированными отношениями с США, с одной стороны, и с Францией, с другой. В итоговом варианте Германия согласилась, что в рамках ЗЕС проведение операции невозможно в силу его низкого потенциала. Таким образом, и Берлин, и Париж, и Лондон сошлись во мнении о приоритетном значении сил ООН и НАТО.

Поскольку результаты Лондонской мирной конференции не смогли стать залогом снижения эскалации насилия в регионе, привело к тому, что отдельные страны ЕС, преимущественно, Великобритания и Германия, начали выступать с критикой как самой Конференции, так и в целом «беззубой» политики Сообщества.

Следующей ступенью в политике «малых шагов» ЕС стала выработка нового проекта мирного плана в Боснии и Герцеговине, получившего название «план Вэнса - Оуэна». Его первая версия была предложена 2 января 1993 года в Женеве, почему весь цикл переговоров и назван в историографии Женевским этапом мирных переговоров. План предусматривал создание 10 провинций на территории БиГ, таким образом страна получала децентрализованную модель управления. Центральное правительство в Сараево должно было отвечать за осуществление внешних связей, при этом провинции получали широкие автономные права, имели независимые законодательные и собственные судебные органы. Предусматривалась демилитаризация под наблюдением ООН и ЕС и создание общих армии и полиции. Проведение первых выборов также должно было проходить под контролем ООН, ЕС, ОБСЕ⁴⁰³.

Еще до начала работы Конференции ни одна из сторон, кроме хорватов, не была готова подписать документ. Сербская сторона в общих чертах соглашалась с договором о мире и предложенными картами, но была категорически против конституционного устройства. Бошняки готовы были согласиться с конституционным устройством и мирным договором, но ни при каких обстоятельствах – с предложенными картами.

При этом ЕС (для которого это был последний масштабный проект мирного урегулирования конфликта, разработанный при его непосредственном участии) и Белградом, план, по крайней мере, официально рассматривался как реальная возможность

⁴⁰³ Nacrt mirovnog plana predložen 2. januara 1993. // Srpske političke elite i Vens-Ovenov plan. Tom 1. Stenografske beleške sa proširenih sednica Saveta za usaglašavanje stavova o državnoj politici. /Priredio V. Petrović, Beograd. 2010. str. 11-18.

разрешения конфликта в Боснии и Герцеговине. Это определило консенсус в отношении плана Вэнса-Оуэна со стороны стран-участниц ЕС, который Союз и выразил в Декларации Совета министров по БиГ от 1 февраля 1993 года, и в заявлении по БиГ о того же числа⁴⁰⁴.

Однако американская позиция о том, что план представляет собой «легализацию этнических чисток»⁴⁰⁵ и евроатлантическая солидарность заставляли ЕС заручиться поддержкой своей инициативы у международного сообщества и, в первую очередь, США⁴⁰⁶. При этом подключение Вашингтона принесло абсолютно иные результаты, чем ожидал Брюссель. Так, ЕС исходил из предположения о том, что в результате активного подключения США в большей степени вникнут в сложность конфликта, и критика ЕС, постоянно исходившая от США по поводу действий в БиГ, прекратится или уменьшится. На деле этого не случилось.

США блокировали проект в Совете безопасности ООН, а три конфликтующих стороны не готовы были подписать все пункты соглашения. При этом европейская дипломатия и ООН продолжали придерживаться формата дипломатического принуждения к миру и усиливали санкции в отношении Белграда, предполагая, что последний может оказать достаточное давление на боснийских сербов. Об этом пишет и В. С. Глушко, указывая на Резолюции СБ ООН №820 об усилении санкций против СРЮ от 26 апреля 1993 г. (в случае если лидеры боснийских сербов не подпишут мирный план) и позиции стран ЕС по вопросу режима санкций. В частности, он приводит в подтверждение декларации Европарламента и Совета министров от 21 и 26 апреля 1993 г.: «в Страсбурге была заявлена однозначная поддержка данной политики - «решение ООН по принятию Резолюции №820 о применении новых санкций против сербов - это шаг в верном направлении». Одновременно признавалось, что даже «ограниченные военно-воздушные акции под эгидой ООН ... крайне опасны и могут заблокировать гуманитарные операции». Еще ранее в декларации Совета министров иностранных дел ЕС от 26 апреля 1993 г. по БиГ подтверждалось стремление Сообщества «продолжать усиление санкций и

⁴⁰⁴Statement in the European Parliament on the Situation in the Former Yugoslavia. Strasbourg, 20 Jan. 1993. Doc.93/006. // European Political Cooperation Documentation Bulletin. 1993. Vol 9. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/36868/1/A2877.pdf> (Дата обращения 02.03.2020); Statement on Bosnia-Herzegovina. Brussels, 1 February 1993. Doc.93/034. // European Political Cooperation Documentation Bulletin. 1993. Vol 9. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/36868/1/A2877.pdf> (Дата обращения 02.03.2020).

⁴⁰⁵Ženevska etapa mirovnih pregovora u sećanima protagonista. Dejvid Oven. // Srpske političke elite i Vens-Ovenov plan, Tom 1, Stenografske beleške sa proširenih sednica Saveta za usaglašavanje stavova o državnoj politici. Priredio V. Petrović, Beograd 2010. S. 273.

⁴⁰⁶Statement on American Steps to Promote Peace and a Political Settlement in former Yugoslavia. Brussels, 12 Feb. 1993. Doc.93/053. // European Political Cooperation Documentation Bulletin. 1993. Vol 9. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/36868/1/A2877.pdf> (Дата обращения 02.03.2020).

других возможных мер ведущих к полной изоляции Сербии и Черногории»⁴⁰⁷.

При этом до сих пор остается неясным, насколько оправданными были усиление давления только и исключительно на сербскую сторону и обвинения Белграда в попустительстве боснийским сербам. В своих воспоминаниях о переговорах в те дни Добрица Чосич пишет: «Милошевич силой аргументов политической логики и грубыми угрозами и обвинениями смог продолжал убеждать Караджича и других принять конституционные принципы и карты... в итоге Караджич согласился... но все это сделать их заставили мы, из Союзной республики Югославии»⁴⁰⁸. Фактически вопрос о необходимости ратификации плана Вэнса-Оуэна был единственной темой, по которой мнения С. Милошевича и Д. Чосича совпадали.

Давая свидетельские показания на суде в Гааге по делу Слободана Милошевича, Д. Оуэн не отрицал также, что Белград действительно оказывал прямое и серьезное давление на руководство Республики Сербской⁴⁰⁹. Из опубликованных документов, посвященных плану Вэнса-Оуэна видно, что, хотя план не мог устраивать сербскую сторону (и в БиГ, и в Белграде), С, Милошевич, Д. Чосич и М. Булатович оказывали максимальное давление на боснийских сербов с целью убедить последних принять план. По большей части, ими руководил страх международной изоляции и перспектива того, что именно Белграду «придется ответить» за несговорчивость сербов по ту сторону Дрины, что и происходило в реальности.

В практическом плане реализация политики «малых шагов» ЕС в период с августа 1992 по июнь 1993 г. воплотилась в организации и обеспечении совместно с ООН гуманитарных конвоев; координации миротворческих операций СООНО; поддержке деятельности ООН по созданию в БиГ «бесполетной зоны» (Резолюция №781 СБ ООН от 9 октября 1992 г.) и «зон безопасности» (Резолюции №819 от 16 апреля 1993 г. и №824 от 6 мая 1993 г.); контроле за режимом санкций и эмбарго. Кроме того, следует отметить деятельность Наблюдательной миссии Европейского сообщества (ЕСНМ) в сотрудничестве с Верховным Комиссариатом ООН по делам беженцев и Международным Комитетом Красного Креста в ходе операций по контролю за соблюдением прав человека и обращению с военнопленными⁴¹⁰. Из перечисления следует, что за рамками предложенного плана Вэнса-Оуэна, роль ЕС сводилась к участию в более широких международных инициативах и поддержке резолюций ООН, что свидетельствовало об

⁴⁰⁷ Цит. по: Глушко В. С. С. 165.

⁴⁰⁸ Ženevska etapa mirovnih pregovora u sećanima protagonista. Dobrica Ćosić. // Srpske političke elite i Vens-Ovenov plan. Tom 1. Stenografske beleške sa proširenih sednica Saveta za usaglašavanje stavova o državnoj politici. / Priredio V. Petrović. Beograd 2010. S. 267-278.

⁴⁰⁹ Ženevska etapa mirovnih pregovora u sećanima protagonista. Dejvid Oven. Ibid. S. 265-266.

⁴¹⁰ Глушко В. С. Указ. соч. С. 165.

ограниченности миротворческого инструментария, находившегося в тот момент в руках Брюсселя.

В итоге отказ Скупщины Республики Сербской ратифицировать мирный план Вэнса-Оуэна, сопротивление этому со стороны США, а также перенос военного противостояния летом 1993 года из плоскости сербо-мусульманской конфронтации в плоскость мусульманско-хорватского противостояния привели к провалу мирной инициативы ЕС. Анализируя итоги последнего глобального проекта ЕС по урегулированию боснийского кризиса, Е. Ю. Гуськова пишет: «следует признать, что план Вэнса – Оуэна имел большое значение. Он продемонстрировал желание Европы погасить межнациональный конфликт на своей территории, выявил разногласия сторон, благодаря этому плану за столом переговоров оказались руководители противоборствующих образований. В то же время длительный период согласований показал односторонность подходов сопредседателей к участникам конфликта, необъективность в определении виновных за разжигание войны. Если бы Европа так же строго отнеслась к мусульманской и хорватской сторонам, как к сербской, то урегулировать конфликт можно было еще в 1992 г»⁴¹¹. Помимо указанных проблем, приведших к провалу инициативы, отдельно стоит выделить и то, что на тот момент ЕС, находившийся в процессе формирования ОВПБ, чисто технически не мог обеспечить достижение и выполнение плана противоборствующими сторонами⁴¹².

В результате в политике ЕС по отношению к боснийскому кризису происходят два существенных сдвига в теоретической и практической плоскости. В практической плоскости Брюссель превращается из одного из основных внешних медиаторов в сторону-посредника, обеспечивающего дипломатические переговоры и участвующего в гуманитарных миссиях. В теоретической плоскости представители Сообщества, наконец, начинают воспринимать процесс распада Югославии как цепь взаимосвязанных явлений и многомерный процесс. Первоначально это выразилось только в оказании посреднических услуг С. Милошевичу и Ф. Туджману в их переговорах о проекте «Союза трех республик», который иногда ошибочно называют проектом Д. Оуэна и Т. Столтенберга (координаторы от ЕС), а очень скоро отразилось в «Плане действий ЕС» - мирной инициативе ЕС, сформулированной Д. Оуэном, призывавшим Совет министров обратиться к видоизмененной версии концепции «Союза трех республик», в которой соглашение по Боснии и Герцеговине стало бы частью общерегионального соглашения. Формально предложение было сформулировано в письме Клауса Кинкеля и Алана Жюпе

⁴¹¹ Гуськова Е. Ю. Вооружённый конфликт... С. 94.

⁴¹² Gow J. Op. cit. P.259.

от 7 ноября 1993 года председательствовавшей на тот момент в ЕС Бельгии⁴¹³. После недолгих дискуссий было принято решение о ее одобрении⁴¹⁴, ставшее, по сути, первым решением, достигнутым ЕС в рамках Общей внешней политики и политики безопасности, что по-своему символично. Как указывает Г. Эдвардс, несмотря на то что данная инициатива не привела к созыву новой Конференции, подобной Лондонской, она способствовала продолжению Женевских встреч при посредничестве ООН, ЕС, США и России⁴¹⁵.

В конце 1993 - начале 1994 г. Вашингтон начинает рассматривать возможность нанесения авиаударов по позициям сербов с целью «выдавить» из согласие на принятие мирного соглашения. Это свидетельствовало о постепенном смещении центра принятия решений в рамках международного сообщества к Вашингтону,⁴¹⁶ что также означало отход от той концепции миротворчества, которой на протяжении предыдущего периода придерживался Брюссель. Взрыв в Сараево 5 февраля 1994 года подвел черту под этапом европейского миротворчества.

Оценивая данный период участия ЕС в урегулировании югославского кризиса, можно выделить несколько принципиально значимых моментов. В первую очередь, в процессе мирных переговоров по бывшей Югославии, особенно на этапе боснийского кризиса, происходило складывание Общей внешней политики и политики безопасности ЕС, что не могло не отразиться как на внутреннем противостоянии различных стран-членов относительно условий и формата урегулирования, так и предопределить итоговую общую, компромиссную, но при этом весьма «беззубую» позицию. Во-вторых, в данный период прослеживается существенная эволюция европейского понимания югославского кризиса: от восприятия конфликтов как обособленных друг от друга и объединенных только стремлением Белграда любыми путями сохранить федерацию, к осознанию многомерности и взаимосвязанности гражданских войн на пространстве бывшей Югославии и необходимости выработки общерегионального решения. В-третьих, активное включение в урегулирование балканского конфликта ООН и США привели к самоустранению ЕС и некоторой девальвации его роли в силу отсутствия эффективных «силовых» инструментов миротворчества в его арсенале и уже упоминавшейся разрозненности.

⁴¹³ Kinkel K., Juppe A. Letter to Belgian EU Presidency. 7 Nov. 1993// Owen D. Balkan Odyssey. London.1996.

⁴¹⁴ Statement on a Council Meeting. Luxembourg, 22 Nov. 1993. Doc. 93/461. // European Political Cooperation Documentation Bulletin. 1993. Vol 9. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/36868/1/A2877.pdf> (Дата обращения 02.03.2020).

⁴¹⁵ Edwards G. The Potential and Limits of the CFSP: The Yugoslav Example. // Foreign Policy of the European Union – From EPC to CFSP and Beyond.1997. P.180.

⁴¹⁶ Глушко В. С. Указ. соч. С. 184.

Однако именно эти составляющие стали основой политики, которую, начиная с 1996 года, по окончании войны в Боснии и Герцеговине, ЕС сформулировал и начал реализовывать в Балканском регионе. Ее ключевыми идеями стали: общерегиональный формат поддержания стабильности, создание инструментов, повышающих региональную взаимосвязь; формирование такого типа авторитета Европейского союза в регионе, который бы позволял нивелировать эффект от отсутствия силовых инструментов.

Применительно к кризису в Боснии и Герцеговине с февраля 1994 года институциональный центр миротворчества смещается в сторону ООН и США, а ЕС постепенно ограничивается ролью вспомогательного фактора в рамках их инициатив.

ЕС в кризисе в автономном крае Косово и Метохия в 1997-1999 гг.

ЕС вернулся в процесс постъюгославского урегулирования в качестве самостоятельного актора в 1996-1997 гг. В Сербии в этот момент происходят заметные перемены во внутривнутриполитической обстановке: во-первых, в автономном крае Косово и Метохия значительно снизился авторитет И. Руговы, который вел переговоры с Белградом. Вместе с этим ослабевают позиции Демократического союза Косова, которым руководил И. Ругова. Ослабление его авторитета происходило в результате того, что ему не удалось включить Косовский вопрос в повестку Дейтон. Однако это привело к тому, что лидирующие позиции в крае начали занимать более радикальные лидеры, в том числе и военно-террористические организации (к примеру, Армия освобождения Косово).

Во-вторых, массовые акции протеста в Белграде в связи с фальсификацией результатов муниципальных выборов кардинально изменили облик сербской оппозиции. «В этих условиях некоторые западноевропейские и американские организации, с более или менее открытой поддержкой собственных правительств, попытались организовать сербско-албанский диалог и сдвинуть политический процесс (в Косово) мертвой точки»⁴¹⁷. Однако первые попытки настроить диалог между представителями правящей коалиции Сербии в лице СПС и Новой демократии не принесли значимых результатов: обсуждение «Проекта об этнических отношениях» в апреле 1997 г. на конференции в Нью-Йорке с привлечением сербских и албанских общественных и политических деятелей не дало никаких результатов⁴¹⁸.

По инициативе международной неправительственной организации «Фонд Бертельсмана» в январе 1997 (Мюнхен) по апрель 1998 (Салоники) гг. была предпринята

⁴¹⁷ Симић П. Пут у Рамбује. Београд: Неа. 2000. С. 164.

⁴¹⁸ Подробно о сербско-албанском диалоге в 1997-1998 гг. см.: Симић П. Пут у Рамбује. Београд: Неа. 2000. С. 165-191.

еще одна попытка наладить сербско-албанский диалог: по Косовскому вопросу были организованы четыре конференции сербских, албанских, западноевропейских, американских и греческих ученых и представителей НПО. В ходе переговоров представителями продемократических организаций из Сербии и Черногории с общественными и научными деятелями Косова было предложено три варианта урегулирования конфликта⁴¹⁹. Данные три варианта впоследствии были использованы представителями ЕС, которые в 1998 г. попытались стать ключевым посредником в сербско-албанском диалоге. Весной 1998 г. Белград посетили представители Контактной группы К. Кинкель, министр иностранных дел ФРГ, и министр иностранных дел Французской республики И. Ведрин. Тем не менее, попытки Европейского союза выработать взаимоприемлемое решение оказались тщетными. П. Симић отмечает, что, несмотря на общее желание участников конференции предотвратить военный конфликт регионального масштаба, конструктивный диалог, и как следствие, конструктивная роль ЕС, не претворились в жизнь, что привело к перехвату инициативы Североатлантическим альянсом.⁴²⁰ Российские ученые также занимают подобную позицию, констатируя, что компромисс стал невозможен в результате эскалации косовского кризиса в своей заключительной фазе в октябре 1998 – марте 1999 г., когда инициативу урегулирования взяла на себя американская дипломатия⁴²¹.

Несмотря на то, что в «Заявлении ЕС о всеобъемлющем подходе к проблеме Косово» от 27 октября 1998 г. отмечалась полная поддержка принципов урегулирования, достигнутых в результате переговоров миссии Ричарда Холбрука с Слободаном Милошевичем, ЕС стремился закрепить свой особый статус, в частности, через предоставление официального статуса специальному посланнику ЕС В. Петричу⁴²². Однако Европейский Союз уже был не в состоянии занять самостоятельную позицию в решении косовского вопроса.

Хотя таких серьезных разногласий внутри ЕС, как было на начальном этапа югославского кризиса, не наблюдалось, позиции ведущих стран Союза имели свою специфику.

Как точно отмечает Н. К. Меден, «для становления берлинской (как следующей после боннской) внешней политики ФРГ эпохальное значение имело решение федерального правительства об отправке подразделений бундесвера для участия под

⁴¹⁹ Подробный анализ вариантов решения проблемы Косово в рамках данной конференции см.: Симић П. *Op. cit.* С. 172-184.

⁴²⁰ Симић П. *Op. cit.* С. 190.

⁴²¹ Гуськова Е.Ю. *История...* 662-690.

⁴²² Заявление ЕС о всеобъемлющем подходе к проблеме Косово (27 октября 1998 г.) // *Албанский фактор кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 2 (1998-1999 гг.). М.: Индрик. 2007. С.139-141.*

командованием НАТО в операции за пределами страны», что впервые произошло в ходе боснийского кризиса»⁴²³. Именно это, вслед за объединением Германии, стало одним из основных мотивов для пересмотра ее внешнеполитических задач в сфере безопасности. ФРГ становится значительно более активной на международной арене, хотя и после прихода к власти номинально считавшегося «евроскептиком» Г. Шрёдера фундаментальные основы позиционирования Германии, связанные с попытками растворить национальные интересы в интересах объединенной Европы, остаются неизменными⁴²⁴. Помимо того, что Балканы были самоценны для Берлина, более активной позиции требовала становившаяся острой проблема албанских беженцев, значительная часть которых (более 140.000) уже в период первой половины 1998 года оказалась в Германии. Как указывает в своей диссертации Е. Н. Гросс, хотя руководство Германии тогда еще питало надежду на мирное разрешение конфликта, уже в начале июня 1998 г. оно всё больше и больше склонялось к тому, что военное давление на Белград и, возможно, вмешательство НАТО могли бы стать необходимыми⁴²⁵.

Администрация Б. Клинтона, при поддержке Великобритании, выдвинула идею расширенного понимания роли НАТО в Европе и мире и официального закрепления «кризисного реагирования» в качестве второй основной задачи НАТО, стремясь заменить принцип защиты «общей территории» защитой «общих интересов»⁴²⁶, что в целом отвечало долгосрочным интересам ФРГ. Активизация Берлина по Косовскому вопросу в этой связи давала немцам возможность продемонстрировать, что единственным «сильным» актором на континенте, с которым Вашингтон может иметь дело, является Берлин. Поэтому неудивительно, что в 1999 году решение об участии ФРГ в косовской операции было принято красно-зеленой коалицией, «то есть партиями, позиционирующими себя сторонниками мирного пути разрешения конфликтов (социал-демократы) и даже приверженцами пацифистской идеологии (зеленые)»⁴²⁷.

Определенное, довольно острое неприятие англо-американская идея о расширении роли Альянса встретило со стороны Франции. Париж одновременно опасался как снижения значимости СБ ООН, так и размывания собственного статуса в НАТО. Хотя, это не

⁴²³ Меден Н. К. Роль Германии в признании и становлении независимого Косово // Косово: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев; предисл. Р. С. Гринберг). СПб.: Алетей. 2012. С. 170.

⁴²⁴ Белякова Т.В. Внешняя политика Германии в отношении Европейского Союза после прихода к власти кабинета Г. Шрёдера // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 3. С. 255-264.

⁴²⁵ Гросс Е. Н. ФРГ и Балканский кризис на рубеже XX – XXI вв. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тула. 2007. Стр. 118-119.

⁴²⁶ Абрамов А. В. Подход к урегулированию этнополитических и этноконфессиональных конфликтов на постюгославском пространстве // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. 2006. С. 135.

⁴²⁷ Меден Н. К. Op. cit. С. 171.

препятствовало тому, что лейтмотивом политики Франции при Ж. Шираке оставалась защита прав национальных меньшинств, в том числе права на самоопределение. Доказательством тому была не только позиция Парижа, осуждавшего действия С. Милошевича, но и последовательная и острая критика российских действий в Чечне в этот же период. Таким образом, Париж оказался зажатым в традиционные тиски, с одной стороны, не желая отступать от общей линии партнеров по НАТО и ЕС, а с другой, претендуя на самостоятельный вес в мировых делах, в связи с чем до последнего настаивал на необходимости получения соответствующей резолюции СБ ООН, в случае применения военной силы в отношении Белграда. Однако в этой своей позиции, - пишет Я. Стрельцова - Париж не был последователен до конца и, «видимо, опасаясь разрыва с США и с главными европейскими партнерами - Великобританией, Германией, Италией - не воспротивился решению НАТО применить «в порядке исключения» силу против Югославии даже без санкции Совета Безопасности»⁴²⁸.

В результате к моменту начала переговоров Контактной группы, а затем и конференции в Рамбуйе в феврале 1999 года позиции США, Великобритании, Франции и ФРГ мало чем отличались, превращая общую позицию ЕС в идентичную видению партнеров по НАТО. При этом стоит отметить, что к концу 1990-х гг. вполне отчетливо складывается собственная стратегия ЕС, нацеленная на развитие общерегиональных форматов сотрудничества под эгидой Брюсселя. В этой связи единство ЕС и НАТО в вопросах бомбардировки СРЮ не стоит сводить к влиянию англо-американского тандема, воли которого все остальные были вынуждены подчиниться. Скорейшее решение косовского вопроса, и, главным образом, отстранение от власти С. Милошевича с его авторитарным недемократическим политическим режимом, полностью отвечали долгосрочным задачам Европейского союза в регионе, реализовать которые самостоятельно он не мог, что с очевидностью доказала его роль в урегулировании предыдущего витка югославского кризиса. Применительно к кризису в автономном крае Косово и Метохия справедливо говорить не о следовании ЕС в фарватере НАТО, а о совпадении интересов ЕС, НАТО и Вашингтона как лидера Альянса.

В подобных обстоятельствах была неизбежной ситуация, когда на переговорах в Рамбуйе делегация Сербии, возглавляемая президентом Сербии Миланом Милутиновичем была встречена единым фронтом представителей Соединенных Штатов, Североатлантического альянса и Европейского Союза, чьи действия были скоординированы с албанской делегацией, в

⁴²⁸ Стрельцова Я. Р. Почему Франция признала независимость Косово? // Косово: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев; предисл. Р. С. Гринберг). СПб.: Алетейя. 2012. С. 181.

состав которой вошли И. Ругова, А. Чеку, Ф. Сурой при предводительстве уже получившего известность лидера политического крыла ОАК Хашима Тачи⁴²⁹.

Европейский союз был представлен на переговорах в Рамбуйе по настоянию министра иностранных дел Германии Й. Фишера австрийцем Вольфгангом Петричем, которого Добрица Чосич описывал как «профессионального сербоненавистника»⁴³⁰. Примечательно, что В. Петрич не только находился в тесной связи ОАК, но и лично принимал участие в формировании состава делегации косовских албанцев. Германская дипломатия оказалась способна осуществить дипломатическое признание Хашима Тачи, находившегося под следствием в связи с обвинениями в терроризме, а также добилась, чтобы именно «ОАК стала определяющим политическим фактором в Косово»⁴³¹. Таким образом, на переговорах в Рамбуйе и последовавшей интервенции НАТО против СРЮ в марте – июне 1999 г. вновь повторилась ситуация 1991 г., когда Германия навязала ЕС собственный подход силового разрешения конфликта на пространстве бывшей СФРЮ и проявила себя не самостоятельным актором в разрешении кризиса, а лояльным союзником США в противостоянии с Сербией, которая была обвинена в эскалации косовского конфликта.

В конце апреля 1999 г. Совет ЕС наложил эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов в Югославию и призвал другие страны присоединиться к эмбарго, а 6 мая 1999 г. были введены дополнительные санкции против СРЮ посредством принятия Совместной позиции и Постановления Совета Европейского союза. Как отмечалось в Заявлении правительства СРЮ от 16 мая 1999 г., санкции напрямую угрожали правам, свободам и имуществу человека, экономическим и другим интересам Югославии и её граждан, а также интересам других стран»⁴³².

В ходе финальной стадии косовского кризиса ЕС оказался способен сыграть ведущую роль в разработке плана мирного разрешения конфликта. Она осуществлялась специальным представителем ЕС, президентом Финляндии, Марти Ахтисаари совместно с представителем США Струобом Тэлботом и спецпредставителем президента России Виктором Черномырдиным (3 июня 1999 г.). Кроме того, ЕС сыграл роль в разработке военно-технического соглашения между международными силами безопасности (т.е. силами НАТО) и правительствами СРЮ и Сербии (соглашение в Куманово от 9 июня 1999 г.) и Резолюции 1244 Совета Безопасности

⁴²⁹ См.: Отчет делегации правительства Республики Сербии о переговорах, проходивших в Рамбуйе и Париже с целью утверждения соглашения о существенном самоуправлении в Косове и Метохии (23 марта 1999 г.) // Албанский фактор кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 2 (1998-1999 гг.). М.: Индрик. 2007. С. 237-249.

⁴³⁰ Чосић, Д. Косово. Београд: Новости. 2004. С.110.

⁴³¹ Kreickenbaum M. Le rôle de l'Allemagne dans la sécession du Kosovo //World Socialist Website. 08.03.2008. Режим доступа: URL :<https://www.wsws.org/francais/News/2008/mar08/alle-m03.shtml> (Дата обращения 21.12.2019).

⁴³² Заявление правительства СРЮ (16 мая 1999 г.) // Албанский фактор кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 2 (1998-1999 гг.). М.: Индрик. 2007. С.300-302.

ООН от 10 июня 1999 г. Этому способствовала дипломатия ЕС, заостренная под предложение, сделанное германского администрацией месяцем ранее, о формировании Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы. 10 июня 1999 года была выпущена не только известная Резолюция СБ ООН 1244, но и Пакт стабильности, подписантами которого в Кельне выступили ЕС, G8 и отдельные международные организации.

Завершение косовского кризиса летом 1999 г., а также перегруппировка сербских политических сил, выразившаяся в формировании оппозиционной коалиции «Союз за перемены» зимой 1999 г., внесли определенные коррективы в политику ЕС. С осени 1999 г. Брюссель сконцентрировался на прямом диалоге сербской демократической оппозицией в попытке изолировать и впоследствии устранить режим С. Милошевича. Наиболее яркое проявление подобных устремлений наблюдалось в ходе организации заседания Совета министров иностранных дел ЕС в Люксембурге 11 октября 1999 г. Приглашение на конференцию было отправлено лидерам более двух десятков политических партий и негосударственных организаций Сербии, руководству СПЦ, президенту Черногории Мило Джукановичу, а также мэрам Белграда, Пирота и Ниша,⁴³³ чьи города наиболее пострадали от бомбардировок НАТО.

В проекте Декларации, который должен был быть подписан в Люксембурге,⁴³⁴ ключевым условием «улучшения отношений Европейского союза и СРЮ» значились «демократический транзит власти в СРЮ и Сербии», а также «отстранение от власти лиц, обвиненных Гаагским трибуналом», в первую очередь – Слободана Милошевича. Со своей стороны, Брюссель обязался начать процесс снятия санкций, оказать гуманитарную помощь городам Сербии, пострадавшим в ходе авиаударов НАТО, и способствовать восстановлению позиций Югославии в международных организациях.

Приглашение принять участие в конференции вызвало острые споры и раскол в рядах сербской оппозиции. Свыше десяти внепарламентских партий, входивших в Союз за перемены (СЗП), вели дискуссии всю ночь и утром 8 октября заявили о своем отказе встречаться с министрами иностранных дел государств Европейского союза. На встрече с европейскими дипломатами в Белграде делегаты СЗП решительно отвергли проект Декларации, в особенности её предварительное условие, касавшееся передачи Гаагскому трибуналу высшее руководство СРЮ, обвиняемое в преступлениях⁴³⁵. Определенные опасения у сербской оппозиции вызывали и имевшиеся в Декларации намеки о стремлении ЕС урегулировать федеральные отношения внутри СРЮ, в частности вопрос

⁴³³ Полные данные о приглашенных в Люксембург см.: ЕУ зове СПЦ и опозицију у Луксембург // Глас. 07. 10. 1999.

⁴³⁴ Текст декларације // Глас. 12. 10. 1999.

⁴³⁵ Sporna obaveza o izručenju optuženih // Blic. 11. 10. 1999.

Черногории, а также статус Санджака и Воеводины, а также окончательно определить статуса Косова после демократического транзита в Сербии⁴³⁶. Бывший премьер СРЮ Д. Аврамович, которого организаторы конференции видели в качестве потенциального лидера демократической оппозиции на выборах президента СРЮ, отказался принять участие в конференции. «Унизительными» назвал руководитель Демократической партии Сербии Воислав Коштуница предварительные условия конференции, которые принуждали сербов признать правомерность западных бомбардировок, согласиться с оккупаций Косово и пойти на сотрудничество с Гаагой⁴³⁷. З. Джинджич, руководитель Демократической партии, пользовавшейся наибольшим влиянием в СЗП, и В. Драшкович, руководитель Сербского движения обновления, не входящего в состав СЗП, отказались участвовать.

Стоит отметить, что позиция СДО была озвучена консультантом В. Драшковича Предрагом Симичем, в прошлом участвовавшим в переговорах с ЕС по югославскому урегулированию. В заявлении СДО отмечалось, что движения «не возьмет на себя какие-либо предварительные условия» до тех пор, пока оппозиция не придет власти по итогам демократических выборов. В свою очередь движение выдвинуло в качестве предварительных условий переговоров с ЕС прекращение санкционного режима против СРЮ, а также кардинально отвергло принцип «энергетических ресурсов в обмен на демократию», то есть предоставления гуманитарной помощи исключительно таким городам и общинам, где после «зимнего противостояния» 1996-1997 гг. к власти пришла демократическая оппозиция⁴³⁸. Кроме того, ряд представителей оппозиции в частности Д. Аврамович, Н. Чович (лидер Демократической альтернативы), (председатель Новой демократии), Д. Мичунович (руководитель Демократического центра), Д. Михайлович, З. Живкович (заместитель главы Демократической партии) и П. Симич спешно составили собственный вариант Декларации, в котором, как утверждает Д. Аврамович, указывалось, что вопрос сотрудничество с Гаагским трибуналом не является приоритетным в отношениях с Брюсселем с ЕС до тех пор, пока страна не перейдет к демократическому строю, и сам народ Югославии не решит эту проблему⁴³⁹.

В результате на переговорах в Люксембурге 11 октября 1999 г. присутствовали лишь руководители наиболее проевропейских сербских неправительственных организаций и политических объединений национальных меньшинств – С. Бисерко (белградское отделение Хельсинского комитета защиты гражданских прав), Н. Кандич

⁴³⁶ Klarin M. Šta bi Evropa učinila za Srbiju posle Miloševića // Danas. 07. 10. 1999.

⁴³⁷ Коштуница: Уцењивачки позив опозицији // Борба. 12. 10. 1999.

⁴³⁸ Прво укинути санкције // Борба. 12. 10. 1999.

⁴³⁹ Avramović: Smatrao sam da je bolje da mi njima pošaljemo tekst // Danas. 13. 10. 1999.

(Фонд в защиту гуманитарных прав), В. Пешич (Гражданский союз Сербии), М. Пайевич (Европейское движение Сербии), профессор В. Димитриевич (Белградский центр защиты гражданских прав), представители Левых социалистов Воеводины, двух партий Санджака, коалиции «Воеводина», Демократического союза венгров Воеводины, и ряд других политических партий и организаций⁴⁴⁰.

Таким образом, европейским министрам иностранных дел не удалось установить политический диалог с сербской оппозицией, вследствие чего встреча завершилась безрезультатно, так как от принятия Декларации отказались. Стоит отметить, что одной из причин дипломатического фиаско Брюсселя в его попытке повлиять на развитие внутривосточной ситуации в СРЮ и изолировать режим С. Милошевича, европейские и американские исследователи считали прямое американское вмешательство организацию люксембургского саммита. По их мнению, давление госсекретаря США М. Олбрайт накануне встречи на Р. Кука и Й. Фишера вынудило европейских министров сформулировать проект Декларации в таком унижительном и ультимативном для сербов духе⁴⁴¹. Можно говорить о том, что хоть ЕС в целом не возражал против силового решения косовского вопроса, поскольку, как уже было показано выше, основной задачей для Брюсселя было как можно быстрее приступить к реализации общерегиональной трансформации под своей эгидой, все же подобный «жесткий» подход противоречил ценностным установкам Союза.

В этой связи можно говорить об определенной вынужденности принятия ЕС формулы силового урегулирования косовского конфликта, завершившейся непосредственной агрессией НАТО против Югославии 1999 г. Великобритания, Франция и ФРГ стали активными участниками военной операции НАТО против СРЮ, начавшейся 24 марта 1999 г.; Рим, Лондон и Анкара предоставили базы на своей территории в качестве перевалочных пунктов для американской авиации, сыгравшей ключевую роль в бомбардировках.

Как считает Ю. И. Рубинский, одной из важных причин евроатлантической солидарности, кроме вышеперечисленных, были факторы внутреннего порядка в странах-членах ЕС. «В 1998-1999 гг. почти во всех этих государствах у власти находились левые правительства социал-демократов, лейбористов, социалистов. Заботясь о своей репутации не менее последовательных защитников национальных интересов, прав человека и национальных меньшинств, чем правые партии, и стремясь избежать обвинений в пацифизме, они вынуждены, были постоянно доказывать свою решимость использовать

⁴⁴⁰ Опозиција неће по диктату ЕУ // Глас. 12. 10. 1999.

⁴⁴¹ Дебакл у Луксембургу; Америчка страховлада прогутала Европу // Борба. 13. 10. 1999.

все средства включая военную силу для урегулирования международных кризисов. Это особенно характерно для правительств Франции, в котором участвуют коммунисты, Италии, где они входят в парламентское большинство, и Германии, где правящий кабинет опирается на блок социал-демократов и "зеленых", еще недавно выступавших против использования бундесвера в операциях за рубежом, если не вообще за выход из НАТО»⁴⁴². Кроме того, нельзя не учитывать того факта, что к косовскому кризису мировое общественное мнение было настроено однозначно антисербски, поэтому формирование единых согласованных позиций внутри ЕС давалось европейцам несоизмеримо легче, чем в 1991 – 1995 годах.

Подводя итог исследованию роли ЕС в урегулировании югославского кризиса, можно сделать ряд следующих выводов:

Распад биполярной системы международных отношений, одним из последствий которого стал и югославский кризис, оказал серьезное влияние на то, какую роль для себя ЕЭС видело в его урегулировании и каким образом его государства-члены выступали в ходе развития развития, в национальном и коллективном качествах. Окончание холодной войны позволило ЕЭС по-новому взглянуть на свое положение в качестве возможного мирового актора и заявить о своем намерении подняться на качественно новый уровень. В этот период происходит трансформация системы Европейского политического сотрудничества в Общую внешнюю политику и политику безопасности. Однако югославский кризис показал, что без интересов и восприятия отдельных стран-членов понять и объяснить общую позицию ЕЭС невозможно. Хотя часть суверенитета была передана государствами-членами на наднациональный уровень, именно национальные политики стран-членов ЕЭС на данном этапе остаются ключевыми для формирования общей внешней политики. То есть, по сути, на практике и после Маастрихта продолжала существовать трансформированная система европейского политического сотрудничества. Вместе с тем, что примечательно и важно для югославского кризиса, для всех стран-членов ЕС, сыгравших на постъюгославском пространстве ключевую роль, национальные интересы неотъемлемы от их членства и позиции внутри ЕС (текущей или желаемой). Именно претензии на лидерство внутри ЕС, с одной стороны, и концепции видения ЕС как международного актора в перспективе определяли политику Франции, Великобритании и Германии как ведущих стран-членов ЕС в отношении югославского кризиса.

⁴⁴² Рубинский Ю. И. Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта// Косово: международные аспекты кризиса. Под редакцией Д. Тренина и Е. Степановой. М: Московский Центр Карнеги. 1999. С. 213.

По отношению к югославскому кризису на этапе, предшествующем его эскалации, использование финансового инструмента в качестве «кнута и пряника» с целью удержать единство Югославии со стороны ЕЭС выглядело логичным, особенно, если учесть тот факт, что ЕЭС было крупнейшим торговым партнером СФРЮ. Однако он был применен слишком поздно, когда правительство Анте Марковича на деле практически ничего не контролировало. А поэтому не мог дать сколько-нибудь осязаемого эффекта. Особое значение приобрели инструменты политического влияния.

Существование разных подходов к урегулированию у Франции, Великобритании и Германии не могло привести к выработке общей политики Сообщества в отношении югославского вопроса. Вместе с тем, несмотря на различие позиций, можно говорить о том, что до референдума в Словении и военных действий со стороны ЮНА большая часть членов ЕЭС да и все Сообщество в целом выступало за сохранение единства Югославии. Более того, несмотря на множество индикаторов грядущей катастрофы, внутри ЕЭС исключалась сама возможность перерастания политических проблем в открытое вооруженное противостояние. Таким образом, можно считать, что на первоначальном этапе югославского кризиса игнорирование остроты югославской проблемы и было общей позицией ЕЭС.

В тот момент, когда переговоры о сохранении югославского единства начали заходить в тупик, ЕЭС главным образом, отталкивалось от парадигмы «признания или непризнания» независимости откалывающихся республик. Причем данный подход применялся по-разному. Если в переговорах с Любляной и Загребом он использовался напрямую (признать или не признать независимость и на каких условиях), то в случае с Белградом признание или непризнание частей, отделяющихся от Югославии, использовалась в качестве средства заставить сербов вести переговоры и принимать навязываемые им дипломатические решения.

Хотя отдельные страны-члены ЕЭС воспринимали югославский кризис как непосредственную угрозу собственной безопасности (прежде всего, Германия, Австрия и Италия), в целом Сообщество в большей степени рассматривало югославский кризис как возможность укрепить роль ЕЭС в меняющейся мировой и европейской системе безопасности. Подтверждение этому – с одной стороны, крайнее нежелание использовать военную мощь отдельных стран-членов при непрекращавшейся дискуссии о соотношении ЗЕС/НАТО в возможном военном урегулировании (особенно, на начальном этапе югославского кризиса).

Несмотря на множество недостатков в миротворческой концепции ЕЭС в отношении югославского кризиса и ее общую неэффективность, нельзя исключать, что

Брюсселю удалось сформировать сам переговорный процесс. При этом он был активным и на некоторых стадиях способствовал снижению напряженности.

К кризису в Косово европейские страны подходят с более-менее единой позицией. Единство стало результатом закрепившегося в мировом общественном сознании за сербской нацией клише «агрессоров», осознанием отсутствия в арсенале ЕС действенных инструментов силового урегулирования в сравнении с США и НАТО, а также выработкой собственного стратегического видения будущего региона, для реализации которого требовались отсутствие острых конфликтных очагов и наличие демократических политических режимов.

Конкретным итогом югославской проблемы для ЕС стала концентрация ЕС на задачах гуманитарно-правового характера в ходе кризисного урегулирования. Планы Вэнса-Оуэна, Оуэна-Столтенберга, Жюпе-Кинкеля, переговоры в Рамбуйе, а затем и соглашения 2000-х гг. основывались на правовых нормах, выработанных ЕЭС в начале 1990-х гг. по отношению к кризису в Югославии.

Более того, югославский кризис в конечном итоге стимулировал складывание общей политики ЕС в отношении региона. Кризис и вооруженные конфликты, с которыми ЕС не смог справиться, стали стимулом к выработке ценностных и правовых рамок балканской политики ЕС, которые стали основой взаимодействия в начале следующего столетия.

В ряду косвенных, но существенных факторов примечательно также и то, что в рамках югославского кризиса была в целом выработана политика ЕС по отношению к статусу различных этнических групп и национальных меньшинств. Например, македонцы были признаны отдельной нацией на основании тех критериев, которые были разработаны европейскими дипломатами. Феноменально и то, что данные процессы происходили параллельно развитию идеи Европейского союза как союза индивидуальных граждан, размытию национальной принадлежности, закладыванию основ политики мультикультурализма, которая спустя полтора десятилетия потерпела крах.

Глава 3. Особенности и результаты интеграционной политики ЕС в государствах постъюгославского пространства в первые десятилетия XXI века

При выработке и осуществлении политики интеграции группы стран, которые позже стали именоваться Западными Балканами, Европейский союз использовал подходы и наработки, успешно опробованные им в отношении Восточной Европы. Это представлялось логичным и естественным, поскольку благодаря им Восточная Европа, как представлялось в начале XXI века, в целом сумела справиться с вызовами системной трансформации. Однако применительно к Западным Балканам они оказались на порядок менее успешными. Для того чтобы ответить на вопрос почему, надо проанализировать, каким путем ЕС пришел к использованию соответствующих стратегий; разобрать, в чём они заключались; провести их сопоставительное сравнение и показать, чем ситуация в Западных Балканах принципиальным образом отличалась от той, которая была характерна для Восточной Европы. При рассмотрении данных вопросов упор сделан на исследовании не только мотивации, позиций и причинно-следственных связей, но и формальных решений, нормативных документов и соглашений ЕС. Последнее не является ноу-хау Брюсселя. ЕС не мог и не может действовать иначе. Сформировав общий рынок, страны-члены вынуждены любые свои действия облекать в правовые установления, поскольку именно таким образом обеспечивается его единообразное и одинаковое функционирование в пределах всей территории ЕС при осуществлении своей внешней политики и внешнеэкономической деятельности. Принципиально важным является не только наличие согласованного внешнеполитического курса, но и единообразной законодательной базы. Оно конструируется через нормативные акты и соглашения ЕС, поскольку право ЕС является органической частью права государств-членов, обладает прямым действием и преимущественной силой.

Глава 3.1 Специфика стратегии расширения Европейского союза в отношении Западных Балкан

Югославский кризис спровоцировал внутри евроатлантического сообщества серьезную дискуссию о том, каким образом и на каких ценностных основаниях в новом постбиполярном мире должна строиться внешняя политика. Эта дискуссия в значительной мере предопределила складывание Общей внешней политики и политики безопасности ЕС, пересмотр (явочным порядком) сферы деятельности НАТО и в целом трансформацию системы международных отношений на рубеже XX и XXI веков. По прошествии многих

лет эти изменения достоверно прослеживаются в работах балканских авторов. «В то время как первоначальные западные реакции на югославский кризис находились под сильным влиянием реалистских, а точнее неореалистских представлений о международных отношениях и международной безопасности, – отмечает П. Симич, – с середины 1990х гг. растет влияние неолиберальных и конструктивистских идей по отношению к Западным Балканам, которые отчетливее всего проявились в политике Европейского союза...Центральное место в них занял концепт «сообщества безопасности», ставший основой послевоенной европейской и евроатлантической интеграции. Попытка его расширения на Балканы предполагала формирование «сообщества безопасности» на пространстве бывшей Югославии»⁴⁴³.

Кроме того, неудачи Европейского союза в качестве эффективного посредника в урегулировании кризиса, особенно в период 1991 – 1993 гг., происходили параллельно развитию идеи «возвращения в Европу» прежде социалистических стран Центральной и Восточной Европы. Интеграция бывшего социалистического лагеря в западноевропейские структуры имела для Европы определяющее значение. Успешное осуществление интеграционного процесса доказывало состоятельность проекта, его привлекательность. Закрепляло итоги холодной войны без договоров и международных соглашений. Провал или недостаточно успешное включение новых стран в евроатлантические структуры были непозволительны с точки зрения геополитического позиционирования. Не стоит исключать, что провал мог спровоцировать российский реванш в той или иной форме, чего так опасались новые элиты стран ЦВЕ.

Цели и программа расширения ЕЭС на Восток были сформулированы в Маастрихтском договоре о Европейском союзе, подписанном 7 февраля 1992 года. Договор вступил в силу 1 ноября 1993 г., дав Сообществу новое название – Европейский союз. Маастрихтский договор был нацелен, прежде всего, на создание экономического и валютного союза, однако его подписание открыло качественно новый этап европейской интеграции, поскольку впервые в перечень стратегических задач своей интеграционной политики ЕС включил формирование зон стабильности, безопасности и сотрудничества в прилегающих к нему регионах Средиземноморья, Балкан, Ближнего Востока и европейской части СНГ⁴⁴⁴.

⁴⁴³ Simić P. Teorija „bezbednosne zajednice” i širenje EU i NATO na Zapadni Balkan. Izazovi evropskih integracija // Časopis za pravo i ekonomiju evropskih integracija. 2011. N15. Str. 35.

⁴⁴⁴ Борко Ю., Буторина О. От Европейского Союза - к Соединенным Штатам Европы?// Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития/ под ред. Ю. А. Борко и О. В. Буториной. М.: «Эдиториал УРСС». 2001. С. 447.

Серия последовавших за Маастрихтским договором саммитов (Лиссабонский 1992, Копенгагенский 1993, Эссенский 1994, Каннский 1995) сформулировали конкретные форматы создания указанных выше зон стабильности и безопасности. Соглашения об ассоциации устанавливали институциональную основу взаимоотношений между ЕС и странами ЦВЕ и Балтии, Копенгагенский саммит определил основную цель ассоциации стран ЦВЕ, саммит Европейского совета в Эссене сформулировал принципы для определения кандидатов на вступление⁴⁴⁵.

Саммит Европейского совета в Каннах в июне 1995 г. утвердил Белую книгу по подготовке вступления ассоциированных стран ЦВЕ в Европейское экономическое пространство. Белая книга предполагала реформирование национальных систем права и приведение их в соответствии с законодательством ЕС. Первоочередное внимание уделялось законодательству в области прав человека, включая права национальных меньшинств и основам законодательного функционирования рынка (антимонопольное право, налоговые механизмы, инструменты ценообразования и трудовое законодательство). Нововведением принципиального характера стало то, что все необходимые законодательные реформы и реформы политической и социальной сфер были агрегированы в переговорные главы, а прогресс стран-кандидатов в их разработке, принятии и практической имплементации на регулярной основе оценивались институтами ЕС. На основании отчетов Европейской Комиссии на саммите Европейского совета в Люксембурге в декабре 1997 г. была принята «Повестка 2000», которая в зависимости от степени готовности сформировала из стран-кандидатов очередь на присоединение.

По итогам заседания Европейской Комиссии 2000 года⁴⁴⁶ на саммите ЕС в Ницце 7 – 9 декабря страны ЦВЕ были объявлены официальными кандидатами на вступление, а уже в Декларацию о будущем ЕС, принятую на саммите ЕС в Лаакене в декабре 2001 г., они были включены как государства, которые должны вступить в Европейский союз в 2004 году. Таким образом, в 1990-е гг. был оформлен механизм и отработаны принципы политической и экономической интеграции восточноевропейских стран.

Процесс присоединения стран-соискателей к Европейскому союзу был крайне сложным и противоречивым. Проходила структурная перестройка и институциональная трансформация экономики, политической системы и становление институтов

⁴⁴⁵ European Council, Conclusions of the Presidency, Essen (December 1994) // Официальный сайт Европейского Парламента. Режим доступа: URL:http://www.europarl.europa.eu/summits/ess1_en.htm (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁴⁶ Commission progress reports 2000 Brussels, 2000. // Архив европейской интеграции. Режим доступа URL: http://aei.pitt.edu/44638/1/strategy_2000.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

гражданского общества стран ЦВЕ, итоги которых разнятся от страны к стране⁴⁴⁷, и оцениваются современными исследователями неоднозначно.

Однако особую важность в контексте рассматриваемого в исследовании вопроса представляет тот факт, что на протяжении 90-х гг. XX в. Европейский союз на примере стран Центральной и Восточной Европы разработал критерии и конкретные механизмы присоединения к ЕС. Результатом обоюдных усилий стало официальное присоединение 1 мая 2004 г. десяти государств, в том числе восьми восточноевропейских стран (Литва, Латвия, Эстония, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения), из которых одна – Словения – принадлежала к бывшей Югославии.

В отличие от всех предыдущих расширений, основным инструментом на пути к построению «сообщества безопасности» была сделана европеизация. «Именно она, – как подчеркивают авторы, пишущие о политике ЕС на Балканах, – стала основным инструментом оценивания внутренних изменений в странах-кандидатах в ЕС»⁴⁴⁸. Среди всей совокупности механизмов влияния на процесс внутреннего реформирования, находящихся в арсенале ЕС, исследователи выделяют два основных – обусловленность и социализация⁴⁴⁹. Если в основе требования обусловленности лежит логика «кнута и пряника», основанная на понимании местными политическими элитами, что внутренние реформы – это реакция на материальные и социальные преимущества, которые могут предоставляться ЕС, то в основе требования о социализации заложена идея о соответствии некой европейской норме, своеобразной «ассимиляции» в европейскую семью, принятии поведенческих норм и ценностных установок⁴⁵⁰.

Условия, в которых воплощались на практике данные два механизма, принципиально отличают подходы к европейской интеграции стран Центральной и Восточной Европы и Юго-Восточной Европы, а, соответственно, и результаты политики ЕС в отношении данных двух субрегионов.

Американские ученые Дж. Икеберри и Ч. Капчан особо подчеркивали готовность политических элит «к внешнему нормативному влиянию в период после внутренних кризисов, когда их национальный электорат находится в подвижном состоянии»⁴⁵¹. Примером тому являлась послевоенная Европа, принявшая план Маршалла и впоследствии пришедшая к идее как европейской, так и евроатлантической интеграции,

⁴⁴⁷ Власова О. Застраившие в соцблоке // Эксперт. 27.09. - 03.10.2004. №36. С 68-73.

⁴⁴⁸ Подробнее см.: Noutcheva G., *European Foreign Policy and the Challenges of Balkan Accession: Conditionality, legitimacy and compliance*. London: Routledge. 2012. P.17-28.

⁴⁴⁹ Подробнее см.: *The Politics of Europeanization* / edited by Venizelos E., Featherstone K., Radaelli C. London: Oxford University Press. 2003.

⁴⁵⁰ Подробнее см.: Noutcheva G. *Op. cit.* P.18.

⁴⁵¹ Ikenberry J. G., Kupchan Ch. *Socialization and Hegemonic Power*. // *International Organizations*. 1990. N44. pp.283-315.

вопреки тому, что вся ее предшествующая история подводила континент к логике дальнейшего противостояния.

«Хотя конструктивистский подход говорит о том, что международные организации и институты являются результатом этого процесса, они могут быть и его инициаторами. Многие англосаксонские исследователи сегодня подтверждают это изменениями в Центральной и Восточной Европе периода после холодной войны, когда основными инициаторами перемен стали ЕС, НАТО или ОБСЕ»⁴⁵². И действительно, распад социалистической системы привел к тотальной дискредитации коммунистических режимов практически повсеместно в Европе, как на идеологическо-доктринальном, так и дискурсном уровне. Этот факт поставил на повестку дня вопрос о политической альтернативе для всех стран Центральной и Восточной Европы.

Западная модель демократии и рыночной экономики выглядела крайне привлекательной, поэтому местные политические элиты с легкостью восприняли и директивный, под управлением ЕС, характер перемен в политической, правовой, экономической областях, т.е. требование об обусловленности, и предались идее «возвращения в Европу», что понималось в том числе, как создание общества с определенными ценностями и моделью поведения. «Внутренние условия для социализации в европейский мейнстрим были крайне благоприятными»⁴⁵³.

В случае с постъюгославским пространством, с точки зрения европейской дипломатии, все складывалось аналогичным образом: регион прошел сквозь череду гражданских войн и распада некогда единой страны; для всех новообразованных республик характерен посттравматический синдром; их экономики фрагментированы. Избрание схожей тактики представлялось логичным.

Вполне вероятно, существовало представление, что выход из ситуации возможен не через непосредственное решение национально-территориальных проблем, а путем их увода на второй план. Некоторые исследователи считают, что это было предопределено также и развитием концепции «сообщества безопасности», поэтому основная ставка делалась на восприятие балканскими странами *acquis*, а развитие регионального сотрудничества оказалось вторичным требованием⁴⁵⁴.

В реальности Европейский союз на Балканах столкнулся с принципиально новыми для себя задачами: первая – это постконфликтное примирение в пространстве с окончательно нерешенными этно-территориальными вопросами и неоднозначно

⁴⁵² Simić P. Op. Cit. Str. 39.

⁴⁵³ Noutcheva G. Op. cit. P.24.

⁴⁵⁴ Kawalski E. Extending the European Security Community – Constructing the Peace in the Balkans. London: I. B. Tauris. 2007. P.9.

определенными итогами гражданских войн. Вторая – строительство гражданско-правовых институтов в условиях полураспада государства (СРЮ, а затем Сербия и Черногория, сегодня Республика Сербия) и неполного государственного суверенитета (Босния и Герцеговина, позднее самопровозглашенная Республика Косово). Третья – строительство государства (БиГ, БЮРМ, никогда не имевшие государственности, самопровозглашенное Косово).

Помимо двух основных механизмов европеизации – обусловленности и социализации, – которые использовались применительно к странам-кандидатам из Центральной и Восточной Европы, к республикам бывшей Югославии применялся и механизм «правового принуждения»⁴⁵⁵. Европейский союз как часть международного сообщества, а также и через собственные внешнеполитические инструменты, может напрямую вмешиваться во внутренние процессы в тех частях бывшей Югославии, которые, по сути, являются квазисамостоятельными. То, каким образом по Дейтонским соглашениям была выстроена система управления, а также как организовано присутствие ЕС в Косово, кроме того, до 2019 года и взаимодействие с тогда Бывшей югославской республикой Македонией, ярко об этом свидетельствуют. Данный механизм явился одним из важнейших в процессе складывания всей политики ЕС в отношении региона, в том числе, и восприятия его как такового.

Дейтонские мирные соглашения признавали международный суверенитет Боснии и Герцеговины, однако накладывали определенные ограничения на внутренний. С окончанием войны в 1995 году в стране был размещен международный миротворческий контингент, который до 2004 года находился под флагом НАТО, а с 2004 года – под флагом ЕС. При этом гражданские аспекты соблюдения мира в Боснии и Герцеговине формально контролировались Высоким представителем международного сообщества, который действовал от лица Контактной группы. В 1997 году Контактная группа дала Высокому представителю право отменять любые политические решения, а также право вводить законодательные нормы, если в этом есть необходимость. С 2002 года Высокий представитель также является и Высоким представителем ЕС. Как специальный посланник ЕС в БиГ, Высокий представитель должен стимулировать внутренний политический диалог и проведение реформ, включая политическое содействие различным структурам ЕС, присутствующим в стране, в том числе военной и полицейской миссиями ЕС. Гордана Нутчева делает из этого следующий вывод: «Это означает, что ответственность за каждодневную активность в БиГ распределена не только между внутренними и внешними акторами, но также и размыта внутри международного

⁴⁵⁵ Noutcheva G. Op. cit. P. .25.

сообщества. «Двойная аффилиация» Высокого представителя – с ЕС и в целом с международным сообществом – может быть, конечно, нацелена на более четкую координацию и единство внешнего актора, но она осложняет соблюдение БиГ требований ЕС к кандидатам. Хотя ЕС настаивает на том, что процесс реформирования – внутренний, всегда существует риск правового принуждения и прямого воздействия в данном случае»⁴⁵⁶. Это в свою очередь, означает, что структурно отношения ЕС и БиГ изначально были лишены стимулов и ответственности за развитие процесса со стороны местных политических элит.

Аналогично выстроена и концепция взаимодействия с Косово. По действующей Резолюции СБ ООН 1244, принятой в 1999 году, край находился под международным протекторатом, и в нем была размещена миротворческая миссия ООН. До провозглашения в одностороннем порядке независимости края в 2008 году данная миссия де-факто через структуры полиции, юстиции и гражданской администрации напрямую реализовывала основные функции исполнительной власти. Европейский союз, как и в случае с БиГ, в качестве части международного сообщества, отвечал за создание условий для экономического развития края⁴⁵⁷. В зону ответственности ЕС входили банковский сектор, налоговые отношения, трастовое агентство и таможенные сервисы, т.е. де-факто Европейский союз осуществлял контроль над большинством жизненно важных для существования края функций.

«После провозглашения независимости Косова мандатом Контактной группы с мониторинговой целью был учрежден Международный гражданский офис. Международный гражданский представитель обладает существенным набором полномочий, в том числе может действовать как «теневого» премьер-министр. Как и в боснийском случае, у него двойная аффилиация – одновременно он является Специальным представителем ЕС»⁴⁵⁸. Миссия ЕВЛЕКС (EULEX), запущенная с целью мониторинга и помощи в строительстве правовых институтов в Косово, хотя формально обладает только совещательным статусом и является технической, на практике активно участвует в контроле над таможенной сферой, полицией и юстицией в целом. Таким образом, и в Косово ЕС изначально располагал широким набором инструментов для осуществления «прямого управления». Учитывая, что Косово является конституционной единицей Республики Сербии, а БиГ – наиболее важной точкой с точки зрения

⁴⁵⁶ Noutcheva G. Op. cit. P.27.

⁴⁵⁷ Bechev D. Between Enlargement and CFSP: the EU and the Western Balkans // LSE European Foreign Policy conference 2-3 June 2004, London School of Economics. Режим доступа: URL: <http://www.lse.ac.uk/internationalrelations/centresandunits/efpu/efpuconferencepapers2004/bechev.doc> (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁵⁸ Noutcheva G. Op. cit. P. 27.

европеизации постъюгославского пространства, наличие данного механизма принципиально отличает интеграционный путь стран ЦВЕ и бывших югославских республик, поскольку с институционально-правовой точки зрения тем самым были созданы своего рода условия для «псевдоинтеграции».

В 1993 году Румыния и Болгария заключили Европейские соглашения; два года спустя подали заявки на вступление вместе с Чехией и Венгрией. Албанию и БЮРМ тогда сочли странами с высокими политическими рисками – в итоге они в эту группу не попали, но их подключили к европейским фондам PHARE и OBNOVA, дали возможность подписать соглашения о торговле и сотрудничестве с ЕС. «В то же время ЕС не рассматривал даже самую возможность подобных преференций для Югославии и туджмановской Хорватии, даже после окончания войны в Боснии. Постдейтонская Босния и Герцеговина была где-то посередине, получив помощь по линии PHARE, но, не имея возможности заключить соглашение о сотрудничестве первого поколения»⁴⁵⁹.

В целом вплоть до окончания бомбардировок СРЮ силами НАТО Европейский союз не давал сколько-нибудь серьезных обещаний и перспектив бывшим югославским республикам. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы вплоть до 2003 года ни одной бывшей югославской республике (за исключением Словении) не предоставлялась перспектива членства в ЕС.

В декабре 1996 года был запущен Руаймонский процесс по стабилизации и добрососедству в Юго-Восточной Европе, нацеленный на формирование разных схем сотрудничества и проектных фондов. В апреле 1997 года он был доработан до т.н. Регионального подхода ЕС по отношению ко всем странам Юго-Восточной Европы, с которыми у Союза ещё не были подписаны соглашения об ассоциации. Поскольку Румыния и Болгария к тому моменту уже имели соглашения подобного рода, то они распространялись на страны бывшей Югославии (за исключением Словении) и Албанию. Впервые в официальном дискурсе Европейского союза появилась новая подгруппа – «Западные Балканы».

«Региональный подход подчеркнул принцип обусловленности как основу развития отношений между балканскими странами и ЕС, а также утвердил три группы инструментов: финансовая помощь, односторонние торговые преференции и продвинутое соглашения о сотрудничестве, где большее внимание следовало уделять развитию сотрудничества, и в меньшей степени ориентировать на торговые преференции»⁴⁶⁰.

⁴⁵⁹ Papadimitriou D. The European Union's Strategy in the Post-Communist Balkans: Of Carrots, Sticks and Indecisiveness // Journal of South East European and Black Sea Studies. 2006.N1(3). pp. 69-94.

⁴⁶⁰ Elbasani A. EU enlargement in the Western Balkans: strategies of borrowing and inventing // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2008.N10(3). P.296.

Принципиальная разница между стратегией ЕС по отношению к ЦВЕ и Региональным подходом к Юго-Восточной Европе заключалась в том, что в последнем не была предложена перспектива членства. «В рамках Регионального подхода отношения ЕС с Балканами тем самым строились на «негативной обусловленности», в форме ограниченных договорных отношений, исключения из соглашений об ассоциации, а в случае с Сербией – прямых санкций»⁴⁶¹.

Кризис в Косово, закончившийся агрессией НАТО против Югославии, подтолкнул серьезные качественные изменения в политике ЕС по отношению к Юго-Восточной Европе. «Если США и НАТО сделали всю грязную работу по свержению режима С. Милошевича, то «европейцы» должны были платить по счетам и создавать условия для экономического роста и политической стабильности в регионе. Пакт стабильности, запущенный во время немецкого председательства в ЕС, возродил идею «часа Европы», на этот раз рассвет был реальным»⁴⁶², – полагает, в частности, Д. Бечев.

Министр иностранных дел Германии Йошка Фишер в 1999 году так определил главную цель Пакта: «Прежняя политика сообщества государств по отношению к бывшей Югославии имела два очень серьезных недостатка: она занималась следствиями, а не причинами конфликтов, и она пыталась решать проблемы региона по отдельности и отдельно от проблем остальной Европы».

Этот пакт был принят и поддержан 38 странами, в том числе Европейским союзом, США, Россией, Японией и государствами региона, а также 15 международными организациями, среди которых были Всемирный банк, Международный валютный фонд, НАТО и ОБСЕ.

В Пакте стабильности Европейский союз был, пусть и ключевым, но одним из международных игроков. Более того, сам Пакт был введен под зонтик Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Относительно перспектив возможного членства балканских стран в ЕС в Пакте говорилось следующее: «ЕС будет подводить регион к перспективе полного членства в своих структурах»⁴⁶³. При этом Пакт нельзя было считать какой-то платформой по интеграции в ЕС. Он был, по большому счету, стратегией постконфликтной реконструкции, спонсируемой международными финансовыми институтами, ЕС и его государствами-членами⁴⁶⁴.

⁴⁶¹ Elbasani A. P.298.

⁴⁶² Bechev D. Op. cit.

⁴⁶³ Stability Pact for South East Europe. Cologne. 10 June 1999. // ReliefWeb. Режим доступа: URL: <https://reliefweb.int/report/albania/stability-pact-south-eastern-europe-cologne-document> (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁶⁴ Bechev D. Op. cit.

В большей степени ориентированным на практическую работу стал разработанный также в 1999 году и одобренный в июне Советом ЕС Процесс стабилизации и ассоциации. Через его запуск был начат процесс присоединения к ЕС т.н. «Западных Балкан», т.е. Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории (на тот момент Союзной республики Югославии), БЮРМ и Албании.

Процесс стабилизации и ассоциации предполагал заключение с каждой из стран соответствующих Соглашений. Ими предусматривалось создание зоны свободной торговли и либерализация рынка⁴⁶⁵. В обмен на прогресс в области построения демократии и правового общества система соглашений гарантировала подписантам финансово-экономическую помощь. Для ее оказания специально для Балкан был создан фонд CARDS, заменивший ранее существовавшие финансовые фонды⁴⁶⁶.

Вопреки тому, что ЕС изначально рассматривал Соглашение о стабилизации и ассоциации как инструмент в рамках Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы⁴⁶⁷, из его содержания становится очевидным, что он выходил далеко за рамки Пакта и закладывал основу под перспективу «включения» западно-балканских стран в Союз. Его структура как раз была очень близкой по сути к «платформе присоединения»; в большей степени была о европеизации региона, чем о постконфликтном восстановлении, чему в основном посвящен Пакт стабильности. «В то же время, Процесс завершил процесс сепарации Западных Балкан от таких реципиентов Пакта стабильности, как Болгария и Румыния, которые получили «зеленый свет» на начало переговоров о членстве на Хельсинском совете в декабре 1999 года»⁴⁶⁸.

Практическое начало данной инициативе было положено на саммите в Загребе 24 ноября 2000 года. Его инициаторами выступили Германия, Франция, Швеция и Испания. Наиболее важным итогом Загребского саммита стало введение «индивидуализированного» подхода к стране-кандидату в противовес общерегиональным требованиям, которые действовали для стран Центральной и Восточной Европы. Причиной смены подхода для Европейского союза стала логика того, что в постконфликтном обществе индивидуальное оценивание и получение «пряников» со стороны более успешных и «кнута» по отношению к стагнирующим, будет стимулировать

⁴⁶⁵ Council Regulation (EC) No 2007/2000 of 18 September 2000 // Official Journal of the European Communities, Brussels. 23 September 2000. Режим доступа: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32000R2007> (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁶⁶ Council Regulation (EC) No 2666/2000 of 5 December 2000 // Official Journal of the European Communities, Brussels. 7 December 2000. Режим доступа: URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/bf6e8679-a2c1-45c5-ac77-e4ce74756ca9> (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁶⁷ Kavalski E. The Western Balkans and the EU: the Probable Dream of Membership // South East European Review. 2003. N 1-2. P. 202.

⁴⁶⁸ Bechev D. Op. cit.

созидательную конкуренцию и тем самым ускорит и общее движение в сторону европеизации.

В марте и ноябре 2001 года Македония и Хорватия первыми подписали свои Соглашения о стабилизации и ассоциации. К концу года стало очевидным, что именно ССА станут основным инструментом для сотрудничества со странами бывшей Югославии. Собственно роль самого Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы была сведена к минимуму. Это было опосредовано молчаливым согласием его стран-участников с тем, что западно-балканский регион должен находиться в зоне ответственности Европейского союза. С этого момента значимость Пакта смещается в сторону либерализации региональной торговли. По итогам восьмилетних переговоров, проводившихся в рамках Пакта стабильности, 19 декабря 2006 года в Бухаресте был подписан договор о свободной торговле в Юго-Восточной Европе, получивший название ЦЕФТА (Центрально-европейское соглашение о свободной торговле) 2006. Это измененный и дополненный договор, по сравнению с предыдущими, который должен был, согласно обозначенным в нем задачам, повысить политическую и экономическую стабильность в регионе. Кроме регулирования товарообмена, данное соглашение подразумевало совершенствование регулирования в областях, связанных с интеллектуальной собственностью, авторским правом, конкуренцией и поощрением инвестиций.

В мае 2006 года в Белграде Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы был трансформирован в Совет по региональному сотрудничеству. Предполагалось, что таким образом будет создана площадка, на которой страны региона будут обсуждать региональные проблемы и исторические противоречия⁴⁶⁹. До настоящего момента Пакт стабильности так и не был развернут в полноценный инструмент координации международных усилий на Балканах, сохраняя, вместе с тем, свой потенциал.

Система Соглашений о стабилизации и ассоциации была запущена в условиях, когда говорить как о стабильности, так и о безопасности в регионе было явно преждевременно. По иронии судьбы, Македония, за несколько месяцев до того первой подписавшая Соглашение с Европейским союзом, оказалась в центре противостояния с албанцами⁴⁷⁰. Столкновения утвердили ЕС в мысли о том, что по отношению к Балканскому региону для создания «сообщества безопасности» необходим

⁴⁶⁹ Подробнее см.: Kušljagić M. Development of Regional Cooperation in the Western Balkans and EU Integration- Learned: Conclusions and Recommendations in DIALOGUES- Ownership for Regional Cooperation in the Western Balkan Countries. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung. 2009.

⁴⁷⁰ Вооруженный конфликт в БЮРМ, начавшийся в январе 2001 года и формально закончившийся подписанием Охридского соглашения 13.08.2001 г.

«многосторонний подход, сочетающий вмешательство и включенность»⁴⁷¹. В отличие от 1990-х гг., в начале столетия Европейский союз показал себя в качестве эффективного брокера. Если Охридское соглашение по Македонии было подписано при участии как европейских, так и американских переговорщиков, то новый формат существования союзного государства Сербии и Черногории – с 4 февраля 2003 года в качестве Государственного содружества Сербии и Черногории (как и будущий мирный «развод» республик) был преимущественно (хотя не без участия Вашингтона) результатом внешнеполитических усилий Брюсселя, настоявшего на том, что в целях развития экономического сотрудничества и будущей интеграции на тот период сохранение политических рамок единого государства было необходимо.

Охридское и Белградское соглашения продемонстрировали первые успехи Общей внешней политики и политики безопасности ЕС⁴⁷². «В начале 2003 года из потерянной федерации в конечном итоге после года конституционных споров родилось Государственное содружество Сербии и Черногории, на которое ЕС справедливо предъявил родительские права, – уверяет Д. Бечев. – Как никогда прежде, теперь ЕС внёс собственный вклад в поддержание территориального статус-кво и/или управление волатильными межэтническими отношениями. Это было не только давление на государства и политических лидеров, но и гарантирование границ, поддержание режима прекращения огня, внесение конституционных изменений. Хотя НАТО по-прежнему отвечал за поддержание мира в регионе, ...ведущие страны-члены ЕС, например Франция, демонстрировали растущие амбиции запустить полномасштабную миссию ЕС. Это выразилось в миссиях Конкордия и Проксима в Македонии, а в 2003 году – в размещении полицейской миссии в БиГ... Другими словами, ЕС, наконец, получил свой Дейтон, хоть и в условиях меньшей напряженности, чем было в 1995, не говоря о 1999 годах»⁴⁷³. С этим определением Д. Бечева в целом можно согласиться, добавив, что в 2010 году, став посредником в переговорах о нормализации отношений между Приштиной и Белградом, Европейский союз даже претендовал на «новый Дейтон» (кавычки автора – *Е. Г. Энтиной*), по-настоящему успешный и эффективный на практике. Результаты этих амбициозных планов исследуются в следующем параграфе настоящего исследования.

Одной из отличительных характеристик ССА в сравнении с предыдущими соглашениями, заключавшимися ЕС со странами ЦВЕ, стала «двойная повестка», сочетающая в себе две принципиально разных задачи – стабилизацию и присоединение

⁴⁷¹ Bechev D. Op. cit.

⁴⁷² Подробнее см.: Timmins G., Jović D. Introduction: The Next Wave of Enlargement: The European Union and Southeast Europe after 2004 // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2006. N8(1). P. 1-5.

⁴⁷³ Bechev D. Op. cit.

(ассоциацию). Стабилизация была основной целью Пакта стабильности. ССА, с другой стороны, были необходимы для того, чтобы «приоритезировать европейскую интеграцию, интеграционное направление политики ЕС при том, что стабилизация и региональное сотрудничество рассматривались как в достаточной степени вспомогательные механизмы»⁴⁷⁴.

Несмотря на то что ССА и так строились на Региональном подходе, сотрудничество с ЕС в рамках которого обуславливалось выполнением балканскими странами целого ряда условий, ССА в этом отношении были еще более жесткими. Балканские страны еще до подписания ССА, каждая в отдельности, должны были продемонстрировать свою готовность к сотрудничеству как внутри региона, так и с ЕС, т.е. выполнить критерии по национальному примирению, экономическому росту, демократизации. В практике ЕС подобная обусловленность еще до старта самих переговоров о возможном членстве прежде не встречалась⁴⁷⁵.

Другой важной вехой в эволюции политики ЕС по отношению к интеграции Западных Балкан можно назвать Салоникский форум, проходивший 2 июня 2003 года, в итоговой декларации которого было заявлено, что будущее Балкан – в Европе, но скорость интеграции зависит от самих государств: для каждой страны этот путь связан с исполнением копенгагенских критериев, включая специальные требования к странам бывшей Югославии о примирении, возвращении беженцев и сотрудничестве с Гаагским трибуналом и условия, определенные Процессом стабилизации и ассоциации.

На саммите был принят и другой документ – т.н. Салоникская повестка для Западных Балкан. Им вводился новый элемент – европейское партнерство. Каждая из стран, оформляющая партнерство, должна совместно с ЕС сформулировать краткосрочные и среднесрочные приоритеты развития, в которые поэтапно закладывается проведение всех необходимых реформ. В свою очередь, разделенные по срокам приоритеты вместе с пошаговой системой их реализации образуют Акционные планы.

Салоникский саммит получил широкий резонанс, в первую очередь в самих странах Юго-Восточной Европы. «Страны-члены ЕС не раз заявляли о праве Балкан на вступление в Евросоюз. Это не означает, что Западные Балканы могли бы позволить себе спокойно дожидаться, что их примут в ЕС. На встрече в Салониках наша миссия заключается в том, чтобы четко прояснить две вещи: с одной стороны, перспектива

⁴⁷⁴ Elbasani A. Op.cit. P.300.

⁴⁷⁵ Подробнее см.: Phinnemore D. Stabilisation and Association Agreements: Europe agreements for the Western Balkans? // European Foreign Affairs Review. 2003. N8. pp. 77–103.

вступления в ЕС реальна, но, с другой стороны, она сможет претвориться в жизнь лишь ценой больших усилий и твердого политического желания лидеров региона», – заявил Комиссар ЕС по внешним связям Крис Паттен⁴⁷⁶. В заключительном документе, принятом на саммите, состояние дел в регионе охарактеризовано следующим образом: «Организованная преступность и коррупция являются реальными препятствиями на пути к достижению демократии и стабильности, верховенству закона, экономическому развитию и становлению гражданского общества в регионе и вызывают глубокую обеспокоенность ЕС»⁴⁷⁷.

Салоникский саммит подтвердил «принцип регаты» в оценке прогресса каждой страны-кандидата. Вопреки тому, что Европейский союз вновь подчеркивал, что рассматривает регион как таковой целиком, а также, несмотря на то что региональное сотрудничество оставалось принципиально важным критерием готовности кандидата выполнять условия по членству, вместе с тем, на саммите в Салониках стало очевидным, что в реальности будет отдельно оцениваться прогресс каждой страны. Тем самым был начат отход от принципа единого западно-балканского региона.

«В то же время данная стратегия для Западных Балкан ясно утверждала, что ЕС в качестве цели видит сначала стабилизацию региона, а только потом – ассоциацию с Союзом, – резонно отмечала М. Вишинова. – Таким образом, речь шла о двухэтапной политике, чего не существовало прежде. Европейские чиновники заявили, что если бы не серьезные обязательства, взятые на себя ЕС, Западные Балканы обнаружили себя изолированными от происходящих вокруг процессов, и это могло бы стать угрозой безопасности для всего континента»⁴⁷⁸.

На наш взгляд, одним из принципиальных итогов Салоникского саммита 2003 года стало появление нового термина (впервые он был употреблен еще в 1997 году в стратегии Регионального подхода, однако в практический оборот и политический дискурс вошел на Салоникском форуме) из области политической географии – Западные Балканы как страны бывшей Югославии без Словении, но с Албанией. Впоследствии к этому понятию добавляют Косово и исключают Хорватию. Понятие имеет исключительно политическое и техническое значение, поскольку ни географически, ни исторически оно ничем не обусловлено. Однако его важность заключается в том, что таким образом Европейский

⁴⁷⁶ Ergeljan B. Balkansko fino tkanje// Politika. Beograd. 09.04.2003.

⁴⁷⁷ The Thessaloniki Agenda for the Western Balkans//The EU's relations with South Eastern Europe. EU Commission. Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/PRES_03_163 (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁷⁸ Vishinova M. Comparison between the political rhetoric of Thessaloniki Summit (2003) and the Sofia Summit (2018) // FOMOSO. Режим доступа: URL: <https://www.fomoso.org/en/mosopedia/research/comparison-between-the-political-rhetoric-of-thessaloniki-summit-2003-and-the-sofia-summit-2018/> (Дата обращения 10.01.2020).

союз констатировал, что постъюгославское пространство не существует более ни как историческая, ни как политическая, экономическая, географическая общность. Соответственно, применительно к отношениям Европейского союза и данной общности неуместно применять опыт их предшествующих отношений, как позитивных (экономические отношения СФРЮ и ЕЭС), так и негативных (роль Союза в югославском кризисе). Возник не просто новый термин, но и новая территориальная общность, причем косвенно имеющая «негативную» коннотацию, т.к. выход из числа западно-балканских стран и означает европеизацию (Хорватия с 2013 года, став членом ЕС, более не принадлежит к Западным Балканам). Таким образом, в новых понятийных категориях Европейский союз вернулся к традиционной для него дихотомии европеизация – «балканизация».

Итоги Салоникского саммита позволили Европейскому союзу превратить схему перспективного расширения в эффективный инструмент Общей внешней политики и политики безопасности, а также ввести в мировой оборот новое понятие (никем серьезно не оспариваемое) – Западные Балканы.

Дискуссии по поводу непродуманного и слишком быстрого расширения Европейского союза в 2004 году вылились в то, что Брюссель сделал еще больший акцент на «обусловленности». В Стратегию расширения 2005 года Комиссия ввела принцип «трех С»: консолидация (consolidation), обусловленность (conditionality) и коммуникация (communication). В стратегии 2005 года в отношении включения будущих членов Брюссель впервые на первый план выдвигается критерий «способности самого ЕС принять новых членов»⁴⁷⁹.

Стратегия расширения 2006 года свидетельствовала об усилении «обусловленности», поскольку в ней в повсеместный оборот в рамках переговоров о членстве была введена система «итоговых тестов». «Итоговые тесты» – это измеримые показатели, которых должны достичь кандидаты в рамках каждой переговорной главы. Если существующие до этого измерители использовались для того, чтобы понять, насколько законодательные, административные и прочие реформы идут в соответствии с направлениями *acquis*⁴⁸⁰, то сейчас эти показатели должны свидетельствовать о соответствии *acquis*, что, очевидно, требует больших усилий от страны-кандидата. «Использование подобных «итоговых тестов» усилило роль стран-членов в процессе

⁴⁷⁹ Enlargement Strategy 2005. // WBC-INCO.NET. Режим доступа: URL: <http://wbc-inco.net/object/document/7278.html> (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁸⁰ Enlargement Strategy 2006. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2006/nov/com_649_strategy_paper_en.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

расширения, поскольку оценка показателей и их утверждение осуществляются ими»⁴⁸¹. Корина Стратулат, рассуждая об этих изменениях, пишет: «Таким образом, Совет частично подменил собой Комиссию в качестве основного драйвера политики расширения, сделав сам процесс расширения гораздо более непредсказуемым»⁴⁸².

Начиная с 2008 года, страны ЕС становятся все более и более скептически настроенными в отношении любого последующего расширения. В полной мере это относится, прежде всего, к балканским государствам, которые в глазах западноевропейских столиц начинают в тот период выглядеть еще худшим вариантом, чем погружающаяся в кризис Греция. Фактически, долговой кризис в ЕС спровоцировал заключение «пакта тишины»⁴⁸³ между Брюсселем и балканскими столицами: последние смирились с тем, что следующее расширение будет нескоро, в обмен на спокойное отношение ЕС к медленному прогрессу западно-балканских стран в вопросах внутреннего реформирования. Этот условный «пакт» просуществовал вплоть до кризиса в Македонии 2015 года, а по многим вопросам актуален и на настоящий момент.

Начиная с 2011 и в последующие годы, Стратегии расширения ЕС⁴⁸⁴ фокусировались на теоретически существенных вопросах – верховенства закона, экономического роста, демократического развития, но на практике крайне сложно измеримых количественно. Это позволило искусственно замедлить темп ведения переговоров о присоединении, с одной стороны, и снять с ЕС ответственность за последствия глобального финансово-экономического кризиса на Балканах.

Вплоть до 2014 года Европейская комиссия, по сути, являлась основной структурой, координирующей процесс присоединения к ЕС западно-балканских стран. Запуск Берлинского процесса в 2014 году стал одним из шагов, де-факто опять отодвинувших наднациональные институты ЕС на второй план в осуществлении политики

⁴⁸¹ Цит. по: Butković H., Samardžija V. Challenges of continued EU enlargement to the Western Balkans - Croatia's experience // Researchgate.net. Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/profile/Hrvoje_Butkovic/publication/309196434_Challenges_of_continued_EU_enlargement_to_the_Western_Balkans_-_Croatia's_experience/links/5804c57e08aed2e9ea779b1e.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁸² Stratulat C. 2013. EU Enlargement to the Balkans: Shaken, not Stirred // EPC Policy Brief. 4 November 2013. European Policy Centre. Режим доступа: URL: https://www.files.ethz.ch/isn/172400/pub_3892_eu_enlargement_to_the_balkans_-_shaken,_not_stirred.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁸³ Bechev D. The Periphery of the Periphery: The Western Balkans and the Euro Crisis // ECFR Policy Brief. May 2012. European Council on Foreign Relations. Режим доступа: URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR60_WESTERN_BALKANS_BRIEF_AW.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁸⁴ Enlargement Strategy and Main Challenges 2011–2012, COM (2011) 666 final, Brussels 12 October // European Commission. 2011. Режим доступа: URL: <https://eur-lex.europa.eu/summary/EN/e10031> (Дата обращения 10.01.2020); Enlargement Strategy and Main Challenges 2012–2013, COM (2012) 600 final, Brussels 10 October. // European Commission. 2012. Режим доступа: URL: <http://aei.pitt.edu/44757/> (Дата обращения 10.01.2020); Enlargement Strategy and Main Challenges 2013–2014, COM (2013) 700 final, Brussels 16 October. // European Commission. 2013a. Режим доступа: URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/f559df60-e93a-424d-bedc-1fdd4e4dc90b.0006.02/DOC_1 (Дата обращения 10.01.2020).

европеизации стран бывшей Югославии. Этот эффект усилился официальным заявлением председателя ЕК Ж.-К. Юнкера о том, что в ближайшие годы ЕС не будет расширяться⁴⁸⁵.

Берлинский процесс был инициирован Германией с участием Австрии, Франции, Италии, Великобритании, Словении и Хорватии. 28 августа 2014 г. в Берлине состоялась первая конференция, давшая старт серии ежегодных саммитов, получивших название по месту проведения первого из них.

В соответствии с Итоговой декларацией 2014 года, Берлинский процесс посвящен стимулированию «дополнительного реального прогресса в процессе реформирования, разрешении сложных двусторонних и внутренних вопросов, достижении примирения внутри и между обществами в регионе, поощрении экономического сотрудничества и создании основ для устойчивого роста»⁴⁸⁶. Ударение на слово «реального» прогресса, видимо, можно понять как подчеркивание разницы между «процессом» и «результатом» внешней европеизации⁴⁸⁷.

На начальном этапе свою заинтересованность стать участниками Берлинского процесса проявляли соседние с Западными Балканами Венгрия, Греция и Румыния. Однако они не были допущены к берлинскому формату. «Судя по отрывочным сведениям из дипломатических источников, особое нежелание к привлечению стран Вишеградской группы проявляла Франция, – отмечает Ф. Марсиак. – Таким образом, на этапе зарождения инициативы сыграла свою роль возрастающая иерархичность внутри Евросоюза, а к участию в процессе не были допущены страны, которые, в силу ряда причин, можно отнести к категории «инакомыслящих» в рамках нынешнего ЕС»⁴⁸⁸.

Изначально Берлинский процесс задумывался как своеобразная компенсация замедлившемуся евроинтеграционному процессу. Постепенно он эволюционировал, по крайней мере, на уровне официального дискурса, в довольно сложный и разветвленный механизм сотрудничества. Берлинский процесс состоит из нескольких платформ (политической, технической и финансовой), нескольких уровней иерархии (премьер-министры, министры, технический уровень), механизмов взаимодействия и акторов (ЕС, международные финансовые институты, правительства западно-балканских стран,

⁴⁸⁵ Juncker to halt enlargement as EU Commission head // EU Business. Режим доступа: URL:https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:rvOLqmdZz6sJ:https://www.eubusiness.com/news-eu/politics-juncker.x29+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&lr=lang_en%7Clang_ru(Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁸⁶ Final Declaration by the Chair of the Conference on the Western Balkan. 28.8.2014. // Федеральное правительство ФРГ. Режим доступа: URL:<https://www.bundesregierung.de/Content/EN/Pressemitteilungen/BPA/2014/2014-08-28-balkan.html> (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁸⁷ Marciacq F. The European Union and the Western Balkans after the Berlin Process. Reflecting on the EU Enlargement in Times of Uncertainty, Sarajevo 2017 // Friedrich-Ebert-Stiftung. Dialogue Southeast Europe. Режим доступа: URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/sarajevo/13948.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁸⁸ Ibid

представители бизнеса). «Сегодня Берлинский процесс, – по мнению А. Хацкая, К. Хацкай и М. Гентьола, – представляет наиболее осязаемую структурную и практическую связку между Европейским союзом и Западными Балканами посредством продвижения общих политических, экономических интересов и проблем безопасности»⁴⁸⁹.

Кроме того, завершение Берлинского процесса планировалось на 2018 год, однако впоследствии его продлили еще на два года – до 2020, официально в связи с тем, что проблемы, которые он был призван решить, остаются актуальными как для ЕС, так и для самих западно-балканских стран. Саммиты в рамках Берлинского процесса состоялись в Вене (2015 г.), Париже (2016 г.), Триесте (2017 г.), Лондоне (2018 г.), Познани (2019 г.).

То, почему инициатором процесса стала ФРГ, объясняется рядом факторов. Один из них – среди всех стран ЕС на тот момент Германия была основным торговым партнером всех стран бывшей Югославии. Официально, в соответствии с заявлением минииндел Штайнмайера, «инициатива является продолжением обязательств Германии по отношению ко всему региону. Это подтверждение нашей поддержки европейской перспективы западно-балканских государств»⁴⁹⁰, т.е. инициатива рассматривалась как один из инструментов Общей внешней политики и политики безопасности ЕС.

Хотя Берлинский процесс представлялся немецкой дипломатии главным образом, как инфраструктурная инициатива, постепенно к ней примкнула вся характерная для ЕС повестка: законодательство, общие ценности и долгосрочные ориентиры и т.п. «Первым дополнением стала экономическая конвергенция, которая в связи с тяжелыми для Балкан последствиями глобального финансово-экономического кризиса и сократившимися финансовыми способностями ЕС, рассматривалась в качестве основного компонента процесса расширения. Она предполагает постоянный диалог по направлениям экономической политики с Европейской комиссией, с целью выработки круга реформ, проведение которых необходимо для макроэкономической стабильности, обеспечения конкурентоспособности и долгосрочного экономического роста»⁴⁹¹.

Решение об этом было принято на саммите в Вене: ежегодная подготовка «Программ экономических реформ» и вытекающие из них обязательства западно-балканских стран были объявлены его неотъемлемой частью. Таким образом, австрийцам удалось преодолеть германскую сосредоточенность на инфраструктурной составляющей.

⁴⁸⁹ Hackaj Ardian, Madhi Gentiola, Hackaj Krisela. MONITORING THE BERLIN PROCESS: FROM PARIS TO TRIESTE // Working Paper “Berlin Process Series”. Berlin Process.2.2017. pp. 12-13.

⁴⁹⁰ Press release of the Foreign Minister Steinmeier on the meeting with Foreign Ministers from the Western Balkan states, on 28.08.2014. // Federal Foreign Office of Germany. Режим доступа: URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/140828-bm-westbalkankonferenz/264668> (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁹¹ Hackaj A., Madhi G., Hackaj K. Monitoring the Berlin Process: From Paris To Trieste. Working Paper “Berlin Process Series” // Berlin Process. 2017. N 2. P. 17.

«В Вене были запущены 10 транспортных проектов, работы по которым начались в 2016-2018 гг., – подчеркивают российские авторы. – Основным проектом является модернизация Коридора X, центральный сегмент которого проходит по территории Сербии и Македонии. Также реализуется несколько региональных проектов, таких, как так называемый Коридор XI – маршрут Белград – Бар (Черногория), являющийся самым доступным для Сербии портом Адриатики. Активно развиваются автотранспортные магистрали в Косово и Албании (параллельно строительству газопровода ТАР). Говорится о создании интегрированной магистрали Ниш-Косово с выходом к портам Албании»⁴⁹².

Помимо этого, на саммите в Вене добавился еще один, прежде даже и не упоминавшийся компонент, – включение в проведение встреч представителей гражданского общества. Форум гражданского общества оказался частью повестки Венского саммита, его проводили комиссар Йоханесс Хан, главы правительств балканских государств и 6 соответствующих представителей НКО. В отношении конфликтных вопросов на Балканах «саммит Берлинского процесса в Вене ознаменовался подписанием четырех соглашений между Белградом и Приштиной: о создании ассоциации сербских муниципалитетов на севере Косова, телекоммуникациях, энергетике, свободе передвижения (включая мост через р. Ибар в Митровице)⁴⁹³.

Следующий саммит в рамках Берлинского процесса проводился в Париже в 2016 году, после объявления Великобританией о своем желании выйти из ЕС. Французы сделали попытку сопряжения Берлинского процесса со словенской региональной инициативой – процессом Брдо-Бриони. Основной задачей для самого Европейского союза в рамках саммита в Париже было по максимуму включить балканские страны в решение проблем миграционного кризиса. В сфере энергетического сотрудничества была принята «Региональная стратегия по стабильной гидроэнергетике», предусматривающая реконструкцию до 2020-2022 г. ГЭС во всех республиках бывшей Югославии.

Кроме того, на саммите в Париже был создан Региональный офис по молодежному сотрудничеству⁴⁹⁴. Эта инициатива, созданная под влиянием Франции, представляется

⁴⁹² Пивоваренко А. А. Модернизация транспортной системы Сербии. Часть 2. // Российский совет по международным делам. 18.01.2017. Режим доступа: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasteuropa/modernizatsiya-transportnoy-sistemy-serbii-chast-2-avtodorog/> (дата обращения 29.02.2020)

⁴⁹³ Final Declaration by the Chair of the Vienna Western Balkans Summit, 27.08.2015. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/policy-highlights/regional-cooperation/20150828_chairmans_conclusions_western_balkans_summit.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁹⁴ Final Declaration by the Chair of the Paris Western Balkans Summit, 4.07.2016, point 4. // Официальный сайт МИД Франции. Режим доступа: URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/balkans/events/article/final-declaration-by-the-chair-of-the-paris-western-balkans-summit-04-06-16> (Дата обращения 10.01.2020).

попыткой найти ответ на существующие политические тенденции на Балканах, выражающиеся в понижении доверия к существующим политическим партиям, распространении «протестного голосования», а также возникновении новых политических сил, настроенных нигилистски по отношению к существующим элитам. Вместе с тем, именно воспитание лояльно настроенных к любым инициативам ЕС политических элит было основной задачей периода 2000-2010 годов для Брюсселя в регионе. Она была фактически достигнута во всех странах и пока остается важнейшим инструментом влияния Европейского союза, а также механизмом форматирования регионального политического пространства (об этом подробнее во втором параграфе данной главы).

Большое внимание Парижский саммит уделил внутрорегиональному сотрудничеству. Он, в частности, указала на необходимость интенсификации приграничного сотрудничества и многосторонних субрегиональных инициатив и создание совместных предприятий в регионе как ключевого инструмента в борьбе с фрагментированностью постъюгославского пространства. «В контексте текущей экономической ситуации региональное сотрудничество является одним и единственным путем преодоления сложностей»⁴⁹⁵, – констатируется в Итоговой декларации Председателя.

На саммите в Триесте было оформлено партнерство по возобновляемой энергетике и энергоэффективности, имеющее целью снижение зависимости от традиционных энергоносителей посредством мобилизации гидроресурсов региона. В экономическом плане получили юридическое оформление проекты строительства транспортной инфраструктуры в регионе, предложенные в Вене. Это выразилось в подписании Соглашения о транспортном сообществе и запуске 7 дополнительных проектов стоимостью 500 млн евро⁴⁹⁶.

Европейская комиссия во главе с Ж.-К. Юнкером отчасти в продолжение Берлинского процесса, но в большей степени в попытке вновь аккумулировать основной переговорный ресурс, связанный с евроинтеграцией Западных Балкан, между саммитом в Триесте 2017 года и саммитом в Лондоне 2018 года, спустя фактически 15 лет после Салоникского форума, разработала новую концепцию в отношении региона. Официально обновленная стратегия ЕС в отношении западно-балканского региона была представлена на заседании Европейской комиссии 6 февраля 2018 года – «Состоятельная перспектива расширения ЕС на Западные Балканы и продвинутое сближение с ними» («A credible

⁴⁹⁵ Ibid.

⁴⁹⁶ Final Declaration by the Chair of the Trieste Western Balkans Summit. 07.12.2017. // Официальный сайт МИД Италии. Режим доступа: URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/trieste-western-balkan-summit-declaration.html (Дата обращения 10.01.2020).

enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans»⁴⁹⁷. В ней впервые за всю историю взаимоотношений с регионом Европейская комиссия признала неэффективность своей политики на Западных Балканах.

Центральным звеном в ней по-прежнему остается стратегия включения региона в Европейский союз. В основной части дается расплывчатое обещание о возможном вступлении к 2025 году Сербии и Черногории в Европейский союз. Однако формулировки этой перспективы настолько осторожны, что даже сами Белград и Подгорица восприняли их крайне спокойно. Наибольший интерес представляет не основной текст документа, а приложение к нему. Приложение подготовлено как график конкретных шагов и условий, которые западно-балканские страны должны выполнить в ближайшие три года. В соответствии с ним должны быть проведены системные реформы⁴⁹⁸.

Предполагалось, в частности, сделать следующее: в течение 2018 года – обеспечить «распространение Общей внешней политики и политики безопасности / Диалога по внешней политике и политике безопасности на Западные Балканы, с увеличенным участием в миссиях ЕС и операциях по всему миру» (пункт 2.13).

В течение 2018-2020 гг. (преимущественно 2018-2019 гг.) – «распространить обязательства Энергетического союза ЕС на Западные Балканы (энергобезопасность, рынки, транзит энергетических ресурсов) (пункт 4.2)». Сюда же примыкают планы «поддержать создание институтов и увеличить участие представителей власти и организаций Западных Балкан в работе сети регуляторов в энергосфере, а также операторов распределительной и транзитной систем, в особенности Агентства по сотрудничеству энергорегуляторов и операторов Европейской сети транзитных систем» (пункт 4.3). Их дополняет положение о том, чтобы «усилить работу по завершению строительства регионального рынка энергетических ресурсов на Западных Балканах и обеспечить интеграцию Западных Балкан во Внутренний энергетический рынок ЕС» (пункт 4.4).

В отношении строительства новой экономики – «усилить подготовку и имплементацию *acquis* по созданию зоны Единого цифрового рынка» (пункт 4.5.). В цивилизационном плане – «запустить программу «Наследие ЕС – Западные Балканы» в виде серии мероприятий, посвященных культурному наследию» (пункт 4.6).

⁴⁹⁷ A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

⁴⁹⁸ Annex to A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/annex-communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

Из заявленного в приложении графика можно сделать ряд далеко идущих выводов. В первую очередь, Европейский союз стремится системно включить страны региона в цепочку внутренних связей ЕС. В этих целях он хотел бы максимально завязать на себя транзитный потенциал региона, прежде всего потому, что его значение серьезно повысилось за последние годы и в плане безопасности, и в экономическом отношении. Для этого будут использоваться регулятивные и административные методы. Кроме этого, Брюссель планирует распространить на Западные Балканы обязательства Энергетического союза и, соответственно, Третьего энергетического пакета. Тем самым из региона будут исключены любые нежелательные конкуренты.

Наконец, если все предыдущие годы Брюссель де-факто игнорировал «педалирование» культурной общности Западной и Юго-Восточной Европы, то, согласно новому документу, произвел разворот на 180 градусов. Согласно положениям новой стратегии, культурную близость он решил превратить в один из ключевых инструментов «мягкой силы». Со всей очевидностью это делается для того, чтобы подготовить общественность ЕС к очередному расширению, с одной стороны. С другой – чтобы задать новый тренд эволюции общественного мнения и повлиять на настроения западно-балканского населения, демонстрирующего все последние годы умеренный рост евроскептицизма.

В целом, своеобразие нового подхода к выстраиванию отношений с Западными Балканами сводится к тому, что странам региона предлагается безоговорочно ориентироваться на Брюссель в таких наиболее деликатных сферах, касающихся их суверенных полномочий, как внешняя политика и энергетическая независимость, взамен на обещание относительно быстрого членства, предоставление которого остается полностью на его усмотрение. Таким образом, ЕС, во-первых, была предпринята попытка реанимировать интеграционные устремления местных политических элит и населения. Во-вторых, «Декларация Юнкера» (как часто в литературе называют данный документ) очень близка по своим практическим составляющим тем инициативам, которые выдвигались в рамках Берлинского процесса. Соответственно, ее можно рассматривать и как стремление ЕС несколько потеснить начавших выступать в национальном качестве инициаторов Берлинского процесса.

В продолжение взятого курса 17 мая 2018 года ЕС провел подготовительный к Лондонскому саммит в Софии. Шесть инициатив, предложенных Комиссией в феврале, были оформлены как «Софийская приоритетная повестка» и включили в себя, по сути, все достижения» стратегии сопряжения» Берлинского процесса – транспорт, энергетику,

цифровые технологии, экономическое сотрудничество, человеческий капитал⁴⁹⁹. Заявленные до того в рамках Берлинского процесса 20 совместных проектов в Софии были дополнены еще 11. В Софийскую приоритетную повестку были включены даже тезисы о необходимости национального примирения и развития двухсторонних отношений, т.е. де-факто она стала смысловым дублем деклараций Берлинского процесса. Таким образом, на саммит в Лондоне 9 -10 июля остались только вопросы безопасности, терроризма и борьбы с организованной преступностью⁵⁰⁰.

В преддверии саммита в Лондоне в среде британских исследователей состоялось несколько обсуждений Берлинского процесса как такового, получивших обобщенное изложение в серии докладов. Берлинский процесс, в частности, сравнивали с Европейской экономической зоной. Ее создание изначально было нацелено на вовлечение членов ЕАСТ и не подразумевало расширение ЕС. Вместе с тем, к моменту подписания соглашения в 1994 году примерно половина подписантов ЕАСТ нацелились на вступление в ЕС. «Почему западно-балканские страны должны испытывать энтузиазм от вступления в ЕС семи государств, которые были членами ЕАСТ на момент подписания Шенгенских соглашений? – в спекулятивных целях задавались вопросом авторы итоговых докладов и сами же спешили предложить на него ответ. – Швейцария на референдуме отказалась от членства в Шенгенской зоне, оставив Исландию, Лихтенштейн и Норвегию единственными на тот момент не членами ЕС, но подписантами ЕАСТ в Шенгенской зоне. Длительная рецессия в регионе, последовавшая за глобальным финансово-экономическим кризисом, отразилась на бывших югославских республиках Словении и Хорватии, которые в 2014 году обе были членами ЕС так же сильно, как и на тех странах Западных Балкан, которые в Союз не входят. После этого Великобритания заявила о своем желании выйти из ЕС». В итоге британские дискуссанты пришли к мнению о том, что Берлинский процесс – это попытка Германии обезопасить свои собственные инвестиции⁵⁰¹.

Несмотря на критику Берлинского процесса со стороны британских экспертов, не стоит исключать, что эта немецкая инициатива может быть использована в качестве

⁴⁹⁹ Sofia Summit Priority Agenda. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: https://eeas.europa.eu/delegations/kosovo/44794/sofia-declaration-eu-western-balkans-summit_en (Дата обращения 17.01.2020).

⁵⁰⁰ Nechev Z., Nikolovski I., Minić J., Qesaraku M. and Ćerimagić A. 2018 Western Balkans Summit: 3 key takeaways from London. // SEE Think Net. December 2018. Режим доступа: URL: <https://idscs.org.mk/wp-content/uploads/2018/12/%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BD%D0%B0-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B7%D0%B8%D1%98%D0%B0-%D0%BD%D0%B0-%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%84-%D0%B2%D0%B5%D0%B1-2.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

⁵⁰¹ The Western Balkans and the Berlin Process // South East European Studies at Oxford. Workshop report. July 2018. Режим доступа: URL: https://www.sant.ox.ac.uk/sites/default/files/berlin_process_workshop_report_v2.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

модели взаимодействия британской дипломатии с интересующими ее европейскими регионами в случае выхода из ЕС. В случае с западно-балканскими странами такая схема позволяет работать, как минимум, в трех направлениях: в рамках двухсторонних отношений с государствами региона, на региональной основе, а также в тандеме с любым из членов ЕС в разных форматах и в рамках интересующей Великобританию региональной повестки. «Если правительство хочет воплотить на практике идею Глобальной Британии в большей степени, чем это было прежде, то концепции вроде Берлинского процесса должны быть взяты на вооружение, – подчеркивалось на слушаниях в Палате Общин. – В частности, в Европе, где Великобритании, возможно, потребуется выработать новые подходы к работе с ЕС и европейскими партнерами, учитывая растущую нестабильность в европейском приграничье»⁵⁰².

В 2019 году саммит проходил в Польше, в г. Познань. Если говорить о развитии тех стратегий, которые были изначально заложены в Берлинский процесс, то значение саммита минимально. Вместе с тем, с точки зрения внешней политики Европейского союза по отношению к Балканскому региону, можно выделить два новых принципиально важных момента. Во-первых, саммит выявил глубокие противоречия внутри ЕС относительно ускорения переговорного процесса с балканскими странами. Так, глава директората ЕК по политике европейского соседства и переговорам о расширении Кристиан Даниэльсон подчеркнул, что Албания и Северная Македония существенно продвинулись вперед, если верить заключением Совета 2018 года⁵⁰³. Польша, недавно вошедшая в рейтинг развитых стран, рассчитывала на то, что ей и другим условным «новобранцам» ЕС удастся добиться принятия решения о начале переговоров о вступлении для Северной Македонии и Албании. Однако преодолеть сопротивление западноевропейской части ЕС, в частности, оказанное Францией и Нидерландами, не удалось еще на заседание Европейского Совета в июне 2019 года.

Во-вторых, на саммите была достигнута договоренность о том, что следующая встреча в рамках Берлинского процесса пройдет под двойным председательством Болгарии и Северной Македонии⁵⁰⁴. Познанский саммит и предстоящий болгаро-македонский свидетельствуют о том, что в Берлинский процесс постепенно входят новые

⁵⁰² Global Britain and the Western Balkans. Tenth report of Session 2017-2019. // House of Commons. Foreign Affairs Committee. Режим доступа: [URL:https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/1013/1013.pdf](https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/1013/1013.pdf) (Дата обращения 10.01.2020).

⁵⁰³ Muminović E. Poznań Summit highlights: What has marked the 2019 Berlin Process meeting? // European Western Balkans, 06.07.2019. Режим доступа: [URL:https://europeanwesternbalkans.com/2019/07/06/poznan-summit-highlights-what-has-marked-the-2019-berlin-process-meeting/](https://europeanwesternbalkans.com/2019/07/06/poznan-summit-highlights-what-has-marked-the-2019-berlin-process-meeting/) (10.01.2020).

⁵⁰⁴ Western Balkans Summit Poznań. Chair's conclusions. // Официальный сайт правительства Польши. Режим доступа: [URL:https://www.premier.gov.pl/files/files/chairs_conclusions.pdf](https://www.premier.gov.pl/files/files/chairs_conclusions.pdf) (Дата обращения 10.01.2020).

участники, готовые отстаивать и продвигать несколько иные интересы. То, что это страны более крупного региона Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, с одной стороны, свидетельствует о том, что критики Берлинского процесса, заявлявшие о том, что он уводит кандидатов, стремящихся разомкнуть узкий круг европейского ядра, от полноценной интеграции в ЕС, усиливают свои позиции⁵⁰⁵.

С другой стороны, становится очевидным, что заявляет о себе объективный процесс расширения географических рамок региона. Как показал кризис беженцев 2015 года, географически и с точки зрения динамики процессов, Западные Балканы тесно связаны с Болгарией, исполняющей пограничные функции Европейского союза на востоке Балканского полуострова, а, кроме того, Грецией. В последние годы произошло активное вовлечение Греции в балканскую проблематику в смысле логистики (развитие транспортного Коридора X и других маршрутов) и экономики (греко-албанские и греко-сербские связи). Наконец, многотысячные демонстрации в Салониках и Афинах в феврале 2018 г. демонстрируют вовлечённость Греции (а также всё той же Болгарии) в македонский вопрос.

Не стоит забывать о Венгрии и Румынии, которых географически сложно отнести к Балканам, однако с точки зрения логистики, этнополитических проблем и экономических интересов они, безусловно, расширяют своё присутствие в этом регионе. Обозначает экономический и политический интерес к Балканам Вишеградская группа, в частности Польша и Чехия. Поэтому внимание, с которым отнеслись Венгрия и Румыния к инициативе Берлинского процесса не случаен. И на страновом уровне (для Германии, Франции, Великобритании), и на уровне Европейского союза как такового укрепление связанности «полупериферии» в лице восточноевропейских стран с «периферией» – Западными Балканами под эгидой Западной Европы важно как само по себе, так и в плане конкуренции с внешними игроками, прежде всего, с Китаем.

Берлинский процесс не создал сам по себе какой-то новой повестки, которая бы заменяла повестку ЕС, выработанную еще два десятилетия назад. Кроме того, он не опирается на какие-то новые институты. Берлинский процесс был запущен как дополнительная и дополняющая инициатива, существенно усиливающая нормативный подход ЕС к членству (Стратегия расширения ЕС 2013) и региональную стратегию конкурентоспособности и роста (Юго-Восточная Европа 2020). В этой связи Берлинский

⁵⁰⁵ См., например: Hackaj A. et al. *Monitoring the Berlin Process: From Paris to Trieste*. Tirana: Botimet. 2017. Или Marciacq F. *EU Enlargement in troubled times? Adapting to new realities and drawing lessons from democratisation failures*// ÖGfE policy Brief. 2015. N39.

процесс – это новая упаковка старой идеи, призванная, как это принято называть в маркетинге, «поднять продажи».

В теории задачи Берлинского процесса должны быть существенно более многомерными: не только создать единую энергетическую и транспортную сети, но также, а, может, и прежде всего, модернизировать внутренние региональные процессы. Феномен текущей политики ЕС по отношению к Балканскому региону заключается в том, что оценить, насколько глубоко поставлены задачи и выполняются ли они, практически невозможно в краткосрочной перспективе. На сегодняшний день остается неясным, что является финальной целью европейских элит – создание «сопряжения как такового посредством инфраструктурных проектов» или «трансформация внутренних процессов через создание этого сопряжения»⁵⁰⁶.

С точки зрения развития отношений ЕС и Западных Балкан, основной вехой в Берлинском процессе стало то, что до его начала ЕС рассматривал региональную интеграцию преимущественно в рамках политического диалога. Она являлась отдельным и изолированным от других условием, которое западно-балканские страны выполняли параллельно друг другу, а не совместно. Через Берлинский процесс ЕС объективно удалось объединить воедино регион, по крайней мере, в вопросах инфраструктуры, связывающей его с западной частью Европы.

Наглядным подтверждением этому стало существенное увеличение числа встреч, диалога между балканскими лидерами (особенно между Белградом и Тираной), а также балканских лидеров с отдельными государствами ЕС. Будут ли в среднесрочной перспективе достижения Берлинского процесса развернуты под флагом европейской интеграции балканского региона, или это станет первым шагом на пути «сворачивания» перспективы вступления Балкан в ЕС в пользу укрепления отношений с Западной Европой в двухстороннем формате, пока сказать сложно.

Таким образом, в первой половине 1990-ых гг. Европейский союз как международный актор развивается в трех новых для себя направлениях: осуществляет внутренний переход от европейского политического сотрудничества к Общей внешней политике и политике безопасности; пытается проявить себя в качестве эффективного медиатора в югославском кризисе; вырабатывает основы расширения на Восток.

Включение стран Центральной и Восточной Европы было для ЕС вопросом приоритетного значения, важным как с точки зрения геополитического

⁵⁰⁶ Marciacq F. The European Union and the Western Balkans after the Berlin Process. Reflecting on the EU Enlargement in Times of Uncertainty, Sarajevo 2017 // Friedrich-Ebert-Stiftung. Dialogue Southeast Europe. Режим доступа: URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/sarajevo/13948.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

позиционирования, так и в отношении утверждения на открывшемся и свободном рынке региона ЦВЕ. Для самих стран Центральной и Восточной Европы вступление в ЕС означало получение и внутреннего стимула, и внешнего ресурса для ускоренной трансформации и перехода на рельсы рыночной экономики и плюралистической политической системы. Именно поэтому ЕС очень быстро и эффективно выработал модель регионального расширения, которая не подразумевала дифференцированного странового подхода, а государства Центральной и Восточной Европы прошли процесс европеизации в условиях консенсуса политических элит и общественности и на востоке, и на западе Европы. Безусловно, успех 2004 года – это и результат того, что на тот период ЕС реально обладал мощнейшими финансовыми инструментами и мог обеспечить проведение любых системных реформ. Это привело к в целом позитивной трансформации стран Центральной и Восточной Европы, их включению в ряды Европейского союза, а также к утверждению внутри Европы представления о том, что выбранная модель развития является единственно правильной и приемлемой для всех.

В процессе формирования стратегии расширения Европейский союз исключил из своего дискурса постъюгославское пространство как политико-географическую категорию. Вместо «постъюгославского пространства», «бывшей Югославии» и «Юго-Восточной Европы» стало употребляться бюрократическое понятие «Западные Балканы». При этом на практике, исходя из того, как и к кому применяется данный термин, он является, скорее, заменой понятию с явной негативной коннотацией «балканизация», поскольку вступление в Европейский союз, т.е. европеизация прекращает и причисление страны к Западным Балканам. Однако рост политической и инфраструктурной связанности Западных Балкан с соседними Грецией, Болгарией, Венгрией и Румынией, как и активизация политики НАТО на балканском направлении, наблюдаемая с 2014 г., означают, что принятое сегодня деление региона на «Западные Балканы» и «страны Евросоюза на Балканах» постепенно теряет актуальность. Внутренние разделительные линии в регионе исчезают, его внешние границы становятся шире, а динамика, связывающая Балканы с Европой и Азией, становится более подвижной.

Страны Западных Балкан встали на путь европейской интеграции отчасти из-за отсутствия геополитической альтернативы – ответственность за их судьбу в постконфликтный период была без возражений со стороны мирового сообщества возложена на Европейский союз. Не последнюю роль в евроинтеграционной эйфории сыграл ускоренный и мирный транзит из «социализма в капитализм» стран ЦВЕ. Однако модель расширения, которая применялась по отношению к западно-балканским

государствам, помимо того, что была запущена в принципиально других морально-психологических условиях, лишь в общих чертах повторяла «восточноевропейскую».

Ее принципиальное отличие заключается в том, что, помимо и прежде европеизации как выполнения *acquis*, балканские государства должны продемонстрировать внутреннюю и внешнюю стабильность. Для этого были разработаны Региональный подход ЕС 1997 года (не подразумевал перспективы членства в ЕС), Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы (где ЕС был важнейшим, но одним из участников) и, наконец, система Соглашений о стабилизации и присоединении 2003 года. Региональный подход ЕС предполагал финансовые и торговые преференции, но только в обмен на прогресс в сфере национального примирения и демократизации, а возможность заключения Соглашения о стабилизации и присоединении – выполнение целого ряда предварительных условий. Таким образом, в сравнении со странами ЦВЕ для балканских государств требование об «обусловленности» серьезно ужесточилось и расширилось.

Второе принципиальное отличие – применение регионального подхода к интеграции в случае с Центральной и Восточной Европой, и «принципа регаты», т.е. индивидуализированного процесса присоединения – с балканскими странами. В случае с западно-балканской интеграцией это имело свои негативные последствия. Принцип «регаты» подрывает дух общности и по этому ключевому параметру противоречит условию «социализации», которое было поставлено перед всеми кандидатами из Центральной и Юго-восточной Европы. Фокус на соревновательности отрицает формирование коллективной идентичности, солидарности, укрепления доверия. В экономически уязвимых, постконфликтных балканских обществах эти принципы существенно важнее в долгосрочной перспективе, чем ускоренное выполнение технических требований.

С точки зрения институциональных и правовых рамок, процесс интеграции Западных Балкан осуществляется на основе достижений Загребского и Салоникского саммитов, а с 2014 года дополнением к нему стал Берлинский процесс. Все три основы подразумевают региональное сотрудничество как один из важных критериев готовности к вступлению в ЕС. Тем не менее, только Берлинский процесс на практике воспринимает региональное сотрудничество не только как политический диалог, но и как практическую деятельность в нескольких сферах, прежде всего региональной транспортной и энергетической инфраструктуры, цифровых технологий, молодежного общественно-политического диалога. Однако, несмотря на то что Берлинский процесс формировался как дополнительный к ЕС, это инициатива нескольких его государств-членов, которые сами по себе являются традиционным региональным фактором. Это позволяет сделать

вывод о том, что на институционально-правовом уровне Берлинским процессом была заложена основа под гипотетическое «размывание» фактора европейской интеграции и Европейского союза в целом в пользу двухстороннего или многостороннего взаимодействия Балканы – остальная часть Европы в альтернативных форматах. Косвенно в пользу этого свидетельствует и то, что проведение следующего саммита Берлинского процесса намечено внутри региона, под двойным председательством Болгарии и Северной Македонии.

Глава 3.2 Особенности и основные результаты интеграционной политики Европейского союза на Западных Балканах в период 2000 – 2013 гг.

Европейский союз в течение первого десятилетия XXI века приложил в институционально-правовом плане серьезные усилия, чтобы снизить конфликтный потенциал региона и начать процесс примирения, регионального сотрудничества и формирования ценностных ориентиров для постъюгославского пространства. По сути, европейская интеграция бывших югославских государств воспринималась как нечто, не имеющее альтернативы.

«Югославская дезинтеграция создала ощущение немощи, слабости и бесперспективности. Спасение виделось в новой интеграции..., – утверждают аналитики из Балканского региона. – Не в некой новой Югославии, а в Европе или спонсорско-клиентелистских отношениях с США (или Россией в случае Сербии и Республики Сербской, или Турцией – в боснийском варианте). Именно поэтому Европа в представлении многих была неким вариантом анти-Югославии и альтер-Югославии одновременно»⁵⁰⁷. С оглядкой на недавнюю кровавую историю региона и внутривнутриполитические отношения подобный сюжет выглядит, с одной стороны, парадоксально. Государства, мечтавшие об обретении независимости так легко готовы расстаться с ней! Однако в то время парадокс был вполне объясним с точки зрения всех балканских элит.

Во-первых, длительная история экономических и политических взаимоотношений СФРЮ и ЕЭС не ставила под сомнение тот факт, что их разрыв обусловлен только фактором гражданских войн. Во-вторых, балканским политическим элитам и общественности казалось, что вступление в Европейский союз избавит их от «балканского синдрома», даст желаемые и признание, и процветание. С начала 2000-х годов политические элиты западно-балканских государств на словах безальтернативно поддерживали процесс присоединения к ЕС, независимо от того, что в разные годы этот энтузиазм был то истинным, то показным. Вместе с тем он всегда имел прагматическую природу, поскольку любая альтернативная политика стоила бы слишком дорого во всех отношениях. Могла привести к политической и экономической изоляции. «Даже скептики пытались примирить свое специфическое видение национальных интересов с идеей вступления в Европейский союз. Например, убежденные сторонники национального суверенитета начали приводить в качестве аргументом тезис о том, что только становясь

⁵⁰⁷ Jovic D. 1989: GODINA KOJA NAM SE NIJE DOGODILA. // Politička misao. 07.12.2014. Режим доступа: URL: <http://politickamisao.com/1989-godina-koja-nam-se-nije-dogodila/> (Дата обращения 10.01.2020).

членом ЕС, государство может конвертировать свой номинальный и символический суверенитет в что-то более значимое»⁵⁰⁸.

В пользу этого свидетельствовало и реальное международное положение бывших югославских республик: на части территорий были размещены миротворческие контингенты ООН, все страны обязались сотрудничать с Гаагским трибуналом, что накладывало специфические ограничения на работу национальных судебных систем, конституция Боснии и Герцеговины вообще была написана Контактной группой, Конституция СРЮ отсылала к резолюции ООН 1244 по вопросу статуса Косова и Метохии. В такой ситуации только членство в Европейском союзе, по мнению политических элит, возвращало бывшие югославские республики к полноценной государственности. «Членство в ЕС, для большинства политических элит – это, прежде всего, трансформация из объекта международной политики в субъект, от того, «чтобы быть на столе, т.е. в повестке» к тому, чтобы «быть за столом»⁵⁰⁹.

Однако постъюгославские страны оказались на своем европейском пути менее удачливыми, чем их центрально-европейские соседи⁵¹⁰.

Все балканские страны воспринимали движение к Европейскому союзу как движение от своего недавнего кровавого прошлого, где конечной точкой должно было бы стать членство. Такое движение включало серию кардинальных изменений – смену политической системы и типа экономического хозяйствования; политической идентичности; типа государственности, которая сама по себе сформировалась через вооруженное противостояние⁵¹¹. К такому многоуровневому процессу в равной степени не были готовы ни балканские политические элиты, ни Европейский союз, не имевший каких-то готовых рецептов из предыдущих волн демократического транзита⁵¹².

Вопреки тому, что ССА был большим шагом вперед, было очевидно, что «через систему подобных соглашений невозможно справиться с региональными вызовами безопасности... поэтому миротворчество оставалось центральным вопросом в повестке дня, маргинализуя интеграционные элементы внутри ССА»⁵¹³. В этой связи возникает

⁵⁰⁸ Jovic D. Turning nationalists into EU supporters: the case of Croatia // Rupnik Jacques (ed.). The Western Balkans and the EU: 'the hour of Europe'. Chaillot Paper. 126. Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2011. pp. 33-45.

⁵⁰⁹ Jovic D. Croatia and the European Union: a long delayed journey// Journal of Southern Europe and the Balkans. 2006. N 8 (1). pp. 85-103.

⁵¹⁰ См., к примеру: Буланникова Ю. А. Региональное сотрудничество как инструмент европейской и евроатлантической интеграции стран Юго-Восточной Европы // Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения. 2016. С.130-143.

⁵¹¹ Подробнее см.: Jovic D. (2006) Op. cit.

⁵¹² Jovic D. Problems of Early Post-Communist Transition Theory: From Transition from to Transition to. // Politička misao. 2010. N47:5. pp. 44-68.

⁵¹³ Bechev D. Op. cit.

вопрос, насколько интеграционная повестка ССА соотносилась с усилиями ЕС по строительству «сообщества безопасности». Конечно, определенные пересечения есть. Принцип обусловленности связывал воедино прогресс по политическим требованиям с достижениями в области обеспечения прав национальных меньшинств (Македония), с консолидацией государственных институтов (Босния и Герцеговина) и созданием единого рынка (Сербия и Черногория).

Таким образом, теоретически «ССА были созданы не только как пред-предвступительная рамка, заточенная под институциональную и правовую конвергенцию, но и как инструмент государствовоительства»⁵¹⁴. В случае с Боснией и Герцеговиной основной целью была не столько подготовка к вступлению в ЕС, сколько создание условий для нормального функционирования государства. Что касается Хорватии и Сербии (с Черногорией и без) – Европейский союз, в первую очередь, сделал ставку на создание последовательно лояльных, проевропейски настроенных элит.

С концептуальной и психологической точек зрения расширение Европейского союза на Хорватию, хоть и последовало де-факто спустя почти десять лет с момента вступления Словении и шесть – Болгарии и Румынии, принадлежало к «восточноевропейской» волне, а задержка была в большей степени обусловлена специфическим периодом хорватской государственности 1990-гг.

В то время, как страны Центральной и Восточной Европы начали процесс присоединения к ЕС, Хорватия, возглавляемая Франьо Туджманом, переживала процесс становления националистического государства, враждебно настроенного к самой идее единой Европы. «В отличие от Словении, которая быстро развернулась от изоляционистского типа национализма начала 1990-х гг. к гораздо более открытому либеральному европоцентризму, Хорватия развивала идеологию, ставящую под сомнение любые наднациональные структуры. Более того, Ф. Туджман видел себя победителем в гражданской войне и считал возможным отвергать то, что казалось ему лично несправедливым из условий Регионального подхода ЕС 1997 года. Туджман критиковал Европу за промедление с защитой хорватов во время войны и за то, что она никогда по-настоящему не поддерживала хорватскую независимость. Региональный подход, как и концепция «Западных Балкан» отвергались им полностью, поскольку считались попыткой воссоздать в той или иной форме нео-Югославию»⁵¹⁵. В ответ на Региональный подход ЕС Хорватия внесла поправки в Конституцию, запрещающие членство в любом объединении государств, которое может привести к возрождению Югославии, включая и объединения

⁵¹⁴ Bechev D. Op. cit.

⁵¹⁵ Jovic D. (2006) Op. cit.

балканских государств. После этого Европейский союз приостановил сотрудничество с Хорватией. Только после смерти Франьо Туджмана в декабре 1999 года, вслед за чем, спустя две недели, его партия – ХДС – потерпела поражение и на парламентских, и на президентских выборах, Загреб резко развернулся и идеологически, и политически в сторону Европы.

Социал-демократы и социал-либералы полностью контролировали парламент, премьер-министром стал И. Рачан (СДП – Социал-демократическая партия); на президентских выборах 24 января 2000 года победил Стипе Месич, бывший премьер-министр и хорватский представитель в президиуме СФРЮ в 1990-1991 гг. и ярый противник Ф. Туджмана.

«Дискурс новой власти был проевропейским и гораздо более реалистичным в отношении места Хорватии в расширяющихся ЕС и НАТО. Вместо того, чтобы продолжать противостояние с Белградом по Боснии и Герцеговине, Хорватия перенаправила свои внешнеполитические усилия на Запад... В Боснии Загреб принял европейскую линию действий и начал в большей степени поддерживать международные институты, чем этнических хорватов и боснийскую ХДС. Хорватия поддержала и демократическую революцию в Белграде»⁵¹⁶. В конце марта 2002 г. была принята новая Концепция национальной обороны и безопасности, в соответствии с которой соседние государства объявлялись партнерами, а не противниками⁵¹⁷.

Кроме того, новое руководство страны провело также и конституционную реформу, ограничив полномочия президента и упразднив верхнюю палату парламента. «Хорватия стала типичной однопалатной парламентской республикой, политическая система которой была аналогична политическим системам Венгрии, Словакии, Болгарии»⁵¹⁸.

Однако наиболее сложным вопросом для Стипе Месича стало сотрудничество с Гаагским трибуналом и выдача генералов Анте Готовины и Янко Бобетко. Нежелание хорватов выдать своих генералов ярко контрастировало с тем, что Белград при премьерстве Зорана Джинджича без промедлений 28 июня 2001 года выдал Гаагскому трибуналу Слободана Милошевича. Пытаясь надавить на Загреб и заставить его отказаться от невыдачи военных преступников, 15 октября 2002 года ЕС, в частности Великобритания, заблокировал ратификацию Соглашения и стабилизации и ассоциации.

⁵¹⁶ Jovic D. (2006) Op. cit.

⁵¹⁷ Strategija nacionalnoj sigurnosti Republike Hrvatske 2002 // Republika Hrvatska. Uvjed Veća za Nacionalnu Sigurnost. Режим доступа: URL:<https://www.uvns.hr/UserDocsImages/dokumenti/nacionalna-sigurnost/Strategija-nacionalne-sigurnosti-RH.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

⁵¹⁸ Пивоваренко А. А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М.: Институт славяноведения РАН; Спб.: Нестор История. 2018. С. 309.

Однако в сотрудничестве с Гаагским трибуналом Загребу повезло существенно больше, чем Белграду.

Начавшиеся с приходом к власти социал-демократов и социал-либералов акции недовольства националистически настроенных кругов хорватского общества необходимостью сотрудничества с Гаагским трибуналом достигли своего апогея весной 2001 года, когда по Хорватии прокатилась волна массовых протестов. Это обстоятельство подхлестнуло уже начавшуюся внутреннюю перестройку ХДС от радикально-националистической платформы в сторону национал-консервативной.

Перемены были обусловлены тем, что после поражения на парламентских и президентских выборах партия переживает закономерный раскол. Из нее выходит Мате Гранич, сформировав более центристский Демократический центр. Перед съездом партии в апреле 2000 года, тем самым, встает вопрос о новом лидере. Им неожиданно становится незначительная в партийной иерархии фигура – Иво Санадер. «Большинство обозревателей и участников процесса рассматривали его приход как компромисс между противостоящими фракциями и считали, что Санадер является контролируемой фигурой, но доверие к нему со стороны международного сообщества поможет выправить имидж партии»⁵¹⁹.

Первые шаги Иво Санадера в качестве главы ХДС показали, что за внешней неамбициозностью скрывается прагматичный политик. С одной стороны, он, как и прежде, заявлял о том, что ХДС является рупором для ветеранов прошедшей гражданской войны, а с другой – Санадер не просто не осудил действий правительства М. Рачана по налаживанию взаимодействия с Западом, но и де-факто разделил его позицию. Таким образом была заложена основа под выход ХДС на лидирующие позиции во внутривыборном спектре в Хорватии.

Иво Санадер смог консолидировать не только партию, но и заполучить расположение ряда международных акторов. На восьмой съезд партии в июле 2003 года были приглашены международные участники, в том числе председатель Совета по Юго-Восточной Европе в Европейском парламенте Дорис Пак, бывший конгрессмен – республиканец Ги Вандер Ягт и другие. «Сотрудничество с МТБЮ особо подчеркивалось Санадером. В своем выступлении Санадер говорил о необходимости сотрудничать с Трибуналом, одновременно заявляя, что он никогда не позволит назвать операции «Блеск» и «Буря» этническими чистками или геноцидом...»⁵²⁰

⁵¹⁹ Hudelist D. Pašalić: Pobijede li Hebrang i barakaši, bit ce to zadnji čavao umrtvač kom sanduku HDZ-a' // Globus. 29 April 2000.

⁵²⁰ Konitzer A. Speaking European: Conditionally, Public Attitudes and Pro-European Party Rhetoric in the Western Balkans //EU conditionality for the Western Balkans. Edited by Florian Bieber. London: Routledge, 2018. P. 114

Таким образом Санадер пытался добиться легитимизации партии в международной среде, не потеряв при этом значительной части электората. «Несмотря на присутствие международных визитеров на 8 съезде партии, отношения к ЕС и другими членами западной части международного сообщества оставались для ХДС вызовом вплоть до парламентских выборов 2003 года»⁵²¹. В течение первой половины 2003 года правительство И. Рачана предприняло два важных шага: подало заявку на членство Хорватии в ЕС и направило заполненный опросник кандидата в члены ЕС. Тем не менее, этих шагов хорватскому электорату оказалось недостаточно, и на парламентских выборах 25 ноября 2003 года ХДС во главе с Иво Санадером набрала 33% голосов и одержала победу, обеспечив себе пребывание у власти вплоть до декабря 2011 года.

В отношении решения вопроса о сотрудничестве с Гаагским трибуналом И. Санадере удалось сочетать умеренную националистически-популистскую риторику с реальной кооперацией с трибуналом. Судьбы двух главных и наиболее значимых фигур для хорватов – генералов Бобетко и Анте Готовины – сыграли значительную роль в формировании ценностных оснований современной хорватской государственности. Если генерал Бобетко умер в 2003 году дома, то Анте Готовину арестовали в Испании 8 декабря 2005 года. Фактически только вопрос о выдаче данных военных преступников Трибуналу практически на четыре года задержал вопрос о ратификации ССА и затормозил открытие переговоров о членстве Хорватии в ЕС.

Только когда 3 октября 2005 года генеральный прокурор МТБЮ Карла дель Понте заключила, что хорваты в достаточной мере сотрудничают с Трибуналом, ЕС возобновил переговоры о присоединении⁵²². «Дело Готовины» отчетливо продемонстрировало поляризацию хорватского общества. Социологические опросы демонстрировали следующую статистику: 44% высказывались против членства в ЕС, в то время, как 45% поддерживали интеграцию. В первые месяцы 2006 г. число поддерживающих вступление снизилось до 39%, а противников выросло до 47%⁵²³.

После выдачи А. Готовины в Гаагу, соглашение с хорватами было ратифицировано 1 февраля 2005 года. «Решение, однако, было не только результатом позитивной оценки сотрудничества с Гаагским трибуналом, но и успешного лоббирования в пользу Загреба внутри ЕС. Хорватский исследователь Деян Йович пишет: «С момента обретения независимости Хорватия стремилась заручиться поддержкой трех разных неформальных

⁵²¹ Ibid. P. 115.

⁵²² “Gradual Integration of the Western Balkan countries in the EU”. // Belgian Foreign Ministry Website. Режим доступа: http://diplomatie.belgium.be/en/policy/european_union/belgium_and_the_eu/external_relations/europe_and_the_world/western_balkans/#3 (Дата обращения 10.01.2020).

⁵²³ Пивоваренко А. А. Указ. соч. С. 317-318.

групп европейских государств. В первую очередь, Германии, а затем, с началом президентства Жака Ширака – Франции. Германия сыграла решающую роль в признании хорватской независимости в 1991 году. Франция была основным патроном, продвинувшим идею организации саммита ЕС в Загребе в 2001 году во время французского председательства... Обе страны поддержали начало переговоров с Хорватией не в последнюю очередь потому, что хорваты отказались участвовать в «Коалиции желающих» и критически отнеслись к идее вторжения в Ирак...» По поводу другой группы государств он отмечает: «В конечном итоге Хорватия была поддержана Ватиканом, через который было оказано влияние и на преимущественно католические Польшу, Италию и Ирландию. Важность католической церкви и поддержки евроинтеграции с ее стороны была отмечена премьер-министром Иво Санадером, поблагодарившим архиепископа Загребского и заявившим, что «без поддержки католической церкви это решение не было бы принято»⁵²⁴.

Очень похожим внешне, но абсолютно по-иному развернувшийся в итоге был путь второго основного для Европейского союза звена в западно-балканском регионе – Белграда. Несмотря на то что смена власти и приход демократической оппозиции, нацеленной на евроинтеграцию как на внешнеполитическую цель первого приоритета в Загребе и в Белграде произошли практически одновременно, а отношения между Белградом и Загребом как между основными соперниками в регионе развивались вполне позитивно, довольно быстро стало очевидным, что Белград вряд ли сможет рассчитывать на вступление в Европейский союз в той же самой волне, что и Загреб.

Как и в случае с окончанием эпохи Ф. Туджмана в 2000 году, о начале сотрудничества Белграда с ЕС можно говорить после свержения режима С. Милошевича в октябре 2000 года и проведения президентских выборов, победителем на которых стал кандидат от демократической оппозиции Воислав Коштуница. Сразу же после признания победы В. Коштуницы ЕС отменил большинство санкций против СРЮ и принял решение распространить на Сербию действие мер по либерализации торговли с государствами Западных Балкан. А. Пивоваренко пишет: «Сопоставляя политические события в Хорватии 1999 – 2000 гг. с аналогичными событиями в СР Югославии (Сербии), можно говорить о начале в 2000 г. еще одного этапа – этапа «евроатлантизации» государственности»⁵²⁵.

⁵²⁴ Jovic Dejan (2006) Op. cit.

⁵²⁵ Пивоваренко А. А. Указ соч. С. 307.

В ходе саммита лидеров стран региона в Скопье в конце октября 2000 года, то есть меньше, чем через месяц после падения режима С. Милошевича, СРЮ официально присоединилась к Пакту стабильности для стран Юго-Восточной Европы⁵²⁶.

Следующим шагом стала выдача 28 июня 2001 г. Гаагскому трибуналу арестованного 1 апреля С. Милошевича. Это произошло против воли Конституционного суда, и формально нарушало законодательство. Однако у нового руководства в Белграде и Брюсселя существовал консенсус в отношении фигуры бывшего югославского лидера, которого на внутривластной арене обвиняли в коррупции и расправах над политическими оппонентами, а на уровне международного сообщества – в геноциде против албанского населения в Косово. Премьер-министр Сербии, Зоран Джинджич, считал вопрос о выдаче С. Милошевича принципиальным, очень четко осознавая, что без этого шага вопрос о роли С. Милошевича станет постоянным раздражителем внутри общества, а кроме того, заблокирует продвижение страны к европейской цели: «если бы это не было сделано, то все общество занималось бы только этой проблемой и ничем другим...»⁵²⁷

Тем не менее, выдача С. Милошевича спровоцировала первый внутренний кризис в новом демократическом руководстве. Премьер-министр Югославии З. Жижич в знак протеста ушел в отставку. Несогласие с выдачей экс-президента выразил президент Югославии В. Коштуница, а возглавляемая им Демократическая партия Сербии вышла из единой парламентской фракции Демократической оппозиции Сербии (ДОС) в сербском парламенте.

Параллельно с этим, на уровне как общественных отношений, так и вслед за ними политических партий вызрел консенсус относительно того, что «стратегической целью общества является модернизация и присоединение к Европе»⁵²⁸, за что, согласно данным социологических опросов выступали до 70% населения, включая и электорат Социалистической партии Сербии.

Однако в понимании конкретного содержания процесса модернизации Сербии и Черногории и её связи с интеграцией в ЕС основные коалиционные партнеры – Демократическая партия З. Джинджича и Демократическая партия Сербии В. Коштуницы – все больше расходились. Представляется, что это явление было закономерным. Демократическая коалиция была тесно объединена идеей свержения Слободана

⁵²⁶ Самошкин В. СРЮ присоединилась к пакту стабильности, Европа осталась довольна балканским саммитом // НГ. № 205. 28.10.2000.

⁵²⁷ Слабынько А., Рябикин С. «Вы находитесь в центре внимания мира только, когда представляете собой большую проблему» // НГ.03.12.2002.

⁵²⁸ Vreme. Beograd. 12.12.2004.

Милошевича и перспективой присоединения к ЕС. Тактические разночтения внутри широкой и разнообразной по своему составу коалиции неизбежно должны были возникать в силу стремления как можно быстрее отойти от коалиционного характера власти, нащупать свою электоральную нишу и сформировать доминирующие партии. В тот момент такая перспектива яснее всего открывалась перед двумя ведущими демократическими партиями.

Прямой политический диалог между ЕС, его государствами-членами и СРЮ был установлен в 2001 г., когда была создана объединённая Консультативная рабочая группа (КРГ). Её мандат состоял в рассмотрении состояния дел в различных сферах, прежде всего в области экономики, гражданских прав и прав национальных меньшинств, правосудия, внутренних дел. До середины 2002 г. состоялось пять встреч КРГ, которые выработали ряд рекомендаций о приоритетах в проведении реформ в Сербии.

После пятого заседания группы наступила длительная пауза в диалоге с ЕС в связи с подготовкой Соглашения о стабилизации и ассоциации, вызванная процессом конституционного преобразования СРЮ в государственное содружество Сербии и Черногории. То, что Европейский союз столкнется с проблемой сохранения федерации Сербии и Черногории, было ясно уже в конце 1990-х гг., поскольку содружество, по точному определению Ф. Бибера, принадлежало к числу «минималистских государств», созданных в результате посреднических усилий ЕС в ходе обсуждения результатов югославского кризиса,⁵²⁹ а, соответственно, по разным причинам, но практически нежизнеспособным.

В случае с Белградом и Подгорицей со всей очевидностью нежизнеспособность была связана со ставкой на возвращение черногорской государственности. По наблюдению Е. Пономаревой, изучавшей аналитические материалы по этому вопросу «идея самостоятельности Черногории начинает активно разрабатываться руководством республики именно после военного конфликта в Косове и бомбардировок НАТО. 5 августа 1999 года правительство республики опубликовало Платформу новых отношений с Сербией, призывавшую к пересмотру статуса Черногории и избирательного законодательства. Конституционный суд СРЮ признал такой пересмотр неправомочным. Чуть позже, после прихода к власти В. Коштуницы вопрос о предоставлении самостоятельности Черногории поднимается вновь. На этот раз уже при активном вмешательстве ЕС»⁵³⁰. В 2002 году при непосредственном участии Брюсселя⁵³¹

⁵²⁹ Bieber F. Building Impossible States? State-Building Strategies and EU Membership in the Western Balkans// EU conditionality for the Western Balkans. Edited by Florian Bieber. London: Routledge. 2018. pp. 27-28.

⁵³⁰ См. подробнее: Пономарева Е. Г. Новые государства на Балканах. М.: Издательство МГИМО-Университет. 2010. С. 208.

принимается решение о создании государственного содружества Сербии и Черногории, просуществовавшего с 4 февраля 2003 года по 5 июня 2006 года, а в отношениях двух республик с Европейским союзом вводится принцип «двойной колеи».

После создания содружества позиции Сербии и Черногории согласовывались уже в смешанной рабочей группе в составе представителя ЕС и двух членов государственного содружества. По итогам этих консультаций Еврокомиссия публиковала ежегодный отчет о продвижении Процесса стабилизации и присоединения⁵³².

Новый этап внутривластного противоборства в Сербии был связан с убийством 12 марта 2003 г. премьер-министра З. Джинджича и проведением антитеррористической операции «Сабля», когда страну захлестнула волна компроматов, взаимных обвинений членов правящей коалиции в финансовых аферах и связях с мафией. Партнеры по правительственной коалиции в переходном правительстве нового лидера ДП З. Живковича – министр юстиции и лидер Демокристианской партии Сербии В. Батич и лидер ДОС из Воеводины Ненад Чачак - оформили в парламенте антиправительственный блок, настаивая на проведении внеочередных выборов. В оппозицию правительству З. Живковича перешел и лидер «Демократической альтернативы» Н. Чович.

По мнению С. Орловича⁵³³, к этому моменту ДОС окончательно исчерпал себя. Коалиция не выстроила свою программную, организационную, социальную и политическую инфраструктуру, поэтому теперь ей предстояло пройти процесс фрагментации и распада. Схожая судьба уже постигла «Солидарность» в Польше, коалицию ДЕМОС в Словении и «Гражданский форум» в Чехословакии. Распад коалиции де-факто повлек за собой неспособность Белграда сформировать последовательную программу взаимоотношений с ЕС, позволяя тем самым Брюсселю давить на действующую власть всё в большей и большей степени.

Справедливость оценки, данной С. Орловичем, подтвердили результаты внеочередных парламентских выборов Сербии 28 декабря 2003 г., которые проводились в соответствии с избирательным законом на год раньше положенного срока в связи с де-факто парализованным парламентом.

Новое коалиционное правительство лидера ДПС В. Коштуницы, созданное в марте 2004 г., в отличие от правительства З. Джинджича, было сформировано в соответствии с «железным принципом пропорциональности»: хотя и включало в свой состав

⁵³¹ Там же. С. 171-172.

⁵³² Министарство за европске интеграције. Историјат сарадње. // Официальный сайт Министерства европейской интеграции Республики Сербии. Режим доступа: URL: <http://www.mei.gov.rs/srp/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/> (Дата обращения 10.01.2020).

⁵³³ Радзиевич А., Иванов И. В Белграде снова сильно пахнет порохом // Сайт портала «Утро». Режим доступа: URL: <http://www.utro.ru/articles/2003/05/26/201679.shtml/>) (Дата обращения 10.01.2020).

представителей четырех партий «реформаторского» блока, в том числе деятелей Демократической партии и партии Г17-плюс на ключевых постах вице-премьера и министра экономики (Б. Джелич) и вице-премьера, ответственного за евроинтеграцию (М. Лабус), оно скорее являло собой непрочный компромисс бывших союзников. Более того, правительство В. Коштуницы вынуждено было все больше опираться на открытую поддержку социалистов и негласную поддержку радикалов. Итоги парламентских выборов в Сербии в декабре 2003 г., а затем формирование коалиционного правительства В. Коштуницы, опирающегося на поддержку социалистов в парламенте, вызвало крайне негативную реакцию Запада, в том числе угрозы санкций со стороны Европейского союза⁵³⁴.

Новый всплеск насилия в Косове (17-18 марта 2004 г.), а также «демонстрационный» эффект расширения ЕС 1 мая 2004 г. способствовали перегруппировке политических сил. Победа на выборах Президента Сербии 27 июня 2004 г. объединенного кандидата центристских партий и негласного ставленника Брюсселя Бориса Тадича создала ситуацию шаткого баланса сил и на республиканском уровне, и на уровне самого государственного образования СиЧ, временно оттеснив на второй план как радикалов, так и социалистов.

Вместе с тем, именно в 2003 – 2005 гг., в период пребывания у власти переходного правительства З. Живковича и начальный период первого кабинета В. Коштуницы, Сербия в составе государственного образования Сербии и Черногории (СиЧ) сделала первые содержательные шаги по пути интеграции в Европейский союз.

В отчете Европейской Комиссии о прогрессе СРЮ в 2001 – 2002 гг. и СиЧ в 2003 г. было немало позитивного. В нем особо подчеркивались микро- и макроэкономические достижения федерального правительства в сфере реформирования валютной и налоговой политики, успехи в области приватизации, стабилизации динара, ограничения роста внешней задолженности.

Отдельной «похвалы» заслужили усилия Белграда по нормализации отношений внутри региона⁵³⁵. Несмотря на обострение отношений с Албанией в августе-сентябре 2003 г. относительно статуса Косова, к концу 2004 г. с ней было подписано четыре соглашения, в том числе о свободном пересечении границы на её черногорском участке, а также соглашение о свободной торговле.

⁵³⁴ Гуськова Е.Ю. Новые выборы или «внешнее управление» // НГ. 19.01.2004.

⁵³⁵ Serbia and Montenegro. Stabilization and Association report 2004 by commission of European communities. // Официальный сайт Европейского Союза. Режим доступа: URL: <http://europa.eu.int/comm/economy.htm/> (Дата обращения 10.01.2020).

Позитивно развивались отношения с Боснией и Герцеговиной, что выразилось в подписании двенадцати соглашений и протоколов, в том числе о пересечении границы на основании удостоверений личности и в возвращении беженцев. Динамично развивались и отношения с Хорватией: этому во многом способствовал первый с 1991 г. визит в Белград хорватского президента С. Месича, в ходе которого главы двух государств принесли взаимные извинения за преступления в отношении обоих народов в первой половине 1990-х гг. К концу 2004 г. было подписано девятнадцать соглашений (в том числе о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью), а шесть находились в процессе согласования (в том числе о границе по р. Дунай и о защите национальных меньшинств).

Устойчивый прогресс, по оценкам еврокомиссаров, наблюдался в отношениях со Словенией и Македонией. Практически без проблем развивались отношения с Болгарией, были сняты последние проблемы с установлением безвизового режима с Румынией, преодолены частичные разногласия с Венгрией относительно статуса венгерского меньшинства в Воеводине. Важным достижением стало подписание в конце 2003 г. и ратификация Парламентом СиЧ в марте 2004 г. Соглашений о свободной торговле практически со всеми западно-балканскими странами, а также с Румынией, Болгарией и Молдовой. Тем самым к началу 2005 г. СиЧ в целом выполнила требования по развитию регионального сотрудничества, являвшиеся критерием для заключения Соглашения о стабилизации и ассоциации⁵³⁶.

Вместе с тем, в течение 2004 г. постепенно меняется тон выступлений функционеров ЕС, ответственных за интеграцию Сербии и Черногории в ЕС. «Сербия стала заложником своего прошлого», – так определил ситуацию в стране британский министр по делам Европы Денис Макшейн. По его словам, на данном этапе «ключевыми моментами на пути Сербии и Черногории в Европу являются сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии, демократическое и мирное Косово и эффективно действующее содружество государств».

О том же заговорил в апреле 2004 г. и комиссар по внешним связям Крис Паттен, ответственный в ЕК, в том числе, за расширение ЕС: «Спустя более чем три года после падения режима Слободана Милошевича сделан весьма скромный шаг на пути к Европе, уже более года существует содружество Сербии и Черногории, но оно не функционирует

⁵³⁶ Serbia and Montenegro. Stabilization and Association report 2004 by commission of European communities //Официальный сайт Европейского Союза. Режим доступа: URL: <http://europa.eu.int/comm/economy.htm/> (Дата обращения 10.01.2020).

надлежащим образом»⁵³⁷. Это стало формальным поводом для принятия решения Советом ЕС в Маастрихте 11 октября 2004 года о политике «двойной колеи» в отношении Сербии и Черногории. В соответствии с заявлением Криса Паттена⁵³⁸, это означало, что Евросоюз будет проводить интеграционную политику с Сербией и Черногорией отдельно, но не свидетельствовало пока об отказе ЕС от курса на сохранение содружества.

Постепенное ухудшение риторики в отношении Белграда плохо коррелировало с тем, как официально ЕС оценивал деятельность государственного содружества Сербии и Черногории. После визита в страну комиссар по делам расширения ЕС Олли Рен (с 22 ноября 2004 по 9 февраля 2010 гг.) дал положительную оценку в Отчете о готовности к заключению Соглашения о стабилизации и присоединении к ЕС⁵³⁹. Сам Отчет был утвержден на заседании Совета ЕС 25 апреля 2005 года⁵⁴⁰.

Важно, в нем положительно оценивались как действия членов содружества по налаживанию нормального функционирования государства, так и меры правительства Сербии по определению статуса Косова в соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 от 10 июня 1999 г.⁵⁴¹. В Отчете о готовности к заключению Соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС, среди прочего, отмечалось, что позитивно развивается сотрудничество СиЧ с Гаагским трибуналом:⁵⁴² за 10 месяцев МТБЮ было выдано десять новых обвиняемых (всего трибуналу на тот момент было выдано два бывших президента СРЮ, т начальника генерального штаба и более 100 высших офицеров). Началась подготовка к заключению ССА.

Однако весной 2006 года, то есть меньше, чем через год, ситуация в отношениях между Сербией и ЕС радикально изменилась: оказалось, что Белград в недостаточной мере сотрудничает и с Гаагским трибуналом, и по вопросу урегулирования косовской проблемы. Формальным поводом для замораживания переговоров о подписании Соглашения о стабилизации и ассоциации в начале мая 2006 года послужило обвинение Сербии со стороны ЕС в отказе сотрудничать в поисках и выдаче генерала Ратко Младича.

⁵³⁷ Прохоров А. Балканские грезы //Европа. №40. Июнь 2004. Официальный сайт Представительства Европейской Комиссии в России. Режим доступа: URL: http://www.delrus.cec.eu.int/em/44/eu01_40.htm(дата обращения 10.01.2020).

⁵³⁸ Commissioner Patten announces launch of Feasibility Report on Serbia and Montenegro / IP/04/1202 - Brussels, 11 October 2004 // Официальный сайт Европейского Союза. Режим доступа: URL: http://europa.eu.int/comm/external_relations/news/index.htm(дата обращения 10.01.2020).

⁵³⁹ Министарство за европске интеграције. Историјат сарадње. // Официальный сайт Министерства европейской интеграции Республики Сербии. Режим доступа: URL: <http://www.mei.gov.rs/srp/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/>(Дата обращения 10.01.2020).

⁵⁴⁰ Vreme. Beograd. N 745. 14.04.2005.

⁵⁴¹ Vreme. Beograd. N 747. 28.04.2005.

⁵⁴² Министарство за европске интеграције. Историјат сарадње. // Официальный сайт Министерства европейской интеграции Республики Сербии. Режим доступа: URL: <http://www.mei.gov.rs/srp/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/>(Дата обращения 10.01.2020).

Этот ультиматум, предъявленный Брюсселем Белграду, имел катастрофические последствия для единого с черногорцами государства. Приостановка переговоров произошла за три недели до проведения референдума о независимости в Черногории. Именно активное нагнетание мысли о том, что «Подгорица – вечный заложник проблем Белграда» привело на референдуме в Черногории к ничтожному перевесу голосов в 0,3 % в пользу сторонников отделения. Отделение Черногории и связанное с этим формальное прекращение существования федеративного государства поставило под вопрос легитимность суверенитета Сербии над Косово, т.к. резолюция 1244 СБ ООН предусматривала, что Косово является суверенной частью федеративного государства.

Прекращение переговоров между Сербией и ЕС о подписании Соглашения о стабилизации и ассоциации положило начало длительному кризису в их отношениях, а также дало толчок обострению внутривнутриполитической ситуации в Сербии, главной составляющей которых стала проблема определения статуса автономного края Косово и Метохия. Кроме того, приостановка переговоров, как и «мирный» развод Белграда и Подгорицы, со всей очевидностью продемонстрировали второстепенность того, готовы ли общество и политические элиты осуществлять институциональные трансформации или нет. Существенными являются лояльность политических элит и следование в фарватере Европейского союза в решении вопросов югославского наследия.

Замораживание переговоров о подписании Соглашения о стабилизации и ассоциации в начале мая 2006 г. и переход к откровенному давлению относительно выдачи Гаагскому трибуналу Р. Младича и определения статуса Косова спровоцировали очередной внутривнутриполитический кризис в Сербии. На этот раз его средоточием стали противоречия между Б. Тадичем и В. Коштуницей, которые нагнетались в течение двух лет, до весны 2008 года и практически блокировали какие-либо реформы в стране.

Вообще вопрос о сотрудничестве Сербии с МТБЮ был с самого начала не только постоянным предметом переговоров между Гаагой и Белградом, но и неременным условием оказания Сербии финансовой помощи со стороны стран Запада и переговоров об её интеграции в ЕС. Однако уже первый успех в этом процессе – передача в руки трибунала бывшего президента СРЮ С. Милошевича в июне 2001 г. – как было описано выше, вызвал раскол демократической коалиции и острый политический кризис в Сербии. Стремясь снизить внутреннюю напряженность, вплоть до 2006 года Европейский союз не оказывал серьезного давления на Белград в вопросе о выдаче ключевых фигур Трибуналу. Это происходило при посредничестве Великобритании и Франции, несколько

сдерживавших активность главного прокурора МТБЮ Карлы дель Понте⁵⁴³. В противном случае Лондон и Париж опасались непредсказуемого распада демократической коалиции и нежелательного усиления консервативного крыла В. Коштуницы и радикалов во главе с В. Шешелем. Со своей стороны Белград регулярно «жертвовал» малым: в феврале 2005 года в Гаагу была передана очередная группа сербских военных и политических деятелей, обвиняемых в военных преступлениях.

Весной 2006 года Брюссель усилили давление на Белград не только с целью «оформить» окончательный распад некогда федеративного государства, т.е. способствовать отделению Черногории, но и для того, чтобы изменить соотношение политических сил в Сербии в пользу последовательных и жестких сторонников евроинтеграции. Однако если первая цель была достигнута немедленно, то вторая – с большой задержкой.

Свою лепту внесло и давление по решению другой, не менее важной проблемы – нахождению развязки в вопросе об окончательном статусе автономного края Косово и Метохия. Она оказалась в центре внимания, также как и сотрудничество с МТБЮ, уже в первые дни после революции 5 октября 2000 г. Кризис в Косово, частично урегулированный на территории автономного края в результате установления контроля над ним со стороны Миссии ООН по делам временной администрации Косово (МООНВАК) и КФОР, зимой 2000/2001 гг. перекинулся на соседние с ним районы Сербии и Македонии. Усилиями Координационного центра по вопросам края Косово и Метохии и руководства СРЮ совместно с руководством КФОР и администрацией ООН в Косово в начале марта 2001 г. конфликт был локализован: албанские боевики из так называемой Армии освобождения Прешево, Медведжи и Буяноваца были выведены из Прешевской долины, а части Югославской армии установили контроль на административной границе между Косово и Сербией, а также на косовском участке македонско-югославской границы⁵⁴⁴.

Координационному центру по вопросам Косово и Метохии в целом удалось наладить конструктивный диалог с представителями международных сил в Косове, Контактной группой и начать сложный процесс поиска компромисса, исходя их формулы «сначала стандарты – потом статус»⁵⁴⁵.

⁵⁴³ Дель Понте К. Охота: я и военные преступники / Карла дель Понте, Чак Судетич; [пер. с англ. Т.О. Новиковой, С. Артемова]. М.: Эксмо. 2008. С. 499-543.

⁵⁴⁴ Orlović S. Parties and the party system of Serbia and European Integrations // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2008. N10 (2).

⁵⁴⁵ О ходе переговоров об урегулировании проблемы автономного края Косово и Метохия см.: Човић Н. На тешком путу. Београд: Чигоја штампа. 2004.

Отсутствие прогресса во внутрикосовском диалоге, а также в отношении минимальных подвижек к сербо-алабанскому примирению в крае стали толчком к переосмыслению дипломатической позиции Белграда к началу 2003 года, до этого основанной на концепции мультиэтничности и «стандартов», и переходу к стратегии определения окончательного статуса края Косово и Метохия в прямом диалоге с Вашингтоном, Москвой и Брюсселем на основе его раздела⁵⁴⁶. Принятый в конце декабря 2002 г. правительством Сербии документ «Стратегия для Косово и Метохии»⁵⁴⁷ предполагал конституционализацию сербской общины в административной системе КиМ в так называемом «дейтонском варианте» по формуле – «больше чем автономия, меньше чем республика».

После убийства 12 марта 2000 года З. Джинджича борьба между различными политическими силами сербов в края усилилась, что было отражением партийно-политических процессов, происходивших в Белграде. Как результат, в течение двух лет на уровне руководителей муниципальных образований и лидеров различных общественных структур в сербских анклавах произошла смена политического спектра власти: ориентировавшиеся на «жестких» или условно «жестких» реформаторов типа Б. Тадича (Демократическая партия), Н. Човича (Демократическая альтернатива), М. Батича (Демохристианская партия) деятелей сменили сторонники премьер-министра В. Коштинцы и движущейся в сторону консерваторов-традиционалистов правящей Демократической партии Сербии⁵⁴⁸.

Период внутривнутриполитических интриг и межпартийной борьбы в крае в 2004 – 2006 гг. крайне негативно сказался на переговорной позиции Белграда. Неспособность сформулировать четко артикулированную и единую позицию привела к утрате Белградом инициативы в переговорах и сместила акцент среди международных переговорщиков на США, ЕС и ООН. Провал политики «сначала стандарты – потом статус» дал основание Генеральному секретарю ООН К. Аннуну и СБ ООН принять решение о начале прямых переговоров о будущем статусе Косова⁵⁴⁹ и назначить в ноябре 2005 г. М. Ахтисаари спецпредставителем Генерального секретаря ООН⁵⁵⁰.

⁵⁴⁶ Чосић Д. Косово. Београд, 2004. С. 190-192; Зоран Джинджич о Косову. Београд, 2003. Стр. 12-17.

⁵⁴⁷ Зоран Джинджич о Косову. Београд, 2003. Стр. 12-17.

⁵⁴⁸ См.: Церовина Ј., Радомировић Б. Нема неприкосновеног лидера // Политика. 02.03.2008.

⁵⁴⁹ Письмо Генерального секретаря от 31 октября 2005 года на имя Председателя Совета Безопасности // Официальный сайт архива ООН. Режим доступа: URL: <http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=S/2005/708&Lang=R/> (дата обращения 10.01.2020).

⁵⁵⁰ Павловић М., Марковић П. Ј. Косово и Метохија: прошлост, памћење, стварност / 1. изд. Нови Сад: Препород ММ. 2006. Стр. 551.

Дальнейший ход переговоров о статусе Косово под эгидой М. Ахтисаари, начатый в феврале 2006 г.,⁵⁵¹ стал фактической подготовкой к провозглашению независимости Косова, что нашло свое отражение в обнародованном в январе 2007 в СБ ООН г. т.н. «плане Ахтисаари». Согласно плану, Косово должно было стать отдельным государственным объектом, однако находиться под наблюдением международного сообщества в лице сил НАТО, ООН и ЕС⁵⁵². Сербия, со своей стороны, отвергла предлагаемую международной комиссией резолюцию. Однако косовский вопрос был настолько тяжелым для политических элит Сербии, что даже прессинговые меры со стороны Брюсселя, выразившиеся в «заморозке» переговоров о ССА под предлогом недостаточно конструктивной позиции Белграда по Косову, не помогли разрешить кризис сербской власти.

Процесс формирования правительства после парламентских выборов в январе 2007 года затянулся на четыре месяца и завершился 15 мая 2007 г., лишь за полчаса до истечения отведенного срока, созданием очередного коалиционного кабинета В. Коштуницы. О компромиссном характере и шаткости новой коалиции свидетельствовал тот факт, что из 25 мест в правительстве Демократическая партия (лидер – президент Сербии Борис Тадич) получила 13, блок из Демократической партии Сербии (лидер – премьер-министр Воислав Коштуница) и «Новой Сербии» (лидер – министр инфраструктуры Велимир Илич) – 8, а партия «Группа 17 плюс» (лидер – министр экономики и регионального развития М. Динкич) – 4 места. Важной уступкой реформаторским силам было назначение на пост вице-преьера по вопросам евроинтеграции одного их соратников З. Джинджича Божидара Джелича.

Принцип работы коалиционного правительства основывался на пяти закрепленных в ходе переговоров о его формировании договоренностях: сохранение Косова в составе Сербии, евроинтеграция, борьба против коррупции и оргпреступности, усиление социальной и экономической политики и сотрудничество Сербии с Гаагским трибуналом. В то же время сам характер формирования правительства фактически напоминал собой процесс феодального раздела определенных функций и финансово-экономических сфер влияния.

Данный компромисс, как оценивал С. Орлович, на практике был пирровой победой коалиции. Победа заключалась лишь в том, что вошедшие в правительство партии смогли

⁵⁵¹ См.: Никифоров Л. Косово: де-юре и де-факто // Официальный сайт новостной ленты Информационного Агентства Регнум. Режим доступа: URL: <http://www.regnum.ru/http://www.regnum.ru/news/745273.html> (дата обращения 10.01.2020).

⁵⁵² В СБ ООН внесена новая резолюция по статусу Косово // РИА Новости. 17.07.2017. Режим доступа: URL: https://ria.ru/trend/new_resolution_Kosovo_UNO_20070717 (дата обращения 10.01.2020).

собрать минимально необходимое большинство в парламенте. При этом премьер-министр «царствует, но не правит», поскольку министры–представители других партий на практике реализуют свои партийные интересы и в соответствии с «железным законом пропорциональности» перераспределяют в свою пользу сферы влияния в экономике, госучреждениях, дипломатической сфере, силовых структурах (кроме реального контроля над Агентством безопасности и информации)⁵⁵³. Фактически в Сербии вновь сложилось два центра власти – премьер-министра В. Коштуницы и президента Б. Тадича, при том, что партия Г17-плюс (М. Динкич) играла роль медиатора этого хрупкого баланса сил.

Очевидно, что в этих условиях сложно было говорить об эффективной работе государственных органов. Окончательная расстановка политических сил в стране определилась в результате двух туров президентских выборов в январе – начале февраля 2008 г., а также внеочередных парламентских выборов 11 мая 2008 г., которые проходили в обстановке нового острого политического кризиса, вызванного провозглашением 17 февраля 2008 г. независимости Косова.

Все это время Б. Тадич находился в крайне выгодной позиции, не предъявляя претензий на публичность и довольствуясь преимущественно представительскими функциями президента в соответствии с сербской Конституцией. Он не форсировал процесс отстранения кабинета В. Коштуницы от власти, перекладывая на него все трудности «транзита» в условиях жесткого давления со стороны Европейского союза: проблемы Косова, Гаагского трибунала, «развода» с Черногорией, экономические проблемы – «все эти «горячие картофелины», по мнению Дж. Вукадиновича, все это время «обжигали руки» Воислава Коштуницы и правительства»⁵⁵⁴.

В январе-начале февраля 2008 г. состоялись два тура внеочередных президентских выборов, на которых с незначительным преимуществом победу одержал Б. Тадич, а представитель СРП Т. Николич, получивший лишь на 200.000 голосов меньше, оказался на втором месте. Проигравшим оказался В. Коштуница, который отказался помочь своему партнеру по правительственной коалиции и оказал поддержку заведомо проигрышной кандидатуре лидера Новой Сербии Б. Илича.

На 11 мая 2008 года было назначено проведение новых внеочередных парламентских выборов. В качестве своеобразной компенсации за провозглашение независимости Косова в одностороннем порядке 17 февраля 2008 года и для того, чтобы

⁵⁵³ Орловић С. Једна влада а два господара // Официални сајт Славиши Орловића «Politikolog». Режим доступа: URL: <http://www.politikolog.com/Једна-влада-а-два-господара.pdf/> (Дата обращения 10.04.2010).

⁵⁵⁴ Vukadinović Ђ. Iz ličnog ugla – Kratak pregled raspadanja (4): Od Barbike do Borisa Groznog // Официални сајт газете «Vreme». Режим доступа: URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=835265&print=yes> (дата обращения 11.01.2010).

закрепить складывающуюся внутривластическую комбинацию, Европейский союз подписал 27 апреля 2008 года Соглашение о стабилизации и ассоциации с Сербией, чем стимулировал победу на парламентских выборах проевропейских политических сил.

Парламентские выборы в мае 2008 г. и формирование коалиционного правительства М. Цветковича фактически завершили целую эпоху в трансформации партийно-политической системы Сербии. Характерный для 90-х гг. XX в. и начала 2000-х процесс поляризации и фрагментации политической сцены сменился новым периодом, отличительной чертой которого стали укрупнение политических партий и создание центристских парламентско-правительственных коалиций.

Партийная система Сербии по своему характеру фактически приблизилась к модели ограниченного плюрализма. В результате длительного процесса формирования коалиционного правительства проевропейских партий было достигнуто соглашение об участии в нем Социалистической партии Сербии Ивицы Дачича. В прошлом это была партия С. Милошевича, которая преодолела наследие «старого режима», превратившись в типичную европейскую социал-реформистскую партию. Произошедший после парламентских выборов летом 2008 г. раскол Радикальной партии Сербии привел к закономерной маргинализации радикально-националистического крыла «твердолобых» сторонников В. Шешеля и возникновению умеренно-консервативной Сербской прогрессивной партии Т. Николича.

Соответственно, если хорваты сформировали устойчивую проевропейски настроенную коалицию еще в 2005 году, то у сербов в этот же период коалиция, которая еще пять лет назад совместно свергала С. Милошевича, окончательно распалась. Обустроить достаточную для проведения последовательно проевропейской политики партийно-политическую сцену в Сербии удалось только к 2008 г., что стало одной из важнейших причин обнуления шансов Белграда на присоединение к ЕС в среднесрочной перспективе.

Параллельно тому, как Белград постепенно вяз в переговорах с Европейским союзом, Загреб начал активно приближаться к членству. Впервые переговорный процесс со страной-кандидатом был разбит на 35 глав, что было на четыре больше, чем со странами ЦВЕ. Также соглашение о начале переговоров предусматривало поправку, в соответствии с которой ЕС в одностороннем порядке мог приостановить переговоры в случае кардинального несоответствия кандидата демократическим нормам и принципам, включая соблюдение прав человека. Наиболее важным нововведением стала глава «Система правосудия и фундаментальные права», которой в качестве отдельной прежде не существовало. Эта и 24 глава «Правосудие, свобода и безопасность», на удивление,

были открыты в самом конце, хотя подразумевали наиболее объемные и комплексные институциональные реформы. Это ещё раз убедительно свидетельствует о том, что в первую очередь, Брюссель делал ставку на трансформацию политических элит и только потом – институтов.

То, что длительность переговоров с Хорватией была существенно выше – шесть лет – чем у предшествовавших ей кандидатов, в первую очередь связано не с отсутствием консенсуса по поводу ее возможного вступления (несмотря на некоторую несогласованность среди британцев и настороженное отношение Словении, он в принципе был), хотя тот факт, что количество государств-членов увеличилось вдвое, конечно, сыграл свою роль. Основной причиной стало введение системы тестирования (т. н. «опросных листов», тестов при открытии каждого положения каждой главы и при закрытии), что естественным образом существенно бюрократизировало процедуру. «Европейская комиссия заключила, что Хорватия должна пройти около 400 опросных листов. Однако они не всегда были измеримы с точки зрения количественных и качественных показателей, сбалансированы и проработаны, что существенно снижало возможность выведения репрезентативной оценки»⁵⁵⁵, – в этом с западными исследователями вполне можно согласиться.

После выдачи Гаагскому трибуналу генерала Анте Готовины перед Загребом оставался, по большому счету, выставленному ему ЕС, один нерешенный вопрос из числа существенных – пограничный спор со Словенией. С декабря 2008 по сентябрь 2009 года словенцы блокировали продвижение Загреба к членству в основном из-за разногласий по демаркации морской границы в Пиранском заливе. После того как пост премьер-министра Хорватии заняла Ядранка Косор (1 июня 2009 года), и при посредничестве ЕС, данный спор был урегулирован. В целом внешнеполитический курс Хорватии второй половины нулевых годов был ориентирован на вступление в ЕС и НАТО в качестве единственного приоритета.

Во многом поэтому можно говорить и о существенном прогрессе в политических отношениях с Белградом. Хотя позитивная волна начала президентства Стипе Месича к концу его второго срока сменилась стагнацией, поскольку ее появление было во многом связано исключительно с требованиями ЕС.

⁵⁵⁵ Butković H., Samardžija V. Challenges of continued EU enlargement to the Western Balkans Croatia's experience// Research gate. Net. Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/profile/Hrvoje_Butkovic/publication/309196434_Challenges_of_continued_EU_enlargement_to_the_Western_Balkans_-_Croatia's_experience/links/5804c57e08aed2e9ea779b1e.pdf(Дата обращения 10.01.2020).

В конце нулевых годов сербско-хорватские отношения заметно улучшаются, при этом в данный период это в большей степени было связано с внутренними политическими тенденциями в республиках, чем с нажимом со стороны Брюсселя. Во-первых, президентом Хорватии становится Иво Йосипович, интеллектуал либеральных взглядов и профессор Загребского университета. С другой – к 2008 году в Белграде, как сказано выше, обустроивается партийно-политическая сцена во главе с Борисом Тадичем, который берет однозначный курс на вступление в ЕС и укрепление регионального сотрудничества.

Вследствие этой динамики уже к июню 2011 года переговоры о присоединении Хорватии к ЕС были технически завершены. Договор о присоединении подписан 9 декабря 2011 года и ратифицирован спустя год с небольшим. С 1 июля 2013 года Хорватия стала на тот момент 28 членом Европейского союза.

«Для Европейского союза было крайне важно продемонстрировать, что политика расширения не утратила актуальность, и Брюссель выполняет взятые на себя обязательства, – отмечают в этой связи в научных изданиях стран ЕС. – Присоединение Хорватии было призвано свидетельствовать о том, что ЕС до сих пор кредитоспособен и силен настолько, что способствует стабилизации соседних регионов, участвуя в экономической, политической и социальной трансформации стран, которые впоследствии становятся членами ЕС»⁵⁵⁶.

Поскольку требования по закрытию нововведенной главы «Правосудие и фундаментальные права» были очень строгими, то Хорватии, в отличие от Болгарии и Румынии, удалось избежать контрольного механизма по мониторингу антикоррупционной политики, борьбе с организованной преступностью и судебным реформам. Однако, как фиксируют некоторые исследователи, это привело к тому, что Хорватия оказалась более успешна в проведении тех реформ, которые контролируются Евросоюзом, чем в тех, что остались в сфере ее ответственности⁵⁵⁷.

Сомнительный эффект принесло вступление Хорватии в ЕС в экономическом плане: в отличие от всех предыдущих расширений, Загреб присоединился к Европейскому союзу в период экономического кризиса и кризиса суверенной задолженности, поэтому никакого синергетического эффекта от сложения экономик хорваты не испытали. В свою очередь, это стало одним из факторов того, что само вступление Хорватии в ЕС сопровождалось, если не скептицизмом со стороны населения республики, то равнодушным отношением. «В то время как политические элиты преследовали цель

⁵⁵⁶ Соколова П. К вступлению Хорватии в Европейский Союз // Официальный сайт ИМЭМО РАН. Раздел «Комментарии». Режим доступа: URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/comment/comm_2013_015.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

⁵⁵⁷ Butković H., Samardžija V. Op. cit.

вступления в Европейский союз как основную, большая часть населения в их странах [Йович имеет в виду славянское население бывших югославских республик – *Е. Г. Энтина*] оставалась скептически настроенной и даже равнодушной. Разрыв между представлениями элит и общества по некоторым европейским вопросам – не что-то уникальное, свойственное только Западным Балканам. Весь европейский проект был построен преимущественно элитами, которые до сегодняшнего дня испытывают трудности с убеждением собственного населения в том, что углубление и расширение – верная стратегия для Европы. Это явление парадоксальным образом объединяет западную часть Европы и Балканы. В отличие от элит, общественное мнение по вопросу расширения ЕС и вступления в Союз практически повсеместно в последние десять лет демонстрирует все меньший энтузиазм»⁵⁵⁸.

На референдуме по вступлению в Европейский союз 22 января 2012 года хорватские избиратели проголосовали положительно. На первый взгляд, в абсолютных цифрах поддержка была высокой: 66,3% из проголосовавших «за» и 33,1% - «против». «Но на референдум вышло только 43,5 % избирателей. Это на 11% меньше, чем на предшествовавших референдуму парламентских выборах 2011 года. Явка была ниже даже побившей до этого все рекорды венгерской, когда на референдум вышли 45.6% венгерских граждан. Даже если принять во внимание то обстоятельство, что хорватский избирательный список очень специфичен и включает солидное число хорватских граждан, живущих за рубежом и никогда не голосующих, все равно цифра будет очень маленькой для страны, которая так долго ждала своего членства в ЕС. За вступление в ЕС проголосовала 1,299,008 избирателей, что составляет всего 28,8% от общего числа хорватских избирателей. Против проголосовали 649,490 человек, соответственно 14,4% ... Данные цифры в целом соответствовали и всем предшествующим экзит-поллам, особенно тем, что проводились после 2003 года. Если в период 2000 – 2003 гг. поддержка была исключительно высокой – свыше 75%, то после парламентских выборов 2003 года она начала падать, практически постоянно до начала 2011 года»⁵⁵⁹.

Причин для фактического равнодушия хорватских граждан было несколько. Помимо тех, что перечислены в начале данного параграфа, очевидной причиной становится экономический кризис ЕС и отсутствие немедленных преимуществ от вступления для населения. Добавило негатива и серьезное реформирование сельского

⁵⁵⁸ Jovic D. Accession to the European Union and Perception of External Actors in the Western Balkans // *Croatian International Relations Review*. 2018. N 25 (83). pp. 6-32.

⁵⁵⁹ Jović D. Hrvatski referendum o članstvu u Europskoj Uniji i njegove posljedice za smanjeni Zapadni Balkan // *Analiza hrvatskog politikološkog društva*. 2012. Str.164.

хозяйства, в среднесрочной перспективе снизившего конкурентоспособность хорватских товаров на рынке и больно ударившее по аграриям.

Вместе с тем, голосование среди рядовых граждан Хорватии было положительным не только по тем причинам, которые были характерны для политических элит, но и, как считают Наташа Замбелли и Деян Йович, гораздо более прозаическим, свойственным для Балканского региона. «В воображении хорватского общественного мнения Запад не был единственным позитивным концептом, но был гораздо привлекательнее, чем Восток и особенно Балканы. В воображении европейских политиков Балканы становились «новым Востоком», развивали черты ориентализма. Балканы выглядели такими не только в глазах самих хорватов, но и многих западноевропейцев. Таким образом, Запад был альтернативой «Балканам», с которыми теперь идентифицировалась «Сербия»⁵⁶⁰.

Интересно и то, что отношение к европейской интеграции среди сербского населения Западных Балкан, не многим отличалось от хорватского. Результаты имеющихся опросов общественного мнения в Сербии по вопросу европейской интеграции показывают, что в период 2002 – 2009 гг. средний уровень поддержки был довольно высоким и составлял 68,12 %. Пиком был 2009 год, когда в декабре Сербия получила режим визовой либерализации. По некоторым оценкам, он достигал уровня 71 - 73%⁵⁶¹. Однако, уже спустя год, с началом активного диалога между Белградом и Приштиной при посредничестве Европейского союза энтузиазм среди сербского населения резко падает – до 57% и уже не поднимается выше среднего показателя 49,55% в период с 2010 до 2018 гг. (см. График 1)⁵⁶². При этом процент тех, кто равнодушно относился к вступлению в Европейский союз и не видел от этого особых выгод, постоянно превышал 20%⁵⁶³.

⁵⁶⁰ Jovic D. (2018) Op. cit.

⁵⁶¹ Istraživanje javnog mnjenja Identiteti građana Srbije u kontekstu evropskih integracija // Centar za slobodne izbore i demokratiju. Beograd, 2009.

⁵⁶² Pjević D., Subotić S. EU Sentiments of Serbia's Citizens. Unpacking the Motivations Behind the Ayes, the Nays, and the Undecided // Policy Brief, European Policy Centre. March 2019. Режим доступа: URL: <https://cep.org.rs/wp-content/uploads/2019/03/EU-Sentiments-of-Serbia%E2%80%99s-Citizens.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

⁵⁶³ STAV GRAĐANA SRBIJE Prema evropskoj uniji maj 2018. RESEARCH no 11 istraživanje javnog mnjenja // Institut za evropske poslove. Режим доступа: URL: <http://iea.rs/wp-content/uploads/2018/05/11-Stav-gradjana-Srbije-o-EU-2018.pdf> (Дата обращения 10.01.2020) и Eurobarometer, 82, 90, 91 // Официальный сайт «Евробарометр». Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=standard&search=Eurobarometer> (Дата обращения 10.01.2020).

График 1. Поддерживаете ли Вы вступление Сербии в ЕС (данные опросов за 2002 – 2018 г.)

(Количественная выборка – 5000 респондентов. Доля от общего числа, %)

Источник: Институт исследования европейских отношений (Белград, Сербия).

Эти показатели в целом коррелируют и с данными опросов, проведенных другими НПО⁵⁶⁴, и с Евробарометром⁵⁶⁵, хорошо соотносясь и с тем, как развивалось посредничество Европейского союза и в целом отношения с Сербией в обозначенный период.

В 2009 году была опубликована Концепция укрепления потенциала ЕС в области посредничества, где было дано его определение. Оно звучит так: «Это форма вмешательства третьей стороны в конфликт с заявленной целью способствовать его урегулированию путем переговоров».⁵⁶⁶ Общая цель посредничества заключается в том, чтобы дать сторонам, участвующим в конфликте, возможность достичь соглашений, которые бы удовлетворяли принципиальным позициям сторон, и они готовы были брать на себя обязательства по их выполнению.

Данная концепция стала основой для новой роли Европейского союза в переговорах по Косовскому вопросу. Диалог между Белградом и Приштиной при посредничестве ЕС начался после принятия ГА ООН на ее 120-й пленарной сессии 9

⁵⁶⁴ STAV GRAĐANA SRBIJE Prema evropskoj uniji maj 2018. RESEARCH no 11 istraživanje javnog mnjenja. // Institut za evropske poslove. Режим доступа: URL: <http://iea.rs/wp-content/uploads/2018/05/11-Stav-gradjana-Srbije-o-EU-2018.pdf> (Дата обращения 10.01.2020) или Istraživanje javnog mnjenja Identiteti građana Srbije u kontekstu evropskih integracija // Centar za slobodne izbore i demokratiju. Beograd, 2009.

⁵⁶⁵ Standard Eurobarometer 72, 82, 90, 91. // Официальный сайт «Евробарометр». Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/comfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=standard&search=Eurobarometer> (Дата обращения 10.01.2020).

⁵⁶⁶ Concept on Strengthening EU Mediation and Dialogue Capacities // Council of the European Union. 10.11.2009. Режим доступа: URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/cfsp/conflict_prevention/docs/concept_strengthening_eu_med_en.pdf (дата обращения: 10.01.2020)

сентября 2010 г. Резолюции 64/298, в которой признается консультативное заключение Международного суда ООН по Косово и приветствуется готовность ЕС способствовать диалогу.

«В сентябре 2010 года Европейский союз инициировал первые «технические» переговоры между Сербией и Косово. Переговоры проводились в Брюсселе и касались трех основных вопросов: региональное сотрудничество, свобода передвижения и соблюдение законов. Сторону Сербии представлял политический директор МИД Борко Стефанович, а косовскую сторону возглавлял заместитель главы правительства Эдита Тахири»⁵⁶⁷.

Переговоры были разделены на две части: политические вопросы и предшествовавшие им технические вопросы. Через решение технических вопросов Брюссель предполагал наладить межэтнические отношения и эффективное общение в крае. По мнению европейцев, выход на нормальное бытовое общение обеспечил бы и более легкое окончательное решение Косовского вопроса. Правда, среди специалистов состоятельность такого подхода с самого начала вызывала сомнения. Так, спустя совсем немного времени Леон Малазогу и Флориан Бибер опубликовали исследование, доказывающее сомнительную эффективность подобного подхода⁵⁶⁸.

В результате технических переговоров были согласованы договоры в следующих областях: книги регистрации актов гражданского состояния, свобода передвижения, таможенное регулирование, кадастр, функционирование ЦЕАСТ, признание университетских дипломов, интегрированный контроль административной границы, региональное представительство и сотрудничество, наконец, соглашение о нормализации отношений. Всего было проведено 10 раундов переговоров в Брюсселе. Первые договоры удалось подписать почти через полгода – 2 июля 2011 г. (свобода передвижения и акты гражданского состояния). В ходе шестого раунда переговоров 2 сентября 2011 г. стороны подписали таможенные и кадастровые соглашения; в ходе седьмого, 21 и 22 ноября 2011 г., вышли на договор о взаимном признании дипломов; 8 раунда, 30 ноября и 2 декабря 2011 г. – об интегрированном контроле административной границы; 9 раунда, 21-24 февраля 2012 г. – о региональном представительстве и сотрудничестве. В результате 2 марта 2012 г. Сербия получила статус кандидата в члены ЕС. В ходе 10 раунда

⁵⁶⁷ Сербия и Косово начинают первые в истории прямые переговоры // Вести.RU. 08.03.2010. Режим доступа: URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=434446&tid=62113>(дата обращения 10.01.2020).

⁵⁶⁸ Malazogu L., Bieber F. The Future of Interaction Between Prishtina and Belgrade. Confidence Building Measures in Kosovo // Prishtina: Democracy for Development and Project on Ethnic Relations – Kosovo. September 2012. No. 3.

переговоров 19 апреля 2013 г. удалось подписать Соглашение о нормализации отношений между Белградом и Приштиной.

По мнению российской исследовательницы Е. Новиковой, в ходе данных технических переговоров получили одобрение несколько соглашений, имеющих принципиальное значение. По её мнению, «признание Сербией таможенных печатей Косово - едва ли не самый противоречащий сербским национальным интересам шаг, сделанный сербскими властями, это означает фактическое признание Косово государством, так как иметь таможенные печати может только государство, а не иное территориальное образование»⁵⁶⁹. В этом с ней трудно не согласиться.

В рамках завершающих девятого и десятого раундов Белград и Приштина пришли к соглашению о том, что Белград не будет препятствовать участию Приштины в работе региональных организаций⁵⁷⁰. Последнее соглашение в рамках проведенных переговоров было воспринято как огромный успех Косова, поскольку предполагалось, что делегаты от самопровозглашенной республики смогут работать под табличкой «Косово». Однако сербская сторона настояла на наличии отсылки к Резолюции Совбеза ООН 1244, а не на решение Международного суда ООН,⁵⁷¹ и в итоге косоварам не удалось избежать дополнительных расшифровок к статусу участника региональных соглашений.

В октябре 2012 года начался политический диалог между премьер-министрами в Белграде и Приштине, который был призван стать следующей, более продвинутой ступенью переговоров. В декабре были достигнуты первые договоренности по совместному управлению пограничными пунктами, активизации сотрудничества в отношении без вести пропавших лиц, а также по урегулированию вопросов энергоснабжения и телекоммуникаций⁵⁷².

Итогом политического диалога стало подписание 19 апреля 2013 года в Брюсселе первого Соглашения о принципах нормализации отношений между Белградом и Приштиной, которое часто называют «Брюссельскими соглашениями». Соглашение состоит из пятнадцати пунктов. Первые шесть из них посвящены созданию и функционированию сербских муниципалитетов. Пункты «7-9» касались косовской полиции и структур безопасности. «11-12» пункты освещали проведение муниципальных выборов в Косово в соответствии с косовским законодательством. 13 пункт касался развития дискуссии по вопросам энергетики и телекоммуникации. Последние два пункта

⁵⁶⁹ Новикова Е. Торг по-сербски //Expert Online. 28.02.2012. Режим доступа: URL: <http://expert.ru/2012/02/28/torg-po-serbski> (дата обращения 10.01.2020).

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ Новикова Е. Указ. соч.

⁵⁷² Пужайло О. Эволюция диалога по нормализации отношений между Приштиной и Белградом на современном этапе. М.: НИУ ВШЭ. 2018. С.68.

запрещали блокировать прогресс одной из сторон на пути в ЕС⁵⁷³. Договор Белграда и Приштины легализует многие элементы государственной атрибутики Косово. Со своей стороны, Косово этим договором формально давало добро на расширенные права косовских сербов. В свою очередь, Белград обязался расформировать «нелегальные и параллельные» силовые структуры на севере Косово. Помимо этого, Белград признавал единственной структурой безопасности косовскую систему полиции и правосудия, тем самым, как справедливо указывалось многими исследователями, признав косовский конституционный строй⁵⁷⁴. Наиболее существенным достижением с точки зрения европейской интеграции стало то, что стороны согласились «не блокировать прогресс другой стороны на пути в ЕС и не подстрекать других к подобным действиям»⁵⁷⁵.

Сам факт заключения Соглашения между Белградом и Приштиной от 19 апреля 2013 г. и предшествовавшие ему переговоры не могли не вызвать ожесточенные споры как в научных кругах, так и в прессе. Одни аналитики прежде всего обращали внимание на двойные стандарты и бескомпромиссность западных партнеров в отношении Сербии. Ими подчеркивалось: «Госсекретарь (на тот момент) Хиллари Клинтон показала типичный пример такого отношения, когда резко отвергла все мысли о компромиссе. «Мы против любых дискуссий на тему территориальных изменений и статуса независимости Косова, – заявила она в октябре 2012 г. во время встречи с косовским премьер-министром Х. Тачи. – Эти вопросы обсуждению не подлежат. Границы независимого и суверенного Косова четко определены и установлены». Большинство стран-членов Евросоюза, и прежде всего Германия, заняли столь же непримиримую позицию. В декабре 2011 г. канцлер Германии А. Меркель заявила официальным лицам в Белграде: «Путь Сербии в Евросоюз может проходить только через нормализацию отношений с Косово». Под словом «нормализация» она подразумевала признание Сербией косовской независимости без каких-либо изменений границ. Это – незаконное требование, и такие условия ни одному другому члену или кандидату в члены Брюссель никогда не ставил. Более того подобное требование резко противоречит решению ЕС относительно членства Кипра. От Никосии никто не требовал признавать независимость Турецкой Республики Северного

⁵⁷³ The Republic of Kosovo. The Office of the Prime Minister. First agreement of principles governing the normalization of relations. 19.04.2013. // Официальный сайт премьер-министра Косова. Режим доступа: URL: http://www.kryeministri-ks.net/repository/docs/FIRST_AGREEMENT_OF_PRINCIPLES_GOVERNING_THE_NORMALIZATION_OF_RELATIONS,_APRIL_19,_2013_BRUSSELS_en.pdf(дата обращения 10.01.2020).

⁵⁷⁴ Сербия де-юре признала независимость Косово на переговорах в Брюсселе // Ридус. 19.04.2013. Режим доступа: URL: <https://www.ridus.ru/news/79565.html>(дата обращения 10.01.2020).

⁵⁷⁵ Пункт 14 Брюссельского соглашения. См.: Brussels Agreement // The government of the Republic of Serbia. Режим доступа: URL: <https://www.srbija.gov.rs/cinjenice/en/120394> (дата обращения 10.01.2020).

Кипра, которую Анкара создала на части острова, оккупированной турецкими войсками в 1974 году»⁵⁷⁶.

Другие спокойно воспринимали свершившееся как факт, доказывающий то, что международное право объективно не успело приспособиться к требованиям современных международных отношений. «Косово стало последним в Европе, но одним из многих новых государств...Признанность – непризнанность – это всего лишь повод для дипломатической казуистики, просчетов и обвинений, в том числе и в двойных стандартах, – разъяснялось ими. – Все знают, что страница перевернута, может быть, вопреки правилам игры, называемыми международным правом. Но в том, что эти правила вовремя не успели поменяться, косовары уж точно не виноваты»⁵⁷⁷. По мнению Дж. Бергмана и А. Ньюмана, диалог между Приштиной и Белградом, в частности, изменения в политике Сербии по вопросу Косова свидетельствовали о том, что ЕС эффективно выполнил роль посредника в диалоге между сторонами⁵⁷⁸.

Соглашение между Приштиной и Белградом в тогдашних условиях было реально необходимо. Оно, по мнению белградских властей, обеспечивало хоть какие-то, пусть во многом и фиктивные, гарантии сербскому населению края, которых до соглашения де-факто не было, а независимость Косова де-факто существовала. Однако очевидная вязкость процесса нормализации отношений, постоянные проблемы, с которыми начали сталкиваться стороны сразу же после его заключения, говорят о том, что его можно назвать успехом европейской дипломатии с большой натяжкой.

Создание сообществ сербских муниципалитетов, которое предполагалось по Соглашению в обмен на отказ Белграда поддерживать параллельные структуры на севере, а также под гарантии отсутствия прямого контроля над образованными муниципалитетами, должно было стать в понимании Белграда «лакмусовой бумажкой» эффективности договоренностей с косоварами.

25 августа 2015 года Белград согласовал основные принципы формирования сообществ⁵⁷⁹. Встречный шаг должна была предпринять Приштина, утвердив указ о включении сообществ в правовую систему Косова. Проект указа должен был получить одобрение Конституционного суда Косова. Однако он признал его положения

⁵⁷⁶ Карпентер Т. Г. Сербская оливковая ветвь мира. 24 января 2013 // ИноСМИ. 24.01.2013. Режим доступа: URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130124/205000563.html> (дата обращения 10.01.2020).

⁵⁷⁷ Дубнов В. Косово. Пять лет эксперимента по сотворению мира // РИА-Новости. 17.02.2013. Режим доступа: URL: <http://ria.ru/analytics/20130217/923087575.html> (дата обращения 10.01.2020).

⁵⁷⁸ Bergmann A., Niemann J. Mediating International Conflicts: the European Union as an Effective Mediator // Journal of Common Market Studies. 2015. N53(9) pp. 957-975.

⁵⁷⁹ Republic of Serbia Government. Progress Report on the Dialogue between Belgrade and Pristina, October 2015. // Официальный сайт Правительства Сербии. Режим доступа: URL: <http://www.kim.gov.rs/doc/pregovaracki-proces/Izvestaj%20o%20dijalogu%20oktobar%202015%20ENG%20fin.pdf> (дата обращения 10.01.2020).

антиконституционными. В итоге вплоть до сегодняшнего дня сообщество сербских муниципалитетов так и не создано⁵⁸⁰.

На всех переговорах, проводимых между Приштиной, Белградом и ЕС, Белград неоднократно подчеркивал важность формирования сообщества, и тот факт, что это единственное направление Соглашения, реализация которого еще даже не началось, говорит сам за себя. В докладе о прогрессе в диалоге 2017 года (последнем содержательном, поскольку в ноябре 2018 года переговоры были приостановлены) Белград называет основные причины торможения реализации Соглашения. Среди них - отказ Приштины брать на себя обязательства по Соглашению с целью отсрочить или вовсе подорвать его реализацию; решение Конституционного суда о несоответствии согласованных общих принципов создания и функционирования Сообщества с законодательством Косово; неэффективность ЕС как посредника переговорного процесса между Приштиной и Белградом⁵⁸¹.

Вместе с тем, через подписание Соглашения о нормализации отношений у Брюсселя получилось не только номинально, но и формально закрепить необходимость окончательного решения косовского вопроса до вступления Сербии в Европейский союз. До этого у сербов были пусть и гипотетические, и призрачные, но всё же надежды на то, что Брюссель может согласиться на «второй Кипр». Через включение в качестве 35 главы в переговорный процесс о вступлении раздела об окончательном решении косовского вопроса в рамках Брюссельских соглашений ЕС сделал такие надежды нереальными.

Избранный подход имел неоднозначные последствия⁵⁸². ЕС удалось посадить представителей Белграда и Приштины за стол, что стало безусловным успехом европейской дипломатии, однако не удалось изменить представления о том, в чём заключаются жизненно важные интересы и для той, и для другой стороны, что могло бы действительно стать толчком к нормализации отношений. Весь переговорный процесс периода 2013 – 2018 гг. показал, что, несмотря на регулярность встреч и постоянный диалог между Белградом и Приштиной, динамика и прогресс по большей части зависят от политических циклов и политических интересов в Белграде и Приштине. Именно поэтому ставка на технические переговоры стала игрой с нулевой суммой, поскольку требование «обусловленности» в основном так и осталось достигнутым лишь на бумаге, но не в реальной жизни Косова.

⁵⁸⁰ Подробнее см.: Пужайло О. В. Указ соч.

⁵⁸¹ Republic of Serbia Government. Progress Report on the Dialogue between Belgrade and Pristina, April 2017. // Официальный сайт Правительства Сербии. Режим доступа: URL: <http://www.kim.gov.rs/doc/pregovaracki-proces/Izvestaj%20oktobar%20april%202017%20ENG.pdf> (дата обращения 10.01.2020).

⁵⁸² Orosz A. Implementation of the Belgrade-Prishtina dialogue: results, controversies and prospects. Budapest: Institute for Foreign Affairs and Trade. 2016. P.14.

Необходимость нормализации отношений Белград и Приштина с течением времени стали оценивать по-разному. Брюссельское соглашение было подписано косоварами и сербами спустя два дня после того, как Европейский союз заявил о том, что в случае успеха Белграду дадут «зеленый свет» на переговоры, а с Приштиной начнут процесс подготовки к подписанию Соглашения о стабилизации и ассоциации. Однако если сербы за период 2013 – 2018 гг. смогли получить решение по началу переговоров о членстве и договоренность была достигнута сразу же, на Совете в июне 2013 года и вступила в силу с января 2014 года, то косовары оказались менее удачливыми. Они подписали Соглашение о стабилизации и ассоциации позже – только 27 июня 2015 года, но оно так и остается нератифицированным.

Логично, что это стало для Приштины огромным демотиватором. Сама жизнь подтвердила обоснованность скептических оценок посреднических способностей ЕС. Правы оказались те, кто писал: «В большей степени интервенционистская посредническая стратегия ЕС хороша для достижения краткосрочных соглашений, но не может стать основой долгосрочной платформы, когда требуется создать условия для возникновения взаимного доверия сторон. В случае с диалогом Приштины и Белграда стратегия ЕС может быть эффективной только, если стороны воспринимают посредника как надежного, испытывают доверие к его инициативам»⁵⁸³. Основой для доверия была перспектива европейской интеграции. Однако уже в 2014 году председатель ЕК Ж.-К. Юнкер обозначил неготовность ЕС к дальнейшему расширению. Дивиденды Белграда и Приштины от позитивного диалога были невелики. С учетом этого после успеха 2013 года ЕС становится все менее и менее эффективным медиатором.

Забегая вперед, можно заключить, что к 2018 году посредническая роль Европейского союза в косовском вопросе достигла своих пределов. Таким образом, инструменты «кнута и пряника», которые, пусть и по-разному, но показали свою успешность в Хорватии и Сербии периода 2000 – 2008 гг. и привели к складыванию партийно-политического консенсуса относительно «будущего в составе Европы» в обеих республиках, в диалоге Белграда и Приштины оказались недостаточными.

При этом фактор Европейского союза, а также усилившееся, как показано выше, давление на Белград в решении косовского вопроса, привели к тому, что партийно-политическая система, эволюционировавшая к 2008 году в Сербии в направлении умеренного плюрализма⁵⁸⁴, очень быстро начала уступать место узурпации власти

⁵⁸³ Bergmann A., Niemann J. Op. cit. P.23.

⁵⁸⁴ Spasojević D. Riding the wave of distrust and alienation – new parties in Serbia after 2008 // Politics in Central Europe. 2019. N 15(1). pp. 139-162.

правлящей политической и экономической элитой, с одной стороны, и популизму оппозиции, с другой. «Вопреки ожидаемому периоду стабильности и ускоренной европейской интеграции, – делают вывод балканские исследователи, – Сербия после 2008 года постепенно вошла в весьма турбулентную и нестабильную фазу политического развития, которая не окончена и сегодня (в первой половине 2020 г. – прим. мое, *Е. Г. Энтина*). Источником политической нестабильности (а одновременно и ее индикатором) ... стала большая волатильность партийной сцены и появление значительного числа новых партий и действующих лиц. Практически всех этих новых акторов отличают популистские и антипартийные моменты, что, с одной стороны, свидетельствует о высоком уровне недоверия со стороны граждан к существующим демократическим акторам и институтам, а с другой – усиливает политический кризис и показывает, что популистские тренды успешно овладевают также и странами, находящимися на пути в ЕС»⁵⁸⁵. Именно в период 2008 – 2012 гг. происходит возвышение Прогрессивной партии Сербии (СПП) и Александра Вучича в качестве наиболее сильных и важных акторов политической жизни Сербии, обеспечивающих стабильность и предсказуемость основных векторов развития государства и фактически не имеющих вплоть до середины 2020 года включительно внятной и идейно объединенной оппозиции.

Победа условно модернистского блока на выборах 2008 года привела к минимизации влияния Сербской радикальной партии и становлению СПП. В свою очередь, приняв перспективу европейской интеграции, СПП смогла добиться общественного консенсуса, что нивелировало идеологический разрыв, который существовал в обществе и политической системе. Параллельно с этим, Социалистическая партия отошла от наследия Слободана Милошевича, а ее коалиция с Демократической партией завершила разделение партий на партийно-политической сцене Сербии партий на «старорежимные» и «реформистские».

Казалось, что подобное развитие событий может обеспечить поступательное и стабильное демократическое развитие республики. Однако уже в 2012 году демократ Борис Тадич неожиданно терпит поражение на президентских выборах, уступив лидеру Прогрессивной партии Томиславу Николичу. Д. Павлович представляет причины поражения Б. Тадича следующим образом. «Важнейшей причиной его поражения, – пишет исследователь, – была убежденность в том, что общество все еще опасается возврата в 1990-е гг. в том случае, если прогрессисты выиграют, и что этого достаточно, чтобы одержать победу и сохранить власть еще на один срок. На это же ставили Б. Тадич

⁵⁸⁵ Stojiljković Z, Spasojević D. Populistički Zeitgeist u “proevropskoj” Srbiji // Politička misao. 2018. N55 (3). Str. 111.

и демократы в 2008 году, но тогда этот страх был реальным. В то время еще существовала Радикальная партия, открыто поддерживающая политику территориальной экспансии, ... вторым лицом в которой был Томислав Николич. Но СРП распалась в конце 2008 года, а новообразованная СПП переняла от демократов европейский дискурс и встала на позицию «и Косово, и Европа», на которой Б. Тадич строил свою политическую карьеру, начиная с 2004 года. Теперь это стало дискурсом и Т. Николича, и по риторике партии в общих чертах перестали различаться»⁵⁸⁶.

Поэтому решающую роль в поражении Б. Тадича сыграли тяжелое экономическое положение в стране, которое, помимо всего прочего, выражалось в высоком уровне безработицы (в период президентства Б. Тадича в районе 25%). Кроме того, и Социалистическая партия Сербии, которая три года поддерживала правительство В. Коштуницы, в период 2008-2012 гг. вновь выступила вместе с властью под проевропейскими лозунгами.

Соответственно в 2012 году были все основания считать, что как и в Хорватии, где победа ХДС привела к энергичному приближению к евроатлантическим институтам, также и в Сербии приход партии с «националистическим прошлым» в более активное, чем при демократах-еврореформаторах, сближение с ЕС. «Как и ХДС, СПП в Сербии должна была на деле доказать свою проевропейскую ориентацию»⁵⁸⁷.

Если демократы, начиная с 2008 года, все четче и четче сдвигаются к лозунгу «И Европа, и Косово» (от исключительно евроинтеграции), то СПП всячески пытается затушевать политическую проблематику, сосредотачиваясь на экономической повестке. Таким образом, партийная система Сербии переходит от «политики лозунгов» к доминированию «политики интересов»⁵⁸⁸, т.е. наблюдается сужение идеологического поля.

Это сужение ярче всего проявилось во время парламентских выборов 2014 года, когда в скупщину не смогла избраться ни одна антиевропейская партия. «В этот период Либерально-демократическая партия, ДПС, СРП и «Двери» переживают серьезные проблемы с преодолением необходимого для вхождения в парламент 5-процентного барьера»⁵⁸⁹. Правда, уже в 2016 году на внеочередных выборах ситуация частично меняется.

⁵⁸⁶ Pavlović D. Srbija posle izbora // Političke analize. 2012. № 3(11). Str. 16.

⁵⁸⁷ Pavlović D. Op. cit. Str. 16-17.

⁵⁸⁸ Pavlović D., Antičić S. Konsolidacija demokratskih ustanova u Srbiji posle 2000. godine // Službeni glasnik. Beograd. 2007.

⁵⁸⁹ Stojiljković Z, Spasojević D. Op. cit. Str. 111.

Однако 2012 год стал годом, когда сложился тандем прогрессистов и социалистов, определяющий и спустя семь лет партийную сцену Сербии, с одной стороны, посредством постоянного усиления Александра Вучича, который в 2017 году переходит с должности премьер-министра на пост президента, с другой – из-за неспособности оппозиции выдвинуть против прогрессистов хоть сколько-нибудь серьезную силу.

Естественным образом эта тенденция привела к усилению популизма как среди правящей элиты, так и внутри оппозиции. «Типичный пример популизма внутри СПП, – по мнению авторов из Балканского региона, – идеология восприятия «другого» ... для прогрессистов это международное сообщество и страны/народы региона. По обоим пунктам позиция партии остается неясной, как непрозрачна и дифференциация между «неприятелями». Так, позитивно оценивается европейская интеграция. Одновременно с этим Брюссель обвиняется в ригидной и даже антисербской позиции, при этом о ведущих странах ЕС (в частности, Германии и Австрии) говорится в превосходной степени. В региональном измерении СПП все время настаивает на примирении и сотрудничестве, при этом критикуя сербско-хорватские отношения как «не приносящие ничего в региональное сотрудничество». Этот многослойный (и частично противоречивый) посыл со временем начинает делиться в дискурсе разных представителей коалиции СПП и левых. Так, в большинстве случаев А. Вучич придерживается миролюбивой риторики, тогда как его близкий соратник А. Вулин (и министр обороны Сербии с 2017 г. – прим. мое – *Е. Г. Энтина*) часто выступает с крайних позиций»⁵⁹⁰. При этом, данный тренд действительно, скорее, свидетельствует о разделении труда внутри коалиции, чем о серьезных противоречиях.

Два других наиболее заметных из возникших в период 2010 – 2019 гг. политических движения – «Двери» и «Хватит» («Dosta je bilo») – яркие примеры новых «правых» и популистов в Сербии. «Двери», как полагает Душан Спасоевич, «самая близкая западноевропейской модели популизма партия»⁵⁹¹. Эта близость выражается в восприятии Брюсселя как центра, диктующего навязанные ценности, противоречащие пониманию большинства, а также в очень жесткой позиции в отношении мигрантов, даже несмотря на то что миграционный кризис 2015 года остался во внутривнутриполитической повестке в Сербии периферийным вопросом. «Двери» также открыто поддерживают протекционизм в экономической сфере, а в партийном измерении подвергают критике не только партии, входящие в правящую коалицию, но и саму партийную и политическую систему Сербии.

⁵⁹⁰ Stojiljković Z, Spasojević D. Op. cit. Str. 115.

⁵⁹¹ Stojiljković Z, Spasojević D. Op. cit. Str. 118.

На критике последних взрос и проект «Хватит» Саши Радуловича, бывшего министра финансов в правительстве СПП – СПС в 2013 году. Те же характеристики можно в целом дать оппозиционному движению, активно нарастающему в Сербии с декабря 2018 года, в первую очередь, как протестному, но не способному в создавшихся внутри- и внешнеполитических условиях сформировать непопулистскую повестку.

Прежде всего, подобная ситуация в Сербии в период 2008 – 2018 гг. связана, с одной стороны, с коррумпированностью политических и экономических элит и, соответственно, огромным недоверием к ним со стороны населения, с другой – с исключительно ограниченным идеологическим маневром, основанным на посылах из/в Брюссель, который в условиях узурпации всего спектра политической повестки в руках правящей коалиции провоцирует формирование исключительно популистских идеологий и алармистских избирательных платформ.

По своей структуре, та система, которая сложилась в Сербии под влиянием требований ЕС и безальтернативной ориентации на него, напоминает условия восхождения во власть С. Милошевича конца 1980-х годов, который, сохранив социалистическую партию и идеологию коммунизма, парадоксальным образом выхватил из рук демократической оппозиции националистическую повестку, на десятилетие лишив ее возможности создавать эффективный баланс власти.

Без анализа ситуации в Боснии и Герцеговине, поскольку формально она является отдельным независимым суверенным государством, нельзя оценивать как перспективы стабильного развития в регионе, так и политику Европейского союза. Последняя имеет очевидные ограничения в Боснии и Герцеговине в силу существующей структуры данного государства⁵⁹², а также потому, что цена, которую местные политики должны платить за последовательную реализацию требований ЕС, непропорционально высока по сравнению с дивидендами, получаемым в краткосрочной перспективе⁵⁹³.

То, что Европейский союз столкнется с огромными сложностями в вопросе европеизации Боснии и Герцеговины, было очевидно сразу же после заключения Дейтонских мирных соглашений 1995 года. Во-первых, потому, что здесь политика расширения ЕС упиралась в необходимость адекватно реагировать на вызовы искусственно созданного государства со слабо функционирующим властным аппаратом, что не случалось в истории взаимодействия ЕС со странами-кандидатами прежде.

⁵⁹² Anastasakis O. The Europeanization of the Balkans // *Brown Journal of World Affairs*. 2005. N7(1) P.77–88.

⁵⁹³ Džihić V., Wieser A. Incentives for Democratisation? Effects of EU Conditionality on Democracy in Bosnia & Herzegovina // *EU conditionality in the Western Balkans*, edited by F. Bieber. 2018. P. 45.

Российский исследователь Е. Пономарева дает ему такую характеристику: «Босния и Герцеговина в ряду стремящихся «состояться» государств представляет особый случай. Во-первых, потому, что в современных территориальных границах БиГ возникла как одна из шести республик социалистической Югославии и была образована не по национальному, а по историко-географическому принципу. Как известно, внутренние административные границы СФРЮ не учитывали этнокультурную специфику региона. Именно это дает сербам основание считать (на неофициальном уровне) Боснию и Герцеговину не государством, а географическим названием. Социалистическая республика БиГ заложила основы государства, прежде всего, как территориального, национальная идентичность которого не сложилась. Именно последнее определило вооруженный конфликт между сербами, хорватами и мусульманами... Дейтонская Босния – первый протекторат на территории бывшей СФРЮ, с неограниченными полномочиями институтов внешнего управления»⁵⁹⁴.

Основное и бесспорное достоинство Дейтонских соглашений – прекращение гражданской войны – было нивелировано тем, что «они зафиксировали на десятилетия вперед перераспределение суверенных полномочий БиГ в пользу международных структур и создали громоздкую и неэффективную систему организации власти. Наличие конституций и иных правовых актов не влечет за собой никаких преференций государственности БиГ... Все «жизненно важные вопросы» государства определяются международными структурами»⁵⁹⁵.

Во-вторых, «Дейтонский формат разделил и боснийское государство само по себе, и процесс принятия решений между двумя энтитетами на основе определенных этнических характеристик. В этой связи политика обусловленности ЕС в БиГ связана не только и не столько с мониторингом и оцениванием процесса реформ, но в большей степени с продвижением институциональных изменений, которые бы создали условия для проведения данных реформ»⁵⁹⁶. Как описывалось в предыдущих параграфах, ЕС в Боснии и Герцеговине пришлось выступить в качестве силы, обеспечивающей строительство государства.

Конкретно процесс и государствовоительства, и европейской интеграции в Боснии и Герцеговине проявился в пока непреодолимых сложностях следующего характера. В первую очередь, это вопрос конституционного устройства БиГ и

⁵⁹⁴ Пономарева Е. Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 87-88.

⁵⁹⁵ Пономарева Е. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 70.

⁵⁹⁶ Džihić V., Wieser A. Op. cit. P. 48.

конституции как таковой. Она, как известно, является не самостоятельным документом, разработанным и принятым на уровне государства, а приложением к Дейтонским мирным соглашениям, составленным Контактной группой как результат многочисленных компромиссов. В 1995 году ставка делалась на то, что сложная система управления скорее приведет к примирению, чем попытки создать унитарное государство. «Механизмы разделения властей основывались исключительно на этническом принципе и включили возможность «вето энтитета» в парламентской ассамблее БиГ. Именно они оказались основными препятствиями на пути принятия решений и проведения реформ, необходимых для членства в ЕС»⁵⁹⁷.

Во вторую очередь это проблема избирательных циклов и реально возможной платформы для политической консолидации внутри энтитета. Усилия ЕС стимулировать формирование умеренных партий и снизить влияние этно-националистических за 25 лет существования пост-Дейтонской Боснии к успеху не привели. Главным образом, это связано с отсутствием консенсуса относительно причин, природы, хода и даже итогов гражданской войны в Боснии и Герцеговине, а также с самой структурой государственного устройства БиГ, заложенной Дейтонскими соглашениями.

Наконец, сложности связаны и с тем, как ЕС на практике реализует свою миссию. Попытки навязать институты извне, принимать решения и законы при активном давлении со стороны Высокого представителя, а когда-то – напрямую Брюсселя, приводят к нежеланию политических элит проводить их в жизнь. «В случае с БиГ институционализация этнических дискурсов нивелировала возможность выполнять требования ЕС, поскольку в этом случае зачастую необходимо было отказываться от существующих форм удержания власти. Другими словами, передача некоторых компетенций с уровня энтитета на общегосударственный, как требовал *acquis*, привела бы к серьезным политическим потерям из-за высокой важности этнической идентичности в БиГ»⁵⁹⁸. Вкупе это привело к складыванию этнократических режимов управления, опирающихся на «этнополитику» (термин, введенный в научный оборот Ведраном Джихичем). Данное обстоятельство усиливалось и тем, что и сербы, и бошняки, и хорваты видели и видят государственное устройство Дейтонской Боснии как временное.

Начиная со всеобщих выборов 2006 года конфликты между и внутри этно-национальных партий в Боснии и Герцеговине, по большому счету, только нарастали. Это доказывают как всеобщие выборы 2010 г., так и муниципальные 2016 г. Причем

⁵⁹⁷ Подробнее см.: Bieber F. *Post-War Bosnia: Ethnicity, Inequality and Public Sector Governance*. London: Palgrave, 2006.

⁵⁹⁸ Džihić V., Wieser A. *Op. cit.* P. 48.

определенный прогресс, который был достигнут БиГ в отношениях с ЕС в 2008 году – подписание Соглашения о стабилизации и присоединении – фактически не оказал никакого влияния на внутривнутриполитическую борьбу и позиции.

«В артикуляции и агрегировании политических интересов боснийских мусульман ключевую роль играет Партия демократического действия (ПДД), возглавляемая сыном первого президента республики, автора «Исламской декларации» Али Иметовича – Бакиром. Откровенно националистическая риторика Иметовичей способствовала и способствует не просто сохранению, но усилению трений как с политическими оппонентами, так и внутри самой ПДД. Особняком стоит формально входящий в коалицию с ПДД «Союз за лучшее будущее БиГ», который также разыгрывает националистическую карту. На условно левом фланге действуют Социал-демократическая партия (СДП) БиГ и Демократический фронт (ДФ), которым удалось на муниципальных выборах 2016 г. усилить своё влияние... Однако существующие противоречия между лидерами этих «левых» партий не позволяют им выступать единым фронтом...

Интересы боснийских сербов (православный сегмент) представляет занимающая центр политического спектра коалиция оппозиционных сил Союз за перемены (СЗП), в который входят Сербская демократическая партия (СДП), Партия демократического прогресса (ПДП) и Народное демократическое движение (НДД). Сложность в отстаивании позиций второй по численности группы населения заключается не только в отсутствии единства среди сербских партий, но и в жёсткой конкуренции между ними. Так, коалиция активно критикует ведущую партию – Союз независимых социал-демократов (СНСД) и одного из самых влиятельных и авторитетных политиков, занимавшего пост президента Республики Сербской в 2010–2018 гг., М. Додика...

Доминирующей политической силой в хорватском лагере является Хорватское демократическое содружество (ХДС) БиГ. Стратегическая цель этой партии – административное переустройство Боснии и Герцеговины с формированием отдельной федеральной единицы с хорватским большинством»⁵⁹⁹.

Постоянный кризис политического и межпартийного взаимодействия в Боснии и Герцеговине находит свое отражение и в росте социально-экономических проблем страны. Увлечение властных структур межэтнической риторикой и необходимость отстаивать или изображать видимость отстаивания «своих» интересов в пику интересам «других» на общегосударственном уровне, привели к тому, что на практике политические элиты в самой меньшей степени озадачены проблемами населения. «Международный

⁵⁹⁹ Пономарева Е., Попадьева Т. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель. № 11. 2018. С.70-73.

банк официально оценивает уровень безработицы в БиГ в 27%, тогда как реально более 57% граждан Боснии в возрасте от 15 до 29 лет не имеют работы»⁶⁰⁰, – считают специалисты.

Так описывает ситуацию уроженец Боснии, профессор одного из британских университетов: «Многие в Боснии испытывают трудности на самом элементарном уровне... людям просто нечего есть, они роются в мусорных ящиках. Молодежь сплошь мечтает уехать в другие страны... Масштабы социальной катастрофы огромны. Акции протеста показали это со всей наглядностью»⁶⁰¹. По оценкам и экспертов, и политиков, государственный аппарат БиГ огромен, неповоротлив и коррумпирован. Экономическое состояние практически всецело зависит от внешних поступлений⁶⁰².

В принципе подобная ситуация была характерна для БиГ с самого начала, с 1995 г. – даты подписания Дейтонских соглашений. Однако первоначальная радость от прекращения военных действий, а потом перспектива вступления в Европейский союз затушевывали данный факт. Однако уже через десятилетие, в 2005 году, накал социально-экономической неустроенности стал приобретать зримые очертания. В 2014 и последующих годах он вылился в протестное движение среди населения, параллельно и следом за ним – в равнодушие ко всему политическому в БиГ.

Начиная с 2005 года, международное сообщество предпринимает попытки на разные лады продвинуть конституционную реформу. «США и американский бывший заместитель Высокого представителя Дональд Хэйс, – описывают одну из них специалисты по БиГ, – инициировал переговоры по данному вопросу... Конституционные изменения касались 16 пунктов, корректировка которых была необходима для подписания Соглашения о стабилизации и присоединении. Наиболее существенные были посвящены полицейской реформе (централизации полиции – прим. мое, *Е. Г. Энтина*) ... В декабре 2005 года базовые договоренности по реформе были достигнуты, а по конституционным изменениям 6 политических партий пришли к консенсусу о необходимости их принятия в начале 2006 года. Тем не менее, данные согласованные изменения не прошли через голосование в федеральном парламенте 26 апреля 2006 года. Месяцем позже провалилась и полицейская реформа»⁶⁰³. В преддверии всеобщих выборов стороны вернулись к

⁶⁰⁰ Marjan B., Guzina D. An Early «Spring» in Bosnia, February 2014. // Centre for International Governance Innovation. Режим доступа: URL: <https://www.cigionline.org/publications/2014/2/early-spring-bosnia> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁰¹ Цит. по: Сулькин О. Боснийский сценарий мог вылиться в Майдан // Голос Америки. 05.04.2015. Режим доступа: URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/sulkin-bosnia-rising-redgrave/2707713.html> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁰² См., к примеру: EU – Bosnia and Herzegovina Progress Report 2008 - 2019 // Официальный сайт Совета Европейского Союза. Режим доступа: URL: <https://www.ec.europa.eu> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁰³ Džihić V., Wieser A. Op. cit. P. 55.

традиционной для себя националистической риторике. Так, в то время премьер-министр, а потом президент Республики Сербской «в 2005–2009 гг. резко изменил внешнюю политику республики, прекратил демонтаж институтов РС, отказавшись в 2006 г. от централизации полиции, наладил отношения с Россией, Израилем»⁶⁰⁴.

Международное сообщество испробовало и стратегию принуждения к миру. Она тоже провалилась. Как писал российский исследователь П.Кандель, «в ноябре 2008 г. лидеры нескольких ведущих политических партий страны трех национальных общин (бошняцкой Партии демократических действий, сербского Союза независимых социал-демократов и Хорватского демократического содружества) начали так называемый Прудский процесс – серию встреч и совместно принятых деклараций с тем, чтобы сдвинуть с мертвой точки процесс конституционных реформ. Однако, даже добившись согласия относительно некоторых принципов изменения государственного устройства, участники этих встреч интерпретировали достигнутые договоренности в столь противоположном смысле, что продлившийся четыре месяца переговорный процесс завершился без каких-либо серьезных результатов. К тому же лидеры не участвовавших в процессе партий заранее отказали в поддержке договоренностям, достигнутым без них»⁶⁰⁵.

В 2009 г. США и ЕС выступили с инициативой провести еще один раунд переговоров в Бутмире, военной базе недалеко от Сараево. Суть предложений касалась передачи полномочий по взаимодействию с международными организациями на общегосударственный уровень, где параллельно фиксировалось усиление роли Высокого представителя. В итоге ни Прудский процесс 2008 г., ни Бутмир 2009 г. ощутимых дивидендов не принесли⁶⁰⁶.

В итоге Европейский союз практически признал, что линейка инструментов по европеизации в Боснии и Герцеговине не функциональна. В 2014 году в рамках британо-германской инициативы в обмен на письменные обязательства принять конституционные поправки со стороны политических лидеров энтитетов Брюссель принял решение о ратификации Соглашения о стабилизации и присоединении с БиГ, тем самым открыто признав неэффективность собственной политики по реформированию боснийского государства⁶⁰⁷. Прошло несколько лет, но и в 2019 году истребованная поправка остается

⁶⁰⁴ Энгельгардт Г. Н. Местные выборы и политический кризис в Республике Сербской (конец 2012 – начало 2013 г.) // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 2 (23). С. 24.

⁶⁰⁵ Кандель П. Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО. 2011. №1.С.80.

⁶⁰⁶ Подробнее см.: Entina E. Saf(v)e Bosnia! // Journal of Contemporary Central and Eastern Europe (Debate). September 2016. 24:2. pp.149-167.

⁶⁰⁷ KMEZIĆ M., The Western Balkans and EU Enlargement: Lessons learned, ways forward and prospects ahead. // Directorate-General for External Policies Policy Department. 2015. Режим доступа: URL:

непринятой. Кроме того, данный шаг спровоцировал очевидный кризис авторитета ЕС в Боснии и Герцеговине среди политических элит, одновременно открыв дорогу к натоизации без европеизации.

Таким образом, сложно не согласиться со следующим утверждением отечественных ученых Е. Пономаревой и Т. Попадьева: «Дейтон представляет многоходовую операцию. На первом этапе под прикрытием гуманитарного занавеса было сформировано неустойчивое переходное образование под внешним управлением. На втором – мягкая и перманентная ревизия Мирных соглашений ведёт к централизации страны при доминирующей роли мусульмано-хорватского сегмента. На третьем этапе прогнозируется вступление страны с реформированной политической системой в НАТО»⁶⁰⁸.

Последний тезис приобретает зримые очертания после принятия бошняцкой Партией демократического действия в сентябре 2019 года программной декларации, призывающей, по сути, к кардинальной реформе Дейтона. «Речь идет об отмене системы двух автономий (энтитетов), из которых это государство состоит. Ставится задача его централизации. В риторике бошняков и Партии демократического действия это звучит как «переход к гражданской системе», к системе «один человек — один голос». Такой подход основывается на убеждении бошняков, что они составляют реальное арифметическое большинство населения страны и поэтому при переходе к такой системе смогут проголосовать за все необходимые им изменения. Декларация довольно подробно разработана — она охватывает в том числе и задачи по вступлению страны в НАТО. Европейская ориентация там тоже проговаривается, но акцент делается именно на необходимости скорейшего вступления в НАТО»⁶⁰⁹.

Неспособность ЕС выполнить в БиГ амбициозную задачу по государственно- и нациестроительству и неприменимость использовавшихся инструментов по европеизации к глубоко разделенному, искусственно созданному государственному образованию, вероятно, стала одной из важнейших причин как отсутствия прогресса в вопросе национального примирения в Боснии и Герцеговине, так и в смещении вектора развития от европейской интеграции и ориентации на Брюссель к ориентации на НАТО и Вашингтон.

[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/534999/EXPO_IDA\(2015\)534999_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/534999/EXPO_IDA(2015)534999_EN.pdf) (дата обращения 21.12.2019).

⁶⁰⁸ Пономарева Е., Попадьева Т. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // *Обозреватель*. №11. 2018. С.69.

⁶⁰⁹ Босния и Герцеговина движется в сторону военной конфронтации (фрагмент интервью с научным сотрудником Института славяноведения РАН Г. Н. Энгельгардтом) // *EAdaily.com*. 28.09.2019. Режим доступа: URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/28/bosniya-i-gercegovina-dvizhetsya-v-storonu-voennoy-konfrontacii> (Дата обращения 10.01.2020).

Таким образом, еще к 2013 году, после вступления Хорватии в Европейский союз, для всех оставшихся бывших югославских республик на повестке дня встал вопрос о том, будет ли ЕС и дальше придерживаться парадигмы, заявленной в Салониках десять лет назад. Декларативно ничего не изменилось, однако на практике становилось все более очевидным, что и посреднический, и интеграционный потенциалы Брюсселя подходят к своим пределам. Очевиднее всего это проявилось в посреднической миссии ЕС в косовском вопросе, а также в неспособности сдвинуть государственный аппарат Боснии и Герцеговины в сторону нормального функционирования. Кроме того, вопрос Косова осложнялся и тем, что по самопровозглашенной независимости Косова у ЕС нет общей позиции. По возможностям дальнейшего расширения так же: Франция, Австрия и Нидерланды с начала 2010-х гг. перестали скрывать свое негативное отношение к возможности присоединения новых членов. Соответственно, существенно снизилась и привлекательность самого ЕС для западно-балканских государств, а значит и потенциал использования традиционной для Брюсселя политики «кнута и пряника».

Подводя итог анализу инструментов политики ЕС в отношении стран Западных Балкан в период до 2013 года включительно, можно сказать, что утверждение о том, что механизм расширения является единственным реально действующим в реестре внешнеполитических инструментов Европейского союза по отношению к Западным Балканам, в общих чертах справедливо.⁶¹⁰ Однако основная проблема периода нулевых годов в отношении диалога ЕС – республики бывшей Югославии заключалась в том, что требование об «обусловленности» эффективно работает только в нормально функционирующих государствах⁶¹¹, что в случае со странами бывшей Югославии не было актуально ни в 2000, ни в 2003, ни в 2007, ни в 2013 годах (за исключением Хорватии, которой к 2005 году удалось выйти на траекторию поступательного внутривнутриполитического развития). Однако необходимо отметить, что за довольно короткий период 2000 – 2013 гг., благодаря перспективе европейской интеграции, на пространстве бывшей Югославии был достигнут существенный прогресс в плане стабилизации и миротворчества. В целом в регионе к 2013 году практически решен вопрос со свободным перемещением людей, товаров, капитала. Хорватия и Сербия еще в 2003 году взаимно отменили визовый режим. До 2013 года политический диалог, хоть и переживал разные периоды, в целом был

⁶¹⁰ See: European Commission, *Wider Europe— Neighborhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours*. COM(2003) 104 final. 11 March 2003. P. 4.

⁶¹¹ Dimitar Bechev, Svetlozar Andreev. 'Social Capital and the EU Institution-Building Strategies for the Western Balkans,' unpublished working paper, Integrating the Balkans in the EU (IBEU) project. May 2004; See also: *Blue Bird Agenda for Civil Society in South East Europe // Search of Responsive Government. State Building and Economic Growth in the Balkans*. Budapest: Center for Policy Studies. Central European University. 2003. pp. 46-53.

позитивным. Кроме того, во многом усилиями ЕС период 2000-х гг. в регионе исключена опция крупномасштабных конфликтов высокого уровня интенсивности, подобных тем, что были в 1990-е гг.

Парадокс в подходе Европейского союза к Балканам заключался в том, что странам, проходившим процесс демократизации и экономического обновления после череды кровопролитных гражданских войн, отягощенных внешним фактором, были предъявлены на порядок более забюрократизированные требования к членству, чем к странам Центральной и Восточной Европы. Значительное количество политически чувствительных реформ проводились не в ходе переговоров о членстве, а в предыдущей фазе. Тем самым подрывались уверенность общества в необходимости реформ и стремление политических элит в действительности проводить их ради призрачной цели. В целом закладывалась база под недоверие к Европейскому союзу. Кроме того, непосредственное участие стран ЕС и возможность заблокировать продвижение кандидата на основе результатов опросного листа на национальном уровне превратились также, с одной стороны, в механизм затягивания переговоров (в случае с Сербией – блокирования со стороны Великобритании и Нидерландов статуса кандидата на основании недостаточного сотрудничества с МТБЮ; в случае с Хорватией – вето от тех же стран по тем же основаниям, а потом заградительная позиция Словении; для Македонии – известный спор с Грецией, заморозивший продвижение республики фактически на пятнадцать лет). Одновременно они начали играть против ЕС в общественных настроениях балканских стран. Фактически это проложило путь к возникновению феномена, когда Европейский союз в теории обладает потенциалом трансформации западно-балканских государств, а на практике достиг предела своих возможностей к середине 2010-х гг.

Ставка на соревновательный эффект, сделанная Европейским союзом в отношении стран бывшей Югославии, продемонстрировала лишь частичную успешность. Она дала результат в случае с присоединением Хорватии. Для неё одним из стимулов евроинтеграции был скорейший выход из состава Балкан. До некоторой степени сыграло свою роль, вследствие разных исторических контекстов, и стремление к достижению номинального превосходства над Сербией. В остальном соревновательность вместо консолидации создала в Балканском регионе еще больше разделительных линий. Между Хорватией и всеми остальными. Между Сербией и Черногорией. Между всеми относительно состоявшимися государствами и Боснией и Герцеговиной. Между ними же и Косово. Начиная с середины 2000-х гг., славянское население ни одной из стран не рассматривает европейскую интеграцию как объединительную региональную идею, где

успех соседа стимулирует собственный прогресс. Скорее, наоборот. Наиболее ярко это проявилось в отношении косоваров и Белграда. Посреднические усилия Брюсселя стали восприниматься Приштиной как дающие возможность только Сербии двигаться вперед на пути европейской интеграции. Тренды, которые были заложены вступлением Хорватии в 2013 году в Европейский союз, в первую очередь установление границы между Хорватией и Боснией и Герцеговиной создали предпосылки для усиления государственной дисфункциональности БиГ. Хорватский энтитет оказался населенным практически полностью гражданами Европейского союза со всеми вытекающими отсюда последствиями, в меньшей степени заинтересованными и в существовании, и в развитии непосредственно самой БиГ. В Сербии единоличное вступление Хорватии в Европейский союз также подтолкнуло скатывание в политизацию отношений Белграда и Загреба и трансформацию их поступательного развития в 2000 – 2012 гг. в традиционное состояние «тепло-холодно» в зависимости от политической конъюнктуры, что наглядно проявилось в последующий период. Более того, можно говорить о том, что вступление Хорватии в ЕС на фоне оправдательного приговора Анте Готовине в 2012 году укрепило традиционный для страны национализм и во многом превратило его в победный. Таким образом, за период 2000 – 2012 гг. Европейскому союзу не только не удалось преодолеть одну из центральных проблем Балканского региона – сербско-хорватское неприятие. Хуже – он стимулировал его сохранение и укрепление в среднесрочной перспективе.

Учитывая то, что сами страны бывшей Югославии в качестве однозначного приоритета выбрали путь европейской интеграции как средство, способное излечить от синдрома «балканизации», определенные успехи в отношении европеизации, безусловно, также были достигнуты. Главным результатом данного процесса стало то, что все балканские народы воспринимают себя в широком смысле европейцами, не отделяют свои перспективы от перспектив Европейского союза. Однако ни западноевропейские страны, ни сами республики бывшей Югославии не создали условий для формирования более локальной идентичности. Вместо «балканизации», «балканского синдрома» ни в теории, ни на практике за этот период не было выработано новой устойчивой, позитивной и приемлемой для всех терминологии.

Практическую политику Европейского союза в западно-балканском регионе в период 2000 - 2013 гг. можно условно разделить на две группы: первая относится к Боснии и Герцеговине и с 2008 года – к Косово. Она связана со строительством государства на основе национального примирения. В Боснии и Герцеговине усилия в этом направлении не принесли никаких результатов. Сочетание механизмов, которые обычно применяются при урегулировании конфликтных отношений, с требованиями политики

расширения ЕС привело к тому, что в БиГ на протяжении всего периода уходили зачастую противоречивые послы. Например, усилия по централизации управления полицейскими силами в Боснии и Герцеговине обосновывались необходимостью выполнять критерии для вступления в ЕС. Следует подчеркнуть, что в самом ЕС существуют различные национальные практики применения и подчинения полицейских сил. Уже это само по себе не могло придать требованиям Брюсселя необходимую эффективность. То же можно сказать и о многих других реформах, инициированных ЕС в БиГ. Возникший комплекс противоречивых принципов, сигналов и практик привел к тому, что политические элиты, находящиеся у власти, попросту стали нечувствительны к требованиям, исходящим от ЕС.

В Косово попытка Европейского союза выступить эффективным медиатором в нормализации отношений между Белградом и Приштиной имела двойственный эффект. С одной стороны, к 2013 году посредством манипулирования перспективой приближения к ЕС Брюсселю в конце концов удалось добиться подписания сторонами Соглашения о нормализации отношений. С другой стороны, ставка на технический диалог как способствующий сближению не оправдалась. Стороны не воспринимали ЕС как надежного медиатора, а их диалог зависел от политических настроений, обусловленных внутренней конъюнктурой. Как только для косоваров перспектива европейской интеграции стала откровенно призрачной, посреднические возможности ЕС оказались исчерпанными.

В Хорватии и Сербии основной задачей Европейского союза в указанный период было сформировать последовательно лояльные политические элиты, вытеснить из партийно-политического спектра националистов и евроскептиков. В Хорватии данная задача была предварительно решена в целом к 2003 году, окончательно – после выдачи генерала Анте Готовины Гаагскому трибуналу в 2005 году. В Сербии этот процесс был осложнен не только и не столько наследием 1990-х гг. (в отличие от Хорватии), сколько необходимостью ультимативно решать политически сверхчувствительные вопросы: общее государство с Черногорией, выдача Гаагскому трибуналу военных преступников, Косовский вопрос. Успех в их решении был залогом всего лишь возможности стать кандидатом в члены ЕС. Такая неравноценная и рискованная установка стала причиной распада демократической коалиции, вместе свергнувшей режим С. Милошевича, и затяжных внутривластных кризисов до 2008 года включительно. Только в 2008 году, после подписания Соглашения о стабилизации и ассоциации и вслед за этим введения режима визовой либерализации с ЕС в 2009 году, Сербия добивается такой расстановки политических сил, при которой и власть, и оппозиция единогласно выступают за европейскую перспективу. Однако для того, чтобы «заскочить в последний вагон» и

вступить в ЕС вместе с хорватами, это оказалось слишком поздно. Феноменально, что результатом политики Европейского союза по формированию последовательно лояльной политической элиты стало то, что практически единогласный еврооптимизм политических элит стал обратно пропорционален поддержке членству в ЕС среди населения. Усиление евроскептицизма в Хорватии начинает проявляться в середине 2000-х гг., когда к власти приходят евродемократы. Усиление евроскептицизма в Сербии происходит позже – в 2010 году – но в гораздо более резкой форме. Фактически за год поддержка падает практически на 20 пунктов в сравнении со всем предыдущим периодом и уже принципиально не поднимается. Кроме того, это же привело к тому, что среди населения и в Хорватии, и в Сербии евроскептицизм стал своеобразной формой недовольства всем, что исходит от власти, т.е. под евроскептицизмом стал скрываться в целом протест против системы, что оказалось одним из факторов «размывания» европейской перспективы внутри региона в последующий период.

Глава 3.3. Внутренние ограничения европейской интеграции в западно-балканских государствах в 2014-2019 гг.

Хотя на протяжении первого десятилетия после провозглашения перспективы членства государств бывшей Югославии в Европейском союзе регион существенно прогрессировал, его стабильное будущее, как и поступательное социально-экономическое развитие далеко не гарантированы. Несмотря на двадцатилетнее систематическое и интенсивное участие ЕС в региональных процессах на Балканах, в соответствии с заключением Европейского Совета от марта 2017 года «ситуация до сих пор остается нестабильной».

Формально на текущий момент ближе всех к членству в ЕС Черногория. В соответствии с последним имеющимся отчетом о прогрессе, к маю 2019 года Черногория открыла 32 главы из 35, включая главы 23 и 24, посвященные верховенству закона, из них три – наука, образование и культура и внешние сношения – успешно закрыты⁶¹². Согласно отчету, практически все количественные показатели в экономической сфере Черногории начиная с 2016 года повышаются. Так, реальный рост ВВП составил в 2017 году 4,7 %, фактически приблизившись к минимально необходимому (по оценкам функционеров ЕС) 5%-му росту⁶¹³. Однако вероятность вступления Черногории в ЕС в кратко- и среднесрочной перспективе зависит не только от того, когда она закончит переговоры, но и сколько времени займет ратификация будущего договора о её приёме. У Хорватии на данную процедуру ушло практически два года.

Вторым наиболее вероятным кандидатом на вступление считается Сербия. У нее к маю 2019 года открыты шестнадцать глав; закрыты две – те же наука и образование и культура. Кроме того, Сербия запросила начало переговоров еще по трем главам, и еще пять глав Брюссель готов открыть в ближайшее время⁶¹⁴. Вместе с тем, экономический рост Сербии, согласно статистике ЕС, очень невысокий – 2 % в год. Это при том, что в 2014 году он был вообще отрицательным⁶¹⁵. Таким образом, разница в состоянии

⁶¹² Montenegro 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // 2019 Communication on EU Enlargement Policy. Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-montenegro-report.pdf>(Дата обращения 10.01.2020).

⁶¹³ Annex 2 to Montenegro 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // 2019 Communication on EU Enlargement Policy. Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-montenegro-report.pdf>(Дата обращения 10.01.2020).

⁶¹⁴ Serbia 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // 2019 Communication on EU Enlargement Policy. Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-serbia-report.pdf>(Дата обращения 10.01.2020).

⁶¹⁵ Annex 2 to Serbia 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions

взаимоотношений с ЕС между двумя наиболее вероятными кандидатами – Сербией и Черногорией – существенная. Исходя даже из весьма сухих и забюрократизированных отчетов Европейской комиссии, очевидно, что шансы на одновременное вступление обеих стран в ЕС к 2025 году, как было анонсировано Ж.-К. Юнкером в 2018 году, явно не высоки.

С большим отрывом вслед за Сербией и Черногорией следуют Северная Македония и Албания. Статус кандидата был предоставлен Скопье еще в 2005 году, но из-за греческого вето продвигаться в сторону евроатлантических структур Македония не могла. В 2018 году при посредничестве ЕС было подписано Преспанское греко-македонское соглашение, разрешившее спор о наименовании. Став Северной Македонией, бывшая БЮРМ рассчитывала на открытие переговоров о членстве в июне 2019⁶¹⁶ года, однако ей, Италии и странам Центральной и Восточной Европы не удалось преодолеть сопротивление западноевропейских членов ЕС. Решение пока отложено. На открытие переговоров ставку делала и Тирана, которая получила статус кандидата в 2014 году. Решение о предоставлении статуса стало последней приятной новостью для Албании в ее взаимоотношениях с Европейским союзом, поскольку, несмотря на позитивные заключения Европейской комиссии и в 2016, и в 2018 годах, что делать с открытием переговоров также, как и в случае с Северной Македонией, отложено⁶¹⁷.

Наконец, «шестерку» замыкают Босния и Герцеговина и самопровозглашенная республика Косово. Босния и Герцеговина, как и Албания, получила безвизовый режим еще в 2010 году. Соглашение о стабилизации и ассоциации подписано ею и ЕС в 2015 году. В 2016 году БиГ подала заявку на вступление в Европейский союз. В 2018 году она закрыла опросный лист кандидата⁶¹⁸. Однако в мае 2019 году Европейская комиссия дала крайне критическое заключение о готовности страны к получению статуса кандидата и

// 2019 Communication on EU Enlargement Policy. Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-serbia-report.pdf>(Дата обращения10.01.2020).

⁶¹⁶ North Macedonia 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // 2019 Communication on EU Enlargement Policy. Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-north-macedonia-report.pdf>(Дата обращения10.01.2020).

⁶¹⁷ Albania 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // 2019 Communication on EU Enlargement Policy. Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-albania-report.pdf>(Дата обращения10.01.2020).

⁶¹⁸ Bosnia and Herzegovina 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // 2019 Communication on EU Enlargement Policy. Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-bosnia-and-herzegovina-analytical-report.pdf>(Дата обращения10.01.2020).

открытию переговоров⁶¹⁹. Из заключения трудно понять, есть ли у Сараево перспектива получения положительного решения в обозримом будущем.

В отношении Косова перспективы такого решения в принципе очень сильно осложнены тем, что пять членов ЕС не признают независимость Приштины. В случае с Соглашением о стабилизации и ассоциации Брюссель нашел выход из положения при общем понимании того, что за диалог о нормализации отношений должны быть вознаграждены и Белград, и Приштина. Соглашение с Косово подписано в 2015 году Европейской Комиссией, которую в соответствии с Лиссабонским договором наделили необходимыми делегированным полномочиями. Оно вступило в силу в январе 2016 года⁶²⁰. Соответственно, одобрения со стороны каждого члена ЕС не потребовалось.

Однако дальнейшее продвижение Косова натывается не только на проблемы внутреннего развития, но и на серьёзные противоречия между членами ЕС. Так, заключение о том, что Косово в принципе готово к либерализации визового режима, было дано в 2018 году, однако решение до сих пор не вступило в силу⁶²¹. Вероятнее всего, косовары будут пытаться «обменять» его на снятие 100% увеличения таможенных тарифов на товары из Сербии, введенные в ноябре 2018 года. Однако дело в том, что за последние три года Приштина стала чрезвычайно сложным собеседником для Брюсселя. Поэтому вероятность ее поступательного диалога с ЕС невелика.

Таким образом, казалось бы, все шесть кандидатов из Балканского региона к 2018 году находятся на пути к членству в Европейском союзе. Тем не менее, реальные шансы на вступление к анонсированному бывшим председателем ЕК Ж.-К. Юнкеру 2025 году, судя по отчетам Европейской комиссии о прогрессе каждой из стран, есть только у Черногории. Вопрос о том, будет ли принято это решение, является откровенной спекуляцией и, если оно состоится, будет политически мотивированным.

Ниже анализируются обстоятельства, осложняющие как мотивированное решение Европейского союза в отношении Черногории, так и способность ЕС взять под контроль тенденции, ставшие характерными для внутреннего развития региона в условиях ставки на европейскую интеграцию в 2014 – 2019 гг.

⁶¹⁹ Commission Opinion on Bosnia and Herzegovina's application for membership of the European Union. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels, 29.5.2019 COM(2019) 261 final. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-bosnia-and-herzegovina-opinion.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶²⁰ Kosovo 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // 2019 Communication on EU Enlargement Policy. Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-kosovo-report.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶²¹ Ibid.

Как отечественные, так и зарубежные исследователи выделяют несколько вызовов, влияющих на политику Европейского союза в регионе в указанный период и ее пределы. Это социально-экономическое развитие региона, проблема миграции в широком контексте (как внутренняя, связанная с эмиграцией из региона, так и внешняя, опосредованная миграционным кризисом 2015 года), дрейф в сторону авторитарных режимов в регионе, Брекзит, «национализация» политики расширения ЕС, повышение роли других международных акторов в регионе и сопредельных территориях (последнему вызову посвящены 3 и 4 главы настоящего диссертационного исследования).

Вызовы социально-экономическому развитию стран бывшей Югославии

Экономические достижения стран бывшей Югославии за последние двадцать лет, несмотря на разнящиеся статистические показатели, невелики. Экономический кризис 2008 г. обнажил серьезные недостатки всего постъюгославского региона, характеризующиеся растущим объемом внешнего долга, высокой безработицей⁶²², ростом цен на коммунальные услуги и периферийным характером экономического уклада. Прервалась наметившаяся в годы экономического подъема тенденция подтягивания Восточной и Юго-Восточной Европы к Западной по уровню благосостояния⁶²³.

«Такие западно-балканские страны, как Босния и Герцеговина и Сербия, находятся в группе стран с самым высоким разрывом по уровню доходов населения и темпам восстановления ВВП, – констатируют исследователи на основе изучения имеющихся статистических данных. – Эти два государства, вместе с Черногорией до сих пор не вышли на уровень реального ВВП 1989 года (когда югославская экономика пребывала фактически в агонии – *прим. автора, Е. Г. Энтина*). Если посмотреть на показатели 2016 года, то по паритету покупательской способности все шесть стран Западных Балкан не достигли уровня 28% от 15 ведущих стран ЕС. Для сравнения, страны ЦВЕ в среднем балансировали в районе 60%»⁶²⁴.

⁶²² Так, в благополучной Словении безработица в 2015 г. составляла 11,6%, а за чертой бедности проживало 13,5% населения, уровень безработицы в Сербии составлял 18,9%, в Хорватии 19,5% населения проживало за чертой бедности. См.: CIA The World Factbook. // URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>(дата обращения 10.01.2020).

⁶²³ Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2014-2015 гг./ Отв. ред. Орлик И.И. М: Институт экономики РАН, 2016. С. 16.

⁶²⁴ Bonomi, M., Reljic, D. The EU and the Western Balkans: so near and yet so far: why the region needs fast-track socio-economic convergence with the EU // SWP Comment, 53/2017. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik - SWP- Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. 2017. Режим доступа: URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ss0ar-55516-3> (Дата обращения 10.01.2020).

Кроме того, неспособность стран бывшей Югославии получать выгоды от сближения с Европейским союзом демонстрирует и очень небольшой объем экспорта. В структуре ВВП ни у одной из стран он не превышает 30%⁶²⁵.

В общих чертах подобная ситуация наглядно и хорошо объяснима через сравнение со странами Центральной и Восточной Европы. Если последние проходили процесс трансформации экономики в условиях значительных объемов прямых инвестиций, передачи ноу-хау и относительно современных технологий, что суммарно способствовало реиндустриализации, то страны бывшей Югославии, начиная с распада и войн 1990-х гг., переживали практически три десятилетия деиндустриализации. Отсутствие экономического роста объясняется не «усталостью от расширения», как это часто трактуют Европейский союз, Всемирный банк и МВФ.

Известный экономист и эксперт по региону Душан Релич следующим образом объясняет причины экономической стагнации в регионе: «Когда в начале 2000-ых международные стратегии в отношении Балкан кардинально изменились, общие политические и экономические условия в регионе были существенно хуже тех, что испытывали страны ЦВЕ в 1989 году. Логика распада Югославии свидетельствовала, что потенциальные кандидаты в ЕС с Балкан по пути в ЕС должны в ускоренном порядке открыть свои рынки и экономически интегрироваться с Союзом. Этот путь был начат вопреки уничтоженному промышленному потенциалу, наличию процветающих теневых экономик, критически слабых и зачастую нефункционирующих государственных институтов, широко распространенной коррупции, плачевному состоянию систем образования и здравоохранения... Хотя экономическое положение улучшилось, в период 2001-2008 гг. бурный экономический рост, главным образом, базировался на потоках иностранного капитала, не связанного с экономической реструктуризацией и модернизацией. Институты, через которые государства пытались создать регулятивные рыночные механизмы и упорядочить конкуренцию, были неэффективны, зачастую давая свободу рук магнатам-капиталистам, получавшим квази-монопольную власть. В то же время иностранные инвесторы шли в непроизводственные сектора экономики, чем способствовали деиндустриализации, неэффективному распределению рабочих мест и росту торгового дефицита»⁶²⁶.

Несостоятельность модели роста Западных Балкан стала очевидной на пике глобального финансово-экономического кризиса. Балканские страны испытали на себе его последствия во многом и потому, что степень их экономической интеграции и

⁶²⁵ Ibid

⁶²⁶ Bonomi M., Reljic D. Op. cit.

зависимости от ЕС была уже крайне высокой. В результате тот рост, который демонстрировали республики в нулевые, был нивелирован: страны только за период 2005 – 2016 гг. накопили торговый дефицит с ЕС более 100 миллиардов евро, параллельно существенно увеличив и государственный долг⁶²⁷. «Хотя значительная часть ВВП стран Западных Балкан уходит в страны «ядра» ЕС, такие как Германия и Италия посредством торговых дефицитов и кредитных выплат западным банкам, западно-балканские государства, в отличие от новобранцев ЕС, не имеют доступа к европейским структурным фондам или другим грантам, через использование которых можно было бы смягчить последствия экономического кризиса и ускорить рост»⁶²⁸.

Фонды ИРА, через которые ЕС осуществляет финансирование балканских государств, направлены преимущественно на поддержку административных и институциональных реформ и не учитывают колоссальный разрыв в развитии стран Западных Балкан и ЕС. «В конечном итоге два десятилетия экономической интеграции Балкан с ЕС привели к очевидной зависимости региона от Союза... Страны Западных Балкан 73% от их общего объема торговли реализуют с ЕС в рамках практически полностью либерализованного режима торговли. Около 75-90% их банковской системы принадлежат иностранными банкам (преимущественно немецким, австрийским, итальянским, французским и греческим). Практически все страны одобрили фиксированные режимы обмена валют, формально или фактически привязав свои национальные валюты к евро или введя, как Косово и Черногория, евро в одностороннем порядке⁶²⁹. Вольно или невольно оказавшись в зависимости от ведущих европейских экономик, все республики бывшей Югославии лишены возможности создать условия для собственного и независимого поступательного экономического развития.

Даже по самым оптимистическим прогнозам, тот экономический рост, который сейчас демонстрируют большинство стран Западных Балкан, - от 2 до 4 %, согласно статистике ЕС, приведенной выше, недостаточен для того, чтобы консолидировать экономику. «По оценкам Всемирного банка, при росте 5 или 6% выполнение данной задачи возможно к концу 2030-х гг.»⁶³⁰ Это означает, что большинство населения стран региона обречено провести в бедности и крайне сложных социально-экономических условиях не менее полувека, при этом соседствуя с развитыми и вполне экономически

⁶²⁷ Western Balkans Summit 2019. Unleashing the transformation potential for growth in the Western Balkans. // OECD.org. Режим доступа: URL: http://www.oecd.org/south-east-europe/programme/Unleashing_the_Transformation_potential_for_Growth_in_WB.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

⁶²⁸ Bonomi M., Reljic D. Op. cit.

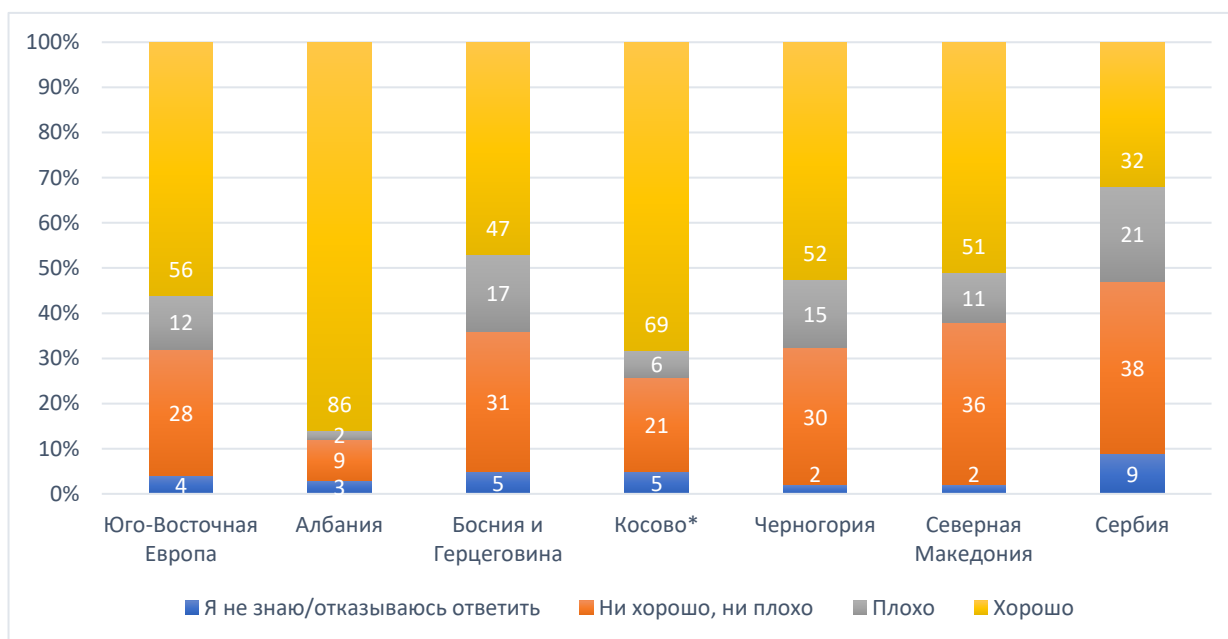
⁶²⁹ Bonomi M., Reljic D. Op. cit.

⁶³⁰ Ibid

благополучными западноевропейскими странами. Поэтому вполне очевидно, почему население балканских стран все более и более скептически настроено по отношению к трансформационной модели, предлагаемой Европейским союзом, как к универсальному средству решения всех политических и экономических проблем. Общий скепсис, ставший характерным с начала 2010-х гг., к их концу усилился за счет увеличения числа не столько скептиков, сколько равнодушных⁶³¹.

Диаграмма 1. Как, по Вашему мнению членство ЕС повлияет на экономику: хорошо, плохо или нейтрально (ни хорошо, ни плохо)?

(Количество респондентов – N=6120, доля от общего количества, %)

Источник: BALKAN BAROMETER 2019.

Из диаграммы видно, что Сербия оказалась единственной страной, где уровень поддержки вступления в ЕС ниже трети. Но хотя Албания и Косово остаются лидерами по показателю позитивного настроения, в 2019 году поддержка вступления в ЕС существенно упала: если в 2018 году, согласно данным Балканского барометра, в Косово она составляла 84%⁶³², то в 2019 – 69%. Вероятнее всего, это связано с тем, что косовары на практике шаг за шагом начинают осознавать реальные возможности их вступления в Европейский союз.

⁶³¹BALKAN BAROMETER 2019 Public Opinion // Analytical report Publisher: Regional Cooperation Council. Режим доступа: URL: https://www.rcc.int/seeds/files/RCC_BalkanBarometer_PublicOpinion_2019.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

⁶³²BALKAN BAROMETER 2018 Public Opinion // Analytical report Publisher: Regional Cooperation Council. Режим доступа: URL: <https://www.rcc.int/pubs/66/balkan-barometer-2018-public-opinion-survey> (Дата обращения 21.12.2019).

Ощущение бесперспективности, о котором говорят практически все исследователи современных Балкан, подстрекнуло **новую волну эмиграции из региона**. В принципе трудовая эмиграция – явление, традиционное для всех республик бывшей Югославии. Первая массовая волна была еще в СФРЮ в начале 1960х гг., когда, стимулируя отток населения в Западную Европу в поисках заработка, югославское правительство пыталось снизить социально-экономические последствия высокого уровня безработицы, с одной стороны, а с другой, пополнить федеральный бюджет за счет переводов трудовых мигрантов из-за рубежа оставшимся в Югославии родственникам. В начале 1970-х гг., на пике эмиграционной волны около 1,1 миллиона рабочих в возрасте от 20 до 45 лет уехали из СФРЮ⁶³³, что для страны с 20-миллионным населением, безусловно, было существенной цифрой. Как свидетельствуют архивы, переговорам в отношении их численности и статуса посвящалась львиная доля встреч югославского руководства и представителей ЕЭС⁶³⁴. Тем не менее, правительству не удалось таким образом решить накопившиеся социально-экономические проблемы, не в малой степени потому, что большая часть заработанных средств тратилась на приобретение товаров народного потребления. Вместе с тем эта первая волна эмиграции существенно изменила отношение населения региона к вопросу трудовой миграции, превратив ее в явление обыденное и даже желанное.

Вторая волна эмиграции пришлась на период гражданских войн на постъюгославском пространстве. Сухие статистические данные говорят сами за себя. «Распад СФРЮ вылился в потоки беженцев и перемещенных лиц за пределами и внутри региона. К концу 1995 года 350,000 хорватских сербов покинули Хорватию; в Боснии было перемещено 2,6 миллиона человек и 1,2 миллиона оказались беженцами, – приводят данные исследователи из региона. – В 1998 году 350,000 людей покинули Косово, в следующем году 350,000 переместились в Албанию, 250,000 в Македонию и 70,000 в Черногорию. Конфликт в Македонии 2001 года привел к тому, что около 150,000 этнических албанцев переместились в Косово»⁶³⁵. Многие из тех, что бежали от гражданских войн в бывшей Югославии, оказались в странах Западной Европы. «Правительства стран-членов ЕС настаивали на возвращении беженцев в регион, однако

⁶³³ “Yugoslavia: Guest Workers” // Nations Encyclopedia, December 1990. Режим доступа: URL: <http://www.country-data.com/cgi-bin/query/r-14823.html>. (Дата обращения 10.01.2020).

⁶³⁴ См.: АЈ. КРР. I-3 б/31. Zabeleška o razgovoru Tita sa Jean Reyom, 1. 06.1970.;

АЈ. СИВ. 658/ 130. J-1089. Informacija o trećoj fazi pregovora SFRJ-EEZ.;

АЈ. СИВ. 660/130. 1092. Informacije o prvom zasedanju Mešovite komisije SFRJ-EEZ.;

АЈ. КРР. I-3-б/42. Zabeleška o razgovoru Tita sa Mansholtom. 17.12.1972.;

АЈ. КРР. I-3-б/50. Zabeleška o razgovoru E. Kardelja sa Mansholtom. 17. 12. 1972.

⁶³⁵ Vermeulen H., Baldwin-Edwards M., van Boeschoten R. Migration in the Southern Balkans. From Ottoman Territory to Globalized Nation States. NY: Springer. 2015. P. 18.

по ряду причин это было просто невозможно. В итоге не более одного миллиона человек после окончания войн на постбюгославском пространстве вернулось в прежние места расселения».⁶³⁶

В одном из многочисленных докладов по этому вопросу приводятся следующие данные: «К концу 2013 года около 5,7 миллионов выходцев с Западных Балкан проживали за границей, а показатель эмиграции в среднем в регионе составил 31,2%, варьируясь от 18,2% в Сербии до 45,3 % в Черногории»⁶³⁷. Согласно исследованию, проведенному аналитической группой Всемирного банка, по показателю «стремления трудоспособных граждан уехать из страны» балканские государства находятся в наихудшем положении. Согласно приводимым в нём сведениям, 42% косоваров хотели бы уехать, что является третьим худшим показателем в мире и наихудшим в Европе. В Боснии и Герцеговине и Албании таких людей 32%, в Северной Македонии – 30% и в Сербии – 25%⁶³⁸.

Примечателен и пример Хорватии. В год её вступления в Европейский союз страну покинуло немногим более 15,000 человек. Однако начиная с 2013 года этот показатель только растет. Уже через три года, в 2016 году он составил 36,436 человек⁶³⁹, в 2017 году – 47, 352 человека из общей численности населения в 4,3 миллиона человек. При этом эксперты, знающие реальную ситуацию на местах, считают, что официальные цифры существенно занижены. Как утверждается в аналитическом обзоре «Динамика и причины миграции: ситуация в Хорватии и опыт новых членов ЕС» ('Dynamics and Determinants of Migration: The Case of Croatia and Experience of New EU Member States'), в период между 2013 и 2016 годами из Хорватии в страны «ядра» ЕС эмигрировали свыше 230,000 человек⁶⁴⁰.

Парадоксально, но это указывает на то, что вступление страны в Европейский союз не создало условий для внутреннего экономического роста и развития и не оказало позитивного влияния на общественные настроения. По данным социологических опросов,

⁶³⁶ Vermeulen H. et al. Op. cit. P. 20.

⁶³⁷ Vracic A. The Way Back: Brain Drain and Prosperity in the Western Balkans // ECFR Report. 9 May 2018. Режим доступа: URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/the_way_back_brain_drain_and_prosperity_in_the_western_balkans#_ftn11 (Дата обращения 10.01.2020).

⁶³⁸ Western Balkan Labor Market Trends 2019 // World Bank Group. Analytical report. March 2019. Режим доступа URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/351461552915471917/pdf/135370-Western-Balkans-Labor-Market-Trends-2019.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶³⁹ Vracic Alida Op. cit.

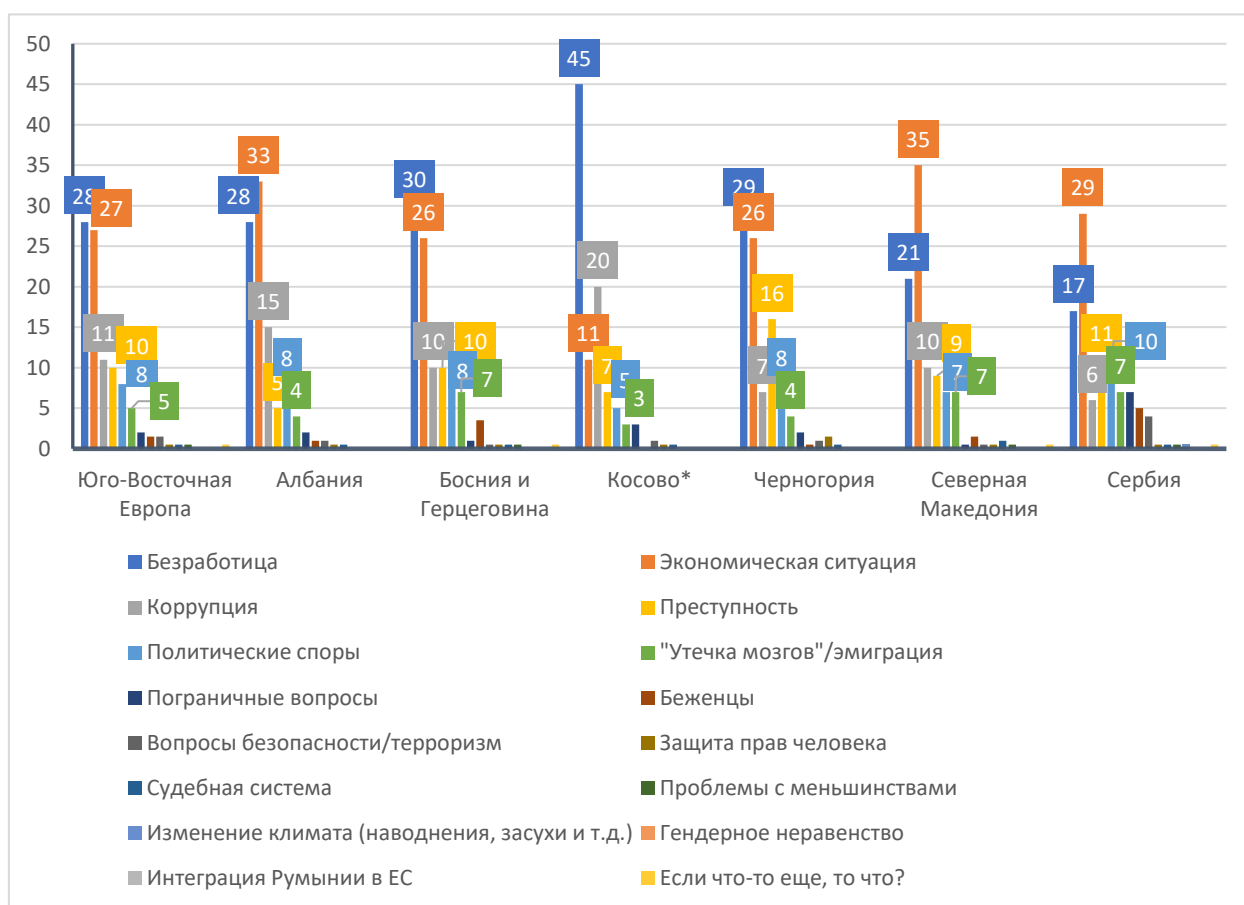
⁶⁴⁰ Vladislavljevic A. One-Way Ticket: Croatia's Growing Emigration Crisis. Zagreb. // BIRN. January 8, 2019. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2019/01/08/one-way-ticket-croatia-s-growing-emigration-crisis-12-21-2018/> (Дата обращения 10.01.2020).

проводившихся после вступления Хорватии в ЕС, основными причинами эмиграции стали «коррупция, примитивизм, религиозный шовинизм и национализм»⁶⁴¹.

Основную же озабоченность во всех странах балканской «шестерки», как показывает приведенная ниже таблица, вызывают безработица, экономическая ситуация и коррупция⁶⁴²;

Диаграмма 2. Что, по Вашему мнению, является наиболее серьезной проблемой, с которой сталкивается сегодня Юго-Восточная Европа (Албания, БиГ, Сербия (Косово отдельно), Северная Македония, Черногория)?

(Количество респондентов – N=6120, доля от общего количества, %)

Источник: BALKAN BAROMETER 2019.

В итоге хотя экономические индикаторы в регионе формально растут – например, в 2018 году регион продемонстрировал самый высокий со времени глобального финансово-экономического кризиса рост ВВП (в среднем по региону 3,7 %), – они всё равно существенно отстают даже от стран Центральной и Восточной Европы. «Рост

⁶⁴¹“Zašto ljudi bježe iz Hrvatske? Zbog vjerske zadrnosti, korupcije i uhljeba”// Webportal Index, 09.01.2018. Режим доступа: URL: <http://www.index.hr/vijesti/clanak/zasto-ljudi-bjeze-iz-hrvatske-zbog-vjerske-zadrnosti-korupcije-i-uhljeba/1018200.aspx>. (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁴² BALKAN BAROMETER 2019. Op. cit.

стимулировался потреблением и инвестициями, особенно государственными, направленными на снижение последствий высоких объемов чистого импорта, – акцентируют исследователи. – Рост в Албании и Косово стал аккумулятивным производным от государственных инвестиций, потребления и чистого экспорта. Появилось производство, увеличился экспорт сервисных услуг – особенно это касается сферы туризма в Албании. Сербский рост поддерживался возросшим потреблением, как частным, так и государственным, и государственными инвестициями, преимущественно в строительный сектор. Рост в Черногории связан также с инвестициями, прежде всего, в сферу энергетики, туризма и строительства дорог. То же можно сказать о Боснии и Герцеговине. В Северной Македонии его стимулировало преимущественно окончание внутривосточного кризиса»⁶⁴³.

Исходя из приведенной аргументации, к сожалению, нельзя сделать вывод о том, что экономический рост последних трех лет может стать прочной основой для поступательного развития экономики, поскольку он обеспечен в большей мере краткосрочными инвестициями практически без опоры на развитие реальных секторов экономики, создающих рабочие места. Косвенно это подтверждается показателями занятости и безработицы на Балканах. Несмотря на то что показатели безработицы официально существенно снизились во всем регионе и теперь варьируются от 12,1% в Албании до 29% в Косово, рынок труда имеет тенденцию к стагнации. Так, в 2018 году на рынке Западных Балкан добавилось только 116,000 новых рабочих мест, в то время как в предыдущие два года прирост был в 175,000 и 250,000 соответственно. При этом индекс безработицы снижается не только потому, что создаются рабочие места, но и главным образом из-за низкой активности (соответствующий индекс равнялся в 2017 году 52,7% в сравнении с 73,3% в среднем по ЕС), а также высоких показателей эмиграции трудоспособного населения, как уже указывалось выше.

На словах Брюссель высказывает крайнюю озабоченность подобным положением дел в регионе. Однако ряд экспертов считают, что на самом деле ситуация отвечает интересам Европейского союза и его ведущих государств-членов. «Германия, самая богатая страна ЕС, в 2015 году перестала предоставлять статус беженцев выходцам из стран бывшей Югославии (в разгар миграционного кризиса было принято решение, что все страны бывшей Югославии являются стабильными и безопасными для жизни – прим. автора, Е. Г. Энтина). Вслед за этим, ФРГ существенно облегчила иммиграционное законодательство для высоко квалифицированных рабочих из региона. Суммарно немецкие компании открыли более 780,000 вакансий, около 13% от общего числа. В 2016

⁶⁴³ BALKAN BAROMETER 2019. Op.cit.

году Германия приняла только 40,000 высоко квалифицированных рабочих, главным образом, из-за недостатка знания немецкого языка у последних. Возросшее число вакансий в таких ключевых сферах, как инженерия, программирование, здравоохранение позволило европейским странам принять многих людей с Балкан. С учетом экономического роста в Германии это может спровоцировать еще большую волну эмиграции... При этом согласно последним статистическим данным Федерального агентства по занятости ФРГ, хорватские граждане хорошо интегрированы в немецкую экономику. Безработица среди них не превышает 5,6 %, что существенно ниже средней – около 14% – среди всех иммигрантов. Миграция подстегивает также и рост налоговой базы. Некоторые проведенные в странах ЕС исследования показывают, что за счет квалифицированных мигрантов ВВП государства увеличивается от 0,5 до 1,3%. Это происходит, поскольку рабочие переезжают в наиболее активном возрасте и в большей степени заинтересованы в заработке, чем резиденты»⁶⁴⁴. Приведенные выводы подтверждает также и отчет британского НПО «Вестминстерский фонд поддержки демократии» под названием «Цена эмиграции молодежи (на примере Сербии)», подготовленный в 2017 году⁶⁴⁵.

Таким образом, социально-экономические тенденции в регионе и отношение к ним со стороны Европейского союза создали парадоксальную ситуацию, когда от стран бывшей Югославии ожидают бурного экономического роста, при этом практически не концентрируясь на создании соответствующих условий. В результате та часть населения, которая и должна на практике осуществлять процесс европеизации, постепенно эмигрирует из региона, оставляя в большинстве тех, кто в силу разных причин равнодушно относятся к идее европейской интеграции и трансформации. Несоответствие политических требований и экономических реалий подчеркивает и различие в позициях международных институтов относительно того, каким образом экономический рост может быть достигнут.

Всемирный банк и МВФ традиционно придерживаются мнения о необходимости снижения роли государства в экономике и создания за счет этого благоприятных условий для ведения бизнеса и притока прямых иностранных инвестиций. Однако это почти никак не коррелирует с политикой создания влиятельных и последовательно лояльных политических элит, ответственных как за политическую, так и социально-экономическую

⁶⁴⁴ Vracic A. Op. cit.

⁶⁴⁵ Cost of Youth Emigration //Western Balkans Democracy Initiative. Режим доступа: URL: <https://www.wfd.org/wp-content/uploads/2019/05/Cost-of-youth-emigration-Serbia.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

европеизацию их стран, которую осуществлял Европейский союз на протяжении первых полутора десятилетий применительно к Западным Балканам.

Совокупность данных обстоятельств привела к тому, что в странах бывшей Югославии с учетом роста их транзитного значения в международном плане и усиления их периферийного характера – в социально-экономическом, стали складываться **популистские, зачастую близкие к авторитарным политические режимы.**

Исторически в этом нет ничего удивительного. Как и в начале 2000-х годов, об установлении «эры демократии» и прекращении «эры конфликтов» говорили в начале 1920-х годов, на волне оптимизма после окончания Первой мировой войны и эйфории от стабилизации международных отношений. В действительности же несколько лет спустя вся Европа оказалась охвачена модными идеями фашизма, приведшими к авторитаризму (за исключением Франции и Великобритании). Авторитарная волна захлестнула и Восточную Европу: Александр Карагеоргиевич – в Югославии, Хорти – в Венгрии, Зогу – в Албании, Борис III – в Болгарии, Метаксас – в Греции – приход этих лидеров стал выражением объективных социально-политических стремлений решить директивными методами внутренние проблемы молодых государств, провести централизацию экономики и постараться приблизиться к развитым странам, ушедшим вперед.

Исторические параллели не могут быть полностью корректными, однако социально-экономические условия (нестабильность, необходимость «догоняющей модернизации», наличие национального вопроса), а также использование сходных внутривнутриполитических приемов (демагогия, популизм, клановость) указывают на общность двух эпох. Различие заключается в степени внешнего влияния. Хотя в межвоенный период Балканы до определенного момента находились под сильным влиянием Франции, а затем Германии, и сказывалось традиционное «теневое влияние» (так, Италия и Венгрия поддерживали хорватских усташей, боровшихся против режима в Югославии), регион в значительной степени был предоставлен сам себе, и политические процессы приобрели более-менее автономный характер. Как следствие, к концу 1930-х две основные этнические группы Югославии – сербы и хорваты – сумели прийти к компромиссу и выработать модель мирного сосуществования, которая, если бы не началась Вторая мировая война, возможно, могла бы спасти югославское государство⁶⁴⁶.

Сегодня в странах Западных Балкан реализация необходимых Брюсселю решений осуществляется посредством склонных к авторитаризму и в высшей степени управляемых

⁶⁴⁶ Речь идет о Соглашении Цветковича – Мачека, выделявшем для Хорватии особую сферу влияния внутри Югославии (Хорватскую бановину), включавшую часть БиГ. См., например: Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. С. 291 -295

демократий, чему вольно или невольно способствовала сама политика Европейского союза. «Со времени становления многопартийной системы на заре 1990-х гг. большинство стран Западных Балкан сформировали гибридные режимы, которые представляют из себя нечто среднее между консолидированными демократиями и автократиями»⁶⁴⁷, – констатирует М. Богардс. Нулевые годы, как демонстрирует анализ внутривнутриполитической борьбы, приведенный в предыдущем параграфе, характеризовались постепенной демократизацией, выразившейся в регулярной смене власти, стремлении правящих коалиций проводить необходимые на пути европеизации политические и экономические реформы. К середине 2010-х гг. наблюдается откат в сторону авторитарных тенденций, характеризующийся резким снижением свободы прессы⁶⁴⁸, эрозией независимых институтов и опорой на неформальный контроль за государственным аппаратом со стороны правящих партий⁶⁴⁹.

Закреплению данных тенденций способствовала внешняя поддержка политических лидеров, которая выражалась в формально довольно активном продвижении всех бывших югославских республик к членству в Европейском союзе. Технические шаги – статус кандидата, открытие переговоров, открытие и закрытие отдельных глав – служили и продолжают быть самым очевидным свидетельством легитимности режимов. Они же позволяют всем без исключения балканским режимам лишать основных аргументов оппозицию.

Прогресс на пути в ЕС релятивизирует, таким образом, внутренние изъяны режимов. Флориан Бибер пишет: «не секрет, что основная поддержка, как финансовая, так и нормативная всем инициативам по демократизации в свете европейской интеграции региона исходила от западноевропейских структур, начиная с Совета Европы и заканчивая НАТО. Отсутствие серьезной поддержки процессу демократизации со стороны Европейского союза привело к усилению автократических черт балканских режимов, которые сформировали свою международную легитимность на обеспечении стабильности, а не демократии»⁶⁵⁰. В данной связи встает вопрос, не это ли на самом деле и являлось основной целью Европейского союза в предыдущий период. Возможно,

⁶⁴⁷ Bogaards M. How to Classify Hybrid Regimes? Defective Democracy and Electoral Authoritarianism// Democratization. 2009. N 16 (2). pp. 399–423.

⁶⁴⁸ Подробнее см.: Kmezić M., Bieber F. Media Freedom in the Western Balkans. Background Papers // Balkans in Europe Policy Advisory Group. 2015.

⁶⁴⁹ Bridge over troubled waters? The Role of the internationals in Albania. 2012. // Centre for liberal Strategies. Sofia. Режим доступа: URL: http://www.cls-sofia.org/uploads/files/Bridge%20Over%20Troubled%20Waters_The%20Role%20of%20the%20Internationals%20in%20Albania.pdf(дата обращения 10.01.2020).

⁶⁵⁰ Bieber F. Patterns of competitive authoritarianism in the Western Balkans // Journal of East European Politics. 2018. Volume 34. Issue 3. Режим доступа: URL:<https://doi.org/10.1080/21599165.2018.1490272>(дата обращения 10.01.2020).

«стабиллократия»⁶⁵¹ (термин, изобретенный немецким исследователем Йоханной Даймель в 2012 году в отношении политических режимов региона и ставший крайне популярным в экспертной и научной среде) – закономерный результат усилий ЕС 2000-х гг. по созданию «сообщества безопасности» на Балканах.

Лидеры всех существующих сегодня в бывших югославских республиках политических режимов – от Мило Джукановича и Николы Груевского (а теперь Зорана Заева) до Милорада Додика и Александра Вучича – пришли к власти как реформаторы-прагматики при существенной внутренней и внешней поддержке. Большинство из них (за исключением Н. Груевского, потерявшего и внутреннюю, и внешнюю поддержку, и М. Додика, утратившего доверие, прежде всего, в официальном дискурсе международного сообщества) пользуются ей до сих пор.

Так, лидер Черногории Мило Джуканович, находящийся у власти с 1989 до настоящего времени, несмотря на несоответствие его режима европейским представлениям о демократических институтах, был поддержан Брюсселем в протестах 2015-2016 гг. и в конечном итоге обеспечил вступление Черногории в НАТО 5 июля 2017 года. Хотя 28 ноября 2016 года М. Джуканович покинул формально «главный» пост премьер-министра, ДПС, председателем которой он является, сохранила лидирующие позиции. «Если А. Лукашенко называют последним диктатором Восточной Европы, то режим М. Джукановича в некотором смысле может считаться его балканским эквивалентом, разрушающим стройную картину демократического транзита»⁶⁵², - отмечает А. А. Пивоваренко.

С 2012 года Брюссель последовательно поддерживает режим А. Вучича, не замечая очевидные изъяны в демократических процедурах. Схожим образом действовал Брюссель и в Македонии, на протяжении десяти лет поддерживая режим Н. Груевского, присутствие которого у власти длительное время не противоречило взгляду Брюсселя на демократические процессы. Когда же в силу ряда причин Н. Груевски как премьер-министр перестал отвечать интересам Брюсселя, тот без особых колебаний и открыто поддержал приход к власти «нового ставленника» – З. Заева – весной 2017 г.

С 1999 г. стабильность весьма авторитарного режима Х. Тачи в Косово обеспечивается двумя факторами: неспособностью международной миротворческой

⁶⁵¹ Primatarova A., Deimel J. "Bridge over Troubled Waters? The Role of the Internationals in Albania". // Center for Liberal Strategies, Sofia. 2012. Режим доступа: URL: <http://www.cls-sofia.org/en/forthcoming-events/bridge-over-troubled-waters-the-role-of-the-internationals-in-albania-180.html> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁵² Пивоваренко А. А. Трансформация, стабилизация или консервация: политический кризис 2014 – 2017 гг. в Юго-Восточной Европе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. № 1 (11). 2018. С. 125

миссии демонтировать клановую структуру, но также очевидно и специфическим характером взаимоотношений, существующих у Х. Тачи с представителями ЕС и США.

Содействие Брюсселя авторитарным тенденциям имеет и более серьезные последствия. Безальтернативная поддержка режима Мило Джукановича привела к фундаментальным последствиям с точки зрения нациестроительства: с момента отделения в 2006 г. Черногории от Сербии идеология нового государства строилась на концепции т.н. «особой» «черногорской» идентичности, суть которой заключается в принадлежности к «адриатической» и «южноевропейской» цивилизации – в отличие от «балканской» и даже «сербской» идентичности. Продолжение этого курса может привести к возникновению в Черногории проблемы сербского этнического меньшинства, к которому можно отнести не менее 30% населения.

В Сербии линия на «мягкое» признание независимости Косова, которую проводит А. Вучич, оказывает серьёзное влияние на национальную психологию, с одной стороны, стимулируя развитие апатии, с другой – создавая почву для возникновения ревизионистских настроений.

В Македонии приход к власти режима, нацеленного на скорейшее вступление в ЕС и НАТО, привёл к заключению неформальных соглашений с албанским национальным меньшинством («Тиранская платформа»), Болгарией и Грецией (т. н. Преспанское соглашение). Уступки македонского руководства по широкому кругу вопросов – этническое представительство в госструктурах, название государства, историческая политика – чреватые радикальными изменениями в государственности Македонии. Кроме того, ослабление под давлением Брюсселя позиции Скопье косвенно активизировало националистические настроения в Греции.

Известно стремление Брюсселя к коренному перелому ситуации в Боснии и Герцеговине, что чревато дальнейшим поражением в правах сербского сообщества. Вместе с тем Брюссель демонстрирует прямо противоположный подход, стремясь законсервировать развитие албанского национального движения, затрагивающего сегодня шесть государственных единиц (Албания, Черногория, «Республика Косово», Греция, Македония, Сербия).

Согласно господствующим представлениям, то, что эти во многом авторитарные режимы имеют серьёзную внешнюю поддержку, исключает возврат к тому типу национализма, который был характерен для 1990-х годов⁶⁵³. Кроме того, распространённым является, на наш взгляд, весьма спорное мнение о том, что ни один из

⁶⁵³ Bieber F. Patterns of competitive authoritarianism in the Western Balkans // Journal of East European Politics. 2018. N34(3). pp. 337-354.

этих режимов нельзя назвать авторитарным в полном смысле слова, поскольку каждый из них основан пусть и на слабых, но в целом демократических институтах. На него указывает, например, тот же Флориан Бибер⁶⁵⁴. Подобный подход со стороны как большинства западноевропейских исследователей, так и самого ЕС привел к тому, что Брюссель «прозевал» момент концентрации социального недовольства на Балканах и возникновение запроса на принципиально новые политические элиты.

Если обратиться к хронологии, становится ясным, что нынешний политический кризис на Балканах развивался постепенно. На фоне кризисных явлений, захлестнувших Грецию и Болгарию в период до 2014 года, западная часть Балкан смотрелась относительно стабильно. Однако эта стабильность оказалась ложной. В 2014 и 2016 гг. массовые акции протеста прошли в Боснии и Герцеговине. В 2014 г. они затронули мусульманскую часть Боснии и получили название «Боснийская весна» (3-10 февраля 2014 г.). 14 мая 2016 г. центром протестной активности стала уже столица Республики Сербской Бая-Лука, где состоялись два параллельных митинга – за и против президента Республики Сербской М Додика⁶⁵⁵.

27 сентября 2015 г. начались акции протеста в Черногории. В это же время развивался правительственный кризис в Хорватии, где парламентские выборы ноября 2015 и сентября 2016 гг. (внеочередные) сопровождались трудностями при формировании коалиции.

Наконец, народные волнения захлестнули Сербию. В первой половине 2016 г. состоялись четыре крупных демонстрации по разным поводам. Ими послужили: подписание соглашения о логистике с НАТО, неоднозначные результаты парламентских выборов, протесты против строительного проекта «Белград на воде». В 2017 г. на следующий день после победы А. Вучича на президентских выборах 2 апреля (55%) начались акции протеста, которые продолжались 58 дней (3 апреля-31 мая 2017 г.). ЕС, однако, это обстоятельство проигнорировал, из чего можно сделать вывод, что его устроила победа А. Вучича.

Наиболее тяжелым образом кризис развивался в Македонии. Кабинет премьер-министра Николы Груевского работал с июля 2006 г.⁶⁵⁶ До 2015 г., то есть больше восьми лет, к нему и его политике со стороны ЕС серьезных нареканий не было. Об этом свидетельствуют ежегодные позитивные заключения Европейской комиссии о

⁶⁵⁴ Ibid.

⁶⁵⁵ Республика Сербская: отложенная цветная революция? // Newsland.com. 2016. 16.05. Режим доступа: URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/respublika-serbskaia-otlozhennaia-tsvetnaia-revoliutsiia/5236047> (дата обращения 10.01.2020).

⁶⁵⁶ Edward P. J. The Balkans, Interrupted// Balkan Insight. 25 May 2015. Режим доступа: URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/the-balkans-interrupted> (дата обращения 10.01.2020).

стабилизации и ассоциации Бывшей югославской республики Македония (БЮРМ)⁶⁵⁷. «Кризис начался в январе 2015 года, когда лидер оппозиционного Социал-демократического союза Македонии Зоран Заев объявил о наличии компрометирующих записей телефонных переговоров правящей верхушки страны. Где Заев получил эти записи, он не пояснял, однако впоследствии оппозиция выдвинула обвинения, что записи якобы вели спецслужбы самой Македонии. Оппозиция утверждала, что власти прослушивали в общей сложности 20 тысяч человек – политиков, общественных деятелей, журналистов»⁶⁵⁸.

В трактовке оппозиционеров записи обнаруживали «истинную сущность» и политического лидера, и возглавляемого им правительства⁶⁵⁹. Градус народного недовольства вырос на порядок. Начались акции протеста и демонстрации. Они завершились удовлетворением требований оппозиции и присоединившегося к ней ЕС о досрочных парламентских выборах. Неочевидная легитимность подобного решения стала, по сути, первым случаем в регионе, когда Европейский союз, исходя из откровенно субъективных соображений, применил политику «двойных» стандартов в отношении внутривнутриполитического, электорального процесса в балканских странах.

На демонстрации, организованные в Скопье оппозицией, вышли по разным подсчетам от 20 до 60 тысяч человек. Примерно столько же собрали сторонники действующей власти (по официальным данным – более 30 тысяч человек, по другим – от 20 до 30 тысяч). Даже в такой маленькой стране, как Македония, это не более 3% населения. По сути, Запад удовлетворил требования 0,01 части граждан страны. Уход правительства Груевского, каким бы коррумпированным оно ни было, в результате недоверия активного меньшинства населения, с точки зрения основ демократии, был неприемлем.

Это свидетельствует о том, что ЕС и его государства-члены проповедуют двухскоростную трактовку базовых правил демократии в третьих странах и занимаются ручным управлением демократией в них. Во Франции доверие к президенту Ф. Олланду и правительству в тот же период било исторические минимумы (поддержка около 18%

⁶⁵⁷См.: EC Reports 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 Macedonia. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: <http://ec.europa.eu/enlargement/> (дата обращения 10.01.2020).

⁶⁵⁸ Гуськова Е.Ю. Ситуация в Македонии чревата хаосом и гражданской войной //РИА Новости. 18.04.2015. Режим доступа: URL: <https://ria.ru/world/20160418/1414208735.html> (дата обращения 10.01.2020).

⁶⁵⁹ Jordanovska M., Marusic S. J. Dissenters Challenge Gruevski's Grip in Macedonia // Balkan insight. 10 March 2015. Режим доступа: URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/dissenters-challenge-gruevski-s-grip-in-macedonia> (дата обращения 10.01.2020).

населения⁶⁶⁰). Тем не менее, никому не пришло в голову менять электоральный цикл в связи с тем, что власть не пользуется общественной поддержкой. В отношении западно-балканских стран в случае с внутривалитическим кризисом в Македонии Брюссель применил прямо противоположный подход.

Кроме того, в ходе внутривалитического кризиса в Македонии, ярко проявилась и неспособность Европейского союза самостоятельно успешно решать острые региональные вопросы в силу отсутствия независимого от Вашингтона авторитета. С февраля до конца июня 2016 года, несмотря на постоянные консультации Брюсселя с премьер-министром Н. Груевским и лидером оппозиции З. Заевым, Европейскому союзу не удалось не только достичь компромисса между ними, но и усадить за стол переговоров. Это легко и успешно в течение одного дня сделала американская дипломатия во главе с прилетевшей в Скопье Викторией Нулланд.

Условия, в которых было принято важнейшее в современной истории македонского государства решение, – референдум о переименовании в Северную Македонию – стало дополнительным свидетельством данного тезиса. С точки зрения закона, результаты референдума оснований для него не давали, тем не менее оно было проведено через парламент под предлогом «консультативного», т.е. юридически необязывающего характера референдума.

На этом фоне получается, что действующая политическая элита, как и предыдущая, является заложником отношений с Европейским союзом. Если основной проблемой предыдущей элиты были отношения с Грецией, то сегодня вместо них центральное место занимают неготовность ЕС к расширению и высокая цена для внутривалитического и национального развития, уплаченная за урегулирование диспута с Грецией, а также компромисс с албанцами, заключенный с целью приведения к власти команды реформаторов во главе с З. Заевым.

На фоне Македонии относительно спокойной выглядела до 2018 года ситуация в соседнем крае Косово. Однако это спокойствие обманчиво: сформированное правительство было структурно нестабильным. Система политического представительства построена в Косово таким образом, что ни одна политическая сила не может получить большинство в одиночку. Вследствие этого формируются коалиции, либо предвыборные, либо послевыборные. Как считают албанские эксперты, зачастую это приводило к тому,

⁶⁶⁰ Франсуа Олланд: беспрецедентно низкий рейтинг. // Euronews.com. 17.05.2016. Режим доступа: URL: <http://ru.euronews.com/2016/05/17/francois-hollande-scores-lowest-poll-for-a-french-president> (дата обращения 10.01.2020).

что «коалиции формировались из партий, которые до последнего момента были яркими оппонентами»⁶⁶¹. Это обуславливало их хрупкость.

До 2017 года с разной степенью успешности парламент функционировал на основе коалиции двух крупнейших партий – Демократической партии Косова (ДПК) и Демократической лиги Косова (ДЛК). Последний парламент, избранный в результате внеочередных выборов в 2017 году, представлял собой конгломерат пяти крупных сил: основных групп косовских албанцев (Х. Тачи, Р. Харадинай, Ф. Лимай и Б. Пацолли) и партии «Сербский блок», поддержавшей (по согласованию с Белградом) многостороннюю коалицию. При этом коалиции ДПК (Кадри Весели), Альянса за будущее Косова (Рамуш Харадинай) и Социально-демократической инициативы (Фатмир Лимай) удалось набрать только 34% голосов, что обеспечило закрепление за ними премьерского кресла, но было недостаточным, чтобы получить 61 из 120 мест в парламенте⁶⁶².

Это привело к тому, что на протяжении 22 месяцев работы парламента практически все законодательные инициативы блокировались. Кроме того, «Демократическая партия Косова и партия «Самоопределение» постоянно координировали свои усилия против правительства Р. Харадинай, выискивая момент для вотума недоверия»⁶⁶³. При этом оппозиционные силы албанцев являются консолидированными. С 2013 г. в крае проходили регулярные демонстрации, инициатором которых являлась лево-националистическая партия «Самоопределение», занявшая второе место на выборах 2017 г. (27,49%) и первое по результатам последних парламентских выборов 6 октября 2019 года. Партия сочетает радикальный национализм с антикоррупционной риторикой и акциями «прямого действия», в ходе одной из которых даже пострадала посол США⁶⁶⁴. Стоит добавить, что «Самоопределение» выступает против посреднических усилий Брюсселя в переговорах с Сербией и переговоров как таковых, считая их предательством албанской национальной идеи⁶⁶⁵.

В июле 2019 года Рамуш Харадинай подал в отставку в связи с необходимостью явиться в Гаагу в качестве подозреваемого в военных преступлениях во время кризиса в

⁶⁶¹ Perparim I. In Kosovo, bitter rivals turn electoral allies // *Balkan Insight*. 21 August 2019. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2019/08/21/in-kosovo-bitter-rivals-turn-electoral-allies/> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁶² Perparim I. How Political Instability has felled Kosovo's governments // *Balkan Insight*. 3 September 2019. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2019/09/03/how-political-instability-has-felled-kosovos-governments/> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁶³ Perparim I. Haradinaj Resignation leaves Kosovo on crossroads // *Balkan Insight*. 23 July 2019. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2019/07/23/haradinaj-resignation-leaves-kosovo-at-crossroads/> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁶⁴ Ambasadorja amerikane duke hyrë në Kuvend // *Gazeta Tribuna*. 27.06.2013. Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QIjhkeOOyIk> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁶⁵ Rexhepi P. In Kosovo, too, there's a future for a leftist party of economic and social justice // *The Guardian*. 12.06.2017. Режим доступа: URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/12/kosovo-leftist-party-social-justice-vetevendosje> (Дата обращения 10.01.2020).

Косове 1999 года. 22 августа 2019 года косовский парламент был в очередной раз расформирован, а внеочередные выборы назначены на 6 октября 2019. Таким образом, за одиннадцать лет независимости парламентские выборы в Косово прошли в пятый раз. Эксперты изначально предвещали хрупкость любой коалиции вследствие высокой поляризации политических элит, с одной стороны, и отсутствия ясной стратегии приемлемого будущего Косова у любой из имеющихся политических сил, с другой⁶⁶⁶. Однако выяснилось, что А. Курти, получивший в результате победы на выборах премьерское кресло, столкнулся с огромными сложностями на этапе формирования коалиции. А. Курти пришел к власти не в последнюю очередь благодаря в целом популистской программе, которая складывается из нескольких элементов. Диалог Белграда и Приштины не был заявлен мандата Курти. Наиболее важные вопросы в политической программе А. Курти – это внутреннее развитие Косова, борьба с коррупцией и безработицей. При этом в качестве косвенного фактора необходимо отметить, что А. Курти, несмотря на свою внешнюю радикальность, представляет албанских политиков нового поколения. В отличие от Р. Харадиная и Х. Тачи, он относится к политикам «без криминального прошлого», неплохо образован, свободно говорит на английском языке. Таким образом, можно заключить, что в Косово начался транзит власти от откровенных «уголовников» к политикам, в целом вписывающимся в парадигму европейской партийно-политической элиты.

Обвинения со стороны властных политических элит на Балканах в «ручном характере» происходящих протестов не объясняет достаточно неожиданный прогресс возникающих новых политических партий и движений, часть из которых еще вчера считались маргинальными и радикальными, имели ограниченный бюджет или специфическую идеологию⁶⁶⁷. Распространение феномена протестного голосования показывает, что доверие к нынешним политическим элитам подорвано – у населения существует запрос на альтернативную повестку. Собственно, это неудивительно: подобное происходит сегодня по всей Европе. В этой связи балканские страны – далеко не единственные, испытывающие явный упадок либеральных идей и демократических

⁶⁶⁶ Perparim I. Haradinaj Resignation leaves Kosovo on crossroads// Balkan Insight. 23 July 2019. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2019/07/23/haradinaj-resignation-leaves-kosovo-at-crossroads/> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁶⁷ Так в Хорватии в парламент попало студенческое движение «Живая стена». Несколько ранее, в 2015 году, на президентских выборах в Хорватии еще более весомого успеха добился 25-летний Иван Синчич (движение «Живая стена»), набравший 16,42% голосов, располагая избирательным фондом всего в 11 тыс. евро. В Сербии по итогам выборов 2016 г. в парламенте оказались 4 оппозиционных партии, а на президентских выборах 2017 г. комик Л. Максимович, выступавший под псевдонимом и не имевший программы в традиционном смысле этого слова, набрал 9,43%. В «Республике Косово» на парламентских выборах 2017 г. 27,49% набрало радикальное движение «Самоопределение!», сочетающее радикальный национализм с антикоррупционной риторикой и использующей методы «прямого действия».

подходов в том виде, в котором они воспринимались во второй половине XX века. Но по мнению ряда исследователей, в случае с ними проблема заключается в том, их период консолидированной демократии, в отличие от других европейских стран, был слишком кратким⁶⁶⁸.

Обобщая, можно сказать, что сегодняшние политические лидеры являются далеко не худшим вариантом для Брюсселя, с точки зрения постконфликтной стабилизации региона. Однако они, безусловно, не являются и лучшим вариантом либо ввиду околоскриминального прошлого, либо по причине излишней диверсифицированности их внешнеполитических связей, возникшей начиная со второй половины 2000-х годов и основанной на балканской мифологии национализма. В любом случае это далеко от линейного перехода к демократии. Согласимся с утверждением А. Пивоваренко о том, что «даже если нынешняя «авторитарная волна» является временной, ее наличие показывает, что взгляд на развитие региональных процессов как на поступательный переход от авторитаризма к демократии – как минимум, упрощение»⁶⁶⁹.

В аналитических и перспективных документах Евросоюза и США за 2014-2019 гг. неоднократно подчеркивается, что Балканскому региону нужны новые перспективы, новые стимулы для развития. Необходимо предотвратить отток населения по экономическим причинам, возродить по-прежнему нарушенные горизонтальные взаимосвязи. Предпосылкой для реализации этих проектов называются политическое реформирование региона, «демократизация политических процессов», повышение качества госуправления⁶⁷⁰.

Процессы, протекающие в большинстве стран Западных Балкан в последние два-три года, стали называть «узурпацией государства»⁶⁷¹. Впервые этот термин появился в отчете Европейской комиссии о прогрессе БЮРМ в 2016 году для описания институтов, которые негативно влияют на процесс демократизации и важнейшие сферы жизни общества. В начале 2018 года Брюссель распространил применение данного термина уже

⁶⁶⁸ Bieber F., Irena Ristić I. Constrained Democracy: The Consolidation of Democracy in Yugoslav Successor States // Southeastern Europe. 2012. N 36 (3). pp. 373–397; Džihic V., Dieter S. Lessons from 'Post-Yugoslav' Democratization. Functional Problems of Stateness and the Limits of Democracy // East European Politics and Societies. 2012. N. 26(2). pp. 239–253.

⁶⁶⁹ Пивоваренко А. Трансформация, стабилизация... С. 130

⁶⁷⁰ Final Declaration by the Chair of the Conference on the Western Balkans (2014). // Официальный сайт Федерального правительства Германии. Режим доступа: URL:: <https://www.bundesregierung.de/Content/EN/Pressemitteilungen/BPA/2014/2014-08-28-balkan.html> (Дата обращения 10.01.2020); Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. Balkans Forward. A New US Strategy for the Region // Atlantic Council. November 2017. pp. 12-14.

⁶⁷¹ EC (European Commission). "The Former Yugoslav Republic of Macedonia 2016 Report". Brussels. 9 November 2016. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2016/20161109_report_the_former_yugoslav_republic_of_macedonia.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

на все западно-балканские страны, отметив, что «страны демонстрируют очевидные элементы «узурпации государства», включая связи с организованным криминалом и коррупцию во всех эшелонах власти»⁶⁷².

На практике переход к подобной характеристике политиков, находящихся у власти на Балканах, означает повышение вероятности очередной смены существующих политических элит на новое поколение политических лидеров – более молодое, однозначно европейски-ориентированное и, следовательно, более предсказуемое.

Таким образом, если в 1930-е годы регион, охваченный авторитарной волной, был в значительной степени предоставлен самому себе, то сегодня развитие внутривнутриполитических процессов определяется и будет определяться нарастающим внешним влиянием, в сфере внутренней политики – преимущественно влиянием Брюсселя. Однако активное и директивное внешнее вмешательство, вполне вероятно, будет связано с усилением отсталости в экономическом смысле и, соответственно, с накоплением внутренних проблем – в политическом, и поэтому не сможет дать необходимого эффекта.

Кроме того, описанные выше внутренние проблемы и тенденции развития Балканского региона тесно сопряжены с вызовами, касающимися непосредственно самого Европейского союза и ставшими сопутствующими факторами формирования его единой внешней политики в период с 2014 года по настоящее время.

Часть внутривнутрибалканских противоречий и суть взаимоотношений по линии ЕС – Западные Балканы вскрыл **миграционный кризис 2015 года**. Регион стал одним из маршрутов попадания беженцев с Ближнего Востока в западноевропейские страны, получив название «Балканский маршрут». Он сделался популярным еще за несколько лет до основной волны, в частности, по данным отдельных исследователей, в 2012 году⁶⁷³. Маршрут, так или иначе затрагивающий Балканский регион, к началу миграционного кризиса состоял из трех частей. Под углом зрения фактологии они описываются следующим образом:

« - Круговой маршрут из Албании в Грецию: миграция через сухопутную границу между Грецией и Албанией была в течение многих лет одним из самых значительных

⁶⁷² EC (European Commission). “A Credible Enlargement Perspective for and Enhanced EU Engagement with the Western Balkans.” Strasbourg, 6 February 2018. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁷³ См., например: Vathi, Z. Addressing migration of unaccompanied minors from and through the Western Balkans// International Organisation for Migration. Regional Report 2015. Режим доступа: URL: <http://www.albania.iom.int/publications/reports/IOM%20Regional%20Report%20on%20UAMs%20in%20Western%20Balkans.pdf>. (Дата обращения 10.01.2020).

нерегулярных миграционных потоков через внешние границы ЕС, но в 2015 году по этому маршруту в Европу прибыли только 8932 человека.

- Западно-балканский маршрут: включает два основных миграционных потока: первичный – из стран Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Черногория, Сербия и Северная Македония); вторичный – мигранты, которые пересекли границы ЕС через наземную или морскую болгаро-турецкую или греко-турецкую границу, через Западные Балканы добираются в Венгрию. Этим маршрутом пользуются граждане Пакистана, Афганистана, Алжира, стран к югу от Сахары. В 2015 году этим маршрутом на пути в Европу воспользовались 764 038 человек.

- Восточно-Средиземноморский маршрут: через Турцию в Грецию, Болгарию, Кипр. Наиболее многочисленную группу мигрантов, использующих этот маршрут, составляют беженцы из Сирии, Афганистана и Сомали. В 2015 году этим маршрутом в Европу прибыли 885 386 мигрантов»⁶⁷⁴.

Первой жертвой миграционного кризиса стала охваченная экономическим кризисом Греция, которая соседствует с побережьем Малой Азии⁶⁷⁵.

Далее кризис распространился на Македонию. Сначала правительство этой страны попыталось сдерживать беженцев силовыми методами. Было объявлено чрезвычайное положение, 21 августа полиция применила силу в районе пограничного города Гевгелия. Однако это не только не принесло результатов, но и повлекло за собой гибель македонского полицейского. К тому же эти события получили негативное освещение в СМИ. Правительство изменило подход и объявило о «правиле 72-х часов». В течение этого срока беженцы должны были либо попросить убежища, либо проследовать на север и покинуть страну.

К 2015 году 80% из одного миллиона беженцев, оказавшихся в итоге в Германии, прошли именно через Балканы, с остановкой в Прешевском центре (600,000 человек) или следуя мимо него⁶⁷⁶. «Сербия была заинтересована в том, чтобы как можно быстрее пропустить мигрантов через свою территорию. Для этого в граничащих с Македонией районах были созданы гуманитарные центры и усилена автобусная линия до Белграда и Нови-Сада (8–10 часов пути). Благодаря этим мерам удалось избежать скопления

⁶⁷⁴ Кризис с мигрантами в Европе в 2015-2016 годах // РИА Новости. 14.04.2016. Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20160414/1410128475.html> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁷⁵ Хронология кризиса на Балканах дана по: Пивоваренко А. А. Защищая рубежи. О миграционном кризисе в Юго-Восточной Европе // Российский совет по международным делам. 12.01.2016. Режим доступа: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zashchishchaya-rubezhi-o-migratsionnom-krizise-v-yugo-vostoch/> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁷⁶ Mandić, D. Anatomy of a refugee wave: Forced migration on the Balkan route as two processes // Europe Now Journal. 5 January 2017. Режим доступа: URL : <http://www.europenowjournal.org/2017/01/04/anatomy-of-a-refugee-wave-forced-migration-on-the-balkan-route-as-two-processes/>. (Дата обращения 10.01.2020).

мигрантов в Центральной Сербии и переместить их максимально близко к северной и западной границам»⁶⁷⁷.

Решение Венгрии 14 сентября закрыть границу с Сербией вызвало цепную реакцию и усиление пограничного контроля в Чехии, Словакии, Польше, Германии, Австрии, Нидерландах, а также спровоцировало кризис в Хорватии. Закрытие Будапештом 17 октября границы с Хорватией породило коллапс в соседней Словении.

Во многом коллапс был связан с неподготовленностью хорватского и словенского правительств. Еще 16 сентября премьер-министр Хорватии З. Миланович смело заявлял, что его страна готова оказать беженцам всестороннюю помощь, и даже осуждал превентивные меры Венгрии по защите собственной границы. Но уже 17 сентября, когда в республику проникло более 6,5 тыс. человек, МВД было вынуждено признать, что гуманитарные возможности полностью исчерпаны, и попыталось закрыть границу с Сербией. Это привело к столкновениям мигрантов с хорватской полицией в районе пограничного перехода Товарник, информация о которых попала во все СМИ.

«Словенские службы оказались абсолютно не готовы к обрушившемуся на них валу беженцев. Сложное положение вынудило их задействовать армию и запросить международную помощь для защиты границы, которая одновременно является шенгенской. При этом виновником кризиса была названа Хорватия, которая «открыла все существующие направления» и приграничные переходы»⁶⁷⁸. В довершение всего, поток мигрантов, устремившихся по маршруту Афины - Македония - Белград, не был бы столь большим, если бы не действия Болгарии. В 2015 г. она вслед за Грецией приступила к возведению на сухопутном участке границы с Турцией стены, с пропущенным по ней током и оснащенной видеокамерами.

Таким образом, миграционный кризис наглядно продемонстрировал, что, с одной стороны, «Западные Балканы географически неотделимы от ЕС, через них беженцы перемещаются из одних стран Евросоюза в другие, и без тесной координации действий с балканскими государствами решить эту проблему невозможно»⁶⁷⁹. С другой – что у бывших югославских республик нет никакой согласованности, солидарности или готовности к взаимодействию по одной из основных и традиционных проблем региона с античных времен – координированному транзиту. К её совместному решению ни они, ни

⁶⁷⁷ Пивоваренко А. А. Защищая рубежи. О миграционном кризисе в Юго-Восточной Европе // Российский совет по международным делам. 12.01.2016. Режим доступа: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zashchishchaya-rubezhi-o-migratsionnom-krizise-v-yugo-vostoch/> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁷⁸ Пивоваренко А. А. Защищая рубежи...

⁶⁷⁹ Саморуков М. Заеда стресс. Зачем Брюссель объявил о новом расширении ЕС // Московский центр Карнеги. Режим доступа: URL: <https://carnegie.ru/commentary/75465> (Дата обращения 10.01.2020).

их соседи не созрели. В ходе кризиса обнажились все традиционные политические противоречия стран региона.

Действия Европейского союза были, в первую очередь, направлены на то, чтобы остановить поток в границах до-шенгенской зоны. Таким образом, Балканы оказались форпостом безопасности Союза. Сначала ЕС в целях перекрытия «Балканского маршрута» в марте 2016 года заключил соглашение с Турцией, что действительно привело к резкому падению числа беженцев, проходящих через регион. Вслед за этим был усилен пограничный контроль. Однако хотя численность потока мигрантов существенно снизилась, значительная доля беженцев оказалась просто «заключенной» в узком горлышке менее популярных маршрутов. «К концу 2017 года основной маршрут просто сместился к Северной Албании, Черногории и Боснии и Герцеговине. Более того, жесткий пограничный контроль на границе с Хорватией превратил БиГ в наиболее узкое место транзита... в результате только за 2018 года боснийские власти зарегистрировали 21,163 нелегальных мигрантов»⁶⁸⁰.

Это также подтверждается данными других статистических исследований. «Если в 2016 году 95% зарегистрированных беженцев проходили через Словению, Хорватию, Сербию и Македонию, то в 2018 году 80% всех беженцев прошли через Боснию и Герцеговину»⁶⁸¹.

С точки зрения регионального измерения, действия ЕС, направленные на управление миграционным кризисом преимущественно на подступах к своим границам, добавило напряженности в отношения между странами, к тому же подстрекнуло браваду в официальном дискурсе Белграда. Так, Сербия, занявшая позицию как можно более быстрого транзита через центральную часть своей территории, по сути, сделала заложником своих действий приграничные районы Македонии и Черногории (в течение 2017 – 2018 гг. поток мигрантов смещается к Албании и Черногории, которые не были охвачены основной волной кризиса 2015-2016 гг.⁶⁸²), вместе с тем попытались представить себя как «наиболее человечный участок маршрута» в противовес хорватам, закрывшим границу. Подобная позиция, которая однозначно не стимулирует консолидированные действия на уровне региона, во многом была спровоцирована Брюсселем, постоянно упрекающим Белград за недостаточную кооперацию по линии общей внешней политики и политики безопасности. Кооперативностью в миграционном

⁶⁸⁰ Liperi Maria Saide. The EU's Externalisation of Migration Management Undermines Stabilisation in the Western Balkans // IAI Commentaries. 2019. N 19(27).4 p.

⁶⁸¹ Europe–Mixed Migration Flows // Western Balkans 2018 Overview. Режим доступа: URL: <https://migration.iom.int/reports/europe-%E2%80%94mixed-migration-flows-western-balkans-2018-overview> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁸² Ibid.

кризисе Белград попытался снизить раздражение от своего плотного сотрудничества с Москвой и Пекином.

По отношению к «Балканскому маршруту» Европейскому союзу удалось в целом реализовать политику сдерживания потока мигрантов у своих границ. Статистически, соглашение с Турцией позволило вдвое сократить численность мигрантов, проходящих через Грецию. Однако этим же соглашением Брюссель показал, что опция перекалывания своей проблемы на соседа существует в арсенале доступных средств европейского государства⁶⁸³, чем успешно воспользовались Венгрия, Хорватия и Македония, переадресовав свою проблему Сербии и Греции. Сербия, в свою очередь, постепенно ретранслировала ее Албании, Боснии и Герцеговине и Черногории.

Второе важное обстоятельство, которое показал миграционный кризис, – границы региона существенно шире, а глубина взаимосвязей сильнее, чем определяют рамки политики расширения Европейского союза.

Миграционный кризис 2015 года в дискурс европейских чиновников, а отчасти и на практике актуализировал **нетрадиционные угрозы**, связанные с криминальным трафиком, терроризмом и радикальным исламом. Организованная преступность воспринимается в качестве угрозы как самим Брюсселем, так и балканскими странами. В Стратегиях безопасности Европейского союза, начиная с 2003 года, ситуации на Балканах отводится отдельное место. В основном страны Западных Балкан упоминаются в контексте наркотрафика, контрабанды людьми и торговли человеческими органами. Основной причиной организованного криминала на Балканах Брюссель предлагает считать сложный переход от коммунизма к демократии, войны за югославское наследство, вызвавшие политическую нестабильность, формирование экономики в условиях военного времени, а соответственно, и складывание теневых рынков⁶⁸⁴. Недавняя спецоперация международной полиции в Хорватии по перехвату большой партии колумбийского героина, наряду с тем, что в одной Албании в 2017 году полиция обнаружила 36 тонн наркотиков, не говоря уже о традиционном маршруте Афганистан – Турция – Косово – Центральная Европа, позволяют утверждать, что проблема связанности балканских и европейских криминальных группировок действительно является более чем актуальной.

⁶⁸³ Foucher A. On the Balkan route: Pernicious effects of E.U anti-migration policies // NORIA, Analysis. February 2018. Режим доступа: URL: <https://www.noria-research.com/balkan-route- Pernicious-effects-e-u-anti-migration-policies/> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁸⁴ Цит. по: Hans-Jörg A., Getoš A.-M. Researching Terrorism and Organized Crime in Southeast Europe // Transnational Terrorism, Organized Crime and Peace-Building Human Security in the Western Balkans. Edited by Benedek W. et al. London: Palgrave Macmillan. 2010. P. 145.

Считается⁶⁸⁵, что с вопросами организованной преступности в Балканском регионе тесно связаны и проблема терроризма и роста влияния радикального ислама, которые появились как одно из следствий, в первую очередь, гражданской войны в Боснии и Герцеговине и в целом концепции развития ислама в трактовке Али Иметовича. В 1930-1940 гг. он стал одним из основателей движения «Молодые мусульмане», проповедовавшего идею единого исламского государства. В 1946 г. Али Иметович был арестован вместе с другими членами группы, но не изменил своих убеждений. Его политическим манифестом стала «Исламская декларация 1970 года», в «которой он отдавал предпочтение более радикальным исламским государствам, таким как Пакистан, критикуя умеренные, светские формы, характерные для Турции»⁶⁸⁶. Распад Югославии интенсифицировал отношения с муллами. Иран стал одним из первых государств, которые поддержали стремления боснийцев под руководством Иметовича к независимости... и для последнего явно был самой привлекательной моделью... Новая волна вовлеченности Залива в балканские дела послужила своеобразным ответом на войну в Боснии в 1992-1995 годах. Джихадисты оживились (многие из них были саудовскими ветеранами советско-афганской войны 1979-1989 гг.), и на Балканах появилось множество желающих оказать помощь братьям-мусульманам, вопреки тому, что между балканскими мусульманами и их ближневосточными единоверцами очень мало общего как в культурном, так и в языковом отношении»⁶⁸⁷.

Вторую волну проникновения радикального ислама на Балканах связывают с событиями 11 сентября 2001 года, когда несколько террористических группировок, в том числе и Аль-каида, осели в регионе⁶⁸⁸.

Западноевропейские аналитики особо выделяют несколько факторов развития современной Боснии и Герцеговины, которые привели к формированию благоприятных условий для поддержки и становления сетей международного терроризма, с одной стороны, и радикализации внутреннего, боснийского ислама, а соответственно, и возникновения «доморощенного терроризма». «Наиболее благоприятные условия складываются в районах компактного проживания мусульман. Там можно наблюдать иностранных наемников (преимущественно, с Ближнего Востока и из Северной Африки),

⁶⁸⁵ Hans-Jörg A., Getoš A.-M. Op. cit. P. 131.

⁶⁸⁶ Bardos G. Iran in the Balkans: A History and a Forecast // World Affairs. January-February 2013. Режим доступа: URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/iran-balkans-history-and-forecast> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁸⁷ Boduszynski M. The Gulf and the Balkans: Islam, Investment, and Influence. A Gulf State Analytics report. January 2015. P. 5-6. Режим доступа: URL: <http://www.internationalpolicydigest.org/?p=118088> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁸⁸ International Crisis Group, Bin Laden and the Balkans: The Politics of Anti-Terrorism// ICG Balkan Reports. 9 November 2001.No. 119. Режим доступа: URL: https://www.files.ethz.ch/isn/28037/119_balkans_anti-terrorism.pdf (Дата обращения 10.01.2020).

которые пришли на помощь боснийским вооруженным силам во время войны 1990-х; свою лепту внесли спонсирование во время войны боснийских спецопераций исламскими странами, ставшее основой для складывания соответствующих политических отношений с такими странами, как Саудовская Аравия и Иран; роль исламской благотворительности и грантов на получение образования боснийскими гражданами в религиозных школах Ближнего Востока (в частности, в Иране, Саудовской Аравии, Йемене)⁶⁸⁹. Особую обеспокоенность в связи с этим у западных исследователей вызывает развитие ваххабизма во всем регионе Юго-Восточной Европы.

Этим оценкам западноевропейских ученых вторят и исследования отечественных балканистов. Так, Елена Пономарева и Анна Димитровска в своей статье, посвященной росту терроризма на Балканах, выделяют четыре дестабилизирующих детерминанты.

«Во-первых, это рост числа «зон неправа» или в балканском варианте – параджматов, общин, существующих вне правовой и политической системы страны (то, о чем пишут также и Альберт Ганс-Йорг, и Ивица Милвончич и Владо Азинович – прим. автора, *Е. Г. Энтина*). Только в Боснии и Герцеговине их насчитывается 64. Параджматы, по сути, представляют собой парамилитарные базы, в которых осуществляются индоктринация, боевая подготовка и другие действия по формированию боевиков. 22 из 64 параджматов не являются частью исламского сообщества БиГ и действуют с экстремистских позиций, поощряя «священный» джихад. Во-вторых, это разрастающиеся поселения ваххабитов. По имеющимся данным, это сообщество превышает 6200 радикальных исламистов и представляет одну из крупных ячеек исламистского движения в Европе, насчитывающее, по некоторым оценкам, более 100 тыс. членов. Ещё одним фактором угрозы является активно развивающийся так называемый «маршрут мечетей» (*цамијска рута*) – новый путь, по которому мигранты из Азии, в числе которых скрытые/«спящие» члены таких террористических организаций, как ИГИЛ, «Фронт ан-Нусра» и «Аль-Каида», пытаются попасть в западноевропейские страны. «Маршрут мечетей» в настоящее время проходит через Албанию, Черногорию, Сербию, БиГ и Хорватию. Название этой «тропы мигрантов» определено строительством разветвлённой сети мечетей, обеспечивающих по всему пути следования мусульман из стран Ближнего Востока всяческую поддержку (материальную, логистическую, информационную)⁶⁹⁰.

⁶⁸⁹ См. подробнее: Mlivoñic I. Al Qaida sekalila u Bosni i Hercegovini mjesto i uloga mudžahida u Republici Hrvatskoj i Bosni i Hercegovini od 1991 do 2005 godine. Tomislavgrad: Naša ognjišta, 2007; Azinovic V. Al-Kai'da u Bosni i Hercegovini: mit ili stvarnost? // Radio slobodna Europa. Centar za savremenu umjetnost. Sarajevo, 2007.

⁶⁹⁰ Пономарева Е. Г., Димитровска А. Противодействие терроризму и экстремизму. Опыт Балканских стран. Обозреватель. октябрь 2018. №10 (345). С. 37-54.

Мечеть Короля Фахда, построенная на деньги саудитов, а также Культурный центр в Сараево, который Хуан Карло Антанез называет «эпицентром распространения радикальных идей» в Боснии, в течение многих лет существует абсолютно автономно, финансируется и управляется через посольство ОАЭ в Боснии. Белая мечеть в Сараево – вотчина Сулеймана Бугари, имама-косовара по происхождению, которого агентство Стратфор называет связующим звеном между албанскими и боснийскими экстремистами. Как отмечает журналист Мохаммед аль-Арнаут, «в Косово мечеть Маковицы в предместьях Приштины и мечеть Митровицы рекрутируют боевиков для борьбы на стороне ИГИЛ в Сирии. В Македонии экстремисты-ваххабиты борются с официальными исламскими сообществами страны за контроль над основными мечетями в Скопье»⁶⁹¹.

И наконец, последняя по счету, но не по значению, как пишут Е. Пономарева и А. Димитровска, четвертая детерминанта – вернувшиеся из зон боевых действий «солдаты удачи», которые формируют в своих странах «спящие» террористические ячейки, представляющие потенциальную угрозу безопасности не только Балканских стран, но и Европы в целом⁶⁹².

Большая часть исследований радикального ислама на сегодняшний день посвящена Боснии и Герцеговине. Однако данное явление стало характерным в той или иной степени для всех районов Балкан, населенных мусульманами. Так, многие рассматривают сербский Санджак как потенциальную зону нестабильности. Кроме того, в данных по отправке добровольцев в ИГИЛ ежегодно фигурируют Косово, Албания и Северная Македония. В результате большинство как отечественных, так и зарубежных балканистов сходятся во мнении, что это мина замедленного действия под всем регионом. «Возрождение исламской веры и практик как центрального элемента мусульманской идентичности в Боснии и Герцеговине стало реальностью и будет распространяться по всем Балканам»⁶⁹³, – предупреждают они.

Очень похоже, что спустя несколько лет, исследователи назовут Балканский маршрут миграционного кризиса 2015 года третьей волной проникновения радикального ислама на Балканы. Смещение маршрута беженцев к границам Боснии и Герцеговины, Албании и Косова, где, как описано выше, «зоны неправа» и теневые структуры вокруг мечетей выводят из разряда имеющихся опций проведение хоть сколько-нибудь объективных статистических исследований, стимулирует проникновение радикального

⁶⁹¹ Bardos G. Jihad in the Balkans: The Next Generation // World Affairs. September-October 2014. Режим доступа: URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/jihad-balkans-next-generation> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁹² Пономарева Е. Г., Димитровска А. Указ соч.

⁶⁹³ Tziampiris A. Assessing Islamic terrorism in the Western Balkans: the state of the debate // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2009. 11:2. pp. 209-219.

ислама в Европу именно через эти территории. Вряд ли возможно, чтобы идеологи радикального ислама этим не воспользовались.

Вполне естественно, что угрозы криминального трафика и терроризма, как реальные, так и мнимые, но связывающие Западную, Восточную и Юго-Восточную части Европы, являются предметом сотрудничества между ЕС и Западными Балканами. В большинстве отчетов ЕС фигурирует позитивная оценка данного сотрудничества. Однако наличие таких угроз стало источником объективных и субъективных опасений со стороны стран-членов Европейского союза по поводу потенциального включения в свой состав Западных Балкан. Этими опасениями, в свою очередь, эффективно оперирует те силы в регионе, которые выступают против его стабилизации и выхода из теневых мировых процессов.

Наконец, важным «внешним» фактором пробуксовки европейской интеграционной политики на Балканах стала **определенная «национализация» внешней политики ЕС по отношению к региону и подходов к решению его проблем, а также появление Великобритании в новом, изменившемся в связи с Брекситом качестве.**

Наиболее ярко суть отношения Великобритании к последним расширениям ЕС отразил в своей статье, посвященной взаимоотношениям балканских стран с Лондоном один из британских исследователей Балкан Джеймс Кер-Линдсей. В свойственной ему саркастической манере он пишет: «Эпизод классической британской политической комедии – это когда мистер «Да», Джим Хакер, фиктивный министр, обсуждает отношения Британии и ЕЭС с постоянным секретарем, сэром Хэмфри Эпплби. Сэр Хэмфри объясняет, что в последние 500 лет Британия преследует здесь одну ключевую задачу: создать разьединенную Европу. В ответ Хакер спрашивает: «Почему? – ведь Британия выступает за увеличение числа членов». Ответ сэра Хэмфри был следующим: чем больше членов, тем больше аргументов, тем бесполезнее и бессильнее Европа».

Этот легендарный скетч объясняет традиционное британское восприятие ЕС и его расширения. Хотя поддержка расширения объяснялась, хоть и не полностью, очень специфическими причинами, в основном желанием сдержать углубление политических связей в Европе. Наряду с этим те страны, которые хотели присоединиться к Союзу, десятилетиями выигрывали от подобной позиции Лондона. В свою очередь, это сделало Лондон важным союзником стран-кандидатов»⁶⁹⁴.

Западно-балканские страны, с учетом той роли, которую играла британская дипломатия на протяжении 1990-х гг., в этом ряду не были исключением. В случае с БиГ

⁶⁹⁴ Ker-Lindsay J. The Great Britain/ In: EU member states and enlargement towards the Balkans. Edited by Rosa Balfour and Corina Stratulat // European Policy Centre. 2015. N 79.

роль британцев в пост-дейтонский период особенно существенна. Начиная с поста Высокого представителя по БиГ, который несколько лет занимал Пэдди Эшдаун, и личного интереса главы британского МИД в 2010-е гг. Вильяма Хога, заканчивая совместной британо-германской стратегией 2014 года «Новый стратегический подход», которая должна была стимулировать евроинтеграцию Боснии, британцы цементировали свою роль как сподвижника европейского будущего Боснии и Герцеговины⁶⁹⁵.

В случае с Косово и в более широком смысле – с албанцами причины активности Лондона следует искать в специфическом понимании британцами балканской картины мира. Взглядам Лондона в большей мере соответствует представление о необходимости самоопределения трех наиболее крупных наций на Балканах, которые, смогут самостоятельно разобраться с «меньшими» этносами региона⁶⁹⁶. Британская ставка на албанский национализм – результат кризиса в Косово 1999 года. Тогда, как описывается в предыдущей главе, Лондон стал первым, кто призвал союзников по НАТО начать операцию против Белграда. В 2006 году в ходе переговоров по будущему статусу Косова Великобритания открыто заявляла об отсутствии реальной альтернативы независимости края. «С момента провозглашения независимости в 2008 году Лондон, наряду с США и несколько позднее Германией, стал одним из ключевых патронов независимого Косова»⁶⁹⁷.

В случае с Сербией всё тоже не так просто. Большая часть усилий британцев, конечно, направлена на создание условий, при которых Белград признает независимость Приштины. Вместе с тем Лондон был наиболее последовательным сторонником предоставления сербам того или иного «пряника» на разных стадиях переговоров с ЕС с целью получения наибольших уступок от Белграда по проблемам «югославского наследия». Черногория и Северная Македония в целом оставались вне поля активных действий Великобритании на всем протяжении их переговоров с ЕС.

Когда в марте 2016 года на референдуме граждане Великобритании проголосовали за выход из Европейского союза, родилась масса предположений о том, какое влияние данное решение окажет на эволюцию ЕС и перспективы вхождения в него западно-балканского региона. Часть исследователей предвещала ускоренное расширение ЕС за счет Западных Балкан с целью компенсации «образовавшегося вакуума». Другая – что

⁶⁹⁵ Подробнее см.: Ker-Lindsay J. Op. cit.

⁶⁹⁶ Štavljanin D. Opasne ideje o razmeni teritorija na Balkanu // Slobodna Evropa. 17 februar 2017. Режим доступа: URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/post-scriptum-balkan-teritorije/28311904.html> (Дата обращения: 15.01.2020); Less Timothy, Dysfunction in the Balkans Can the Post-Yugoslav Settlement Survive? // Foreign Affairs. 20 December 2016. Режим доступа: URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/bosnia-herzegovina/2016-12-20/dysfunction-balkans> (Дата обращения: 15.01.2020)

⁶⁹⁷ Ker-Lindsay J. Op. cit.

расширение полностью застопорится. Население балканских стран, в соответствии с исследованиями региональных аналитиков⁶⁹⁸, распределилось в своих опасениях относительно последствий Брекзита для Западных Балкан прямо пропорционально их близости к вступлению в ЕС. Граждане Черногории отреагировали спокойно, считая, что эффект Брекзита относителен. То же самое можно сказать о Сербии. Чуть большее волнение проявили македонцы. В Боснии и Герцеговине, Албании и Косово абсолютное большинство населения сочло, что Брекзит обязательно отразится на балканских странах⁶⁹⁹.

Как представляется, Брекзит действительно оказал определенное влияние на западно-балканский регион. Однако нельзя сказать, что он отразился, в первую очередь, на перспективах его членства в Европейском союзе. В большей степени он запустил дискуссию о том, в каком виде данное присоединение вообще может состояться, а кроме того, каково соотношение европейской и евроатлантической повестки для Западных Балкан на современном этапе.

Так, одним из предположительных последствий Брекзита считалась возможность падения показателей финансово-экономического взаимодействия стран Западных Балкан и ЕС вследствие выхода Лондона из общего рынка. Однако, как нам представляется, значение торговых отношений Великобритании с регионом не стоит преувеличивать. «Статистические данные по торговому обороту ясно демонстрируют, что Великобритания не является важным торговым партнером Балкан, особенно на фоне таких членов ЕС, как Германия и Италия (средние показатели не превышают по региону 1 % импорта и меньше 1% экспорта у всех, за исключением Сербии и Черногории – согласно данным автора статьи, составленным по статистике UNCTAD – прим. автора, *Е. Г. Энтиной*). По этой причине, по выходу из общего рынка, не стоит ожидать серьезных экономических потерь»⁷⁰⁰. Вместе с тем, с учетом, что Великобритания считалась финансовым донором ЕС, с ее выходом из Союза можно ожидать уменьшение финансовой помощи, выделяемой ЕС странам Западных Балкан⁷⁰¹.

Гораздо более интересны последствия Брекзита в политическом отношении. С одной стороны, запустив переговоры по процедуре выхода, Лондон постарался максимально продемонстрировать, что готов поднимать ставки в переговорах за счет

⁶⁹⁸ Qorraj G., Ajdarpašić S. Brexit Implications for the EU Enlargement of the Western Balkans // *European Integration Studies*. 2017. N 11. pp. 76-88.

⁶⁹⁸ Subotić Strahinja. Zapadni Balkan iz perspective Bregzita // CEP pogled. Novembar 2018. Режим доступа: URL: <https://cep.org.rs/wp-content/uploads/2018/12/Zapadni-Balkan-i-Bregzit.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

⁶⁹⁹ Подробнее см.: Qorraj G., Ajdarpašić S. Op. Cit.

⁷⁰⁰ Subotić Strahinja. Op. cit.

⁷⁰¹ Bonomi Matteo. Off Track. The EU's Re-engagement with the Western Balkans // *IAI Papers*. 19/08. April 2019. Режим доступа: URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip1908.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

любых, в том числе сугубо периферийных вопросов. Поскольку приближение стран Западных Балкан к ЕС в свете неожиданных итогов британского референдума выглядело действительно частной проблемой, Великобритания жестко заблокировала открытие новых, но довольно «чувствительных» для граждан ЕС переговорных глав с Черногорией и Сербией. В июне 2016 года вместе с Хорватией Великобритания без объяснения причин заблокировала открытие Сербии главы 23 «Судебная власть и основополагающие права человека» и 24 «Правосудие, свобода, безопасность». Тем самым она совершила абсолютно демонстративный и по всей видимости, тактический шаг, поскольку уже через месяц, на саммите в Париже договоренность об их открытии была достигнута. В октябре 2016 года Великобритания стала единственной страной, которая наложила вето на открытие Черногории глав 2 «Свободное перемещение рабочей силы» и 3 «Свобода учреждения и движения услуг» под предлогом того, что именно эти сферы стали одним из наиболее чувствительных вопросов в ходе дебатов по Брекзиту.

Параллельно Лондон активизировал, а отчасти намеренно утрировал региональную повестку по безопасности. «Регион все еще не избавился от переживаний по поводу последствий войн 1990-х годов, – отмечалось на слушаниях в Палате лордов. – Отдельные политические лидеры живут темой войн, призывая политическими и дипломатическими средствами к сецессии и пересмотру национальных границ. Любые подобные действия были бы регрессивными, опасными и дестабилизирующими регион. Прогресс региона нельзя считать непреложным фактом. Без скоординированного и содержательного вмешательства со стороны международных партнеров существует риск того, что те позитивные изменения, которые произошли в регионе в процессе формирования функционирующих демократий и утверждения верховенства закона, останутся или обернутся вспять»⁷⁰².

Таким образом, к саммиту Берлинского процесса в Лондоне в июле 2018 года Великобритания сместила ракурс западно-балканской проблематики с трансформации политических институтов и создания региональной инфраструктуры на вопросы секьюритизации и вызовов безопасности. В этом сходятся и западные, и региональные, и отечественные ученые. В статье по итогам саммита в Лондоне отечественный аналитик Кира Годованюк пишет: «Стратегическая задача Соединённого Королевства в отношении Западных Балкан связана с повесткой в области безопасности и обороны... В частности, Лондон старается обеспечить своё участие в обсуждении вопросов европейской

⁷⁰² The UK and the future of the Western Balkans. // HOUSE OF LORDS Select Committee on International Relations. 1st Report of Session 2017–19. 10 January 2018. Режим доступа: URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201719/ldselect/ldintrel/53/53.pdf> (Дата обращения 10.01.2020).

безопасности и укреплении потенциала стран балканского региона для дальнейшего противодействия предполагаемой «агрессии» со стороны России»⁷⁰³. Ведущий американский эксперт по Балканам болгарского происхождения Д. Бечев, обобщая, отмечает следующее: «Великобритании нет необходимости уходить из региона, в котором она была ведущим актором на протяжении двух десятилетий. Те вызовы безопасности, которые сейчас существуют в регионе, вероятно и вправду потребуют усиления присутствия Британии на Балканах. Способность проецировать влияние на «мягкое подбрюшье» Европы станет центральным элементом в удержании статуса Великобритании как топового игрока в области безопасности и обороны. Солидный уровень участия в поддержании стабильности на Балканах также даст Лондону дополнительные возможности в переговорах по будущему своих отношений с ЕС, где одно из центральных мест занимает сотрудничество в сфере внешней политики и политики безопасности»⁷⁰⁴.

С крайних позиций дает оценку сербский ученый Александр Гаич. Он, в частности, пишет: «В условиях выхода из ЕС Великобритания (а за ее спиной США) продолжает играть на Западных Балканах свою традиционную геополитическую роль страны, продвигающей интеграцию этого нестабильного региона в Союз с целью провоцирования там еще больших разногласий, которые бы помешали намерениям западноевропейских стран преобразовать ЕС в независимый и функционирующий институт. Именно в этом контексте стоит рассматривать визит Бориса Джонсона... в Белград, где он заверил в поддержке намерений Сербии вступить в ЕС, из которого сама Великобритания выходит...». Далее он высказывает еще одно очень важное соображение. Он подчеркивает: «В военном отношении основной целью англо-американской дипломатии является окончательная привязка всех государственных структур к НАТО... Неразрешенные конфликты и нестабильность служат основным стимулом для затягивания всех стран Западных Балкан в Альянс»⁷⁰⁵.

С последним утверждением, несмотря на его излишнюю эмоциональность, в целом можно согласиться. Реноме сподвижника европейской интеграции, а также концентрация внимания на проблемах безопасности в регионе теоретически позволяют Лондону оставаться ведущим европейским игроком на Балканах. При этом он будет постепенно

⁷⁰³ Годованюк К. Саммит Западных Балкан в Лондоне. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №4. С. 77.

⁷⁰⁴ Bechev D. The EU and Britain in the Western Balkans: Sustaining Cooperation after Brexit. // Atlantic community. March 12, 2019. Режим доступа: URL: <https://atlantic-community.org/the-eu-and-britain-in-the-western-balkans-sustaining-cooperation-after-brexit/#> (Дата обращения 20.12.2019).

⁷⁰⁵ Гајић А. С. Евроатлантске Интеграције, Србија И Западни Балкан После „Брегзита“: Геополитичке Околности. // Политика националне безбедности. 2018. 14 (1). Стр. 123-139.

замещать сферы сотрудничества, традиционные для ЕС, направлениями, характерными, главным образом, для НАТО. В доказательство данного тезиса можно привести примеры некоторых практических шагов, инициированных Великобританией в последнее время. Одним из итогов саммита в Лондоне 2018 года стало решение о двойном увеличении средств (до 90 млн евро), выделяемых Великобританией Западным Балканам ежегодно, главным образом, на усиление безопасности и поддержание стабильности. Другими мерами, также связанными с вопросами безопасности, является увеличение численного состава сотрудников служб безопасности и разведки Великобритании на Балканах, организация «Обсерватории по проблемам организованной преступности», инвестиции в кибербезопасность (около 1,1 млн. евро) и увеличение контингента «Панбалканских стратегических сил безопасности» Великобритании⁷⁰⁶.

Таким образом, выход Великобритании из Европейского союза с ничтожной долей вероятности может привести к падению интереса к Балканам со стороны Лондона. Произойдет обратное. Лондон будет активнее работать в регионе в национальном качестве. Одновременно он будет продвигать натовскую повестку. Соответственно его вовлеченность в дела Западных Балкан усилится.

В экономическом отношении Брекзит не способен оказать серьезное влияние на сотрудничество Лондона с бывшими республиками Югославии в силу низкого объема последнего. Тем не менее, для взаимоотношений ЕС с регионом Брекзит создал уникальную ситуацию, когда Брюссель параллельно впервые в своей истории вынужден вести переговоры и о выходе из своего состава, и о потенциальном включении новых членов. «Миф о том, что евроинтеграция – единственно верный и необратимый путь развития Европы, развеян»⁷⁰⁷. Кроме того, Брекзит косвенно повлиял и на динамику процессов внутренней и внешней дифференциации в ЕС. Он поставил в повестку дня вопрос о том, до какой степени третьи страны реально могут участвовать в европейской интеграции и насколько условными на практике могут стать принципы солидарности и единства в отношении трех столпов, на которых зиждется ЕС: общий рынок, право, внешняя политика и политика безопасности. Оба этих вопроса являются ключевыми для всех бывших югославских республик, самих стран ЕС и других международных акторов, поскольку создают впечатление, что выход на разноскоростную и разноуровневую интеграцию – оптимальная и наиболее вероятная опция развития политики расширения ЕС. Они же спровоцировали и **усиление национального фактора внутри ЕС по**

⁷⁰⁶Subotić S. Op. cit.

⁷⁰⁷Bonomi M. Op. cit.

отношению к взаимодействию со странами Западных Балкан, в том числе, в решении проблем «югославского наследия».

Все шесть государств западно-балканского региона находятся на разных стадиях развития отношений с Европейским союзом. Так же, как представляется сложным оценить эти отношения в совокупности, практически невозможно сформулировать и монолитную позицию Европейского союза по вопросу расширения.

Ключевую роль играет ФРГ, что объясняется не только ее позициями внутри ЕС и ролью, которую сыграла немецкая дипломатия в югославском кризисе 1990-х гг. В ФРГ проживает около 1,5 млн выходцев с Балкан⁷⁰⁸. Они составляют значительную группу иностранцев, не имеющих гражданства ЕС, а также немецких граждан иностранного происхождения. Берлин входит в шестерку крупнейших инвесторов в регионе и стабильно занимает первую позицию среди стран ЕС по объемам финансовой помощи и ПИИ. Через НАТО Бундесвер присутствует в Косово, при этом миссия в Косово – вторая по численности контингента после Афганистана⁷⁰⁹. В реализации германских инициатив по Балканам участвует не только МИД. Хорошо известно, что большинство инициатив, продвигавшихся Берлином, начиная с Берлинского процесса 2014 года, исходили лично от канцлера ФРГ Ангелы Меркель.

Тем не менее, при всей активности Германии в регионе, после вступления Хорватии в ЕС в 2013 году, позиция ФРГ в отношении всех оставшихся стран, несмотря на официальную поддержку дальнейшего расширения, является одной из наиболее многослойных внутри Союза.

Во-первых, поддержка европейской перспективы Балкан неизменно увязывается Берлином с исполнением регионом всех условий. «Жесткая, но справедливая обусловленность», помноженная на детерминанты необходимости пройти каждому кандидату путь в Европейский союз целиком (т.е. «без поблажек»), стали мантрой немецкой политики расширения, повторяющейся в том числе на уровне всех государственных институтов и ведущих политических партий. При этом ФРГ последовательно отвергает ярлык страны-евроскептика, заявляя, что следование политике обусловленности как раз и подтверждает актуальность расширения⁷¹⁰. В подтверждение своих тезисов немецкая дипломатия обычно приводит вполне объективные аргументы о том, что процесс реформ замедляется сразу же после вступления кандидата в Европейский

⁷⁰⁸ Töglhofer Theresia & Cornelius Adebahr Firm supporter and severe critic – Germany's two-pronged approach to EU enlargement in the Western Balkans // Southeast European and Black Sea Studies. 2017. 17:4, pp. 523-539.

⁷⁰⁹ Adenahr C., Töglhofer T. Firm supporter and severe critic – Germany's two-pronged approach to EU enlargement in the Western Balkans // EU member states and enlargement towards the Balkans. Edited by Rosa Balfour and Corina Stratulat. European Policy Centre. 2015. N 79.

⁷¹⁰ Adenahr C., Töglhofer T. Op. Cit.

союз (согласно отчетам Европейской Комиссии, это справедливо в отношении всех последних присоединившихся государств – Болгарии, Румынии, Хорватии), поэтому максимальный задел должен быть сделан кандидатами на этапе переговоров о членстве.

То, что ФРГ может и хочет выступать на переговорах с «балканской шестеркой» от имени всего Европейского союза, стало прослеживаться в политике Берлина, начиная с 2011 года (позиция ФРГ по членству Словении и Хорватии в данном случае не берется в расчет), когда Берлин взял на себя роль ведущей страны в переговорах о нормализации отношений Белграда и Приштины. «На пресс-конференции с президентом Сербии Борисом Тадичем в августе 2011 года канцлер Меркель в атмосфере напряженности заявила о требовании расформирования параллельных структур власти в северном Косове и подчеркнула, что Берлин ставит предоставление Сербии статуса кандидата в зависимость от успешности переговоров между Белградом и Приштиной. «Момент Меркель» со всей очевидностью продемонстрировал, что отношения Сербии и Косова и процесс присоединения к ЕС являются двумя четко связанными вопросами, вопреки тому, что до этого их рассматривали по отдельности»⁷¹¹.

Немецкая дипломатия, как показано выше, в целом успешно оперировала принципом «прогресс взамен на уступки» Белграда по Косову до ноября 2018 года. Таким образом, Берлин достигал реализации сразу нескольких задач своей внутренней и внешней политики. Ключевая роль в ведении переговоров по чувствительному косовскому вопросу давала ФРГ возможность поэтапно «замыкать» на себя решение комплексных европейских проблем. Ставка на последовательную, но обусловленную поддержку расширения Европейского союза превращала Берлин в основного актора, с которым политические элиты балканских стран считали необходимым достичь соглашения. Во внутренней политике подобная позиция удовлетворяла как германских еврооптимистов, так и евроскептиков.

Позиция Франции – второго значимого для Балканского региона члена Европейского союза – по вопросу расширения значительно эволюционировала на протяжении последнего десятилетия. В то время, когда Берлин в начале 2000-х гг. практически на десятилетие заморозил заработную плату и предпринял колоссальные усилия для того, чтобы вернуть промышленное производство на свою территорию и таким образом подошел к кризису суверенной задолженности подготовленным, Париж занимался политическим популизмом. В мировых финансово-экономических рейтингах Франция серьезно опустилась, а внутренние социально-экономические и политические

⁷¹¹ Germany tells Serbia to give up northern Kosovo // EU Observer. 24 August 2011. Режим доступа: URL: <https://euobserver.com/enlargement/113401> (Дата обращения: 15.01.2020).

противоречия сделались намного более глубокими. Это оказало серьезное влияние на отношение политических элит и самих французов к вопросу расширения ЕС, в том числе на Юго-Восточную Европу. В отличие от Германии, где проживает солидная балканская диаспора, во Франции выходцы с Балкан не представляют сколько-нибудь значимой политической силы. Наибольшей по численности, но практически не объединенной, является сербская диаспора. Поэтому с 2014 года, в период, когда Берлин активизируется в индивидуальном качестве на Балканах, Париж практически ничем себя не проявляет. Более того он пополняет ряды последовательных противников дальнейшего расширения ЕС до решения внутренних проблем Союза. А ведь еще два десятилетия назад именно Франция считалась основным европейским союзником Балкан и лоббистом их интересов в ЕС, в том числе сербских. Идея «замораживания» расширения до лучших времен становится ключевой уже в выступлениях Николя Саркози. Эмманюэль Макрон в данном случае лишь продолжил линию предшественника.

Принципиальные противоречия между Германией, Францией и Великобританией в отношении балканской проблематики, впервые после начального периода югославского кризиса, остро проявляются весной 2018 года в отношении сценариев по окончательному решению косовского вопроса. В результате сильнейшего давления со стороны Европейского союза на Белград и Приштину с целью добиться как можно более быстрого (до конца 2019 года) окончательного решения возникает план территориального «разграничения» Косова. Вхождение в политический дискурс понятия «разграничения» отчасти можно связывать с именем Оливера Ивановича (одного из наиболее одиозных и активных лидеров косовских сербов, убитого при невыясненных обстоятельствах 16 января 2018 года в Косовской Митровице), продвигавшего «кипрскую модель» решения косовского вопроса, которая, на его взгляд, могла служить примером того, как могут развиваться отношения между сербами и албанцами в крае. Одним из его главных аргументов был тот, что косовары, спустя несколько избирательных циклов, неизбежно будут «расти», станут политически мудрее, и тогда достичь компромисса с ними будет значительно легче.

Конкретное содержание плана разграничения А. Вучича и Х. Тачи не было представлено в официальной форме ни Белградом, ни Приштиной, однако в течение осени 2018 – весны 2019 года обсуждались следующие его возможные положения. «Сербия признает независимость Косово в обмен на уход северной части наиболее крупного города с сербским населением Косовской Митровицы и четырех общин севера Косово к Белграду. Сербское население на юге Косово наконец сможет сформировать муниципалитеты (формально получили данное право еще по Соглашению 2013 года, но

из-за торпедирования вопроса Приштиной они до сих пор не функционируют). Приштина, в свою очередь, получает от четырех до семи населенных пунктов в Прешевской долине (сегодня это южная часть Сербии). Озеро Газиводе (наиболее важный ресурс, от которого зависит снабжение водой и электричеством в крае) переходит под совместное управление (международная концессия / международное посредничество). Судьба комбината «Трепча» и рудников вокруг него поливариантна, поскольку количество заинтересованных по данному вопросу резко расширяется»⁷¹².

Данный план ярче всего обнажил противоречия между ведущими государствами ЕС – Германией, Францией и Великобританией – по региональной повестке. Хотя план территориального «разграничения» в целом, по всей видимости, удовлетворял лидеров сторон – Александра Вучича и Хашима Тачи, а также был открыто одобрен американской администрацией⁷¹³, он встретил жесточайшее сопротивление со стороны ФРГ. Берлин настаивает на том, что идти на территориальные размены и переформатирование балканского политического пространства абсолютно недопустимо. Любые подвижки откроют «ящик Пандоры» с непредсказуемыми последствиями для территориального устройства не только региона, но и Европы в целом и всего послевоенного порядка на континенте. Они подорвут легитимность всех предшествующих решений и дадут повод для постановки вопроса о пересмотре границ и территориальных разменах, приращениях и компенсациях повсюду в мире⁷¹⁴.

У Франции иное видение: Парижу важнее всего защитить свои политические и экономические интересы в более крупном европейском регионе. Ради них он проявляет готовность пойти на определенные размены. В течение 2018-2019 гг. Э. Макрон сделал несколько попыток, однако весьма слабых, лично включиться в переговорный процесс по Косову. Так, в ходе празднования столетия окончания Первой мировой войны в Париже при посредничестве французской стороны была организована короткая встреча лидера косовских албанцев Х. Тачи с российским президентом В. Путиным. В западном мире считается, что само по себе решение косовского вопроса не отвечает стратегическим интересам Москвы. В этой связи ее подключение на финальной стадии согласования решения по Косову определенными политическими силами (в частности, французами и

⁷¹² Энтина Е. Г. Почему ЕС теряет Балканы // Независимая газета. 26.06.2019. Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/vision/2019-06-25/6_7606_view.html?fbclid=IwAR06mUWH11-93PzF4n6Lyk6ECInuoDX5YZnQOLUADtreg411Ps_k2pJr7cw (Дата обращения: 15.01.2020).

⁷¹³ Trump supports mutual recognition in new letters to Vučić and Taçi // European West Balkans. 15.02.2019. Режим доступа: URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/02/15/trump-supports-mutual-recognition-new-letter-vucic-thaci/> (Дата обращения 10.01.2020).

⁷¹⁴ Энтина Е., Новакович Д. Возможные международные форматы «пакетного решения» по Балканам // РСМД. 25.12.2019. Режим доступа: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnye-mezhdunarodnye-formaty-paketnogo-resheniya-po-balkanam/> (Дата обращения 10.01.2020).

предыдущей главой внешнеполитического ведомства ЕС Федерикой Могерини) видится гарантией согласования решения в Совете безопасности ООН. Данная встреча, однако, не привела к более активному включению Москвы в процесс. А протокольные уступки Парижа, когда лидер Сербии (страны-победительницы в Первой мировой войне, потерявшей треть всего мужского населения) оказался на «задних рядах» во время церемонии, а также вывешенные, наряду со всеми принадлежащими присутствовавшим государствам, флаги частично признанной Республики Косова, оказали определенное влияние на отношение Белграда ко всем последовавшим вслед за этим инициативам Парижа.

Сразу после памятных церемоний в Париже в результате серьезных внутривластных противоречий, а формально – как ответ на то, что Белграду удалось добиться очередного вето заявки на членство Косова в Интерполе, Приштина в одностороннем порядке в нарушение регламентов ЦЕФТА вводит 100% пошлины на товары из Сербии и Боснии и Герцеговины. В ответ на эти действия Белград, в свою очередь, отказывается продолжать переговоры о нормализации до отмены незаконно введенных заградительных мер. С ноября 2018 года до настоящего времени переговоры о нормализации отношений считаются прерванными. Тем не менее, представители Белграда и Приштины встречаются на полях региональных мероприятий. Наиболее многообещающими среди них должны были стать саммит в Берлине 2019 года и саммит в Париже в июле 2019 года.

Неспособность ЕС сдвинуть и Приштину, и Белград с мертвой точки и усиливающееся в связи с этим влияние других международных акторов подтолкнули Эмманюэля Макрона и Ангелу Меркель, практически впервые за всю историю отношений между регионом и ЕС выступить с совместной двухсторонней инициативой. Её суть – Франция и ФРГ должны стать «двигателями» для Балкан, нести «совместную ответственность». Однако саммит в апреле 2019 года, в преддверии которого ожидалось и обсуждались различные возможные варианты, которые французский и немецкий лидеры предложат Белграду и Приштине, закончился ничем. Основной причиной стала внутренняя несогласованность в позициях Берлина и Парижа. Берлин выступал последовательно против любого сценария, подразумевающего перекройку границ. Париж открыто заявлял, что в достижении компромисса по Косову не видит никаких табуированных сценариев. «Саммит высветил принципиальные противоречия не только между Косово и Сербией, но и между Парижем и Берлином, а также между странами ЕС и

внешнеполитическим ведомством в Брюсселе»⁷¹⁵. Саммит, который должен был состояться в июле 2019 года в Париже, был отменен. Не в последнюю очередь это произошло потому, что двумя неделями раньше, несмотря на давление стран Вышеградской группы, Прибалтики и Италии, решение о начале переговоров с Северной Македоницией и Албанией было заблокировано именно Францией, а вместе с ней Нидерландами и Данией.

Разногласия относительно путей окончательного решения косовского вопроса между Берлином и Парижем, открыли перспективу усиления той концепции решения вопросов «югославского наследия», которую в большей степени разделяют Лондон и Вашингтон. Великобритания исторически противилась австро-немецкому и русскому влиянию в регионе. В начале XX века английская дипломатия во многом помогла образовать и поддерживала Балканский союз. Через него она сдерживала возможность австрийского и немецкого проникновения на Восток и защищала Порту и проливы от России. После крушения Османской империи Великобритания быстро вступила в союз с Францией и Россией, сохранила статус-кво в отношении Балканского союза и в противовес опять же Германии и Австрии отстаивала необходимость его сохранения и укрепления. Вместе с тем именно Лондон выступал против того, чтобы Сербия через Косово и Албанию получила выход к теплому морю. Это нежелание диктовалось множеством причин, одной из которых были опасения по поводу возможного российско-сербского тандема. Эта историческая реминисценция вполне корректно отражает реалии сегодняшнего дня в части британской позиции по Косовскому вопросу. Лондон в равной степени настораживает самостоятельная активность и Берлина, и Москвы в регионе. Он опасается их усиления и возможного тандема через «Северный» (1 и 2) и «Турецкий» потоки. Кроме того, активная позиция Берлина в налаживании диалога КНР-ЕС, а также стратегический тандем Пекина и Москвы в итоге могут обеспечить солидный противовес британо-американскому влиянию через реализацию крупных инфраструктурных проектов (например, Дунай-Морава-Вардар-Эгейское море) и выход всех троих к теплым – Эгейскому и Адриатическому – морям. В итоге и Великобритания, и США поддерживают возможность территориального «разграничения», однако считают, что для его осуществления в большей степени подходят структуры НАТО, чем ЕС. Этот тезис подтверждается уже анализировавшимся выше смещением акцентов британского видения евроинтеграционной политики: от традиционной для ЕС ставки на гражданско-правовые институты и их развитие к вопросам безопасности в широком смысле.

⁷¹⁵ Karnitschnig M. Macron's Balkan breakdown // Politico. 05 May 2019. Режим доступа: URL: <https://www.politico.eu/article/merkel-macron-balkans-serbia-kosovo/>(Дата обращения 10.01.2020).

Можно констатировать, что национальные разногласия в отношении того, как и с какой скоростью должна реализовываться политика расширения ЕС в Юго-Восточной Европе в краткосрочной перспективе могут привести не только к потере ее общего вектора, но и к размыванию самой идеи европейской интеграции и возвращению на Балканах к традиционной концепции обеспечения военно-политической безопасности и тылового значения для НАТО с подчиненным значением и вниманием параметрам внутреннего развития региона.

Таким образом, все страны западно-балканской «шестерки» в период с 2000 по 2019 гг. добились определенного прогресса в приближении к членству в Европейском союзе, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты Европейской Комиссии. Тем не менее, бывшие югославские республики находятся на принципиально разных стадиях развития отношений с ЕС. Черногория по техническим параметрам может считаться лидером; Сербия, по сравнению с остальными республиками, ближе всех к членству в ЕС, однако заключена в кольцо проблем, оставшихся после распада Югославии; Босния и Герцеговина, формально опережающая Северную Македонию, Албанию и Косово, на деле является аутсайдером евроинтеграции. При этом анонсированная бывшим председателем Европейской комиссии Ж.-К. Юнкером возможность расширения ЕС в 2025 году на Черногорию и Сербию, скорее всего, является спекуляцией. Существует определенная вероятность вступления Черногории в Европейский союз в указанный срок, однако подобное решение будет носить политически мотивированный характер и лишь отчасти будет связано с содержательной европеизацией страны.

Процесс включения стран Западных Балкан в ЕС осложнен рядом внутренних и внешних вызовов. К внутренним можно отнести низкий уровень социально-экономического развития; постоянные и нарастающие в последние годы внутриполитические кризисы во всех странах региона; проблемы оттока трудоспособного населения и организованной преступности. К внешним вызовам относятся миграционный кризис 2015 года, определенная «ренационализация» политики расширения ЕС, трансформация целей и задач британской политики в Балканском регионе в связи с Брекситом.

Социально-экономическая трансформация Балканского региона не достигла в сравнении со странами ЦВЕ серьезных успехов, главным образом, по двум причинам: полная деиндустриализация поствоенных экономик в сочетании с отсутствием внутренних возможностей их восстановления и отсутствие системных ресурсов у Европейского союза на их модернизацию. Помимо этого, Юго-Восточная Европа в 2014 – 2019 гг. оказалась в состоянии тлеющего, но системного политического кризиса, который,

так или иначе, затронул все страны региона и его соседей – от Словении на Западе до Болгарии на востоке. Его общими чертами стали масштабные акции протеста (Болгария, Босния и Герцеговина, Черногория, Сербия, Македония), регулярные выборы и перевыборы (Сербия, Македония, Хорватия, «Республика Косово»), сложности с формированием правящей коалиции, парламентские бойкоты (Хорватия, Македония, «Республика Косово», Албания). Эти внутренние проблемы, которые не были решены на протяжении двух послевоенных десятилетий породили апатию среди граждан всех балканских государств. Открытие границ с Европейским союзом как один из результатов процесса евроинтеграции спровоцировало массовый отток трудоспособного населения из региона, чем лишило балканские общества «ядра», которое могло бы выполнять задачи европеизации.

Не изменилось и отношение западной части Европы к Юго-Востоку как к крайне проблемному. Для воплощения политики европеизации Брюсселю были необходимы лояльные и максимально предсказуемые политические элиты. В связи с этим на протяжении всего периода 2010-х годов Европейский союз в целом очень спокойно относился к внутренним изъянам молодых демократических режимов. В отношении взаимодействия ЕС с элитами западно-балканских стран в научной и экспертной литературе даже появился термин «стабилотратия», означающий готовность ЕС закрывать глаза на определенные трудности с функционированием демократических институтов в отдельных странах Западных Балкан в обмен на их лояльность самому ЕС и готовность выполнять политические требования Брюсселя. Однако подобная политика ЕС на практике дала обратный эффект: вместо европеизации в регионе наблюдается рост авторитарных тенденций. Реакция со стороны ЕС последовала только тогда, когда региональные лидеры повсеместно стали демонстрировать большую самостоятельность во взаимодействии с «третьими» странами. Начиная с 2018 года, евробюрократия вводит в оборот новый термин «узурпация государства», имея в виду уровень влияния существующих политических элит в отдельных западно-балканских странах. Это дает основания утверждать, что в ближайшем будущем ЕС попытается запустить очередной цикл «ввода во власть» новых политических элит.

Однако с учетом тенденции к вытеснению региона на обочину социально-экономической жизни эта попытка вряд ли будет успешной. Глобальный финансово-экономический кризис 2007-2008 годов, который в большей степени отразился на государствах бывшей Югославии, ослабили влияние единого ЕС в регионе, спровоцировали стремление как политических элит, так и общества в целом ориентироваться на отдельные страны Европейского союза. Принятие этого запроса со

стороны отдельных государств ЕС, а также скромные возможности Брюсселя в решении проблем «югославского наследия» – от Македонии и Боснии и Герцеговины до Косова – способно привести в следующем периоде к уже ощутимому падению авторитета собственно Европейского союза в Балканском регионе. Этому способствуют также попытки Великобритании сместить акценты взаимодействия с регионом с традиционных для ЕС гражданско-правовых и политических сфер в область секьюритизации, характерной для НАТО, а также последствия миграционного кризиса 2015 года, когда перенос маршрутов беженцев к проблемным Боснии и Герцеговине, Албании и Косову породил среди европейских стран массу обоснованных и субъективных страхов дальнейшего проникновения радикального ислама в Европу через Балканы.

Глава 4. Политика региональных акторов в отношении государств постъюгославского пространства в контексте европейской интеграции региона

В ходе гражданских войн 1990-х гг. на пространстве бывшей Югославии западное сообщество неоднократно опасалось активного подключения Греции и Турции к решению этнотерриториальных проблем на Балканах⁷¹⁶, что гипотетически могло привести не только к разрастанию конфликта, но и к возможному противостоянию двух членов НАТО между собой. Однако этого не произошло. Более того, Анкара и Афины выступали в ряде инициатив по балканскому урегулированию с единых позиций.

Объективно, события на Балканах напрямую влияли и на Грецию, и на Турцию в силу общности географии и широкого спектра исторических контекстов. Как пишет О. Анастакис, общность исторического опыта создала амбивалентную легитимность в восприятии балканскими странами друг друга: с одной стороны, все они – носители схожей политической культуры и знаний региональных реалий, с другой – для них характерны постоянная конкуренция и определенный скепсис в отношении друг друга⁷¹⁷. На этой амбивалентности выстроились как межгосударственные отношения в регионе, так и взаимодействие и конкуренция между собой внешних акторов. В случае с Грецией и Турцией их региональная политика присутствия на Балканах дополнительно усложнилась и другими обстоятельствами, в первую очередь, членством обоих государств в НАТО и специфическим индивидуальным опытом взаимодействия с ЕС.

После Первой мировой войны и распада Османской империи Турецкая республика и Греция вместе с Югославией входили в состав Балканской Антанты (1934 – 1939 гг.), а в 1953 – 1954 гг. образовали схожую структуру «на полях» НАТО – Балканский пакт. При этом если турецко-югославские отношения, помимо организованных внерегиональными великими державами системы союзов, в основном сводились к соглашениям об обмене населением, то греческо-югославское взаимодействие было более многомерным. Греция же особенно после 1974 года начал наращивать двусторонние и многосторонние связи с Белградом, преимущественно в сферах экономического, культурного, научно-технического взаимодействия. Окончание холодной войны кардинальным образом изменило стратегические роли Турции и Греции в Юго-Восточной Европе. Прежде членство в западных институтах было определено главным образом необходимостью

⁷¹⁶ Ekinici D. Turkey and the Balkans in the post-cold war era: Diplomatic/Political, economic and military relations. // PhD Dissertation. Bilkent University. 2009.

⁷¹⁷ Подробнее см.: Othon A. Greece and Turkey in the Balkans: Cooperation or Rivalry? // Turkish Studies. N5(1). P. 45-60.

борьбы с коммунизмом; новая ситуация позволила вернуться к традиционным национальным интересам, принимая во внимание, в том числе, общественное мнение.

Усложнение международных отношений, тех задач, которые теперь ставились перед «коллективным» Западом, вскрыло внутренние противоречия, определенную «несовместимость» внутри евроатлантического лагеря. В большей степени это было характерно для отношений Турции и Запада, в которых, как точно пишут отечественные исследователи И. В. Кудряшова и В. В. Матюхин, холодная война лишь замаскировала «несовместимости» между Турцией и ее союзниками⁷¹⁸. Однако те же проблемы – особенно внутри ЕС – обострились и в отношениях Греции и Запада.

Помимо концептуально-идеологических различий, с возникновением на обломках Югославии нескольких новых государств на повестку дня для Анкары и Афин на повестку дня для Анкары стали такие проблемы, как расширение своего присутствия на Балканах с опорой на мусульманские (турецкие) этнические общины, гуманитарная поддержка страдающим от войн «своим» общинам, в том числе – прием потоков беженцев. Для Афин проблема беженцев и необходимость переориентации транспортных потоков после того, как традиционный сухопутный транзит на север был перекрыт введенными против СРЮ международными санкциями, а также вновь вставший на повестку дня македонский вопрос, дополняла и потребность парировать угрозу турецкой экспансии в регион, что привело к возобновлению греко-сербских связей. Таким образом, для обеих стран балканское направление внешней политики приобрело зримое внутривнутриполитическое значение.

В связи с этими обстоятельствами оказалась единой основной целью греков и турок в регионе – поддержание стабильности. При этом инструменты влияния на страны бывшей Югославии у Греции и Турции разнятся на протяжении всего периода. С одной стороны, в течение XX века обе страны переживали серьезные политические трансформации: военные перевороты, авторитарные режимы, демократизацию и т.д. Однако если в Греции после 1974 года шел постепенный процесс консолидации демократических сил, и с поддержкой со стороны Брюсселя она прошла процесс европеизации, став на длительное время для соседних стран своеобразным «образцом» евроинтеграции, и именно это было основным инструментом региональной политики Афин, то Турция делала акцент на секулярной природе своей государственности. При этом постоянной внутренней проблемой, отражавшейся и на внешней политике, для Анкары до конца XX века

⁷¹⁸ Кудряшова И.В., Матюхин В. В. Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. 2013. № 3. С.134.

оставалась сложность формирования стабильных правительственных коалиций⁷¹⁹. Эти политические особенности наложили и отпечаток на формирование и проведение региональной политики, козырем которой стала сильная евроатлантическая позиция турок, особые отношения с Вашингтоном, а также концепция «неоосманизма» как «новой внешнеполитической стратегии Турции, прагматично использующей и объединяющей кемалистский, исламистский и пантюркистский характер государства»⁷²⁰.

Примечательно, что к концу 2000-х гг. и «карта» проводника европейской интеграции в Юго-Восточной Европе, находящаяся в руках Афин, и «инструмент» особого положения Анкары в Евро-Атлантике и политики «неоосманизма» в силу разных причин существенно видоизменяются, хоть и не исчезают. Этот процесс, развивающийся в настоящее время, оказывает непосредственное влияние на европейскую интеграцию стран бывшей Югославии.

Не менее двоякую роль в современных процессах в регионе играет и арабский фактор. Религиозная и отчасти экстремистская подоплека его присутствия вызывает традиционные объективные опасения в ЕС, особенно усилившиеся как одно из последствий миграционного кризиса 2015 года. При этом новым трендом в активности стран Персидского залива на Балканах стала инвестиционно-экономическая деятельность. Как ни странно, это ее составляющая, скорее, «работает» на интересы Европейского союза, в определенной степени трансформируя исключительно негативное восприятие арабов на Балканах, сложившееся в 1990-е гг.

Глава 4.1. Фактор Турции в балканском направлении внешней политики ЕС

Географически Турция является балканской страной за счет расположенной в Европе небольшой части своей территории, и принадлежит региону, являясь самым крупным государством в Юго-Восточной Европе. Ее историческое влияние на Балканах одновременно неоспоримо и неоднозначно. Народы данного географического пространства являются наследниками Османской империи не только в историческом и политическом отношениях, но и цивилизационно-культурном и бытовом. Вместе с тем, период османского господства воспринимается немусульманскими народами Балкан как эпоха угнетения, что зачастую определяет и те сложности, которые каждый раз объективно возникают у Анкары в связи с активизацией ее присутствия в регионе. Однако

⁷¹⁹ Othon A. Op. cit. P. 49.

⁷²⁰ Мамедов Р. Турецкий поворот: снова на пути к «нулю проблем с соседями»? // Российский совет по международным делам. 21.07.2016. Режим доступа: URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskiy-povorot-snova-na-puti-k-nulyu-problem-s-sosedyami/> (Дата обращения 23.12.2019).

сводить турецкое влияние и в целом турецкую политику лишь к этно-религиозному фактору невозможно.

Одним из существенных элементов в ней стала миграционная политика как Белграда, так и Анкары, проводившаяся на протяжении XX века. По турецко-югославскому соглашению об экспатриации «неславянских элементов» от 1938 года около 200,000 албанских мусульман и 28,000 боснийцев были переселены в Турцию в период с 1938 по 1952 гг.⁷²¹ В 1950 и 1951 гг. около 150,000 болгарских турок были также перемещены. По данным турецкого исследователя Керема Эктема, в период с 1953 по 1960 гг. из Югославии было переселено около 300,000 мусульман разной национальной принадлежности⁷²². По отдельным свидетельствам, к 1951 году число югославских мусульман, идентифицировавших себя как «турки», главным образом, «в связи с желанием избежать возможных репрессий в СФРЮ, увеличилось в 26 раз»⁷²³. Важно, что политика Белграда по переселению мусульман встречала поддержку Анкары, которая стремилась населить разные районы Анатолии, чтобы сбалансировать рост численности курдов на востоке и юго-востоке страны. Вслед за политикой переселения последовала и миграционная политика по «воссоединению семей». В результате это привело к тому, что на настоящий момент в Турции, по разным оценкам, проживают от трех до семи миллионов боснийских мусульман и албанцев, переселившихся в страну еще в XIX и XX веках, но сохраняющих ту или иную связь с прародиной⁷²⁴. Именно вследствие балканских диаспор региональная политика Анкары в Юго-Восточной Европе является одним из существенных элементов политических программ турецких партий и политиков и их публичного дискурса.

Помимо этого, Юго-Восточная Европа имеет для Турции самостоятельное стратегическое значение как стык между Средиземноморьем, Ближним Востоком и Центральной Европой. Главным образом этими факторами опосредована турецкая политика по отношению к странам бывшей Югославии. Ее историко-религиозная основа, в свою очередь, имеет в основном статусное значение.

Данный тезис неплохо подтверждается эволюцией присутствия Турции в Юго-Восточной Европе в период после распада биполярной системы международных отношений. Политику Анкары по отношению к Балканам в постбиполярный период

⁷²¹ Harxhi E. An Overview of Turkish Foreign Policy in the Balkans: 1990-2016. // Insight Turkey. 2017. N19(1). P. 36.

⁷²² Kerem O., Between emigration, de-Islamization and the nation-state: Muslim communities in the Balkans today. // Southeast European and Black Sea Studies. June 2011. N11(2). P. 157.

⁷²³ Harxhi E. Op. cit. P. 36.

⁷²⁴ Minorities in Turkey. // Wikipedia. Режим доступа: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Minorities_in_Turkey (Дата обращения 22.12.2019).

можно разделить на три хронологических этапа: 1991 – 1998 гг.; 1998-2002 гг., 2002 – по настоящее время.

В первой половине 1990-х гг. Турция переживала относительно спокойный период своего развития под управлением правоцентристских правительств Тургута Озала и Сулеймана Демиреля, активно сотрудничавших с США и Германией. При этом именно в данный период начинают закладываться основы концепции неоосманизма. А. Б. Едемский, анализируя монографию Д. Танасковича «Неоосманизм: доктрина и внешнеполитическая практика»,⁷²⁵ указывает, что «неоосманизм – это больше, чем идеология: это философия истории, цивилизационная парадигма и мировоззрение, свойственное турецкой интеллектуальной элите и большинству турок – сторонников современных представлений о турецкой нации. Такое мировоззрение несёт в себе историческую ностальгию по большой имперской нации... И это – экзистенциальная константа внешней политики Турции, сохраняющаяся вопреки всем действительным и мнимым идейным и политическим разрывам исторического времени, среди которых на первом месте стоит радикальная кемалистская революция 1918–1923 гг., которая привела к секуляризации государства и общества. Анализируя исторические фазы развития концепции неоосманизма, автор (Д. Танаскович – прим. мое, - *Е. Г. Энттина*) заключает, что эрозия кемализма... началась уже лет через десять после смерти его создателя. Начало первой фазы «тихой исламской реставрации» ещё в середине XX в. положила деятельность правительства Баяра – Мендереса, несмотря на его отчётливо прозападную ориентацию. Более определённые очертания неоосманизм приобрёл на рубеже 1980–90-х гг. при Т. Озале»⁷²⁶.

При этом развитие идей неоосманизма в политической практике либерально ориентированного Т. Озала может показаться удивительным. Однако, это не так. Помимо того, что распад биполярной системы сам по себе дал возможность Анкаре выйти за рамки нарратива государственного национализма, формирование среднего класса, прежде не существовавшего в глубоко расколотом турецком обществе, также ставило подобные задачи. Власти в Анкаре столкнулись с необходимостью нивелировать различия уже не столько по критерию материального благосостояния, сколько в отношении пути будущего общественно-политического развития Турции. Идея неоосманизма, сочетавшая в себе расширение географии присутствия на прежние ареалы Османской империи с императивами евроатлантической интеграции республики, таким образом примиряла

⁷²⁵ Танасковић Д. Неоосманизам: доктрина и спољнополитичка пракса. Друго, допуњено издање. Београд: Службени гласник. 2011. 160 стр.

⁷²⁶ Едемский А. Б. Неоосманизм как реальность современной геополитики. // Проблемы национальной стратегии. 2012. №2 (11). С. 206.

традиционалистов и сторонников европейской современности. «В такой интерпретации это явление можно определить как реартикуляцию турецкого национализма в рамках формирования национально-цивилизационной идентичности, которая в условиях глобализации может стать одним из главных факторов интеграции и самоопределения постосманских политий на Балканах, Кавказе и Ближнем Востоке»⁷²⁷.

Это специфическое сочетание кемализма, исламизма и пантюркизма довольно ярко проявилось в период распада Югославии. Участие в урегулировании югославского кризиса, которое было связано, прежде всего, с факторами безопасности, по мнению как собственно турецких, так и других исследователей обуславливалось и рядом геостратегических задач. Ж. Петрович и Д. Релич группируют их по шести направлениям, из которых, на наш взгляд, уместно особо выделить три. Во-первых, вовлечение Турции в балканские вопросы в 1990-е гг. было призвано дать ответ на растущее влияние Греции в регионе, начавшей реализовывать свой потенциал государства-члена ЕС. Во-вторых, проактивное участие в формировании новой архитектуры европейской безопасности давало Турции возможность трансформировать роль исключительно «южного крыла НАТО» в нечто геостратегически более осязаемое. Югославский кризис в этой связи был реальным шансом. Наконец, таким образом Турция могла укрепить особые отношения с США через последовательную поддержку инициатив Вашингтона⁷²⁸.

В соответствии с императивом солидарности внутри НАТО, когда вслед за войной в Заливе в 1991 году стало ясно, что Югославия распадается, Турция первоначально предпочла не вмешиваться в кризис. Несмотря на то что общественное мнение в Турции, главным образом, видело во внутриюгославских противоречиях противостояние сербов и мусульман, политическое руководство Турции заняло выжидательную позицию, внимательно следя за тем, как отреагируют США и Европа⁷²⁹. Когда в июне 1991 года США заявили о необходимости сохранения целостности СФРЮ и существующего статус-кво на Балканах, Турция также выступила с этих позиций. Более того, и после провозглашения Словенией и Хорватией независимости, Анкара первоначально охарактеризовала происходящее гражданской войной и заявила, что действия ЮНА как федеральной структуры легитимны, поскольку иначе страна рискует распасться на мелкие части⁷³⁰. Турция продолжала поддерживать политику сохранения целостности Югославии

⁷²⁷ Пантин В.И. Национально-цивилизационная идентичность как фактор современного политического развития // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / Под ред. Семененко И.С. М.: РОССПЭН. 2012. Т. 2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. С. 116.

⁷²⁸ Petrovic Z., Reljic D. Turkish Interests and Involvement in the Western Balkans: A Score-Card. // Insight Turkey. 2011. N13(3). P. 163.

⁷²⁹ Calis S. Turkey's Balkan Policy in the Early 1990s. // Turkish Studies. 2001. N2(1). P.137.

⁷³⁰ Sander O., Turkey and the Balkans. // Middle East Business and Banking. 1991.N11(11). P.7-8.

вплоть до февраля 1992 года и признала независимость Словении и Хорватии только вслед за США и ЕЭС; признание Македонии (в данном контексте как, прежде всего, выпад против Греции, изначально оспаривавшей название нового государства) и Боснии и Герцеговины последовало после того, как подобный шаг был сделан Болгарией.

Однако с разрастанием вооруженного противостояния в БиГ, турецкая политика по очевидным причинам меняется и становится более активной. В свою очередь, как рассматривается в параграфе, посвященном политике США на Балканах, это спровоцировало более активное включение США в боснийское урегулирование. Вместе с тем, турецкая политика осталась в фарватере общей позиции НАТО и международного сообщества, хотя Анкара неоднократно и выступала с осуждением недостаточности усилий, предпринимаемых ООН и НАТО для защиты мирного населения в Боснии и Герцеговине⁷³¹. 7 августа 1992 года турецкое правительство направило в СБ ООН план с призывом активизировать и предпринять более серьезные шаги по Боснии. План предусматривал создание зон для лагерей беженцев. Турки предлагали снять эмбарго на вооружения с боснийцев и наложить санкции на сербскую сторону. Эти предложения были вынесены на повестку заседания Лондонской конференции. Анкара выступала за военную интервенцию, при этом в тот момент США, Германия, Франция и Великобритания поддерживали идею продолжения дипломатического решения проблемы. Как известно, в результате предложения турецкой стороны о более активном практическом вовлечении были отвергнуты⁷³². Это спровоцировало переход турок к политике более активного взаимодействия с мусульманским миром. В ноябре 1992 года по инициативе Анкары была созвана Балканская конференция, на которой собрались все балканские государства за исключением Греции и Сербии и Черногории, поскольку Белград не был приглашен, а Афины отказались принять участие.

Одним из важнейших решений конференции стал отказ Албании, Македонии, Греции и Болгарии открыть свое воздушное пространство в случае возможных односторонних действий Турции в Боснии и Герцеговине⁷³³. В итоге параграф о возможной военной интервенции был исключен и из заключений данной конференции. Рекомендации ограничились призывом к ООН разместить миротворческие контингенты, в том числе в зонах потенциального риска в Воеводине, Санджаке и Македонии. Кроме

⁷³¹ Calis S. Op. cit. P.139.

⁷³² Подробнее о Лондонской конференции см.: Srpske političke elite i Londonska konferencija. Dokumenta sa Londonskoj konferencije o bivšoj Jugoslavije i zasedanja Generalne skupštine Ujedinjenih Nacija uz stenografske beleške sa sednica Saveta za usaglašavanje stavova o državnoj politici Savezne Republike Jugoslavije. Priredio Vladimir Petrović, Tom 1, 2. Institut za savremenu istoriju: Akademska misao. 2016.

⁷³³ Bozay M. K. The Balkan Experience in the Development and the Implementation of Comprehensive Strategies for Multidimensional Peace Operations: A Brief Analysis on the Bosnia and Kosovo Cases. // Perceptions, Special Issue on Peace Operations. December 2003-2004. pp. 79-90.

того, конференция призывала международное сообщество признать независимость Македонии. Исследователи сходятся во мнении, что конференция имела, скорее, символическое значение, но ряд есть и другие, в частности Шабан Чалиш, которые считают, что она сыграла свою роль в формировании американских предложений по федерации боснийцев и хорватов и как результат - ее успешном создании⁷³⁴. Не давая оценок конкретно этим суждениям, тем не менее, все же важно отметить, что встреча в Нью-Йорке, на которой впервые обсуждался вопрос о создании мусульманско-хорватской федерации, была инициирована Анкарой.

Кроме того, несмотря на эмбарго, ООН, Турция и Иран снабжали боснийцев оружием. Утверждается, что турецкий корабль *Turgut Reis*, использовавшийся под флагом НАТО во флоте ЗЕС, имел разрешение на поставку вооружений боснийской стороне⁷³⁵. «В условиях эмбарго вооружения боснякам поставляли Пакистан, Саудовская Аравия, Иран и Турция. В различных американских документах Турция также упоминалась как прямой поставщик вооружений. В 1994 года сателлиты ЦРУ запечатлели фотографии иранских самолетов в турецких воздушных зонах – международном аэропорту Загреба и других хорватских аэропортах»⁷³⁶.

Анкара нервно воспринимала как западную позицию в отношении ислама, так усиление влияния Ирана на Балканах. Кроме того, турецкая политика находилась в зависимости и процессов, происходящих на Кавказе и в Центральной Азии – двух других принципиально значимых для Анкары регионах – где внимательно следили за тем, насколько Турция вовлечена в боснийских конфликт и какое реальное влияние она способна проецировать на международной арене.

В этой связи внутренние дебаты в Турции шли в трех направлениях⁷³⁷: Партия справедливости допускала подключение Анкары к конфликту на односторонней основе. Министерство иностранных дел считало возможным вмешательство Турции исключительно в составе международной коалиции. Наконец, существовала и более радикальная точка зрения о том, что данный конфликт – результат распада империи и противоборства между «великими державами», и Турция должна остаться в стороне.

Как результат, хоть Анкара и активно поддерживала Дейтонские соглашения и направила свой контингент в рамках международной миротворческой миссии в Боснию и

⁷³⁴ Calis S. Op. cit. P.141.

⁷³⁵ Цит.по: Eroglu Z. Turkish foreign policy towards the Balkans in the post-cold war era. // MS Thesis. Middle East Technical University.2005. // URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.633.8831&rep=rep1&type=pdf> (Дата обращения 23.12.2019).

⁷³⁶ Vračić A. Turkey's role in the Western Balkans. // SWP Research paper 11. SWP Berlin. 2016. P.8.

⁷³⁷ Подробнее см.: Ekinçi D. Op. cit.

Герцеговину, тот факт, что инициативы Турции на протяжении всего боснийского конфликта фактически не находили поддержки у западных и региональных партнеров, обострило у турецкого населения и части политических элит восприятие конфликта в Боснии как религиозного, в котором доминировали настроения о том, что западные государства не хотели помогать бошнякам, потому что они мусульмане⁷³⁸.

После Дейтона, в силу различных внутренних и внешних факторов, турецкая политика на Балканах переживала период кратковременной стагнации,⁷³⁹ когда присутствие турок преимущественно ограничивалось контингентом в БиГ. Однако уже к концу 1997 года она вновь активизируется. Отчасти это было связано с приходом к власти коалиции Демократической партии левых, Турецкой демократической партии и партии Родина. В не меньшей степени к идее необходимости проведения более самостоятельной политики в регионе подтолкнуло разочарование Анкары итогами Люксембургского саммита ЕС 1997 года, когда Турции не был предоставлен статус страны-кандидата. Однако развернуть ее удалось только несколькими годами позднее. В конце 1990-х гг. этому воспрепятствовал очередной, косовский, виток югославского кризиса.

Как и в случае с Боснией, Анкара начала активно осуждать действия в отношении мусульманского населения. Так, «выступая за соблюдение прав мусульман, турецкие политики неоднократно предлагали направить в «горячие точки» на Балканах, в том числе и в Косово, свои воинские контингенты, против чего активно возражала Греция. Тем не менее, согласно сообщениям западных информационных агентств, турецкая сторона в феврале 1999 г. подтвердила готовность направить по договоренности с Болгарией свой воинский контингент в Косово». Основной проблемой Анкаре виделась опасность распространения конфликта в Косово на весь полуостров. Наиболее активно обсуждаемый турками вызов состоял в том, что, если бы албанцы в Косово получили независимость, то для албанцев в Македонии это имело бы «эффект домино», с высокой вероятностью спровоцировало бы распад Македонии и новый региональный конфликт⁷⁴⁰. В целях предотвращения подобного сценария турки усилили военно-техническое сотрудничество со Скопье, и в июне 1998 года начали переговоры о поставке 20 самолетов F-5 для македонской армии, а также о подготовке македонских летчиков в Турции.

При очевидной дипломатической активности общая позиция Турции в отношении косовской проблемы была существенно осторожнее, чем в случае с Боснией и Герцеговиной: «турецкие власти, вынужденные решать сложнейшую курдскую проблему,

⁷³⁸Eroglu Z. Op. cit.

⁷³⁹Ibid.

⁷⁴⁰ Uzel I. Kosovo; Politics of Nationalism and the Question of International Intervention. // Turkish Review of Balkan Studies. 1998-1999. N4. p. 330.

не могли занять позицию, которая могла бы быть истолкована как поддержка сепаратизма»⁷⁴¹.

Противоречивость турецкой позиции подтверждалась и американскими свидетельствами: «Турция надеется получить выгоду от того, чтобы выглядеть надежным союзником Запада в нынешнем кризисе. Министр обороны Турции даже предположил, что вклад его страны в урегулирование может позитивно сказаться на членстве Анкары в ЕС... Тем не менее, Турция очень быстро обнаружила, что противники кампании НАТО в Европе и США проводят аналогии между тяжелым положением косовских албанцев и турецких курдов, задаваясь вопросом почему Альянс безмолвствует в отношении одних и готов вмешаться, чтобы защитить интересы других»⁷⁴². В статье Сильви Ганглофф приводятся два основных аргумента, с помощью которых турецкая политическая элита пыталась вытеснить из информационного поля косоваро-курдскую параллель: во-первых, С. Демирель публично анонсировал, что курды не являются национальным меньшинством, в отличие от албанцев. Во-вторых, Анкара призывала к восстановлению албанцев в правах в соответствии с Конституцией СФРЮ 1974 года, в то же самое время апеллируя к тому, что турецкие курды подобных прав не имели никогда⁷⁴³.

Хотя турецкий министр иностранных дел Бюлент Эджевит до самого конца говорил о недопустимости ведения турками наступательных операций, в конечном итоге Анкара приняла участие в военной кампании НАТО против СРЮ⁷⁴⁴. Ее миротворческий контингент по итогам операции был размещен в германском секторе в Косово. Также турецкие чиновники вошли в состав временной администрации края. В период с марта по май 1999 года турки приняли более 18000 косоваров-беженцев. Почти половина из них была заселена в лагерь Кирк-Ларели во Фракии, который был построен для болгарских турок, прибывших в 1989 году и позже использовавшихся для мусульман из Боснии и Герцеговины. Турецкий Красный Полумесяц также создал два палаточных городка для беженцев: один в Македонии (Боян) и один в Албании (Эльбасан).

Вместе с тем, подобную политику Анкары нельзя списывать на евроатлантическую или исламскую солидарность: как и прежде, комбинированная позиция турок по косовскому вопросу («нет» - курдским аналогиям, «да» - помощи мусульманам, «да» -

⁷⁴¹ Язькова А. А. Косовский конфликт в балканском политическом контексте // Косово: международные аспекты кризиса. под ред. Д. Тренина, Москва: Московский центр Карнеги. 1999. С.147.

⁷⁴² Kosovo: Greek and Turkish Perspectives. // CRS Report for Congress. Order Code RS20149 Updated May 27, 1999. Режим доступа: URL: https://www.everycrsreport.com/files/19990527_RS20149_96f2ebfbadc8c59ea820d196032fc8f8ce1f1e4f.pdf (Дата обращения 22.12.2019).

⁷⁴³ Gangloff S. Turkish policy towards the conflict in Kosovo: the preeminence of national political interests // *Balkanologie*. 2004. N8(1). Режим доступа: URL : <http://journals.openedition.org/balkanologie/517> (Дата обращения 22.12.2019).

⁷⁴⁴ Ibid.

евроатлантической солидарности с одновременной поддержкой целостности СРЮ) была очень тесно связана с внутренней политикой и наложившейся на «горячую» фазу кризиса в Косово избирательной кампании в турецкий парламент, в ходе которой третье места заняла считавшаяся традиционалистской и исламистской, основанная в 1997 году и впервые вышедшая на выборы в 1999 году Партия добродетели⁷⁴⁵ (предшественница основной с 2002 года Партии справедливости и развития). Таким образом, и Демократическая левая партия и Партия национального действия были вынуждены на протяжении всего кризиса в Косово соотносить риторику и действия с внутривнутриполитическими факторами.

Таким образом, в 1990-е гг. в сфере внешней политики начинается эрозия двух главных опор прозападной ориентации Турции. Первая – процесс интеграции страны в ЕС. Вторая – трения между Анкарой и Вашингтоном по вопросам ближневосточной политики. Это побудило турецкую политическую элиту к поиску геополитических альтернатив, все новых и новых вариантов взаимодействия и сотрудничества. Данные процессы накладывались на характерную проблему устойчивости правящих коалиций, что, в свою очередь, подталкивало Анкару к отходу от идеи европейской интеграции в пользу самостоятельной геостратегической линии. Как справедливо указывают И. В. Кудряшова и В. В. Матюхин, «все более самостоятельное поведение Анкары в рамках НАТО, энергетическое и торговое сотрудничество с Россией, антиизраильские настроения, поддержка иранской ядерной программы, активная деятельность в арабском регионе дали западным и российским аналитикам повод говорить об отходе Анкары от односторонней ориентации на атлантизм»⁷⁴⁶.

Существует и противоположная точка зрения о том, что предоставление статуса страны-кандидата в ЕС Турции на саммите в Хельсинки в 1999 году приводило в перспективе весь регион Юго-Восточной Европы к единому европейскому знаменателю, стимулировав проведение внутренних реформ. Ю. С. Кудряшова пишет: «однако при всей своей пантюркистской риторике приверженец идеи основания тюркского союза Т. Озал не рассматривал данное внешнеполитическое направление в качестве альтернативы ЕС. Подтверждением тому являются его либерально-экономические реформы и, соответственно, ориентация на мировых экономических лидеров»⁷⁴⁷.

Апогеем этого, по мнению Д. Бечева, стал 2005 год, когда Турции и Хорватии одновременно был дан «зеленый» свет на начало переговоров, а Македонии предоставлен

⁷⁴⁵Харитоновна О.Г. Кризисная эволюция турецкой политической системы. // Полития. 2018. №3(90). С. 189.

⁷⁴⁶Кудряшова И.В., Матюхин В. В. Указ соч. С.118

⁷⁴⁷ Кудряшова Ю. С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М.: Институт Ближнего востока. 2010. С. 246.

статус кандидата⁷⁴⁸. В пользу подобного подхода свидетельствует бурный рост внутрирегионального сотрудничества (в части заключения различных соглашений, облегчающих региональное взаимодействие) в течение 2000-х гг. Так, соглашения о свободной торговле, которые с Румынией, Болгарией и Македонией Анкара подписала еще во второй половине 1990-х гг. были дополнены подобными же актами с Хорватией и Боснией и Герцеговиной (2002) и Албанией (2006). После распада государственного содружества Сербии и Черногории соглашение о свободной торговле было сначала подписано с Подгорицей (2008), а потом – с Белградом (2009). Д. Бечев⁷⁴⁹ склонен приписывать успех движения стран региона навстречу друг другу работе Процесса сотрудничества в Юго-Восточной Европе, чьей основной целью было стимулирование европейской интеграции. В результате, по его мнению, Турция трансформировалась из приверженца «силовой политики» на Балканах в центр экономического притяжения, обладающий «мягкой» силой.

Вероятнее всего, в период 2000-х гг. региональная политика Турции была направлена в большей степени на создание зоны мира и стабильности вокруг Турции. При этом до некоторой степени заполняя вакуум внешней активности на Балканах, присутствие Анкары не входило в прямое противоречие с позиционированием ЕС, а ее собственные, в тот момент еще казавшиеся перспективными отношения с Брюсселем, работали на имплементацию европейской политики добрососедства.

Одним из креаторов балканской внешней политики Турции первого десятилетия XXI века стал сначала советник премьер-министра, затем министр иностранных дел, Ахмет Давутоглу. Первоначально в своей книге «Стратегическая глубина», вышедшей в 2001 году, он апеллировал к тому, что для выстраивания отношений в Юго-Восточной Европе Анкара должна опереться на две наиболее дружественные нации региона, исповедующие ислам, – боснийцев и албанцев⁷⁵⁰. Однако буквально в течение нескольких лет, став министром иностранных дел, А. Давутоглу расширяет концепцию до всеобъемлющего регионального подхода. В рамках предложенной Давутоглу классификации становится очевидным, что Турции следует снижать преимущественную ориентацию на сотрудничество с Западом и с западными организациями за счет установления системы балансов – выстраивания отношений с важными незападными странами⁷⁵¹. Идея была представлена не только в известной концепции «нулевых

⁷⁴⁸Bechev D. Turkey in the Balkans: Taking a Broader View. // Insight Turkey. 2012. N1(14). pp.135-136.

⁷⁴⁹Ibid. P.136.

⁷⁵⁰Davutoglu A. Strategic Depth, Turkey's international position. Istanbul: Kure, 2001. p. 316-317.

⁷⁵¹Лукьянов Ф.А. Стратегическая бездна // Россия в глобальной политике. 18.10.2012. Режим доступа: URL: <https://globalaffairs.ru/redcol/Strategicheskaya-bezdna-15706> (Дата обращения 22.12.2019).

проблем» с соседями, но и в отдельной работе «Перспективное видение Балкан». А. Давутоглу пишет: «для того чтобы регион соответствовал требованиям времени, политики должны осознать, что XXI век для Балкан – столетие реинтеграции. Вместо микрорегионального деления мы должны стимулировать макрорегиональную интеграцию. В этой связи критически значимым становится политический диалог. Необходимо разработать двусторонние и многосторонние механизмы политического диалога на высоком уровне, подобные механизмам Европейского союза»⁷⁵². По мнению Д. Биргюля, эти послы и легли в основу региональной политики Турции⁷⁵³.

Практическая реализация доктрины началась в середине 2000-х годов с назначением А. Давутоглу на должность советника по внешней политике премьер-министра Р.Т. Эрдогана (ПСР). Окончательно концепция перешла из теоретической плоскости в практическую, когда в 2009 г. Давутоглу получил портфель министра иностранных дел⁷⁵⁴. В отличие от ЕС, который осуществлял системное реформирование региона, для Турции такой необходимости не существовало. Поэтому Анкара выстроила свою балканскую политику в опоре на три точки – общее османское наследие, экономическое сотрудничество и особые связи с балканскими мусульманами. Позднее, после неудачной попытки переворота в Турции в 2016 году, одним из факторов региональной политики Анкары становится фактор «гюленистов»⁷⁵⁵. Кроме того, нельзя недооценивать ее деятельность как медиатора и участника международных инициатив по Балканам в период 2000-х гг.

До 2009 года Анкара выступает преимуществом в фарватере европейских инициатив на Балканах. Как уже было отмечено выше, Турция присоединилась к болгарской инициативе - Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе, стала активным членом Регионального совета по сотрудничеству, Совета по поддержанию мира, Бригады Юго-Восточной Европы⁷⁵⁶. Другим трехсторонним механизмом стала совместная комиссия Турции, Боснии и Хорватии, занимающаяся вопросами национального примирения. Отчет

⁷⁵² Davutoglu A., A Forward Looking Vision for the Balkans. // Center for Strategic Research. 2011. N1. Режим доступа: URL: http://sam.gov.tr/wp-content/themes/sam/assets/pdfs/vision_paper_serbian_version.pdf (Дата обращения 22.12.2019).

⁷⁵³ Demirtas B. Turkish foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. N17:2. P.130.

⁷⁵⁴ Кудряшова И.В., Матюхин В. В. Указ. соч. С.129.

⁷⁵⁵ Гюленисты – последователи «движения» Фетхуллага Гюлена, неоднозначно, а зачастую полярно представляемого в современных исследованиях и политическом дискурсе: от проповедников «скромного» ислама до последователей радикального ислама и «сектантов». Подробнее см.: Наумкин В. Турецкая дилемма России // Российский совет по международным делам. 04.06.2014. Режим доступа: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/turetskaya-dilemma-rossii/> (Дата обращения 02.03.2020)

⁷⁵⁶ Bulent A. Turkey and the Balkans: New Policy in a Changing Regional Environment. // The German Marshall Fund of the United States. Analysis. October 31, 2012. Режим доступа: URL: http://www.gmfus.org/wp-content/blogs.dir/1/files_mf/1351696866Aras_Balkans_Oct12.pdf (Дата обращения 23.12.2019).

Европейской Комиссии по Турции за 2010 год отдельно выделял отношения со странами Западных Балкан как позитивный пример конструктивной роли и прогресса Анкары на пути в ЕС⁷⁵⁷.

Особую роль Турция сыграла в налаживании диалога между Сараево и Белградом. Анкара выступала посредником в двусторонних и трехсторонних встречах в регионе. В частности, при непосредственном участии Анкары была подписана Стамбульская декларация между БиГ и Сербией⁷⁵⁸, подтвердившая территориальную целостность БиГ. Собственно данное дипломатическое достижение Анкары и явилось основным на сегодняшний день для Турции в регионе. С 2010 по 2014 год встречи на уровне президентов проходили ежегодно, на регулярной основе встречались и министры иностранных дел. С 2014 по 2018 гг. в этих встречах произошел вынужденный перерыв, формально связанный с политикой Президента РС М. Додика и ее восприятием Сараево, Анкарой и евроатлантическим миром. Однако начиная с 2018 года, Р. Эрдогану удалось активизировать трехсторонний механизм вновь, но в большей степени в формате экономического сотрудничества.

В целом в экономической сфере позиции Турции на Балканах в период до 2010 года заметно укреплялись, после - активность Анкары замедлилась, но не снизилась. За десятилетие после прихода к власти Партии справедливости и развития объем торговли со странами бывшей Югославии увеличился более чем в 6 раз⁷⁵⁹. В первую очередь это было связано с ростом турецкой экономики в период до 2011 года. В 2010 году инфляция достигла минимальных показателей, уровень иностранных инвестиций вырос с 2,8 миллиардов долл. США до 18⁷⁶⁰. Экономический рост и проактивная международная позиция и сделали Турцию заметным актором на Балканах. Некоторые исследователи в тот период полагали, что инвестиции турецких компаний могут превратить Балканы в часть внутреннего турецкого рынка, наряду со странами Центральной Азии и Ближнего Востока⁷⁶¹. При этом турецкие инвестиции были в известной мере

⁷⁵⁷ European Commission Turkey 2010 Progress Report // Официальный сайт Европейского союза. Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2010/package/tr_rapport_2010_en.pdf (Дата обращения 23.12.2019).

⁷⁵⁸ Petrovic Z. Turkey in the Western Balkans. Goals and Means of the New Foreign Policy. // Policy Paper. Beograd: ISAC Fund. 2011. P. 7.

⁷⁵⁹ Rasidagic E. K. A critical analysis of Turkish foreign policy towards the Western Balkans. Turkish-Balkans Relations: The Future Prospects of Cultural, Political, Economic Transformations and Relations. Istanbul, Tasam Publishing, 2013. P. 188.

⁷⁶⁰ Öztürk A. E. and Akgönül S. Turkey: forced marriage or marriage of convenience with the Western Balkans? // The Western Balkans in the World Linkages and Relations with Non-Western Countries. Edited by Florian Bieber and Nikolaos Tzifakis. Routledge. 2020. P.228.

⁷⁶¹ См., например: Linden R. H., Irepoglu Y. Turkey and the Balkans: New Forms of Political Community? // Turkish Studies. 2013. N14:2. pp. 229-255.

диверсифицированными и шли преимущественно в телекоммуникационную сферу, энергетику, транспортную инфраструктуру и логистику, финансы - и практически не зависели от интенсивности политических связей.

Наиболее важными стратегическими инвестициями в регион стало строительство автомагистралей Белград – Южная Адриатика и Дуррес – Кукес – Приштина⁷⁶², прокладывающей южный коридор.

В 2007 году Албания получила 42,2 % от общего объема прямых иностранных инвестиций из Турции с связи частичной приватизацией государственной телекоммуникационной компании Албании ALB telecom, которая была приобретена турецким консорциумом. В 2010 году Босния и Герцеговина стала крупнейшей страной-получателем ПИИ в регионе. В Боснии и Герцеговине оперируют такие компании, как Kastamona – Entegere – Natron – Hayat (целлюлозно-бумажный холдинг), Soda Sanayii – Soda Lukovac (хим. производство), Cingiz Insaat (строительство), Sezer Group (сельской хозяйство), T. C. Ziraat Bankasi (банковский сектор). В Сербии турецкий бизнес представлен главным образом текстильной промышленностью, строительством, туристической и коммуникационной сферами. Самые крупные текстильные предприятия - Dzinsi, Berlisi, Aster - размещены в Лесковце и Нише. Teklas, крупнейший производитель автомобильных запчастей в Турции, также открыл свой завод в Сербии, вложив более 700 млн долл. В 2015 году Halkbank приобрел 76% акции Банка Чачка. Таким образом, к настоящему моменту Сербия стала наиболее важным рынком из всех бывших югославских республик для турок. Визит Р. Эрдогана в Белград в 2018 году завершился подписанием 12 новых соглашений. Среди них и подтверждение договоренностей о совместной работе в «Турецком потоке», который дополнительно закрепит экономическую роль Анкары в регионе.

При этом важно отметить, что к концу 2018 года Турция подписала и ратифицировала договоры о свободной торговле со всеми странами региона, а к традиционным секторам экономического сотрудничества добавилось военно-техническое. В свете осложнения отношений между Турцией и США даже появилась точка зрения о том, что Турция может стать самостоятельным значимым поставщиком вооружений в регион⁷⁶³.

Прямые инвестиции Турции на Балканы в общем объеме вложений составляют около 3% (по данным на 2017 год), при этом количество присутствующих в регионе

⁷⁶² Petrovic Z., Reljic D. Op. cit. P. 165.

⁷⁶³ Balkan-Turkey Military Ties Blossom Despite Syrian Conflict. // Balkan Insight. 18 October 2019. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2019/10/18/balkan-turkey-military-ties-blossom-despite-syrian-conflict/> (Дата обращения 23.12.2019).

компаний (не считая индивидуальных предпринимателей) велико – около 1100⁷⁶⁴. Из приведенных данных следует, что, с одной стороны, Турция довольно активно присутствует в экономическом пространстве региона, что позволяет ей ставить на повестку дня двусторонних и многосторонних отношений защиту и продвижение интересов турецкого бизнеса. При этом Анкара практически не вкладывается в критически значимые проекты. Объемы торговли Анкары со странами бывшей Югославии в общей структуре торгового баланса Турции занимают сравнительно небольшое место – в районе 7%⁷⁶⁵.

Наиболее интересную роль в рассматриваемый период в региональной политике Турции имел фактор деятельности институтов по развитию культурных, религиозных и образовательных связей и «возможности турецкой диаспоры, тюркских этнических групп и их информационных центров: органов печати, радио и телевидения»⁷⁶⁶.

Наиболее значимую роль в реализации турецкой политики «мягкой силы» играют Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТИКА), Культурный центр Юнуса Эмре и Директорат по религиозным отношениям (Диянет).

Примечательно, что треть филиалов Культурного центра Юнуса Эмре, основанного в 2007 году, находится в шести балканских странах (13 из 34). Основная функция центра – популяризация турецкого языка и культуры. Его деятельность по предоставлению бесплатных курсов турецкого языка привела к тому, что среди мусульманского населения региона, по мнению отдельных исследователей⁷⁶⁷, турецкий язык и культура становятся *lingua* и *cultura franca*. Это возрождающееся явление для Балкан, поскольку, как уже указывалось выше, одной из характерных черт балканских мусульман была и в большой степени остается сегодня языковая разобщенность. Если мусульманская элита в межвоенный период свободно общалась на тюркском и частично на арабском, а все мусульмане в социалистической Югославии изучали и владели сербохорватским языком, то у новых поколений языковая общность просто отсутствует⁷⁶⁸. В недавнем прошлом албаноговорящие сообщества в массе своей были дву- и трехязычными (часто владея и сербохорватским, и турецким языками, особенно в Косово и Македонии); сегодня они обучаются преимущественно на албанском. В этой связи та образовательная деятельность и инвестиции в открытие частных школ и университетов, которая ведется Анкарой, возвращает турецкий язык, культуру, образ жизни в разряд воспитывающих и

⁷⁶⁴ Faris K., Arbeiter J. Is TİKA Turkey's platform for development cooperation or something more?: Evidence from the Western Balkans. // *International Journal of Euro-Mediterranean Studies* 2019.N12(1). P. 185.

⁷⁶⁵ Глазова А. В. Указ соч. С. 28.

⁷⁶⁶ Кудряшова Ю. Указ соч. С. 248.

⁷⁶⁷ Demirtas B. Op. cit. P.133.

⁷⁶⁸ Kerem O.Op. cit.P. 160.

объединяющих мусульманскую элиту Балкан, что существенно отличает эффект популяризации турецкого языка от французского, немецкого, китайского или русского языков. Нелишним будет отметить, что многие исследователи⁷⁶⁹ оценивают возросшую активность Анкары на этом направлении как не имеющую больших перспектив из-за неоднозначности и тяжести османского наследия, справедливо утверждая, что период османского господства остался в памяти как немусульманских, так и мусульманских народов как период порабощения. В подкрепление позиции приводится, например, тезис о том, что албанцам было запрещено учиться на албанском языке, они были обязаны получать образование на тюркском. Таким образом проводится параллель с сегодняшним днем. Однако из виду упускается тот факт, что сегодня образование на турецком языке получают добровольно. Оно открывает новый спектр возможностей. Выпускники турецких школ в дальнейшем активно сотрудничают с турецким бизнесом, который поддерживает их в продвижении по карьерной лестнице⁷⁷⁰. В этой связи вряд ли возможно рассматривать как однопорядковые явления историческую память народов и рациональную ориентацию на личную перспективу сегодня. Таким образом турки реализуют важнейшую долгосрочную стратегическую задачу обеспечения лояльности балканской мусульманской политической и интеллектуальной элиты. В перспективе это гарантирует Анкаре определенный уровень влияния при любых внешнеполитических обстоятельствах и внутривосточной конъюнктуре.

Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТИКА) было основано в 1992 году для поддержки тюркских сообществ постсоветского пространства. Потом география его активности расширилась и на другие регионы. С 2008 года, бывшие югославские республики и Албания входят в ТОП-10 по объемам прямого финансирования со стороны ТИКА. Только в Боснии (правда, сотрудничество с ней наиболее интенсивно) агентство восстановило более 700 памятников культуры. Наиболее крупными работами были реставрация мечети Ферхат паши в Баня Луке, мост Мехмет паши в Вишеграде, Царёва мечеть в Сараево, старый мост и дом дервишей в Мостаре.

Общее же распределение средств на различные проекты имеет тенденцию к изменению. До середины 2010-х гг., оно было примерно следующим: 45,5% - здравоохранение, 20,49 % - развитие гражданского общества и системы управления; 15,81% - образование, 14,78% - сотрудничество в области культурного наследия, 3,45% - проекты по очистке воды⁷⁷¹. В этот период при поддержке турецкого правительства были

⁷⁶⁹ См., например, Vračić A. Op. cit. P.9.

⁷⁷⁰ Глазова А. В. Указ соч. С. 30.

⁷⁷¹ ANALYSIS: Turkey's Balkan policy not interest-oriented. // Republic of Turkey, Ministry of Culture and Tourism. Режим доступа: URL:

открыты Международный университет в Сараево и Балканский международный университет в Скопье⁷⁷². В последние годы усиливается активность в сферах образования и культурного наследия, при сохранении внимания к проектам в области здравоохранения и уменьшении значимости остальных⁷⁷³. Важно то, что таким образом формируется (а точнее, возрождается) не только цивилизационно-культурная общность, но и важность Балканского региона для культурно-религиозного туризма. Особенно ярко последнее проявляется в случае с Боснией и Герцеговиной.

С активизацией дискурса неоосманства, с одной стороны, а с другой в связи с опасениями Турции относительно усиления ваххабизма и салафизма в регионе из-за арабского фактора, с конца 1990-х гг. увеличилась роль Директората по религиозным отношениям (Диянет). Директорат занимается поставкой религиозной литературы, обучением имамов, организацией религиозных мероприятий. Наиболее заметным вложением Диянет стало строительство самых крупных мечети в Албании и исламского центра во всем регионе. К проводимому Диянет на регулярной основе Евразийскому исламскому саммиту, начиная с 2007 года, добавился саммит мусульманских лидеров балканских стран⁷⁷⁴.

В 1993 году свое отделение в Албании открывает фонд Фетхуллага Гюлена, в 1998ом – Фонд Сема в Боснии и Герцеговине. В период с 2002 по 2011 годы, в рамках общей стратегии с Партией справедливости, гюленисты активизировались на Балканах. В Албании они основали два университета (Епока University и Bedir University), пять частных престижных школ в Тиране, Дурресе и Шкодре и пять медресе под патронажем Фонда Сема. В Боснии фонду Гюлена принадлежит Burch University и десять частных школ. В Македонии речь идет о пяти частных школах и новостном издании «Заман», выходящем с 2010 года. В Косово известно о четырех частных школах. Таким образом, в период до 2011 года правящая Партия справедливости и развития активно поддерживала открытие частных образовательных структур на Балканах через неправительственные организации и фонды, помогая, в том числе, последним укрепляться в регионе.

Считается, что до начала «арабской весны» гюленисты и ПСР создали своеобразный альянс против кемалистов и военных. С обострением ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, волной протестов внутри самой республики бывшие

https://www.tika.gov.tr/en/news/analysis_turkeys_balkan_policy_not_interest_oriented-21145 (Дата обращения 21.12.2019).

⁷⁷² Ozturk A. E., Akgonul S. Op. cit. P. 228.

⁷⁷³ См., например: TİKA Annual Report 2018. // Официальный сайт ТІКА. Режим доступа: URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/2019/Faaliyet%20Raporu%202018/T%C4%B0KA%20Annual%20Report%202018.pdf> (Дата обращения 21.12.2019).

⁷⁷⁴ Demirtas B. Op. cit. P.134.

партнеры превращаются в противников. Апогеем внутренней борьбы стала попытка военного переворота в Турции в 2016 году, в идейной раскрутке которой были обвинены, а затем запрещены как раз гюленисты. В результате были ослаблены в первую очередь позиции кемалистов и военной элиты, которые идеологически были привержены западным ценностям⁷⁷⁵, что, по мнению большинства западных исследователей, и ослабило проевропейскую ориентацию Турции.

Не вдаваясь в оценки подобных суждений, отметим, что особая оценка, данная Р. Эрдоганом гюленистам в подготовке и реализации путча, привела к повышению роли Балканского региона в политической жизни Турецкой Республики и смещению акцентов в деятельности всех правительственных институтов «мягкой» силы в сторону образовательных проектов и реставрации объектов культурного наследия. Более того, существует мнение, что Диянет стал делить всех мусульман и исламских лидеров на Балканах на «протурецких» и «прогюленистов»⁷⁷⁶. С конца 2015 года Анкара сделала очень многое для того, чтобы нейтрализовать влияние гюленистов в регионе и, там, где это возможно, передать под контроль собственность гюленистов созданному в 2016 году фонду «Маариф», также направленному на продвижение образовательных услуг. Однако на сегодняшний день нельзя сказать, что данная деятельность приносит ощутимые результаты. Все балканские государства держат минимальный уровень в сотрудничестве с Анкарой по вопросу выдачи гюленистов. Косвенным доказательством того, что кооперация идет в показательной манере, служит рост числа беженцев из Турции, ищущих политическое убежище на Балканах. Например, с 2014 по 2016 год ни один турок не запросил убежище в Косово. В 2017 году их стало 7, в 2018 – 76 заявок, из которых 50 были одобрены. В Македонии в 2016 году не было ни одной заявки, в 2017 – 13, в 2018 – 10. В Боснии в 2014 году подобных заявок не было; в 2015 их было 3, в 2016 – 19, в 2017 – 29, в 2018 – 22, в 2019 – 53. Суммарно в Косово, Боснии и Герцеговине, Македонии и Болгарии с 2016 года было подано более 250 заявлений с просьбой о предоставлении политического убежища⁷⁷⁷.

В этом контексте традиционный сюжет о значимости балканских избирателей для любого турецкого политического лидера становится еще более важным, а связи с местными правящими политическими элитами должны работать на укрепление текущих

⁷⁷⁵ Мустафаев М., Трансформация внешней политики Турции через призму последних конституционных реформ. // Российский совет по международным делам. 18 мая 2018. Режим доступа: URL: https://russiancouncil.ru/blogs/mamed-mustafaev/34183/?sphrase_id=33503412 (Дата обращения 21.12.2019).

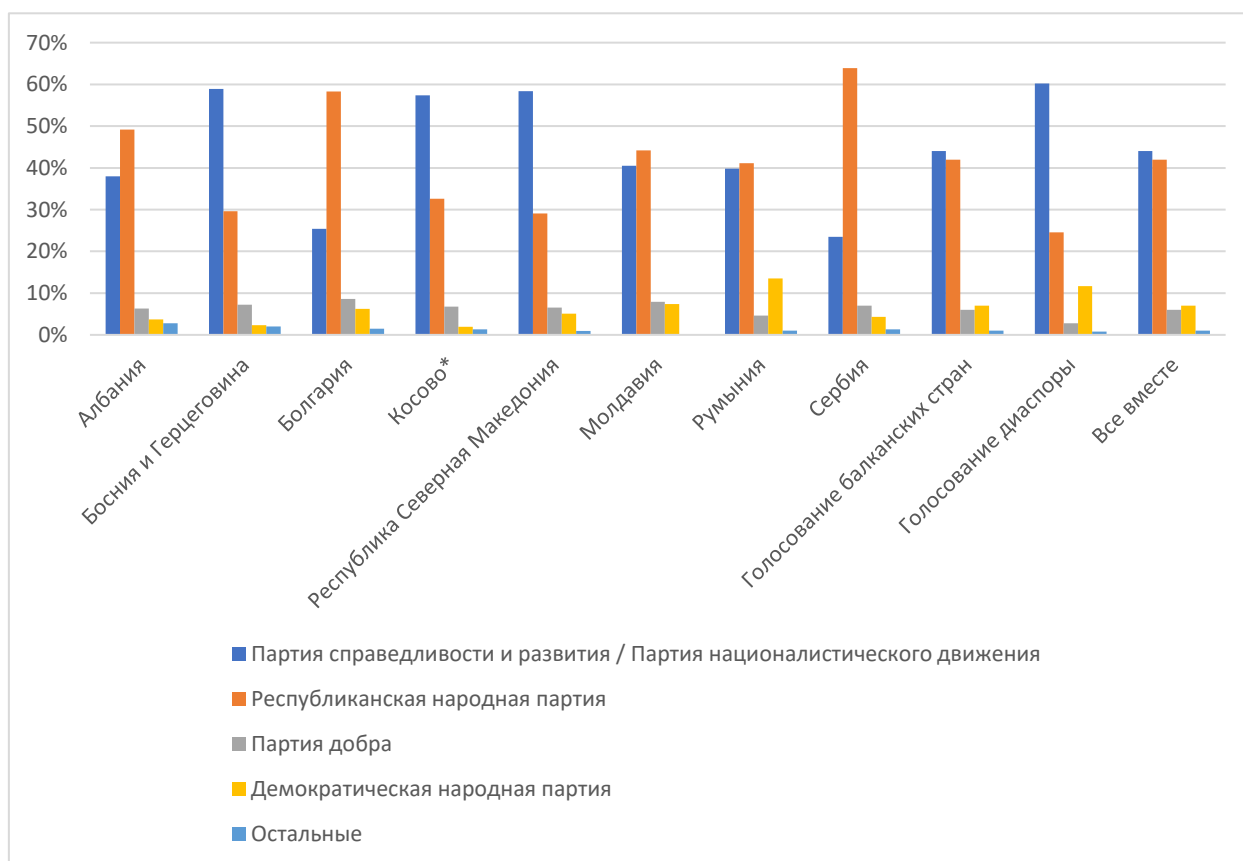
⁷⁷⁶ Ozturk A. E., Akgonul S. Op. cit. P.233.

⁷⁷⁷ Ganev D., Eraldin F. and Kartali S. Unsafe Haven: Balkans Sees Rise in Turkish Asylum Requests. // Balkan Insight, 19 October 2019. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2019/10/21/unsafe-haven-balkans-sees-rise-in-turkish-asylum-requests/> (Дата обращения 21.12.2019).

позиций Р. Эрдогана. Отсюда – повышенное внимание к встречам на Балканах на высшем политическом уровне турецкого президента и лидеров региона, которые, начиная с 2018 года, стали регулярными. Их цель - отражать позиции Р. Эрдогана как наиболее сильного регионального лидера⁷⁷⁸. Так, все лидеры балканских стран были на инаугурации Р. Эрдогана в июле 2018 года, хотя это могло быть неоднозначно истолковано представителями Брюсселя.

Традиционными являются обращения турецкого лидера к балканской диаспоре во время победных обращений на протяжении всего периода его нахождения у власти⁷⁷⁹. Насколько важными для Партии справедливости и развития являются балканские избиратели, демонстрирует инфографика, подготовленная на основе данных Высшего избирательного совета Турции и агентства «Анадолу» известным электронным журналом *Balkan Insight*⁷⁸⁰.

Диаграмма 3. Турки на Балканах: голосование на президентских выборах 2018

Источник: Высший избирательный совет Турции и агентство «Анадолу»

⁷⁷⁸ Aydıntaşbaş A. From myth to reality: How to understand Turkey's role in the Western Balkans. Policy brief. // European council on foreign affairs, March 2019. Режим доступа: [URL:https://www.ecfr.eu/page/-/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans.pdf](https://www.ecfr.eu/page/-/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans.pdf) (Дата обращения 21.12.2019).

⁷⁷⁹ Цит. по: Demirtas B. Op. cit. P.136.

⁷⁸⁰ Вуцук Н. Ф., Клapp А., Нaxhiaj S. Diaspora Politics: Turkey's New Balkan Ambassadors. // *Balkan Insight*, 19 March 2019. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2019/03/19/diaspora-politics-turkeys-new-balkan-ambassadors/> (Дата обращения 21.12.2019).

Из нее видно, что представители пропрезидентских партий оказались в большинстве на президентских выборах в Турции 2018 года в Боснии и Герцеговине, Косово и Македонии, где отрыв от республиканцев был существенным, но потерпели поражение в Албании и Сербии. Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что политика Анкары, направленная на достижение регионального лидерства и решение внутренних проблем, в том числе, через него, вероятнее всего, активизируется именно по отношению к Сербии и Албании. Это уже происходит в отношении Сербии в последние годы и будет развиваться вне зависимости от стратегии Европейского союза как в отношении балканских стран, так и самой Анкары.

Длительное время и политические силы у власти в Турции, и представители НАТО и ЕС рассматривали турецкие инициативы на Балканах в качестве шагов, проводимых в рамках общей евроатлантической стратегии, гарантирующей соблюдение европейского курса странами Юго-Восточной Европы. Турецкая политика была «активом» Европейского союза. С конца 2010-х гг. подобный мотив очевидно перестает быть (хотя по-прежнему декларируется) мейнстримом турецкой политики на Балканах. Турция все больше и больше расходится с остальными партнерами по НАТО в понимании общности интересов безопасности в большом регионе. «Играть» на общеевропейский интерес современной Турции постепенно становится невыгодно.

Особенно наглядно как противоречия, так и компромиссы, которые могут быть достигнуты между Брюсселем и Анкарой, могут проявиться в политике Турецкой республики на Балканах. «Специфика ведения переговорного процесса с официальной Анкарой создает существенные отягчающие обстоятельства: нити нахождения консенсуса и взаимовыгодных решений по факторам, определяющим политическую повестку, как никогда истончены»⁷⁸¹.

При этом обе стороны в серьезнейшей степени зависят друг от друга. Для Анкары эта зависимость, в первую очередь, экономическая: более половины инвестиций поступают в Турцию из стран ЕС. Огромная турецкая диаспора проживает в Германии, делая вопрос отношений Турции и ЕС важным фактором внутренней политики обеих стран. Для Европейского союза традиционно, а с началом миграционного кризиса в особенности – Анкара в прямом и переносном смысле является «буферной зоной» между

⁷⁸¹ Хас К. Турция versus ЕС: вы все еще спорите? Тогда Россия идет к вам...// Российский совет по международным делам, 18 апреля 2018 года. Режим доступа: URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-versus-es-vy-vse-eshche-sporite-togda-rossiya-idet-k-vam/?sphrase_id=33503412 (Дата обращения 21.12.2019).

ним и Северной Африкой и Ближним Востоком, соответственно, обеспечивает ЕС «жесткую» безопасность.

Одновременно Анкара в практической плоскости в большей степени обращена к проблемам Ближнего Востока, чем к своему присутствию на Балканах. Однако тот задел, который республика успела сделать за последние десять лет, достаточен для восприятия ее в качестве самостоятельного актора в регионе. Его основные характеристики в глазах балканских политиков и общественности следующие: Анкара стремится выстроить ровные стратегически и экономически выгодные отношения со всеми, не разделяя или хотя бы стараясь не делить страны бывшей Югославии на «успешные» и «отстающие», «мусульманские» и «немусульманские». Этим в выгодную сторону отличается от Европейского союза.

Дополнительным фактором может стать и то, что «негативное развитие отношений по оси Турция — Запад предполагает поиск новой точки опоры для Анкары, в роли которой выступает Россия. Здесь чрезвычайную важность приобретает понимание того, что Анкара идет на сближение с Москвой не по «внутренним убеждениям», а в связи с вынужденной необходимостью и из-за охлаждения отношений с ЕС и США»⁷⁸². Собственно, и в отношении Москвы можно резюмировать то же самое.

Данная точка опоры может вылиться в российско-турецкий тандем и в отношении Балканских государств, хотя исторически он не характерен для межстрановых комбинаций в регионе. Этому способствуют реализация энергетического проекта «Турецкий поток», будущие поставки Москвой комплекса противоракетной обороны С-400, запуск строительства АЭС «Аккую» и в не меньшей степени личный тесный контакт В. В. Путина и Р. Т. Эрдогана.

Кроме того, «Турция стремится сохранить свое положение в глобальной иерархии держав, выстроенной США, при этом повысив свой профиль до статуса надрегиональной державы, способной единолично осуществлять региональное регулирование и играть роль регионального. При этом динамика американо-турецких отношений становится все более неровной и зависит не только от региональной и глобальной конъюнктуры, но и все в большей степени от внутривнутриполитической ситуации в США»⁷⁸³.

Трения между США и Турцией создают для отношений Анкары и Брюсселя определенное окно возможностей. В отличие от Ближнего Востока на Балканах Турция

⁷⁸² Хас К. Указ соч.

⁷⁸³ Аватков В. А. Идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. МГИМО. 2013. С.11.

пока готова поддерживать и расширение НАТО, и евроинтеграцию, поскольку до недавнего времени только они гарантировали экономическую и политическую стабильность большому региону Юго-Восточной Европы, в поддержании которой заложен национальный интерес Анкары. Исключительно эта перспектива в настоящий момент обеспечивает безопасность мусульманскому сообществу на Балканах и ограничивает влияние ваххабитов и салафитов. В этой связи справедливо утверждать, что перспектива включения Балкан в Европейский союз объективно отвечает интересам Турецкой республики, тогда как существенные подвижки в сторону «замораживания» вступления Юго-Восточной Европы в ЕС потребуют от Анкары активизации в качестве самостоятельной силы.

Однако в условиях деградации отношений между Анкарой и Западом основа турецкой политики на Балканах последних двух десятилетий – создание *lingua* и *cultura franca* – может стать эффективным инструментом для реализации своего потенциала уже не в тандеме с евроатлантическими институтами, а в партнерстве с отдельными европейскими странами, Россией или Китаем.

Все вышеперечисленные факторы, как и то, что зигзаги российско-турецких, турецко-американских отношений и взаимодействия Турции с ЕС в последние годы демонстрируют неустойчивость прежних союзов и готовность к изменению партнерских конфигураций, постепенно превращаются в еще один «предел» политики Европейского союза на Западных Балканах.

Глава 4.2. Особенности Греции как модели и проводника европейской интеграции государств постъюгославского пространства

Хотя географически и по многим параметрам исторически Греция относится к Балканскому региону, тем не менее, сами греки такую принадлежность воспринимают негативно, на протяжении двух последних веков пытаясь дистанцироваться (как и все остальные народы этой части Европы) от определения «Балканы». Как и хорваты, болгары, сербы, греки решали и продолжают реализовывать концепцию своей современной государственности через специфическое сочетание т.н. европеизации и национальной идентичности, очень тесно связанной с географическими границами и историей их перемещения. Сотни тысяч людей негреческого происхождения исторически населяли данные территории⁷⁸⁴. Для греков Балканский регион был, с одной стороны, знакомым пространством экономического и культурного обмена, а с другой – пространством различных антагонизмов и конкуренции национальных интересов. Такой специфический национализм привел к формированию перманентного состояния конфликтности с другими странами региона в отношении границ и меньшинств⁷⁸⁵.

Во второй половине XIX– начале XX века греческое движение за национальную независимость рассматривалось в общем ключе борьбы вассальных княжеств Османской империи. Несмотря на многочисленные антагонизмы между балканскими движениями, этот период вошел в историю как этап совместной борьбы за независимость, где греки, болгары, сербы и черногорцы оказались по одну сторону. Позднее свою роль сыграла и Балканская Антанта. В межвоенный период именно Балканы оказались в центре греческой внешней политики. Начало же холодной войны отделило Афины от остальной части Юго-Восточной Европы. Балканский пакт Турции, Греции и Югославии не смог уменьшить политический и идеологический разрыв, впрочем, и не был призван достичь этой цели. Изоляция Греции от остальных Балкан привела как к позитивным, так и к негативным последствиям. С одной стороны, капиталистические Афины с экономической точки зрения оказались на порядок более развитыми, чем их северные соседи. С другой, изоляция привела к нагнетанию в национальном самосознании греков «угрозы с севера» как идеологической, так и имевшей легитимность оттоманского периода истории Юго-Восточной Европы.

⁷⁸⁴ Othon A., Bechev D., Vrousalis N. Greece and its Northern Neighbours: Conflicts and Mutual Influences. In: Greece in the Balkans: Memory, Conflict and Exchange. / edited by Othon A., Bechev D., Vrousalis N. Cambridge Scholars Publishing, 2009. P.1.

⁷⁸⁵ Koliopoulos J. S. Greece and the Balkans: A Historical Perspective. // Southeast European and Black Sea Studies.2002. № 3(2) P.26.

В сфере внешней политики и политики безопасности подобная особенность греческого национального сознания выражалась на протяжении большей части XX столетия в столкновении двух основных векторов внешнеполитического развития страны – стратегии национальной независимости, базирующейся на идее национального возрождения и особого пути, а также на стратегии прозападной ориентации, подразумевающей сотрудничество с США и Европой. Во многом это объясняет скачкообразность в процессе формирования современной общественно-политической системы Греции⁷⁸⁶.

Несмотря на то что после 1974 года в Греции складывается стабильная двухпартийная система, которая до определенной степени нивелирует эту дихотомию, в разрезе внешней региональной политики Греции ощущение всесторонней угрозы не только не снижается, но и нарастает. С одной стороны, решение ЕЭС в 1978 г. о принятии Греции в Сообщество определило вектор развития Греческой Республики как типичного европейского государства⁷⁸⁷. С другой, конфликт с Анкарой по поводу северного Кипра укрепил в греческом обществе антиамериканский дискурс. Увидев в своих северных соседях меньшую угрозу, чем в Турции, Афины на протяжении 1970-х гг. начинают вкладываться в построение на Балканах зоны своей собственной безопасности⁷⁸⁸. Еще на этапе диктатуры, пытаясь вывести режим из условий международной изоляции, в мае 1971 года Греция восстанавливает дипломатические отношения с Албанией, в 1973 году подписывает договор о добрососедстве с Болгарией.

После свержения диктатуры «черных полковников» в 1974 году активизация Афин на балканском направлении была связана с именем греческого премьер-министра К. Караманлиса. С. Ф. Лэйрреби относит ее к стремлению снизить зависимость Греции от США, а также заручиться поддержкой балканских соседей по Кипрскому вопросу. Помимо этих факторов, существовали и внутривнутриполитические посылы к активизации Греции на Балканах. Легализация греческой коммунистической партии и демократической парламентской системы привели к резкой либерализации процедуры репатриации, в результате чего около 35000 политических беженцев вернулись в Грецию в период с 1974 по 1981 гг. В этой связи необходимым стало и определенное сближение с коммунистическими партиями в регионе⁷⁸⁹.

⁷⁸⁶ Соколова П. С. Основные направления внешней политики Греции. Мировая экономика и международные отношения. 2010. №8. С.84

⁷⁸⁷ Там же.

⁷⁸⁸ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / монография под ред А. А. Язьковой. М.: Издательство «Весь Мир», 2007. С. 35.

⁷⁸⁹ Greece in the Road to Democracy: From the Junta to PASOK 1974 – 1986 / edited by Vryonius S. Jr. New York: Orpheus publishing Inc.1991 P. 102.

В обновившихся условиях отношения с Белградом приобретают еще большую важность. Несмотря на различную идеологическую и международную ориентацию, страны обеспечивали друг другу определенный региональный баланс. Афины – через свое членство в НАТО, а впоследствии ЕЭС – оказывались проводником настроений Белграда в случае усиления угрозы с Востока. Так, и когда Югославия в 1948 году была исключена из Коминформа, и во время венгерских и чехословацких событий греческая поддержка была определенным стабилизирующим фактором для югослабов. Свободный доступ к порту Салоники обеспечивал южные районы СФРЮ выходом к Средиземноморью. Наконец, Афины получали через Белград коридор в Центральную и Западную Европу, что являлось важным фактором их стратегического и экономического планирования⁷⁹⁰.

Практическим выражением стратегии К. Караманлиса по выстраиванию балканского направления греческой внешней политики стал саммит всех балканских стран в Афинах в 1976 году, который, хоть и был посвящен довольно прозаичным вопросам экономического сотрудничества, туризма и окружающей среды, позволил запустить серию двух- и многосторонних встреч на протяжении последующего десятилетия⁷⁹¹. Вторая встреча по вопросам логистики проходила в Анкаре 26-29 ноября 1979 года, третья – в Софии 15-19 июня 1981 года по коммуникациям. Четвертая – по энергетике – в Бухаресте (7-12 июня 1982 года). Пятая встреча вновь проводилась в Афинах в 1984 году. На ней впервые, по инициативе К. Караманлиса, был поднят вопрос о создании на Балканах зоны, свободной от ядерного оружия (впоследствии из-за возражений Турции и низкой активности других стран это предложение не получило развития). Наконец, шестая, посвященная сотрудничеству в области промышленности, состоялась в Белграде в июне 1984 года. Зримые институциональные формы сотрудничества обрело в конце 1980-х гг., когда состоялись две конференции в Белграде (1988) и Тиране (1990)⁷⁹² на уровне министров иностранных дел, однако процесс был прерван набирающим обороты кризисом в Югославии. Хотя развернуть полноценное греко-балканское сотрудничество в результате не удалось, Афины продемонстрировали способность стать инициатором общепалканского диалога. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. их политика по отношению к Балканам, но уже на основе евроинтеграционного проекта, будет пересмотрена с учетом этого исторического опыта.

⁷⁹⁰ Greece in the Road to Democracy...P. 104.

⁷⁹¹ Larrabee F. S. Greece's Balkan Policy in a New Strategic Era.// Southeast European and Black Sea Studies.2005.No. 3(5) P. 407.

⁷⁹² Monastiriotis V., Tsamis A. The Development of Greece's Economic Diplomacy in the Post-Communist Balkans: Progress and Future Challenges. // Greece in the Balkans: Memory, Conflict and Exchange Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 164.

С приходом к власти правительства А. Папандреу, выступавшего в ПАСОК против активной европейской политики Греции, резких внешнеполитических поворотов Афины все же не сделали. Более того, как справедливо указывает П. С. Соколова, Папандреу достиг определенных успехов в вопросе об условиях участия Греции в ЕЭС. Ему удалось создать «особый режим» отношений. Об этом свидетельствует принятый ЕЭС в 1985 г. проект «Интегрированные средиземноморские программы», который стал ответом на предложенный Грецией меморандум, требующий учета экономических особенностей страны при реализации европейских программ и предоставления ей дополнительной помощи для реформирования экономики. Эффективность проекта значительно превосходила программу прямой финансовой помощи, обеспечив Греции повышение экономического роста, что позволило ей в дальнейшем добиться положения регионального лидера на Балканах и в Восточном Средиземноморье»⁷⁹³.

При этом вступление Греции в ЕЭС в 1981 году существенным образом отразилось на отношениях с СФРЮ. Первоначально основным эффектом стало резкое снижение импорта югославской телятины Афинами. В параграфе настоящего диссертационного исследования, посвященном институционализации отношений СФРЮ и ЕЭС, эта проблема достаточно подробно описана.

Однако очевидным было и то, что вступление Греции в ЕЭС усилило транзитное значение и инфраструктурную связанность СФРЮ с Западной Европой. В начале 1980-х гг. новую жизнь получила идея строительства канала Дунай - Морава – Вардар до порта в Салониках (реализация которого началась только 40 лет спустя), обновление и прокладка новых магистралей и железнодорожного сообщения. Позднее, особенно на этапе после распада Югославии Греция стала выступать своеобразной моделью и примером возможной интеграции южно-европейской страны в ЕС. Часть исследователей придерживается мнения о том, что вступление Греции в ЕЭС даже позволило сохранить единство страны⁷⁹⁴ и мир в турбулентный период распада биполярной системы международных отношений и гражданских войн на территории бывшей Югославии. Другие утверждают, что в результате вступления в ЕЭС в конце 1980-х гг. Греция получила все возможности играть лидирующую роль на Балканах: как наиболее стабильное, процветающее и демократическое государство региона Греция идеально подходила на роль «честного брокера»⁷⁹⁵.

⁷⁹³ Соколова П. С. Указ соч. С.89.

⁷⁹⁴ Panagiotou R., Valvis A. How is the sovereign debt crisis affecting Greece's relations with the Balkan countries and Greece's standing in the region? An initial impact assessment // ELIAMEP. 2014. P.20.

⁷⁹⁵ Larrabee F. Greek security concerns in the Balkans. In: Greece and the New Balkans: Challenges and opportunities, New York: Pella Publishing Company. 1999. P. 316.

Тем не менее, по мнению П. Иоакимидиса и множества западных исследователей, к началу 1990-х гг., то есть спустя десятилетие после вступления Греции в ЕЭС, в стране так и не сложились эффективные политические институты. Центральная роль отдельных политических лидеров, а не институтов в принятии тех или иных решений привела к чрезмерно высокой значимости общественного мнения⁷⁹⁶ и зависимости политических решений от него. Особенно ярко это проявилось во внешней политике Греции в первой половине 1990-х гг. по отношению к югославскому кризису.

Распад Югославии, биполярной системы международных отношений в целом, запустил сдвиги и нарушил баланс региональной системы международных отношений, активировал греческие фобии в отношении Анкары, Скопье, греческого меньшинства в Албании, а также положения православных христиан и, собственно, самих Афин в европейской и евроатлантической семье. Отчасти они имели объективные основания, отчасти – были связаны с характерным для региона восприятием «себя» через прошлое и исторические отношения с соседями.

С одной стороны, очевидная активизация Анкары в странах с высокой численностью мусульманского населения – Боснии и Герцеговине, Македонии, Албании – возродила в греках опасения относительно желания турок создать «исламскую дугу»⁷⁹⁷ вдоль северной границы Греции. С другой, Афины небезосновательно считали, что отдельные страны ЕЭС и НАТО пытаются реализовать свой национальный интерес в конфликте в пику общеевропейскому, а потому и Греция может действовать подобным образом. В этой трактовке единственным объективным (а по многим параметрам и субъективным) основанием позиции Афин по югославскому кризису могла стать поддержка сербов: она давала одновременно отразить «претензии» турок на «исламскую дугу», македонский ирредентизм, и косвенно донести греческие опасения до западных союзников⁷⁹⁸. Православная церковь, на протяжении нескольких десятилетий не игравшая существенной роли в определении и артикуляции национального интереса⁷⁹⁹, в связи с этим неожиданно получила огромный ресурс влияния на формирование общественного мнения греков.

⁷⁹⁶ Ioakimidis P.C. The Europeanization of Greece: an overall assessment. // South European Society and Politics. 2000. N5.P. 73–94.

⁷⁹⁷ Armakolas I., Triantafyllou G. Greece and EU enlargement to the Western Balkans: understanding an ambivalent relationship. // Southeast European and Black Sea Studies. 2017.No4(17). P.615.

⁷⁹⁸ Goumenas T. Greek Perception of the Balkans: Edgy Coexistence or Difficult Relationship? // UACES 35th Annual Conference and 10th Research Conference, "The European Union: Past and Future Enlargements". Zagreb, 2005. Режим доступа: URL: https://www.academia.edu/2298396/_Greek_Perceptions_of_the_Balkans_Edgy_Coexistence_or_Difficult_Relationship_ (Дата обращения 21.12.2019).

⁷⁹⁹ Koliopoulos J. S. Op. cit. P.36.

Практически все без исключения западные исследователи делают вывод о иррациональности греческой внешней политики первой половины 1990-х гг., когда вместо того, чтобы стать активным проводником аргументации ЕС и НАТО и использовать свой дипломатический ресурс в отношении Белграда в рамках евроатлантической солидарности, греки заняли просербскую и ультранационалистическую позицию. На первый взгляд нелогичная, сводящаяся к панславянским и православным идеям поддержка Белграда, имела под собой и вполне рациональные основания. Помимо обозначенных выше интересов в греко-югославском экономическом и транспортно-логистическом взаимодействии, само существование федеративной Югославии было естественной преградой на пути двух угроз для Греции, как это представлялось Афинам. Во-первых, как и в случае с Турцией, распад Югославии с кровопролитным сценарием напрямую угрожал безопасности страны. Во-вторых, существование югославской федерации, хоть и недостаточно, но ограничивало македонский ирредентизм (несмотря на существовавшие по этому поводу противоречия между Белградом и Афинами, особенно в период начала 1940-х гг.). Соответственно, поддержка Грецией единства Югославии в условиях отсутствия консенсуса по этому вопросу как внутри ЕЭС, так и НАТО, не была иррациональной.

8 сентября 1991 года состоялся референдум о независимости Македонии, который не мог быть не воспринят Грецией как серьезный вызов национальной безопасности. В начале декабря Афины предъявили и конкретные претензии: само название республики, использование греческой символики на государственном флаге и конституция, по которой Скопье брало на себя обязательство защищать всех македонцев за рубежом, что для греков автоматически поднимало вопрос с национальными меньшинствами в греческой Македонии.

Благодаря своему членству в ЕС и НАТО, Греции удалось затормозить дипломатическое признание Македонии. В то же время бескомпромиссность занятой ею позиции вызывала все большее раздражение в международном сообществе⁸⁰⁰. Положение Афин усугубил выход из переговоров со Скопье нового правительства Андреаса Папандреу и введение Грецией торгового эмбарго в отношении Македонии. С этого момента и вплоть до принятия решения о переименовании БЮРМ в Республику Северная Македония в глазах международного сообщества проблема приобретает исключительно субъективный характер. Центральное место в ней занимают «греческие национальные амбиции», не дающие нормально развиваться молодому македонскому государству.

⁸⁰⁰ Квашин Ю. Д. Македонский вопрос в современной греческой политике. // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №2(63). С. 68.

В этот же период происходит резкое ухудшение греко-албанских отношений в связи проблемами, возникшими с греческим меньшинством в южных частях Албании, в результате чего поток албанских беженцев хлынул в Грецию. Развитие ситуации вокруг Косова сделало реальностью греческие опасения относительно албанских меньшинств в Македонии. Введение ООН санкций в отношении СРЮ объективно отразилось на положении Греции, которая «оказалась вынужденной поставлять свои товары (преимущественно, сельскохозяйственную продукцию) через Болгарию и Румынию, увеличив время доставки с 10 до 12 дней, что критически сказалось на греческой экономике»⁸⁰¹. Вершиной «неспособности» Афин проводить солидарную с евроатлантическими партнерами политику стала поддержка сербов не только в Белграде, но и в Республике Сербской, в частности, непредоставление воздушного пространства для пролета в БиГ турецких самолетов в апреле 1993 года и последовательный отказ применять военную силу в отношении сербов вплоть до февраля 1994 года. При этом посредническая роль Греции по Боснии в мае 1993 года, а затем попытки уговорить С. Милошевича признать победу оппозиции на местных выборах в ноябре 1996 года, оказались крайне неуспешными⁸⁰². Все это и позволило мировому сообществу охарактеризовать греческую внешнюю политику в отношении югославского кризиса первой половины 1990-х гг. как несостоятельную, направленную на реализацию узких национальных интересов в пику общим стремлениям урегулировать ситуацию.

Смерть в июне 1996 года А. Папандреу и приход к власти Костаса Симитиса символизировали «возвращение» Афин в мейнстрим политики ЕС. Греция присоединилась ко всем западным инициативам принуждения к миру в Албании, Боснии и Герцеговине, включая участие в мае 1997 года в совместных с США, Италией и Турцией военных учениях «Партнерство ради мира» в БЮРМ⁸⁰³. В 1999 году в кризисе вокруг Косова Афины поддержали общую позицию ЕС, несмотря на осуждение более 90% греческого населения возможности применения военной силы против Белграда. Параллельно, начиная с 1997 года, Афины дистанцируются от поддержки С. Милошевича. Вместе с тем, общепризнанно, что отказ Греции от непосредственного участия в бомбардировках Югославии силами НАТО в 1999 году имел для обеих сторон огромное эмоциональное значение.

Поворот в политике ПАСОК во второй половине 1990-х гг. также не был связан исключительно со сменой политического крыла. За первые годы после холодной войны

⁸⁰¹ Larrabee F. Greek security concerns... p. 320.

⁸⁰² Ibid, p. 321-322.

⁸⁰³ Coulombis T. A. Strategic consensus in Greek domestic and foreign policy since 1974 // Greece in the Balkans: Memory, Conflict and Exchange Cambridge Scholars Publishing. 2009. P. 415.

Афины не смогли добиться реализации ни одной внешнеполитической цели. Существенно потеряли от разрыва экономического пространства в Юго-Восточной Европе. При этом политические и экономические трансформации в Центральной и Восточной Европе объективно предоставляли Греции новые экономические возможности в силу ее географического положения и транспортных потоков. Афины получали пространство для построения собственной геоэкономической активности как члена Европейского союза.

Однако с самого начала те проблемы, которые были обозначены выше – в частности, социально-экономический крах в Албании и проблема греко-македонских отношений – существенно влияли на возможность системной реализации греческого экономического присутствия в восточной и юго-восточной частях Европы. Греческие фобии по поводу Балкан привели к неспособности выстроить многосторонние форматы в регионе, которые еще десятилетие назад пытался активировать К. Караманлис. Двухсторонние отношения с Болгарией, Албанией и Румынией, вследствие этого, оказались очень слабыми. При этом внутри бывшей Югославии диспропорциональный крен в сторону Белграда привел к фактически очень ограниченным отношениям со Словенией, Хорватией и Боснией и Герцеговиной.

В рамках предшествующего опыта Афины выстраивали двухсторонние экономические отношения с разными странами региона по секторальному принципу (заключение соглашений о сотрудничестве в отдельных сферах). Однако практически не работали над их расширением до региональных форматов. В результате зачастую складывалась ситуация, когда греческим инвесторам в Болгарии, желающим расширить активность на БЮРМ, приходилось работать в двух или трех налоговых режимах. В результате эффект двухсторонних соглашений Афин с государствами Юго-Восточной Европы на практике был очень ограниченным⁸⁰⁴.

С усилением модернистского крыла в ПАСОК и подписанием в сентябре 1995 года соглашения со Скопье греческая политическая элита подходит к осознанию того факта, что роль проводника общерегиональных инициатив ЕС может дать Афинам существенно больше, а также укрепить позиции внутри Европы по греко-турецким противоречиям. Экономические отношения Греции с северными соседями постепенно приобретают более системный характер. Хотя роль Афин в формировании Регионального подхода ЕС была невысокой, Греция сыграла ключевую роль (с Болгарией) в создании Процесса сотрудничества в Юго-Восточной Европе, став инициатором саммитов в Салониках и на Крите в 1997 году. Начиная с 1996 года, Греция оказывала международную помощь

⁸⁰⁴ Monastiriotis V., Tsamis A. Op. cit. P. 170-171.

Балканам в рамках двухсторонних соглашений (в частности, Албании в 1997 году и Косову в 1999 г.)⁸⁰⁵.

Позднее Афины взяли на себя роль активного участника Пакта стабильности, в рамках которого были подписаны значимые многосторонние соглашения, в частности меморандум о взаимопонимании в сфере торговли (2001 год), энергетики (2002 г.) и транспорта (2004 г.). Наибольшую важность в этом отношении представляли трансъевропейские сети и особенно Коридор X, связывающий Салоники с Центральной и Восточной Европой и перспектива создания регионального энергетического рынка (в научной литературе отдельно выделяется роль Афин в подписании соглашения об энергетическом союзе⁸⁰⁶).

В 2000-е гг. Греция становится ключевым торговым партнером и иностранным инвестором на Балканах. В рамках Греческого плана экономического восстановления Балкан на 2000 – 2004 гг. Афины выделили 550 млн евро экономической помощи. Существенная часть банковского сектора, строительства и коммуникационной сфере в первой половине 2000-х гг. была занята представителями греческого бизнеса. Наиболее значимым стал приход Государственного банка Греции, Евробанка, Альфа-банка и Банка Пирей в Албанию, Болгарию, Румынию и Сербию, осуществленный как через непосредственное вхождение, так и через приобретение местных банков. ОТЕ (Телеком Греции) приобрел активы практически во всех странах региона. Hellenic Petroleum выкупила акции НПЗ ОКТА в БЮРМ и расширила сеть заправок в Румынии⁸⁰⁷. По мнению западных ученых, таким образом Греция оказалась в фарватере политики ЕС, став, наконец, «честным брокером» или «проводником» его стратегии стабилизации Балкан⁸⁰⁸. Отечественные исследователи, в частности, Д. Зеликсон, в своей диссертации, посвященной экономической дипломатии ЕС на Западных Балканах, в целом соглашаясь с идеей «Афины – «агент влияния» ЕС», указывает на существенные различия в греческих и инструментах стабилизации региона и собственно инструментов ЕС. Всего он выделяет три отличия. Брюссель добивался устранения конфликтного потенциала путём финансирования процесса демократизации. Греческая внешняя политика, напротив, была нацелена на поддержку институциональной трансформации через создание наиболее

⁸⁰⁵ Подробнее см.: Tsardanidis C., Houliaras A. The Rise and Fall of the Greek Plan for the Economic Reconstruction of the Balkans. // *Agora without Frontiers*. 2005. No1(11). pp. 34-58.

⁸⁰⁶ См., например: Skylakakis T. Energy as a motor of Economic Integration. // *The Bridge*. 2006.No2. pp .35-37.

⁸⁰⁷ Exadaktylos T. Uncharted Waters: Greek Foreign Policy Agenda during the Process and in the Aftermath of the EU Eastern Enlargement. // Working paper presented at the 3rd Hellenic Observatory PhD Symposium: Contemporary Greece: Structures, Context and Challenges London School of Economics and Political Science, London, 14-15 June 2007. Режим доступа: URL: http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/pdf/3rd_Symposium/PAPERS/EXADAKTYL_OS_THEOFANIS.pdf (Дата обращения 23.12.2019).

⁸⁰⁸ Armakolas I. and Triantafyllou G. Op. cit.P.616.

благоприятных экономических условий для проведения внутренних реформ. Второе отличие заключалось в принятии Грецией во внимание страновых особенностей в противовес общерегиональному подходу ЕС. Основными финансовыми инструментами Евросоюза были разнообразные программы; Греции – прямые инвестиции⁸⁰⁹.

На наш взгляд, данные различия отнюдь не противоречили друг другу, а представляли собой два разных уровня взаимодействия с Балканским регионом. То, что Греция, с одной стороны, стремилась повысить свой политический вес внутри ЕС за счет эффективной политики на Балканах, а с другой, - обеспечить источники роста собственной экономики и экономическую безопасность в целом, очевидно из задач и итогов ее председательства в Европейском союзе 2003 и 2014 гг.

Оба председательства проходили в принципиально разном геополитическом и институциональном контексте. В 2003 году ситуация на Балканах была еще очень далека от стабильной, с высокой угрозой возникновения новых конфликтов малой и средней интенсивности и объективно требовала повышенного внимания. Институт председательства в ЕС сам по себе был более значимым, чем в пост-лиссабонскую эпоху, а состояние греческой экономики позволяло ей активно проводить экономическую дипломатию в отношении северных соседей. Более того, Афины должны были согласовывать повестку своего председательства только с Италией, которой они должны были передать эстафетную палочку. Она же, в свою очередь, традиционно была заинтересована в активизации балканского направления политики ЕС. Все это позволило греческому председательству 2003 года стать крайне успешным именно в отношении Балкан. Вершиной оказалась известная «Салоникская повестка для Западных Балкан», открывшая перспективу членства региона в ЕС. Не менее позитивный эффект дала ратификация Соглашений о стабилизации и ассоциации с Хорватией и БЮРМ, запуск переговоров по его подписанию с Албанией.

Несмотря на кажущееся единодушие, достичь этого результата Афинам было нелегко по ряду причин. С. Бунс⁸¹⁰ выделяет пять основных: во-первых, это отсутствие консенсуса внутри ЕС по начавшейся иракской кампании США. В условиях евроатлантического раскола и отсутствие консенсуса по ОВПБ ЕС сделать приоритетом председательства балканскую повестку требовало больших усилий. Во-вторых, медленный прогресс большинства западно-балканских стран стимулировал дискуссию

⁸⁰⁹ Зеликсон Д. И. Экономическая дипломатия как инструмент внешней политики Греции на Балканах. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. Институт Европы РАН. 2015. С. 35-36.

⁸¹⁰ Bunse S. Small States and EU Governance Leadership through the Council Presidency. Palgrave Macmillan, 2009. P. 168-189.

внутри ЕС о необходимости «снизить остроту» вопроса о европейском будущем Балкан. Немаловажным фактором было и предстоящее в 2004 году расширение ЕС на страны Центральной и Восточной Европы и противоречия между странами-членами ЕС по этому поводу. Кроме того, Афины выступали против политики обусловленности и оценки прогресса отдельных стран Западных Балкан на пути в ЕС, которую предполагалось применять к кандидатам из Юго-Восточной Европы. И наконец, не в последнюю очередь из собственных национальных интересов, греки выступали за увеличение объемов финансовой помощи региону, тогда как другие были против. Тем не менее, успех греческого председательства вкупе с осуществляемыми в национальном качестве принципами экономической дипломатии, существенным образом повысили имидж Греции в Юго-Восточной Европе, и в первую очередь, среди ее непосредственных соседей – Албании и Македонии⁸¹¹.

Вероятнее всего, этот успех стал основной причиной того, что, готовя очередное председательство в 2014 году, Афины попытались приоритезировать «Салоникскую повестку II»⁸¹². Однако и внутривосточный, и геополитический и институциональный контексты были совсем иными по сравнению с 2003 годом. Экономический кризис резко ограничил финансовые и экономические инструменты как собственно греческой политики, так и ЕС. Не в последнюю очередь в результате греческого долгового кризиса в странах-членах ЕС назрела т.н. «усталость от расширения», а ситуация на Балканах, как показано в предыдущих параграфах, скорее, демонстрировала стагнацию, чем прогресс. Существенную роль сыграли и ставшие очевидными противоречия между Россией и Западом. На техническом уровне институт председательства ЕС был существенно усложнен Лиссабонским договором 2007 года: председатель обязывался согласовать повестку с предыдущим и последующим, а помимо них – с председателем Европейского Совета. Очевидно, что все это резко ограничило возможность Афин вывести вопрос западно-балканского расширения в приоритеты. Несмотря на то что Салоники – II состоялись, их результаты были несопоставимо скромнее 2003 года. Строго говоря, единственным итогом было принципиальное подтверждение европейской перспективы Западных Балкан, хотя «изначально планировалось создать специальную группу для формирования «подготовительных союзов» со странами- кандидатами, расширить

⁸¹¹ Подробнее см. соответствующие главы в: Зеликсон Д. И. Указ соч.

⁸¹² Pavlos K., Armakolas I. Maksimovic M. Bledar Feta The Western Balkan EU Accession Process and the Greek Presidency 2014 // ELIAMEP. August 2014. Режим доступа: URL: <http://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2014/07/The-Western-Balkan-EU-accession-process-and-the-Greek-Presidency-2014-FINAL-29-July-2014-PDF.pdf> (Дата обращения 22.12.2019).

сотрудничество с ними на региональном уровне и достигнуть соглашения о конкретной дате полного присоединения стран Западных Балкан к ЕС»⁸¹³.

Серьезную роль как в отношении перспектив расширения Европейского союза на Юго-Восточную Европу, так и в плане роста евроскептических настроений в балканских обществах сыграл греческий кризис и предшествовавшие ему события в двухсторонних политических отношениях Греции с Македонией и Албанией. В 2006 году македонское правительство во главе с Николой Груевским развернуло антигреческую риторику, выразившуюся, в том числе, в концепции «македонской античности» (или «антиквизации»)⁸¹⁴. В ответ Греция заблокировала вступление Македонии в НАТО и начало переговоров о присоединении к ЕС. Вернулись в политическую повестку и противоречия с Тираной, когда оппозиция албанских социалистов, разыгрывая «патриотическую карту», управляла попыткой саботажа двухстороннего соглашения о делимитации особых экономических зон⁸¹⁵.

Заметную роль для евроинтеграции Балкан сыграло то, что с началом кризиса в Греции в 2009 году северными странами Европейского союза и, в первую очередь, германскими и британскими СМИ были придуманы и широко популяризированы «обидные характеристики-шаблоны, в соответствии с которыми основными принципами греческой жизни являлись лень, коррумпированность, желание не работать, а жить за счет трудолюбивых и терпеливых соседей по Европе»⁸¹⁶. Как результат, более половины граждан Евросоюза высказывались против предоставления финансовой помощи Греции, а в отношении всех «южан», к которым относятся и Балканы, сложился стереотип нахлебников.

Хотя Греция в предыдущий период была одним из крупнейших инвесторов регионе, объем греческих инвестиций в страны Европы, не входящие в ОЭСР, сократился с 1840,3 млн долл. в 2009 году до – 281,5 млн долл. в 2011 году. Особенно это коснулось Сербии, где греческие инвестиции с 176,6 млн долл. в 2008 году упали до 23 млн долл. в 2011 году⁸¹⁷. Греция была третьим крупнейшим инвестором в Сербии в период с 2005 по 2001 гг. с общим объемом вложений более 1,2 млрд евро. В 2013 году Греция опустилась

⁸¹³ Зеликсон Д. И. Интересы Греции на Западных Балканах. // Большое Причерноморье: политика, Экономика, безопасность. Доклады Института Европы РАН. №363. Москва. ИЕ РАН. 2019. С. 30-31.

⁸¹⁴ Подробнее см: Entina E. Macedonian trap. // Rivista di Studi Politici Internazionali. 2015. No3(327). pp. 343-358.

⁸¹⁵ Armakolas I., Triantafyllou G. Op. cit. P.618.

⁸¹⁶ Лубоцкая А.С. Греция — ЕС: эволюция в восприятии объединенной Европой греческого кризиса. // Современная Греция в мировой экономике и мировой политике, Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. 2013. С. 85.

⁸¹⁷ Слесарева К.В. Фактор Греции в дальнейшем расширении Европейского союза. // Современная Греция в мировой экономике и мировой политике, Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. 2013. С. 174.

на 12 место в списке сербских инвесторов. После продаже греческой ОТЕ акций Телеком Сербия правительству, Греция падение стало еще более глубоким.

Греческие инвестиции в Македонию в период с 1997 по 2008 гг. составили около 450 млн евро, т.е. около 15% от общего объема вложений. Основная их часть была сделана в банковский, химический и нефтяной секторы. Греки владели нефтеперерабатывающим заводом - ОКТА, цементным заводом Усье и примерно 250 небольших фабрик. Однако с началом кризиса объем инвестиций резко сократился; греки продали мобильного оператора Cosmote компании Телеком Словения за 190 млн евро.

До кризиса Греция была крупнейшим инвестором в Черногории. Наиболее значимыми были приобретение Югопетрол Котор и инвестиции в сфере туризма. Объем греческих инвестиций в Албании составлял 37% от общего уровня ПИИ. Долговой кризис привел к постепенной продаже многих греческих активов⁸¹⁸.

Другим проявлением кризиса суверенной задолженности стало увеличение безработицы как в самой Греции, так и в тесно связанных с ней Албании и Македонии. На тот момент в Греции проживало около 664,000 албанцев, составлявших примерно 10% от общей численности рабочей силы⁸¹⁹. Безработица спровоцировала их отток на родину и, соответственно, рост социальных проблем в Албании и Македонии, а также резкое снижение важной статьи доходов албанских граждан – денежных переводов из-за рубежа. В 2013 году Греция прекращает и осуществление одной из своих первых и основных общерегиональных инициатив – Греческого плана экономического восстановления Балкан.

Фактически единственным серьезным элементом финансово-экономического присутствия в регионе, который остался в активе Афин, является банковский сектор. К 2008 году Греция владела примерно 30% всех банковских активов в Болгарии и Македонии, ей принадлежали 25% банковской системы Албании и около 15% - Сербии (см. Таблицу 1)

820

⁸¹⁸Статистические данные взяты по: Balkan Economies Brace for Impact of Grexit. // Balkan Insight. June 25, 2015. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2015/06/25/balkan-economies-brace-for-impact-of-grexit/> (Дата обращения 23.12.2019).

⁸¹⁹ Balkan Economies Brace for Fallout from Greece Crisis. // Balkan Insight. March 18, 2010. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2010/03/18/balkan-economies-brace-for-fallout-from-greece-crisis/> (Дата обращения 23.12.2019).

⁸²⁰ Gogas P., Dimitriadou A. Greek banks in the Balkans: The big crunch. // The Business Thinker, March 6, 2017. Режим доступа: URL: <https://businessthinker.com/greek-banks-in-the-balkans-the-big-crunch/> (Дата обращения 23.12.2019)

Таблица 1. Греческие банки на Балканах (2010 г.)

Деятельность греческих банков на Балканах (2002-2007)			
Греческий банк	Приобретение иностранных банков	Страна	Процент участия (%)
Государственный банк Греции	Банк Воеводины (Vojvodjanska Banka)	Сербия	100
	Финансовый банк (Finansbank)	Турция	46
	Банк Румынии (Banca Romaneasca)	Румыния	98,88
	Объединенный Банк Болгарский (United Bulgarian Bank)	Болгария	99,91
Евробанк	Почтовый Банк Болгарии (Postbanka)	Болгария	100
	ДЗИ Банк (DZI Bank)	Болгария	74,26
	Банкспот (Bancpost)	Румыния	78
	Текфенбанк (Tekfenbank)	Турция	70
	Национальный Сберегательный Банк (National Savings Bank)	Сербия	100
Альфа-Банк	Альтернативбанк	Турция	47
	Альфа-Банк Сербия (Alpha Bank Srbija)	Сербия	100
Банк Пирей (Peraeus Bank)	Банк Атлас (Atlas Banka)	Сербия	100
	Евробанк (Eurobank)	Болгария	99,85
АТЕ Банк	АИК Банк (AIK Banka)	Сербия	20
	Мид Банк (Midbank)	Румыния	74

Источник: Gogas P., Dimitriadou A. Greek banks in the Balkans: The big crunch

При этом по статистике за 2015 год в результате греческого кризиса ситуация изменилась: 22% в Болгарии, 20% в Македонии, 16% в Албании и 14% в Сербии остались

в активе Афин⁸²¹. Для греческих банков Балканы были альтернативным источником высоких доходов, что защитило их от токсичных связей⁸²². Однако, начиная с конца 2016 года, греческие банки обязались провести масштабную реструктуризацию, в рамках которой банки, получившие помощь по рекапитализации, должны сократить свою зарубежную активность. Основным аргументом стало весьма спорное утверждение, что банки, получившие государственную помощь, не могут быть конкурентоспособными в международной среде. Для банка Пирей и Государственного банка Греции де-факто это означает почти полное прекращение зарубежной активности. В случае с Альфа-банком и Евробанком, получавшим частную помощь, ситуация легче. В любом случае, подобная ситуация дает западным экономистам основание считать, что и банковская гегемония Греции на Балканах начала столетия подходит к концу⁸²³.

Немаловажным фактором в условиях невозможности масштабной реализации инструментов экономической дипломатии оказывается резкий рост евроскептицизма внутри Греции, в том числе по вопросу возможного расширения. С 62% в 2004 году поддержка дальнейшего расширения падает до 44%. Конкретно по отношению к отдельным балканским странам падение оказалось еще более резким⁸²⁴. По отношению к Албании оно продемонстрировало снижение с 61% в 2005 до 27% в 2010; БЮРМ – с 46% до 24%, Сербии – с 72% в 2006 до 50% в 2010. Хотя результаты Евробарометра за 2019 год⁸²⁵ показывают в целом оптимистичный настрой греков по поводу предстоящего расширения – 52%, число тех, кто однозначно против одно из самых больших по Евросоюзу – 39%. Это свидетельствует о высокой поляризации отношения к ЕС в греческом обществе при одновременно четко артикулированной гражданской позиции: процент тех, кто не может выразить свое отношение к данному вопросу, оказался очень низким. Как отечественные, так и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что подобное отношение обусловлено, главным образом, уверенностью греков в том, что ответственность за их плачевное социально-экономическое положение несет Европейский союз и, в первую очередь, ФРГ. Индекс доверия греков к ЕС упал с 62% в 2005 до 21% в 2013; индекс доверия к Европейской Комиссии- с 61% в 2004 до 20% в 2013 г.; индекс

⁸²¹ Koppa M. The Greek Crisis and Its Repercussions on the Balkan Neighbourhood: The End of the Myth. // Special Issue: Deciphering the Greek Crisis: Issues, Failures, Challenges. Uluslararası İlişkiler / International Relations. 2018. No. 58(15). зз. 60-62.

⁸²² Gogas P., Dimitriadou A. Op. cit.

⁸²³ Koppa M. Op. cit. pp. 62.

⁸²⁴ Цит. по: Armakolas I., Triantafyllou G. Greece. // EU member states and enlargement towards the Balkans. EPC Issue Paper No.79 July 2015. P. 130.

⁸²⁵ Public Opinion in the European Union. Standard Eurobarometer 92. // Официальный сайт «Евробарометр». Режим доступа: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/survey/2255> (Дата обращения 23.12.2019). URL:

доверия к ЕЦБ – с 53% в 2007 до 16% в 2013 г.⁸²⁶ В целом 51% греков – и это один из самых низких показателей в Евросоюзе – вообще не идентифицируют себя как граждане ЕС⁸²⁷.

Таким образом, можно утверждать, что в результате экономического кризиса Греции и общего кризиса суверенной задолженности в ЕС Афины, пока сохраняя банковскую активность, практически утратили основной инструмент проведения собственной политики в регионе – экономическую дипломатию через инвестиции. Косвенное же влияние, которое Греция могла оказывать, будучи членом Европейского союза, также существенно уменьшается в силу потери греческого имиджа «успешной южно-европейской страны», которая может быть и моделью, и проводником европейской интеграции одновременно, в глазах северных соседей и собственной веры Афин в европейскую идею как идею солидарности и единства.

По окончании председательства Греции в Европейском Совете в первой половине 2014 года греческая активность в регионе ничем особенным себя не проявила вплоть до 2017 года, когда Афины и Скопье вышли на финальный этап переговоров по вопросу наименования македонского государства. Этому в большой степени способствовали как внутренние факторы в обоих государствах: в первую очередь, объективно накопившаяся усталость македонцев от тупикового международного положения государства из-за спора с Грецией. С другой стороны, А. Ципрас никогда в своей политической карьере не пытался спекулировать на «македонском вопросе»⁸²⁸. Благоприятным был и международный контекст: Греция в результате кризиса находилась в уязвимом положении перед партнерами по ЕС. Кроме того, в свете набравшей обороты конфронтации Запад – Россия, на повестку дня встал вопрос об ускоренной натоизации региона, где православная Македония находилась в двояком положении: с одной стороны, еще в 2008 году она завершила технические переговоры о присоединении к НАТО. С другой, Скопье в период нахождения у власти Николы Груевского не только объявило о желании стать участником «Турецкого потока», но и не присоединилось к антироссийским санкциям. В этой связи решение вопроса о наименовании позволяло евроатлантическому миру качнуть чашу геополитических весов на Балканах в свою пользу.

Несмотря на многочисленные протесты греческой общественности, соглашение между Афинами и Скопье о переименовании БЮРМ в «Республику Северная Македония», известное как Преспанское соглашение, было подписано 17 июня 2018 года

⁸²⁶ Armakolas I., Triantafyllou G. *OP. cit.* P. 131.

⁸²⁷ Цит. по: Квашин Ю.Д. Преспанское соглашение и перспективы урегулирования вопроса о названии Македонии. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №5. С. 50.

⁸²⁸ Квашин Ю. Д. Македонский вопрос... С. 71.

в присутствии представителей ЕС и ООН. Таким образом, спор, длившийся практически три десятилетия и считавшийся тупиковым, был решен менее, чем за полгода. В текущих условиях вряд ли можно говорить о том, что он дает Греции какие-то дополнительные рычаги влияния в регионе или открывает новые возможности. Экономическая дипломатия Афин начала столетия, призванная, в том числе, смягчить переговорную позицию Скопье, на двухстороннем уровне дала греко-македонским отношениям практический максимум. При этих условиях, в которых подписывалось соглашение, с точки зрения перспектив национального примирения сложно назвать благоприятными.

В отношении греков «сохраняющееся неприятие любых уступок по македонскому вопросу нельзя сводить исключительно... к обеспокоенности возможным македонским ирредентизмом. Скорее всего, немалую роль сыграл другой фактор, а именно разочарованность греческих граждан в политических элитах, заведших страну в глубокий экономический кризис, последствия которого придется преодолевать не одно десятилетие... Это ведёт к снижению престижа Евросоюза в глазах жителей страны и сомнениям в том, что членство в данном интеграционном объединении позволит решить стоящие перед ней проблемы, в том числе внешнеполитические... Часто высказываемый аргумент насчёт того, что интеграция Македонии в евроатлантическое сообщество позволит сгладить острые углы в греко-македонских отношениях, с точки зрения граждан Греции выглядит малоубедительным. Напротив, среди них растёт убежденность в том, что во внешней политике страна может рассчитывать исключительно на собственные силы, и соответственно должна активнее отстаивать свои национальные интересы»⁸²⁹.

Вопреки тому, что македонцы в целом были готовы к подписанию соглашения, формат «консультативного референдума» с вопросом шантажного характера (Поддерживаете ли Вы членство в ЕС и НАТО, принимая соглашение между Республикой Македонией и Греческой Республикой?), посредством которого было обеспечено его народное признание, можно назвать даже одиозным. Он очень хорошо встраивается в общую концепцию того, как проводится интеграция с НАТО в регионе в целом. Однако очевидно не соответствует принципам европеизации и основам традиционной европейской политической культуры. В общем контексте решая техническую сторону греко-македонских противоречий, оно не служит задачам национального примирения греков и македонцев.

Еще одним элементом греческой политики в отношении «северных» соседей, непосредственно влияющим на европейскую интеграцию последних, считается позиция Афин по косовскому вопросу. Формально Греция является одной из пяти стран, не

⁸²⁹ Квашин Ю.Д. Преспанское соглашение... С. 51.

признающих независимость края. Наряду с этим, внутри «пятерки» не признавших, Афины наиболее активно контактируют с Приштиной. В Приштине работает представительство Афин, при этом граждане Косова путешествуют в Грецию со своими национальными документами без ограничений. Постепенно развивается экономическое сотрудничество. С учетом данных фактов, а также принимая во внимание отсутствие возражений со стороны Греции в рамках диалога Приштины и ЕС, большинство отечественных и зарубежных исследователей сходятся во мнении, что Афины при определенных обстоятельствах готовы признать независимость Косова, и в этом отношении не являются препятствием на пути евроинтеграции региона.

Таким образом, балканское направление внешней политики Греции как члена Европейского союза прошло серьезные трансформации: от попыток в конце 1970-х – течение 1980-х гг. выступить в роли инициатора общеполитического диалога до стремления реализовать свои национальные интересы, а точнее, избежать воплощения на практике традиционных исторически греческих фобий на первом этапе югославского кризиса, которые во второй половине 1990-х гг. сменились следованием в фарватере общих задач ЕС в регионе, а в результате кризиса суверенной задолженности свелись к фактическому возвращению Афин в разряд «тревожных» балканских стран, что привело к растворению основных инструментов греческой политики в Юго-Восточной Европе.

К настоящему времени можно говорить об утрате состоятельности трех фундаментальных элементов концепции греческого присутствия на Балканах: экономической дипломатии, функции своеобразной «модели» европейской интеграции для стран региона, а также роли «проводника» и «представителя» ЕС на Балканах. Хотя основной причиной потери этих элементов стал долговой кризис, события вокруг Греции последних пяти лет также вносят свою лепту в данный процесс.

Свидетельством того, что Афины больше не являются «проводником» евроинтеграции на Балканах стали неспособность Афин добиться включения «балканской повестки» в греческое председательство в ЕС в 2014 году, а также неучастие Греции в последней инициативе ЕС в отношении региона – Берлинском процессе. Подтверждением «возвращения» Афин в разряд «тревожных» балканских государств в глазах ЕС можно считать положение Греции в миграционном кризисе 2015 года, когда отношение к Афинам, пропускающим через себя волну беженцев, как политиков, так и общественности мало чем отличалось от отношения к ее северным соседям, не являющимся членами ЕС. Кроме того, формат заключения Преспанского соглашения между Афинами и Скопье дополнительно подтверждает тезис о том, что Греция стала, скорее, объектом, чем субъектом политики ЕС на Балканах, а поэтому неспособна выступать в роли модели. При

этом, как и столетие назад, греческая политика на балканском направлении в большой мере детерминирована противоречиями по восточной границе Греции, т.е. отношениями с Турцией.

В итоге Афины оказываются в затруднительном положении, когда, с одной стороны, география, история и экономика требуют их активного и системного присутствия в регионе, а, с другой, - инструментов для его реализации у Афин практически нет. В определенной степени это ограничивает и политику самого Европейского союза в отношении Западных Балкан, снижая эффективность регионального сотрудничества и консенсус среди населения Юго-Восточной Европы по поводу необходимости обязательной европеизации как единственного ресурса стабилизации и процветания региона.

Глава 4.3 Трансформация балканской политики арабо-мусульманского мира в контексте европейской интеграции стран региона

Существует представление, что связи между балканскими государствами и Ближним Востоком сводятся к вопросу исламского братства, ислама как такового и проблеме его радикализации в Европе. В действительности спектр взаимоотношений между балканским и ближневосточным регионами более широкий. Он включает не только культурно-религиозную составляющую и продвижение исламских идей разного толка. Это связано, в первую очередь, с современной внешней политикой арабских государств, направленной на развитие межрегиональной коммуникации и преодоление цивилизационных барьеров с целью реализации своего экономического потенциала и финансово-экономического закрепления в странах ЕС.

На Балканах проживает около 7 млн мусульман⁸³⁰. В основном это бошняки, албанцы, турки и торбеши (Македония и Косово). Большая часть из них исповедует суннизм ханафитской школы ислама, но также есть приверженцы шиизма⁸³¹. На сегодняшний день можно выделить три точки концентрации мусульманского населения в регионе: Косово, Албания и Босния и Герцеговина. По данным за 2018 г., Косово занимает первое место в регионе по числу мусульман, где ислам исповедуют 95,6% населения⁸³². Кроме того, есть политические партии, прямо включающие в свою программу традиционные исламские ценности (например, ПДК)⁸³³. Второе место занимает Албания, где мусульманами себя считают 58,79% населения, и имеются как сунниты, так и шииты (мусульмане-бекташи)⁸³⁴. В Боснии и Герцеговине около половины населения исповедует ислам⁸³⁵. Наконец, за ней следуют Македония (33,3%) и Черногория (19,11%).

Спецификой национальной политики СФРЮ стало введение особого этнонима «мусульмане» для говорящих на сербско-хорватском языке жителей Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Хорватии и Македонии (в отличие от иноэтничных мусульман – албанцев, турок, торбешей, помаков и др.). В 1961 г. эта группа получила статус «народности», а в 1971 г. – была повышена до уровня «нации» («Мусульмане с большой буквы», «мусульмане в этническом значении»), т.е. в национальной иерархии

⁸³⁰ Venetis D.E. Islam Emerging in the Balkans // Hellenic Foundation for European and Foreign Policy (ELIAMEP): Working Paper. 2015. N 68. P. 5.

⁸³¹ Islam in the Balkan States // Oxford Islamic Studies Online. Режим доступа: URL: <http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t125/e285> (дата обращения 10.01.2020).

⁸³² European Countries with the Largest Muslim Populations // World Atlas. Режим доступа: URL: <https://www.worldatlas.com/articles/european-countries-with-large-muslim-populations.html> (дата обращения 10.01.2020).

⁸³³ Ibid.

⁸³⁴ Ibid.

⁸³⁵ Ibid.

югославских народов была приравнена к государствообразующим, титульным народам Югославии и ее республики – сербам, хорватам, словенцам, македонцам и черногорцам⁸³⁶. Уже после провозглашения независимости БиГ и начала гражданской войны в республике этот этноним был снова изменен на современный термин «бошняки», к настоящему времени воспринятый всеми сербско/хорватско-язычными мусульманами бывшей Югославии и их зарубежной диаспорой. Утвердился этот термин уже и в международном обиходе.

Мусульмане на Балканах также существенно отличаются и от западноевропейских в социально-экономическом и культурологическом смыслах. Так, большая часть говорит на том же самом языке, что и немусульманская часть (помимо албанцев в Косово, Южной Сербии и Македонии). Более того, мусульманское население Балкан неизбежно тем или иным образом вписывается в региональный геополитический контекст, заключающийся в этнической и религиозной принадлежности и международном позиционировании согласно этим категориям. Например, национальная идентичность бошняков сформировалась исключительно по принципу вероисповедания при единстве языка как второстепенном факторе и даже не имеющем значения (в случае с немусульманским населением). Албанская же национальная идентичность сложилась без учета религиозной принадлежности, а главным образом по принципу единства языка. Более того, как считает британский исследователь бошняцкого происхождения Хазим Фазлич, «связь между албанской национальной идентичностью и религией существенна только в Косово и Македонии, где религия служит «маркером» противопоставления православным сербам и македонцам, а также подталкивает «албанизацию» более мелких мусульманских групп»⁸³⁷. Безусловно, подобные коллизии привели к определенному, весьма специфическому типу политической мобилизации мусульман на Балканах.

Весь XX в. для них становится периодом переосмысления значения ислама, его теоретического и практического наполнения. Во многом оно подстегивалось ограничениями, которые накладывались на религиозную сферу в социалистических странах региона. Наиболее радикальный пример – Албания, власти которой в 1967 г. открыто запретили все религии, включая ислам. Жители страны должны были носить нерелигиозные имена; религиозным организациям запрещалось заменять государственные функции и заниматься образованием, здравоохранением или социальной работой⁸³⁸. Это

⁸³⁶ Waardenburg J. Politics and religion in the Balkans // *Islamic studies*. 1997. Vol. 36(2/3). P. 392.

⁸³⁷ Fazlic H. III Islam in the successor states of former Yugoslavia – religious changes in the post-communist Balkans from 1989 – 2009. PhD Thesis. University of Birmingham, 2011.

⁸³⁸ Bougarel. X. The Role of Balkan Muslims in Building a European Islam // EPC Issue Paper. 2005. N 43. P. 9.
Режим доступа:

подтолкнуло мусульманскую интеллигенцию рассматривать концепцию национализма в качестве решения существующих проблем. Возникли вопросы, связанные с пересмотром системы ценностей и методологий. Важность этого процесса обоснована появлением значительного количества мыслителей-реформаторов, которые начали предлагать свои варианты выхода из застоя в опоре на ислам⁸³⁹. При этом симбиоз светскости, социализма и традиционного жизненного уклада с его опорой на религию привел к тому, что на Балканах сформировался уникальный балканский ислам, сочетающий в себе более либеральные взгляды на шариат и осознанное чувство национальной идентичности.

В период, когда кризисные тенденции в СФРЮ, прорвавшись наружу, привели к принятию Конституции 1974 года, в некоторых странах Ближнего Востока стала нарастать определенная разочарованность избранным социалистическим путем развития. На этом фоне популярность набирают идеи исламского фундаментализма – концепции возвращения к ранним мусульманским практикам построения и управления государством и обществом. Доказательством этого может служить Исламская революция в Иране 1979 года, важность которой для мира и Балканского региона конкретно заключалась в том, что расцвет идей исламизма спровоцировал рождение радикальных исламистских организаций таких как Аль-Каида, чьей целью являлось создание Халифата посредством пропаганды исламских идей и ценностей, а также военной силы.

В этом контексте нельзя не обратить внимание на радикальный подтекст Исламской декларации А. Изетбеговича – одного из наиболее известных исламских мыслителей Балкан того периода. Он пишет, что ни одно мусульманское направление не может быть оторвано от политики, в силу исторических причин⁸⁴⁰. Из этого он делал вывод о невозможности сосуществования исламской религии с неисламскими социальными и политическими институтами. Выход, по А. Изетбеговичу, виделся во всеобщей борьбе за подлинную независимость против врагов, стоящих на пути исламского обновления. В 1991 г., уже став президентом БиГ, А. Изетбегович перешел от слов к делу и учредил Боснийский мусульманский национальный совет, целью которого стала пропаганда концепции мусульманского государства на Балканах⁸⁴¹. Тогда же он оценил созданную им Партию демократического действия (ПДД) как «восточную,

URL:https://www.researchgate.net/publication/32230189_The_Role_of_Balkan_Muslims_in_Building_a_European_Islam(дата обращения 10.01.2020).

⁸³⁹ Karić E. Islamic thought in Bosnia-Herzegovina in the 20th Century: debates on revival and reform // Islamic studies. 2002. vol. 41, no. 3. P. 391.

⁸⁴⁰ Izetbegović. A. (1990) The Islamic Declaration, Sarajevo, Bosna. 1990. P. 19.

⁸⁴¹ Shay S. Islamic terror and the Balkans, Transaction Publishers. London. 2007. P. 42.

исламскую и авторитарную», что подразумевало установление в БиГ мусульманского доминирования⁸⁴².

Борьба боснийских мусульман за независимость стала поводом для проявления к ним религиозной солидарности со стороны неравнодушного исламского мира.

Арабо-мусульманский мир не ограничивался устными заявлениями в защиту балканских единоверцев, а оказывал активную помощь. Можно выделить четыре вида поддержки, которую обеспечивал единоверцам Ближний Восток: 1. деятельность по изменению международной повестки; 2. гуманитарная помощь посредством негосударственных официальных исламских благотворительных организаций; 3. гуманитарная и военная помощь мусульманских государств; 4. содействие со стороны исламских террористических организаций и исламистов (моджахедов)⁸⁴³.

Изменение международной повестки происходило посредством консолидации арабо-мусульманского сообщества через создание информационных поводов, целью которых было обратить внимание мирового сообщества на происходящие события, а также сформировать соответствующее медиаполе. Например, Конференция исламского единства 7 августа 1998 г. назвала албанский сепаратизм в Косово и Метохии джихадом и призвала арабо-мусульманский мир к борьбе с сербской диктатурой⁸⁴⁴. Также на базе Центра исследований арабского единства 31 мая 1999 г. был проведен симпозиум по вопросу положения в Косово⁸⁴⁵. Значительное количество арабских СМИ выражали поддержку Освободительной армии Косова⁸⁴⁶. Для содействия косовским албанцам Кувейтская ассоциация социальных реформ и Исламский комитет спасения учредили в Европе исламские информационные комитеты⁸⁴⁷. Население ближневосточного региона внимательно следило за развитием событий, происходящих на западе Балканского полуострова.

Что касается второго вида поддержки, то, по данным болгарского аналитического портала «Булгария аналитика», на территории Балкан было открыто 245 благотворительных фондов⁸⁴⁸. Кроме того, некоторые из гуманитарных организаций

⁸⁴² Ibid; Tziampiris A. Assessing Islamic terrorism in the Western Balkans: the state of the debate // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2009. vol. 11. no. 2. P. 212.

⁸⁴³ Shay S. Op. cit. P. 45.

⁸⁴⁴ Islamic Unity Conference // C-SPAN.org. Режим доступа: URL: <https://www.c-span.org/video/?109792-1/islamic-unity-conference> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁴⁵ Saheeb J. Arab views on Balkan's Muslims: an attempt at shedding more light of the role of Islamic fundamentalists // Politics and religion. 2008. Vol. 2. N 1. P. 74.

⁸⁴⁶ Ibid.

⁸⁴⁷ Ibid.

⁸⁴⁸ Lilyanova V. Saudi Arabia in the Western Balkans // European Parliamentary Research Service. 2017. Режим доступа: URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA\(2017\)614582_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA(2017)614582_EN.pdf) (дата обращения 10.01.2020).

приступили к работе на Балканах в самом начале кризиса 1990-х гг. и продолжают действовать до сих пор. В Боснии и Герцеговине с 1992 г. до сих пор работает НПО «Исламская помощь», которая была одной из первых неправительственных организаций, оказавших чрезвычайную помощь Боснии продовольствием, водой, медикаментами, одеждой и дровами⁸⁴⁹. Также «Исламская помощь» занималась восстановлением разрушенных школ, зданий и мечетей, а с 2001 г. начала выдавать беспроцентные займы с целью поддержки безработного мусульманского населения⁸⁵⁰. Кроме того, в тот же год офисы «Исламской помощи» были открыты в столице Албании, вместе с мусульманским общинным и учебным центрами, а также центрами первой медицинской помощи⁸⁵¹.

Третий вид поддержки – непосредственная помощь арабских государств – осуществлялась ОАЭ, Катаром и Кувейтом, однако, считается, что лидером среди иностранных доноров было Королевство Саудовская Аравия (КСА), осуществлявшее помощь посредством собственноручно образованных им неправительственных организаций⁸⁵². В 1991 году саудовцы учредили программу гуманитарной помощи боснийским мусульманам, которая продолжалась до 2011 г. (завершилась из-за начала арабской весны и связанной с ней переориентацией), и только в первый год составила 560 млн долл.⁸⁵³ По данным ЦРУ, больше всего арабских НПО было открыто в Загребе, Сараево, Зенице и Тузле, но их активность ограничивалась мусульманскими районами Северо-Восточной и Центральной Боснии⁸⁵⁴. Финансовую помощь саудовцы предоставляли через благотворительные фонды: Всемирную мусульманскую Лигу, фонд Аль-Харамайна, Международную исламскую организацию помощи, Всемирную Ассамблею мусульманской молодежи, Общество Красного полумесяца Саудовской Аравии, Исламскую организацию вакуфов и Гуманитарную организацию Мекки⁸⁵⁵. Наконец, во время кризиса в Косово 1999 года саудовцы направили 1300 добровольцев в край⁸⁵⁶.

⁸⁴⁹ 25 years in Bosnia-Herzegovina // Islamic Relief Worldwide. Режим доступа: URL: <https://www.islamic-relief.org/25-years-in-bosnia-herzegovina/> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁵⁰ Bosnia and Herzegovina // Islamic Relief Worldwide. Режим доступа: URL: <http://www.islamic-relief.org/category/where-we-work/bosnia-and-herzegovina/> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁵¹ Albania // Islamic Relief Worldwide. Режим доступа: URL: <https://www.islamic-relief.org/category/where-we-work/albania/> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁵² Mandaci N. Western Balkans and the Gulf: Interregionalism in the making // Mediterranean Politics. 2018. vol. 23. no. 3. P. 349.

⁸⁵³ Saudi Arabia ends an almost decade-old aid program to Bosnia // World - Geo.tv. Режим доступа: URL: <https://www.geo.tv/latest/36637-saudi-arabia-ends-an-almost-decade-old-aid-program-to-bosnia> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁵⁴ Agency C.I. Report on NGOs With Terror Links // Wikisource. Режим доступа: URL: https://en.wikisource.org/wiki/CIA_Report_on_NGOs_With_Terror_Links (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁵⁵ Lilyanova V. Op. cit.

⁸⁵⁶ Tziampiris A. Op. cit. P. 210.

При этом грань между официальной международной государственной помощью мусульманам Балкан и военной поддержкой со стороны международных террористических организаций была и остается нечеткой. В соответствии с американскими данными, одна треть арабских НПО на Балканах параллельно занималась поддержкой террористических организаций, таких как Аль-Гамаат аль-Исламия (Египет), ХАМАС (Палестина), Хезбалла (Ливан), некоторых алжирских радикальных группировок, а также Аль-Каиды⁸⁵⁷. Чтобы пересечь границу, боевики использовали документы сотрудников гуманитарных миссий⁸⁵⁸. Известно, что в этом деле были заподозрены такие организации, как Высший комитет КСА, Благотворительный комитет Катара, Кувейтская миссия по возрождению ислама, Египетское агентство гуманитарной помощи⁸⁵⁹.

Высший комитет КСА был создан принцем Сальманом (настоящим королем КСА) под покровительством его отца короля Фахда. Он занимался сбором и распределением гуманитарной помощи на Балканах, а в 2002 г. был обвинен в финансировании ХАМАС и алжирских террористических организаций⁸⁶⁰. Спонсором этих радикальных группировок также был и Благотворительный комитет Катара⁸⁶¹.

Долгосрочной целью террористических организаций (а вместе с ними и официальных правительств) была не столько благотворительность и гуманитарная помощь балканским мусульманам, сколько создание подконтрольного мусульманского государства в Юго-Восточной Европе как рычага геополитического влияния на ЕС. Это косвенно доказывает и тот факт, что лидер Аль-Каиды – Усама бен Ладен – в 1990-х гг. посещал Балканы с целью налаживания контактов. В 1993 г. он впервые встретился с А. Изетбеговичем в БиГ, в период с 1994 по 1997 гг. несколько раз посещал Албанию⁸⁶². Сам визит главы Аль-Каиды в этот период говорит о цели поддержать ранее упомянутую идею А. Изетбеговича создать исламское государство на Балканах. Это давало джихадистским организациям новый фронт действий после успешного для них завершения противоборства с СССР в Афганистане. Параллельно с этим они создавали собственную структуру теневой экономики, а именно торговли наркотиками и оружием через балканский коридор, связывающий Юго-Восточную Азию и Европу. В 1993 г. Усама бен Ладен назначил своего заместителя, египетского хирурга Аймана Аз-Завахири возглавлять Юго-Восточное направление Аль-Каиды и руководить военными тренировочными

⁸⁵⁷ Agency C.I. Report on NGOs With Terror Links. Op.cit.

⁸⁵⁸ Shay S. Op. cit. P. 49.

⁸⁵⁹ Ibid.

⁸⁶⁰ Ibid. P. 60.

⁸⁶¹ Ibid. P. 62.

⁸⁶² Tziampiris A. Op. cit. P. 215.

лагерями, а также управлять трафиком нелегальных товаров⁸⁶³. При нем значительно выросло производство опиумного мака, продажа которого приносила движению Талибан, союзнику Аль-Каиды, 8 млрд долл. в год⁸⁶⁴.

Для формирования нового фронта «глобального джихада» под лозунгом защиты боснийских мусульман от истребления с лета 1992 г. в регион начали массово прибывать боевики Аль-Каиды – «арабские афганцы», ветераны афганской кампании. Их численность в одной только Боснии, по разным оценкам, достигала от четырех до шести тыс. человек⁸⁶⁵. В Боснии в 1992 г. они сформировали первый отряд «Катибат аль-Муджахедин», а к 1995 г. на стороне боснийских мусульман сражались уже десять отрядов моджахедов⁸⁶⁶.

Согласно Дейтонским соглашениям, все иностранные военные силы были обязаны покинуть территорию БиГ в течение 30 дней, однако, по разным данным, от 40 до 740 боевиков получили боснийское гражданство, поскольку либо взяли в жёны боснийских мусульманок, либо были лицами без гражданства⁸⁶⁷ и соответственно никуда не переместились. Позже, в 1998 г., оставшиеся на Балканах моджахеды частично передислоцировались в Косово и стали помогать албанским боевикам. К примеру, инструкторами созданной в 1998 г. ОАК стали сириец Абу Абд аль-Рахман Эймани, который в Боснии был командиром лагеря моджахедов, и палестинец Хамза Хусамедин, обеспечивший материально-техническую помощь при переброске боевиков из БиГ в Косово. Также они помогли создать военную группировку «Абу Бакер Садек», насчитывавшую 210 боевиков из Албании, БиГ, Македонии и КСА⁸⁶⁸.

Что касается Албании, то по мнению исследователя С. Шэя, «с начала 1990-х гг. официальные власти изначально были настроены положительно по отношению к исламской интервенции, так как Аль-Каида и Египетский исламский джихад содействовали восстановлению разрушенной экономики и инфраструктуры страны»⁸⁶⁹. Однако после предотвращения террористической атаки на Посольство США в Тиране в 1998 г., Белый дом надавил на правительство Албании, требуя при содействии ЦРУ и ФБР провести серию антитеррористических операций⁸⁷⁰. Летом 1998 г. при поддержке ЦРУ

⁸⁶³ Kurop. M. European Jihads: Al Qaeda's Balkan links // Asian Wall Street Journal. Victoria, Hong Kong. 2001. N 1. Режим доступа: URL: <http://search.proquest.com.ezprod1.hul.harvard.edu/docview/315358268?accountid=11311>(дата обращения 10.01.2020).

⁸⁶⁴ Ibid.

⁸⁶⁵ Tziampiris A. Op. cit. P. 213.

⁸⁶⁶ Bardos G. Jihad in the Balkans: The next generation // World Affairs. 2014. N177(3).P. 74.

⁸⁶⁷ Tziampiris A. Op. cit. P. 214; Pena C. Al Qaida: the Balkans Connection // Mediterranean Quarterly. 2005. N16. P. 67.

⁸⁶⁸ Shay S. Op. cit. P. 89.

⁸⁶⁹ Ibid. P. 97.

⁸⁷⁰ Ibid. P. 99.

албанская разведка провела крупную операцию по захвату ячейки исламистов в Косово⁸⁷¹. Тем не менее, косовары сохраняли контакты с террористическими организациями и опирались на их помощь как в 1999 г., так и во время конфликта в Македонии 2001 г.⁸⁷² Однако в Македонии моджахеды не закрепились, и после подписания 13 августа 2001 г. Охридского соглашения напряжение в республике уменьшилось⁸⁷³.

Однако, начиная с 1996 года открыто воплощать на практике идеи исламского братства в контексте отношений балканского и ближневосточного регионов становится существенно сложнее. Кс. Бугарель пишет, что «подписание Дейтонских мирных соглашений в декабре 1995 года, с одной стороны, и бомбовые атаки в Найроби и Дар-эс-Саламе» в августе 1998 года и начало «войны против терроризма», с другой, подтолкнули США начать борьбу как с иранским влиянием, так и с арабо-афганскими сетями в регионе»⁸⁷⁴.

После теракта 11 сентября 2001 г. Белый дом начал активнее давить на балканские государства в вопросе борьбы с терроризмом, апеллируя к тому, что некоторые террористы, среди которых был Халид Шейх Мохаммед – архитектор теракта в Вашингтоне, были перебросены в США через Балканы⁸⁷⁵. В рамках сотрудничества по антитеррористической повестке в Боснии и Герцеговине после теракта закрыли 14 арабских благотворительных организаций, финансируемых КСА⁸⁷⁶. Параллельно Албания начала обмениваться с США и другими правительствами рабочей информацией с целью выявления активных террористических ячеек с последующей их ликвидацией, а в 2002 г. албанцы приняли национальный план по борьбе с терроризмом⁸⁷⁷.

В качестве дополнительного аргумента в пользу тезиса о структурной перестройке культурно-религиозного влияния ближневосточных стран на Балканах можно говорить о том, что после теракта 9/11 и начала Соединенными Штатами глобальной антитеррористической кампании, официальные власти арабских государств по отношению к странам Западных Балкан сами стали отходить от продвижения ярко выраженного исламского фундаментализма, считая, что «культурно-религиозную экспансию» можно осуществлять постепенно, в том числе через использование экономических инструментов. Отказ от открытого радикализма был трансформирован в политику «мягкой» силы. Арабским странам, конкретно странам Персидского залива,

⁸⁷¹ Kurop. M. Op. cit.

⁸⁷² Shay S. Op. cit. P. 112–114.

⁸⁷³ Tziampiris A. Op. cit. P. 218.

⁸⁷⁴ Bougarel X. Op. cit.

⁸⁷⁵ Bardos G. Jihad... P. 74.

⁸⁷⁶ Gulf Balkans' Islam // International policy digest. Режим доступа: URL: <https://intpolicydigest.org/2015/02/14/gulf-balkans-islam-investment-influence/> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁷⁷ Tziampiris A. Op. cit. P. 215.

удалось занять в течение второй половины 2000-х и в 2010-е гг. свою финансово-экономическую нишу в Юго-Восточной Европе. С начала мирового продовольственного кризиса 2008 г. аравийские монархии приступили к реализации масштабной стратегии по инвестированию в зарубежные сельскохозяйственные земли⁸⁷⁸ и строительный сектор. Не стал исключением и Балканский регион, где совпали сразу несколько факторов: единство веры, разветвленная сеть разных НПО, обеспечившая присутствие стран Персидского залива на предыдущем этапе, экономическая разруха региона и вытекающая из нее потребность в любых инвестициях.

В настоящее время Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар и Кувейт разделили сферы влияния и неравномерно, но с большим территориальным охватом распределились на Балканах.

7 августа 2009 г. саудовцы де-юре признали суверенитет Косова, установив с Приштиной дипломатические отношения⁸⁷⁹. Это решение было принято после подписания Советом министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества резолюции о независимости Косова⁸⁸⁰. Активные политико-экономические связи Саудовская Аравия сохраняет и развивает с Косово, БиГ, Албанией и Сербией. КСА продолжает оказывать Косову финансовую поддержку: оно обязалось вложить 70 млн долл. на развитие косовской инфраструктуры и сферы здравоохранения через Фонд развития Саудовской Аравии⁸⁸¹. Эту помощь следует рассматривать в качестве продолжения политики исламской солидарности в отношении косоваров.

Сами по себе инвестиции КСА в БиГ и Албании весьма незначительны: (например, начав в БиГ и Албании саудовцы развивают сельское хозяйство с расчетом на импорт произведенной на Балканах продукции в рамках своей международной программы продовольственной безопасности в 2012 г. Фонд развития Саудовской Аравии инвестиции в боснийское сельскохозяйственное производство и, получив поддержку от Международного фонда сельского хозяйства, саудовцы увеличили импорт сельскохозяйственной продукции из БиГ с 2014 по 2016 гг. до 3,5 млн долл.⁸⁸².

⁸⁷⁸ Бирюков Е. С. Инвестиции в земельные ресурсы как новый тренд в глобальном управлении и международных экономических отношениях (на примере инвестиций аравийских монархий) // Международная торговля и торговая политика. 2017. № 4 (12). С. 41.

⁸⁷⁹ Feyerabend F. The influence of external actors in the Western Balkans // Konrad Adenauer Stiftung. 2018. P. 19. Режим доступа: [URL:https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=194afc48-b3be-e3bc-d1da-02771a223f73&groupId=252038](https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=194afc48-b3be-e3bc-d1da-02771a223f73&groupId=252038) (дата обращения 25.12.2019)

⁸⁸⁰ Ibid. P. 19–20.

⁸⁸¹ Ibid. P. 20.

⁸⁸² Arabic Courses Boom in Suburb of Bosnian Capital // Balkan Insight. 20.10.2016. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2016/10/20/arabic-language-boom-in-sarajevo-suburbs-10-19-2016-1/> (дата обращения 10.01.2020).

В 2000 г. в Сараево был учрежден Боснийский международный банк, владельцами которого являются подконтрольный саудовцам Исламский банк развития, Исламский банк Абу-Даби и Исламский банк Дубай с долей в уставном капитале, равной 45,46%, 27,27% и 27,27% соответственно⁸⁸³. Нельзя не упомянуть, что этот банк с 2010 года является инициатором организации Международного боснийского бизнес-форума, который собирает в одном месте различных представителей деловых кругов, привлекая новые инвестиции в БиГ⁸⁸⁴.

В 2014 г. Был реализован крупный проект – Сараевский Сити Центр, который служит как торговым, так и бизнес центром. Это здание было построено саудовской компанией «Аш-Шидди Групп», чьи инвестиции в строительство отеля вместе с офисной частью, по данным Агентства по содействию иностранным инвестициям БиГ, приблизились к 150 млн евро⁸⁸⁵. Кроме того, инвестиционное агентство «Малак Групп», чей инвестиционный портфель на 2018 г. составил 40 млн евро, заявило о намерении построить эко-ферму вдобавок к уже возведённому отелю «Малак Редженси» (Malac Regency) и деревообрабатывающему предприятию «Малак Джандж» (Malak JANJ)⁸⁸⁶. В абсолютных цифрах региональной торговли данные инвестиции сверхмалы, однако применительно к отдельно взятой ситуации в Боснии, где инвестиционный климат крайне непривлекателен, они являются заметными и экономически, и имиджево.

С Сербией КСА установило дипломатические отношения 4 февраля 2013 г.⁸⁸⁷ Через два года с Белградом было подписано соглашение о развитии туризма и инвестиционных проектов⁸⁸⁸. Характерно, что Сербия вместе с БиГ, Албанией, Черногорией и Македонией вошла в пул экспортеров оружия и боеприпасов в КСА: по данным ООН, в 2016 Сербия продала вооружений на 406 млн евро, опередив Боснию (104,3 млн евро) и Албанию (1,28 млн. евро), тогда как Саудовская Аравия в том же году стала лидером по закупке вооружения на Балканах, объем которого составил 118 млн евро, а общая экспортная

⁸⁸³ Impact A. Sarajevo Business Forum // About organizer. Режим доступа: URL: <https://www.sarajevobusinessforum.com/organizers> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁸⁴ Ibid.

⁸⁸⁵ Sarajevo City Centre was opened in Sarajevo. // Foreign Investment Promotion Agency of Bosnia and Herzegovina. Режим доступа: URL: <http://fipa.gov.ba/ufokusu/default.aspx?id=5273&langTag=en-US> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁸⁶ Ibid.

⁸⁸⁷ Decision of the Government of the Republic of Serbia to establish diplomatic relations with the Kingdom of Saudi Arabia on resident basis, adopted on 4 February 2013. // Официальный сайт Правительства Сербии. Режим доступа: URL: <http://www.mfa.gov.rs/en/component/content/article/11800-press-statement-on-the-decision-of-the-government-of-the-republic-of-serbia-to-establish-diplomatic-relations-with-the-kingdom-of-saudi-arabia-on-resident-basis-adopted-on-4-february-2013> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁸⁸ MEEH Serbia Saudi // AP Archive. Режим доступа: URL: <http://www.aparchive.com/metadata/youtube/2feba1825ccfbf2ae2f4765178730b08> (дата обращения 10.01.2020).

стоимость – 514,6 млн евро⁸⁸⁹. По мнению эксперта Стокгольмского международного института исследований мира Питера Веземана, большая часть оружия, боеприпасов и амуниции – устаревших образцов⁸⁹⁰. Закупки вооружений и боеприпасов советских образцов осуществляется КСА и другими монархиями Персидского Зайва для снабжения подконтрольных им негосударственных вооруженных формирований в охваченных гражданскими войнами странах Ближнего Востока (Ливия, Сирия, Йемен, Ирак)⁸⁹¹.

В сферу интересов Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), главным образом, попадают Сербия и Босния, где Эмираты реализуют как стандартные, так и амбициозные экономические проекты. Любопытно, что Сербия – сфера интересов эмирата Абу-Даби, тогда как БиГ осваивает эмират Дубай. Ко всему прочему, Эмираты занимаются осуществлением проектов в Косово, Албании и Черногории.

В Белграде Эмираты основали исламский банк «Мирабанк» с учредительным капиталом в 14,4 млн для обслуживания финансовых потоков⁸⁹². После этого они предоставили сербам низкопроцентный кредит на сумму 1 млрд долл.⁸⁹³ Реализация бизнес-проектов происходит в различных сферах, при этом арабы занимаются как модернизацией убыточных структур, так и учреждением новых коммерческих организаций. К примеру, в Сербии 1 августа 2013 г. эмиратская авиакомпания Etihad Airways подписала соглашение о создании новой авиакомпании Serbia Airlines вместо оставшейся от социалистических времен JAT⁸⁹⁴.

Как и Саудовская Аравия, Эмираты инвестируют в балканский сельскохозяйственный сектор. 4 июля 2014 г. между Сербией и Абу-Даби был подписан контракт о создании совместной компании «Ар-Рафавед» (Al Rafawed), которая приобрела по относительно низкой цене более 10 тыс. га земли в Воеводине. По словам президента Сербии (тогда премьер-министра) А. Вучича, одна четвертая часть уставного капитала принадлежит Сербии, которая обязалась вложить 2 млн динаров (около 19 223 долл. США по курсу 2019 г.), остальные 8 млн долл. – доля ОАЭ, при этом объем эмиратский

⁸⁸⁹ Saudi Arabia Largest Arms Buyer from Western Balkans in 2016: UN Report. // Al-Manar TV Lebanon. Режим доступа: URL: <http://english.almanar.com.lb/535273> (дата обращения 10.01.2020); Balkan States Mull Halting Arms Sales to Saudis // Balkan Insight. 2018. 24.10.2018. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2018/10/24/balkan-states-mull-halting-arms-sales-to-saudis-10-24-2018/> (дата обращения 10.01.2020).

⁸⁹⁰ Balkan States Mull Halting Arms Sales to Saudis. Op. cit.

⁸⁹¹ Ibid.

⁸⁹² Feyerabend. F. Op. cit. P. 37.

⁸⁹³ Mandaci N. Op. cit. P. 349.

⁸⁹⁴ Feyerabend. F. Op. cit. P. 37; Энтина Е.Г., Пивоваренко А.А., Новакович Д. Указ. соч. С. 16; Bardos. G. Arabia... Op. cit.; Mandaci N. Op. cit. P. 350.

инвестиций – 140,5 млн евро⁸⁹⁵. Кроме нее, 300 млн евро в сельское хозяйство инвестировала сельскохозяйственная компания ОАЭ «Ад-Дахра» (Al Dahra), сотрудничество с которой началось 12 марта 2013 г.⁸⁹⁶ По соглашению, Ад-Дахра должна была приобрести 9 тыс. га земли по цене 100 евро за 1 га, из которых в ее собственности доля в 80%, а также арендовать 14 тыс. га пахотной земли по цене 250 евро за 1 га, параллельно инвестируя 100 млн евро в сельскохозяйственное оборудование и ирригационные системы⁸⁹⁷.

Наряду с активностью в области сельскохозяйственного производства, как и КСА, Эмираты заключают сделки в военно-промышленном секторе. Причем они не ограничиваются закупкой вооружений, а налаживают совместное производство оружия. Так в 2013 г. Эмиратский холдинг углублённых исследований и технологий подписал с сербской государственной оборонной компанией «Югоимпорт» договор по совместному производству крылатых ракет, стоимость которого оценивается в 200 млн евро⁸⁹⁸.

Наиболее амбициозным является эмиратский проект «Белград на воде», на который предполагается потратить от 3 до 3,6 млрд евро. С 2015 г. он финансируется инвестиционной компанией Абу-Даби «Игл Хилс Пропертиз» (Eagle Hills Properties)⁸⁹⁹. Проект включает в себя строительство 1 млн кв² жилья и около 750 тыс. кв² коммерческих торговых площадей, еще 242 тыс. кв² составит зеленая зона, не считая территории в 62 тыс. кв², отведенной под детские сады, школы, культурные учреждения и медицинские центры⁹⁰⁰. Также в планы входит реинвестирование в речное судоходство и восстановление системы речного транспорта в Сербии, включая строительство речного порта в Панчево, площадь которого составляет 10 га общей стоимостью – 1 млн евро⁹⁰¹. Важно обратить внимание на стоимость жилых помещений, чей минимум находится в пределах от 2,5 тыс. до 2,700 тыс. за 1 кв², что запредельно дорого для среднестатистического серба, получающего среднемесячную зарплату от 300 до 500 евро

⁸⁹⁵ Arapske investicije u Srbiji: Više euforije nego ekonomije // Strana ulaganja, Investicije .AlJazeeraBalkans. Режим доступа: URL: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/arapske-investicije-u-srbiji-vise-euforije-nego-ekonomije> (дата обращения 10.01.2020); Mandaci N. Op. cit. P. 350.

⁸⁹⁶ Feyerabend. F. Op. cit. P. 37.

⁸⁹⁷ Ibid.; Mandaci N. Op. cit. P. 349.

⁸⁹⁸ Mandaci N. Op. cit. P. 349–350.

⁸⁹⁹ Surk B. To Build Dubai of the Balkans, Serbia Deploys Bulldozers and Baseball Bats // The New York Times. 29.04.2018. Режим доступа: URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/29/world/europe/serbia-belgrade-waterfront-uae-aleksandar-vucic.html> (дата обращения 10.01.2020).

⁹⁰⁰ Arapske investicije u Srbiji: Više euforije nego ekonomije.

⁹⁰¹ Mandaci N. Op. cit. P. 353.

– поэтому представляется, что арабы строят «Белград на воде» для самих себя⁹⁰², либо за строительством стоят какие-то менее прозрачные цели.

Что касается Боснии и Герцеговины, то здесь действует эмират Дубай. Он реализует один из крупнейших проектов в регионе Западных Балкан: строительство города Бурой Озон (Buroj Ozone), сдача в эксплуатацию которого назначена на 2025 г. План предусматривает строительство полностью автоматизированного города к юго-западу от Сараево в предгорьях Трескавицы, Белашницы и Игмана⁹⁰³. По словам исполняющего директора компании «Бурой Интернешнл» (Buroj International Company) Исмаила Ахмеда, проект предусматривает строительство 75 отелей, 2 тыс. вилл, не считая жилых и офисных зданий, ресторанов и клубов, торговых центров и горнолыжного курорта, а также школ, колледжей и университетов, что в общей сложности обеспечит боснийцам 20 тыс. рабочих мест⁹⁰⁴. Инвестиции, которые уже составили более 2 млн евро, вложены в разработку инфраструктуры, проведение электричества, воды, газа, строительство очистных сооружений.

Уместно добавить, что, не дожидаясь открытия Бурой Озон, арабы скупают в БиГ значительные по площади участки земли: за последние годы у них во владении оказалось уже в районе 350 га, что подняло цены на недвижимость в два раза⁹⁰⁵. Наиболее привлекательным для них является муниципалитет Илиджа, где появились полностью арабские кварталы⁹⁰⁶. Редактор портала «Босна Таймс» выдвинул предположение, что такая массовая скупка боснийских земель связана со стремлением арабов получить европейское гражданство в случае вступления БиГ в ЕС, которое, по их мнению, рано или поздно произойдет⁹⁰⁷.

Не крупные, но значимые проекты ОАЭ реализует в Косово, чью независимость они поддерживают. К примеру, 12 марта 2014 г. министры иностранных дел подписали соглашение о сотрудничестве в области гражданской авиации и объявили о запуске международных рейсов в аэропорте Приштины⁹⁰⁸. Этот факт говорит о том, что для

⁹⁰² Bjelotomic S. Vuksanovic: Average salary in Serbia is actually 25,000 dinars // Serbian Monitor. Режим доступа: URL: <https://www.serbianmonitor.com/en/vuksanovic-average-salary-in-serbia-is-actually-25000-dinars/> (дата обращения 10.01.2020).

⁹⁰³ Bardos. G. Arabia...Op. cit.

⁹⁰⁴ «After the war we saw there were a lot of investment opportunities in Bosnia» // Euronews. 27.04.2018. Режим доступа: URL: <https://www.euronews.com/2018/04/27/after-the-war-we-saw-there-were-a-lot-of-investment-opportunities-in-bosnia> (дата обращения 10.01.2020).

⁹⁰⁵ Арабы скупают все больше недвижимости в Боснии и Герцеговине // Новости политики, Новости Европы. // EADaily. 15.08.2017. Режим доступа: URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/08/15/araby-skupayut-vse-bolshe-nedvizhimosti-v-bosnii-i-gercegovine> (дата обращения 10.01.2020).

⁹⁰⁶ Ibid.

⁹⁰⁷ Ibid.

⁹⁰⁸ Bardos. G. Arabia...Op. cit.

Эмиратов, как и Саудовской Аравии, противоречия между Белградом и Приштиной не являются помехой для сотрудничества с обоими региональными игроками.

В свою очередь, Черногория также представляет определенный интерес для ОАЭ. В 2014 г. между правительством Черногории и Фондом развития Абу-Даби состоялись переговоры об укреплении межгосударственных коммерческих связей в банковском секторе, сфере транспорта, туризме, сельском хозяйстве⁹⁰⁹. Через два года, в мае 2016, одна из инвестиционных компаний эмирата Дубай заявила о приобретении черногорского порта в Которском заливе, который планируют оборудовать для обслуживания средиземноморских супер-яхт⁹¹⁰.

В целом можно согласиться с мнением аналитика лондонской группы «Евразия» Наза Масраффа, который видит в деятельности ОАЭ на Балканах стремление диверсифицировать свою экономику, чтобы государственный бюджет не был привязан к экспорту углеводородов⁹¹¹. Он также считает, что Эмираты не рассматривают существующие внутрирегиональные противоречия в качестве тормозящего фактора, работая со всеми балканскими партнерами практически одинаково. Они извлекают двойную выгоду: пользуются низкой стоимостью балканского рынка недвижимости и руководствуются перспективами вступления стран региона в ЕС. Однако цена завершённых строительных объектов определенно говорит о том, что целевой аудиторией строительства являются сами арабы, хотя их проекты со всей очевидностью предполагают создание большого количества рабочих мест и стимулирование экономического роста. Наконец, как подчеркивалось выше, логично предположить, что сферы влияния между эмиратами Абу-Даби и Дубай разделены на Сербию и Боснию соответственно.

Один из главных соперников Саудовской Аравии на Ближнем Востоке – Государство Катар – занял иную нишу на Балканах, сосредоточившись на Боснии, Албании и Македонии. Примечательно, что Катар – единственная из стран Залива, которая имеет посольство в Македонии⁹¹². Основными направлениями развития сотрудничества с балканскими странами для него являются туризм и авиаперевозки: соответствующие соглашения были подписаны с Албанией в 2011 г. и Македонией – в 2013 г. Катарцы также предлагают македонцам, албанцам и боснийцам рабочие места⁹¹³. В Боснии для воплощения этой идеи в жизнь Катар даже инициировал учреждение Фонда

⁹⁰⁹ Ibid.

⁹¹⁰ Ibid.

⁹¹¹ EU hopeful Serbia builds unexpected alliance with Emirates // Reuters. 31.01.2013. Режим доступа: URL: <https://www.reuters.com/article/us-serbia-emirates-idusbre99u07i20131031>(дата обращения 10.01.2020).

⁹¹² Feyerabend. F. Op. cit. P. 12.

⁹¹³ Bardos. G. Arabia.... Op. cit.

дружбы с БиГ⁹¹⁴. По всей видимости, это предложение обусловлено низкой стоимостью рабочей силы на Балканах. Для упрощения взаимодействия по торгово-экономическим вопросам Торговая палата Албании и Торгово-промышленная палата Катара учредили межгосударственный Деловой совет. С Македонией было подписано соглашение о создании Комитета экономического сотрудничества⁹¹⁵.

Другое направление, на котором Катар преуспевает лучше своих арабских конкурентов, является медиарынок. Доха создала локализованное балканское отделение СМИ «Аль-Джазира» (Al Jazeera), не нарушив закон о том, что иностранные агентства должны иметь менее 51% акций⁹¹⁶. Вещание было начато в 2011 г. из столицы Боснии на весь регион Западных Балкан, материалы публикуются на сербохорватском языке⁹¹⁷. В Македонии Катар заключил соглашение с местными информационными агентствами с целью взаимного обмена новостями⁹¹⁸. В данном секторе Доха действует согласно стратегии вытеснения региональных медиа, стремясь заполнить эфир с целью распространения арабского взгляда на происходящие события.

В свою очередь, государство Кувейт в балканском регионе интересуется Албанией и Боснией. В Албании, с целью развития сферы туризма, Кувейт сосредотачивает свои инвестиционные потоки на проектировании и строительстве инфраструктуры: доля Кувейта в прокладке магистральных и железнодорожных путей становится все больше⁹¹⁹. В БиГ около города Тарчин (на территории общины Хаджичи) Кувейт, следуя примеру ОАЭ, за 25,5 млн евро построил собственный комплекс «Сараево Резорт» из 160 вилл и апартаментов, который может вместить 1125 туристов⁹²⁰. Территория огорожена, находится под охраной, информационные таблички составлены на арабском языке. Также на горе Игман (Босния) кувейтцами возводятся 246 жилых строений, стоимостью 25 млн евро, то есть более 100 тыс. евро за единицу⁹²¹.

Таким образом, власти стран Залива дополнили политику продвижения религиозного фундаментализма и установили стабильные политико-экономические связи с государствами Западных Балкан, включающие в себя элемент мягкой силы. Главными

⁹¹⁴ Pabrić N. Ovo su najznačajnije arapske investicije u BiH // Source.ba. Режим доступа: URL: <http://www.source.ba/clanak/Nedim/399742/Ovo-su-najznacajnije-arapske-investicije-u-BiH> (дата обращения 10.01.2020).

⁹¹⁵ Mandaci N, Western Balkans and the Gulf: Interregionalism in the making. *Journal Mediterranean Politics* Volume 23. 2018. Issue 3. pp. 350–351.

⁹¹⁶ Pabrić N. Op. cit.

⁹¹⁷ Mandaci, Op.cit. P. 356.

⁹¹⁸ Ibid. P. 351.

⁹¹⁹ Bardos. G. Arabia.... Op. cit.

⁹²⁰ «Sarajevo Resort», arapska investicija u Oseniku // Radio Slobodna Evropa. YouTube. Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=v_8z6ZZBSd8 (дата обращения: 17.12.2019).

⁹²¹ Bardos. G. Arabia...

инвесторами являются ОАЭ, Катар и Кувейт, которые разделили сферы своего влияния в регионе. Важно, что религиозно-этнический критерий выбора партнеров отсутствует. Монархии Персидского залива уделяют внимание различным сферам деятельности – от торговли до медиарынка, однако наибольшую заинтересованность проявляют к развитию туризма и вложениям в рынок недвижимости и сельское хозяйство. Они стремятся диверсифицировать собственную экономику и перспектива присоединения региона к ЕС. Факторы, привлекающие арабские страны – 1) низкая стоимость аренды и покупки земли, а также недвижимости; 2) упрощённое законодательство для иностранных инвесторов; 3) комфортная религиозная среда; 4) дешёвая рабочая сила; 5) перспектива вступления балканских государств в ЕС.

Однако было бы наивным полагать, что финансово-экономическое сотрудничество для аравийских монархий полностью обособлено от политики и культурно-религиозной сферы. Как справедливо отмечает российский экономист Е. С. Бирюков, «наблюдается совершенно удивительная корреляция, заключающаяся в том, что основными саудовскими кланами, инвестирующими в зарубежные...активы, являются те же самые кланы, которые создают по всему миру сеть исламских банков и так называемых неправительственных религиозных организаций»⁹²².

Параллельно с воплощением в жизнь инвестиционных и экономических проектов арабы, уже не только через фонды и ту поддержку, которая была характерна для периода 1990-х гг., а как сопутствующую инвестиционной и туристической деятельность, стали экспортировать консервативный ислам, арабскую культуру и арабский язык в государства Западных Балкан. Подобная культурно-религиозная интервенция постепенно видоизменяет образ балканских государств, вызывая озабоченность как экспертного сообщества и населения, так и международных сил, в первую очередь, ЕС.

Вместе с тенденцией к строительству арабских жилых кварталов, появилась тенденция к возведению мечетей и особых религиозных структур, именуемых «параджаматами» (более подробно вопросы миграции и безопасности, связанных с ней, разбираются во второй главе). Параджаматы создают для мусульманского населения параллельную государственной социальную сферу: ясли и детские сады, организуют языковые и религиозные курсы и даже обучают профессиям: у балканских мусульман есть возможность получить исламское образование за границей⁹²³. Следует обратить внимание, что деятельность параджаматов законодательно не регулируется, а у преподавателей-

⁹²² Бирюков Е. С. Указ соч. С. 41.

⁹²³ The challenge of para-jamaats in Bosnia-Herzegovina // Europe Next. 20.06.2018. Режим доступа: URL: <https://europenext.eu/2018/06/20/the-challenge-of-para-jamaats-in-bosnia-herzegovina/>(дата обращения 10.01.2020); Tziampiris A. Op. cit. P. 212.

богословов нет педагогической квалификации, тем не менее балканские правительства не меняют положение вещей и свободно дают им функционировать⁹²⁴. Как уже рассматривалось в предыдущей главе, именно наличие подобных зон вызывает наибольшие опасения, в том числе в связи с невозможностью осуществлять в них контроль, а с началом миграционного кризиса из стран Северной Африки и Ближнего Востока – и фактической неспособностью предвидеть, каким образом параджаматы будут развиваться и разрастаться дальше.

Саудовцы построили в Боснии школу-интернат Аль-Валидейн Газез (Al Walidein Gazzaz) для детей из неблагополучных семей, предоставив им, с одной стороны, дом и возможность обучения⁹²⁵, а с другой – предложив им нехарактерный исторически для региона фундаментальный консервативный ислам. В Зенице и Бихаче при саудовской финансовой поддержке в местных университетах были открыты исламские факультеты, где бесплатно предоставляется мусульманская литература и стимулируются мусульманские исследования⁹²⁶. Также саудовцами в Сараево была возведена величественная мечеть имени короля Фахда, которая, помимо непосредственных функций, предоставляет боснийцам спектр образовательных услуг⁹²⁷.

В свою очередь, Катар инициировал грантовое соглашение на восстановление школы «Джероним де Рада» в Тиране, инвестировав 1,35 млн долл.⁹²⁸ В сербском Санджаке в городе Нови-Пазар ОАЭ выделили средства на строительство детского сада и школы.

Практически все учреждения, основанные или финансируемые арабами, отрываю бесплатные группы по изучению арабского языка и популяризуют его среди балканского мусульманского населения. В целом арабы берут на себя часть функций, за которые традиционно отвечает государство, при этом их действия не регулируются и не ограничиваются ни законодательно, ни фактически.

Возводимые арабскими странами мечети (религиозные деятели которых также находятся на их содержании) являются центрами продвижения в среде балканских мусульман распространенной в монархиях Персидского Залива консервативной ваххабитской интерпретации ислама⁹²⁹. Так, авторы исследования Атлантической инициативы утверждают, что мечети и параджаматы вместе с популяризацией арабского

⁹²⁴ Lilyanova V. Op. cit.

⁹²⁵ Pabrić N. Op. cit.

⁹²⁶ Bardos. G. Arabia.... Op. cit.

⁹²⁷ Lilyanova V. Op. cit.

⁹²⁸ Qatar, Albania sign grant agreement // Gulf Times. Режим доступа: URL: <https://www.gulf-times.com/story/609643/Qatar-Albania-sign-grant-agreement> (дата обращения 10.01.2020).

⁹²⁹ Lilyanova V. Op. cit.

языка распространяют радикальные исламистские и даже джихадистские идеи⁹³⁰. Их точку зрения поддерживают местные богословы, которые также критикуют параджаматы, указывая на то, что государственные деятели не обращают внимание на эту проблему⁹³¹.

Тезис о распространении радикализма среди балканского мусульманского населения через учрежденные арабами институты основывается, в первую очередь, на статистических данных числа жителей Балкан, отправившихся воевать в Сирию и Ирак. Согласно аналитической записке Форума исследований экстремизма на Западных Балканах, воевать на Ближний Восток отправилось 878 человек, из которых 723 мужчин и 155 женщин, при этом в тройку лидеров стран-доноров входят Косово (303 чел., самое большое число в процентном соотношении к населению), БиГ (240 чел.) и Македония (154 чел.).

Вдобавок тревога усиливается, когда обнаруживаются радикальные заявления мусульманских священнослужителей и других исламских представителей. К примеру, сотрудник Американского центра демократии Г. Бардос утверждает, что проповеди Назима Халиловича-Мудериса, имама мечети короля Фахда, включали в себя выражения антиамериканского и шовинистского характера⁹³². Тезис о том, что мечеть короля Фахда является одной из наиболее мощных площадок пропаганды радикального ислама разделяется большинством исследователей современного ислама в Боснии, как отечественных, так и зарубежных. Одной мечетью проблема не ограничивается: Мухарим Стуланович, декан факультета Исламской педагогики в Бихаче и известная фигура среди мусульманского населения БиГ, неоднократно публично заявлял, что на развитие Боснии влияют три внешнеполитических фактора: американцы, шииты и евреи. В частности, он говорил: «... евреи являются врагами Ислама и врагами номер один. И Судный день не наступит – это верно в хадисах, и это правда – без полной победы мусульман. Судный день, завершение этого мира, не наступит, пока мусульмане не начнут тотальную битву против евреев, и в этой битве евреи будут настолько побеждены, что спрячутся за каждым деревом и за каждым камнем. И каждое дерево, и каждый камень скажут: "О мусульманин, раб Божий, вот еврей, он спрятался за мной, приди и убей его»⁹³³.

Однако хотя мировое сообщество начала особенно после 11 сентября 2001 г. крайне негативно оценивало присутствие «братьев по вере» с Ближнего Востока в Юго-Восточной Европе, относительно их реального влияния существуют разные оценки. Солидная часть сербских и мировых экспертов склонны оценивать ситуацию таким

⁹³⁰ Ibid.

⁹³¹ Ibid.

⁹³² Bardos. G. Arabia...Op. cit.

⁹³³ Ibid.

образом, что «Балканы превратились в перевалочный пункт исламского терроризма, а сам балканский ислам подвергается «ваххабизации»⁹³⁴. Вместе с тем, если верить Хазиму Фазличу, то «наиболее современные исследования о роли спонсируемых заливом НПО в вопросе транснационального исламского активизма на Балканах показали, что они не смогли повлиять на местный ислам так, как это описывается в исследованиях по безопасности. Местные мусульманские общины, приветствуя программы по реконструкции и помощь, не восприняли более глубокую инфильтрацию иностранных элементов в уклад и практику ислама на Балканах»⁹³⁵. Объясняя озабоченность мировой общественности, исследователь приводит в целом логичный и разумный довод о том, что, поскольку какое-то количество членов ваххабистского и неосалафитского движений объективно присутствуют в регионе, существенно отличаясь в облике и поведении, и к тому же оно постепенно возрастает, то все это неизбежно привлекает повышенное внимание СМИ, которые, в свою очередь, и создают повестку для экспертов-политологов.

Довольно спокойными являются и оценки со стороны Европейского союза. Региональный совет по сотрудничеству (заменивший Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы) в своем докладе о ситуации в регионе за 2016 год действительно ставит одним из центральных вопросов проблему безопасности, демонстрируя озабоченность «возросшими инвестициями и туристским потоком из стран Залива с очевидно консервативными взглядами на веру и одежду, что отражается в росте популярности консервативного ислама в отдельных общинах БиГ»⁹³⁶. Рекомендациями же к преодолению негативных последствий, порождаемых данной проблемой, стали классические меры, направленные на продвижение демократии и институтов гражданского общества в регионе. В дискурсе ЕС мусульманское население на Балканах в целом представляется как светское, мирное и умеренное. По мнению Хазима Фазлича, это вызывает обратный эффект применительно к долгосрочному развитию ислама в регионе с учетом международных обстоятельств последнего десятилетия: «данный предполагаемый секуляризм подвергается двойному нападению со стороны новых радикальных идеологий с Ближнего Востока, а также организованной преступности и террористических сетей»⁹³⁷.

Принимая во внимание весь комплекс взаимоотношений Балканского региона с мусульманским миром, стоит подчеркнуть, что сегодня основная религия на Балканах – не

⁹³⁴ Bougarel X. The Role of Balkan Muslims in Building a European Islam // Zurich: European Policy Centre. Режим доступа: URL: <http://www.isn.ethz.ch/isn/DigitalLibrary/Publications/Detail/?ots591=0c54e3b3-1e9c-be1e-2c24-a6a8c7060233&lng=en&id=17029> (дата обращения 10.01.2020).

⁹³⁵ Fazlic H. Op. cit.

⁹³⁶ Initiatives to Prevent/Counter Violent Extremism in South East Europe // Regional Cooperation Council. 2016.P. 27. Режим доступа: URL: [https://www.rcc.int/download/pubs/RCC-CVE-Case-Study%20\(3\).pdf/88adfd3c5fd8007d87bfc2e7ecba2cc2.pdf](https://www.rcc.int/download/pubs/RCC-CVE-Case-Study%20(3).pdf/88adfd3c5fd8007d87bfc2e7ecba2cc2.pdf). (Дата обращения 10.01.2020).

⁹³⁷ Fazlic H. Op. cit.

ислам, православие или католичество, а пессимизм, вызванный отсутствием социально-экономических перспектив региона, как было показано в предыдущих главах, а также усталостью от неопределенности европейского будущего стран бывшей Югославии. Именно он закладывает основы для радикализма любого толка, в том числе и религиозного.

Поэтому хотя сами страны Юго-Восточной Европы в целом довольно интенсивно сотрудничают как по линии НАТО, так и по линии ЕС в отношении борьбы с терроризмом и исламским радикализмом, должной отдачи это не приносит. Национальная стратегия Албании по развитию и интеграции (2015 г.), Косовская стратегия борьбы с терроризмом (2015 г.) и Македонская национальная стратегия борьбы с терроризмом (2016 г.) предусматривают передачу разведывательных данных различным службам безопасности, в том числе НАТО и ЕС. В этих стратегиях мусульманские общины отдельно, естественно, не упоминаются, однако на практике действия очевидно нацелены почти исключительно на них, о чем свидетельствуют контртеррористические рейды в Албании и Косово⁹³⁸. При этом местные мусульманские общины часто интерпретируют эти рейды как попытку своих правительств ослабить давление со стороны НАТО и ЕС, формально (иногда совместно с евроатлантическими партнерами) осуществив специальные операции, а не структурно бороться с факторами, способствующими насильственному экстремизму. В итоге именно комплекс причин, сочетающих в себе, в первую очередь, социально-экономическую стагнацию региона и однолинейность, а иногда и формальность действий со стороны балканских правительств, ЕС и НАТО по обеспечению безопасности, а не наличие отдельных радикальных исламских ячеек в регионе, финансируемых ближневосточными странами, представляет действительную угрозу положению и развитию мусульманского общества на Балканах и превращает его в зону нестабильности для Европейского союза.

При этом экономические инструменты, чаще всего используемые сегодня в Балканском регионе странами Ближнего Востока и, в первую очередь, Персидского залива делают объективно невыгодной исключительную ставку на радикализм и джихадизм. Любопытно, что, не имея единой общеарабской стратегии экономико-политической и культурно-религиозной интервенции на территорию Юго-Восточной Европы, ОАЭ и Кувейт создают на Балканах элитные апартаменты, отели и даже поселения для своих соотечественников, в то время как Саудовская Аравия, несмотря на объективный факт наиболее серьезного религиозного влияния, так же готовит и рабочую силу, повсеместно

⁹³⁸ Rexhepi P. Arab others at European borders: racializing religion and refugees along the Balkan Route // *Ethnic and Racial Studies*. 2018. N41:12. P. 2215-2234.

бесплатно обучая мусульман арабскому языку. Однако в какую сторону качнется данный, сегодня весьма шаткий баланс между цивилизационно-религиозным влиянием и «исламским братством» в форме экономического сотрудничества, в существенной степени зависит от политики Европейского союза как в отношении Балканского региона, так и в формате взаимодействия с Турцией и ближневосточной политики и самого ЕС, и его отдельных стран-членов.

Наряду с этим, нельзя упускать из виду, что геополитическая составляющая радикального ислама и деятельности террористических организаций, в поддержке которых и обвиняют аравийские монархии США и ЕС, мало чем отличается от геополитического восприятия Балкан ведущими мировыми силами. Весьма точной в этом плане представляется характеристика, данная Кристофером Дэлизо в монографии «Надвигающийся Балканский халифат»: «Для США, России и ЕС Балканы в меньшей степени – мозаика уникальных наций, в большей – связанная операционная зона, где топографические вызовы перевешивают политические. Это мало чем отличается, в конечном итоге, от того, как видят себе регион исламисты и террористические организации»⁹³⁹. В таком своеобразном единстве восприятия региона исторически заключалась его взрывоопасность и способность любого внешнего фактора стать катализатором внутренних проблем.

На сегодняшний день можно утверждать, что через экономическую и религиозную экспансию и при практически равнодушном отношении Запада арабский мир, безусловно, создал на Балканах плацдарм одновременно влияния как в регионе, так и на внутриевропейские процессы и внешнюю политику ЕС.

⁹³⁹ Deliso C. The coming Balkan Chaliphate. The Threat of Radical Islam to Europe and the West. London: Westport. 2007. P.189.

Глава 5. Роль глобальных акторов в современных интеграционных процессах в Юго-Восточной Европе

Глава 5.1. Особенности американской политики на Балканах в контексте евроатлантического партнерства

Присутствие США на Балканах далеко не ограничивается прошедшими тремя десятилетиями. Имея хоть и меньшую, чем европейские империи, историю, они заметны в регионе сравнительно давно. При этом утверждение, что конфликтный период 1990-х годов является лишь небольшим историческим периодом в общей позитивной истории американо-сербских и американо-балканских отношений, стало все более популярным нарративом как в США, так и в странах бывшей Югославии.

Если начало XIX века, ознаменованное в американо-европейских связях «доктриной Монро», исключало участие США в первой волне национально-освободительных движений на Балканах, то уже к концу столетия, преследуя цель, в основном выхода на рынки, занятые европейскими империями, Вашингтон начинает претендовать на роль мировой державы, активно включившись в процесс передела мира. Первоначально именно несиловые коммерческие методы стали одним из основных способов утверждения США на европейской арене. В 1882 году между Сербией и США были установлены дипломатические отношения. «Состоявшаяся в октябре 1908 г. аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и последовавший за ней так называемый «боснийский кризис» заставили США впервые заговорить о возможности прямого участия американской дипломатии в решении судьбы балканских народов»⁹⁴⁰. В период балканских войн 1912-1913 гг. США пытались активно вмешиваться в ход событий в регионе, выступая за использование арбитража и заключение мирных договоров между противоборствующими сторонами на взаимоприемлемых условиях (проект У. Брайана)⁹⁴¹. Именно балканские войны начала XX века сформировали базисное представление американской дипломатии о том, что основной проблемой региона является межэтническая и межрелигиозная ненависть, замкнутая в узком географическом пространстве. Понимание этого крайне важно для осмысления посылов всей балканской политики США последующего и современного периодов. В начале XX века, практически

⁹⁴⁰ Киясов А. С. Внешнеполитический курс США на Западных Балканах (1990-2000е гг.). / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань. 2012. С. 28.

⁹⁴¹ См.: Жуковская Н.В. Балканы во внешней политике США в первой четверти XX века // Славяноведение. 2004. № 5. С. 16-17.

вплоть до окончания Первой мировой войны, Вашингтон исходил из тезиса о нежелательности еще больше замыкать существующую в регионе ненависть через создание единого славянского государства⁹⁴².

Как утверждает российский историк А. Киясов, «такая позиция полностью противоречила планам Франции, стремившейся превратить весь Балканский полуостров в сферу своего влияния: Франция рассматривала будущую единую Югославию в качестве противовеса нарастающим имперским амбициям Италии, а главное – как силу, способную при необходимости стать сильным в военном и политическом отношении союзником в борьбе с Германией в случае ее возможного возрождения в качестве великой европейской державы»⁹⁴³.

Активное подключение Вашингтона к решению балканских вопросов было осуществлено Вудро Вильсоном в знаменитых «четырнадцати пунктах». Девятый пункт посвящался границам Италии, в том числе в Истрии. Десятый, как известно, признавал право на суверенитет народов Австро-Венгрии и стал отправной точкой в создании Королевства сербов, хорватов и словенцев. Одиннадцатый поддерживал воссоздание сербского королевства и внутреннюю автономию черногорского княжества (в определенной степени этот пункт свидетельствовал о смягчении позиции Вашингтона по вопросу противодействия созданию единого славянского государства и был ответом на растущие амбиции Италии). Двенадцатый пункт называл Османскую империю «больным человеком Европы» и предусматривал освобождение балканских народов от османского влияния. Провозглашение 1 декабря 1918 года сербским королем Александром Карагеоргиевичем Королевства сербов, хорватов и словенцев называют дипломатической победой Франции, которой удалось установить тесные экономические и политические связи с Белградом⁹⁴⁴. Вместе с тем, Вашингтон первым дипломатически признал новое государство. Вероятнее всего, данный шаг был связан не с общей сменой позиции США относительно того, что «замыкание» межэтнических проблем в одном государстве неизбежно обострит их, а с осознанием возможных последствий «коммунистической угрозы» с Востока. Возможно, поэтому на протяжении последующих двух десятилетий, предприняв несколько попыток к установлению диалога между крайне подозрительно воспринимавшими друг друга балканскими государствами, Вашингтон сводит к минимуму свою политическую активность на Балканах.

⁹⁴² См. подробнее: Coogan J.W. *Wilsonian Diplomacy in War and Peace // American Foreign Relations Reconsidered, 1890-1993*. N.Y.: Taylor and Francis. 1994. P. 71-89.

⁹⁴³ Киясов А. С. Указ соч. С. 28.

⁹⁴⁴ Stevenson D. *France at the Paris Peace Conference: Addressing the Dilemmas of Security // R.W.D. Boyce (ed.) French Foreign and Defense Policy 1918-1940: The Decline and Fall of a Great Power*. L: Routledge. 1998. P. 16.

Единственной страной, оказавшей сопротивление гитлеровской агрессии, стала королевская Югославия, которая являлась во многом сербским государственным проектом. Первоначально сделав ставку на недопущение подключения Белграда к оси Берлин-Рим-Токио, американцы поддержали государственный переворот прогерманского правительства в Белграде 27 марта 1941 года, за которым последовало нападение Гитлера на югославское королевство и бегство Короля Петра II в Великобританию. После разгрома Югославии в апрельской войне 1941 г. Вашингтон увеличил поддержку силам сопротивления, действуя, правда, в основном через британцев⁹⁴⁵. Так, в первые годы войны Вашингтон сделал ставку на четника и военного министра эмигрантского правительства Д. Михайловича, однако с начала 1944 года американцы стали в большей степени поддерживать набирающее популярность партизанское движение во главе с И. Тито.

Закрепление разделения европейского континента на сферы влияния по окончании Второй мировой войны стимулировало формирование с подачи Г. Трумэна стратегии «вбивания клина» между СССР и его потенциальными союзниками. Албанская коммунистическая партия во главе с Энвером Ходжой заняла просоветские позиции и оказалась для Вашингтона «по ту сторону баррикад». США разорвали в ноябре 1946 года дипломатические отношения с Албанией и препятствовали приему Тираны в ООН. Изначально Вашингтон также без оптимизма был настроен и по отношению к социалистической Югославии. Однако конфликт И. Тито и И. Сталина коренным образом изменил расстановку сил. «Стоит отметить, что сам по себе разрыв между Сталиным и его ближайшим союзником Тито явился для американской администрации полной неожиданностью, хотя и полностью вписывался в стратегию «вбивания клина». Отныне задача по доведению ухудшившихся советско-югославских отношений до их полного разрыва казалась вполне решаемой. Новая политика по поддержке режима И. Б. Тито «Keeping Tito afloat» («Поддерживая Тито на плаву»)⁹⁴⁶ была введена в действие с ноября 1948 г. и предполагала существенное укрепление американо-югославских отношений за счет расширения масштабов помощи ФНРЮ по различным направлениям. Все это, в конечном итоге, должно было способствовать исключению СССР из сферы влияния на Адриатике и приданию Югославии статуса потенциального центра притяжения новых союзников, покинувших советский блок»⁹⁴⁷.

⁹⁴⁵ Poulain L., Teleki I. U.S. Policy toward the Western Balkan// Western Balkan policy review 2010: a report of the CSIS Lavrentis, ed. by Janusz Bugajski. 2010. P.27.

⁹⁴⁶ Сущность и практическое воплощение этой новой политики обстоятельно изложено в книге: Lees L.M. Keeping Tito Afloat. NY: Penn State University Press. 2005.

⁹⁴⁷ Киясов А. С. Указ соч.

По мнению последнего посла США в СФРЮ У. Циммерманна, специфика югославского вектора американской внешней политики в течение всей холодной войны сводилась к трем основным категориям – независимость, единство и территориальная интеграция: «Главной целью этой политики было освобождение Югославии от советского контроля и влияния, а единство Югославии являлось лучшим способом достижения этой цели»⁹⁴⁸. На протяжении 1950-1980-х гг. США активно поддерживали Югославию и дипломатически, и экономически. В 1951 году было подписано соглашение о военном сотрудничестве между НАТО и СФРЮ. Кроме того, Вашингтон косвенно поддерживал и усилия Белграда по формированию «движения неприсоединения», попутно предоставляя дотации югославской экономике и поощряя рыночные реформы конца 1980-х⁹⁴⁹. Всего только за первые десять лет после разрыва Тито со Сталиным размер американской помощи Югославии составил, по разным источникам, от 1,2 до 1,5 млрд долларов, из которых только 55 млн должны были быть возвращены⁹⁵⁰.

В 1990-е годы США усилили свое присутствие на Балканах. Активное вовлечение в югославский кризис стало, как известно, одним из оснований к сохранению военно-политической структуры НАТО и ее расширению в Центральную и Юго-Восточную Европу в начале 2000-х. Однако политика США в югославском кризисе выходила далеко за рамки интересов НАТО и серьезно эволюционировала с конца 1980-х гг. В период до начала распада биполярной системы международных отношений основная угроза целостности Югославии, в представлениях США и в целом евроатлантического мира, как показано в первом параграфе первой главы, исходила извне, главным образом от СССР. С конца 1980-х гг. в Вашингтоне осознают, что реальную угрозу, как и в начале века, представляет резкий подъем националистических настроений. По мнению А. Киясова, «Сербский национализм, носящий в себе «элементы шовинизма, расизма и милитаризма», рассматривался Соединенными Штатами как наиболее опасный и деструктивный, так как был направлен против всех других населявших Югославию народов. – Хорватский национализм с его неусташской расистской теоретической базой также воспринимался американцами в негативном ключе, однако его стремительный рост объяснялся как ответная мера на агрессивную сербскую политику. Словенский национализм воспринимался в США позитивно, так как не был направлен ни против одной этнической

⁹⁴⁸ Zimmermann W. Op. cit. P. 179.

⁹⁴⁹ См. например: Новосельцев Б.С. Внешняя политика Югославии (1961-1968 годы). М.: Институт славяноведения. 2015. С. 239-247.

⁹⁵⁰ Campbell J.C. Tito's Separate Road: America and Yugoslavia in World Politics. N.Y.: Harper and Row. 1967. pp. 27-28.

группы, а экономическая составляющая в нем была намного сильнее этнической»⁹⁵¹. Далее ученый поясняет: «Мусульманский национализм также носил, по мнению США, мирный характер и скорее был связан с проблемами сохранения боснийско-мусульманской идентичности на фоне постоянных заявлений сербских и хорватских политиков об искусственно созданной «мусульманской нации» и необходимости разделить Боснию и Герцеговину между Сербией и Хорватией. В свою очередь, албанский национализм имел существенные отличия и по своей природе был продуктом национально-освободительного антиколониального движения, подобно национализму в странах Азии и Африки в период борьбы за независимость, и потому однозначно воспринимался американскими политиками позитивно»⁹⁵².

Американские оценки того, что основная опасность в Югославии исходит именно от сербов, неудивительны и не могут объясняться причинами «исторического неприятия сербского народа», которое характерно для Германии. Во-первых, наиболее серьезные конфликты объективно проходили с участием сербов. Во-вторых, основные силы распадающейся ЮНА, находились в сербских руках. В-третьих, в глазах американцев, как и Запада в целом, подобная позиция подтверждалась и самими действиями вооруженных сил, разрушавших «не Шабач или Крагуевац, а Дубровник и Сараево»⁹⁵³.

Кроме того, как утверждает А. Хортов, распад Югославии «в определенной степени был предпочтителен для США, поскольку существование нескольких малых государств на месте одного большого со сложившейся традицией проведения независимой политики было более выгодным в геополитическом отношении. В связи с этим, хотя президент Дж. Буш официально не поддерживал отделения балканских республик, американская линия так или иначе уже была направлена на то, чтобы распад СФРЮ отвечал интересам Соединенных Штатов»⁹⁵⁴.

Тем не менее, американской дипломатии потребовалось практически три года, чтобы включиться в балканский кризис и показать, что в либерально-демократическом мире, который она возглавляет, такое не может происходить⁹⁵⁵.

Югославский кризис (и боснийский как его составная часть) был успешно использован США для дискредитации внешнеполитических амбиций ЕС в столь, на первый взгляд, естественной его сфере влияния как постъюгославское пространство. Так,

⁹⁵¹ Киясов А. С. Указ соч. С. 57-58

⁹⁵² Там же.

⁹⁵³ Jović D. Američka politika na Balkanu: motivi I interesi // Pescanik. 27.04.2010. Режим доступа: URL: <https://pescanik.net/americka-politika-na-balkanu-motivi-i-interesi/> (Дата обращения 21.12.2019).

⁹⁵⁴ Хортов А. А. Политика США в отношении Югославии после «холодной войны» (1991–1999 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 143 – 146.

⁹⁵⁵ Jović D. Američka politika... Op. cit.

в 1992-1993 гг. Вашингтон последовательно торпедировал разработанные европейскими посредниками проекты боснийского урегулирования, такие как план Ж. Кутильеро (март-апрель 1992 г.), план Вэнса-Оуэна (первая половина 1993 г.), план Оуэна-Столтенберга (сентябрь 1993 г.), а затем дал показательный пример американского лидерства, навязав сторонам американскую переговорную инициативу, завершённую Дейтонско-Парижским общим рамочным соглашением о мире в БиГ (ноябрь-декабрь 1995 г.). При этом содержательно Дейтонское соглашение не имело кардинальных отличий от европейских проектов.

Приход к власти в США демократов во главе с Б. Клинтонем изменил отношение Вашингтона к югославскому кризису⁹⁵⁶ и в первую очередь к событиям в БиГ. «США включились более активно не потому, что Европа не справилась бы самостоятельно, а в силу того, что стабильность и безопасность региона были в интересах США, – такая сугубо позитивная характеристика американских намерений последовательно обосновывается на страницах американских же научных журналов. – Эти интересы, по большей части, имеют гуманитарный и стратегический характер. Десятилетиями США содержали многотысячный контингент для поддержания безопасности Западной Европы. С распадом СССР возникла возможность ... построить Европу «общую и свободную» (Джордж Буш-старший) и «без разделительных линий, мирную и демократическую» (Билл Клинтон). Это не просто слова, а стратегическое видение. Такая Европа однозначно была бы большим партнером США и не могла бы представлять угрозу американским интересам»⁹⁵⁷. Помимо данных сюжетов, активизацию США по Боснии связывали и с жесткой позицией Анкары, неоднократно заявлявшей о возможности прямого вмешательства в конфликт на стороне боснийских мусульман. Потенциальное же вступление Турции в войну могло иметь катастрофические последствия. «Ввод турецких войск на Балканы, – очень точно указывает А.С. Киясов, – мог стать катализатором для начала вооруженного конфликта в Санджаке и Косово, спровоцировать Грецию на агрессию против Македонии, а самое главное - побудить греческое руководство выступить на стороне Сербии, что неминуемо повлекло бы за собой начало крупномасштабной региональной войны между Грецией и Турцией при вероятном участии Болгарии, Албании и Кипра. Возможное повторение кошмарного кипрского

⁹⁵⁶ См. подробнее о политике США в боснийском кризисе: Chollet D. *The Road to the Dayton Accords: A Study of American Statecraft*. Palgrave Macmillan. 2005th Edition. 2005. 272 P.;

⁹⁵⁷ Daalder I. H., O'Hanlon M. E. *The United States in the Balkans: There to Stay* // *The Washington Quarterly*. Autumn 2000. N23(4). P. 158.

сценария 1974 г., когда два члена НАТО (Греция-Турция) сражались между собой, требовало незамедлительно активного вмешательства Соединенных Штатов»⁹⁵⁸.

В итоге кризис в Боснии и Герцеговине, несмотря на отсутствие консенсуса внутри НАТО по вопросу о военной интервенции и длительное нежелание Соединенных Штатов активизироваться на Балканах, стал одним из наиболее успешных сюжетов во внешней политике США после окончания холодной войны. Признав независимость Боснии и Герцеговины, Вашингтон фактически легитимировал боснийскую государственность. Подписание Вашингтонского соглашения 18 марта 1994 года между хорватами (Мате Гранич) и боснийцами (Харис Силайджич) о создании федерации Боснии и Герцеговины позволило американской дипломатии окончательно сместить основные обвинения в невозможности остановить гражданскую войну в БиГ на сербов, что сыграло свою роль в формировании непоколебимо отрицательного имиджа сербов в глазах мировой общественности и в отношении боснийского конфликта, и позднее в кризисе вокруг Косова.

Сами Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине, при всей их неоднозначности, не стали повторением «кипрской модели» полностью разделенного государства, что американская дипломатия рассматривала как очевидный успех. Как справедливо утверждает К. В. Никифоров, «целью США в Боснии было не допустить самостоятельности европейцев и возвращения на Балканы России, а также установить стратегическое партнерство с исламскими странами, которое было поколеблено «Бурей в пустыне». Вскоре проявилась и более общая цель США: на примере бывшей Югославии подтвердить свое лидерство в мире после холодной войны, придумать новую роль для НАТО, создать на основе этого универсальную модель европейской безопасности»⁹⁵⁹.

В практическом плане эти задачи реализовались американской дипломатией через переход в боснийском кризисе от модели реактивных действий к модели превентивных шагов и заключается в «разыгрывании карты национализма». Боснийский кризис, где столкнулись несколько балканских национализмов, дал Соединенным Штатам понимание, что, по всей видимости, их нельзя нейтрализовать, но ими можно выгодно управлять. На вопрос, как это делать, американская дипломатия не смогла найти ответ в начале XX века. Система мирных соглашений (конкретно, Дейтонского мира 1995 года) и в целом внутри- и межгосударственного устройства в республиках, возникших на обломках бывшей

⁹⁵⁸ Киясов А. С. Указ соч. С. 69-71.

⁹⁵⁹ Никифоров К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской. Боснийский кризис: завершающий этап. М.: Институт славяноведения РАН. 1990. С. 24

Югославии, была построена таким образом, что де-факто Вашингтон способен влиять на все крупные этнические группы региона как поощряя, так и «наказывая» их.

Хотя роль США в разрешении кризиса в Косово в 1999 году хорошо известна, стоит подчеркнуть несколько принципиально важных моментов и в этом вопросе. Операция сил НАТО планировалась как быстрая. Президент Билл Клинтон и государственный секретарь Мадлен Олбрайт, основываясь на опыте, полученном в Боснии и Герцеговине, исходили из того, что С. Милошевич моментально сдастся и вряд ли сможет продержаться больше двух недель. Поэтому изначальный план бомбардировок СРЮ был рассчитан только на первые три дня⁹⁶⁰. Однако американская администрация недооценила специфику положения в БиГ в 1995 и тогдашней позиции С. Милошевича с тем, что происходило вокруг Косова и в Белграде в 1999 году, и бомбардировки затянулись на два с половиной месяца. Из мелкой операции по превентивной остановке сербской «агрессии» в рамках финальной фазы балканского кризиса бомбардировки Югославии вылились в первую масштабную военную акцию против европейской страны и европейского народа без соответствующего разрешения со стороны основного регулятора системы международных отношений в лице СБ ООН. Это выглядело неоднозначно с точки зрения первоначального понимания «однополярности» в мире во главе с США, как это представляли в Европе и России по окончании холодной войны, и вызвало острую критику части «незападного» мира. Но было объяснимо с точки зрения логики прагматических международных интересов США, сложившихся в конце 1990-х гг.: проведение операции давало полный контроль над Балканским регионом и Европой, при этом не могло нанести значимого ущерба США. «В этой связи США предприняли все возможные шаги, – объясняют их направленность американские аналитики, – чтобы передать миротворческую миссию в Косово своим европейским союзникам ... США со своей военной мощью эффективно одержали победу, европейским союзникам поручалось сохранить мир»⁹⁶¹.

Однако вскоре после косовского кризиса Балканы потеряли для США приоритетное значение: причиной этому стал теракт 11 сентября 2001 г. На первый план вышла глобальная война с терроризмом и проблемы Ближнего и Среднего Востока. Американские политики упоминали о Западных Балканах лишь в общем контексте распространения демократии, а также противостояния мировому терроризму, наркотрафику и дискриминации. В связи с этим в исследовательских кругах стали говорить о вероятном временном уходе США с постъюгославского пространства на фоне

⁹⁶⁰ Daalder I. H., O'Hanlon M. E. Op. cit. P. 159-160.

⁹⁶¹ Byrd R. C. Europe's Turn to Keep the Peace // New York Times. 20.03.2000. P. 23.

европеизации западно-балканского региона и перекладывания значительной части ответственности за мирное развитие этих стран на ЕС, при сохранении американского политического влияния⁹⁶². В действительности же, определенный недостаток вовлеченности был характерен и для периода 1990-х гг., но не свидетельствовал об отсутствии интереса США к региону и неспособности влиять на ключевые моменты в его истории, как показали и боснийский, и косовский кризисы. «Если посмотреть на экономический и военный вклад, который Соединенные Штаты и Европа внесли в мир и стабильность на Балканах за 1990-е гг., становится очевидным, что Европа несла большую часть нагрузки. Что касается невоенного содействия, включая развитие и гуманитарную помощь, Европа потратила в три раза больше, чем Соединенные Штаты (почти 17 млрд долл. против 5,5). Что касается военного вклада, то процентная доля сухопутных войск США на Балканах во время югославского кризиса была нулевой с 1992 по 1995 гг. (вклад европейцев за этот период неуклонно увеличивался, с 7.500 в начале 1993-го до 16.000 к концу 1995 года). Наземные силы США достигли своего пика – 35 % от общего числа контингента НАТО – в 1995 году. В целом доля США в Боснии и Косово составляла чуть менее 20 % от общей численности контингента НАТО. Другими словами, Европа несла большую часть военного бремени на Балканах в течение 1990-х годов – 75% и более»⁹⁶³. Косвенно снижение заинтересованности подтверждалось также и выводом американского контингента из Боснии и Герцеговины в 2003 году. После свержения президента СРЮ С.Милошевича 5 октября 2000 г. США не стали оказывать поддержку албанцам Прешевской долины, восставшим против новых демократических властей Сербии, хотя в схожей ситуации предоставили существенную поддержку македонским албанцам, выступившим в 2001 г. с оружием в руках против властей Скопье, а американский посол К. Хилл обеспечил принятие Охридских соглашений 13 августа 2001 г., существенно расширивших права албанской общины в государстве. В 2003 г. госсекретарь США К. Пауэлл дистанцировался от вопроса о трансформации СРЮ в Содружество Сербии и Черногории, назвав его «сугубо европейской проблемой»⁹⁶⁴.

Однако в качестве контраргументов, свидетельствующих только об изменении задач американской дипломатии в регионе, а не о снижении интереса к нему как к таковому, можно привести следующие факты. Существенно снизив военное присутствие, США пропорционально усилили дипломатическое. Закрепили за собой самую крупную военную базу в Европе. Хотя все страны Балканского региона с начала 2000-х гг. выбрали

⁹⁶² Peterson J. The US and Europe in the Balkans / Peterson J., Pollack M. (ed.) Europe, America, Bush: Transatlantic Relations in the Twenty-First Century. N.Y. 2003. P. 85-98.

⁹⁶³ Daalder I. H., O'Hanlon M. E. Op. cit.

⁹⁶⁴ Киясов А. С. Указ соч. С. 146.

курс на вступление в ЕС как приоритетный, роль американской дипломатии во всех, включая Словению, в период с 2000 годов по настоящее время остается преобладающей⁹⁶⁵. В сумме это свидетельствует о том, что присутствие Вашингтона в регионе рассматривается американской администрацией в качестве долгосрочного. Вместе с тем, основная задача Соединенных Штатов с начала 2000-х годов (после смены режимов во всех республиках бывшей Югославии) заключается в погашении всех потенциальных источников нестабильности, которые могут привести к повторению ситуации 1990-х гг., в которую США были не только втянуты, но за которую также в какой-то степени вынуждены «расплачиваться». Их подвергли обвинениям сначала в промедлении, потом в несанкционированных и плохо спланированных бомбардировках, наконец, в целом, в непоследовательном и далеко не безупречном подходе к урегулированию косовского конфликта. Таких обвинений было множество. С оправданностью большинства из них не спорят даже западные аналитики. В качестве примера можно сослаться на мнение известного британского балканиста Миши Гленни. Он, в частности, пишет: «Отсутствие подготовленной акции было очевидным во время воздушной кампании. Не менее бросающимся в глаза оно стало, когда после победы Альянс не смог предотвратить действия ОАК, приведшие к практически полному исходу сербского населения из Косова в течение нескольких недель. Если наиболее мощная в мире военная машина не может обеспечить действие закона в маленькой провинции, остается только удивляться, какое будущее ждет международное сообщество в гораздо более крупном протекторате – Боснии и Герцеговине»⁹⁶⁶.

Имея в виду проведение политики пачификации региона, руководство США, вместе с тем, не собиралось придавать ей сущностный характер. Её задачи, в понимании Вашингтона, судя по всему, сводились не к массированному военно-политическому или экономическому присутствию, а к балансированию между основными региональными «национализмами». В этом контексте отход от прямой поддержки албанского национализма в Македонии в 2001 году, когда США допустили вооруженную акцию против албанских сепаратистов, а затем инициировали Охридское соглашение, свидетельствует, скорее, о воплощении стратегии «превентивных мер». Конкретно, если в случае с сербами Вашингтон поощряет албанский национализм, то в отношении Македонии и Черногории ставка была сделана на его сдерживание, при существенном расширении политического влияния албанской общины. Таким образом, вряд ли можно

⁹⁶⁵ Jović D. Američka politika... Op. cit.

⁹⁶⁶ Glenny M. Memorandum for the President. Managing Chaos – the Balkans Today //America and the Balkans: Memos to a President edited by Robert B. Zoellick and Philip D. Zelikow. W. W. Norton & Company, Inc. P. 83.

согласиться с оценками, данными патриархом американской дипломатии Генри Киссинджером в 1999 году относительно ситуации в Косово, который настаивал: «если мы будем затягивать реализацию резолюции ООН, то станем постоянными участниками... балканских споров. Было бы гораздо мудрее разрубить Гордиев узел и рассмотреть независимость Косова как часть общепалканского урегулирования, вероятно, дав возможность самоопределения и всем трем этическим группам в Боснии»⁹⁶⁷.

Увязывая утверждения Г. Киссинджера с этим самым общепалканским контекстом, необходимо подчеркнуть, что предоставление косоварам возможности получить независимость в 1999 году практически гарантированно лишало бы США, как и других международных акторов, способности балансировать региональные национализмы, в том числе и сербский, т.е. лишало влияния и подрывало эффективность контроля за эволюцией ситуации. С учетом же того, что решить этнотерриториальные вопросы на Балканах в равной степени приемлемым для всех этнических групп образом практически невозможно, в этом случае повторялась бы ситуация начала XX века, конструктивно повлиять на которую США оказалось не под силу. Кроме того, уже в 1999 году в США высказывались опасения по поводу того, что излишняя лояльность в отношении албанцев приведет к тому, что бороться придется уже не с «Великой Сербией», а с «Великой Албанией»,⁹⁶⁸ а сами США, сделавшие ставку на поощрение и помощь албанскому национальному движению с целью ускорить отстранение от власти С. Милошевича и тем самым переломить политику, нейтрализовать страны и лидеров, представляющих «основную опасность росту национализма», окажутся в сложном положении вынужденных и неизменных защитников албанцев (несколько преувеличивая, станут «заложниками» растущих албанских аппетитов). Об этом косвенно говорит и Лили Фельдман: «В результате войны многие косовские албанцы были убеждены, что США является непосредственным защитником их права на самоопределение, и это может привести к противоречиям в позициях США и ЕС по поводу окончательного статуса Косова»⁹⁶⁹.

Во многом поэтому новая администрация в Вашингтоне в 2000-е гг. предприняла серию шагов, чтобы, с одной стороны, несколько дистанцироваться от непосредственного регулярного участия в балканских процессах, а с другой – отойти от унилатерализма в

⁹⁶⁷ Kissinger H. As the Cheers Fade // Newsweek. 21.06.1999.

⁹⁶⁸ Искендеров П. Зримый призрак «Великой Албании» // Перспективы. 30.03.2010. Режим доступа: URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/balkan/zrimyj_prizrak_velikoj_albanii_2010-03-30.htm (Дата обращения 10.01.2020).

⁹⁶⁹ Feldman L. G. Cooperative differences in U.S. and EU Balkan policies: an American perspective on the political dimension // Cooperation or competition? American, European Union and German policies in the Balkans edited by Lily Gardener Feldman. German Issues 26. 2001. P. 11.

принятии стратегически важных для региона решений. А. Киясов отмечает: «На всем протяжении переговоров о судьбе Косова и после одностороннего провозглашения независимости администрация США предпринимала серьезные шаги по созданию широкой коалиции государств, готовых оказать поддержку этой инициативе. Кроме того, американской администрации удалось не допустить активизировавшегося в начале 2000-х гг. роста устремлений этнических албанцев к созданию всеалбанского государства»⁹⁷⁰. При этом большинство исследователей, как американистов, так и европейцев сходятся во мнении, что во время кризиса в Косово 1999 года союзники по НАТО выступали относительно единодушно. Зато потом, в отличие от времен холодной войны, США и ЕС стали оценивать вызовы европейской безопасности по-разному.

Эти различия нашли отражение в подспудной конкуренции между сотрудничеством в рамках НАТО и императивами самостоятельного формирования Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Так, американский советник Джон Хиллен утверждал в посланиях Президенту Д. Бушу-младшему, что «назначение генерального секретаря НАТО Хавьера Солано в 1999 году в качестве первого главы внешнеполитического ведомства ЕС можно трактовать двояко: как попытку объединить усилия ЕС и НАТО или, напротив, как стремление ЕС усилиться за счет воспроизводства функций НАТО опытными и целеустремленными лидерами»⁹⁷¹. Другим измерением различий были подход к целям, преследуемым санкциями в отношении Белграда, уже после свержения режима С. Милошевича, а также сам формат работы с регионом в рамках инициатив по стабилизации. Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы понимался и США, и ЕС как инструмент продвижения одновременно регионализма и билатерализма. При этом «американская администрация настороженно относилась к стремлению ЕС выстраивать Процесс стабилизации и ассоциации на двусторонней основе и под своим полным контролем, в то время как США отвечали... за сотрудничество в рамках всего региона. Американские чиновники опасались, что двусторонний подход подстегнет конкуренцию, а не понимание того, что только региональное сотрудничество является единственно возможным решением проблем региона»⁹⁷².

Несовпадающим оказалось и понимание предназначения санкций в отношении СРЮ. Американская администрация использовала их, в первую очередь, как инструмент консолидации сербского общества против режима С. Милошевича, т.е. пыталась

⁹⁷⁰ Киясов А. С. Указ соч. С. 179-180.

⁹⁷¹ Hillen J. Memorandum for the President. *The Transatlantic Relationship. Post-Kosovo: An American Perspective* // *America and the Balkans: Memos to a President* edited by Robert B. Zoellick and Philip D. Zelikow. W. W. Norton & Company. Inc. P. 111-112.

⁹⁷² Feldman L. G. Op. cit. P. 7.

воздействовать главным образом на общество, а не политическую элиту. ЕС же с октября 1999 года через Программы «Энергия для демократии», «Асфальт для демократии», «Школы демократии» и пр. стремился смягчить эффект санкций для сербского общества. Брюссель делал ставку на «конструктивное вовлечение». При этом он воздерживался от усиления санкций, имеющих своей целью воздействие на режим. В начале 2000 года ЕС решился приостановить запрет на авиасообщение. Вслед за этим объявил «белый лист» фирм, с которыми можно сотрудничать как не находящимися под влиянием режима. Таким образом, Брюссель де-факто начал поэтапную отмену санкций. Вашингтон, со своей стороны, отдавал предпочтение тотальному запрету на всю торговлю, за исключением медикаментов. К осени 2000 года позиции ЕС и США настолько разошлись, что, если бы С. Милошевич удержал власть, вопрос о сохранении санкций возможно, как следует из материалов, готовившихся для Конгресса, сделался бы предметом серьезных дискуссий между евроатлантическими союзниками⁹⁷³.

Конкретные императивы американской внешней политики на Балканах после провозглашения странами бывшей Югославии курса на евроинтеграцию не менялись. Они провозглашали преимущественно следующие ее задачи: обеспечение безопасности и стабильности через развитие демократических институтов; межнациональное примирение и развитие регионального сотрудничества; противодействие экстремизму и терроризму. Начиная с 2014 года, к этим традиционным элементам примкнула и задача сдерживания российского влияния в регионе⁹⁷⁴.

В плане практических действий с момента окончания военной интервенции 1990-х, американская политика в регионе не претерпевала серьезных изменений. Ядром активности США, как и в предыдущий период, оставались военно-политические инструменты, направленные на снижение конфликтного потенциала до разумных (подразумевающих необходимость опоры на США) пределов, и дипломатический ресурс, включая гуманитарное сотрудничество.

Военно-политические инструменты, используемые США в регионе, как и в предыдущий период, главным образом, строятся на сотрудничестве по линии НАТО и перевооружении местных вооруженных сил.

Дейтонские соглашения 14 декабря 1995 г. Приложение 1В (Соглашение о стабилизации в регионе), статья IV устанавливали потолок вооружений для стран бывшей

⁹⁷³ Woehrel S. Serbia and Montenegro: Political Situation and U. S. Policy. // CRS report for Congress. 2000. p. 12.

⁹⁷⁴ См., например: The Balkans: threats to peace and stability. Hearing before the subcommittee on Europe, Eurasia and emerging threats. // 115 Congress. May 2017. Serial No. 115-47.

СФРЮ, прежде всего Сербии и Черногории⁹⁷⁵. В 2002-2008 гг. армия Сербии подверглась военной реформе, в рамках которой была существенно сокращена артиллерия, бронетехника, численный состав и организационно-штатная структура ВС страны, практически ликвидирована боевая авиация⁹⁷⁶. Аналогичные процессы переживали и другие республики, в частности испытывающие проблему модернизации ВВС Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории, Албании и Македонии, чьи официальные вооруженные силы имеют символические параметры.

Присутствие США в регионе с начала 2000-х гг. обеспечивается долговременной военной инфраструктурой. Помимо базы «Кэмп-Бондстил», в интересах НАТО стали эксплуатироваться созданные еще в социалистической Югославии военные объекты. Так, в 2002 г. для нужд ВС США началась модернизация хорватского полигона «Эвген Кватерник»⁹⁷⁷. Имеющий площадь в 240 км² и разнообразный ландшафт, сформированный значительным перепадом высот (от 230 до 1000 м. над уровнем моря), он использовался для обучения подразделений НАТО и США, направлявшихся в Афганистан⁹⁷⁸. Наконец, в мобилизационном порядке в 2009 г. членами НАТО стали Албания и Хорватия, чье присоединение было осуществлено без референдума⁹⁷⁹ (в отличие от Венгрии и Словении, где референдумы состоялись).

Можно утверждать, что, совершив интервенцию в 1990-е годы, в 2000-е США сократили свое присутствие для решения утилитарных задач. При этом в начале XXI века с геостратегических позиций Балканский регион стал приобретать транзитное и тыловое значение по отношению к «горячим точкам», таким как Ближний Восток и Северная Африка. Обострение отношений Россия-Запад, начавшееся в 2014 году, привело к повышению внимания США к Центральной и Юго-Восточной Европе в военно-политическом отношении. Одним из итогов саммитов НАТО в Варшаве и Уэльсе (2016 и 2017 гг.) стало требование увеличить военные расходы стран НАТО до уровня 2% ВВП

⁹⁷⁵ Предельная численность для армии СР Югославии (Сербии и Черногории) должна была составлять максимум 75% от установленных на 1995 год показателей, при том что Сербия официально не участвовала в конфликте в Хорватии и Боснии и Герцеговине. См.: Дейтонское соглашение. Приложение 1-В. Соглашение о стабилизации в регионе // Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 3. М., 2000. С. 229–231.

⁹⁷⁶ POD OKUPACIJOM I U VLASTI NATO (EU): Kako smo „reformisali“ i upropastili vojsku. Sbin.info. 14.01.2015. // Sbin.info. Режим доступа: URL: <https://sbin.info/2015/01/14/pod-okupacijom-i-u-vlasti-nato-eu-kako-smo-reformisali-i-upropastili-vojsku/?lang=lat> (Дата обращения 20.12.2019).

⁹⁷⁷ SAD će u Slunju za pola milijuna dolara izgraditi najveći vojni polygon u Europi // Nacional. 2002. 25.02. Режим доступа: URL: <http://arhiva.nacional.hr/clanak/15560/sad-ce-u-slunju-za-pola-milijuna-dolara-izgraditi-najveci-vojni-polygon-u-europi> (Дата обращения 20.12.2019).

⁹⁷⁸ Sad ulažu u polygon u Slunju. Obris.org. 2016.01.06. Режим доступа: URL: <https://obris.org/hrvatska/sad-ulažu-u-polygon-u-slunju/> (Дата обращения 20.12.2019).

⁹⁷⁹ Predsjednik Vlade: referendum za ulazak u EU, bez referenduma za NATO. Vlada Republike Hrvatske. Режим доступа: // URL: <https://vlada.gov.hr/vijesti/predsjednik-vlade-referendum-za-ulazak-u-eu-bez-referenduma-za-nato/7920> (Дата обращения 20.12.2019).

⁹⁸⁰. В 2017 г. членом НАТО стала Черногория, на финишную прямую вышел процесс натоизации Северной Македонии. В декабре 2018 г. были легализованы Вооруженные силы «Республики Косово», которые должны составить, по официальным данным, 8 тыс. человек (5 тыс. регулярных сил и 3 тыс. в резерве)⁹⁸¹. За этим скрываются также и закупки вооружения, и ускоренная модернизация сил малых стран (так, перевооружение армии Хорватии проходит в два этапа и должно завершиться к 2020-2024 гг.)⁹⁸².

В целом, хотя тенденция к милитаризации заметна, она пока еще не меняет значительно ситуацию в регионе. Справедливости ради, стоит отметить, что увеличение численного состава армий и закупка военной техники (как новой, так и подержанной) пока являются незначительными и сталкиваются с определенными трудностями, чинимыми, в том числе Вашингтоном⁹⁸³.

Военно-политическое сотрудничество США и Балканского региона, как и в 1990-е гг., солидно подкреплено способностью эффективно использовать дипломатические и гуманитарные каналы. Образ супердержавы, реальной и заинтересованной силы, который Вашингтон проецирует на регион с конца 1990-х годов и каким он видится балканским странам изнутри, - отчасти обоснованный, а где-то дорисованный – мощный и очень эффективный инструмент «мягкой» силы, находящийся в распоряжении США. Его основные компоненты – показательная заинтересованность судьбой региона, дипломатический церемониал, заявления действующих и находящихся в отставке официальных лиц, производящих мемуары и локальные инсайды⁹⁸⁴, а также созданный в минувшие десятилетия образ мирового арбитра в региональных процессах – вне зависимости от того, насколько посредническое включение происходит на практике.

Для эффективного проецирования этого влияния необходимы релевантная информация о процессах в регионе. Соответственно, второй важнейший инструмент США (в отличие от России и даже ЕС) – это разветвленная сеть НКО, присутствие в регионе

⁹⁸⁰ Трамп потребовал от стран НАТО немедленно довести расходы на оборону до 2% ВВП. // ТАСС. 11.07.2018. Режим доступа: URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5366224> (Дата обращения 20.12.2019).

⁹⁸¹ Kosovo Parliament Votes to Create an Army, Defying Serbia and NATO// The New York Times 14 December 2018. Режим доступа: URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/14/world/europe/kosovo-army-serbia-nato.html> (Дата обращения 21.12.2019).

⁹⁸² Пивоваренко А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX-начало XXI века. М.: Институт Славяноведения. 2018. С. 360.

⁹⁸³ Основу ВВС Хорватии составляют 9 МиГ-21, модернизированных в 2014 г. Украиной. С 2016 г. Хорватия рассматривает возможности истребителей западного образца. В числе наиболее вероятного варианта рассматривалась покупка 12 истребителей F-16 Barak израильской модификации, находившихся в эксплуатации более 30 лет. Однако сделка в последний момент была заблокирована США под предлогом наличия на самолетах модернизированной электроники. 2018.

⁹⁸⁴ В качестве примера можно привести деятельность Уильяма Монтгомери, бывшего посла США в Болгарии, Хорватии и Сербии и Черногории, приобретшего недвижимость в одной из стран региона и опубликовавшего в 2010 г. мемуары, содержащие ряд ценных свидетельств о складывании политических систем этих независимых государств. См.: Montgomery W. Kad ovacije utihnu. Beograd. 2010.

спецпредставителей от власти и от экспертного сообщества, представляющих разные политические и научные спектры. Это присутствие было заложено еще через помощь демократической оппозиции в 1990-е гг. и было развито позднее, с принятием Конгрессом США Акта о поддержке демократии в Восточной Европе. На его основе была разработана программа по развитию демократии через тренинги, информирование, мониторинг, консультации и обмены. На Балканах стали активно присутствовать такие НГО, как Национальный демократический институт, Международный республиканский институт, Фонд международных исследований и обменов, Маршалл фонд, Дом свободы, Демократическая сеть и др.⁹⁸⁵ Их деятельность преимущественно координировалась через USAID. Традиционно, как и в других регионах мира, активно при их участии создавались различные региональные НГО. Только на Сербию в 2001-2017 г. на работу по развитию гражданского общества было выделено 800 млн. долл.⁹⁸⁶ Таким образом в Вашингтон поступает актуальная информация, а в информационное пространство стран региона транслируются нарративы, служащие для создания положительного информационного фона⁹⁸⁷.

Хотя с окончанием вооруженных действий в регионе и переключением приоритетов американской внешней политики на Ближний Восток, США стали уделять повестке Балканского региона существенно меньшее внимание, все равно Конгресс США на протяжении последних двадцати лет на регулярной основе обсуждает различные балканские сюжеты. Известна роль резолюций Конгресса в подталкивании Белграда к выдаче С. Милошевича Гаагскому трибуналу, увязавшим предоставление американской помощи и окончательное снятие санкций сотрудничеством с Гаагским трибуналом и прекращением тесного неофициального взаимодействия с боснийскими сербами. Сами же эксперты, входящие в круг консультантов конгрессменов, пишут: «Можно утверждать, что эти положения были основным катализатором выдачи бывшего сербского лидера Слободана Милошевича, как и многих других, Трибуналу»⁹⁸⁸. Однако, начиная с 2001

⁹⁸⁵ Feldman L. G. Op. cit.. P. 8-9

⁹⁸⁶ Serbia: Background and U.S. Relations. // Congressional Research Service Report R44955 (16.11.2018). P. 2.

⁹⁸⁷ Как пример – заявления экс-посла США в Сербии Кэмерона Мантера (2007-2009), отметившего в заявлении от августа 2018 г., что повестка отношений Сербии и США не исчерпывается «тяжелым периодом» конца 90-х – нулевых годов и ролью США в отторжении от Сербии Косово. См.: Imamo istorijsku šansu da poboljšamo odnose sa SAD: Nekadašnji američki diplomata otkriva šta Srbija treba konkretno da uradi. // Telegraf.rs. 2018.16.08. Режим доступа: URL: <https://www.telegraf.rs/vesti/politika/2983805-imamo-istorijsku-sansu-da-poboljsamo-odnose-sa-sad-nekadasnji-americki-diplomata-otkriva-sta-srbija-treba-konkretno-da-uradi-video> (Дата обращения 21.12.2019).

⁹⁸⁸ Woehrel Steven Future of the Balkans and U.S. Policy Concerns.// Congressional Research Service. March, 2009. Режим доступа: URL: https://fas.org/sgp/crs/row/RL32136.pdf?fbclid=IwAR3f6R2t_KyUOIq16ircem_mTUHZNVAUzEmEft5QIVX4NJ42Df591bv6pVI (Дата обращения 21.12.2019).

года и до настоящего времени в Конгрессе, как минимум, на ежегодной основе проводятся развернутые слушания по Косову, македонскому вопросу, Боснии и Герцеговине.

Основным предлогом обсуждения именно данных трех вопросов балканской повестки может считаться уже не раз упоминавшаяся убежденность Вашингтона в необходимости балансировать региональные национализмы. Именно непосредственное участие во внутренних процессах в Косово, Боснии и Герцеговине и Северной Македонии позволяет американской дипломатии контролировать три ключевых национализма – албанский, сербский и хорватский⁹⁸⁹. Эти же страны являются основными опорными точками в реализации американской политики этнического примирения. В соответствии с докладом Сузанны Фритц из Американского агентства по международному развитию в рамках слушаний перед подкомитетом Европы и Евразии Конгресса США, проводившихся в апреле 2015 года, «в Боснии мы осуществляем работу в школах. Ведем деятельность в 15 этнически смешанных или разделенных муниципалитетах, направленную на воспитание толерантности... В Косово основные направления иные. Мы сосредоточены на институциональной эффективности сербских общин, сформированных в соответствии с планом Ахтисаари... В Македонии полностью нацелены на работу в школах. Македонские школы практически полностью моноэтнические... мы отреставрировали более 40 школ. Эти усилия отразились на жизни более 20,000 детей»⁹⁹⁰.

В наличии данной информационной структуры и системной работы заключается очевидное преимущество Вашингтона перед Москвой, эксплуатирующей преимущественно мифы и исторические контексты в области мягкой силы. И перед Европейским союзом, который за фасадом бюрократических формулировок и нормативных установок, как показано в предыдущей главе, потерял контроль над ситуацией⁹⁹¹.

Несмотря на эффективность реализуемой США в странах бывшей Югославии политики, ее нельзя характеризовать как безупречную. Недостатки политического присутствия США, которые естественно есть, проистекают из имеющихся достоинств: несмотря на образ «политического супермена», США не могут оказать помощь всем, на кого действует магия этого образа. Так, сближение с Сербией естественно не было принято частью лидеров косовских албанцев, имеющих максималистскую национальную программу. Однако американо-сербское «потепление» дополнительно подкрепляет тезис о

⁹⁸⁹ Jović D. Američka politika...Op. cit.

⁹⁹⁰ Progress and Challenges in the Western Balkans. Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and Emerging Threats. // 114 Congress. April 29, 2015. Serial No. 114-30. pp. 34-35.

⁹⁹¹ Reljić D. There is no political progress in the region without the economic growth. // The European Western Balkans 15.02.2018. Режим доступа: URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2018/02/15/ewb-interview-reljic-no-political-progress-region-without-economic-growth/> (Дата обращения 21.12.2019).

том, что администрация США балансирует региональные «национализмы». Это значит, что в процессе модерации ситуации неизбежно будут возникать фавориты и аутсайдеры и их чередование при том, что неизвестной будет оставаться реакция на него разных региональных политических сил. До настоящего времени политика умеренного балансирования подтверждала свою эффективность, однако она проводилась в период практически безальтернативного глобального лидерства США, которое с подъемом Китая и некоторых других держав подходит к концу.

Успешная ставка на военно-стратегическое и политическое влияние позволяет Вашингтону не связывать себя необходимостью развития экономических связей с регионом, инвестиционный потенциал которого до сегодняшнего дня крайне низок. Присутствие без экономической повестки в целом редкость для США. Однако ввиду высокой геостратегической значимости региона, низкозатратности при высокой политической отдаче, а также его непосредственной связи с Европой в экономическом отношении позволяет Вашингтону свободно и без осуждения со стороны внутренней оппозиции играть на данном поле и без экономической составляющей.

По данным на 2017 г.⁹⁹² (данные показатели в целом характерны для экономического присутствия США в Юго-Восточной Европе на протяжении последних пяти лет) товарооборот Сербии с США уступал Великобритании и Турции, незначительно превосходя Украину и Японию. США серьезно уступают России и другим странам, имеющим устойчивые связи с регионом.

Таблица 2. Товарооборот Сербии с рядом стран мира в 2017 г

Страна	Экспорт (млн долл. США)	Импорт (млн долл. США)	Всего (млн долл. США)
Германия	2132	2775	4907
Италия	2237	2208	4445
Россия	995	1586	2581
Китай	62	1768	1830
Польша	422	898	1320
Турция	310	821	1131
Великобритания	316	259	575
США	258	302	560
Украина	108	249	357

⁹⁹² Статистички годишњак Републике Србије 2018. С. 305-306. // Министерство статистике Републике Србије. Режим доступа: URL: <http://www.stat.gov.rs> (Дата обращения 21.12.2019).

Япония	50	118	168
--------	----	-----	-----

Источник: Статистический ежегодник Республики Сербии за 2018 год

США пытались развивать в регионе инвестиционную активность. Так, в середине 2000-х годов были сделаны инвестиции в металлургические предприятия Сербии, однако они оказались неудачными. Среди наиболее крупных американских инвесторов в Сербии ККР, Philip Morris, Ball Packaging, Coca-Cola, PepsiCo, Cooper Tire и Van Drunen Farms. В 2013 году Майкрософт подписали контракт на поставку сербскому правительству компьютерного обеспечения, формально открыв сербский рынок американским технологическим компаниям⁹⁹³.

Заслуживающим отдельного рассмотрения вопросом является американское бизнес-присутствие в Косово, которое уже в 2008 г. вызывало обеспокоенность немецкой прессы, обращавшей внимание на установление неформальных связей между американскими военными и представителями косовских албанцев⁹⁹⁴.

Открытие новых месторождений на шельфе Кипра⁹⁹⁵ делает более жизнеспособным проект поставок американского СПГ. На разработку шельфа претендуют Exxon Mobile, ряд европейских компаний, конфликтующие по этому поводу с Турцией⁹⁹⁶. Из этого следует, что США будут жестко увязывать свои экономические инвестиции с политическими требованиями (более жестко, чем ЕС, Россия и Турция).

Позиция США в Юго-Восточной Европе, в том числе, определяется отношениями с ЕС, Китаем и Россией. Основных американских союзников в регионе традиционно определяли Турция, Греция и Италия. Для всех этих трех стран Балканы являются приграничной зоной, «требующей постоянного внимания». В этой связи американское присутствие в Юго-Восточной Европе, в том числе, «работает» и на отношения с Грецией, Италией и Турцией. Таким образом США участвуют не только в демократизации и

⁹⁹³ Serbia: Background and U.S. Relations. // Congressional Research Service. October 17, 2018. Режим доступа: URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44955/10?fbclid=IwAR3GvNFo5vf3mWdBmC3OL564kIY-of4vvqSnzF-I3ytK3M0dmrrgNI2ssP4> (Дата обращения 21.12.2019).

⁹⁹⁴ Mayr W .Confusion and Corruption in Kosovo: he Slow Birth of a Nation // Spiegel Online. 24.04.2008. Режим доступа: URL: <http://www.spiegel.de/international/world/confusion-and-corruption-in-kosovo-the-slow-birth-of-a-nation-a-549441.html> (Дата обращения 21.12.2019).

⁹⁹⁵ New Cyprus gas find seen as game changer. // Ekathimerini.com. 01.03.2019. Режим доступа: URL: <http://www.ekathimerini.com/238200/article/ekathimerini/news/new-cyprus--gas-find-seen-as-game-changer> (Дата обращения 21.12.2019).

⁹⁹⁶ Turkey conducts largest naval exercise. // Reuters. 28.02.2019. Режим доступа: URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-security-drill/turkey-conducts-largest-naval-exercise-idUSKCN1QH26M> (Дата обращения 21.12.2019).

пацификации региона, но и берут на себя часть задач и ответственности, которые стоят перед партнерам по НАТО, непосредственно граничащими с регионом⁹⁹⁷.

В этой связи новым системным фактором является нарастающая проблемность отношений США с Турцией. Еще до вступления Турции в НАТО в 1952 году, Вашингтон относил эту страну к «критически значимым союзникам». В период холодной войны военно-политическое сотрудничество с Турцией рассматривалось как важный элемент сдерживания Советского Союза. Хотя даже тогда это сотрудничество не было лишено разногласий⁹⁹⁸, противостояние «советской угрозе» служило прочным основанием, на которое опиралось стратегическое взаимодействие двух стран.

В начале 1990-х годов США поддерживали вступление Турции в ЕС, отводили Турции роль «вожатога» для тюркоязычных народов постсоветского пространства, что отвечало геополитическому видению самой Турции, пытавшейся сочетать европейскую интеграцию с ролью «неформального лидера» для сопредельных с собой территорий⁹⁹⁹. Однако в дальнейшем ситуация изменилась. Вторжение американцев в Ирак, вызвало кризис в американо-турецких отношениях и поставило ряд вопросов – в частности об использовании американцами турецкой базы Инджирлик¹⁰⁰⁰. В дальнейшем разногласия только нарастали. В ходе кризиса августа 2008 г. Турция проконсультировалась с Россией перед принятием решения о пропуске кораблей США¹⁰⁰¹. Война в Сирии, попытка госпереворота в Турции, введение взаимных торговых пошлин, отзыв посла Турции из США и Израиля, ставят новые проблемы в отношениях Анкары и Вашингтона.

Принципиальными являются разногласия между Турцией и Западом по поводу газовой добычи на кипрском шельфе¹⁰⁰². В 2018 году Турция вывела из США свой

⁹⁹⁷ Xhudo G. *Diplomacy and Crisis Management in the Balkans: A US Foreign Policy Perspective*. NY: Macmillan Press Ltd. 1996. P. 125.

⁹⁹⁸ Помимо многочисленных дипломатических демаршей по вопросу признания геноцида армян, наиболее драматичными эпизодами в отношениях двух стран на тот период можно считать знаменитое письмо президента Линдона Джонсона премьеру Исмету Инёню, направленное в 1964 году в связи с планами Турции вторгнуться на Кипр, и оружейное эмбарго США в 1974 году, когда турецкое вторжение все-таки состоялось.

⁹⁹⁹ Bilman A. *The Regional Cooperation Initiatives in Southeast Europe and the Turkish Foreign Policy. Perceptions*. // *Journal of International Affairs*. №3 (September-October 1998). P.10.

¹⁰⁰⁰ Turkey Open to U.S. Using Air Space but Not Bases. // *The New York Times*. 2003. 19.03. Режим доступа: URL: <https://www.nytimes.com/2003/03/19/international/middleeast/turkey-open-to-us-using-air-space-but-not-bases.html> (Дата обращения 21.12.2019); Cagaptay S., Parris M. *Turkey after the Iraq War: Still a U.S. Ally?* // Washington Institute, 2003. Режим доступа: URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/turkey-after-the-iraq-war-still-a-u.s.-ally> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁰¹ Ахметов Т. Базовая сборка: Турция наращивает военное присутствие на Черном море // *Известия* 18.12.2019. Режим доступа: URL: <https://iz.ru/824476/timur-akhmetov/bazovaia-sborka-turtciia-narashchivaet-voennoe-prisutstvie-na-chernom-more> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁰² Обнаружение в 2018 гг. новых месторождений газа на шельфе Кипра спровоцировало разногласия между правительством Турции с одной стороны и правительством Кипра и западными компаниями ExxonMobil и ENI. Установка газодобывающего оборудования компании ExxonMobil на спорных территориях в марте 2018 г. осуществлялась при поддержке десантного корабля ВМФ США «Иводзима»..

золотой запас¹⁰⁰³ и наложила пошлины на американские товары. В свою очередь, муссируются слухи о выводе с базы Инджирлик американского ядерного оружия и перемещения его на альтернативные локации¹⁰⁰⁴.

Таким образом, в последние два года к дипломатическим инцидентам добавились факторы фундаментального характера. Хотя и в США, и в Турции существуют силы, стремящиеся преодолеть разногласия, а Турция по-прежнему заинтересована в покупке американского вооружения, вполне возможно, что реалисты с двух сторон будут испытывать все меньше энтузиазма относительно прочного американо-турецкого партнерства в рамках НАТО.

В свою очередь, ослабление американо-турецкого партнерства мотивирует США к созданию альтернативной военной инфраструктуры. Ее центральным элементом является Румыния, на территории которой с 2011 г. размещаются элементы ПРО США. Согласно имеющейся правовой базе¹⁰⁰⁵, на территории Румынии можно разместить воинский контингент ВС США численностью 3 тыс. чел. а при необходимости увеличить его до 3,5 тыс. военнослужащих, но не более чем на 90 суток. Центральными объектами являются база ПРО Девеселу, авиабаза Михаэл Когэлничану (способная после модернизации принимать большинство типов самолетов НАТО и осуществлять широкомасштабный транзит); база ВМФ Констанца, где проводятся работы по расширению и углублению фарватеров, строительству новых причальных сооружений и складских корпусов, оборудованию пунктов приема личного состава¹⁰⁰⁶.

Важным элементом является Болгария, где существуют четыре базы США: авиабазы Безмер и Граф Игнатиево, полигон Ново Село, центр логистики Айтос (район г. Бургас). Численность американского персонала в стране, согласно договоренностям из 2006 года, составляет 2500 человек (с возможностью расширения до 5000 на срок до 90

¹⁰⁰³ Турция забрала все свое золото из ФРС США. // Vz.ru. 20.04. 2018. Режим доступа: URL: <https://vz.ru/news/2018/4/20/918807.html> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁰⁴ US moves nuclear weapons from Turkey to Romania. // Euractiv. 18.08.2016. Режим доступа: URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/us-moves-nuclear-weapons-from-turkey-to-romania/> (Дата обращения 21.12.2019); U.S. Nuclear Weapons in Turkey Raise Alarm. // Armscontrol.org. November, 2017. Режим доступа: URL: <https://www.armscontrol.org/act/2017-11/news/us-nuclear-weapons-turkey-raise-alarm> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁰⁵ Договор от 2005 г. «О размещении в Румынии военных баз США» (вступил в действие 29 июня 2006 г.); меморандум «Об американском военном присутствии на территории страны» (одобрен парламентом Румынии 2 мая 2007 г.); соглашение «О размещении системы обороны Соединенных Штатов от баллистических ракет в Румынии» (подписано представителями двух стран в Вашингтоне 13 сентября 2011 г.).

¹⁰⁰⁶ Бочаров К. Подготовка инфраструктуры Румынии к размещению воинских контингентов НАТО и США (2015) // Зарубежное военное обозрение. 2015. №10. С.19-22.

дней)¹⁰⁰⁷. Удаленность болгарско-румынской инфраструктуры от остальных европейских центров актуализирует проблему логистики. Сегодня тыловое значение для Болгарии и Румынии имеют авиабазы НАТО в Венгрии – Тасар (использовался в 1999-2003 гг., законсервирован в 2011 г.) и Папа (163 км. от Будапешта, 163 км. от Вены), имеющая возможность принимать тяжелые самолеты С-17¹⁰⁰⁸.

Вероятно, в нынешних условиях это не является достаточным, поэтому в 2018 г. США анонсировали создание пяти новых баз на Балканах. Будет создана авиабаза НАТО в центральной Албании (г. Кучова). Анонсировано создание трех военных объектов в Греции (Ларисса, Волос и Александропулис). Также планируется создание учебного авиацентра НАТО на Каламате (южный Пелопоннес)¹⁰⁰⁹.

Создание данных объектов находится еще на стадии согласования и планирования. Однако в случае успеха это значительно укрепит выдающееся вперед болгарское направление и позволит США более вольготно чувствовать себя в отношениях с Турцией. Потенциально углубление разногласий с Турцией (в случае продолжения) заставит США более активно опираться на балканский сегмент юго-восточного фланга НАТО как единственный оставшийся в их распоряжении. Это обстоятельство предопределило характер отношений с Албанией, Болгарией, Румынией и Хорватией которых можно отнести к наиболее лояльным союзникам НАТО. Но также это потребует дополнительных гарантий стабильности в сербо-черногорской части региона, которая со всеми основаниями может быть отнесена в НАТО к части «проблемных».

С точки зрения улучшения логистических возможностей НАТО, можно объяснить вступление в Альянс Черногории и Северной Македонии. Отколовшись в середине 2000-х годов от сербского пространства, политическое руководство Черногории демонстрирует значительно большую лояльность евроатлантизму и меньше связано «исторической памятью», сформированной бомбардировками НАТО. На ее территории находится крупный порт в г. Бар, являющийся единственной точкой доступа в Адриатику для Сербии. Вступление Черногории в НАТО вынуждает Сербию рассматривать альтернативные направления морского доступа в рамках кооперации с членами НАТО. Примером этого является интерес Белграда к строительству автострады в направлении

¹⁰⁰⁷ Agreement Between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Bulgaria on Defense Cooperation. 28.04.2006. P.5. Режим доступа: URL: <https://www.state.gov/documents/organization/70921.pdf>

¹⁰⁰⁸ Pápa Air Base - Main Operating Base. NATO Support and Procurement Agency// NSPA. Режим доступа: URL: <https://www.nspa.nato.int/en/organization/NAMP/papa.htm> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁰⁹ Kammenos proposes US bases in Volos, Alexandroupoli and Larissa. // Ekathimerini.com. 10.10.2018. Режим доступа: URL: <http://www.ekathimerini.com/233472/article/ekathimerini/news/kammenos-proposes-us-bases-in-volos-alexandroupoli-and-larissa> (Дата обращения 21.12.2019).

албанского порта Дуррес (через территорию Косово)¹⁰¹⁰. Несмотря на кризис в Северном Косово, продолжается строительство шоссе Ниш-Приштина, ведущее в албанском направлении. В политическом смысле это означает, что интересы повышения транзитной роли будут вынуждать Сербию к сотрудничеству с «клиентами» НАТО в регионе, что приведет к вовлечению в евроатлантические процессы самой Сербии.

Важной связующей точкой в регионе является Северная Македония. Через нее проходит транспортный Коридор X, ведущий в сторону греческих портов. Положение Македонии является важным для обеспечения болгарского направления. Этим объясняется ускоренное («мобилизационное») вовлечение страны в НАТО, организованное посредством неоднозначного референдума 30 сентября 2018 г. и смены названия страны. 1 августа 2017 г. США поддержали «Договор о дружбе между Болгарией и БЮРМ»¹⁰¹¹. Данное соглашение подразумевает создание совместных логистических и инфраструктурных цепочек (София-Скопье), что увеличивает влияние Болгарии в Северной Македонии. Другие положения договора подразумевают «шефство» Софии над Скопье в области евроинтеграции, что создает предпосылки для политического манипулирования и контроля. То же самое можно констатировать в отношении Преспанского соглашения («Договор о названии» 12 июня 2018 г.) между Македонией и Грецией, а также комплекса уступок албанскому сообществу внутри Северной Македонии, известному как «Тиранская платформа». Таким образом, создается система неформального «шефства». Однако оно осуществляется не в формате делегирования полномочий одному игроку над всеми остальными (США-Турция согласно проектам начала 2000-х), а в формате «долевого распределения» между активными участниками регионального процесса (Албания, Болгария и Греция по отношению к Македонии).

Таким образом, на современной этапе интересной особенностью военно-политического присутствия США является перемещение на Балканы инфраструктуры НАТО, ускоряющееся по мере нарастания противоречий с Россией, а также с Турцией. В формируемой региональной структуре передовое значение имеют Болгария и Румыния, а также Греция. Западные Балканы же имеют тыловое значение. Соображения логистики и тыловой безопасности вынуждают США обратить особое внимание на Сербию, Боснию и

¹⁰¹⁰ Durrës will be the closest port to Serbia, Vucic says. // Balkaneu.com. 14.10.2016. Режим доступа: URL: <https://balkaneu.com/durres-closest-port-serbia-vucic/> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰¹¹ Bulgaria and Macedonia Sign Treaty of Friendship. // State.gov. 01.08.2017. Режим доступа: URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/08/272975.htm> (Дата обращения 21.12.2019).

Герцеговину, Черногорию и Македонию, где начался процесс натоизации, поводом к которому стал кризис в отношениях между США и Турцией, США и Россией.

Еще одной существенной составляющей современной политики США на Балканах является борьба с терроризмом. Применительно к Балканскому региону она также хорошо ложится на вопрос взаимодействия с этносами. Отношения с Турцией в рамках НАТО, какими бы они ни были, роль арбитра в албанском вопросе, а также непосредственно участие в вопросе существования и реформирования Боснии и Герцеговине дают Вашингтону инструменты непосредственного влияния на все европейские государства со значительной долей автохтонного мусульманского населения: Турцию, Албанию, Боснию и Герцеговину, а также Северную Македонию и Косово. Основными инструментами США являются вышеупомянутые военно-политические ресурсы, и то сотрудничество по направлению, которое осуществляется в двустороннем режиме. Через Инициативу по сотрудничеству в Юго-Восточной Европе американская дипломатия организует региональное взаимодействие. Кроме того, Стивен Воруел считает, что одним из важных активов «является хорошая репутация США среди мусульманского населения региона»¹⁰¹². Вместе с тем, ползучая радикализация Балкан привела к тому, что регион стал «донором» террористических элементов в странах Ближнего Востока. Боснийский след в террористических атаках 11 сентября 2001 года вызвал озабоченность как Конгресса, так и президента Дж. Буша-младшего. Сотни выходцев из этого региона начали пополнять ряды террористических групп, включая ИГИЛ (запрещена в России), как минимум с 2012 г. Совет Национальной Безопасности США (СНБ) традиционно относит Балканы к «дуге нестабильности» (arc of instability)¹⁰¹³ – массивному пространству нестабильности от Африки к югу от Сахары до Ближнего Востока, Кавказа и Центральной и Южной Азии.

В этих условиях в Вашингтоне постепенно начинает вызревать тревога как относительно стабильности самого региона, так и перспектив присутствия США на Балканах. Во-первых, с приходом администрации Д. Трампа в силу объективных и субъективных причин часть американского истеблишмента начала испытывать опасения за эрозию восприятия США как мирового лидера и гаранта безопасности Европы.

Кроме того, подобная тревога скрывает страх объективной утраты этого пространства – геополитически, экономически, идеологически – в пользу как главных

¹⁰¹² Woehrel Steven Future of the Balkans and U.S. Policy Concerns. // Congressional Research Service. March, 2009. Режим доступа: https://fas.org/sgp/crs/row/RL32136.pdf?fbclid=IwAR3f6R2t_KyUOIq16ircem_mTUHZNVaUzEmEft5QIVX4NJ42Df591bv6pvI (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰¹³ Global Trends 2025: A Transformed World. // National Intelligence Council, 2008. Режим доступа: URL: https://www.files.ethz.ch/isn/94769/2008_11_Global_Trends_2025.pdf (Дата обращения 21.12.2019).

противников Америки (России и Китая), так и номинальных партнеров (Турции и Саудовской Аравии)¹⁰¹⁴. Каждая из этих стран обладает определенным набором сильных сторон, посредством которых, предположительно, может составить американским интересам серьезную конкуренцию или даже нести им угрозу.

В этой логике повышенное внимание в последние годы уделяется России. В докладе международного центра Карнеги Пол Стронски утверждает: «Эта неспособность (имеется в виду США и ЕС в 2010-е гг. – *прим. мое, Е. Г. Энтиной*) сформулировать четкие и содержательный подход к региону создал нишу для российского проникновения в регион»¹⁰¹⁵.

Очевидно, что доминирующими парадигмами оценки связанных с ней угроз являются геополитическая и кибер-информационная. Москва видится – здесь администрация Д. Трампа и «истеблишмент» единодушны – как наиболее дееспособный игрок на поле «пропаганды и распространения мягкой силы» и как главный «спойлер» политики интеграции стран региона в евроатлантические структуры. Показательным в этом смысле была «кампания противодействия российскому вмешательству» в Черногории,¹⁰¹⁶ а наибольшую тревогу вызывает военно-техническое сотрудничество России с Сербией.

«Российский фактор» представляется наиболее опасным не только ввиду объективных характеристик влияния Москвы в регионе – в России, в США, и Европе немало тех, кто считает, что у России нет ни сколько-нибудь значимых интересов в регионе, ни приписываемых ей способностей влиять на обстановку на Балканах. Однако после событий 2014 г. на Украине и 2016 г. в США – Россия стала еще и удобным инструментом «принуждения к альянсам», вдохнула новую жизнь в идеологически выдыхающиеся к тому моменту идеи экстенсивного расширения евроатлантического пространства. К тому же, глядя на успех российской военной операции в Сирии и патовую ситуацию на востоке Украины, американские военные стремятся реализовать системы блокирования доступа (A2/AD) российским силам в регионах, где может иметь место

¹⁰¹⁴ Shpend Krasniqi, Balkans in the era of ‘America First’ // Foreign Policy News. February 22, 2018. Режим доступа: URL: <http://foreignpolicynews.org/2018/02/22/balkans-era-america-first/> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰¹⁵ Stronski Paul and Annie Himes Russia’s Game in the Balkansю January 2019 //Carnegie Endowment for International Peace. Режим доступа: URL: https://carnegieendowment.org/files/Stronski_Himes_Balkans_formatted.pdf?fbclid=IwAR1GCH8YhgqYQCAzWJfX0QDNtdFm_sf3L2NIUSX2eiArBDbio7BPk894Rи (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰¹⁶ Bajrović R., Garčević V.& Kraemer R. Hanging by a Thread: Russia’s Strategy of Destabilization in Montenegro // Foreign Policy Research Institute. 2018. Режим доступа: URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/07/kraemer-rfp5.pdf> (Дата обращения 21.12.2019).

столкновения интересов двух держав. В этой связи. [военное] присутствие на Балканах видится необходимым хотя бы по этой причине¹⁰¹⁷.

Угроза со стороны китайского влияния рассматривается в финансово-экономическом ключе. Американцы пристально следят за уровнем участия балканских стран в инициативе «Пояса и Пути» и китайскими инвестициями в регион как за шагом к созданию инфраструктуры продвижения китайских товаров на европейский рынок¹⁰¹⁸.

Наибольшую тревогу на текущем этапе вызывают китайские вложения в греческий порт Пирей и инвестиции в транспортную систему Сербии и Черногории¹⁰¹⁹. Для опосредованного сдерживания роста китайского присутствия США поощряют региональные культурно-экономические инициативы Японии: в структуре МИД этой страны сформирована должность спецпредставителя по Западным Балканам, Токио продвигает «Инициативу по сотрудничеству Западных Балкан». Инвестирует в энергетический, фармацевтический, сельскохозяйственный секторы Сербии и IT-индустрию страны¹⁰²⁰.

Отношение к наращиванию влияния двух других игроков, претендующих на лидерство в исламском мире, – Турции и Саудовской Аравии – осторожное. Турция активно лоббирует вступление в НАТО Боснии и Герцеговины, однако у Вашингтона нет иллюзий относительно собственных исторических амбиций Анкары в этом регионе. Нет иллюзий и относительно каналов влияния саудитов на мусульманские общины, стремлении дома Саудов к продвижению специфических интерпретаций ислама с целью укрепить собственное моральное и идеологическое влияние на Балканах. Более того, начиная с войны в Боснии и на протяжении 1990-х гг., как официальный Вашингтон, так и многочисленные американские неправительственные организации прямо и косвенно содействовали тому, что в регионе виделось как укрепление «про-мусульманской» и

¹⁰¹⁷ Подробно об этом: What Is A2/AD and Why Does It Matter to the United States? // Charles Koch Institute. Режим доступа: URL: <https://www.charleskochinstitute.org/blog/what-is-a2ad-and-why-does-it-matter-to-the-united-states/> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰¹⁸ MacDonald S. Why China and Russia are Vying for Influence Over the Balkans. // The National Interest. 07.02.2019. Режим доступа: URL: <https://nationalinterest.org/feature/why-china-and-russia-are-ying-influence-over-balkans-43852> (Дата обращения 21.12.2019).

Krastev I. Europe is facing a potential crisis in the Balkans. It has to act soon. // The Guardian. 21.02.2018. Режим доступа: URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/21/europe-crisis-balkans-eu-membership-russia-china-turkey> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰¹⁹ Bastian J. The potential for growth through Chinese infrastructure investments in Central and South-Eastern Europe along the “Balkan Silk Road” // European Bank for Reconstruction and Development, Athens/London. 2017.

¹⁰²⁰ Gledic J., Japan’s Western Balkans Cooperation Initiative: A wise way to wage ‘war’. // Japan Today. Feb. 2, 2018. Режим доступа: URL: <https://japantoday.com/category/features/opinions/japan%E2%80%99s-western-balkans-cooperation-initiative-a-wise-way-to-wage-war> (Дата обращения 23.12.2019).

подавление «про-сербской» (православной) повестки, где спонсорами и исполнителями отдельных инициатив были, среди прочих, представители Турции и КСА¹⁰²¹.

Главным средством решения данных вопросов на сегодняшний день является ускоренная интеграция в евроатлантические структуры, сопровождающаяся форсированными политическими переменами внутри стран-объектов (Северная Македония) или, наоборот, отсутствием оных (Черногория). Отметим утилитарность и изменчивость данных подходов. Несмотря на смену власти в Македонии и бегство из страны премьера Н. Груевского, вряд ли стоит ожидать исключения из политики и разгрома ставшей оппозиционной партии ВМРО. Звучат рекомендации «не переключиваться» в Зорана Заева¹⁰²². Напротив, масштабные протесты 2019 г. в Черногории указывают на то, что перемены в руководстве этой страны, спустя 28 лет с начала распада Югославии, могут все-таки случиться. Центральным вопросом ближайшего времени становятся действия США по внутриполитической трансформации в Сербии и Боснии и Герцеговине и их евроатлантической интеграции.

Другим направлением двухсторонних отношений может стать поддержка военных и полицейских сил стран региона для борьбы с актуальными вызовами – нелегальной миграцией, организованной преступностью и контрабандой, терроризмом. В 2016 г. Госдепартамент США в рамках Программы по экспортному контролю и пограничной безопасности оказали помощь пограничным и таможенным службам Сербии¹⁰²³. Поставка снаряжения и организация тренинговых программ является выгодным во многих отношениях шагом. На данные программы существует запрос в других странах региона (Хорватия, Словения, Македония, Черногория). Также это позволяет активировать взаимосвязи в рамках НАТО и двухстороннего партнерства.

Несомненно, в данной картине интересам США не противоречит членство стран бывшей Югославии в ЕС, а также других евроатлантических структурах, так как это позволяет решить сразу несколько тактических задач одновременно. Однако Балканы, несомненно, важны как зона демонстрации превосходства США в Европе перед ЕС. Практическим выражением данного превосходства является функциональность предлагаемых политических решений, обусловленная менее нормативной и более прагматичной политикой. В отличие от ЕС, США менее заинтересованы в практически созидательной в долгосрочном отношении политике, так как этот регион является источником угроз для европейского, а не американского «подбрюшья». Кроме того, при

¹⁰²¹ Подробно см.: Shaul Shay, *Islamic Terror and the Balkans*. 1st Edition. NY: Routledge. 2017. 231 p.

¹⁰²² Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. *Balkans Forward: A New US Strategy for the Region*. // Atlantic Council. 2017. P. 19.

¹⁰²³ Serbia: Background and U.S. Relations. Congressional Research Service Report R44955 (16.11.2018). P.5.

общей солидарности евроатлантической и евроинтеграционной линий, политика Вашингтона по отношению к странам бывшей Югославии многослойна. Военно-политическое сотрудничество – одно из направлений и форматов реализации американской стратегии балансирования региональных национализмов. Изначальные опасения отдельных кругов в США относительно превосходства двустороннего подхода в выстраивании отношений со странами региона, взятого на вооружения ЕС, не оправдались. Региональный формат, которого придерживается в целом политика США, дает Вашингтону большую свободу маневра в сравнении с ЕС, который за фасадом евроинтеграции утратил способность к решению этнополитических противоречий региона. В этом отношении привилегированный статус имеет США. Это позволяет не только сравнительно легко сохранять влияние в самом Балканском регионе, так и не давать возможности ЕС действовать полностью самостоятельно.

Таким образом, политика США по отношению к странам региона претерпела за последние тридцать лет существенные изменения, пройдя путь от реактивных действий, спровоцированных распадам СФРЮ, до запуска стратегии превентивных мер, направленных на контроль и балансирование региональных национализмов, которая отчетливо проявилась в кризисе вокруг Косова 1999 года.

Данная политика многогранна и имеет ряд инструментов реализации на практике. Во-первых, она направлена на контроль трех основных территорий с наиболее выраженными этническими проблемами: Боснии и Герцеговины, Косова (в формате отношений Белград-Приштина), Северной Македонии - Албании. Эта политика была сформулирована в результате осознания Вашингтоном в начале XX века основной проблемы Балкан «как непримиримых национализмов, замкнутых в узком географическом пространстве». Влияние в обозначенных областях дает возможность США не только сохранять и использовать на практике присутствие в регионе, но и контролировать основные мусульманские нации в Европе, а также более тесно привязывать к себе партнеров по НАТО, непосредственно граничащих с Балканами и заинтересованных в их безопасности и стабильности. Во-вторых, подобная политика позволяет не допускать чрезмерной самостоятельности ЕС и его отдельных стран-членов, поскольку на практике в силу отсутствия прямых национальных интересов и ставки на минимально допустимый межэтнический баланс только США могут позволить менять приоритеты и партнеров в регионе.

Присутствие США основывается на политическом, силовом и конъюнктурном влиянии. Это отличает США от Евросоюза, но формирует между ними симбиоз, который действует с момента провозглашения для региона евроатлантической перспективы в

начале 2000-х. Сегодня он не исчерпан, однако в связи с вышеперечисленными основаниями возникает вопрос о пределах его действия в ближайшем и среднем будущем.

Современные действия США в регионе можно определить как ребалансировку позиций и перемещение инфраструктуры НАТО. Это необходимо как для создания как инструментов давления на Западную Европу и консолидации юго-восточного фланга, так и формирования альтернативы Турции и до некоторой степени ограничения Китая. В целом это отвечает и интересам Европейского союза, однако на практике смещает процесс системной интеграции в западную парадигму в сторону исключительно евроатлантического сотрудничества. С учетом пробуксовки европейской интеграции данный процесс работает исключительно на усиление США в Юго-Восточной Европе, снижая авторитет и реальное влияние Европейского союза.

Глава 5.2. Российский фактор на Балканах в контексте политики ЕС

История присутствия России на Балканах¹⁰²⁴ насчитывает уже не одно столетие. В XV-XVI веках отношения складывались в основном на основе религиозного единства: Россию воспринимали в контексте концепции «Москва – третий Рим» и абсолютной доминантой были православные миссии, поддержка единоверцев, а с конца XVIII – привлечение балканских христиан к борьбе против турок в ходе русско-турецких войн. Впервые официально право покровительства над православным населением Османской империи было закреплено за Россией по Кучюк-Кайнарджийскому миру 1774 г. С XIX века можно говорить о формировании межгосударственных отношений, в первую очередь, с Сербией. Россия сыграла огромную роль в обретении Сербией статуса автономного княжества (1830 г.), а затем и полноценного суверенитета в 1878 г. Неоднократно (в 1804-1813 гг., 1815 г., 1878 г., в период Первой мировой войны и, наконец, в результате победы, одержанной советским народом во Второй мировой войне) Россия выступала в роли внешней силы, спасающей сербский народ от геноцида и содействовавшей возрождению сербской государственности. Это, конечно же, способствовало формированию в сербском национальном сознании образа России как вечного союзника и спасителя, причем, союзника, ответственного за судьбу сербского народа. События, происходящие на Балканском полуострове, исторически привлекали самое пристальное внимание россиян, и до сих пор являются важным элементом восприятия внешнеполитической активности своего собственного государства.

Параллельно с этим, «на Западе традиционно бытовало мнение, что интересы России в регионе не что иное как «зов крови» в соответствии с парадигмой С. Хантингтона. Не отрицая важность этно-религиозного фактора в обосновании внешней политики государства, сложно говорить о том, что он может формировать национальный интерес»¹⁰²⁵.

Так, на протяжении всей своей истории российско-сербские и в целом российско-балканские отношения на государственном и международном уровне никогда не были

¹⁰²⁴ Хронология история взята по настоящей статье автора: см. Entina (Volkova) E. From The Dissolution To The Modernization: On Contemporary Russian-Serbian Relations. The History of The 20th Century. // Belgrade, Institute of Contemporary History. 2012. №2. P. 197-221. Для более подробного освещения вопроса см., например: Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. 400С.; Виноградов В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах: 1683–1914 = The Double-headed Russian Eagle in the Balkans: 1683–1914. М.: «Индрик». 2010. 480 С.; Данченко С. И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М.: ИСБ РАН. 1996. 422 С.

¹⁰²⁵ Alexandrova – Arbatova N. European Union, Russia and the Balkan region. // European Union – Russia – Balkan situation. Moscow: Interdialect+. 2000. P. 45-46.

последовательно союзническими. Более того, их политическую составляющую практически всегда отличала высокая доля обоюдного прагматизма.

В XIX веке Россия постоянно вынуждена была выстраивать свою балканскую политику как в условиях политической изоляции (первая четверть XIX в., период 1856–1878 гг.), так и с учетом реальной расстановки сил в Венском «концерте» великих держав. То же самое можно сказать и о поведении формирующейся балканской политической элиты, которая действовала довольно цинично, постоянно лавируя между Стамбулом, Веной и Петербургом, периодически включая в игру Париж и Лондон.

Сербское княжество в период 1878 – 1903 гг., так же как другие балканские государства, получившие независимость в результате победы русского оружия в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., оказалось перед сложным выбором между реализацией национальной программы (того или иного варианта «великосербской» идеи) и проблемой догоняющей модернизации. Выбор был сделан в пользу прагматичного развития, формирования основ национальной промышленности, развития инфраструктуры, привлечения иностранных инвестиций и бурного становления демократических институтов, ориентирующихся на Вену, Берлин и Париж.

Переворот 1903 г. положил начало новому сближению Сербии с Россией. Однако поворот во внешнеполитической ориентации Сербии был во многом результатом не только и не столько «русофильства» династии Карагеоргиевичей и руководства Сербской радикальной партии Н. Пашича, сколько, как показали Боснийский кризис 1908 г. и Первая и Вторая балканские войны (1912 – 1913 гг.), общим дискурсом формирования двух военно-политических группировок. Именно существование Тройственного союза и Антанты, а также «балканская калькуляция» Германии, которая надеялась на раскол Антанты, если повод к войне возникнет на Балканах, стали причиной исторического выбора России¹⁰²⁶. «Замысел российской дипломатии, равно как и дипломатии других держав Антанты – Франции и Великобритании, заключался в создании преграды австро-германскому проникновению на Балканы»¹⁰²⁷. Переплетение этих противоречий и привело к превращению Балкан в «пороховой погреб Европы».

В период между Первой и Второй мировыми войнами балканские страны и Россия претерпели не только внутренние трансформации, но и оказались по разные стороны исторического водораздела в идейно-политическом расколе мира. Политика СССР в отношении королевской Югославии (до 1929 г. – Королевства СХС) во многом исходила

¹⁰²⁶ Волков В.К. Сербия – 200 лет борьбы // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804 – 1813 гг. / отв. ред. В.К. Волков. СПб.: Алетейя. 2005. С. 11-12.

¹⁰²⁷ Волков В. К. Балканы в системе геополитических интересов России // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Индик. 2000. С. 316.

из коминтерновского определения Югославии как «нежизнеспособного порождения Версальской системы» и была направлена на её развал. Подобная позиция предопределила отсутствие дипломатических отношений вплоть до лета 1940 г., а фактически – до краха страны в «апрельской войне» и установления «союзных» отношений с эмигрантским правительством в июле 1941 г. В отечественной научной литературе существует довольно резкая оценка политики Москвы. «В разные годы соотношение между идеологией и геополитикой во внешнеполитических концепциях СССР было различным, но на протяжении всего XX века южные славяне, их национальные движения, королевская и «титовская» Югославия рассматривались в Зимнем дворце и в Кремле лишь как объект российской и советской политики»¹⁰²⁸.

Крах Королевства Югославии и ее расчленение фашистскими оккупантами в годы Второй мировой войны ввергли страну в кровавую драму гражданской войны, сопровождавшейся актами массового геноцида против, преимущественно, сербского населения. Победа СССР и союзников по антигитлеровской коалиции привели к освобождению страны силами партизанского сопротивления, руководимого коммунистами. СССР в то время сыграл решающую роль в создании новой, федеративной Югославии и ее международном признании¹⁰²⁹.

Тесные союзные отношения между странами были нарушены советско-югославским конфликтом 1948-1953 гг., а последовавшая в 1955-1956 гг. их нормализация не смогла снять взаимное недоверие и эпизодические кризисы в отношениях между правящими режимами. В то же время 60-70 гг. XX в. являли собой пример торжества прагматизма в двухсторонних отношениях. Несмотря на идейно-политические разногласия и взаимное неприятие советской и югославской «моделей» социализма, между странами активно развивались торгово-экономические отношения и культурное сотрудничество.

Помимо этого, почти полвека весомая доля ответственности за стабильность в этом регионе лежала на СССР. Это был самый длительный мирный период за всю историю Балкан¹⁰³⁰. «Что касается Советского Союза, то именно тогда его государственные интересы были обеспечены в наибольшей степени. Балканы не могли быть использованы как плацдарм для нападения на СССР; режим черноморских проливов строго соблюдался, закрывая проход в акваторию Черного моря военных кораблей нечерноморских стран и в

¹⁰²⁸ Романенко С. Между «пролетарским национализмом» и «славянским братством». М.: Новое литературное обозрение. 2011. С. 808.

¹⁰²⁹ См.: Отношения России (СССР) с Югославией. 1941-1945 гг.: Документы и материалы. М. ТЕРРА – Книжный клуб. 1998.

¹⁰³⁰ См. подробнее: Сербия о себе: Сборник/ сост. М. Йованович. М.: Европа. 2005.

то же время предоставляя выход в Средиземное море советским военным кораблям. Фактически Балканы оказались поделенными на сферы влияния между двумя военно-политическими блоками, каждый из которых имел здесь достаточно прочную опору»¹⁰³¹.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы распада СССР и СФРЮ совпали не только по времени, но и были похожи структурно. «При создании СФРЮ, безусловно, был использован опыт национально-государственного устройства нашей страны... Немало общего в том, что касалось роли России и Сербии в федеративном государстве... Схожесть в сочетании славянского и мусульманского элементов... Границы между республиками, установленные в СФРЮ, как и в СССР, не имели того значения, которое они приобрели, когда встал вопрос о полной независимости республик... В общем, если оставить в стороне масштабы, то, пожалуй, в мире не было более схожих между собой стран, чем СССР и СФРЮ»¹⁰³².

Этот факт позволяет говорить о том, что Югославия была по ключевым параметрам своего устройства моделью СССР в миниатюре¹⁰³³. Совпадение процессов распада двух федераций привело к появлению как в российском, так и в сербском политическом дискурсе (а часто – и экспертном) парадигмы о том, что на югославском примере международное сообщество апробировало механизмы разрушения СССР, и даже, что в сухом остатке вся антисербская политика имеет в своей основе политику антироссийскую. На политическом уровне в России и Сербии это запустило многочисленные дискуссии об общности судьбы, которая теперь проявляется не только в славянстве и православии, но и в намеренной политике Запада по ослаблению обеих стран как наиболее последовательно дающих устойчивый отпор навязыванию внешних идей и идеологий (исторически – фашизации, на современном этапе - натоизации)¹⁰³⁴.

Сергей Романенко считает, что и в том, что касается процесса распада и СФРЮ, и СССР, Москва и Белград на деле продемонстрировали известную прагматичность. Сербские политики и военные внимательно следили за событиями в советской столице и, практически не скрывая этого, «искали поддержку США, которые во имя стабильности на Балканах до последнего поддерживали целостность СФРЮ... В известном смысле это была ставка на провокацию в отношениях СССР и США, что также имело исторический аналог: перед Первой мировой войной Сербия точно так же вела рискованную игру в

¹⁰³¹ Волков В. К. Балканы в системе геополитических.... С. 318.

¹⁰³² Романенко С. Указ соч. С. 757.

¹⁰³³ Что, вместе с тем, не означало содержательно одинакового процесса их распада. Об этом см. подробнее: Волкова Е. Г., Кирьяков С. Типология распада СССР и СФРЮ // Международная конференция «Судьба России: вектор перемен», 10-13 июня 2007 г. Екатеринбург Президентский центр Б. Н. Ельцина. 2007. С. 179-194.

¹⁰³⁴ По данному вопросу см., например: Никифоров К. В. Четыре аспекта восточноевропейской трансформации. В: Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. С. 10-25.

отношениях с Австро-Венгрией, прекрасно осознавая возможность столкновения ее с Россией»¹⁰³⁵. В Москве, как цитирует С. Романенко российского социолога Л. Б. Косову, Балканы впервые оказались в центре внимания российской публики в 1991 году. «В то время массовые симпатии сопутствовали в большей степени «сепаратистам», а не центру, пытавшемуся решить (точнее, подавить) проблемы самоопределения силой. Январские события в Вильнюсе, отозвавшиеся многотысячными демонстрациями в Москве, создали устойчивый стереотип неприятия подобных методов действия в целях сохранения территориальной целостности. Этот стереотип переносился и на балканские события: только 8% опрошенных одобряли использование силы для предотвращения выхода Словении и Хорватии из состава Югославии, 35% были против этого»¹⁰³⁶. Что касается политических элит, то М. С. Горбачев видел причины развала Югославии исключительно во внутренних деформациях югославского государства¹⁰³⁷. При этом «возможно, самым зловещим фактором, с точки зрения М. Горбачева, было то, что насильственный и неубедительный для него поворот в балканских событиях произошел как раз в тот момент, когда он начинал решающий этап в переговорах по «союзному договору» между советскими центральными властями и различными советскими республиками, чтобы оживить советский федерализм и сохранить СССР»¹⁰³⁸. Неудивительно, что первоначальная позиция М. Горбачева в отношении нарастающего кризиса в Югославии была жестко профедеративной. Однако советские прибалтийские республики очень быстро установили прямые связи со стремящимися к отделению в Югославии Словенией и Хорватией. Так, в июле 1991 года Литва признала независимость Словении, а вслед за ней Грузия – Словении и Хорватии. Это естественным образом подталкивало силовые и консервативные круги в СССР к мысли о необходимости подавить сепаратизм в СССР силой, что в результате вынудило М. Горбачева занять крайне амбивалентную позицию по Югославии: с одной стороны, он поддерживал единство федерации, с другой – осуждал действия уже фактически преимущественно сербской ЮНА в Хорватии. Позиция же лидера РСФСР Б. Н. Ельцина, еще в начале лета 1991 года выступавшего за сохранение югославской федерации, тоже трансформировалась: под воздействием политического самоопределения РСФСР в рамках СССР и решения Б. Н. Ельцина сразу же признать право на самоопределение прибалтийских республик, изменилась и его позиция в отношении целесообразности сохранения целостности СФРЮ. По мнению Леонарда

¹⁰³⁵ Романенко С. Между «пролетарским национализмом» и «славянским братством». М. 2011. С. 786

¹⁰³⁶ Цит. по: Романенко С. Между «пролетарским национализмом» и «славянским братством». М. 2011 С. 779-780

¹⁰³⁷ Горбачев М. С. Декабрь – 91. С. 44-45.

¹⁰³⁸ Cohen Lenard J. Russia and the Balkans: Pan-Slavism, Partnership and Power // International Journal. Vol. 49. No. 4. Russia's Foreign Policy (Autumn, 1994), pp. 814-845.

Коэна, руководство РСФСР уже осенью 1991 года считало, что сохранить югославскую федерацию не удастся¹⁰³⁹. Комплексом этих и многих других причин была обусловлена политика Москвы по отношению к югославским событиям вплоть до 1994 г.

С одной стороны, российское руководство рассчитывало сохранить за посткоммунистической Россией статус мировой державы, которым до этого обладал Советский Союз. Однако, с другой, его правопреемница оказалось неспособной предотвратить подъем националистических настроений в регионе и выступить в качестве внешней силы, содействующей урегулированию региональных конфликтов. Причин было несколько.

Во-первых, по объективным основаниям позиции России на Балканах не могли никоим образом быть сопоставлены с потенциалом Российской империи или СССР. Во-вторых, в результате изменения границ после распада СССР Россия оказалась отдаленной на сотни километров от Балкан. В-третьих, российские руководители допустили существенные субъективные ошибки. По мнению того же С. Романенко, сказалось унаследованное от советских времен отношение к странам и народам Юго-Восточной Европы: российское политическое сознание сопротивлялось признанию их самоценности, а в Балканах видело арену соперничества с Западом или, в лучшем случае, своеобразную буферную зону¹⁰⁴⁰.

По этой причине в 90-е гг. XX века Москва старалась решать большую часть проблем не напрямую с балканскими государствами, а посредством переговоров с ведущими державами-конкурентами – США, Соединенным Королевством, Германией и Францией. Этот подход неизбежно влек за собой тактические и стратегические просчеты как в отношении собственно югославского конфликта, так и в формате выстраивания российско-европейских и российско-американских отношений. Российскому президенту Б. Ельцину же, как считается, было что припомнить С. Милошевичу лично. «Милошевич совершил ошибку в 1991 году, когда попытался установить тесные отношения с министром обороны СССР Язовым, который впоследствии участвовал в попытке антигорбачевского переворота. Милошевич поддержал эту попытку, а Ельцин ему этого не простил»¹⁰⁴¹, - пишет Марти Ахтисаари.

Кроме того, серьезное влияние на формирование европейского и, в частности, балканского направления российского внешней политики после распада СССР оказали

¹⁰³⁹ Cohen L. J. Russia and the Balkans: Pan-Slavism, Partnership and Power // International Journal. 1994.N49(4). pp. 814-845.

¹⁰⁴⁰ См.: Романенко С., Улуян А. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла. Т.6. М.: Pro et Contra. 2001. №4.

¹⁰⁴¹ Ahtisaari M. Beogrđaske zadaće. Kako je sloman Milošević. Zagreb, 2002. Str.7.

итоги холодной войны и их принципиально разное восприятие сторонами. Окончание холодной войны и вера в «джентельменскую договоренность» о нерасширении НАТО, достигнутую на Мальте М. С. Горбачевым, желание вернуться в западную культурно-философскую и цивилизационную общность, частью которой Россия исторически себя считала и де-факто являлась), формировали позицию России по югославскому кризису. Данные установки привели к тому, что из арсенала были исключены традиционные советские инструменты - политико-идеологическое давление и проекция военной силы.

Следует подчеркнуть функциональное различие между этими двумя компонентами. Если политическое влияние, осуществлявшееся посредством разветвленной партийной структуры коммунистических партий, было объективно невозможно из-за прихода к власти в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы антикоммунистически настроенных политиков, то в плане силового влияния Россия сохраняла определенные возможности (даже несмотря на вывод западной группы войск из ФРГ в первой половине 1990-х гг.).

Доказательством наличия таких возможностей стал марш-бросок российского миротворческого корпуса на Приштину в июне 1999 г., факт которого на тактическом уровне можно трактовать как попытку получить собственный сектор в находившейся в то время в стадии разработки миротворческой миссии в Косово. Тем самым, Россия могла бы получить то, чего не имела в Хорватии и Боснии и Герцеговине, где де-юре и де-факто российские миротворцы подчинялись командованию НАТО. Однако в дальнейшем российское миротворческое присутствие не получило своего развития и в 2003 г. было свернуто. Это стало результатом как недостатка технических возможностей по обеспечению контингента, так и тем, что в начале 2000-х гг. (как и в начале 1990-х), руководство России во главе с В. Путиным избрало курс на сотрудничество с США.

Политика России на Балканах в 1990-е годы в массе своей характеризуется российскими исследователями как слабая, непоследовательная и предательская по отношению к сербам, которые считались главным столпом российского влияния на Балканах. Так, директор Института славяноведения РАН К. В. Никифоров пишет в своей монографии «Сербия на Балканах. XX век», что «должного понимания сути происходящего на Балканах в России в начале 1990-х гг. не было. И уже в силу этого балканская политика России не могла быть адекватной. Югославский кризис, так сильно повлиявший на развитие современных международных отношений...поначалу казался российским властям лишь досадной помехой на пути в «цивилизованный мир». Поэтому Россия и признала в числе первых, до достижения каких-либо внутриюгославских

договоренностей, независимость Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины»¹⁰⁴². В период с апреля по декабрь 1992 г. Советом Безопасности ООН было принято 16 резолюций по боснийскому кризису, а его председатели сделали 11 заявлений, которые так или иначе ущемляли интересы сербской стороны¹⁰⁴³. Впоследствии эти тоги привели к присоединению к резолюции 757 СБ ООН. Министр иностранных дел РФ А. Козырев исходил из тезиса, что «ни панславянская, ни православная идеи... не могут быть основой курса России в югославском конфликте», иначе ей угрожают конфронтация с Западом и резкое усиление националистов внутри страны¹⁰⁴⁴.

Однако, когда в ходе переговоров вокруг ситуации в Сараево российская дипломатия начала сталкиваться с открытыми попытками продвижения со стороны США и Италии интересов боснийских мусульман, а со стороны ФРГ – хорватов, «отечественные элиты осознали, что возвращается «век империй» с характерной для него геополитической мотивацией внешней политики и что России предстоят новые раунды «дипломатической полемики» с атлантическим сообществом»¹⁰⁴⁵. К. В. Никифоров отмечает: «Начиная примерно с 1994 г.,...стали раздаваться фразы...о признании Балкан зоной российских интересов...Некоторые наблюдатели поспешили трактовать это как переход России на просербские позиции. Но на деле ничего подобного не было. В частности, Россия продолжала оставаться в режиме антисербских санкций, неоднократно голосуя за их большее ужесточение»¹⁰⁴⁶. Например, можно напомнить о голосовании России в СБ ООН весной 1998 г. за эмбарго вооружений Югославии¹⁰⁴⁷.

Начиная с 1996 года, Балканский кризис становится для Москвы важной и показательной проблемой во взаимодействии с «коллективным Западом».

Операция НАТО против СРЮ начинает оцениваться Москвой как агрессия, подрывающая основополагающие принципы современного международного права, и стремится к расширению своего военного присутствия в регионе. А. Фененко напрямую связывает пересмотр военной доктрины РФ с Балканским кризисом¹⁰⁴⁸.

С. Романенко дает крайне жесткую характеристику России на Балканах в 1990-е гг.: «Общий итог балканской политики России в 1990-е гг. настолько неудовлетворителен, что можно с полным основанием говорить об утрате ею рычагов влияния на полуострове к

¹⁰⁴² Никифоров К. В. Сербия на Балканах XX век. М. Индрик. 2012. С. 161.

¹⁰⁴³ Энгельгардт Г. Н. Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. №3. С. 29.

¹⁰⁴⁴ Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения. 1995. С. 120.

¹⁰⁴⁵ Фененко А. Балканский кризис и российские внешнеполитические приоритеты // Внешняя политика России: 1991–2000. Часть II. Pro et Contra. Т. 6. № 4. осень 2001.

¹⁰⁴⁶ Никифоров К. В. Указ соч. С. 161-162

¹⁰⁴⁷ Никифоров К. В. Указ. соч. С. 162

¹⁰⁴⁸ Подробнее см.: Фененко А. Указ соч.

концу десятилетия»¹⁰⁴⁹. Не отрицая данную точку зрения, хотелось бы отметить, что у этой политики объективно были и определенные, пусть и не осознанно достигнутые достижения, сыгравшие свою роль уже в 2000-е и в первой половине 2010-х гг., а провалы были связаны не только с неверными оценками происходящего со стороны нового российского руководства. В нашем понимании, оценка, данная В. К. Волковым, наилучшим образом отражает действительность, в которой российской дипломатии приходилось оперировать в 1990-е гг. Страны Запада «охотно используя посреднические усилия российской дипломатии в затруднительных для них ситуациях, на деле все меньше считались с позицией России. Малая эффективность ее действий объяснялась не только и даже не столько допущенными ею прежде ошибками. Она обнаруживала и делала осязаемым гораздо более значимый и грозный факт: международную изоляцию России, оказавшейся в одиночестве перед лицом военно-политического блока НАТО»¹⁰⁵⁰.

В этих условиях, осознанно или случайно, российская дипломатия 1990-х гг., объективно практически не имевшая пространства для маневра в югославского кризисе и допустившая ряд существенных ошибок на начальном периоде кризиса в Югославии, парадоксальным образом в итоге смогла использовать период 1990-х гг. для закладки будущих конструктивно-прагматических отношений с регионом.

Принципиальная установка внешней политики новой России в Балканском регионе заключалась в том, что Москва не создавала препятствий к признанию вышедших из состава Югославии республик. Признание со стороны Москвы независимости Словении и Хорватии обеспечило основу для развития нормальных межгосударственных отношений с данными странами, начиная со второй половины 1990-х гг. Россия на дипломатическом уровне поддерживала сложный процесс обретения независимости и вступления в разные международные организации Скопье (в частности, в Совет Европы).

Хотя в июле 1992 г. Россия ввела санкции против Союзной Республики Югославии (Резолюция №757 СБ ООН), ей достаточно скоро удалось восстановить свой авторитет. Разворот самолета Е. М. Примакова над Атлантикой в 1999 году в знак несогласия с решением о начале бомбардировок СРЮ, резкая позиция Москвы по бомбардировкам СРЮ силами НАТО в целом, а также марш-бросок российской десантной группы на Приштину и занятие аэродрома «Слатина» вернули Россию в публичный дискурс как последовательного защитника сербских интересов.

Помимо этого, несмотря на то что события 5 октября 2000 г. – свержение режима С. Милошевича – в России оцениваются как одна из первых «оранжевых» революций,

¹⁰⁴⁹ Романенко С., Улунян А. Указ соч. С. 56.

¹⁰⁵⁰ Волков В. К. Балканы в системе геополитических интересов С. 322

именно Москва смогла убедить признать С. Милошевича итоги 5 октября 2000 года и победу демократической оппозиции, а затем министр иностранных дел И. Иванов был одним из первых, кто поздравил В. Коштуницу на президентских выборах. Это, в свою очередь, заложило основу под разворачивание Москвой крупных экономических проектов и налаживание политического диалога в 2000-е гг.

По мнению старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН А. Пивоваренко, основными причинами возвращения России в регион были следующие: «выбор Москвы объяснялся следующими причинами: слабость экономик стран региона, вызванная войной и переходом от социализма к рыночной системе в 1990-е годы, традиционная историческая и геостратегическая важность региона для России, достаточно благожелательное отношение к России как богатой стране с близкой культурой...»¹⁰⁵¹ От себя добавим, что в начале 2000-гг. высокие цены на энергоносители дали Москве и российским компаниям шанс частично занять новые и попытаться вернуться на старые, времен СССР, рынки. В условиях, когда их пространство было вовсе не великим, ничтожные по объему, но геостратегически важно расположенные Балканы стали крайне интересны российскому капиталу.

В первой половине 2000-х годов для внешней политики России было свойственно восприятие Европейского союза как успешного и партнерски настроенного к Москве интеграционного объединения в сочетании с незаинтересованностью в осуществлении своего собственного интеграционного проекта. Как следствие, российские политические и экономические элиты приветствовали взятие балканскими странами курса на вступление в ЕС, оставив за горизонтом внимания тот факт, что евроинтеграция Балкан открыто увязывалась с вступлением в НАТО. Кроме того, и отношения России и НАТО в период 2001 – 2008 гг. переживали очень недолгий взлет. В 2002 году была подписана Римская декларация, изменена переговорная формула с «НАТО + 1» на «члены НАТО + 1», запущены конкретные диалоги по сотрудничеству и налаживанию оперативной совместимости вооруженных сил. Видимо, ставка на совместную борьбу с терроризмом и сотрудничество по Афганистану после 11.09.2001 в очередной раз вселило в российское руководство надежду на выход на реально равноправные партнерские отношения. Первое отрезвление произошло в 2004 году в связи с расширением НАТО на Восток. Однако еще до того, устранившись от участия в решении вопросов региональной безопасности (исключением работы в СБ ООН по Косову и в Контактной группе – по БиГ), Москва

¹⁰⁵¹ Пивоваренко А. Современная Россия на Балканах: «мягкая сила» через инвестиции. // РСМД. 16 мая 2014 г. Режим доступа: URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3707#top-content (Дата обращения 19.12.2019).

сделала ставку на развитие прагматических, прежде всего экономических, отношений с Балканским регионом.

С конца 1990-х гг. по 2012-2013 гг. Россия инициировала ряд стратегических инвестиционных проектов, укрепивших её присутствие в регионе. «Точкой входа» в него стали Болгария и Румыния. В 1998 г. был приобретен контрольный пакет акций местных нефтеперерабатывающих заводов (Petrotel в Румынии и Бургас в Болгарии). Последовали инвестиции в экономику Болгарии в размере порядка 3 млрд. долл. В 2005-2008 гг. российские компании «Лукойл», «Зарубежнефть» и «Газпром» получили присутствие в Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговине (Республика Сербская), причем в Сербии и РС были приобретены стратегические предприятия национальной энергетической отрасли (Naftna Industrija Srbije и НПЗ «Босански брод» соответственно).

При этом в мировой научной литературе конец 1990-х гг. – начало 2000-х гг. в связи с событиями вокруг Югославии принято считать поворотным моментом для российско-американских и российско-европейских политических отношений. Несанкционированные Советом безопасности ООН бомбардировки Белграда действительно, на наш взгляд, стали кульминацией и отправной точкой в разладе сложившейся к середине 1990-х гг. системы международных отношений с доминированием США. Вместе с тем, отправной точкой в артикулированном повороте во внешней политике России, впоследствии приведшим к Мюнхенской речи В. Путина в 2007 году, скорее всего, стали расширение НАТО 2004 г. и события в сербском крае Косово и Метохия 2004 года. Летом 2003 года Москва вывела немногочисленный российский миротворческий корпус из Косова и Метохии, а уже в марте 2004 года в крае прошли погромы сербского населения. 3 июня 2004 г. В.В. Путин в Сочи встретился с премьер-министром Сербии В. Коштуницей. Говоря о российском участии в процессе косовского урегулирования, Путин уже иначе расставлял акценты. По его словам, Россия будет в нем участвовать только в том случае, если увидит, что она нужна и решения принимаются при ее участии. Он сказал: «Мы вывели оттуда свой контингент не потому, что нам безразлично, что происходит в Косово, а потому, что присутствие контингента, который ни на что не может повлиять и ничего не решает, бессмысленно»¹⁰⁵². Эти слова можно трактовать как нежелание Москвы поддерживать политику пришедших к власти в Белграде после убийства 12 марта 2003 г. премьера З.Джинджича сторонников отказа от Косова и максимальной ориентации на Запад (на выборах осени 2003 г. они проиграли В.Коштунице). То, каким образом в дальнейшем развивались отношения России и западного мира, приводит нас к выводу о том, что К. В. Никифоров, написавший, что

¹⁰⁵² Цит. по: Никифоров К. В. Сербия на Балканах ...С. 164.

«многие тогда не обратили внимания на эти слова, но нам представляется, что именно они обозначили начавшийся поворот в внешней политике России, завершившийся мюнхенской речью В. Путина 10 февраля 2007 года»¹⁰⁵³, прав.

Данный тренд, однако, не привел к интенсификации политических взаимоотношений с балканскими странами в тот период. До начала 2010-х гг. они развивались в русле реализации интересов крупных российских компаний в регионе. Серьезную роль сыграло Соглашение о свободной торговле, подписанное в 2000 г. и дополненное в 2011 г. В соответствии с ним, от уплаты таможенных пошлин освобождалось практически 99% товаров при условии, что не менее 51% продукта произведено на внутреннем рынке¹⁰⁵⁴.

«Необходимо отметить, что «Лукойл», «Газпром» и «Зарубежнефть» приобрели предприятия, серьезно пострадавшие в результате военных и экономических потрясений 1990-х годов на Балканах. Во время бомбардировок НАТО в 1999 г. практически полностью были разрушены НПЗ Нови-Сад и Панчево»¹⁰⁵⁵. Соответственно, приход российских энергетических компаний в регион был востребованным, а не навязанным Москвой, на что часто после 2014 года стали указывать некоторые западные политики и эксперты. В рамках стратегии комплексной реализации «Южного потока» 15 февраля 2012 г. с приобретением финансовой группы Volksbank International российский «Сбербанк» получил присутствие в семи странах Центральной и Восточной Европы (Чехии, Венгрии, Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине).

Во многом в развитие экономических отношений в конце мая 2013 г. была подписана Декларация о стратегическом партнерстве.¹⁰⁵⁶, а также в 2011 году открыт Центр МЧС России в г. Нише. Правовая база двусторонних российско-сербских отношений оказалась не просто сформирована, но и обширна. Всего насчитывается более тридцати двусторонних соглашений, протоколов и других нормативных документов, регулирующих отношения двух государств¹⁰⁵⁷.

«Отраслевая структура взаимных инвестиций и их динамика определяется отдельными крупными сделками, как правило, российских компаний на территории Сербии... Инвестиции greenfield в производственном секторе характеризуются большей

¹⁰⁵³ Там же.

¹⁰⁵⁴ Privredna saradnja. Srbija i Ruska Federacija. // Privredna komora Srbije. Режим доступа: URL: <http://www.pks.rs/MSaradnja.aspx?id=51&p=1&pp=0&> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁵⁵ Пивоваренко А. Современная Россия на Балканах...

¹⁰⁵⁶ Лобанов М. Отношения России и Сербии: новое содержание старых форм // Современная Европа 2014. № 2. С. 95.

¹⁰⁵⁷ Privredna saradnja. Srbija i Ruska Federacija.

функционально-отраслевой и территориальной дифференциацией, однако и в этом случае ключевую роль играют ведущие компании традиционной специализации»¹⁰⁵⁸.

Среди внешнеторговых партнеров Сербии Россия в 2018 г. занимала 3 место с удельным весом 7,7% в ее совокупном внешнеторговом обороте. По объему экспорта в Сербию Россия занимает 3 место с удельным весом 8,9% в совокупном экспорте зарубежных стран в Сербию. По объему импорта из Сербии Россия занимает 4 место с удельным весом 6,0% в совокупном импорте зарубежных стран из Сербии¹⁰⁵⁹. Можно говорить о том, что в последнее десятилетие эти цифры остаются практически неизменными, и в сравнении с совокупным объемом торговых взаимоотношений Сербии со странами ЕС меньше примерно в 10 раз (что не нивелирует, однако, а, скорее дополняет факт инвестиций со стороны России в критически важные инфраструктурные и экономические объекты как в Сербии, так и в целом в регионе).

23 мая 2013 г. Сербия подписала с российской компанией РЖД соглашение о модернизации железных дорог, в рамках которого запланированы модернизация шести участков железной дороги общей протяженностью 111 км и закупка российских дизельных поездов. Благодаря этому, позиции России в инфраструктурном обеспечении Сербии внешне кажутся сильными. Однако Россия – не единственная, кто участвует в дорожном строительстве. Главный транзитный проект – строительство железнодорожной магистрали Белград-Будапешт – осуществляет Китай. Китайские дорожно-строительные корпорации активно действуют в Сербии (т.н. «Коридор XI», осью которого является трасса Белград – Черногорский порт Бар) и Северной Македонии, где одновременно сталкиваются с конкуренцией со стороны американских и турецких компаний Bechtel и Epka, реализовавших большой проект в Косово. В общей картине инфраструктурных транспортных проектов, доля и место России не является высокими. Даже если исходить из того, что основные векторы транспортных маршрутов заключаются в соединении магистралей, проходящих через Сербию, с портами Адриатики и Эгейского моря (черногорский г. Бар, албанские Дуррес и Влёра, греческие Пирей и Салоники и в некоторой степени хорватские Задар и Риека), где уже сильно влияние китайских, а также иных инвестиций, то очевидно, что в возникающей экономической структуре положение России является сугубо миноритарным.

Помимо этого, все данные инвестиции – в энергетику, банковский сектор, транспортную инфраструктуру – осуществлялись Москвой как комплексные под запуск

¹⁰⁵⁸ Лобанов М. Указ. соч. С. 99.

¹⁰⁵⁹ Сербия: аналитическая справка по статистике внешней торговли. // Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/rs/analytic_serbia/?analytic=34 (Дата обращения 21.12.2019).

проекта «Южный поток». Его вынужденное закрытие по многим параметрам лишило российскую политику экономического участия на Балканах содержательного ядра.

Так, хотя приостановка проекта «Южный поток» не нанесла прямого политического ущерба российско-сербским отношениям (в отличие от ситуации с Болгарией), зависимое положение от болгарского и иного транзита вынудило сербские элиты активизировать политику многовекторности и рассмотреть альтернативные варианты поставки энергии в страну¹⁰⁶⁰.

За последние годы Сербия сделала серию важных шагов, демонстрирующих, что она не отказывается, несмотря на однозначность выбора страной европейской перспективы, от России как ключевого партнера и соратника. Самый значительный среди них - неприсоединение Сербии к санкциям Запада против России. Вторым важным элементом стали ежегодные военные российско-сербские учения, проводящиеся с 2014 года.

Однако развитие сотрудничества касалось и связано не только с Сербией. В не меньшей степени оно затрагивает Словению и Хорватию. Словения – единственная из республик бывшей Югославии, имеющая положительный баланс внешней торговли с Россией. Удельный вес словенского экспорта в Россию составляет 3,4%, что значительно выше аналогичного показателя у Германии, Италии и Венгрии (около 1,9-2%)¹⁰⁶¹. Вполне логично, что, несмотря на поддержку антироссийских санкций, Словения также последовательно выступала за возобновление диалога с Россией. Визит 30 июля 2016 г. в Словению президента России В. Путина сделал Словению, наряду с Венгрией, одной из стран ЕС, разрушивших кольцо дипломатической изоляции, начавшееся формироваться с весны 2014 г.

В случае с Хорватией отношения развивались по несколько иному сценарию. Хороший старт прагматическим двусторонним отношениям во второй половине 1990-х гг. продолжился нараставшим до 2012-2013 гг. сотрудничеством в области инвестиций и туризма. Хорватская заинтересованность в России последовательно росла в 2000-е годы. Хотя в 1998 году Франьо Туджман отверг заключение соглашения о дружбе и сотрудничестве, его преемник, Стипе Месич активно развивал с Москвой экономические контакты. Вслед за ним, вопреки периоду, когда будучи в оппозиции, Ядранка Косор осуждала деятельность хорватского президента по взаимодействию с Россией, став

¹⁰⁶⁰ Пивоваренко А. Сербия становится Европой. // РСМД. 02.06.2015. Режим доступа: URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/serbiya-stanovitsya-evropoy/> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁶¹ Slovenia // The Observatory of Economic Complexity. Режим доступа: URL: <https://oec.world/en/profile/country/svn/> (Дата обращения 21.12.2019).

министром иностранных дел, с момента вступления Хорватии в ЕС резко перешла в стан тех политических элит стран-членов ЕС, кто видит в России окно возможностей, а не враждебно настроенное государство. «В этом смысле Хорватия мало чем отличается от таких соседних центральноевропейских стран, как Словакия, Чехия или Венгрия»¹⁰⁶².

Провал ряда амбициозных проектов (таких, как покупка российской компанией «Мечел» ряда предприятий в Хорватии) и присоединение Хорватии к санкциям значительно понизили уровень сотрудничества. Тем не менее, оно является значительным за счет Fortenova (бывший Agrokor), где российские «Сбербанк» и «ВТБ» по итогам прошедшей в 2018 г. реструктуризации являются мажоритарными акционерами (39,2% и 7,5% соответственно)¹⁰⁶³.

Структура российских инвестиций в Черногорию имеет свои особенности. Во-первых, это скорее индивидуальные и рекреационные, а не государственные и промышленные инвестиции. Это связано как с отсутствием в Черногории крупных промышленных предприятий и удаленностью от главных транзитных путей, так и с неудачами, которые преследуют корпоративных российских инвесторов¹⁰⁶⁴. Объемы российских частных инвестиций настолько высоки, что многие эксперты говорят о зависимости Черногории от российского капитала, что позволяет различным политическим силам в республике спекулировать на тему латентного российского влияния в Черногории. Особенно ярко это проявилось осенью 2015 г. в ходе разгоревшегося в стране политического кризиса. Власти открыто заявляли о том, что демонстрации и акции протеста режиссируют из Москвы, не желающей вступления Черногории в НАТО. Однако основным удар по двусторонним отношениям, определенно, нанесли добровольное участие Черногории с мая 2014 г. в санкционном режиме, введенном против России западными странами, и вступление Подгорицы в НАТО в июле 2017 года.

Экономическое присутствие не дало России рычагов для усиления политической составляющей. Значимость данного государства для России заключалась и в возможности стратегического присутствия российского флота в Адриатическом и Средиземном морях. Так, после вооруженного конфликта с Грузией в 2008 г. эксперты отмечали повышенный уровень российской активности в восточном Средиземноморье, причём Черногория и Греция фигурировали в качестве основных опорных пунктов задействованного в

¹⁰⁶² Bechev D. Rival power. Russia's influence in Southeast Europe. London: Yale University Press. 2017. P.77.

¹⁰⁶³ Российские госбанки получают почти половину крупнейшего ритейлера Хорватии // Ведомости 04 июля 2018 г. Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/07/04/774656-gosbanki-horvatii> (Дата обращения 23.12.2019).

¹⁰⁶⁴ Пивоваренко А. Современная Россия на Балканах...

Средиземном море российского черноморского флота. Тенденция получила дальнейшее развитие с началом гражданской войны в Сирии, и с 2012 г. российский флот в восточном Средиземноморье, представленный множеством типов судов – от десантных кораблей до авианосцев, совершал маневры вблизи сирийского побережья. В ноябре 2014 г. даже было объявлено о создании постоянно действующей средиземноморской группировки российских военно-морских сил, которая была призвана составить противовес Шестому флоту США, задействованному в операциях на европейском, африканском и ближневосточном направлениях.

Теперь, реализуя свои стратегические интересы в восточном Средиземноморье, Россия больше не может опираться на прежде дружественную Черногорию. В частности, в 2013 г., когда российская сторона имела намерение договориться о предоставлении ей военно-морской базы в черногорском порту Бар, официальная Подгорица в лице министра обороны отклонила предложение обсудить с российской делегацией даже условия временного пребывания российских судов в портах Бара и Котора для дозаправки и других технических нужд.

Как результат, некогда исторический союзник России в регионе – Черногория – выпала из ряда последовательных сторонников. Вступление Черногории в НАТО, помимо негативных эффектов для собственно российско-черногорских отношений, послало сигнал балканским народам, что ориентация на Россию не означает автоматическую защиту и поддержку в момент принятия определяющих решений по региону, а в свою очередь дало России понять, что политическое партнерство в регионе не может выстраиваться лишь на солидном историческом прошлом и экономических инвестициях.

Отношения России с Боснией и Герцеговиной сегодня ограничиваются, по сути, только сотрудничеством с одной из ее двух составных частей – Республикой Сербской. Россия является одним из гарантов Дейтонского мира, что не позволяет Западу игнорировать любые действия Москвы по Боснии и Герцеговине. С другой стороны, действий за пределами границ Республики Сербской фактически не совершается. Внутри сербской автономии политическая ситуация не проста: фактический лидер РС, член Президиума БиГ Милорада Додика (в 2006-2010 гг. – премьер-министр республики, а в 2010-2018 гг. – президент), являющийся основным партнером Москвы подвергается системному давлению со стороны США и их партнеров. Присутствие России определенно раздражает и беспокоит Запад, который ищет возможности повернуть ситуацию в Боснии в свою пользу. Подтверждение тому – уже анализировавшаяся в предыдущей главе новая программа мусульманской Партии демократического действия, а также давление,

оказывавшееся на БиГ в течение 2018-2019 гг., по приближению к НАТО и пересмотру Дейтонских соглашений.

Параллельно, отношения Россия-Запад характеризовались постепенным нарастанием разногласий. Первой рубежной точкой отсчета нового витка напряженности принято считать вооруженный конфликт в Южной Осетии (7-16 августа 2008 г.). Другой стал Украинский кризис. Страны бывшей Югославии отреагировали на его возникновение по-разному. Так, 6 мая 2014 г. будущий президент Хорватии, а в то время заместитель генсека НАТО Колинда Грабар-Китарович на своей странице в Facebook выразила поддержку Украине в связи с «российской агрессией». По инициативе Германии в это же время был начат Берлинский процесс, направленный на усиление позиций ЕС на Балканах. конце 2014 г. из-за неконструктивной позиции Болгарии был прекращен проект «Южный поток». Осенью 2016 г. под предлогом (якобы) имевшей место попытки государственного переворота произошел разгром антинаатовской оппозиции и новая консолидация политического режима М. Джукановича в Черногории, завершившиеся вступлением страны в НАТО 5 июня 2017 г. Несмотря на отказ ввести антироссийские санкции, на деле значительный крен в сторону Евро-Атлантики сделала Сербия, подписавшая с НАТО соглашение о логистической поддержке (NSPO Agreement) и проведшая на своей территории учения с США и НАТО (Double Eagle-2017¹⁰⁶⁵ и Srbija-2018¹⁰⁶⁶).

Еще до обострения российско-европейских отношений по поводу Украины, на экспертном уровне в странах ЕС и США заметно усилилась антироссийская риторика. Большинство авторов статей, опубликованных в сети Интернет англоязычными западными изданиями и посвященных международному фактору на Балканах, представляют Россию как угрозу, как детонатор европейской балканской политики. Авторы, признанные западные эксперты, имеющие разные взгляды на внутренние процессы на Балканах, в унисон негативно рассуждают о российской роли на Балканах. С. Экономидис, на конференции в Лондонской школе экономики, говоря о влиянии России на Балканах, использовал три следующих характеристики, чтобы описать роль России: «это спекулирующая, разрушительная и ревизионистская сила»¹⁰⁶⁷. Т. Валасек в статье «Является ли Россия партнером в Боснии» пишет: «Цель России на Балканах - подрвать

¹⁰⁶⁵ Serbian & US paratroopers train together // Euronews. 16 November 2017. Режим доступа: URL: <https://www.euronews.com/2017/11/16/serbian-and-us-paratroopers-train-together> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁶⁶ Canada calls on Russia to halt 'invasion' in Ukraine. Anadolu Ajansi. Режим доступа: URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/nato-to-hold-biggest-exercise-in-serbia/127106> // URL: (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁶⁷ Russia in the Balkans, Conference Report «The Balkans in Russia's Foreign Policy Strategy. Russia and Conflict Resolution in the Balkans. The Economic Dimension. Russian Soft Power». // London School of Economics. 13 March 2015. P.6.

западное влияние и дискредитировать ЕС как единого внешнеполитического актора... для России усложнить жизнь Западу видится самоцелью...они мнят себя конкурентами НАТО и ЕС, поэтому все, что плохо для нас в Боснии, хорошо для них, и наоборот»¹⁰⁶⁸. Наконец, Д. Бечев, утверждает: «Хотя в краткосрочном плане присоединение Сербии к санкциям против России не является приоритетом ЕС, глава 31 в переговорном процессе о членстве подразумевает полное совпадение позиций по внешнеполитическим вопросам. Открытие этой главы должно быть обусловлено для Сербии присоединением к санкциям»¹⁰⁶⁹. В 2016 – 2019 гг. данная риторика только усилилась. В значительной мере она стимулируется постоянными высказываниями со стороны российских официальных лиц о существовании «красных линий» в Балканском регионе и недопустимости расширения НАТО при отсутствии реальных действий со стороны Москвы, когда перспектива вступления в Альянс оставшихся стран Юго-Восточной Европы становится неотвратимой. Таким образом, в СМИ и Западе, и России постоянно «подогревается» тема видения Балкан как некой буферной зоны между Западом и Востоком.

Кроме того, непонимание с точки зрения рациональности и логики на Западе вызывают результаты социологических опросов об отношении к России, проводимые разными институтами. Исследования Balkan Gallup Monitor¹⁰⁷⁰ стабильно показывают, что сербские граждане считают крупнейшим инвестором Россию, кто-то даже большим, чем ЕС, хотя, как показано выше, это не имеет никакой связи с реальными показателями. Опросы, проводившиеся журналом «Новая сербская политическая мысль» в 2013 году выявили, что 67,5% сербских граждан поддерживают союз с Россией, тогда как 53,7% выступают против членства в ЕС¹⁰⁷¹. Отметим, однако, что НСПМ не может быть полностью релевантным источником, поскольку изначально позиционируется как консервативно-традиционалистское издание, но вносит свою лепту в формирование у ЕС образа России у сербов. В декабре 2015 года IPSOS показал, что 72% сербских граждан позитивно относятся к России, и только 25% - к ЕС и 7% - к НАТО¹⁰⁷². Данные результаты сопоставимы и с тем, как воспринимают Россию в Республике Сербской в БиГ. Большой вопрос, насколько такая картина, будучи в общих чертах верной, отвечает интересам России. Именно она позволяет сводить, во всяком случае на уровне информационного

¹⁰⁶⁸ Valasek T. Is Russia a partner to the EU in Bosnia. Policy Brief. // Center for European Reform. March 2009. P 6.

¹⁰⁶⁹ Bechev D. Russia in the Balkans: How should the EU respond? Policy Brief. // European Policy Centre. 12 October 2015.

¹⁰⁷⁰ “Public opinion on the EU and European integration” // TNS Medium Gallup. February 2014 // URL: <http://www.europa.rs/upload/Opinion%20poll%20results%20fir%20press%20conference%20FIN%20ENG.pptx> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁷¹ Нова српска политичка мисао. Новембар 2015, Blic. 22 Novembar 2015.

¹⁰⁷² Ibid.

посыла, что все влияние России на Балканах сводится к иррациональной основе отношений с сербами и не более, что, как видно из экономической активности в других республиках бывшей Югославии, не является точной оценкой. При этом вряд ли стоит забывать, что «по опыту «четвертого-пятого расширений» НАТО и в связи с нападками на Россию по украинскому кризису,...когда наступает критический момент, на периферии ЕС (имеются в виду страны Балкан – *прим.мое, Е. Г. Энтина*) проявляется, в большей или меньшей степени, русофобия»¹⁰⁷³. Против этого Москва за все время после распада СССР никакого противоядия выработать не смогла. «Мягкая сила» на Балканах, будучи признаваемой всеми отечественными и зарубежными экспертами в качестве основного потенциального «оружия» Москвы, на практике демонстрирует очень небольшую эффективность.

В начале новейшего этапа российско-сербских отношений после развала СССР и СФРЮ оно было омрачено международными санкциями против СРЮ. Резолюция СБ ООН 757 по СРЮ, к которой присоединилась РФ в 1992 году, в части b и c гласила, что все государства, подписавшие ее, примут меры, необходимые для предотвращения участия в спортивных состязаниях на своей территории лиц или групп, представляющих Союзную Республику Югославия (Сербия и Черногория), а также приостановят научно-техническое сотрудничество и культурные обмены и поездки с участием лиц или групп, официально направляемых Союзной Республикой Югославия (Сербия и Черногория)¹⁰⁷⁴. В этой связи, в период, когда Россия разделяла санкционный режим в отношении СРЮ, на официальном уровне гуманитарного сотрудничества между странами не было. О том, что в этот момент культурно-гуманитарное сотрудничество в целом переживало не лучшие времена, говорит и тот факт, что один из самых главных и старейших русских культурных центров в Европе – Русский дом в Белграде, созданный силами эмигрантов из России в 1938 году, переживший Вторую мировую войну и разрыв дипломатических отношений СССР и Югославии, был на грани закрытия, а его здание планировалось передать под посольство одной из стран СНГ. Этого не произошло, и Русский дом был открыт к 1994 году как культурное представительство России в Сербии.

Вместе с тем, введение антиюгославских санкций вызвало острую эмоциональную реакцию российской общественности. «В Москве собирается первый международный конгресс славянских культур, на котором участники создают обращение к дипломатам, в

¹⁰⁷³ Абрамов Л. Г. Россия и эволюция на Балканах. В: Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. С. 63-64.

¹⁰⁷⁴ Резолюция 757 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. 30.05.1992. // Организация объединенных наций. Режим доступа: URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/757\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/757(1992)) (дата обращения: 07.04.2019).

котором называют присоединение к санкциям «позором», и утверждают, что русский народ не давал и никогда не даст вам права от его имени, от имени России объявлять бойкот нашим балканским братьям – сербам и черногорцам»¹⁰⁷⁵.

СРЮ пользовалась поддержкой практически всей общественности и во время несанкционированных бомбардировок НАТО СРЮ. «Сразу после первых бомбардировок у американского посольства собралась толпа, выкрикивавшая «Сербия» и другие не всегда цензурные лозунги, и забрасывавшая посольство чернилами и яйцами»¹⁰⁷⁶. По результатам опроса, проведенным Центром международных социологических и маркетинговых исследований, 91% опрошенных поддерживали Сербию, 74% готовы были принять личное участие в оказании помощи Сербии, 30% деньгами и 42% отправились бы в Югославию добровольцами»¹⁰⁷⁷.

Специфическая ситуация, возникшая в 1992 году, когда общественное мнение и действия государства на международном арене оказались на двух полюсах, привела к тому, что, с одной стороны, православные народы Балкан и, в первую очередь, сербы «списали предательство России» на новое демократическое руководство. С другой стороны, то, что основой гуманитарного сотрудничества в 1990-х гг. между Россией и СРЮ стали связи «второго порядка», привело к тому, что уже в 2000-е гг. базисом культурного взаимодействия и важнейшим ресурсом «мягкой силы» стали не новые идеи или ставка на исторический вклад России в развитие Сербии, Черногории и др., а вольно и невольно - славянское братство и православная общность.

Организации и фонды по продвижению русской культуры на Балканах многочисленны, но основная проблема с ними заключается в том, что «с одной стороны,... все слишком забюрократизировано, с другой стороны, функции слишком разделены между различными структурами»¹⁰⁷⁸. Наиболее заметными структурами считаются представительства Россотрудничества в регионе (в Белграде более известное как «Русский дом»), Институт А. С. Пушкина, фонды «Русский мир», «Фонд Горчакова», «Фонд Св. Апостола Андрея Первозванного». «Фонд «Русский мир» работает довольно давно в Сербии: открыты представительства Фонда в Белграде, в Нови-Саде, в Нише; в Республике Сербской (в Бане-Луке) также присутствуют. Но ... если «Русский мир»

¹⁰⁷⁵ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990-2000) М.: Русское право. 2001. С. 530.

¹⁰⁷⁶ Протесты у посольства США против агрессии НАТО в Югославии. 1999 год. // Youtube. Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=voZ7-Pd0h8I> (дата обращения: 17.12.2019).

¹⁰⁷⁷ Смирнова А. С. Эволюция роли гуманитарного сотрудничества в формировании образа России в Сербии. М.: НИУ ВШЭ. 2019. С. 36-37.

¹⁰⁷⁸ Бондарев Н. В. Россия на Балканах ходит как лунатик // Креативная дипломатия. Режим доступа: URL: http://picreadianalitika.ru/bondarev?fbclid=IwAR2_SGL5G5FFbBzvMSckSIckZ-opM2iODXp2uHDcC5_UXyoxhzWLg9NvnHc (дата обращения: 17.12.2019).

создавался как некий ответ Британскому Совету, Институту Гёте или Институту Конфуция, то это не получилось».

Большое значение в сербских социально-гуманитарных проектах принадлежит компании Газпром. Например, при поддержке этой компании были отреставрированы захоронения и часовня белых эмигрантов на Русском некрополе в Белграде¹⁰⁷⁹. «Газпром» выступил в роли бенефициара создания мозаики купола храма Святого Саввы, а также отдельных российско-сербских образовательных и культурных проектов.

В случае с изучением русского языка в Сербии, где, наряду с Черногорией, процент изучающих русский язык был традиционно наиболее высоким среди республик бывшей Югославии, наблюдается негативная тенденция. Так, в середине XX столетия 55% школьников изучали русский язык в школах, на сегодняшний день таких 9%¹⁰⁸⁰.

Среди СМИ выделялся проект «Российской Газеты» на сербском языке Russia Beyond Србија (в 2018 г. передан в состав медиа-холдинга «Россия сегодня» и перепрофилирован). Но он только нарабатывает информационный ресурс для возможного запуска сервиса Russia Today на сербском и Sputnik Srbija, чья аудитория в сравнении с конкурентами невелика. «При этом, например, дочерняя компания Газпрома НИС в течение многих лет спонсировала сербский спутниковый телеканал RTV B92, который имел откровенно прозападную и антироссийскую направленность». Д. Бечев констатирует: «В любом случае российское государство не уделяет достаточно внимания медиа-сфере и ее расширению. Популярные российские каналы, такие как «Первый канал», «Россия», «НТВ» не способны закрыть собой информационную неаполненность в силу языкового барьера»¹⁰⁸¹.

Активно действует на Балканах и Русская православная церковь (РПЦ). «В марте 2016 года Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл вручил тогдашнему сербскому президенту Томиславу Николичу награду в качестве благодарности за продвижение православия и дружбы с Россией. Слова Патриарха Ириней в 2013 году в отношении российской поддержки сербской позиции по Косово - «мы надеемся на Бога и Россию»¹⁰⁸² - свидетельствуют об демонстрации особых отношений между сербами и Москвой. Одним из важнейших ресурсов влияния России на умы сербского православного населения и националистов, как считается на Западе, является непризнание Московским

¹⁰⁷⁹ Воробьева Е. В. Инвестиции в будущее // Сибирская нефть. 2019. № 158. С. 36-41.

¹⁰⁸⁰ Мост дружбы между Россией и Сербией // Фонд апостола Андрея Первозванного. Режим доступа: URL: <http://fap.ru/press-center/news/most-druzhby-mezhdu-serbiey-i-rossiey/> (дата обращения: 21.12.2019).

¹⁰⁸¹ Bechev D. Rival power... P.230.

¹⁰⁸² Ibid. P.231.

патриархатом автокефальности македонской и черногорской православных церквей¹⁰⁸³. Понятно, что в целом «работая» на развитие консервативной линии в отдельно взятых российско-сербских отношениях (хотя сама по себе позиция по непризнанию связана не с поддержкой сербского патриархата, а стремлением не допустить дальнейший раскол внутри Православной церкви), четко артикулированная позиция РПЦ в сложной этно-религиозной мозаике Балкан недостаточна для системной и последовательной работы.

Таким образом, несмотря на многолетние призывы отечественных исследователей-балканистов концептуально использовать ресурс «мягкой силы» - исторической памяти, обширных многовековых связей, культурной и языковой общности, – на практике эта деятельность осуществляется активно, но бессистемно. Это обстоятельство позволило антироссийской пропаганде не только появиться в информационном поле балканских стран, но и практически беспрепятственно распространяться. Ресурсы «мягкой силы» России на Балканах кажутся западным акторам достаточно опасными для того, чтобы помешать реализации задач Европейской союза, однако недостаточными, чтобы воспринимать Россию в качестве серьезной альтернативы, а, значит, идти с ней на диалог.

Ретроспективная оценка реальных отношений России и ЕС в западно-балканском регионе указывает на следующее: несмотря на рост политической напряженности, российский бизнес имел возможность вести экономическую экспансию, не сталкиваясь с проблемами со стороны Брюсселя. Наглядной иллюстрацией является тот факт, что кредит со стороны «Сбербанка» хорватскому холдингу «Агрокор» размером в 600 млн. евро был выдан в апреле 2014 г., спустя три недели после вхождения в состав России Республики Крым и введения первого пакета санкций со стороны Евросоюза. Сегодня сложно понять, являются ли данные казусы следствием завышенных ожиданий, необоснованных надежд, стратегической близорукости или тактических просчетов, существовавших как в Москве, так и в Брюсселе. Не менее интересно разобраться в причинах, почему весьма обширное экономическое присутствие стало возможным.

Трудно отрицать, что российские инвестиции принесли значительную пользу странам-получателям. Они компенсировали недостаток западных инвестиций в основополагающую инфраструктуру, способствовали восстановлению предприятий, пострадавших в результате военных и экономических потрясений 1990-х гг., позволили модернизировать производство. Достаточно отметить, что производительность НПЗ «Брод», восстановившего свою деятельность в 2008 г., к 2011 г. увеличилась с 1,2 млн. тонн до 3 млн. тонн в год. С созданием подземного хранилища газа «Банатский двор» была создана новая инфраструктура. Партнерство Сербия – РЖД, основой которого

¹⁰⁸³ Ibid. P.230.

являются кредиты, предоставляемые Россией Сербии, обеспечивают модернизацию железнодорожных путей (традиционно являющихся «ахиллесовой пятой» Балкан). Присутствие российского железнодорожного монополиста отвечает как интересам Евросоюза, заинтересованного в модернизации ключевого транспортного коридора, так и интересам РЖД, для которого Сербия, наряду с ЮАР, Ираном, Вьетнамом, Индонезией, странами ЕАЭС, является страной, где РЖД занимается модернизацией инфраструктуры.

Ключевым является то обстоятельство, что в 2000-е гг. российские инвестиции практически не сталкивались с конкуренцией со стороны западноевропейского капитала, который в 2000-е и 2010-е гг. воздерживался от промышленных инвестиций, в то время как его положение в финансовом секторе оказалось ослаблено финансовым кризисом 2008 г. В свою очередь, возможности, открывшиеся перед российским капиталом, укрепили политические позиции России. Несомненно, что российские инвестиции способствовали переориентации в сторону России лидера Республики Сербской Милорада Додика, начинавшего свою карьеру в начале 2000-х гг. в качестве политика, на которого делали ставку ЕС и США¹⁰⁸⁴. Хотя Москва не питает иллюзий относительно пророссийского настроения лидера Сербии Александра Вучича¹⁰⁸⁵, нельзя отрицать, что многочисленные контракты, заключенные между Сербией и Россией (как и с Германией, Турцией, а также с недавнего времени Францией), удерживают Сербию от разворота в сторону Евро-Атлантики.

Аналогичным образом можно трактовать и ситуацию с «Агрокором». Хотя представители «Сбербанка» настаивают на желании продать свою долю в корпорации¹⁰⁸⁶, существуют подозрения относительно того, что истинной целью российского присутствия может являться обеспечение России рычага влияния в Еврозоне, куда Хорватия надеется вступить в ближайшие годы¹⁰⁸⁷. Хотя о «подозрительности» российских инвестиций регулярно говорится с 2014 года, даже в нынешних условиях Москва по-прежнему является одним из немногих акторов, готовым на вложения размером в сотни миллионов евро в предприятия, связанные с высоким риском. Факт заключается и в том, что

¹⁰⁸⁴ Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.). // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2015. С. 176-177.

¹⁰⁸⁵ Саморуков М. Побег из дружеских объятий. Почему Белград устал от российской поддержки // Московский центр Карнеги. Режим доступа: [URL:https://carnegie.ru/commentary/78146](https://carnegie.ru/commentary/78146) (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁸⁶ Sberbank to Sell Stake in Croatia's Agrokor after Restructuring// Russian Business. 20 March 2019. Режим доступа: [URL:https://russiabusinessstoday.com/economy/sberbank-to-sell-stake-in-croatias-agrokor-after-restructuring/](https://russiabusinessstoday.com/economy/sberbank-to-sell-stake-in-croatias-agrokor-after-restructuring/) (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁸⁷ If Croatia joins the Eurozone, it would give Russia its greatest weapon in Europe // Euronews. 22.01.2019. Режим доступа: [URL: https://www.euronews.com/2019/01/22/if-croatia-joins-the-eurozone-it-would-give-russia-its-greatest-weapon-in-europe-view](https://www.euronews.com/2019/01/22/if-croatia-joins-the-eurozone-it-would-give-russia-its-greatest-weapon-in-europe-view) (Дата обращения 21.12.2019).

недостаток европейских инвестиций в инфраструктуру и системообразующие предприятия является показателем возможностей западноевропейского центра модернизировать собственную периферию и показывает истинный уровень доверия к экономикам стран Западных Балкан со стороны ЕС.

Развитие событий после 2014 года доказало справедливость и другой, неомарксистской, аксиомы: элиты, обладающие политическим ресурсом, способны влиять и на экономические процессы. Позиция Болгарии, столкнувшийся с давлением со стороны Европейской Комиссии, привела к решению России об остановке проекта «Южный поток» 1 декабря 2014 г. Неудача «Южного потока», который по многим параметрам был ключевым проектом для России показала, что недостаточно усилий уделялось политическому компоненту российского присутствия. С одной стороны, это можно понимать как свидетельство непродуманности (а где-то беспечности) российского внешнеполитического курса нулевых годов, отказ от ставки на «мягкую силу» (при несовершенных технологиях ее использования). Но также это можно трактовать как надежду на то, что на Балканах может быть создана точка конвергенции между Москвой и Брюсселем.

Пойдя на условия ЕС в части Третьего энергопакета (шире – диверсификации механизма газовых поставок), Россия признала уязвимость своих позиций на Балканах. Реакцией на эти события стала принятая 30 ноября 2016 г. новая Концепция внешней политики РФ, в которой понятия «Балканы» и «Юго-Восточная Европа» исключены из основополагающего документа. Вместо них фигурируют понятия «Европейский союз» «Европейский регион», «Евроатлантический регион»¹⁰⁸⁸.

Таким образом, события 2015-2016 гг. привели к значительному снижению российского присутствия. Как следствие, российские представители все чаще выражают обеспокоенность относительно расширения НАТО на Балканах¹⁰⁸⁹. Следует отметить, что в нынешних условиях расширение ЕС также несет определенные риски для Москвы, поскольку единая внешнеторговая политика ЕС с большой вероятностью заставит балканские страны отказаться от торговли с Россией¹⁰⁹⁰. Одним из неформальных

¹⁰⁸⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (2016). (Concept of Russian Foreign Policy 2016). Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁸⁹ Интервью заместителя Министра иностранных дел России А. В. Грушко албанской газете "Шекулы" // МИД РФ. Режим доступа: URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/al/-/asset_publisher/U6lx5jr8oEzV/content/id/3569130 (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁹⁰ Саморуков М. Противоречия России и ЕС на Балканах. В чем они и можно ли их преодолеть// Московский центр Карнеги. Режим доступа: URL: <https://carnegie.ru/commentary/77961> (Дата обращения 21.12.2019).

требований Брюсселя к Сербии является присоединение к санкциям, что естественно приведет к снижению товарооборота¹⁰⁹¹.

Вступление в НАТО Черногории и предстоящее вступление Македонии не привело к экзистенциальному кризису российской внешней политики, а репутационный ущерб российской дипломатии оказался не таким сильным, каким мог бы быть. Однако несомненно, что в России происходит пересмотр логики своего присутствия в Юго-Восточной Европе. Традиционалистская часть экспертного поля (в основном представленная специалистами по Балканам) рассматривает российское присутствие на Балканах в цивилизационной парадигме. Она отстаивает необходимость более активного политического присутствия России на Балканах как важном транзитном регионе, где проживает этнически и культурно близкое русскому народу населения. Любая форма вытеснения России с Балкан для нее неприемлема¹⁰⁹². Модернистская часть, представленная экспертами, близкими к российскому истеблишменту, рассуждает с точки зрения прагматизма. Она утверждает, что присутствие на Балканах связано больше с проблемами и рисками, чем с возможностями. Кроме того, Балканы, со всеми их внутренними проблемами, являются сферой влияния Евросоюза. Следовательно, отсутствие России в регионе является не геополитическим поражением, а возможностью сбросить «проблемные активы» и сосредоточиться на реализации внешнеполитических интересов в более перспективных регионах мира¹⁰⁹³. Существует и точка зрения о том, что для России действия в Балканском регионе – условная игра «с нулевой суммой» в отношениях с Западом, а значит Россия будет поддерживать на минимальном уровне присутствие в регионе с целью ослабить влияние ЕС и НАТО. Так, М. Саморуков пишет: «На Балканах Россия стремится сохранить за собой репутацию влиятельной мировой державы и затруднить интеграцию государств региона в евроатлантические структуры. Эти цели Москва преследует с помощью малобюджетных методов – ярких символических жестов и пропаганды. При этом Кремль не готова вкладывать в это направление серьезные ресурсы, поскольку укрепление позиций НАТО на Балканах не несет прямой угрозы безопасности России. С другой стороны, Москва убеждена, что Запад стремится

¹⁰⁹¹ Serbia // The Observatory of Economic Complexity. Режим доступа: URL: <https://oec.world/en/profile/country/srb/> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁹² См. например: Пономарева Е.Г. Балканская политика Российской Федерации: в поисках потерянного времени? / Е. Г. Пономарева // 25 лет внешней политики России: сб. материалов X Конвента РАМИ. В 5 т. Т. 1. Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО-Университет. 2017. С. 486-502.

¹⁰⁹³ Лукьянов Ф. Ретро заказывали? // Россия в глобальной политике. Режим доступа: URL: <https://globalaffairs.ru/redcol/Retro-zakazyvali-19779> (Дата обращения 21.12.2019).

вытеснить ее с постсоветского пространства, а потому не видит для себя стимулов поддерживать западные попытки окончательно урегулировать балканские конфликты»¹⁰⁹⁴.

Как видно, принципиальная точка расхождений во взглядах российских экспертов заключается в перспективах Балканского полуострова с точки зрения его будущего в макрорегиональных конфигурациях. Кроме того, она связана и с тем, в какой логике рассматриваются международные процессы в целом – линейной или как калейдоскоп. «Пропагандируемая российским МИД система внешнеполитических приоритетов сама по себе вносит путаницу в понятия. Она пытается выстроить международные задачи в виде некоего железнодорожного состава, где нумерация вагонов определяет уровень их класса. Тем самым как бы теряется из вида единая и неделимая ткань международных отношений»¹⁰⁹⁵. Балканский кризис 1990-х гг., процессы далеко не успешной интеграции стран бывшей Югославии в Европейский союз, рост их транзитного значения в современное время превращает российскую политику на Балканах и взаимодействие с ЕС в причудливый калейдоскоп, меняющий конфигурацию с каждым новым поворотом.

Как в истории, так и в современном периоде можно говорить о том, что Россия оказывает определенное влияние на процессы, происходящие на Балканах. Кроме того, страна серьезно присутствует в энергетическом секторе региона, что объективно не позволяет игнорировать ее позиции, интересы, действия на Балканах. В экономическом отношении балканский рынок интересен России, в первую очередь, как продолжение западноевропейского, поскольку сделать его полноценной частью, к примеру, рынка Евразийского союза, объективно очень сложно. Хотя то, что в ЕАЭС заложена возможность разной геометрии сотрудничества, способствует интересу к проекту со стороны балканских стран. Так, Сербия в октябре 2019 г., вопреки критике со стороны Запада, подписала договор о зоне свободной торговли с ЕАЭС. Это важный, но не определяющий шаг в развитии отношений Сербии и стран - членов ЕАЭС. С одной стороны, Сербия имеет отдельные соглашения о свободной торговле с Россией, Казахстаном и Белоруссией, поэтому подписание подобного документа с ЕАЭС в целом не становится переходом на качественно новый этап взаимодействия. С другой, в отсутствие реальных перспектив скорого вступления в ЕС, сближение с другой интеграционной группировкой на континенте может стать основой для более самостоятельной и сбалансированной внешней политики Сербии.

¹⁰⁹⁴ Саморуков М. Иллюзия близости: амбиции и возможности России на Западных Балканах. // Московский центр Карнеги. Режим доступа: URL:<https://carnegie.ru/2017/12/12/ru-pub-74975> (Дата обращения 21.12.2019).

¹⁰⁹⁵ Волков В. К. Балканы в системе геополитических интересов... С. 326-327

В середине 2010-х гг., когда виток конфронтации России и Запада фактически достиг уровня времен холодной войны, Балканы вновь стали ареной противостояния. Однако, рассматривая регион Западных Балкан как целостную систему с собственной структурой взаимосвязей, можно прийти к выводу, что минимизация присутствия России, чего добивается ЕС, не означает решения всех проблем Брюсселя в регионе. Во-первых, определенная близость России к Балканскому региону всё равно сохранится. Она будет поддерживаться как чувством исторической и культурной общности, так и объективной заинтересованностью Брюсселя во внешних инвестициях. Наверняка продолжат работу компании, занимающиеся модернизацией транспортной инфраструктур.

Кроме того, снижение российского присутствия в регионе не является панацеей. Понижение удельной доли российских инвестиций приведет к повышению инвестиционного присутствия Китая, Турции, США и других стран, которые являются «внешними игроками» по отношению к ЕС.

Изменение позиции Брюсселя по российскому газовому экспорту является негласным признанием того факта, что без российского энергетического экспорта сложно обеспечить стабильность экономик стран Западных Балкан, страдающих от недостатка дешевой энергии. Возможно, оно также является средством нахождения контрбаланса в отношениях с США и Турцией, ведущих свою игру в регионе и дестабилизирующих ситуацию (проблема вокруг кипрского шельфа), а также Китая, ведущего экономическую экспансию в Европу. О реализации проекта сложно говорить определенно до окончания строительства маршрута через Болгарию. Однако в случае если он станет реальностью, то он будет способен закрыть целый комплекс разногласий, отягощавших отношения Россия-ЕС в последние годы.

Большая ставка в Москве делается на проект «Турецкий поток», запуск которого ожидается в 2020-2022 гг.¹⁰⁹⁶ Достаточно быстрое согласие Москвы с требованиями по «Третьему энергопакету», как и передача значительных полномочий в части транзита Турции (стремящейся замкнуть на себя региональные логистические цепочки) является вынужденным шагом Москвы. Он отражает заинтересованность Москвы в увеличении экспорта и диверсификации маршрутов поставок. Разработка «Турецкого потока», начавшаяся 7 февраля 2015 г. – спустя девять недель после закрытия «Южного потока» – показывает высокую адаптивность Москвы и готовность оперативно реагировать на изменение ситуации.

¹⁰⁹⁶ «Газпром» сделал трубный выбор// Коммерсант, 22 ноября 2018. Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3806415>(Дата обращения 21.12.2019).

По этой причине стратегическое партнерство с Сербией вызвано как традициями цивилизационной и религиозной близости, так и глубокими пророссийскими симпатиями широких слоев сербского общества, порожденными уникальными обстоятельствами новейшей истории страны, ставшей объектом в том числе и вооруженной агрессии со стороны ведущих держав современного Запада.

По этой причине стратегическое партнерство с Сербией, основывающееся на экономическом сотрудничестве, поставках вооружения и другой технологической продукции, является следствием не только цивилизационной и религиозной близости, сколько выбранной Белградом внешнеполитической доктрины, подразумевающей, что его интересы лежат не только на Западе, но и на Востоке.

Сегодня внешняя политика сталкивается с определенным количеством методологических, политических и экзистенциальных вызовов, обусловленных стремительно меняющейся ситуацией в мире после 2014 г., кризисом Россия-Запад, разрушением статус-кво, возникшего в 2000-е годы.

Столкнувшись с риском обнуления достижений периода 2000-х годов, Россия получает более широкий инструментарий для ведения собственной внешней политики. Современное состояние международных отношений позволяет ей не связывать себя идеологическими и конъюнктурными условностями. Растет понимание того, что с каждой из стран бывшей Югославии у России существует своеобразная конфигурация отношений, проистекающая из схожести и различий исторической судьбы, цивилизационной близости, масштабов совместных экономических проектов, политической обусловленности. При этом с каждой из них Россию связывает нечто большее, чем прагматические экономические интересы и политическая конъюнктура.

Потенциал этих отношений очень велик. Он до конца не понят и не исследован в России, а поэтому однобоко используется на международной арене. В 1990-х и 2000-х годах Россия приняла на веру постулат о том, что перспектива членства в ЕС решит все проблемы стран бывшей Югославии, а партнерство с ЕС послужит гарантией спокойного позитивного присутствия России в регионе и развития многогранных взаимовыгодных связей. К сожалению, к 2020 году не произошло ни одного, ни другого. Напротив, противостояние между Москвой и Брюсселем проецируется на Юго-Восточную Европу в целом. В конце 2010-х гг. Европейский союз, в свою очередь, совершил симметричную оценку, приняв на веру весьма ущербный постулат о том, что влияние России на Балканах опирается исключительно на историческую память, а современные отношения строятся по принципу максимизации ущерба, наносимого Западу, в месте, где собственные российские национальные интересы невелики. Отбрасывание этого постулата как

политизированного и одностороннего способно позволить Брюсселю реанимировать политику стабилизации и поступательной экономической модернизации стран бывшей Югославии в логике европейского сотрудничества.

Глава 5.3 Роль китайских внешнеполитических инициатив в европейской интеграции государств постъюгославского пространства

Окончание холодной войны предоставило Китаю, как и другим международным акторам, возможность выстроить более тесные отношения со странами Центральной и Восточной Европы, взаимодействие с которыми у КНР в период холодной войны происходило очень дифференцированно и преимущественно на двусторонней основе. Приданию этим отношениям регионального измерения после распада СССР отчасти способствовало социалистическое прошлое Центральной и Восточной Европы. Вместе с тем, оно же и было ограничивающим фактором для новых, стремящихся к реинтеграции в капиталистическую Европу и национально-ориентированных демократических элит. В этой связи КНР не спешила системно активизироваться в этой части Европы, одновременно налаживая диалог с отдельными странами, в основном – с Польшей, Венгрией, Чехией и СФРЮ (позднее СРЮ, а потом – преимущественно с Белградом). Однако и это взаимодействие было далеко не безоблачным: в экономической сфере продукция из Центральной и Восточной Европы проигрывала конкурентную борьбу на рынке даже в условиях санкций в отношении Пекина. В политической сфере демократическое руководство всех центральноевропейских государств, в первую очередь, Чехии было склонно заигрывать с Тайпеем, китайскими диссидентами и Далай-ламой¹⁰⁹⁷.

Отношения с СФРЮ, особенно, логика югославского кризиса также оказывали определенное влияние на восприятие Пекином региона. КНР традиционно выделяла отношения с Белградом из общего ряда. Сохранение СФРЮ как государства с особым типом социалистической экономики для неё было значимо. Однако, несмотря на это, в ходе югославского кризиса Поднебесная признала независимость всех отделившихся республик без особых колебаний.

В течение 1990-х – начале 2000-х гг. главным образом два обстоятельства доминировали в отношениях Китая и Балканского региона: тот факт, что в ходе бомбардировок Белграда силами НАТО в 1999 году коалиция якобы случайно попала в Посольство КНР, а также признание со стороны Скопье независимости Тайваня и разрыв дипломатических отношений Пекина с Македонией в 2000 году. Оба этих обстоятельства напрямую были связаны и повлияли на дальнейший контекст, в первую очередь, американо-китайских отношений в Балканском регионе, однако имели проекцию и

¹⁰⁹⁷ Tubilewicz C. Comrades No More: Sino–Central European Relations after the Cold War// Problems of Post-Communism. 1999.46:2. P. 3-14.

непосредственно на двухсторонние отношения КНР с республиками бывшей Югославии. Попадание в посольство КНР в Белграде усилило антиамериканские настроения, как в Сербии, так, предсказуемо, и в самом Китае, а признание со стороны Скопье Тайваня символизировало, с одной стороны, успех Тайпея в борьбе с Пекином за отдельные европейские столицы, с другой – было следствием особых отношений США с Македонией и влияния Вашингтона и на эту страну, и на ее соседей.

Выход КНР на мировую арену и проявление его внешнеполитических амбиций на рубеже XX – XXI веков определенным образом отразились и на отношениях с Балканским регионом¹⁰⁹⁸. Можно с уверенностью констатировать, что с самого начала, в первой половине 2000-х гг., КНР рассматривала страны бывшей Югославии как потенциальную «точку входа» на рынок Европейского союза. С самим ЕС Пекин заключил соглашение о стратегическом партнерстве в 2003 году. Как результат, усилилась и заинтересованность КНР в Балканском регионе, для которого тогда же Брюсселем была анонсирована перспектива вхождения в Европейский союз. Существенную роль, по мнению сотрудников ИМЭМО РАН, сыграл и глобальный финансово-экономический кризис 2007-2008 годов: «страны Центральной и Восточной Европы, уже прочно вошедшие в экономическую и политическую системы европейской интеграции, стали рассматриваться как удобный канал торгово-инвестиционной экспансии Китая на едином экономическом пространстве ЕС, «полигон» для отработки механизмов такой экспансии и потенциальный инструмент создания благоприятного отношения к китайским инициативам в институтах ЕС. Открытию центрально-европейского «окна возможностей» для Китая способствовал и глобальный экономический кризис, ограничивший возможности финансового содействия странам ЦВЕ из бюджета ЕС и спровоцировавший разногласия между ними и «старыми» членами ЕС»¹⁰⁹⁹.

На практике в отношении Юго-Восточной Европы к началу 2010-х гг. Пекин выработал мультиканальную дипломатию со всеми государствами бывшей Югославии и Албанией, в которой каждый из каналов имеет свою собственную логику и различные схемы реализации. Это, как справедливо выделяет А. Вангели, «1) формат двусторонних отношений; 2) механизм взаимодействия Китая с Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европой (16+1) (сейчас 17+1 – прим. мое, *Е. Г. Энтина*); 3) Инициатива «Один Пояс, Один Путь»...Глобальная идея (ЭПШП – прим. мое, *Е.Г. Энтина*) породила

¹⁰⁹⁸ Vangeli A. China: a new geo-economic approach to the Balkans / In: The Western Balkans in the World Linkages and Relations with Non-Western Countries. Edited by Florian Bieber and Nikolaos Tzifakis. London: Routledge. 2019. P. 206.

¹⁰⁹⁹ Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / Отв. ред. В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН. 2016. С. 70.

нарратив (16+1 – прим. мое, *Е. Г. Энтина*), который практически реализуется на двустороннем уровне»¹¹⁰⁰.

Особенностью этой дипломатии стало то, что в условиях безальтернативной ставки стран Центральной и Юго-Восточной Европы на евроатлантическую интеграцию и очевидно малого присутствия Китая в регионе в предшествующий период, его приход и активизация в конце 2000-х гг. стали неожиданностью не только для политических элит ЕС, но и для самих балканских стран. Недооценка скорости восхождения Китая и его геополитических амбиций привели к тому, что страны региона в определенной степени оказались ошеломлены и дезориентированы количеством предложений, исходящих от Поднебесной¹¹⁰¹. В свою очередь, это привело к поляризации оценок как целей и задач Пекина, так и его восприятия в целом. На сегодняшний день европейская дипломатия только начинает выработать сбалансированный подход к КНР как новому, но неотъемлемому фактору европейского континента¹¹⁰². В странах Юго-Восточной Европы и политические элиты, и население, и эксперты по-прежнему склонны рассматривать китайское присутствие в рамках дихотомии «Китай как возможность» или «Китай как угроза». Такая поляризация приводит к тому, что трезвый и объективный анализ китайской политики и ее задач подменяется комбинацией ожиданий, страхов, иллюзий и других субъективных факторов формирования реальности. Следовательно, дихотомия «возможности» и «угроза» обеспечивают «когнитивные рамки», в которых нормативные проблемы и предписания стоят на первом месте, а эмпирическая оценка проблемных вопросов – на втором месте, если вообще существует¹¹⁰³.

В подобном раскладке в восприятии «возможностей» Китая странами бывшей Югославии кроется множество ловушек. Во-первых, в Юго-Восточной Европе задачи присутствия Пекина в регионе до сих пор сводят исключительно к «открытию магазина на пороге ЕС», как это было десятилетие назад. Следствием такого понимания становится ошибочная трактовка КНР как игрока, готового принять и адаптировать свои задачи под цели евроатлантического мира, его политическую и нормативную модель. При этом упускается из виду, что важнейшей задачей инициативы «Пояс и Путь» является наращивание «мягкой силы» собственно КНР, создание нарратива цивилизационно-исторической общности Китая и стран, через которые (и куда) пролегает маршрут.

¹¹⁰⁰ Vangeli A. Op. cit. P. 207.

¹¹⁰¹ Pavličević D. 'China Threat' and 'China Opportunity': Politics of Dreams and Fears in China-Central and Eastern European Relations // Journal of Contemporary China. 2018. N 27:113. P. 688-702.

¹¹⁰² Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Мучительное избавление от иллюзий: двусмысленная политика ЕС на китайском направлении // Вся Европа. 2019. № 11 (145). Режим доступа: URL: alleuropa.ru/?=16908 (дата обращения 10.01.2020).

¹¹⁰³ Pavličević D. Op. cit.

Вторая и третья «возможности» Китая в глазах бывших югославских республик заключаются в возможности «обогащения» за счет КНР: в качестве аргументов приводятся неограниченные объемы инвестиций, в том числе, без гарантий обязательной экономической отдачи в краткосрочной перспективе и китайский внутренний рынок «емкостью в один миллиард потребителей», создающий впечатление, что получение даже сравнительно небольшого куска этого рынка, принесет высокий доход.

В свою очередь, к традиционным китайским «угрозам» относят специфическую идентичность китайцев, не стремящихся к ассимиляции в европейскую культуру и национальную традицию, что на Балканах особенно ярко доказывается повсеместным наличием большого количества китайских общин, ведущих преимущественно замкнутый образ жизни и за десятилетия не перенявших черты балканского или европейского. Безусловной «угрозой» выглядят способ проникновения Китая в мировую экономику и его место в мировой торговле. Зависимость от китайских кредитов, иные экологические стандарты и стандарты безопасности, пренебрежительное отношение к институту интеллектуальной собственности – основы мирового нарратива «Китай - угроза». На Балканах он дополняется «угрозой» усугубления проблемы безработицы или, по крайней мере, нежелания КНР принять участие в решении этой проблемы путем заключения подрядов с местными компаниями.

Применительно к странам бывшей Югославии дихотомия «Китай как возможность» и «Китай как угроза» дополнительно накладывается на традиционное представление о том, что в силу своего буферного положения данные государства обречены на конкуренцию за влияние в них между «великими державами». Неожиданный приход КНР в Юго-Восточную Европу подтвердил и обострил данный тезис, добавив на «шахматную доску» Балкан еще одного влиятельного актора с Востока, таким образом в практической плоскости оживив идею Балкан как «моста между Востоком и Западом».

Подобная полярность трактовок целей и задач КНР в ЕС и по границам его периферии стимулируют необходимость объективного анализа фактологической стороны присутствия Пекина на Балканах.

Еще до провозглашения большого трансрегионального инфраструктурного проекта, выросшего в инициативу «Пояс и Путь», Китай получил уникальную возможность наращивать свое присутствие и влияние в Юго-Восточной Европе. Особенностью китайской стратегии является то, что все остальные игроки имеют определенную историческую, социокультурную, религиозную базу в регионе. У Китая же такой привязки нет. Благодаря этому отсутствуют сдерживающие моменты в виде исторической или религиозной неприязни. В свою очередь, у Китая снижены запросы,

касающиеся военных вопросов и безопасности. Как следствие, отсутствуют серьезные политические требования.

Свобода маневра, которую Поднебесная может позволить себе на Балканах в сравнении и с западными партнерами, и с Россией, сыграла ключевую роль. Сотрудничество с Пекином не обусловлено политическими требованиями или кабальными условиями, характерными для кредитов МВФ и Всемирного банка. Оно не досаждаёт традиционными требованиями ЕС о необходимости борьбы с коррупцией, сдерживания миграции и создания гражданско-правовых институтов.

Впервые озвученный Си Цзиньпином в 2013 году, концепт Нового шелкового пути стал, таким образом, практическим выражением данных преимуществ и основой китайской публичной дипломатии. Идея создания двух логистических коридоров – Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века – обрела конкретный внешнеполитический смысл, выраженный в многочисленных инициативах, направленных не только на создание новой транспортной сети, но и на углубление кооперации, экономического сотрудничества между Китайской республикой и странами, входящими в маршруты Шелкового пути¹¹⁰⁴. Под концепт Нового шелкового пути до этого, в 2009 году, была сформирована площадка по взаимодействию с шестнадцатью странами Центральной и Восточной Европы. На встречах в 2011 году в Будапеште и в 2012 году в Варшаве «16+1» был официально определен как «механизм», координируемый Министерством иностранных дел КНР с целью развития прагматического сотрудничества между Китаем и ЦВЕ. С этого момента «16+1» стал быстро развиваться и достраиваться новыми сферами взаимодействия. Первоначально «приоритетными отраслями для китайской экспансии являлись транспортная и энергетическая инфраструктура, альтернативная и атомная энергетика, минерально-сырьевые отрасли и агропродовольственный комплекс»¹¹⁰⁵, но очень скоро к ним добавились культура, образование и здравоохранение. Как констатирует А. Вангели, это привело к тому, что «16+1» стала квази-международной организацией в том смысле, что превратилась в одну из лабораторий региональной дипломатии Китая (наряду с платформами, которые Китай создал в других местах) и развития «Пояса и Пути»¹¹⁰⁶.

При этом уникальность формата и для Китая, и для региона в целом заключается в том, что в отличие от других платформ регионального сотрудничества, таких как Форум

¹¹⁰⁴ Pavlicevic D. China's New Silk Road Takes Shape in Central and Eastern Europe // China Brief. Issue 1. 9 January 2015. P. 9.

¹¹⁰⁵ Китай и Восточная Европа. Указ. Соч. С. 70.

¹¹⁰⁶ Vangeli A. Global China and Symbolic Power: The Case of 16+1 Cooperation // Journal of Contemporary China. 2018. N27:113. P.674-687.

по китайско-африканскому сотрудничеству, Форум Китай - Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна, Диалог между Китаем и Форумом тихоокеанских островов или форматов сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН, где Китай взаимодействует с заранее определенными группами стран (т.е. в априори очерченных географических рамках), в случае с «17+1» Пекин самостоятельно сформировал состав стран-участников. Таким образом, из всех внешних акторов, действующих в Юго-Восточной Европе, только КНР и Европейский союз имеют четкие географические границы своего взаимодействия, опирающиеся на долгосрочное и публично артикулированное видение своего присутствия и влияния в регионе, что выводит их на принципиально иной в сравнении с Россией, Турцией, США и странами Персидского залива уровень.

Логика инициативы «Пояс и Путь» функциональна и нацелена на создание шести экономических коридоров: Новый Евразийский мост, коридор Китай-Монголия-Россия, коридор Китай - Центральная Азия-Западная Азия, Китай - Индокитай, Китайско-Пакистанский экономический коридор и коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма. Их должен дополнить Морской шелковый путь, который соединит порты от Индийского океана до Средиземного моря, а также к Северному морю и Арктике. Тот же А. Вангели утверждает: «Балканский полуостров находится на пересечении Нового Евразийского сухопутного моста и Морского шелкового пути, что возрождает Большое Средиземноморье как пространство экономической деятельности. Пересечение суши и моря имеет особое значение, так как Китай подчеркивает важность интермодальных соединений»¹¹⁰⁷.

Включенность стран бывшей Югославии в «Пояс и Путь» объясняется, поэтому, следующими обстоятельствами, выстроенными, как нам кажется, в порядке приоритетности: 1) возможностью воссоздания старых и формирования новых производственных мощностей и, тем самым, подключения Китая в качестве важного актора в Большом Средиземноморье; 2) транзитным положением Балкан в транспортно-логистических цепочках Европы, а, кроме того, 3) наличием системы соглашений о свободной торговле с ЕС, что позволяет Пекину беспрепятственно выходить на европейский рынок¹¹⁰⁸. Помимо выгод от режима свободной торговли между ЕС и западно-балканскими странами, присутствие на балканских рынках позволяет Китаю обойти антидемпинговую европейскую политику. В отношении Юго-Восточной Европы

¹¹⁰⁷ Vangeli A. (China) Op. cit. P. 207.

¹¹⁰⁸ Zeneli V. China's Balkan Gamble. Why is China investing so much in the debt-burdened Balkans? // The Diplomat. 15.12.2014. Режим доступа: URL: thediplomat.com/2014/12/chinas-balkan-gamble/ (дата обращения: 20.12.2019).

Китай, по всей видимости, руководствуется той же стратегией проникновения, что использовал ранее в Южной Америке. «Она подразумевает инвестирование в инфраструктуру стран (полу)периферии, которые находятся в непосредственном соседстве с огромным рынком Европейского союза, – разъясняет А. Милат. – Таким образом данную инфраструктуру можно использовать не только для транспортировки природных ресурсов, но и для размещения готовой продукции на одном из самых больших рынков мира. Это объясняет тот факт, почему Китай инвестирует в создание трансрегиональной структуры и мало заинтересован во вложениях во внутреннюю инфраструктуру балканских стран»¹¹⁰⁹.

Пролегание Нового евразийского моста и Морского шелкового пути через Балканский регион обеспечивает то, что последний становится важным транспортно-логистическим звеном входа в Центральную и Восточную Европу. Центральный маршрут проходит из Западного Китая через Казахстан и Каспийское море в Азербайджан, Грузию и далее через Черное море в Болгарию и Румынию. В него также включены порты Турции (с дальнейшим транзитом в страны Южной Европы и балканские страны Центральной и Восточной Европы) и Украины (с потенциальным транзитом в Словакию, Венгрию и через Белоруссию в Литву). «Серьезными барьерами на нем являются пересечение четырех таможенных границ, необходимость четырех перегрузок с сухопутного на морской транспорт, отсутствие согласованного «сквозного тарифа». Центральный маршрут сможет конкурировать с Северным, но вряд ли «перехватит» основную часть грузоперевозок «Китай–Европа»¹¹¹⁰.

В Морском шелковом пути выделяются два важнейших сухопутных пункта – Венгрия и Сербия. В дополнение, опорными пунктами китайского Шелкового пути становятся порты в Баре (Черногория), Копере (Словения), Салониках и Пирее (Греция). С последним китайский гигант в области коммерческих перевозок COSCO заключил в 2009 г. соглашение о стратегическом партнерстве, контроле над менеджментом и аренде на тридцать лет. «Превращению Сербии в региональный сухопутный хаб будет способствовать модернизация адриатического порта Бар в Черногории и связывающей его с сербским Белградом железной дороги, а также сооружение скоростной автомагистрали Белград–Бар»¹¹¹¹.

В дополнение к наземному транспорту и сотрудничеству морских портов в Черном, Балтийском и Адриатическом морях, существует также речной транспорт на Дунае и

¹¹⁰⁹ Milat A. Kineski investicije na Balkanu // BILTEN. 15.05.2015. Режим доступа: URL: <http://www.bilten.org/?p=6447> (дата обращения 10.01.2020).

¹¹¹⁰ Китай и Восточная Европа... С. 70.

¹¹¹¹ Китай и Восточная Европа... С. 70.

Вардаре¹¹¹². Кроме того, китайские бизнесмены управляют вторым аэропортом в Словении – Марибор и единственным аэропортом гражданской авиации в Албании (Тирана).

Одним из наиболее крупных транспортных проектов считается создание высокоскоростной железнодорожной дороги от Будапешта до Белграда, которая затем протянется через Северную Македонию и Грецию до порта Пирей, проект, известный как Линия сухопутного морского экспресса Китай-Европа (CELSE). С этим проектом связаны соглашения и контракты на закупку высокоскоростных китайских поездов у CRRC Zhuzhou, причем две важные сделки были заключены в Македонии в 2014 году (поезда были введены в эксплуатацию в 2015 году) и в Чешской Республике в 2016 году. В рамках китайско-венгерско-сербского транспортного соглашения с преобладающим китайским финансовым и производственно-технологическим участием построен мост через Дунай в Белграде стоимостью 360 млн долл., разворачивается строительство авто- и железнодорожных скоростных магистралей в Венгрии, Сербии, Македонии, Черногории и Греции. В Черногории – автотрасса Бар-Боляре, предназначением которой является обслуживание черногорских портов. Одно из последних достижений Поднебесной – получение компанией Shandong концессии на строительство автотрассы Баня Лука-Приедор, участием в строительстве которой Китай формально вошел в концессионный автодорожный сектор в Европе.

Таким образом, в транспортно-логистической системе Балкан, в отличие от России, КНР занимает не просто не миноритарное место. Его присутствие ЕС и другим международным акторам невозможно не учитывать.

Объединением центрально-европейского участка Экономического и Шелкового пути и Эгейского участка Морского шелкового пути КНР значительно оживляет потоки товаров и пассажиров на одном из самых важных исторических перекрестков в Европе, что, вне всяких сомнений, будет способствовать не только росту его социально-экономического значения, но и его переходу в весомое политическое влияние в регионе. По мнению В. Зенели, «очевидно, что экономики балканских государств находятся в плохой форме и срочно нуждаются в инвестициях. Китай, кажется, осознал это, но создание своей ниши у ворот ЕС – лишь первый шаг на пути еще больших проектов в Европе. Пекин открывает фонды и скупает будущие активы в регионе, тесно связанном с Западной Европой. Имея большое количество капиталов и будучи готовым их вкладывать, Китай может переиграть многих западных конкурентов на Балканах. Китайские

¹¹¹² Vangeli A. China's Engagement with the Sixteen Countries of Central, East and Southeast Europe under the Belt and Road Initiative // *China & World Economy*. 2017. N 25 (5). P. 101–124.

инвестиции, без сомнения, перерастут во влияние. Этот факт должен быть всесторонне оценен ЕС»¹¹¹³.

Вслед за созданием транспортно-логистической инфраструктуры вторым важнейшим направлением китайской политики в Юго-Восточной Европе стал энергетический сектор. Наиболее важным проектом в этой области является инвестирование китайской корпорацией General Nuclear Power Corporation 7,8 млрд долл. США в румынскую атомную электростанцию Чернаводэ. Среди сербско-китайских выделяются инвестиции КНР в ТЭЦ Костолац, где завершена реконструкция первого энергоблока. В настоящее время, согласно информации Министерства энергетики и ресурсов, идет строительство блока В3. Эти инвестиции стали наиболее крупными вложениями в энергетику Сербии за последние тридцать лет¹¹¹⁴. Также подписано соглашение о строительстве теплотрассы от ТЭЦ Обреновац до Белграда стоимость свыше 900 млн евро под долгосрочное кредитование со стороны китайских банков. В Боснии и Герцеговине DongfangElectric инвестировал в строительство ТЭЦ Старани, а также выбран партнером для строительства ТЭЦ Бановичи. Компания Gezhouba вместе с американскими и европейскими партнерами должна выстроить 7 блок ТЭЦ Тузла, который станет самым крупным после распада Югославии инвестиционным проектом в БиГ.

Примечательно, что центральным звеном для КНР и оплотом китайского проникновения в Балканском регионе является, как очевидно даже из вышеперечисленных проектов, Республика Сербия. «Экономически Сербия – пятый по объему реципиент ПИИ Китая в ЦВЕ после Венгрии, Польши, Чехии и Румынии, а также координатор сотрудничества по железнодорожному транспорту и инфраструктуре в рамках «16+1»¹¹¹⁵ (с приглашением Греции ставшим 17+1). Это не случайность. Во-первых, исторически именно Сербия является центральным звеном в географии транзита в этой части Европы. Во-вторых, Сербия объективно из всех нечленов ЕС в Юго-Восточной Европе представляет собой наиболее политически стабильное и одновременно имеющее принципиальное региональное значение государство. В-третьих, КНР и Сербию, как отмечено выше, еще с социалистических времен связывают партнерские отношения. Сотрудничество развивается с середины XX века, когда Белград признал Китайскую народную республику в качестве независимого государства. Дипломатические отношения были установлены в 1955 г., и с тех пор в целом были весьма дружественными. Китай

¹¹¹³ Zeneli V. Op. cit.

¹¹¹⁴ Antić sa Novim Predsednikom Kompanije СМЕС. // Ministarstvo rudarstva I енергетике. 24.06.2019. Режим доступа: URL: <https://www.mre.gov.rs/latinica/arhiva-aktuelno-jun-2019.php> (дата обращения 10.01.2020).

¹¹¹⁵ Китай и Восточная Европа...С. 70.

поддерживал своего балканского партнера во время международной изоляции в 1990-е гг. Он был категорически против бомбардировки Сербии силами НАТО в 1999 г., объявив о том, что западная интервенция грубо нарушает международное право. Пекин последовательно поддерживает позицию сербского руководства по Косову, высказываясь не только против признания независимости Косова, но и не разделяя стремлений текущего политического руководства в Белграде решить Косовский вопрос через достижение окончательной договоренности с Приштиной при посредничестве ЕС. Понятно, что его позиция объясняется не столько декларативной демонстрацией дружбы, сколько реальными опасениями роста сепаратистских настроений внутри самого Китая, но в общем создает очень позитивный имидж КНР в Сербии.

В свою очередь, сербское руководство в течение двух последних десятилетий последовательно поддерживает международную позицию китайского партнера. Самым известным выступлением сербов в защиту позиции КНР, которое вызвало бурный резонанс и внутри правящих кругов Сербии, было заявление в 2010 г. тогдашнего министра иностранных дел Вука Еремича, что Сербия присоединится к тем странам, которые проигнорируют церемонию вручения Нобелевской премии китайскому диссиденту Ли Ксиабо¹¹¹⁶. Помимо этого, с 2008 г. Сербия отказывается присоединяться к международным инициативам против стран, в защиту которых выступает Пекин (Иран – 13 раз, Судан – 4 раза, Зимбабве – 4 раза, Мьянма – 4 раза и Северная Корея – 1 раз). Таким образом, солидаризируясь с позицией Китая, Сербия отходит в сторону от ценностей и политики ЕС¹¹¹⁷.

В 2009 г. между Республикой Сербией и КНР было подписано соглашение о стратегическом партнерстве и сотрудничестве. В нем китайская сторона еще раз подтвердила готовность поддерживать официальную позицию Белграда в отношении Косова, а сербская – китайскую по поводу независимости Тайваня¹¹¹⁸. В 2014 году Сербия и Китай подписали 13 соглашений в области технического и экономического взаимодействия, прежде всего касающихся финансов, инфраструктуры, телекоммуникаций, сельского хозяйства и транспортной сферы. Уже в 2019 году Китайский банк развития заключил соглашение с сербским Сберегательным банком в размере 25 млн евро и подписал два меморандума между Белградом и Пекином о

¹¹¹⁶ Poulain L. China's new Balkan Strategy // Central Europe Watch. Center for strategic and international studies. August 2011. N 1 (2). 7 p.

¹¹¹⁷ Pavlicevic D. The Sino-Serbian Strategic Partnership in a Sino-EU Relationship Context // The University of Nottingham. Briefing Series. April 2011. Issue 68. 12 p.

¹¹¹⁸ Joint statement between Republic of Serbia and People's Republic of China on Establishing Strategic Partnership.// Официальный сайт МИД КНР Режим доступа: URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t581207.shtml (Дата обращения 10.01.2020).

дальнейшем развитии отношений. В итоге объем запланированных инвестиционных проектов КНР в Сербии превысил 10 млрд долларов¹¹¹⁹.

Кроме того, ключевую важность стало приобретать сотрудничество в информационно-технологическом секторе. Если по итогам заключения Соглашения о стратегическом сотрудничестве в 2013 году компания «Хуавей» передала часть лабораторий информационных и коммуникационных технологий Университету Белграда¹¹²⁰, то несколькими годами спустя именно через Сербию «Хуавей» утвердилась в регионе и объявила о перспективе запуска 5G. В начале 2019 года в рамках проекта «Безопасный город» была анонсирована перспектива установки более 1000 камер слежения в 800 местах Белграда. Реализацию проекта будет с большой вероятностью осуществлять сама компания, которую евроатлантические страны (наряду с Яндекс) подозревают в передаче персональных данных национальным органам безопасности.

Точно также китайские компании внедряются в добывающую и обрабатывающую промышленность, сектор услуг и агропродовольственный комплекс стран Западных Балкан¹¹²¹. Наиболее крупные китайские инвестиции в производственном секторе – сталелитейный комбинат «Железара Смедерево»¹¹²² и медная компания «RTV Bor», при покупке которой китайцы опередили Канаду и Россию. Приобретение убыточного комбината в Смедерево за 46 млн евро стало важнейшим китайским активом в регионе. Во-первых, для Сербии это градообразующее предприятие, на котором задействовано свыше 5.000 человек из 100.000 населения Смедерева. Во-вторых, предыдущим владельцем комбината была американская компания U.S. Steel, которая вернула его сербскому правительству за символический один американский доллар¹¹²³. Однако комбинат сегодня играет свою роль в торговой войне между США и Китаем.

Ситуация хорошо описана на страницах периодических изданий: «В 2000-2013 гг. производство стали в Китае выросло в семь раз и на его долю стала приходиться половина мировых мощностей. Но к тому времени рост ВВП страны замедлился, и местные производители наводнили мировые рынки и сбили цены. Средняя стоимость экспорта китайской стали снизилась примерно на 50% в 2011-2016 гг. Правительства других стран

¹¹¹⁹ Conley H. A., Hillman J. E. The Western Balkans with Chinese Characteristics // Center for Strategic and International Studies. 30.07.2019. Режим доступа: URL: <https://www.csis.org/analysis/western-balkans-chinese-characteristics> (дата обращения 10.01.2020).

¹¹²⁰ Joint statement between Republic of Serbia and People's Republic of China. Op. cit.

¹¹²¹ Китай и Восточная Европа... С. 70.

¹¹²² Сербский меткомбинат официально стал китайским // Сайт портала «Металлоснабжение и сбыт». 18.04.2016. Режим доступа: URL: <http://www.metalinfo.ru/ru/news/85191> (дата обращения 10.01.2020).

¹¹²³ Le Corre P. China's Rise as a Geoeconomic Influencer: Four European Case Studies // 2018 Carnegie Endowment for International Peace. Режим доступа: URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_LeCorre_China_formatted_FINAL_WEB.PDF (дата обращения 10.01.2020).

ответили на это введением более 130 антидемпинговых пошлин на поставки китайских металлов, в основном стали. Из-за этого Пекин распорядился сократить в 2016-2020 гг. сталелитейные мощности на 150 млн тонн в год. Но в то же время в 2014 г. правительство приняло план по расширению производства за рубежом при поддержке государственных финансовых организаций»¹¹²⁴. Именно в рамках этой кампании китайским Hesteel была приобретена Железара Смедерево, используя мощности и географическое положение которой, КНР беспрепятственно экспортирует сталепродукцию в страны ЕС. Что касается RTB Bor (горно-обогатительный комбинат), то Zinjin Mining Group инвестировала в него 1,26 млрд долл., провела докапитализацию в размере 350 млн долл., в итоге получив 63% акций компании, что делает Китай заметным игроком и на рынке горнодобывающей промышленности региона¹¹²⁵.

Попутно китайские бизнесмены начали входить и в другие, менее стратегически значимые, сектора экономики Юго-Восточной Европы. Так, компания Hisense приняла на себя управление известным словенским брендом Gorenje. При этом, в отличие от того, как осуществлялись другие инвестиции, была произведена замена значительной части менеджерской верхушки, кроме того, анонсировано увеличение производственных мощностей компании в Сербии. Стратегической целью КНР здесь является приобретение практического опыта для последующего развертывания китайских компаний на рынке производства потребительских товаров в ЕС. С этой точки зрения, вход через одну из бывших югославских республик, наиболее лояльную не только к Пекину, но и к Москве, особенно символичен.

Не столь интенсивно развиваются албано-китайские отношения, хотя исторически в них заложен солидный потенциал. До начала 1970-х гг. Тирана была наиболее последовательным союзником Пекина, но потом отношения просели. В 1978 г. из-за разрыва, инициированного Э. Ходжой, Албания утратила прежние позиции. Несмотря на то что уже в середине 1980-х гг. отношения с Китаем были восстановлены, вернуть их не удалось. Когда в 1990-х Тирана пыталась выйти на обновленное партнерство, сделать это не получилось, поскольку к тому времени и все страны бывшей Югославии признали китайское лидерство, а автономные связи с Тайванем, которые и прежде весьма осторожно развивались Белградом, сменились однозначной поддержкой Пекина по

¹¹²⁴ Как Китай обходит пошлины на сталь в США и Европе // Ведомости. 05.06.2018. Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/06/05/771880-kitai-obhodit-poshlini-stal> (дата обращения 10.01.2020).

¹¹²⁵ Balkanski put svile: 5 milijardi dolara kineskih investicija u pet zemalja jugoistočne Evrope, uključujući i Crnu Goru. // Investitor.me. 03.04.2019. Режим доступа: URL: <https://investitor.me/2019/04/03/balkanski-put-svile-5-milijardi-dolara-kineskih-investicija-u-pet-zemalja-jugoistocne-evrope-ukljucujuci-i-crnu-goru/> (дата обращения 10.01.2020).

данному вопросу. Пока основной постоянной сферой взаимодействия Албании и КНР остается сельское хозяйство. Вместе с тем, КНР проявляет заинтересованность в албанских выходах на Адриатическое и Ионическое моря. Кроме того, в 2017 году через германских концессионеров китайская компания China Everbright получила право на управление единственным гражданским аэропортом Албании – Тиранским аэропортом им. Матери Терезы¹¹²⁶.

Таким образом, если в 2007 году Китаю, Гонконгу и Макао принадлежали около 5.000 европейских компаний, то уже спустя десять лет эта цифра увеличилась фактически в шесть раз и составила около 28.000. Логично, что при таком темпе усиления собственного присутствия КНР воспринимается неизбалованными странами Юго-Восточной Европы одновременно и как «возможность», и как «угроза».

Также логично и то, что в последние годы Брюссель сделал чуть ли не основным в информационной кампании сдерживания Китая и противостояния его дальнейшему проникновению как в страны Азии, Африки и Латинской Америки, так и в европейский регион вопрос «а не сыр ли это в мышеловке». Используемая им аргументация была отточена при запуске своей собственной политики сопряжения Европы с Азией, обнародованной 19 сентября 2018 года¹¹²⁷ в противовес китайской инициативе «Пояс и Путь».

Этот дискурс сопровождается следующей трактовкой последствий взаимодействия с КНР. Недавно Пекин получил свою первую военную базу за пределами национальных границ. Китайская военная база в Джибути была открыта, в том числе, в обмен на реструктуризацию долга. Шри-Ланка, пытаясь выплатить его Пекину, передала в аренду сроком на 99 лет глубоководный порт Хамбантота на своем южном побережье. По мнению большинства европейских экспертов, такой обмен следует рассматривать в контексте тенденции к расширению китайского военно-морского присутствия в Индийском океане и на Средиземноморье и грядущего изменения роли Китая в решении задач глобальной и региональной безопасности. Настораживающе, если следовать данной логике рассуждений, выглядит и бедственное положение балканских стран перед китайскими кредиторами.

¹¹²⁶ Mladen L., Dimitrov M., Rudic F. and Luca A.-M. China's Balkan 'Gifts' Come With Strings Attached // Balkan Insight. 21.03.2018. Режим доступа: URL: <https://balkaninsight.com/2018/03/21/china-s-balkan-gifts-come-with-strings-attached-03-19-2018/> (дата обращения 10.01.2020).

¹¹²⁷ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank "Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy". High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Brussels, 19.9.2018 join (2018) 31 final. 14 p. // Официальный сайт ЕС. Режим доступа: URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (дата обращения 10.01.2020).

Крупнейшим должником Пекина является адриатическая Черногория. 39% ее внешнего долга приходится на Китай. Второй в списке стоит Северная Македония с пятой частью общего объема долга, приходящейся на китайцев. Следом за ними – Босния и Герцеговина и Сербия, с 14 и 12% соответственно. Это позволяет западным политическим элитам активно эксплуатировать тезис о том, что КНР «закабалает» балканские страны. Как нам представляется, речь действительно идет о постепенном наращивании зависимости экономически несамостоятельных стран от Пекина за счет накачивания их экономики инвестициями, не имеющими отношения к развитию производственного сектора. Однако КНР в данном случае лишь заимствует опыт самих стран Запада на предыдущем историческом витке, в том числе, в отношении социалистической Югославии в 1960-1980-е гг., когда ЕЭС и его государства-члены (как показано в Главе 1) наполнили югославскую экономику кредитами, использование которых предназначалось не на развитие производственного сектора, а на закупку западных технологий и оборудования, что в результате стало одной из причин глубокого экономического кризиса и принципиальной неререформируемости финансово-экономической системы СФРЮ в условиях существовавшего политического нарратива.

Кампания по дискредитации намерений Китая и его экономической экспансии на Восточную и Юго-Восточную Европу потребовалась ЕС для того, чтобы упрочить свои позиции в регионе, которые стали ослабевать в силу действия целого ряда факторов объективного и субъективного характера, и переосмыслить всю систему своих отношений с Поднебесной. За эту работу Брюссель взялся с большим опозданием. С одной стороны, у него было слишком много внутренних забот, связанных с поиском ответа на переживаемые им многочисленные кризисные явления¹¹²⁸. С другой – он слишком долго воспринимал Китай лишь как колоссальный потребительский рынок, преимуществами которого обязательно нужно воспользоваться, и как производителя товаров с низкой добавленной стоимостью, который не сможет подняться выше определенного уровня. Выход Китая в мировые технологические лидеры и амбициозные планы руководства Поднебесной занять доминирующее положение в глобальной новой экономике застали его врасплох. Одновременно пришло понимание того, что для многих стран, традиционно ориентирующихся на ЕС, комбинированная модель социально-экономического развития и институционально-политического устройства, предлагаемая Китаем, становится предпочтительнее – демонстрируемые им экономические успехи и политическая стабильность превышают всё остальное – что подрывает всю политику обусловленности и европеизации, на проведение которой всегда делал ставку Брюссель. Однако

¹¹²⁸ Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А. // Современная Европа. 2019. № 1-2.

перестроить всю систему отношений с Пекином таким образом, чтобы подчинить их в большей степени своим интересам, у ЕС уже не получается. На протяжении нескольких последних десятилетий он привык совместно с США вести переговоры с третьими странами с позиции силы. В большинстве случаев – вообще диктовать им свои условия. Предлагать что-либо Китаю (как и России) с позиции силы Брюссель больше не может. Он утратил такую возможность. Убеждать иначе – разучился. Используемый им сейчас набор мер, фактически вписывающийся в парадигму сдерживания Китая, на котором настаивает Вашингтон¹¹²⁹, дает противоречивые результаты. Наряду с упоминавшейся выше антикитайской пропагандистской кампанией, в него входят: ужесточение контроля над китайскими инвестициями и деятельностью компаний с участием китайского капитала; повсеместное продвижение модели регионального, трансрегионального и мирового порядка, основанного на правилах; перехват инициативы у Пекина в том, что касается экономической и финансовой активности и реализации инфраструктурных, энергетических и других экономических проектов; активизация усилий по привязке к себе политических элит, политики безопасности и экономической политики зависимых стран; запуск внутренней дискуссии по поводу того, какие требования должны предъявляться тем странам, которые рассчитывают на особые отношения с ЕС.

Развернутая ЕС кампания по дискредитации намерений Китая, инициативы «Пояс и Путь» и его экономической экспансии возымела своё действие. Большая часть экспертного сообщества ЕС и финансово зависимого от него перешла на антикитайские позиции. Политические элиты и гражданское общество стали относиться к политике и деятельности Китая более критично и с большей подозрительностью. Однако никакие словесные кампании не заменят реальные капиталовложения и конкретные экономические проекты, осуществляемые Китаем и китайскими компаниями. КНР дополнительно усиливает социокультурную составляющую инициативы «Пояс и Путь»; уделяет еще более пристальное внимание наращиванию «мягкой силы»; вносит необходимые коррективы в методы проникновения на внешние рынки и их завоевания. Так, последнее время к реализации экономических проектов шире привлекается местная рабочая сила. В разы увеличено количество иностранных студентов, обучающихся в университетах Китая, которые по возвращении домой обеспечивают социальную поддержку Пекина и лоббируют переориентацию на Поднебесную.

Серьезное усиление противоречий внутри ЕС вызвало требование США прекратить или существенно ограничить экономическое взаимодействие с определенными

¹¹²⁹ Энтин М.Л., Энтина Е.Г. . Указ. Соч.

высокотехнологичными китайскими фирмами. Так, в преддверии последнего съезда ведущей политической партии Германии, возглавляющей правящую парламентско-правительственную коалицию, было подготовлено три проекта резолюций, переводящих это требование в практическую плоскость. Одна из них всё-таки была утверждена ХДС. Это, однако, пока не повлияло на принятие решений о допуске «Хуавей» к тендерам на создание сетей 5G. О том, что они не будут придерживаться дискриминационной практики, заявили Великобритания, Испания и некоторые другие страны ЕС. К началу 2020 года две трети оборудования для развертывания сетей 5G в Великобритании и Италии были поставлены «Хуавей». Предполагается, что в 2020 г. компания установит у себя и в третьих странах – более 1,5 млн штук¹¹³⁰.

Концепция порядка, основанного на правилах, излагается во внешнеполитической Стратегии ЕС 2016 года. В 2019 году она заняла центральное место в одобренной ЕС политике сопряжения Европы и Азии, задуманной в качестве противовеса инициативе «Пояс и Путь». В чём-то она перекликается с «Свободным и открытым видением Индо-Тихоокеанского региона», продвигаемым с 2016 года Японией в отношениях со странами региона¹¹³¹. Позиция Токио – если обязать всех проводить только открытые тендеры на получение контрактов, раскрыть информацию о государственных компаниях и оказываемой им поддержке, добиться пресечения субсидирования в соответствии с предписаниями ВТО и строго придерживаться международных правил о защите интеллектуальной собственности, китайские компании не смогут доминировать на рынке. Японские и другие корпорации, придерживающиеся правил, конкурентоспособнее. В принципе – это ядро требований, которые ЕС хотел бы заложить в текст базового всеобъемлющего экономического соглашения с Китаем. Переговоры идут не один год. Они далеки от завершения. Чтобы форсировать их, с официальными визитами в Пекин во второй половине 2019 года приезжали и Ангела Меркель, и Эмманюэль Макрон. Но концепция регионального, трансрегионального и мирового порядка, на котором настаивает Брюссель в отношениях с Россией, Китаем и расположенными между ними странами, идет намного дальше. Фактически под правилами она подразумевает интеграционное право ЕС и его проекцию вовне. Здесь Брюссель в отношениях со всеми третьими странами неминуемо упирается в ту же самую проблему «обусловленности» и европеизации.

¹¹³⁰ Инвестиции Huawei превысили вложения Европы и США вместе взятые // Tadviser. Государство. Бизнес. ИТ. 28.12.2019. Режим доступа: URL: tadviser.ru/index.php/Компания:Huawei (дата обращения 10.01.2020).

¹¹³¹ Браун Д. «Пояс и Путь» по-японски. Что дает России конкуренция проектов Японии и Китая в Азии // Московский Центр Карнеги. 11.07.2019. Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/7949/> (дата обращения 10.01.2020).

Стремление дополнительно через политическое и экономическое давление и подтверждение европейской перспективы балканских стран монополю привязать политические элиты и экономику региона к себе исходит из того, что этой проблемы нет или она вообще не должна существовать. Хотя реальность совершенно другая.

Получается, с одной стороны, Пекин легко и без стеснения играет на противоречиях между ЕС, обуславливающим свои инвестиции политическими требованиями, и потребностями балканских стран в любых капиталовложениях, а политических элит – в противовесе и ослаблении их зависимости от Брюсселя. С другой – ЕС нащупывает контригру против Китая, дирижируя недовольством в регионе по поводу того, что Пекин получает односторонние выгоды и «закабальет» других.

Экономические интересы проникновения Китая в ЕС через балканские государства очевидны, но, помимо этого, КНР много получает благодаря установлению прямых связей со странами от Средиземного до Балтийского морей в обход центральных властей Европейского союза и европейской бюрократии. Получается, что на практике Китай во многом выстраивает отношения с Востоком и Юго-Востоком Европы так же, как Соединенные Штаты: Вашингтон имеет возможность работать как с Брюсселем, так и со всеми государствами-членами ЕС, минуя Брюссель.

Представляется, что сущность противостояния Китая и ЕС в регионе Центральной и Восточной, а также Юго-Восточной Европы вскрывает и собственно восприятие этой части Европы обоими акторами. Европейские дебаты и критика дипломатических усилий Китая в ЦВЕ и на Балканах неотделимы от еще более глубокой дискуссии внутри стран «ядра» ЕС о месте и роли его восточной периферии для него самого. Именно эти страны проходили и идут по пути европеизации. Степень их европеизации, как разбирается в предыдущих главах, в первую очередь, измеряется тем, насколько они придерживаются практик и мышления, исходящего от европейских бюрократических институтов. В этой связи Европейский союз естественным образом стал «патроном» сначала для центрально- и восточно-европейских стран, затем – для стран бывшей Югославии. Поэтому отношения с Китаем, как и с другими международными акторами, должны, по логике Брюсселя, контролироваться им и, что еще надежнее – исходить от него. Их интенсивность и глубина также должны регулироваться «ядром». При этом упускается из виду, что подобное допущение не укрепляет единое пространство Европейского союза, а, напротив, продолжает разрывать и делить его, как было на предшествующих этапах расширения. Таким образом, проникновение КНР в буферную часть Европы обнажило тот факт, что глубинное деление западной части континента не было преодолено европейской

интеграцией, а потому, с появлением новых форматов сотрудничества на мировой арене, становится ее естественным пределом.

В свою очередь, КНР как в логике своих геополитических традиций, так и на практике не разделяет европейскую часть Евразии на более мелкие политико-географические зоны. Европейский союз представляет для него единый блок, в котором есть страны, с которыми Пекин связывает больший или меньший исторический опыт взаимодействия. Однако все они – и «старожилы» ЕС, и «новобранцы», а также страны бывшей Югославии, которые являются только кандидатами на вступление – принадлежат единой европейской цивилизации и политико-экономической и правовой среде Европейского союза.

Регион, объединенный проектом «17+1», отличается для Китая от Западной Европы только уровнем экономического развития, благосостояния граждан и плотностью инфраструктуры, что и предопределяет, в понимании КНР, его привлекательность и потенциал. Основной целью присутствия КНР в Юго-Восточной Европе является формирование глобальной стратегии своего сопряжения с миром, поэтому в ее основе лежит не попытка «разорвать» ЕС и его периферию на разные зоны влияния, а создать единую, европейскую. Это упростило бы и внешнеполитическую активность Китая на европейском (и непервоочередном в стратегии КНР) направлении, а также создало пространство безопасности на этом участке «Пояса и Пути». Следовательно, попытки Европейского союза навязывать странам региона свое видение взаимодействия с КНР, скорее всего, не усилит либерально-демократическую парадигму развития Юго-Восточной Европы, которая, вопреки внутривнутриполитическим факторам и торможению европейской интеграции, по-прежнему доминирует, а ослабит ее, что неминуемо станет и пределом роста влияния ЕС в регионе.

Заключение

1. Исследование интеграционных процессов в Европе справедливо связано с феноменом европейской интеграции и Европейского союза как уникальной политики, в которой разделяемые цивилизационные и политические ценности, нормы и убеждения встроены в механизм принятия решений. Подобная уникальность подталкивает изучать внутренние процессы в ЕС и его периферии с точки зрения либерально-конструктивистских подходов. В период биполярного и однополярного мира применение подобных подходов было обоснованным и допустимым вследствие ограниченного набора факторов, влиявших на европейскую интеграцию. Однако усложнение современной архитектуры международных отношений и наличие фактора полиакторности как константы внутренних и внешних процессов в Юго-Восточной Европе обусловили то, что политика ЕС в данном регионе зачастую определялась сугубо прагматическими интересами. Существующие рационалистические и конструктивистские подходы к европейской интеграции, такие как неофункционализм, межправительственный подход, конструктивистский, социологический подход, подход многоуровневого управления в этой связи неспособны дать системное объяснение комплексным и многоуровневым интеграционным процессам на пространстве Юго-Восточной Европы. В регионе, где внутреннее и внешнее развитие подчинено императивам безопасности, акторы вынуждены действовать в реалистской парадигме. В то же время нельзя отрицать трансформативное воздействие идей и ценностей европейской интеграции на политику Европейского союза и интегрирующихся в него государств региона, а также исторических и культурных факторов, влияющих на формирование внешней политики региональных и глобальных акторов. Именно поэтому неоклассический реализм, который является продолжением реалистской традиции, при этом учитывающий влияние ценностей, норм, идей, институциональных ограничений на формирование внешней политики и рассматривающий Европейский союз в качестве полноценной единицы международных отношений, представляется оптимальной теоретической основой для изучения интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе.

Однако процесс принятия решений в пространствах, где внешний фактор традиционно играл значительную роль, всегда опосредован множеством локальных фобий и стереотипов, которые также необходимо учитывать в исследовании процесса интеграции подобных территорий. Комплексный подход к его изучению возможен только через синтез различных теорий и подключение теорий «второго уровня». В данном случае

теориями «второго уровня» стали теория секьюритизации, теория сообщества безопасности и теория комплексной взаимозависимости. *В результате была выведена авторская синтетическая концепция, сочетающая реалистскую парадигму с либерально-конструктивистскими подходами.*

2. Взаимодействие Европейского сообщества и Югославии развивалось в средиземноморском русле интеграционной политики ЕЭС, при этом перспектива членства страны в ЕЭС никогда не рассматривалась ни той, ни другой стороной. Югославия стремилась максимизировать выгоды от своего внеблокового положения, в то время как ЕЭС рассчитывал удержать СФРЮ от попадания в орбиту советского влияния. За довольно краткий период второй половины 1960-х гг. – до начала 1980-х гг. между ЕЭС и СФРЮ было заключено три продолжающих друг друга торгово-экономических соглашения: 1970г., 1973 г. и 1980 г. При этом только последнее соглашение имело преференциальный характер и свидетельствовало об определенном политическом сближении обеих сторон. Таким образом, экономическое сотрудничество периода 1960-1980-х гг. неверно рассматривать в ключе возможной интеграции СФРЮ в ЕЭС. Оно практически не выходило за пределы стандартных торгово-экономических соглашений. В политическом отношении изначальные пределы взаимодействия, связанные преимущественно с «особым путем» СФРЮ, лишили отношения ЕЭС и Югославии горизонта, например, в формате перспективного членства, как это было в случае с Грецией, Испанией и Португалией. Они свели содержательную часть политического взаимодействия к вопросам геополитического баланса. Тем самым, вовлеченность и осмысление со стороны ЕЭС внутренних процессов в Югославии были существенно ниже, чем уровень, который предполагала их географическая близость. *Период взаимодействия ЕЭС и СФРЮ во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. не стал возможным форматом «мягкого» перехода стран ЦВЕ и самой Югославии к интеграции с Западной Европой, а применительно к внутренним процессам в СФРЮ не создал основы для своевременного купирования кризисных тенденций в Федерации. Напротив, легкий доступ к получению внешних кредитов в 1970-х гг. в СФРЮ стал одной из причин усугубления экономического кризиса. Вследствие применения прагматической логики выгодного обеим сторонам внеблокового статуса Югославии не были заложены основы для возможной будущей интеграции СФРЮ в Сообщество.*

3. Характер югославских реформ и югославская Конституция 1974 г., сильно децентрализовавшие страну, заложили мину под югославскую государственность. Вкупе с практически ничем не ограниченным доступом к получению внешних кредитов 1970-х гг.

они спровоцировали глубокий экономический кризис. Попыткам выйти из него были посвящены действия сменявших одного за другим югославских правительств в течение 1980-х гг. Наиболее перспективной и многообещающей была реформа, предпринятая правительством Анте Марковича. Однако ЕЭС, поддерживая на уровне риторики усилия А. Марковича, территориальную целостность Югославии и ее внеблоковый статус (последнее выглядело особенно странно в условиях начавшихся «бархатных» революций в ЦВЕ), не предприняло реальных шагов для помощи Белграду. Эта двусмысленность в центре и республиках была воспринята очень по-разному. С одной стороны, А. Маркович надеялся, что Запад в итоге поможет. Республиканские лидеры, напротив, оказались в оппозиции к нему, считая, что он выставляет их в невыгодном свете перед «коллективным» Западом, подрывая тем самым процесс демократизации и перехода к рыночной экономике. Не в последнюю очередь подобное поведение Запада порождало в руководстве СФРЮ, а также у С. Милошевича иллюзию того, что бездействие может объясняться ожиданием более сильного и авторитетного лидера, чем А. Маркович. В практическом плане действия Сообщества вполне поддавались рациональному объяснению: с активизацией распада биполярной системы международных отношений Югославия начала утрачивать свое стратегическое значение, вследствие этого становилась более второстепенной и основная задача политики ЕЭС в отношении СФРЮ – сдерживание СССР. Однако *расхождение риторики Европейского сообщества с реальными действиями по оказанию поддержки реформе А. Марковича оказались в итоге одной из причин усугубления югославского кризиса.*

4. *Окончание холодной войны позволило ЕЭС по-новому взглянуть на свое положение в качестве возможного мирового актора и предоставило ему возможность подняться на качественно новый уровень. В данной парадигме рассматривалось участие Сообщества в урегулировании югославского кризиса.* В этот период происходит транзит системы Европейского политического сотрудничества к Общей внешней политике и политике безопасности. Однако югославский кризис показал, что без учета и сопоставления интересов и восприятия отдельных государств-членов понять и объяснить общую позицию ЕЭС невозможно. Стремление Франции, Германии и Британии стать лидером Европейского союза и навязать свое видение его акторности вступало в противоречие с национальными интересами, которые они отстаивали и продвигали по отдельности. Это обусловило переход от политики сохранения территориальной целостности Югославии к политике признания отделяющихся республик, что привело к эскалации и интернационализации кризиса. При этом *наряду с явными недостатками*

европейской концепции урегулирования и очевидными провалами в ходе ее осуществления, ЕЭС/ЕС удалось продемонстрировать возможность создания активного поля переговорного процесса на основе общедемократических принципов. На определенных стадиях это способствовало некоторой локализации и общему сдерживанию эскалации конфликта. К кризису в Косово европейские страны подошли с более-менее единой позицией. Единство стало результатом закрепившегося в мировом общественном сознании за сербской нацией клише «агрессоров», осознанием отсутствия в арсенале ЕС действенных инструментов силового урегулирования в сравнении с США и НАТО. Неудачи ЕС в урегулировании югославского кризиса первой половины 1990-х гг. стимулировали выработку общей политики ЕС в отношении региона, не связанной с силовым фактором. Это нашло отражение в концепции стабилизации Юго-Восточной Европы, принятой в 1997 г. Для ее реализации требовались отсутствие острых конфликтных очагов и наличие демократических политических режимов. Исходя из этого, можно говорить о том, что консенсус в отношении операции НАТО 1999 г. был не только признанием доминирования НАТО в вопросе разрешения югославского кризиса и отсутствия собственных возможностей для его урегулирования. Евроатлантический подход отвечал непосредственным интересам Европейского союза. Завершение вооруженных действий на территории бывшей Югославии и повсеместный приход к власти в целом лояльных к ЕС демократических политических режимов позволяли начать реализацию стратегии интеграции. Определяющим было то, что интеграция на пространстве бывшей Югославии представлялась Европейскому союзу наиболее эффективным средством его долгосрочной стабилизации и обеспечения собственной безопасности.

5. *Международный консенсус по поводу европейского будущего ЦВЕ и наличие существенных внутренних ресурсов у ЕС для их трансформации обеспечили успех интеграционной политики ЕС применительно к этим постсоциалистическим странам. В отношении Юго-Восточной Европы ЕС пытался проводить идентичную политику, предполагая, что мотивация к интеграции в странах бывшей Югославии созвучна той, что была у Западной Европы после Второй мировой войны и ЦВЕ после краха коммунистической идеологии и авторитарно-тоталитарных режимов. Осознавая отсутствие собственных силовых инструментов, Брюссель стремился обеспечить безопасность, без которой были невозможны ни стабильность, ни сбалансированное экономическое развитие, путем построения «сообщества безопасности». Главным механизмом построения подобного сообщества являлась европеизация. Однако на*

практике Европейский союз оказался не готов адекватно осмысливать и учитывать специфику региона и работать последовательно и дифференцированно в условиях наличия трех типов государств: государств в состоянии полураспада, государств, не обладающих государственностью в полном смысле этого слова, и государств, никогда до этого не обладавших государственностью. Это в определенной степени обесмысливало сам процесс европеизации.

Тем не менее, в конце 1990-х- начале 2000-х гг. Брюссель смог запустить несколько форматов регионального сотрудничества: Пакт стабильности (трансформированный в 2006 г. в Совет по региональному сотрудничеству), Соглашение о стабилизации и ассоциации и Европейское партнёрство. Однако принятый на Салоникском форуме в 2003 году «принцип регаты», т.е. соревновательности взамен разработанного для стран ЦВЕ регионального подхода, не смог стать инструментом формирования региональной транснациональной общности, которая необходима для успешной европеизации. Интеграционные процессы начали тормозиться также и в свете критики расширения ЕС в 2004 г., а также негативной экономической ситуации в Греции и общего перерождения социума ЕС под влиянием разнообразных кризисных явлений, с которыми он столкнулся – европейцы не желали принимать в Союз больше проблемных стран. Сложности интеграционного процесса привели к определенной ренационализации европейской политики в Юго-Восточной Европе, перехвату внешнеполитической инициативы европейскими державами, который выразился в запуске в 2014 г. Берлинского процесса. Попыткой сформировать «зонтик» над ним, пока не приведшей к успеху, стала «Декларация Юнкера», принятая 6 февраля 2018 г.

6. *После десятилетия гражданских войн и иностранных интервенций элиты региона, по соображениям как рационального, так и эмоционального характера, приняли решение связать судьбу своих государств с Европейским союзом, видя в нем источник безопасности, процветания и новой самоидентификации. Однако интеграционная политика Европейского союза по отношению к странам Юго-Восточной Европы не принимала в расчет их внутренние особенности и привела к неоднозначным результатам. Наиболее успешными примерами интеграции в регионе являются Словения и Хорватия. При этом Словения однозначно принадлежит к «центральноевропейской» волне расширения, а Хорватия – в большей или меньшей степени. Вступление Хорватии в Европейский союз проходило в условиях благоприятствования Загребу со стороны Франции и Германии и Ватикана, который осуществлял давление на политическое руководство католических стран ЕС. Интеграционная политика ЕС оказала значительное влияние на формирование проевропейской партийно-политической сцены в*

Хорватии. Несмотря на открытое неприятие любых форм сотрудничества в регионе, которые могли бы привести к возрождению популярности идеи югославизма, а также претензии к ЕС, который, по мнению Франьо Туджмана, недостаточно поддерживал независимость Хорватии в 1990-е гг., после его смерти ведущая партия ХДС пережила трансформацию к более демократической и центристской. Процесс переговоров о членстве в ЕС Хорватии был длиннее, чем у всех предшествующих стран в силу усложнения и большей бюрократизации процедуры открытия и закрытия переговорных глав. Решение о возможности присоединения было принято в ходе тяжелейшего внутреннего кризиса ЕС. Всё это вызвало определенную волну евроскептицизма в хорватском обществе. Однако полное оправдание генерала А. Готовины в 2012 г., а также стремление хорватов расстаться с имеющим политическую окраску клеймом «балканцы» обеспечили положительное голосование на референдуме о вступлении в ЕС, и в 2013 г. Хорватия стала 28 членом ЕС, замкнув «восточноевропейскую» волну расширения.

В случае с Сербией результаты интеграционной политики ЕС оказались скромнее. В начале 2000-х гг. Белград демонстрировал даже большее стремление к сотрудничеству, чем Загреб, незамедлительно выдав Гаагскому трибуналу в 2001 г. С. Милошевича. Однако очень быстро проблема сотрудничества с Трибуналом, а также взаимоотношения с Подгорицей и Косовский вопрос послужили причиной постоянных парламентских кризисов, продолжавшихся вплоть до середины 2008 г. Таким образом, инструменты ЕС по формированию партийно-политической сцены, примененные в отношении Загреба и показавшие там свою эффективность, в Сербии результата не дали. Основной причиной этого стало состояние полураспада федеративного государства, окончательному распаду которого ЕС не только не препятствовал, но и активно выступал в качестве заинтересованного посредника. Партийно-политический консенсус, давший возможность проводить реформы на пути в ЕС без постоянных парламентских кризисов, был сформирован только к началу 2010-х гг. Подобная затяжка исключила шансы Белграда на одновременное или близкое по времени к Загребу вступление в ЕС. Потребность в продолжении европеизации в условиях скепсиса по поводу расширения внутри ЕС и необходимости решения вопроса об окончательном статусе Косова привела к тому, что Сербская прогрессивная партия при молчаливом согласии ЕС к середине 2010-х гг. узурпировала политическую повестку, вытеснив оппонентов на края политического спектра. Более того, де-факто она овладела всеми властными рычагами в Сербии. Таким образом, *интеграционная политика ЕС в отношении Сербии не только не привела к осязаемым результатам в области европеизации, но и стала косвенным фактором деградации политической жизни в республике.*

В области постконфликтного урегулирования интеграционного потенциала Европейского союза оказалось недостаточно. Это выразилось в первую очередь в политике по отношению к субъектам, обладающим ограниченным суверенитетом и никогда не имевшим до этого опыта государственности – Боснии и Герцеговине и краю Косово. В отношении урегулирования Косовского вопроса ставка на «технические вопросы» в переговорах между Приштиной и Белградом, достижение компромисса по которым должно было привести и к более ровному политическому диалогу, сделанная в 2010 г., к концу 2018 г. продемонстрировала свою несостоятельность. Одним из камней преткновения стал вопрос о доверии к ЕС как к ответственному посреднику. Соглашение о нормализации отношений между Белградом и Приштиной от 19 апреля 2013 г. подписывалось под гарантии начала переговоров о членстве Сербии и подписания Соглашения о стабилизации и ассоциации с Приштиной. Если в отношении Белграда ЕС в целом выполнил обещание (переговоры были начаты, однако возможность членства в среднесрочной перспективе была отвергнута Ж.-К. Юнкером уже в 2014 г.), то в отношении Приштины затяжка с подписанием ССА и ратификацией привели к росту популистских настроений среди политических элит и выбору в пользу радикальных шагов, который ими был сделан в отношении Белграда в ноябре 2018 года. Кроме того, позиция по Косову неоднократно вскрывала отсутствие единства в рядах ЕС: в 2008 г. – в отношении признания самопровозглашенной независимости Косова, с 2014 г. – подписания и ратификации Соглашения о стабилизации и ассоциации, с 2018 г. – проекта «территориального разграничения» между Белградом и Приштиной и возможности расширения ЕС. Эта несогласованность в итоге стала одним из причин ренационализации политики ЕС в отношении государств постъюгославского пространства.

Наконец, в Боснии и Герцеговине отсутствие результатов государственного строительства, которое возглавляло ЕС и которое должно было опираться на перспективу европейской интеграции, не привело к уменьшению межэтнической напряженности. Параллельно с этим, оно вызвало не снижение, а укрепление авторитета Вашингтона, что дополнительно закрепляет итоги расстановки сил в евроатлантическом тандеме, сложившиеся в результате югославского кризиса.

Таким образом, применение типовых для всех стран региона инструментов европейской интеграции продемонстрировало ограниченную эффективность. При таком подходе ЕС оказался неспособен учесть региональные и страновые реалии.

7. *С конца 2000-х гг., помимо прежних внутренних и внешних ограничений, которые накладывали весомый отпечаток на интеграционную политику Европейского*

союза, она столкнулась с рядом новых, также вызывающих негативный эффект. К числу внутренних проблем региона традиционно относились отставание в уровне социально-экономического развития и низкие темпы роста, не позволяющие экономикам стран Западных Балкан обрести самостоятельные механизмы преодоления отсталости. Кризис суверенной задолженности ЕС дополнительно оказал самое негативное воздействие на экономическое положение в странах региона. Кроме того, он лишил Европейский союз возможности системного участия в их экономической модернизации. Хотя ЕС оставался самым крупным торгово-экономическим партнером, объективные сложности и субъективные спекуляции на тему будущего ЕС повлияли на рост евроскептических настроений во всех республиках, кроме пространства, населенного албанцами. Открытие в конце 2000-х - начале 2010-х гг. границ ЕС для всех граждан стран бывшей Югославии (не считая граждан т.н. Косова), вызвал всплеск эмиграции, который вкупе с низким индексом рождаемости в регионе, превратил демографическую проблему в один из наиболее серьезных рисков долгосрочного развития Юго-Восточной Европы. Массовая эмиграция трудоспособного населения лишает страны региона внутренней модернизационной силы, увеличивает нечувствительность в отношении осознания необходимости реформирования.

Ставка Брюсселя на достижение максимальной предсказуемости поведения политических элит привела к появлению феномена «стабилотократии» – процесса, когда ЕС закрывает глаза на изъяны демократических режимов в Юго-Восточной Европе в обмен на лояльность правящих политических элит. В понимании Брюсселя таким образом возможно было обеспечить более быструю и эффективную европеизацию. Однако на практике под влиянием внутренних процессов в ЕС и государствах-членах, политические системы которых также претерпели серьезные изменения, и в результате усложнения архитектуры международных отношений в регионе узурпация политической повестки лояльной ЕС правящей элитой привела к росту авторитарных тенденций (особенно характерно для Сербии, Черногории и в определенной степени Северной Македонии) и большей самостоятельности во взаимодействии с «третьими» странами. В свою очередь, о том, как на эти новые моменты в поведении зависимых политических элит отреагировали в Брюсселе, свидетельствует термин «узурпация государства», получивший широкое хождение. В этой связи можно утверждать, что в краткосрочной перспективе ЕС попытается запустить цикл обновления политических элит в странах Западных Балкан. Однако с учетом внутренних социально-экономических параметров региона при росте его транзитного значения и ограниченных возможностей самого ЕС новый виток трансформации вряд ли будет успешным.

Среди ограничителей следует особо выделить результаты миграционного кризиса 2015 г. и феномен Брекзита. «Балканский маршрут» был одним из самых массовых, при этом Европейскому союзу в целом удалось реализовать политику сдерживания мигрантов у своих границ. Однако применительно к странам Западных Балкан это имело два типа последствий. Во-первых, способ решения проблемы доказал, что в арсенале доступных средств государств-членов есть опция «перекладывания своей проблемы на соседа», что в определенной степени девальвировало один из двух механизмов внутри интеграционной политики ЕС – социализацию. Недостаток солидарности ЕС обнаружил и отсутствие субрегиональной солидарности в Юго-Восточной Европе. Венгрия, Хорватия и Северная Македония переместили фарватер миграционной волны в Сербию и Грецию. Сербия, в свою очередь, выступила в роли быстрого транзитера и сместила поток в сторону Боснии и Герцеговины, Черногории и Албании.

Во-вторых, миграционный кризис актуализировал нетрадиционные угрозы, связанные с ростом радикального ислама, терроризмом и организованной преступностью. Перемещение миграционной волны к границам БиГ, Албании и Косова, где существует феномен «зон неправа» и теневых структур вокруг мечетей, объективно затрудняющих сбор достоверной информации относительно количества и настроений радикально настроенных мусульман, создало «серую» зону в системе безопасности Юго-Восточной Европы. «Серая» зона в первую очередь связана с невозможностью оценки того, какое количество радикально настроенных элементов проникло через Балканский маршрут и осело в «зонах неправа» и им подобных пространствах. Реальные опасения и спекуляции относительно её глубины приводят к еще большему нежеланию ЕС расширяться на Западные Балканы, а также подрывают их европеизацию, предоставляя дополнительные возможности тем силам в регионе, которые выступают против их выхода из теневых мировых процессов.

Наконец, определенным пределом выступает Великобритания в условиях Брекзита. Сам по себе Брекзит не играет значительной роли в перспективах членства Западных Балкан в ЕС, не увеличивая и не уменьшая спектр возможностей. Также выход Великобритании из ЕС не может оказать серьезного влияния на объемы торгово-экономического сотрудничества Брюсселя и Западных Балкан. Вряд ли можно представить себе ситуацию, при которой Лондон будет выступать против включения Балкан в ЕС. Однако это не значит, что Брекзит не сыграл своей роли и не сможет оказать никакого влияния на интеграционную политику ЕС. Ситуация является уникальной для Европейского союза: в результате Брекзита ЕС одновременно впервые в истории ведет переговоры и о выходе, и о вступлении. Под влиянием Брекзита дополнительный импульс

получила дискуссия о разных форматах будущей интеграции. Наконец, в рамках евроатлантической солидарности, начиная с 2016 г., Лондон резко активизировал обсуждение проблемы «жесткой» безопасности в регионе. Смещение Великобританией акцентов с традиционных для ЕС политико-правовых и социально-экономических сфер в сторону вопросов секьюритизации, свидетельствует о том, что одним из результатов Брекзита уже стала приоритетная ставка Лондона на натоизацию, а не европеизацию Балканского пространства.

8. Интеграционная политика ЕС в Юго-Восточной Европе имеет ряд «внешних» пределов, связанных с акторностью и интересами других международных сил. Среди тех сил, что оказывают значимое влияние на внутренние и внешние процессы на Балканах, можно выделить акторов регионального значения – Турцию, Грецию и страны Персидского залива, а также акторов глобального значения – США, Россию и КНР.

Длительное время считалось, что Турция и Греция могут быть одновременно проводниками евроатлантической и европейской интеграции на Балканах, поскольку обе страны являются частью региона в географическом и историческом понимании, членами НАТО, а Греция – также и ЕС. В свою очередь, до недавнего времени обсуждалась и перспектива присоединения Турции к Союзу. Применительно к *Турции* справедливо говорить о том, что вопреки разным с ЕС оценкам необходимых со стороны международного сообщества действий в отношении югославского кризиса, в целом политика Анкары в ходе событий 1990-х гг. проводилась в русле евроатлантической солидарности. С начала 2000-х гг. Турция реализует балканское направление своей внешней политики в рамках концепции «нулевых проблем» в отношениях с соседями, построенной, по мнению большинства исследователей, на идеях неоосманизма. В частности, она нашла отражение в дипломатическом посредничестве диалогу Белграда, Сараево и Загреба, а также в расширении сферы взаимодействия от преимущественно стран со значительным мусульманским населением (Босния и Герцеговина, Македония, Албания) до всего постъюгославского пространства. Помимо политического взаимодействия, Анкара активно расширяла экономические связи и наращивала «мягкую» силу через культурно-религиозное, образовательное сотрудничество и деятельность по восстановлению памятников османского наследия. В итоге самым крупным региональным экономическим партнером Анкары стал Белград, что подвело черту под инерционным восприятием турецкой политики как продвигающей «исламское братство» на Балканах. Применительно к мусульманскому населению региона политика наращивания «мягкой» силы привела к популяризации турецкого языка, турецкой массовой культуры и

образования. В результате можно говорить о том, что Турции удалось заложить основу под будущее превращение турецких языка и культуры в объединяющие мусульманские элиты региона. Это чрезвычайно важный тренд, поскольку отличительной особенностью современных мусульман на Балканах является их языковая и культурная разобщенность. Хотя сегодняшняя Турция в гораздо большей степени обращена к проблемам Ближнего Востока, чем к Балканскому региону, достижения периода 2000-х гг. достаточны для обеспечения постоянного присутствия турок и соблюдения турецких интересов на Балканах вне зависимости от местной политической конъюнктуры. Углубление разногласий Анкары с евроатлантическими партнерами и Европейским союзом, а также рост евроскептических настроений в балканских странах, скорее всего, негативно скажутся на роли Турции как «проводника» европейских идей на Балканах, которые она в целом до сих пор разделяет. Этому способствует зависимость внутритурецкого политического дискурса от балканского направления внешней политики Анкары, связанная с большой численностью граждан Турции, являющихся выходцами из стран Балканского региона и поддерживающих тесную связь с прародиной.

Греция представляет собой страну региона, которая выступает в двух качествах: как член Европейского союза и как региональный сосед, заинтересованный в реализации также и национальных интересов на Балканах. Вступление Греции в ЕЭС в 1981 г. оказало неоднозначное влияние на СФРЮ и в целом Юго-Восточную Европу. С одной стороны, оно негативно отразилось на югославском экспорте в ЕЭС. С другой – стимулировало активность Афин, направленную на посредничество в Юго-Восточной Европе. Политика Греции в отношении югославского кризиса первой половины 1990-х гг. считается ярким проявлением отсутствия у Афин европейской солидарности и оценивается отечественными и зарубежными исследователями крайне негативно. Вместе с тем, остается дискуссионным вопрос, почему позиция Греции в условиях, когда отдельные страны ЕС, в частности, ФРГ стали открыто продвигать свой национальный интерес в югославском кризисе, должна была быть иной, особенно с учетом специфики ее исторических взаимоотношений в регионе. С конца 1990-х гг. Греция становится активным проводником интеграционной политики ЕС в Юго-Восточной Европе. При ее председательстве в 2003 г. был принят ряд важнейших решений, в том числе Салоникская повестка для Западных Балкан. Общая стратегия ЕС в отношении Юго-Восточной Европы в этот период полностью совпадала с национальными интересами Греции, состоявшими в расширении собственных рынков и секьюритизации границ через инструменты «экономической дипломатии». Благодаря их применению Афины закрепились в качестве крупнейшего актора в банковских системах стран Балканского региона. Статус Греции

как государства, «преодолевшего национальные фобии» и ставшего солидарным членом ЕС, придавал Афинам особую значимость как своеобразной модели европейской интеграции, которую страны бывшей Югославии могли бы взять на вооружение. Кризис в Греции по многим параметрам нивелировал позитивные результаты предшествующего периода. К настоящему моменту можно говорить об утрате Афинами всех основных элементов концепции балканского направления их внешней политики: экономической дипломатии, статусов «модели» и «проводника» европейской интеграции. С учетом греческого кризиса, миграционного кризиса 2015 г., а также по итогам заключения Преспанского соглашения со Скопье можно говорить о возврате Греции к положению, скорее, объекта, чем субъекта политики ЕС. Это, в свою очередь, девальвирует концепцию европеизации и европейской интеграции применительно к странам Балканского региона как единственного и эффективного механизма модернизации.

Наконец, среди акторов регионального значения уместно выделить *роль арабо-мусульманского мира, выраженную на современном этапе в присутствии стран Персидского залива на Балканах*. Применительно к ним в регионе, повсеместно – и в отечественной, и в зарубежной литературе, а также в политическом дискурсе – принято говорить о радикальном исламе и способах его проникновения в Европу, где одной из ячеек является постъюгославское пространство. Принимая во внимание весь комплекс взаимоотношений региона с мусульманским миром, можно заключить, что само по себе наличие радикального ислама на Балканах не способно серьезно воздействовать на европеизацию и перспективы европейской интеграции региона. Однако вкупе с отсутствием социально-экономических перспектив, в том числе неопределенностью в вопросе европейского будущего, оно способно стимулировать радикализм, в том числе и религиозный. Не отрицая связей последователей радикального ислама в Юго-Восточной Европе с некоторыми интересантами в странах Ближнего Востока и Персидского залива, необходимо подчеркнуть, что инструменты «экономической дипломатии», запущенные различными странами Залива с начала 2000-х гг. на Балканах, не позволяют сводить политику стран Персидского залива к исключительно культурно-религиозной и пропагандистской составляющей. Через Балканы страны Персидского залива, не в последнюю очередь, обеспечивают свою продовольственную безопасность, а также закладывают основы под усиление арабского экономического присутствия в Европейском союзе на случай, если балканские государства туда войдут. При этом говорить об общеарабской стратегии в отношении Юго-Восточной Европы нельзя: страны региона развивают экономическое сотрудничество с различными районами на Балканах и в различных экономических сферах, практически не пересекаясь друг с другом. В этой

связи присутствие арабо-мусульманского мира применительно к интеграционной политике ЕС на Балканах можно воспринимать как механизм двойного назначения: в случае поступательного развития отношений стран региона с ЕС, а также отсутствия жесткой конфронтации их собственного взаимодействия с Европой, страны Персидского залива имеют плацдарм для дальнейшей экономической экспансии в ЕС. В случае разрастания противоречий по линии «исламский и христианский мир» они всегда могут использовать религиозный рычаг на Балканах. Таким образом, политика Европейского союза потенциально оказывается зависимой от фактора арабо-мусульманского мира в Юго-Восточной Европе, что снижает акторность ЕС.

9. Для России, США и КНР пространство Юго-Восточной Европы представляет собой арену, на которой проходят апробацию новые тренды в их взаимоотношениях с ЕС, а также инструмент тестирования уровня противоречий и возможностей для кооперации между собой. Присутствие США основывается на силовом, политическом и конъюнктурном влиянии. Применительно к их практическим императивам в отдельно взятом Балканском регионе оно основано на балансировании между региональными «непримиримыми» национализмами, политике, к которой США подвел их опыт в Юго-Восточной Европе начала и конца прошлого века. Данная политика многогранна и позволяет одновременно реализовать несколько задач. Она направлена на контроль трех пространств с наиболее выраженными этно-территориальными проблемами: БиГ, Косова и албанского населения региона. Контроль над ними позволяет Вашингтону отслеживать развитие трех основных мусульманских наций в Европе и через силовую и политическую секьюритизацию данного пространства привязывать к себе партнеров по НАТО, находящихся в непосредственном соседстве с данными странами и заинтересованными в большей степени в региональной стабильности и безопасности. Помимо этого, такая конфигурация позволяет не допускать чрезмерной самостоятельности ЕС в регионе, поскольку задача соблюдения минимального межэтнического баланса допускает конъюнктурные альянсы в регионе и смену основных партнеров. Это принципиально отличает политику США от проводимой ЕС на Балканах, но закладывает комплиментарность их присутствия. В целом именно на этом строился тандем евроатлантической и европейской интеграции Юго-Восточной Европы. Однако последние процессы внутри НАТО высвечивают осознанную США необходимость ребалансировки своих приоритетов и партнеров внутри Альянса. Юго-Восточная Европа в этом отношении может служить потенциальной заменой Турции, совместно с Центральной и Восточной Европой создавать противовес западноевропейскому вектору движения к

большей самостоятельности, и до некоторой степени через интеграцию в НАТО ограничивать Китай. При общем непротиворечии этих задач интеграционной политике ЕС, в деталях смещение приоритетов от европейской интеграции к военно-политическому альянсу в рамках НАТО снижает авторитет и реальное самостоятельное влияние Европейского союза.

Россия как в истории, так и на современном этапе оказывает определенное влияние на процессы в Юго-Восточной Европе. В экономическом отношении балканский рынок интересен России, в первую очередь, как продолжение западноевропейского, поскольку стремиться сделать его органической частью рынка ЕАЭС – задача трудновыполнимая и имеющая чрезвычайно ограниченный экономический эффект. Масштабное присутствие Москвы в энергетическом секторе региона по объективным основаниям не позволяет игнорировать ее позиции и интересы. Конфронтация по линии Россия – Запад и сведение к минимуму политических отношений между Москвой и Брюсселем дало возможность России не связывать себя идеологическими и конъюнктурными условностями, а выстраивать индивидуальные конфигурации отношений со странами Юго-Восточной Европы. В этой связи западные представления о цивилизационном, культурно-религиозном векторе балканского направления внешней политики России как основном обнаружили свою однобокость. Сотрудничество с Турцией, Словенией, Хорватией, развивающееся в последнее десятилетие, свидетельствует об обратном, как и сложности в отношениях с православными Болгарией, Румынией и Черногорией. При этом центральным элементом политики Москвы в Юго-Восточной Европе является Сербия, которая в 2008 г. сформулировала многовекторную основу своей внешней политики (интеграция в ЕС, которая не должна исключать сотрудничество с США, Россией и КНР). Несмотря на то что по вышеперечисленным основаниям, а также в силу наиболее важного стратегического положения в регионе восприятие Сербии в качестве центрального звена на Балканах характерно и для политик других акторов в регионе, например, Турции, КНР, Греции, ОАЭ, в последнее время и США, которые на уровне государственной задачи поставили выравнивание отношений с Белградом, только связи Москвы с Белградом воспринимаются Европейским союзом сугубо негативно. В период с 2014 по 2019 гг. ЕС обозначал присутствие России в Юго-Восточной Европе исключительно как «спойлерное». Запуск «Турецкого потока», свидетельствующий о фактическом изменении позиции Брюсселя по российскому газовому экспорту, служит негласным признанием того, что обеспечить энергобезопасность региона без Москвы Брюсселю сложно. Возможно, эта позиция также призвана контрбалансировать отношения ЕС с США и Турцией, ведущих свою игру за энергетический рынок этой части Европы. Признание со

стороны ЕС очевидного факта, что минимизация российского присутствия в регионе, к которой до настоящего времени стремится Европейский союз, повлечет за собой не увеличение его удельного веса, а занятие освобожденной ниши другими международными акторами – Китаем, Турцией, США – могло бы стать отправной точкой в нормализации отношений России и ЕС и дать толчок развитию панъевразийской интеграции с основными звеньями Европейский союз – КНР - Россия.

С ростом влияния *Китая* в Юго-Восточной Европе ЕС столкнулся с момента запуска инициативы «Пояс и Путь». Суть противостояния КНР и ЕС в Центральной и Юго-Восточной Европе самым наглядным образом отражает геополитику международных отношений в этой части континента. Степень европеизации региона напрямую измеряется, в том числе, солидарностью и готовностью имплементировать решения, принятые бюрократическими институтами Брюсселя, которые в отношении Китая практически напрямую отражают интересы западноевропейского «ядра». Поэтому проникновение КНР в регион Центральной и Юго-Восточной Европы спровоцировало дискуссию внутри «ядра» о мести и роли восточной периферии ЕС для него самого. Она привела к заключению, что интенсивность и глубина отношений стран региона с Китаем должна регулироваться странами «ядра». Это сделало очевидным тот факт, что глубинное разделение Европы на западную, восточную и буферную части не было преодолено европейской интеграцией и продолжает разрывать ЕС. При этом КНР воспринимает все европейское пространство как единую политико-географическую категорию, объединенную цивилизационной общностью и правовыми механизмами. В этом отношении разница для него заключается только в степени экономического развития и плотности инфраструктуры, что определяет потенциал и привлекательность юго-восточной части Европы для Пекина. Формирование своей глобальной стратегии сопряжения с миром неразрывно связано у Китая с обеспечением пространства безопасности по всей протяженности «Пояса и Пути», которая может быть достигнута только единством данного пространства – через совместные договоренности с ЕС или через обеспечение полномасштабной реализации собственного проекта в отрыве от ЕС. В этой связи попытки последнего навязать странам региона свое видение взаимодействия с КНР не усилит либерально-демократическую парадигму их развития, а ослабит, что, в свою очередь, серьезно уменьшит акторность Европейского союза. Напротив, выход на совместно выработанные договоренности между ЕС и его периферией закладывает новый потенциал и возможности для ЕС.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что со второй половины 1960-х гг. политика ЕС на Балканах конструировалась в парадигме общего характера отношений с

СССР и США. И после окончания холодной войны общий контекст отношений с Россией и США оказывал системообразующее влияние на восприятие региона Брюсселем и ведущими державами ЕС. В зависимости от их эволюции они делали ставку либо на взаимодополняемость и координацию усилий, либо их иерархизацию, либо нейтрализацию.

В условиях кризисного регулирования и содействия посткризисному восстановлению, а затем европеизации происходили постоянные флуктуации контекста под влиянием усиливающегося присутствия в регионе Турции и арабских стран и серьезных изменений во внешнеполитических приоритетах США и России. В какой-то степени именно это, наряду с взрывным включением в контекст переформатирующих его долгосрочных китайских интересов, обусловило восстановление значения Балкан для внутренней и внешней политики ЕС и на этот раз подвижных группировок государств, складывающихся в центре Союза и по его периферии.

С 2017 г. конфигурация отношений в четырехугольнике США – ЕС – РФ – Китай, принципиально важная с точки зрения ситуации на Балканах и интеграционной политики ЕС, получает ещё одно измерение: Москва выступает с инициативой формирования Всеобъемлющего большого евразийского партнерства как своего геополитического проекта объединения стран и народов гигантского суперрегиона в единое пространство общей судьбы и общего будущего. Его характерной чертой, в отличие от схем наднационального строительства, ограниченного одним регионом или субрегионом, провозглашается мягкая интеграция всей Евразии, предполагающая неукословно уважительное отношение к политическим традициям и цивилизационному наследию всех приглашаемых к участию государств. В основу осуществления проекта кладется сопряжение китайской инициативы «Пояс и Путь» и деятельности ЕАЭС. Прежде всего, оно оказывается востребованным в таких регионах, как Юго-Восточная Азия, Средняя Азия и Ближний Восток, но обладает также большим неосознанным пока потенциалом под углом зрения обеспечения безопасности и стабильного развития Юго-Восточной Европы.

Таким образом, современная геометрия международных отношений, дискуссия внутри самого Европейского союза о путях и форматах его дальнейшего развития, а также активизация различных региональных и глобальных акторов при одновременном снижении акторности ЕС в Юго-Восточной Европе и низкой эффективности политики европеизации с практической, и с теоретической точки зрения подводят к вопросу о целесообразности смены жесткой парадигмы интеграции в ЕС через европеизацию на

более гибкие и многосторонние интеграционные форматы. Всестороннее детальное рассмотрение подобных форматов составляет **исследовательскую перспективу вопроса.**

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные документы

1. Югославия и «общий рынок». Посольство СССР в СФРЮ. 21 мая 1968 года, № 239 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее - АВП РФ). Ф. 144. ОП.29 П.68. Д.10. Л.30.
2. Югославия ищет контактов с ЕЭС (перевод статьи, опубликованной в голландской газете «Де Фолксран» от 22 сентября 1962 года). Временный поверенный в делах СССР в Нидерландах – Заведующему Первым европейским отделом МИД СССР тов. Грубьякову В. Ф. 24 сентября 1962 года // АВП РФ. Ф.144. Оп.23. П.55. Д.10. Л.8-9.
3. Evropske ekonomsko-političke integracije i jugoslovenski izvoz nekih važnih proizvoda. Beograd, 17 jula 1968. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu // Arhiv Jugoslavije. fond Savezno izvršno veće (далее – AJ. SIV). Br. fonda 130. Br. fascikle 656. L. J 1086.
4. Evropske integracije, jugoslovenski izvoz. Strogo poverljivo. // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 656. L. J1056.
5. Fabinc I. O novim osnovama spoljnotrgovinske politike evropskih zemalja prema zemljama u razvoju // Arhiv Jugoslavije. fond Centralni Komitet Saveza komunista Jugoslavije (далее – AJ. CK SKJ). Br. fonda IX. Br. fascikle 33. 273.
6. Informacija o francuskom predlogu za nastavljajanje pregovora SFRJ-EEZ 20.10.1969// AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
7. Informacija o odnosima SFRJ – Evropske ekonomske zajednice. 25 juna 1971 godine // AJ. KPR. Br. fascikle I – 3 – b/38.
8. Informacija o odnosima SFRJ- EEZ 25. Juna 1971. // AJ. KPR. Br. fascikle I-3 – b/38.
9. Informacija o odnosima SFRJ-EEZ povodom posete Dr S. Mansholt-a, predsednika Komisije EEZ. Savezno izvršno veće. Kabinet B. Šnuderla. 6. Decembar 1972. // AJ. KPR. Br. fascikle I – 3. – b/42.
10. Informacija o prvom zasedanju mešovite komisije SFRJ-EEZ, predvidjenim za 7. i 8. januar 1971. Savezno izvršno veće. Kabinet Tome Granfila. 28. Decembar 1970. // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 660. L. 1092.
11. Informacija o saradnji SFRJ - EEZ u vezi posete predsednika EEZ, Jean Key-a 15. Maj 1970. // AJ. KPR. Br.fascikle J – 3 – b/31.
12. Informacija o saradnji SFRJ - EEZ 29. Maja 1970. // AJ. KPR. Br. fascikle J – 3. – b/31.
13. Informacija o saradnji SFRJ-EEZ u vezi posete Jegu Rejsa. Strogo poverljivo. 25.05.1970 // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br.fascikle 658. L. J1089.
14. Informacija o saradnji SFRJ-EEZ u vezi posete predsednika Komisije EEZ, Jean Rey-a našoj zemlji. Državni sekretariat za inostrane poslove. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu. 15 maj 1970. // AJ. KPR. Br. fascikle I- 3.– b/31.
15. Informacija o trećoj fazi pregovora SFRJ-EEZ// AJ. SIV. Br. fonda 130. Br.fascikle 658. L. J1089.
16. Informacija o učešću SFR Jugoslavije u aktivnostima međunarodnih organizacija. Savezno izvršno veće. 27. avgusta 1969. // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 656. L. J1086_1.
17. Informacija o odluci SM EEZ u Briselu.// AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
18. Informacije o aktuelnoj situaciji u odnosima SFRJ-EEZ// AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
19. Informacije o prvom zasedanju Mešovite komisije SFRJ-EEZ. // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 660. L. 1092.

20. Informacije o razgovorima sa izvršnim sekretarom EEK Janezom Stanovnikom 17. 12.1969 // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 660. L.1092.
21. Informacije o razgovoru SFRJ EEZ na nivou eksperata // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
22. Informacije o Razgovoru SFRJ-EEZ na nivou eksperata. Savezni sekretarijat za spoljnu trgovinu. 12 januar 1965. // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 656. L. J 1089.
23. Iz zabeleške u razgovoru Vidoja Žarkovića sa Papaligourasom 24. Marta 1977. // AJ. KPR. Br. fascikle I-5. – b/32-10.
24. Izveštaj o informativnim razgovorima SFRJ-EEZ o problemima uvoza poljoprivrednih proizvoda, 5.07.1968 // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
25. Izveštaj o poseti Žana Reja, predsednika Komisije EEZ i Žana Denoia, člana Komisije EEZ sa grupom funkcionera Komisije EEZ. Savezno izvršno veće. Kabinet Tome Granfila. 15.06.1970. // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. 91089_7.
26. Izveštaj o poseti Žana Reya i Žana Fransoa. 16.06.1970 // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle. 658. L. J1089.
27. Izveštaj o rezultatima predstavnika SFRJ u redakcionoj grupi SFRJ-EEZ. 1969 // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
28. Izveštaj o rezultatima rada predsednika SFRJ u Redakcionoj grupi SFRJ-EEZ za usaglašavanje teksta Zajedničke izjave SFRJ-EEZ koja treba da bude prihvaćena prilikom posete Jugoslaviji 1-2. decembra 1976 predsednika Savjeta ministara inostranih poslova Evropske zajednice, Max Van de Stoel-a i člana Izvršne komisije EEZ i v.d. komesara za odnose sa inozemstvom, Finn Olav Gundelach-a. Savezni sekretarijat za inostrane poslove. 27. novembar 1976. // AJ. KPR. Br. fascikle I – 3. – b/50.
29. Izveštaj o završnim pregovorima SFRJ sa EEZ // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
30. Izveštaj sa 25. Zasedanja EEK. Komisija EEZ 25.06.1971. // AJ. KPR. Br. fascikle J – 3. – b/38.
31. Materijali o evropskoj bezbednosti i saradnji. Komisija za međunarodni radne odnose i veze. Beograd, 10.12.1969 // AJ. CK SKJ. br. fonda IX. Br. fascikle 31. 247.
32. Neke tendencije u kretanju ekonomskih odnosa istok- zapad// AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
33. Podsetnik za razgovor i informacije o aktuelnim pitanjima o odnosima SFRJ sa EEZ. EEZ 2.10.1976.// AJ. KPR. Br. fascikle I – 3. – b/50.
34. Podsetnjik za razgovore sa Van der Stoel-om, ministrom inostranih poslova Holandije i predsedavajućem u Savjetu ministra inostranih poslova Evropske ekonomske zajednice. Savezni sektertarijat za inostrane poslove. 28. novembar 1976. //AJ. KPR. Br. fascikle I – 3. s/a B/50.1.
35. Predlog mera u vezi sa novim propisima EEZ, godina 1968 // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
36. Prijem predstavnika EEZ na čelu sa de Sicco Mansholt-iem. 17.12.1972.// AJ. KPR. Br. fascikle J – 3. – b/42.
37. Prijem predstavnika Saveta Ministra EEZ Van Der Stolea EEZ. 2. X 1976.// AJ. KPR. Br. fascikle I-3. – B/50.
38. Programski govor premijera Karamanlija 20. Decembar 1977// AJ. KPR. Br. fascikle I – 5. – b/32-10.
39. Ratifikacija sporazuma. SIV. 1970. // AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
40. Razmena poverljivih pisama. 1970.// AJ. SIV. Br. fonda 130. Br. fascikle 658. L. J1089.
41. Zabeleška o razgovoru E. Kandelja sa Mansholtom, 17.12.1972// AJ. KPR. I – 3 – b/50.
42. Zabeleška o razgovoru M. Tepavca sa predsednikom IK EEZ Frankom M. Malfattiem. 29.06.1971. // AJ. KPR. J – 3– b/38.

43. Zabeleška o razgovoru Predsednika Republike sa predsednikom Izvršne komisije Evropske ekonomske zajednice Franco Marija Malfatti-em 25.juna 1971. u Beogradu. 25.06.1971.//AJ. KPR. I – 3 – b/38.
44. Zabeleška o razgovoru sekretara CK SKJ Staneta Dolanca sa Maksom van de Stulom. 02.12.1976. // AJ. KPR. I – 3 – b/50.
45. Zabeleška o razgovoru Tita sa Mansholtom 17.12.1972 // AJ. KPR. I – 3 – b/42.
46. Zabeleške o razgovoru Tita sa Malfattiem 25.06.1971// AJ. KPR. J – 3 – b/42
47. Zaključke Komisije SIV-a za odnose sa inostranstvom i nacionalnu bezbednost koja je na svojoj sednici od 22. o.m. razmatrala pitanje saradnje SFRJ- EEZ u vezi posete predsednika Komisije EEZ, Jean Rey-a našoj zemlji. Savezno izvršno veće. Kabinet predsednika. Beograd. 26. maj 1970. // AJ. KPR. I – 3 – b/31.1.
48. Zaključke komisije SIV-a za odnose sa inostranstvom....Beograd, 26.05.1970. // AJ. KPR. J – 3 – b/31
49. Francuska i pregovori Jugoslavija – EEZ // Diplomatski Arhiv Ministarstva Spoljnih Poslova Republike Srbije. Politička arhiva (далее - DA MSP RS. PA.) 1978. Br. fonda 204. Dosije 6. Br. dokumenta 415622.
50. Odnosi sa Zajednicom i program internih mera // DA MSP RS. PA. 1978. Br. Fonda 204. Dosije 6. Br. dokumenta 416625.
51. Pregovori SFRJ – EZ 11 aprila 1978 u Briselu // DA MSP RS. PA. 1978. Br. fonda 204. Dosije 8. Br. dokumenta 421829.
52. Ocene i gledanja SRN na karakter buduceg sporazuma j.-ez // DA MSP RS. PA. 1978. Br. fonda 204. Dosije 5. Br. dokumenta 414511.
53. Razgovori Karamanlisa u Rimu // DA MSP RS. PA. 1978. Br. fonda 205. Dosije 9. Br. dokumenta 423401.
54. Promemorija po pitanjima trgovine SFRJ - EEZ // DA MSP RS. PA. 1978. Br. fonda 205. Dosije 9. Br. dokumenta 423401.
55. Informacija o sadašnjem stanju pregovora SFRJ- EEZ i pripremama za usvajanje novog mandata. // DA MSP RS. PA. 1978. Br. fonda 206. Dosije 18. Br. dokumenta 452081.
56. Novi momenti oko utvrđivanja mandata EEZ za pregovore sa Jugoslavijom o novom sporazumu nakon pogoršanja odnosa SRN sa SFRJ. // DA MSP RS. PA. 1978. Br. fonda 206. Dosije 24. Br. dokumenta 468910.
57. Beleška o mediteranskoj politici Evropske ekonomske zajednici. 21.02.1973. // DA MSP RS. PA. 1973. Br. fonda 147. Dosije 3. Br. dokumenta 46665.
58. Izveštaj o eksploratornim razgovorima održanim u Briselu 27. - 28. Novembra 1972 godine za zaključenje novog trgovinskog sporazuma SFRJ - EEZ. // DA MSP RS. PA. 1973. Br. fonda 187. Dosije 1. Br. dokumenta 421.
59. Zabeleška u vezi izrade i predaje EEZ memoranduma o novom Sporazumu SFRJ- EEZ. 28.01.1972. // DA MSP RS. PA. 1972. Br. fonda 149. Dosije 8. Br. dokumenta 43440.
60. Informacija o nekim momentima u vezi sa pregovorima o unapredjenju ekonomske saradnje SFRJ – EEZ. 15.09.1976 // DA MSP RS. PA. 1976. Br. fonda 182. Dosije 12. Br. dokumenta 449354.
61. Stenografske beleške sa razgovora izmedju predsednika SIV Džemala Bijedića i predsedavajućeg ministra EEZ. 01.12.1976 // DA MSP RS. PA. 1977. Br. fonda 178. Dosije 6. Br. dokumenta 411209.
62. Zabeleška M. Minića sa Maksom von de Stulom. 06.11.1976// AJ. KPR. I – 5 – b/32-10.
63. Zabeleška o pitanjima za razgovor s V. Velebitom 18.- 19.10.1961// AJ. KPR. I3-b/31
64. Izveštaj o razgovorima šefova delegacija SFRJ, EEZ. 12.11.1968 // AJ. SIV. Br. fonda 130, Br. fascikle 658. L. J1089.
65. Informacija o stanju pregovora SFRJ-EEZ. 17.11.1969// AJ. SIV. Br. fonda 130, Br. fascikle 658. L. J1089.
66. Izveštaj o drugoj fazi zvaničnih pregovora SFRJ-EEZ. 25.12.1969. // AJ. SIV. Br. fonda 130, Br. fascikle 658. L. J1089.

67. Operativno pismo. Pov. Broj 4/72. Brisel. 18.02.1972 // DA MSP RS. PA. 1972. Br. fonda 149. Dosije 3. Br. dokumenta 47433.
68. Misijama SFRJ u EEZ i SEV. 06.06.1972 // DA MSP RS. PA. 1972. Br. Fonda 149. Dosije 10. Br. dokumenta 420510.
69. Zabeleška o razgovoru Tita sa Van der Stole-om 02.12.1972 // AJ. KPR. I – 3 – b/50.
70. Zasedanje mešovite komisije SFRJ-EEZ. 04.02.1975 // DA MSP RS. PA. 1975. Br. fonda 187. Dosije 2. Br. dokumenta 46021.
71. Zasedanje mešovite komisije SFRJ-EEZ. 31.07.1975 // DA MSP RS. PA. 1975. Br. fonda 188. Dosije 3. Br. dokumenta 436810.
72. Problem pristupa Grčke u članstvo EEZ. 02.02.1976 // DA MSP RS. PA. 1976. Br.fonda 181. Dosije 2. Br. dokumenta 45536.
73. Neki problemi i teškoće sadašnjeg razvoja EEZ. 27.04.1976 // DA MSP RS. PA. 1976. Br. fonda 181. Dosije 6. Br. dokumenta 423476
74. Averof poverljivo o sednici ministra odbrane NATO 22.12.1976. // AJ. KPR. I – 5 –b/32-10
75. Pogledi zajednice na odnose sa Jugoslavijom. 16.05.1977 // DA MSP RS. PA. 1977. Br. fonda 178. Dosije 9. Br. dokumenta 428180.
76. Borba za međusobno otvaranje tržišta. Ekonomska politika. 26.05.1976. str. 43-44 // AJ. KPR. I – 3 – b/31.1
77. Papandreu o sadašnjem trenutku Grčke // AJ. KPR. I – 5 – b/32-10.

Выступления, заявления и интервью политических лидеров и официальных лиц

78. Бильдт К. Стала ли Босния уроком для Европы? Выводы для европейской внешней политики. //International politic. М. Посольство Германии в Москве. 1997. С.7-13.
79. Грушко А. В. Интервью заместителя Министра иностранных дел России албанской газете "Шекулы". 13.03.19 // МИД РФ. [Электронный ресурс] URL:
80. http://www.mid.ru/web/guest/maps/al/asset_publisher/U6lx5jp8oEzV/content/id/3569130.
81. Милошевић С. Говор на мировној конференцији о Југославији у Хагу. 7. септембар 1991.// Милошевић С. Прилог историји двадесетог века. Београд: Treći milenijum. 2008. 286 С.
82. Повезаност Југославије са земљама ван Европе повећава њен утицај у Европи. Интервју Мирка Тепавца Политици // Политика. Број 20320. 30.април, 1. и 2. мај 1970.
83. Споразум равноправности и обостране користи. Интервју Јосипа Врховца // Борба. 3 април 1980.
84. Kissinger. H. As the Cheers Fade // Newsweek. 21 June 1999.

Сборники документов

85. Албанский фактор кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 2 (1998-1999 гг.). М.: Индрик. 2007. 384 С.
86. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 3. М. 2000. 287 С.
87. Отношения России (СССР) с Югославией. 1941-1945 гг.: Документы и материалы. М. ТЕРРА – Книжный клуб. 1998. 651 С.
88. Югославия в огне: документы, факты, комментарии (1990 - 1992) Отв. ред. Гуськова Е. Ю. М.: Экспертинформ. 1992.

89. Зборник докумената из области одбране и безбедности Југославије 1990-1991. године [приредили Славољуб Шишић, Златоје Терзић, Никола Петровић]. Београд: Војноиздавачки завод. 2002. 629 С.
90. Srpske političke elite i Londonska konferencija. Dokumenta sa Londonskoj konferencije o bivšoj Jugoslavije i zasedanja Generalne skupštine Ujedinjenih Nacija uz stenografske beleške sa sednica Saveta za usaglašavanje stavova o državnoj politici Savezne Republike Jugoslavije. Priredio Vladimir Petrović. Tom 1. 2. Institut za savremenu istoriju: Akademska misao. 2016. 270 P.

Официјалне документе ЕС, США, Русије, министарства и ведомства страна Југо-Восточне Европе, саглашења

91. Заједничко саопштење за штампу. Брисел. 28. новембар 1989. године // НИИ. посебни број “Европа’ 92”. 10. децембар 1989.
92. Закон об основах општественног и политическог уређења ФНРЈО и о сојузних органима власти // Хрестоматија по историји јужних и западних славјана. Т.3. Отв. ред. Мельцер Д.Б. Минск, 1991. 412 С.
93. Заявљење ЕС о свеобјемљујућем подходу к проблему Косово (27 октобра 1998 г.) // Албански фактор кризиса на територији бившеј Југославији. Документи. Т. 2 (1998-1999 г.). М.: Индрик, 2007. 384 С.
94. Заявљење правителства СРЈО (16 маја 1999 г.) // Албански фактор кризиса на територији бившеј Југославији. Документи. Т. 2 (1998-1999 г.). М.: Индрик. 2007. 384 С.
95. Конституција СФРЈО (1974 г.). Конституције мира. // [Електронни ресурс] URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=781>.
96. Концепција внешнеј политике Росијске Федерације (2016). (Concept of Russian Foreign Policy 2016). // [Електронни ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>.
97. Критеријума за признавање нових држава. 17.12.1991. // Зборник докумената из области одбране и безбедности Југославије 1990-1991. године [приредили Славољуб Шишић, Златоје Терзић, Никола Петровић]. Београд: Војноиздавачки завод. 2002. 629 С.
98. Макрорегионалне стратегије (Macro-Regional Strategies). // [Електронни ресурс] URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/cooperation/macro-regional-strategies/.
99. Отчет делегације правителства Републике Србије о преговорима, проходившим в Рамбује и Паризе с целью утверждения саглашења о существенном самоуправлении в Косове и Метохији (23 марта 1999 г.) // Албански фактор кризиса на територији бившеј Југославији. Документи. Т. 2 (1998-1999 г.). М.: Индрик, 2007. 384 С.
100. Письмо Генерального секретаря на имя Председателя Совета Безопасности. //Официјални сайт архива ООН. 31.10.2005. [Електронни ресурс] URL: <http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=S/2005/708&Lang=R/>.
101. Резолуција 757 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. // Организация объединенных наций. 30.05.1992. [Електронни ресурс] URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/757\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/757(1992)).
102. Србија: аналитическая справка по статистике внешнеј торговли. // Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ. 07.06.2018. [Електронни ресурс] URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/rs/analytic_serbia/?analytic=34.
103. Сређивање односа између ЕЕЗ и СФРЈ // Борба. 2 Децембар 1976.

104. Статистички годишњак Републике Србије. 2018. // [Електронни ресурс] URL: <http://www.stat.gov.rs>.
105. Izjava o principima ustanovnih resenja BiH // Medjunarodna politika. Beograd. 1992. №1003.
106. Predsjednik Vlade: referendum za ulazak u EU. bez referenduma za NATO. Vlada Republike Hrvatske. 2008. 21.01. [Електронни ресурс] URL: <https://vlada.gov.hr/vijesti/predsjednik-vlade-referendum-za-ulazak-u-eu-bez-referenduma-za-nato/7920>
107. Privredna saradnja. Srbija i Ruska Federacija. Privredna komora Srbije. [Електронни ресурс] URL: <http://www.pks.rs/MSaradnja.aspx?id=51&p=1&pp=0&>.
108. Strategija nacionalne sigurnosti Republike Hrvatske. // 2002. [Електронни ресурс] URL: <https://www.uvns.hr/UserDocsImages/dokumenti/nacionalna-sigurnost/Strategija-nacionalne-sigurnosti-RH.pdf>.
109. A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans. // 06.02.2018. [Електронни ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf.
110. Agency C.I. Report on NGOs With Terror Links Wikisource. // 1996. [Електронни ресурс] URL: https://en.wikisource.org/wiki/CIA_Report_on_NGOs_With_Terror_Links.
111. Agenda for Peace Preventive Diplomacy, Peace-making and Peacekeeping Report of the Secretary-General. 17 June 1992 SIPRI Year Book. NY. 1994. 841 P.
112. Agreement Between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Bulgaria on Defense Cooperation. 28.04.2006. P.5. [Електронни ресурс] URL: <https://www.state.gov/documents/organization/70921.pdf>
113. Albania 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament. 2019. [Електронни ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-albania-report.pdf>.
114. Annex 2 to Montenegro 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 2019 Communication on EU Enlargement Policy. [Електронни ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-montenegro-report.pdf>.
115. Annex to A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans. [Електронни ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/annex-communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf. (page not found)
116. Answer to Oral Question in the European Parliament on the Situation in Yugoslavia. // Question N H-613/92. Strasbourg. 8 July. 1992. Doc.92/262. P.3 [Електронни ресурс] URL: <http://www.iue.it/EFPB/list92html>.
117. Balkans and EU Integration- Learned: Conclusions and Recommendations in DIALOGUES- Ownership for Regional Cooperation in the Western Balkan Countries. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung. 2009.
118. Balkans oversight I: corruption in Bosnia: hearing before the Committee on International Relations. House of Representatives. One Hundred Sixth Congress, first session, September 15. 1999 United States. Washington: U.S. G.P.O. Pennsylvania State University. 1999. P. 1-72
119. Bosnia and Herzegovina 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 2019

- Communication on EU Enlargement Policy. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-bosnia-and-herzegovina-analytical-report.pdf>.
120. Britain and the Western Balkans. Tenth report of Session 2017-2019. House of Commons. 2019. // Foreign Affairs Committee [Электронный ресурс] URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaff/1013/1013.pdf>.
 121. Brussels Agreement // The government of the Republic of Serbia. [Электронный ресурс] URL: <https://www.srbija.gov.rs/cinjenice/en/120394>. (ссылка ни о чём, инфы в ней нужной нет)
 122. Bulgaria and Macedonia Sign Treaty of Friendship. // State.gov. 01.08.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/08/272975.htm>.
 123. CIA The World Factbook. // CIA. 27.03.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>.
 124. Commission Opinion on Bosnia and Herzegovina's application for membership of the European Union. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels, 29.5.2019 COM (2019) 261 final. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-bosnia-and-herzegovina-opinion.pdf>.
 125. Commission progress reports 2000 Brussels. // Архив европейской интеграции. [Электронный ресурс] URL: http://aei.pitt.edu/44638/1/strategy_2000.pdf.
 126. Commissioner Patten announces launch of Feasibility Report on Serbia and Montenegro IP/04/1202. Brussels. 11 October 2004 // Официальный сайт Европейского Союза. [Электронный ресурс] URL: http://europa.eu.int/comm/external_relations/news/index.htm.
 127. Concept on Strengthening EU Mediation and Dialogue Capacities. // Council of the European Union. 10.11.2009. [Электронный ресурс] URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/cfsp/conflict_prevention/docs/concept_strengthening_eu_med_en.pdf.
 128. Cost of Youth Emigration Western Balkans Democracy Initiative. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.wfd.org/wp-content/uploads/2019/05/Cost-of-youth-emigration-Serbia.pdf>.
 129. Council Regulation (EC) No 2666/2000 of 5 December 2000. // Official Journal of the European Communities. Brussels 7 December 2000 [Электронный ресурс] URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/bf6e8679-a2c1-45c5-ac77-e4ce74756ca9>.
 130. Council Regulation (EC) No 2007/2000 of 18 September 2000. // Official Journal of the European Communities, Brussels. 23 September 2000 [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32000R2007>.
 131. Decision of the Government of the Republic of Serbia to establish diplomatic relations with the Kingdom of Saudi Arabia on resident basis. // adopted on 4 February 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.rs/en/component/content/article/11800-press-statement-on-the-decision-of-the-government-of-the-republic-of-serbia-to-establish-diplomatic-relations-with-the-kingdom-of-saudi-arabia-on-resident-basis-adopted-on-4-february-2013>.
 132. Declaration on Implementation of UN Sanctions on the Former Yugoslavia. // WEU Council of Ministers, Luxembourg. 5 April 1993 [Электронный ресурс] URL: <http://www/weu.int/eng/comm/93-luxembourg.htm>.
 133. Developments in the Western Balkans and policy responses: hearing of Commission on Security and Cooperation in Europe. Joint House and Senate Hearing. 113 Congress. 2014 United States. Washington: U.S. G.P.O. 2014.
 134. EC (European Commission). "A Credible Enlargement Perspective for and Enhanced EU Engagement with the Western Balkans." Strasbourg. 6 February 2018.

- [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf.
135. EC (European Commission). "The Former Yugoslav Republic of Macedonia 2016 Report". Brussels. 9 November 2016. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2016/20161109_report_the_former_yugoslav_republic_of_macedonia.pdf.
 136. EC Reports 2008. 2009. 2010. 2011. 2012. 2013. 2014 Macedonia. // Официальный сайт Европейского Союза. [Электронный ресурс] URL: <http://ec.europa.eu/enlargement/>.
 137. Enlargement Strategy. 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://wbc-inco.net/object/document/7278.html>.
 138. Enlargement Strategy. 2006. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2006/nov/com_649_strategy_paper_en.pdf.
 139. EU - Bosnia and Herzegovina Progress Report 2008 – 2019. // Официальный сайт Европейского Союза. 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-bosnia-and-herzegovina-analytical-report.pdf>.
 140. European Commission. // Turkey. 2010 Progress Report [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2010/package/tr_rapport_2010_en.pdf.
 141. European Commission. 2011. Enlargement Strategy and Main Challenges 2011–2012. COM (2011) 666 final. Brussels. 12 October. [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/summary/EN/el0031>.
 142. European Commission. 2012. Enlargement Strategy and Main Challenges 2012–2013. COM (2012) 600 final. Brussels 10 October 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://aei.pitt.edu/44757/>.
 143. European Commission, 2013a. Enlargement Strategy and Main Challenges 2013–2014. COM (2013) 700 final. Brussels 16 October 2013. [Электронный ресурс] URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/f559df60-e93a-424d-bedc-1fdd4e4dc90b.0006.02/DOC_1.
 145. European Commission, Wider Europe — Neighborhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours, COM (2003) 104 final. 11 March 2003. 26 P.
 146. European Council. Conclusions of the Presidency. Essen (December 1994). [Электронный ресурс] URL: http://www.europarl.europa.eu/summits/ess1_en.htm.
 147. Final Declaration by the Chair of the Trieste Western Balkans Summit. 4.07.2016. [Электронный ресурс] URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/trieste-western-balkan-summit-declaration.html.
 148. Final Declaration by the Chair of the Vienna Western Balkans Summit, 27.08.2015. // Официальный сайт ЕС. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/policy-highlights/regional-cooperation/20150828_chairmans_conclusions_western_balkans_summit.pdf
 149. Final report of the Select Subcommittee to Investigate the United States Role in Iranian Arms Transfers to Croatia and Bosnia ("the Iranian Green Light Subcommittee"). with minority views: report prepared for the Committee on International Relations. U.S. House of Representatives United States. Washington: U.S. G.P.O. University of California. 1997. 727 P.

150. Global Trends 2025: A Transformed World. National Intelligence Council. 2008. [Электронный ресурс] URL: https://www.files.ethz.ch/isn/94769/2008_11_Global_Trends_2025.pdf.
151. Islamic Unity Conference C-SPAN.org. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.c-span.org/video/?109792-1/islamic-unity-conference>.
152. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy”. High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. // Brussels, 19.9.2018 join (2018) 31 final. 14 p. [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf.
153. Joint statement between Republic of Serbia and People's Republic of China on Establishing Strategic Partnership. // [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t581207.shtml.
154. Juncker to halt enlargement as EU Commission head EU Business. // [Электронный ресурс] URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:rvOLqmdZz6sJ:https://www.eu-business.com/news-eu/politics-juncker.x29+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&lr=lang_en%7Cclang_ru.
155. Kinkel K. Juppe A. Letter to Belgian EU Presidency. 7 Nov. 1993 Owen D. Balkan Odyssey. London. 1996. 394 P.
156. KMEZIĆ M., The Western Balkans and EU Enlargement: Lessons learned, ways forward and prospects ahead. // Directorate-General for External Policies Policy Department, 2015 [Электронный ресурс] URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/534999/EXPO_IDA\(2015\)534999_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/534999/EXPO_IDA(2015)534999_EN.pdf).
157. Kosovo 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 2019 Communication on EU Enlargement Policy. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-kosovo-report.pdf>.
158. MEEEX Serbia Saudi AP Archive. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aparchive.com/metadata/youtube/2feba1825ccfbf2ae2f4765178730b0825.02>.
159. Montenegro 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 2019 Communication on EU Enlargement Policy. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-montenegro-report.pdf>.
160. North Macedonia 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 2019 Communication on EU Enlargement Policy. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-north-macedonia-report.pdf>.
161. Press release of the Foreign Minister Steinmeier on the meeting with Foreign Ministers from the Western Balkan states on 28.08.2016.[Электронный ресурс] URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Meldungen/2014/140828-BM_Westbalkankonferenz.html?searchArchive=0&searchEngineQueryString=balkan&searchIssued=0&searchIssuedAfter=27.11.2013.
162. Progress and Challenges in the Western Balkans Committee on Foreign Affairs U.S. government publishing office Washington. 2015. P. 1-71.

163. Progress and Challenges in the Western Balkans. Hearing before the Subcommittee on Europe. Eurasia. and Emerging Threats. 114 Congress. April 29. 2015. Serial No. 114-30.
164. Project Progress Trans Adriatic Pipeline. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tap-ag.com/pipeline-construction/project-progress>).
165. Report of the Co-Chairman of the Steering Committee on the Activities of the Internationale Conference on the Former Yugoslavia. 29 Dec. 1993. Report S/26922.
166. Report of the Secretary General on the International Conference of the Former Yugoslavia. 2 Feb. 1992 UNDoc. S/25221. [Электронный ресурс] URL: <https://digitallibrary.un.org/record/153981>.
167. Republic of Serbia Government. Progress Report on the Dialogue between Belgrade and Pristina. October 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kim.gov.rs/doc/pregovaracki-proces/Izvestaj%20o%20dijalogu%20oktobar%202015%20ENG%20fin.pdf>.
168. Republic of Serbia Government. Progress Report on the Dialogue between Belgrade and Pristina. April 2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kim.gov.rs/doc/pregovaracki-proces/Izvestaj%20oktobar%20april%202017%20ENG.pdf>.
169. Serbia The Observatory of Economic Complexity. // [Электронный ресурс] URL: <https://oec.world/en/profile/country/srb/>.
170. Serbia 2019 Report Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 2019 Communication on EU Enlargement Policy. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-serbia-report.pdf>.
171. Serbia and Montenegro. Stabilization and Association report 2004 by commission of European communities. // Официальный сайт Европейского Союза. [Электронный ресурс] URL: <http://europa.eu.int/comm/economy.htm/>.
172. Serbia: Background and U.S. Relations. // Congressional Research Service. October 17. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44955/10?fbclid=IwAR3GvNFo5vf3mWdBmC3OL564kIY-of4vvqSnzF-I3ytK3M0dmrrgN12ssP4>.
173. Stability Pact for South East Europe. Cologne. 10 June 1999. p. 20. [Электронный ресурс] URL: <https://reliefweb.int/report/albania/stability-pact-south-eastern-europe-cologne-document>.
174. The Balkans after the independence of Kosovo and on the eve of NATO enlargement: hearing before the Committee on Foreign Relations. House of Representatives. One Hundred Tenth Congress, second session, March 12. 2008 United States. Washington: U.S. G.P.O. Pennsylvania State University. 2008. P. 57 P.
175. The Balkans: assessing the progress and looking to the future: hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on International Relations, House of Representatives. One Hundred Eighth Congress. first session. April 10. 2003 United States. Washington: U.S. G.P.O. Purdue State University. 2003. 57 P.
176. The Balkans: Threats to Peace and Stability: hearing before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. One Hundred Fifteenth Congress, first session. May 17. 2017 United States. Washington: U.S. G.P.O. 2017. 102 P.
177. The Balkans: threats to peace and stability. Hearing before the subcommittee on Europe. Eurasia and emerging threats. 115 Congress. May 2017. Serial No. 115-47.
178. The Maastricht Treaty on European Union. [Электронный ресурс] URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf.

179. The Memorandum of Understanding on Trade Liberalization and Facilitation. Brussels. 27 June 2001.
180. The Milosevic regime versus Serbian democracy and Balkan stability: hearing before the Commission on Security and Cooperation in Europe. One Hundred Fifth Congress. second session. December 10. 1998 United States. Washington: U.S. G.P.O. Pennsylvania State University. 1998. 68 P.
181. The Republic of Kosovo. The Office of the Prime Minister. First agreement of principles governing the normalization of relations. 19.04.2013. [Электронный ресурс] URL:http://www.kryeministri-ks.net/repository/docs/FIRST_AGREEMENT_OF_PRINCIPLES_GOVERNING_THE_NORMALIZATION_OF_RELATIONS,_APRIL_19,_2013_BRUSSELS_en.pdf
182. The Thessaloniki Agenda for the Western Balkans. // The EU's relations with South Eastern Europe [Электронный ресурс] URL: <http://www.eu.int/southeasterneurope/aenda/>.
183. The U.S. role in Kosovo: hearing before the Committee on International Relations. House of Representatives. One Hundred Sixth Congress. first session. February 10. 1999 United States. Washington: U.S. G.P.O. Pennsylvania State University. 1999. 61 P.
184. The UK and the future of the Western Balkans. HOUSE OF LORDS Select Committee on International Relations. 1st Report of Session 2017–19. 10 January 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201719/ldselect/ldintrel/53/53.pdf>.
185. The Western Balkans and the 2012 NATO Summit: hearing before the Commission on Security and Cooperation in Europe. One Hundred Twelfth Congress. second session. January 18. 2012 United States. Washington: U.S. G.P.O. 2012. 50 P.
186. The Western Balkans and the Berlin Process. // South East European Studies at Oxford. Workshop report. July 2018. [Электронный ресурс] URL: https://www.sant.ox.ac.uk/sites/default/files/berlin_process_workshop_report_v2.pdf.
187. The Western Balkans: Perspectives From OSCE Field Missions: hearing of Commission on Security and Cooperation in Europe. Joint House and Senate Hearing. 115 Congress. 1 session. 2014 United States. Washington: U.S. G.P.O. 2017.
188. TİKA Annual Report 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/2019/Faaliyet%20Raporu%202018/T%C4%B0KA%20Annual%20Report%202018.pdf>.
189. U.S. policy toward Bosnia and the Balkans: hearing before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. One Hundred Third Congress. second session. May 11. 1994. United States. Washington: U.S. G.P.O. Pennsylvania State University. 1994. 60 P.
190. U.S. policy toward southeast Europe: unfinished business in the Balkans: hearing before the Committee on Foreign Relations. United States Senate. One Hundred Eighth Congress. second session. July 14. 2004. United States. Washington: U.S. G.P.O. Purdue State University. 2004. 63 P.
191. U.S.-Greece relations and regional issues: hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, One Hundred Tenth Congress, first session, November 14. 2007 United States. Washington: U.S. G.P.O. Pennsylvania State University. 2008. 26 P.
192. Unfinished Business in Southeast Europe: Opportunities and Challenges in the Western Balkans: hearing before the Committee on Foreign Relations United States Senate. 111 Congress. 2 session. 2010
193. Western Balkan Labor Market Trends 2019. // World Bank Group. Analytical report. March 2019. [Электронный ресурс] URL:

- <http://documents.worldbank.org/curated/en/351461552915471917/pdf/135370-Western-Balkans-Labor-Market-Trends-2019.pdf>.
194. Western Balkans Summit Poznań. Chair's conclusions.// [Электронный ресурс] URL: https://www.premier.gov.pl/files/files/chairs_conclusions.pdf.
195. Pápa Air Base - Main Operating Base // NATO support and procurement agency [Электронный ресурс] URL: <https://www.nspa.nato.int/en/organization/NAMP/papa.htm>.

Источники личного происхождения, мемуары, политическая публицистика

196. Дель Понте К. Охота: я и военные преступники Карла дель Понте, Чак Судетич [пер. с англ. Т. О. Новиковой, С. Артемова]. М.: Эксмо. 2008. 638 С.
197. Козырев А. Преображение. М.: Международные отношения. 1995. 333 С.
198. Белић Б. Када ће нам бити боље. Београд: Службени гласник. Б-92. 2006. 267 С.
199. Đinđić Z. Put Srbije u Evropu. Beograd: Drasler partner. 2005. 416 str.
200. Зоран Ђинђић о Косову. Београд. 2003. 109 С.
201. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника 2 изд. Београд - Крагујевац: Призма. 1996. 487 С.
202. Ћосић Д. Косово. Београд: Новостио. 2004. 348 С.
203. Ahtisaari M. Beogradske zadaće. Kako je slaman Milošević. Zagreb. 2002. 216 str.
204. Davutoglu A. Strategic Depth, Turkey's international position. Istanbul: Kure. 2001. 300 P.
205. Davutoglu A. A Forward Looking Vision for the Balkans. // Center for Strategic Research. 2011. N1 [Электронный ресурс] URL: http://sam.gov.tr/wp-content/themes/sam/assets/pdfs/vision_paper_serbian_version.pdf.
206. Đinđić Z. Put Srbije u Evropu/ priredio Života Ivanović. Beograd: Draslar partner. 2005. 416 str.
207. Izetbegović A. The Islamic Declaration. Sarajevo: Bosna. 1990. 64 P.
208. Montgomery W. Kad ovacije utihnu. Beograd, 2010. 196 str.
209. Owen D. Balkan Odyssey: experience the struggle for peace on Bosnia. London: Diane pub co. 1996. 394 P.
210. Zimmermann W. Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. NY: Times Books. 1996. 269 P.

Справочные материалы

211. Центральный аппарат МИД РФ. //МИД РФ. 01.02.2020. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/about/structure/central_office.
212. 25 years in Bosnia-Herzegovina Islamic Relief Worldwide. [Электронный ресурс] URL: <https://www.islamic-relief.org/25-years-in-bosnia-herzegovina/>.
213. Albania Islamic Relief Worldwide. [Электронный ресурс] URL: <https://www.islamic-relief.org/category/where-we-work/albania/>.
214. Bosnia and Herzegovina Islamic Relief Worldwide. [Электронный ресурс] URL: <http://www.islamic-relief.org/category/where-we-work/bosnia-and-herzegovina/>.
215. European Countries with the Largest Muslim Populations. // World Atlas. 24.05.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldatlas.com/articles/european-countries-with-large-muslim-populations.html>.

216. Islam in the Balkan States. // Oxford Islamic Studies Online. [Электронный ресурс] URL: <http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t125/e285>.
217. Minorities in Turkey. // Wikipedia. 27.02.2020 [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Minorities_in_Turkey.
218. Yugoslavia: Guest Workers. // Nations Encyclopedia. 12.1990. [Электронный ресурс] URL: <http://www.country-data.com/cgi-bin/query/r-14823.html>.

Материалы социологических исследований

219. Istraživanje javnog mnjenja Identiteti građana Srbije u kontekstu evropskih integracija. Centar za slobodne izbore i demokratiju. Beograd. 2009. 24 str.
220. STAV GRAĐANA SRBIJE Prema evropskoj uniji maj 2018. // RESEARCH no 11 istraživanje javnog mnjenja. Institut za evropske poslove. 05.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://iea.rs/wp-content/uploads/2018/05/11-Stav-gradjana-Srbije-o-EU-2018.pdf>.
221. BALKAN BAROMETER 2018 Public Opinion Analytical report Publisher: Regional Cooperation Council. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rcc.int/pubs/66/balkan-barometer-2018-public-opinion-survey>.
222. BALKAN BAROMETER 2019 Public Opinion Analytical report. // Regional Cooperation Council. 05.2019. [Электронный ресурс] URL: https://www.rcc.int/seeds/files/RCC_BalkanBarometer_PublicOpinion_2019.pdf.
223. Public Opinion in the European Union. Standard Eurobarometer 92. // European Commission. 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2255>.
224. Public opinion on the EU and European integration. // 02.2014 [Электронный ресурс] URL: <http://www.europa.rs/upload/Opinion%20poll%20results%20%fir%20press%20conference%20FIN%20ENG.pptx>.
225. Standard Eurobarometer 72. // European Commission. 12.2009. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb72/eb72_first_en.pdf.
226. Standard Eurobarometer 80. // European Commission. 12.2013. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb80/eb80_first_en.pdf.
227. Standard Eurobarometer 90. // European Commission. 2018. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/finland/sites/finland/files/eb90_fir_en.pdf.
228. Standard Eurobarometer 91 // EU Open Data Portal. 05.08.2019 [Электронный ресурс] URL: https://data.europa.eu/euodp/en/data/dataset/S2253_91_5_STD91_ENG.

Материалы печатных, телевизионных и интернет-СМИ, публицистика

229. «Газпром» сделал трубный выбор. // Коммерсант. 22.11.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3806415>.
230. Арабы скупают все больше недвижимости в Боснии и Герцеговине. // ИА EADaily. 15.08.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/08/15/araby-skupayut-vse-bolshe-nedvizhimosti-v-bosnii-i-gercegovine>.

231. Ахметов Т. Базовая сборка: Турция наращивает военное присутствие на Черном море. // Известия. 18.12.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/824476/timur-akhmetov/bazovaia-sborka-turtciia-narashchivaet-voennoe-prisutstvie-na-chernom-more>.
232. Босния и Герцеговина движется в сторону военной конфронтации (фрагмент интервью с научным сотрудником Института славяноведения РАН Г. Н. Энгельгардтом) // ИА EADaily. 28.09.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/28/bosniya-i-gercegovina-dvizhetsya-v-storonu-voennoy-konfrontacii>.
233. В СБ ООН внесена новая резолюция по статусу Косово. // РИА Новости. 17.07.2017. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/trend/new_resolution_Kosovo_UNO_20070717.
234. Вострухов Е., Ермолович Н. Развод по-югославски. // Известия. 08.04.1991.
235. Вострухов Е., Ермолович Н. Экономическое чудо югославского премьера может не состояться из-за сепаратизма республиканских лидеров. // Известия. 02.04.1991.
236. Гуськова Е. Новые выборы или «внешнее управление». // НГ. 19.01.2004.
237. Гуськова Е. Ситуация в Македонии чревата хаосом и гражданской войной. // РИА Новости. 18.04.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/world/20160418/1414208735.html>.
238. Дубнов В. Косово. Пять лет эксперимента по сотворению мира. // РИА-Новости. 17.02.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/analytics/20130217/923087575.html>.
239. Как Китай обходит пошлины на сталь в США и Европе. // Ведомости. 05.06.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/06/05/771880-kitai-obhodit-poshlini-stal>.
240. Карпенгер Т. Сербская оливковая ветвь мира. // ИноСМИ 24.01.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130124/205000563.html>.
241. Кризис с мигрантами в Европе в 2015-2016 годах. // РИА Новости. 14.04.2016 [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20160414/1410128475.html>.
242. Мост дружбы между Россией и Сербией Фонд апостола Андрея Первозванного. // Фонд Апостола Андрея Первозванного. 25.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://fap.ru/press-center/news/most-druzhby-mezhdu-serbiey-i-rossiey/>.
243. Некрасов И. Ни разубить, ни развязать. Косово – заложник противоположных интересов. // Известия. 14 января 1999.
244. Никифоров Л. Косово: де-юре и де-факто. // Официальный сайт новостной ленты Информационного Агентства Регнум. [Электронный ресурс] URL: <http://www.regnum.ru/http://www.regnum.ru/news/745273.html/>.
245. Новикова Е. Торг по-сербски. // Expert Online. 28.02.2012. [Электронный ресурс] URL: <http://expert.ru/2012/02/28/torg-po-serbski>.
246. Протесты у посольства США против агрессии НАТО в Югославии. 1999 год. // Youtube. 16.08.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=voZ7-Pd0h8I>.
247. Радзиевич А., Иванов И. В Белграде снова сильно пахнет порохом. // Сайт портала «Утро». 26.05.2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.utro.ru/articles/2003/05/26/201679.shtml/>.
248. Республика Сербская: отложенная цветная революция? // Newsland.com. 16.05.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/respublika-serbskaia-otlozhennaia-tsvetnaia-revoliutsiia/5236047>.

249. Российские госбанки получают почти половину крупнейшего ритейлера Хорватии. // Ведомости. 04.07.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/07/04/774656-gosbanki-horvatii>.
250. Самошкин В. СРЮ присоединилась к пакту стабильности, Европа осталась довольна балканским саммитом. // НГ. № 205. 28.10.2000.
251. Сербия де-юре признала независимость Косово на переговорах в Брюсселе. // Ридус. 19.04.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ridus.ru/news/79565.html>.
252. Сербия и Косово начинают первые в истории прямые переговоры. // Вести.RU. 08.03.2010. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=434446&tid=62113>.
253. Сербия купит у России истребители МиГ-29. // Lenta.ru. 24.04.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2013/04/24/mig29/>.
254. Сербский меткомбинат официально стал китайским. // Сайт портала «Металлоснабжение и сбыт». 18.04.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.metainfo.ru/ru/news/85191>.
255. Слабынько А., Рябикин С. Вы находитесь в центре внимания мира только, когда представляет собой большую проблему. // НГ. 03.12.2002.
256. Сулькин О. Боснийский сценарий мог вылиться в Майдан. // Голос Америки. 05.04.2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/sulkin-bosnia-rising-redgrave/2707713.html>.
257. Трамп потребовал от стран НАТО немедленно довести расходы на оборону до 2% ВВП. // ТАСС. 11.07.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5366224>.
258. Турция забрала все свое золото из ФРС США. // Vz.ru. 20.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://vz.ru/news/2018/4/20/918807.html>.
259. Франсуа Олланд: беспрецедентно низкий рейтинг. // Euronews.com. 17.05.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.euronews.com/2016/05/17/francois-hollande-scores-lowest-poll-for-a-french-president>.
260. Београдски споразум. // Политика. 04.04.1980.
261. Бундесбанка против Анте Марковића. // НИН, 13.05.1990
262. Вартогасци и зидари. // НИН. 24.03.1989.
263. Геншерова „света алијанса“. // НИН. 13.09.1991.
264. Грчка свечано приступила Европској Заједници. // Политика, број 24156, 06.01.1981
267. Дебакл у Луксембургу; Америчка страховлада прогутала Европу. // Борба. 13.10.1999.
265. Дипломатски рат. // НИН. 27.12.1991.
266. Доменак Жан Мари, Југославија – опасан изазов Европи. // НИН. 07.06.1991.
267. Допринос чвршћој сарадњи Југославије и Европске заједнице. // Политика. 14.01.1981.
268. Европска година и ЕЕЗ. // Политика. 08.01.1973.
269. Европска Немачка или немачка Европа? // НИН. 10.01.1992.
270. ЕЗ кажњава Југославију. // НИН. 22.11.1991.
271. Екмекчић Милорад, Будућност Југославије. // НИН. 16.11.1990.
272. ЕУ зове СПЦ и опозицију у Луксембург. // Глас. 07.10.1999.
273. Замке конфедерализма. // НИН. 20.05.1990.
274. Зашто смо против одлуке. // НИН. 03.08.1990.
275. Зашто Србија против. // НИН. 24.12.1989.
276. ЗЕТ разматра накнаду штете Југославији. // Политика. 21.05.1973.
277. Ислам на Балкану. // НИН. 04.09.1992.
278. Једна сасвим европска дилема. // НИН. 19.07.1991.
279. Југославија сели да се „придружу“. // НИН. Посабан број. 10.12.1989.

280. Ко руши Марковића. // НИН. 18.03.1990.
281. Комадање илузија. // НИН. 08.01.1989.
282. Конференција јача од рата. // НИН. 11.10.1991.
283. Коштуница: Уцењивачки позив опозицији. // Борба. 12.10.1999.
284. Куда, како, с ким. // НИН. 06.09.1991.
285. Марковић је закаснио. // НИН. 28.06.1991.
286. Матутес А. Ми смо забринути за Југославију. // НИН. посебни број “Европа’ 92”. 10.12.1989.
287. Митеранова «еурофорија». // НИН. 27.12.1991.
288. Могућности за дугорочнији и равномернији развој привредних односа СФРЈ и ЕЕЗ. // Политика. 3.12.1976.
289. Наизад пронађена формула. // НИН. 15.04.1990.
290. Неизвесна будућност. // Политика. број 2134. 16.02.1973.
291. Немачки сценарио. // НИН. 27.12.1991.
292. Никшић С. Југославија жели да се “придружи”. // НИН. посебни број “Европа’ 92”. 10.12.1989.
293. Никшић С. Зашто комунисти ћуте. // НИН. 04.09.1983.
294. Опозиција неће по диктату ЕУ. // Глас. // 12.10.1999.
295. Опора порука Вашингтона. // НИН. 24.05.1991.
296. Павић М. Национализам у Европи. // 01.11.1991.
297. Први резултати споразума Југославија – Европска заједница. // Политика. 16.01.1981.
298. Први састанак проширене Европске заједнице. // Политика. 16.01.1973.
299. Прво укинути санкције. // Борба. // 12.10.1999.
300. Предлог Марковићевој влади. // НИН. 31.03.1989.
301. Програма спаса. // НИН. 18.06.1991.
302. Проблем на периферији. // НИН. 31.05.1991
303. Рајн Е. У чему смо слични, где се разликујемо. // НИН. посебни број “Европа’ 92”. 10.12.1989.
304. Рајн Е. У чему смо слични где се разликујемо. // НИН. Посабан број. 10.12.1989.
305. Ралић П. Порекло конформизма. // НИН. 04.09.1983.
306. Сила пред балканским испитом. // НИН. 18.10.1991.
307. Симић П. Игра с „Рубиковим коцком“. // НИН. 27.09.1991.
308. Симић П. Једна и по Европа. // НИН. 17.05.1991.
309. Старатељи на мукама. // НИН. 05.07.1991.
310. Стул: ЕЕЗ је одлучна да ојача и даље развије сарадњу са СФРЈ. // Политика. 02.12.1976.
311. Трансатлантска визија. // НИН. 28.06.1991.
312. Укидање Југославије. // НИН. 20.12.1991.
313. Улога Европе у визији Едварда Хита. // Политика. // 04.01.1973
314. Хашка Југославија. // НИН. 13.09.1991.
315. Цена рата и мира. // НИН. 22.11.1991.
316. Церовина Ј., Радомировић Б. Нема неприкосновеног лидера. // Политика. 02.03.2008.
317. Шуваковић З. Не само «њихове бриге». // Политика. 03.04.1983.
318. Ambasadorja amerikane duke hyrë në Kuvend Gazeta Tribuna. // YouTube. 27.06.2013. [Електронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QIjhkeOOyIk>.
319. Antić sa Novim Predsednikom Kompanije СМЕС. // Ministarstvo rudarstva I енергетике. 24.06.2019. [Електронный ресурс] URL: <https://www.mre.gov.rs/latinica/arhiva-aktuelno-jun-2019.php>.

320. Arapske investicije u Srbiji: Više euforije nego ekonomije Strana ulaganja. // Investicije Al Jazeera Balkans. 06.11.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/arapske-investicije-u-srbiji-vise-euforije-nego-ekonomije>;
321. Avramović: Smatrao sam da je bolje da mi njima pošaljemo tekst Danas, 13.10.1999.
322. Azinovic V. Al-Kai'da u Bosni i Hercegovini: mit i listvarnost? Radio slobodna Europa. Centar za savremenu umjetnost. Sarajevo, 2007.
323. Balkanski put svile: 5 milijardi dolara kineskih investicija u pet zemalja jugoistočne Evrope, uključujući i Crnu Goru. // Investor. 03.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://investitor.me/2019/04/03/balkanski-put-svile-5-milijardi-dolara-kineskih-investicija-u-pet-zemalja-jugoistocne-evrope-ukljucujuci-i-crnu-goru/>
324. Bjelotomic S. Vuksanovic: Average salary in Serbia is actually 25,000 dinars Serbian Monitor. // Serbian Monitor. 27.06.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.serbianmonitor.com/en/vuksanovic-average-salary-in-serbia-is-actually-25000-dinars/> 27.02.
325. Ergeljan B. Balkansko fino tkanje Politika. // Politika. 09.04.2003.
326. Hudelist D. Pašalić: Pobijede li Hebrang i barakaši, bit će to zadnji čavao u mrtvačkom sanduku HDZ-a'. // Globus. 29.04.2000.
327. Imamo istorijsku šansu da poboljšamo odnose sa SAD: Nekadašnji američki diplomata otkriva šta Srbija treba konkretno da uradi. // Telegraf.rs. 2018.16.08. [Электронный ресурс] URL: <https://www.telegraf.rs/vesti/politika/2983805-imamo-istorijsku-sansu-da-poboljsamo-odnose-sa-sad-nekadasnji-americki-diplomata-otkriva-sta-srbija-treba-konkretno-da-uradi-video>.
328. Klarin M. Šta bi Evropa učinila za Srbiju posle Miloševića. // Danas. // 07.10.1999.
329. Milat A. Kineski investicije na Balkanu. // BILTEN. 15.05.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bilten.org/?p=6447>.
330. Održana zajednička vežba specijalnih jedinica Srbije i SAD. // Beta.rs. 14.03.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://beta.rs/politika/107964-odrzana-zajednicka-vezba-specijalnih-jedinica-srbije-i-sad>.
331. Pobrić N. Ovo su najznačajnije arapske investicije u BiH. // Source.ba. 31.03.2016 [Электронный ресурс] URL: <http://www.source.ba/clanak/Nedim/399742/Ovo-su-najznacajnije-arapske-investicije-u-BiH>.
332. POD OKUPACIJOM I U VLASTI NATO (EU): Kako smo „reformisali“ i upropastili vojsku. // Srbin.info. 14.01.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://srbin.info/2015/01/14/pod-okupacijom-i-u-vlasti-nato-eu-kako-smo-reformisali-i-upropastili-vojsku/?lang=lat>.
333. SAD će u Slunju za pola milijuna dolara izgraditi najveći vojni polygon u Europi. // Nacional. 2002. 25.02. [Электронный ресурс] URL: <http://arhiva.nacional.hr/clanak/15560/sad-ce-u-slunju-za-pola-milijuna-dolara-izgraditi-najveci-vojni-poligon-u-europi>.
334. Sad ulazu u polygon u Slunju. // Obris.org. 2016.01.06. [Электронный ресурс] URL: <https://obris.org/hrvatska/sad-ulazu-u-polygon-u-slunju/>.
335. Sporna obaveza o izručenju optuženih. // Blic. 11.10.1999.
336. Swartz H. P. Spoljna politika bez concepta. // Tanjug press. br.202. 10.1993.
337. Vukadinović Đ. Iz ličnog ugla – Kratak pregled raspadanja (4): Od Barbike do Borisa Groznog. // Официальный сайт газеты «Време». 05.03.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=835265>.
338. “Zašto ljudi bježe iz Hrvatske? Zbog vjerske zadrnosti, korupcije I uhljeba”. // Webportal Index. 09.01.2018. [Электронный ресурс] URL:

- <http://www.index.hr/vijesti/clanak/zasto-ljudi-bjeze-iz-hrvatske-zbog-vjerske-zadrnosti-korupcije-i-uhljeba/1018200.aspx>.
339. After the war we saw there were a lot of investment opportunities in Bosnia Euronews. // EuroNews. 27.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.euronews.com/2018/04/27/after-the-war-we-saw-there-were-a-lot-of-investment-opportunities-in-bosnia>.
 340. Balkan Economies Brace for Fallout from Greece Crisis. // Balkan Insight. 18.03.2010. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2010/03/18/balkan-economies-brace-for-fallout-from-greece-crisis/>.
 341. Balkan Economies Brace for Impact of Grexit. // Balkan Insight. 25.06.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2015/06/25/balkan-economies-brace-for-impact-of-grexit/>.
 342. Balkan-Turkey Military Ties Blossom Despite Syrian Conflict. // Balkan Insight. 18.10.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2019/10/18/balkan-turkey-military-ties-blossom-despite-syrian-conflict/>.
 343. Buyuk H. F., Clapp A., Nahhijaj S. Diaspora Politics: Turkey's New Balkan Ambassadors. // Balkan Insight 19.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2019/03/19/diaspora-politics-turkeys-new-balkan-ambassadors/>.
 344. Byrd R. Europe's Turn to Keep the Peace. // New York Times. 20.03.2000.
 345. Canada calls on Russia to halt 'invasion' in Ukraine. // Anadolu Agency. 29.08.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/nato-to-hold-biggest-exercise-in-serbia/127106>.
 346. Croatia formally nixes F-16 purchase from Israel after US objection. // The times of Israel. 14.01.019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.timesofisrael.com/croatia-formally-nixes-f-16-purchase-from-israel-after-us-objection/>.
 347. Durrës will be the closest port to Serbia, Vucic says. // Balkaneu.com. 14.10.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaneu.com/durres-closest-port-serbia-vucic/>.
 348. Edward P. The Balkans. // Interrupted Balkan Insight. 25.05.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/the-balkans-interrupted>.
 349. EU hopeful Serbia builds unexpected alliance with Emirates. // Reuters. 31.10.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-serbia-emirates-idusbre99u07i20131031>.
 350. Ganev D., Eraldin F. and Kartali S. Unsafe Haven: Balkans Sees Rise in Turkish Asylum Requests. // Balkan Insight. 19.10.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2019/10/21/unsafe-haven-balkans-sees-rise-in-turkish-asylum-requests/>.
 351. Goumenas T. Greek Perception of the Balkans: Edgy Coexistence or Difficult Relationship? // UACES 35th Annual Conference and 10th Research Conference, "The European Union: Past and Future Enlargements". Zagreb: 2005. [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/2298396/_Greek_Perceptions_of_the_Balkans_Edgy_Coexistence_or_Difficult_Relationship.
 352. Greek Cyprus threatens to veto EU enlargement over row with Turkey Daily Sabah. // Daily Sabah. 18.06.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dailysabah.com/eu-affairs/2019/06/18/greek-cyprus-threatens-to-veto-eu-enlargement-over-row-with-turkey>.
 353. Gulf Balkans' Islam International. // Policy digest. [Электронный ресурс] URL: <https://intpolicydigest.org/2015/02/14/gulf-balkans-islam-investment-influence/>.
 354. If Croatia joins the Eurozone, it would give Russia its greatest weapon in Europe Euronews. // EuroNews. 22.01.2019. [Электронный ресурс] URL:

- <https://www.euronews.com/2019/01/22/if-croatia-joins-the-eurozone-it-would-give-russia-its-greatest-weapon-in-europe-view>.
355. Impact A. Sarajevo Business Forum About organiser [Электронный ресурс] URL: <https://www.sarajevobusinessforum.com/organizers> .
356. Jordanovska M., Marusic S. J. Dissenters Challenge Gruevski's Grip in Macedonia . // Balkan insight. 10.03.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/dissenters-challenge-gruevski-s-grip-in-macedonia>.
357. Juncker to halt enlargement as EU Commission head. // EU Business. [Электронный ресурс] URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:rvOLqmdZz6sJ:https://www.eu-business.com/news-eu/politics-juncker.x29+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&lr=lang_en%7Cclang_ru.
358. Kammenos proposes US bases in Volos, Alexandroupoli and Larissa. // Ekathimerini.com. 10.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ekathimerini.com/233472/article/ekathimerini/news/kammenos-proposes-us-bases-in-volos-alexandroupoli-and-larissa>.
359. Kosovo Parliament Votes to Create an Army, Defying Serbia and NATO. // The New York Times. 14.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/14/world/europe/kosovo-army-serbia-nato.html>.
360. Kreickenbaum M. Le rôle de l'Allemagne dans la sécession du Kosovo. // wsws.org. 03.03.2008. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wsws.org/francais/News/2008/mar08/alle-m03.shtml>.
361. Mayr W. Confusion and Corruption in Kosovo: the Slow Birth of a Nation Spiegel Online. 2008. 24.04. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spiegel.de/international/world/confusion-and-corruption-in-kosovo-the-slow-birth-of-a-nation-a-549441.html>.
362. Mladen L., Dimitrov M., Rudic F. and Luca A-M. China's Balkan 'Gifts' Come With Strings Attached. // Balkan Insight. 21.03.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2018/03/21/china-s-balkan-gifts-come-with-strings-attached-03-19-2018/>.
363. Muminović E. Poznań Summit highlights: What has marked the 2019 Berlin Process meeting? // European Western Balkans. 06.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/07/06/poznan-summit-highlights-what-has-marked-the-2019-berlin-process-meeting/>.
364. New Cyprus gas find seen as game changer. // Ekathimerini.com. 01.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ekathimerini.com/238200/article/ekathimerini/news/new-cyprus--gas-find-seen-as-game-changer>.
365. Perparim I. Haradinaj Resignation leaves Kosovo on crossroads. // Balkan Insight. 23.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2019/07/23/haradinaj-resignation-leaves-kosovo-at-crossroads/>.
366. Perparim I. How Political Instability has felled Kosovo's governments. // Balkan Insight. 03.09.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2019/09/03/how-political-instability-has-felled-kosovos-governments/>.
367. Perparim I. In Kosovo, bitter rivals turn electoral allies. // Balkan Insight. 21.08.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2019/08/21/in-kosovo-bitter-rivals-turn-electoral-allies/>.
368. Reljic D. There is no political progress in the region without the economic growth. // European Western Balkans. 15.02.2018. [Электронный ресурс] URL:

- <https://europeanwesternbalkans.com/2018/02/15/ewb-interview-reljic-no-political-progress-region-without-economic-growth/>.
369. Rexhepi P. In Kosovo, too, there's a future for a leftist party of economic and social justice. // The Guardian. 12.06.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/12/kosovo-leftist-party-social-justice-vetevendosje>.
 370. Sarajevo City Centre was opened in Sarajevo. [Электронный ресурс] URL: <http://fipa.gov.ba/ufokusu/default.aspx?id=5273&langTag=en-US> 25.02.
 371. Saudi Arabia ends an almost decade-old aid program to Bosnia World. // Geo.tv. 25.12.2011. [Электронный ресурс] URL: <https://www.geo.tv/latest/36637-saudi-arabia-ends-an-almost-decade-old-aid-program-to-bosnia>.
 372. Saudi Arabia Largest Arms Buyer from Western Balkans in 2016: UN Report. // Al-Manar TV Lebanon. 07.07.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://english.almanar.com.lb/535273>.
 373. Sberbank to Sell Stake in Croatia's Agrokor after Restructuring. // Russian Business. 20.03.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://russiabusinesstoday.com/economy/sberbank-to-sell-stake-in-croatias-agrokor-after-restructuring/>.
 374. Serbian & US paratroopers train together. // EuroNews. 16.11.2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.euronews.com/2017/11/16/serbian-and-us-paratroopers-train-together>.
 375. Sommer T. The Balkans Trap Dei. // Zeit. 18.09.1992.
 376. Surk B. To Build Dubai of the Balkans, Serbia Deploys Bulldozers and Baseball Bats. // The New York Times. 29.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/29/world/europe/serbia-belgrade-waterfront-uae-aleksandar-vucic.html>.
 377. Trump supports mutual recognition in new letters to Vučić and Taçi. // European West Balkans. 15.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/02/15/trump-supports-mutual-recognition-new-letter-vucic-thaci/>.
 378. Turkey conducts largest naval exercise. // Reuters. 28.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-security-drill/turkey-conducts-largest-naval-exercise-idUSKCN1QH26M>
 379. Turkey Open to U.S. Using Air Space but Not Bases. // The New York Times. 19.03.2003. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2003/03/19/international/middleeast/turkey-open-to-us-using-air-space-but-not-bases.html>.
 380. U.S. Navy Arrives as Exxon Begins Cyprus Campaign. // The Maritime executive. 19.03.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.maritime-executive.com/article/u-s-navy-arrives-as-exxon-begins-cyprus-campaign>.
 381. U.S. Nuclear Weapons in Turkey Raise Alarm. // Armscontrol.org. 11.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.armscontrol.org/act/2017-11/news/us-nuclear-weapons-turkey-raise-alarm>.
 382. US Army & Serbian Armed Forces Paratroopers Joint Airborne Jump In Serbia. // Youtube. 19.09.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iOwINzBBHTM>
 383. US moves nuclear weapons from Turkey to Romania. // Euractiv. 18.08.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/us-moves-nuclear-weapons-from-turkey-to-romania/>.
 384. Vishinova M. Comparison between the political rhetoric of Thessaloniki Summit (2003) and the Sofia Summit (2018). // FOMOSO. 03.07.2018 [Электронный ресурс]

- URL: <https://www.fomoso.org/en/mosopedia/research/comparison-between-the-political-rhetoric-of-thessaloniki-summit-2003-and-the-sofia-summit-2018/>.
385. Vladislavljevic A. Balkan States Mull Halting Arms Sales to Saudis. // *Balkan Insight*. 20.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2018/10/24/balkan-states-mull-halting-arms-sales-to-saudis-10-24-2018/>.
386. Vladislavljevic A. One-Way Ticket: Croatia's Growing Emigration Crisis. // *BIRN*. 8.01.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2019/01/08/one-way-ticket-croatia-s-growing-emigration-crisis-12-21-2018/>.
387. What Is A2/AD and Why Does It Matter to the United States? // Charles Koch Institute. [Электронный ресурс] URL: <https://www.charleskochinstitute.org/blog/what-is-a2ad-and-why-does-it-matter-to-the-united-states/>
388. Wieland L. Clinton and Miloshevic Francfurter. // *Allgemeine*. 25.01.1993.
389. Zeneli V. China's Balkan Gamble. // *The Diplomat*. 15.12.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.thediplomat.com/2014/12/chinas-balkan-gamble/>.

Монографии и сборники

390. Борко Ю., Буторина О. От Европейского Союза - к Соединенным Штатам Европы? Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития/ под ред. Ю. А. Борко и О. В. Буториной. М.: «Эдиториал УРСС». 2001. 471 С.
391. Виноградов В. В. История Балкан. Век восемнадцатый. М. 2004. 545 С.
392. Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М.: Гей атерум. 2000. 476 С.
393. Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / отв. ред. Э.Г. Задорожнюк; Ин-т славяноведения РАН. М.: Наука. 2006. 441 С.
394. Виноградов В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах: 1683–1914 = The Double-headed Russian Eagle in the Balkans: 1683–1914. М.: «Индрик». 2010. 480 С.
395. Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. 400 С.
396. Волкова (Энтина) Е. Г. Еще один путь в Европу: от нерушимой Югославии к неделимой Сербии. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2011. 210 С.
397. Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М.: ИНИОН. 1998. 155 С.
398. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990-2000) М.: Русское право. 2001. 717 С.
399. Гуськова Е.Ю. Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (Мирные планы 1991-1995 гг.). М.: ИНИОН. 1998. 66 С.
400. Данченко С. И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М.: ИСБ РАН. 1996. 422 С.
401. Европа Азия XXI век начинается. М.: Институт славяноведения РАН: ПОЛИМЕДИА. 2018. 496 С.
402. Каменецкий В.М. Политическая система Югославии (1950-1980 гг.). М.: Наука. 1991. 116 С.
403. Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути Отв. ред.: В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН. 2016. 70 С.
404. Косово: прошлое, настоящее, будущее отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев; предисл. Р. С. Гринберг). СПб.: Алетейя. 2012. 241 С.

405. Кудряшова Ю. С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М.: Институт Ближнего востока. 2010. 363 С.
406. Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. 350 С.
407. Никифоров К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН. 1999. 262 С.
408. Никифоров К. В. Сербия на Балканах XX век. М. Индрик, 2012. 176 С.
409. Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии (1961-1968 годы). М.: Институт славяноведения. 2015. 350 С.
410. Опыт друзей: реформы конца 80-х годов в Югославии. Выпуск 2. М.: ИНИОН АН СССР. 1991. 210 С.
411. Павлов Ю., Погорельская С. Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. М.: Добросвет. 2000. 288 С.
412. Пантин В.И. Национально-цивилизационная идентичность как фактор современного политического развития Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 тт. Под ред. Семененко И.С. М.: РОССПЭН. 2012. Т. 2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. 471 С.
413. Пивоваренко А. А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М.: Институт славяноведения РАН; Спб.: Нестор История, 2018. 407 С.
414. Пономарева Е. Г. Новые государства на Балканах. М.: Издательство МГИМО-Университет. 2010. 252 С.
415. Пономарева Е. Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: Издательство МГИМО-Университет. 2007. 233 С.
416. Романенко С. Между «пролетарским национализмом» и «славянским братством». М.: Новое литературное обозрение. 2011. 1016 С.
417. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2014-2015 гг. /Отв. ред. Орлик И.И. М: Институт экономики РАН. 2016. 378 С.
418. Сербия – 200 лет борьбы Двести лет новой сербской государственности: к юбилею начала Первого сербского восстания 1804 – 1813 гг./ отв. ред. В.К. Волков. СПб.: Алетейя. 2005. 406 С.
419. Сербия о себе: сборник / ред.-сост. Мирослав Йованович; ред. О. Эдельман; пер. с серб. Е. Потехиной и Д. Костюченко. Москва: Европа. 2005 (М.: Баккара-принт). 510 с.
420. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М: Русский фонд содействия образованию и науке. 2016. 560 С.
421. Современная Греция в мировой экономике и мировой политике/ Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. 2013. 184 С.
422. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф. 2001.
423. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. / под ред. В. К. Волкова; Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. М. Индрик. 2000. 368 С.
424. Улунян А. А. Политическая история Греции XX века: учеб. пособие / А.А. Улунян. М. : Высш. шк. (ВШ). 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). 196 С.
425. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2003. 603 С.
426. Шемятенков В. Г. Европейская интеграция. М.: Международные отношения. 2003. 398 С.
427. Шпенглер О. Закат Европы. М: «Наука», 1993.

428. Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Тнэлм Н. И. В поисках партнерских отношений VI. Россия и Европейский Союз в 2015-2016 годах Т. VI. М.: Зебра Е. 2017. 816 С.
429. Энтина Е. Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан / Науч. ред.: А. А. Пивоваренко, О. Ю. Потемкина. Доклады РАН, Вып. 333. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук. 2016. 129 С.
430. Энтина Е. Г., Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений - V. Россия и Европейский Союз в 2011 - 2014 годах Т. 1 и 2. М.: Эксмо. 2015. 830 С.
431. Энтина Е. Г., Энтин М. Л., Тнэлм Н. И. В поисках партнерских отношений VIII: Россия и Европейский Союз в 2018 - первой половине 2019 годов. М.: Зебра Е. 2019. 672 С.
432. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен монография / под ред А. А. Язьковой. М.: Издательство «Весь Мир». 2007. 352 С.
433. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Ответственный редактор К. В. Никифоров. М.: «Индрик», 2011. 888 С.
434. Николић, К. «Нико не сме да вас бије»: Слободан Милошевић у Косову Пољу 24-25. април 1987: историја и легенда. Београд: Институт за савремену историју, 2006. 242 стр.
435. Павловић М., Марковић П. Ј. Косово и Метохија: прошлост, памћење, стварност 1. изд. Нови Сад: Препород ММ, 2006. 564 стр.
436. Симић, П. Пут у Рамбује. Београд: Неа. 2000.365 str.
437. Танасковић Д. Неоосманизам: доктрина и спољнополитичка пракса. Друго, допуњено издање. Београд: Службени гласник. 2011. 109 стр.
438. Човић Н. На тешком путу. Београд: Чигоја штампа. 2004. 349 С.
439. Biserko S. Srpsko-albanski dialog: Beograd, 21-22. novembar 1998. Beograd: Helsinski odbor za ljudska prava u Srbiji, 1999. 454 str.
440. Alendar B. Uloga Evropske Unije u jugoslovenskoj krizi Jugoslavija i postbipolarni svet. Beograd. 2000. 317 str.
441. Bing A. Hrvatska u međunarodnoj zajednici Stvaranje hrvatske države i Domovinski rat. Školska knjiga. Zagreb. 2006. 575 P.
442. Davor M. Hrvatska 1989.-1992..ađanje države. Zagreb: Hrvatski institut za povest. 2017. 657 str.
443. Glaurdić J. Čas Europe: Zapadne sile i raspad Jugoslavije. Zagreb: Mate. 2011. 435 str.
444. Janjic D. Gradjanski Rat i Mogucnost Mira u Bosni i Hercegovini. // Bosna i Hercegovina između rata i mira. Beograd. 1992. 186 str.
445. Jović D. Jugoslavia: država koja odumrla: uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974-1990). Zagreb: Prometej. 2003. 520 str.
446. Kovać O., Evropa 1992. Moguće posledice i opcije za Jugoslaviju Beograd: Savremena administracija. 1990. 232 str.
447. Mlivoncic I. Al Qaida se kalila u Bosni i Hercegovini mjesto i uloga mudžahida u Republici Hrvatskoj i Bosni i Hercegovini od 1991 do 2005 godine. Tomislavgrad: Naša ognjišta, 2007. 717 str.
448. Nakarada Radmila, Raspad Jugoslavije: problemi tumačenja, suočavanja i tranzicije. Službeni glasnik. 2008. 294 P.
449. Pavlović D., Antonić S. Konsolidacija demokratskih ustanova u Srbiji posle 2000. godine Službeni glasnik. Beograd. 2007. 308 str.
450. Petrović T. Yuropa. Jugoslovensko nasleđe I politika budućnosti u postjugoslovenskom drštvima. Beograd.: Edicija REC. 2012. 211 str.
451. Todorova M. Imaginarni Balkan, Zagreb: Ljevak. 2015. 476 P.

452. Allen D. Who speaks for Europe? From: A common policy for Europe? Competing visions for CFSP, edited by Peterson J., Sjursen H. NY: Routledge. 1998. 215 P.
453. America and the Balkans: Memos to a President edited by Robert B. Zoellick and Philip D. Zelikow. W. W. Norton & Company. Inc. 134 P.
454. Avcisoy I., Gulderen H. The effects of national and international economic policies on regional disparities: The case of Yugoslavia // ProQuest Dissertations and Theses. 1993.415 P.
455. Bechev D. Constructing South East Europe. The Politics of Balkan Regional Cooperation Palgrave Macmillan. 2010. 214 P.
456. Bechev D. Rival power. Russia's influence in Southeast Europe. London: Yale University Press. 2017. 300 P.
457. Benedek W., Daase C., Dimitrijevic V., Van Duyne P. Transnational Terrorism, Organized Crime and Peace-Building Human Security in the Western Balkans. Palgrave Macmillan. 2010. 366 P.
458. Bieber F. Post-War Bosnia: Ethnicity, Inequality and Public Sector Governance. London: Palgrave. 2006. 181 P.
459. Bunse S. Small States and EU Governance Leadership through the Council Presidency. Palgrave Macmillan. 2009. 290 P.
460. Buzan B., Waever O. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge University Press. 2003. 564 P.
461. Calic M. German Perspectives International Perspectives of the Yugoslav Conflict. London. 1996. 232 P.
462. Cambell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1992. 289 P.
463. Campbell J.C. Tito's Separate Road: America and Yugoslavia in World Politics. N.Y.: Harper and Row. 1967. 180 P.
464. Chollet D. The Road to the Dayton Accords: A Study of American Statecraft. Palgrave Macmillan. 2005th Edition. 2005. 272 P.
465. Chrysochoou D. Democracy in the European Union. London: I.B. Tauris, 1998.280 P.
466. Cohen L. J. Broken Bonds: Yugoslavia's Disintegration and Balkan Politics In Transition 2nd edition/ NY: Routledge. 1995. 440 P.
467. Coogan J.W. Wilsonian Diplomacy in War and Peace American Foreign Relations Reconsidered, 1890-1993. N.Y.: Taylor and Francis. 1994. 267 P.
468. Cooperation or competition? American, European Union and German policies in the Balkans edited by Lily Gardener Feldman. German Issues 26. 2001. 279 P.
469. Danopoulos C. P., Messas K. G. Crises in the Balkans: Views from the Participants Westviem Press, Harvard College Library. 1997. P. 1-294
470. Dyker D., Vejvoda I. Yugoslavia and After: A Study in Fragmentation, Despair and Rebirth. London: Routledge. 1996. 268 P.
471. Ekinci D. Russia and the Balkans After the Cold War Libertas Paper. 2013. 110 p.
472. EU conditionality for the Western Balkans. Edited by Florian Bieber. London: Routledge. 2018.
473. EU member states and enlargement towards the Balkans. Edited by Rosa Balfour and Corina Stratulat European Policy Centre. 2015. 250 P.
474. European Union – Russia – Balkan situation. Moscow: Interdialect+, 2000. 267 P.
475. Fligstein N. Euroclash: The EU, European Identity, and the Future of Europe. NY: Oxford University Press. 2008. 552 P.
476. Fouskas V. Zones of Conflict: US Foreign Policy in the Balkans and the Greater Middle East. Harvard University Library. 2003.

477. Gnesotto N. Lessons of Yugoslavia. Institute for Security Studies Western European Union Chaillot Paper 14. 1994. 45 P.
478. Gow J. Triumph of the Lack of Will: International Diplomacy and the Yugoslav War. London: Columbia University Press. 1997. 343 P.
479. Greece and the New Balkans: Challenges and opportunities, New York: Pella Publishing Company. 1999. – 500 p.
480. Greece in the Balkans: Memory, Conflict and Exchange Cambridge Scholars Publishing. 2009. 266 P.
481. Greece in the Road to Democracy: From the Junta to PASOK 1974 – 1986 edited by Vryonius S. Jr. New York: Orpheus publishing Inc. 1991. 402 P.
482. Haas E. B. The Uniting of Europe. Stanford: Stanford University Press. 1958. 552 P.
483. Halverston T. American Perspectives International Perspectives of the Yugoslav Conflict. London, 1997. 232 P.
484. Hans-Jörg A., Getoš A.-M. Researching Terrorism and Organized Crime in Southeast Europe // Transnational Terrorism, Organized Crime and Peace-Building Human Security in the Western Balkans. Edited by Benedek W. et al. London: Palgrave Macmillan, 2010. 366 P.
485. Headley J. Russia and the Balkans: Foreign Policy from Yeltsin to Putin Colombia University Press. Harvard College Library. 2008. 523 P.
486. Ioannides I. Peace and Security in 2018 — An evaluation of EU peacebuilding in the Western Balkans European Parliamentary Research Service. 2018. 56 P.
487. Jopp M. The Defence Dimension of the European Union: The Role and Performance of the WEU Foreign Policy of the European Union: From EPC to CFSP and Beyond. London. 1997. 405 P.
488. Kaelble H. Identification with Europe and Politicization of the EU since the 1980s. // European Identity, edited by Checkel J. T. and Katzenstein P. J. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 265 P.
489. Kavalski E. Extending the European Security Community – Constructing the Peace in the Balkans. London: I. B. Tauris, 2007. 272 P.
490. Keil S., Stahl B. The Foreign Policies of Post-Yugoslav States: From Yugoslavia to Europe New Perspective on South-East Europe Palgrave Macmillan. 2014. 278 P.
491. Kušljugić M. Development of Regional Cooperation in the Western Balkans and EU Integration- Learned: Conclusions and Recommendations in DIALOGUES- Ownership for Regional Cooperation in the Western Balkan Countries. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung. 2009. 153 P.
492. Lees L.M. Keeping Tito Afloat. NY: Penn State University Press, 2005. 246 P.
493. March J. G., Olsen J. P. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics. NY: The Free Press, 1999. 227 P.
494. Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca: Cornell University Press. 1998. 503 P.
495. Noutcheva G., European Foreign Policy and the Challenges of Balkan Accession: Conditionality, legitimacy and compliance. London: Routledge. 2012. 247 P.
496. Orosz A. Implementation of the Belgrade-Prishtina dialogue: results, controversies and prospects. Budapest: Institute for Foreign Affairs and Trade. 2016. 148 P.
497. Pagoulatos G., Tsoukalis L. Multilevel Governance. From: The Oxford Handbook of the European Union, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012. 893 P.
498. Panagiotou R., Valvis A. How is the sovereign debt crisis affecting Greece's relations with the Balkan countries and Greece's standing in the region? An initial impact assessment ELIAMEP. 2014. 137 P.

499. Parsons C. Sociological Perspectives on European Integration. From: *The Oxford Handbook of the European Union*, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012. 893 P.
500. Pavkovic A. *The Fragmentation of Yugoslavia. Nationalism in a Multinational State*. NY: Palgrave Macmillan. 1997. 244 P.
501. Peterson J. The US and Europe in the Balkans J. Peterson, M. Pollack (ed.) *Europe, America, Bush: Transatlantic Relations in the Twenty-First Century*. N.Y., 2003. 158 P.
502. Ping H. *China and Central and Eastern European Cooperation: The Belt and Road Initiative Paths* International Ltd, U.K., China Social Science Press Harvard College Library. 2018. 173 P.
503. Pollack M. A. Realist, Intergovernmentalist, and Institutional Approaches. From: *The Oxford Handbook of the European Union*, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012. 893 P.
504. Posner E. *The Origins of Europe's New Stock Markets*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2009. 242 P.
505. Poulain L. and Teleki I. U.S. Policy toward the Western Balkan Western Balkan policy review 2010: a report of the CSIS Lavrentis, edited by Janusz Bugajski. 2010. 126 P.
506. Radeljic B. *Europe and the Collapse of Yugoslavia: The Role of Non-State Actors and European Diplomacy*. L., I. B. Tauris. 2012. 255 P.
507. Rajak S. *The Cold War in the Balkans, 1945–1956* Cambridge University Press. 2010
508. Rajak S., Borsiou K. E., Karamouzi E., Hatzivassiliou E. *The Balkans in the Cold War Security, Conflict and Cooperation in the Contemporary World* Palgrave Macmillan. 2017. 282 P.
509. Rasidagic E. K. A critical analysis of Turkish foreign policy towards the Western Balkans. *Turkish-Balkans Relations: The Future Prospects of Cultural, Political, Economic Transformations and Relations*. Istanbul, Tasam Publishing. 2013. 360 P.
510. Sandholtz W., Sweet A. S. Neo-Functionalism and Supranational Governance. From: *The Oxford Handbook of the European Union*, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012. 893 P.
511. Schimmelfennig F. Constructivist Perspectives. From: *The Oxford Handbook of the European Union*, edited by Jones E., Menon A., Weatherill S. London: Oxford University Press. 2012. 893 P.
512. Schmitter P. C. Examining the Present Euro-Polity with the Help of Past Theories. From: *Governance in the European Union*, edited by Marks G., Scharpf, F. W. Schmitter P., and Streeck W. London: Sage. 1996. 318 P.
513. Sedelmeier U. *Constructing the Path to Eastern Enlargement. The Uneven Policy Impact of EU Identity* Manchester: Manchester University Press. 2005. 220 P.
514. Shay S. *Islamic Terror and the Balkans* The International Policy Institute for Counter-Terrorism, Harvard College Library. 2007. 205 P.
515. Song W. *China's Relations with Central and Eastern Europe: From "Old Comrades" to New Partners* Routledge Contemporary China Series Harvard College Library. 2018. 224 P.
516. *Soviet policy in the post-Tito Balkans* edited by Petersen P.A. U.S. Air Force. University of Illinois. 1979. 157 P.
517. Speros Vryonis Jr. *Greece on the Road to Democracy: From the Junta to Pasok 1974-1986* Harvard University Library. 1993. 120 P.
518. Stevenson D. *France at the Paris Peace Conference: Addressing the Dilemmas of Security* R.W.D. Boyce (ed.) *French Foreign and Defense Policy 1918-1940: The Decline and Fall of a Great Power*. L: Routledge. 1998. 297 P.

519. Swisler J. The transformations of American Cold War policy toward Yugoslavia, 1948-1951 University of Hawaii. 1993. 342 P.
520. Taylor P. The Limits of European Integration. New York: Columbia University Press. 1983. 325 P.
521. The Politics of Europeanization edited by Venizelos E., Featherstone K., Radaelli C. London: Oxford University Press. 2003. 351 P.
522. The Western Balkans in the World Linkages and Relations with Non-Western Countries Edited by Florian Bieber and Nikolaos Tzifakis, London: Routledge. 2019. 272 P.
523. Tonra B. The Europeanisation of National Foreign Policy: Dutch, Danish and Irish Foreign Policy in the European Union. NY: Ashgate Publishing. 2001. 336 P.
524. Walt S. M. The Origins of Alliances. NY: Cornell University Press. 2013. 336 P.
525. Woodward S. L. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington: Brooking Institutions Press, 1995. 536 P.
526. Xhudo G. Diplomacy and Crisis Management in The Balkans University of St. Andrews Harvard University Library. 1996. 220 P.
527. Zaccaria B. The EEC's Yugoslav Policy in Cold War Europe, 1968—1980. L., Palgrave Macmillan. 2016. 208 P.
528. Zeyrek C. Laboratory Western Balkans: Regime Cha(lle)nge Peter Lang Edition. Harvard College Library. 2015. 150 P.

Диссертации:

529. Абрамов А. В. Подход к урегулированию этнополитических и этноконфессиональных конфликтов на постюгославском пространстве // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. 2006. 180 С.
530. Аватков В. А. Идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. МГИМО. 2013. 30 С.
531. Андреева Т. Н. Англо-французское сотрудничество в политических интеграционных процессах Западной Европы (1980-е – 1990-е). // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2001. 289 С.
532. Барабанов О. А. Послевоенные формы внешнего вмешательства в кризисные процессы на территории БиГ (1995–2008) и СРЮ (1999–2008). // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2018. 461 С.
533. Волкова (Энтина) Е. Г. Европейский Союз как фактор преобразования партийной системы Сербии на рубеже XX-XXI веков. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук, Екатеринбург. 2009. 196 С.
534. Глушко В. С. Политика Европейского Союза (Европейских Сообществ) в отношении югославского кризиса (1991-1995 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени к.и.н Екатеринбург. 2002. 274 С.
535. Гросс Е. Н. ФРГ и Балканский кризис на рубеже XX – XXI вв. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тула. 2007. 202 С.
536. Зеликсон Д. И. Экономическая дипломатия как инструмент внешней политики Греции на Балканах. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., Институт Европы РАН. 2015. 150 С.

537. Киясов А. С. Внешнеполитический курс США на Западных Балканах (1990-2000е гг.). // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань. 2012. 258 С.
538. Мартынова М.Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса. Диссертация на соискание степени д.и.н. М. 1996.
539. Хортов А. А. Политика США в боснийском конфликте и косовском кризисе: 1990-е гг. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль. 2011. 286 С.
540. Энгельгардт Г.Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2015. 334 С.
541. Marković M. Pravni aspekti protekcijonizma sa posebnim osvrtom na odnose SFRJ – EEZ Doktorska disertacija. Novi Sad, 1990. 127 Str.
542. Ekinici D. Turkey and the Balkans in the post-cold war era: Diplomatic, Political, economic and military relations. PhD Dissertation. Bilkent University. 2009. 336 P.
543. Fazlic H. Islam in the successor states of former Yugoslavia – religious changes in the post-communist Balkans from 1989 – 2009. PhD Thesis. University of Birmingham. 2011. 341 P.
544. Eroglu Z. Turkish foreign policy towards the Balkans in the post-cold war era. MS Thesis. Middle East Technical University. 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.633.8831&rep=rep1&type=pdf>
545. Jones C. D. France and the Dissolution of Yugoslavia. Doctor thesis University of East Anglia. 2015. 364 P.

Важнейшие статьи

546. Аблазова Л.С. Дискуссия: национальный фактор в международных отношениях в ЦЮВЕ // Советское славяноведение. 1992. №1. С. 23-36.
547. Авдонин В. С. О характере плюрализма исследований Европейского Союза в России. // Человек. Сообщество, Управление. №3. 2006. С. 40-54.
548. Байков А. А., Дымова, Л. А. От утопии к теории. Вклад Э. Моравчика в развитие либерально-идеалистического подхода к изучению международных отношений. // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 9(1). 2017. С. 3–23.
549. Барабанов О.А. Европейское сообщество и югославский кризис 1990-1993 гг. // Омский научный вестник. 2013. № 2 (116). С. 26-30.
550. Белякова Т.В. Внешняя политика Германии в отношении Европейского Союза после прихода к власти кабинета Г. Шрёдера // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 3. С. 255-264.
551. Бида Д. А. Люксембургское соглашение и кризис наднациональности в европейской интеграции в 60-е – 70-е годы XX века. // Издательство «Грамота», архив научных статей. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/7.html>.
552. Бикернице А. Эволюция Европейской Политической идентичности как социального конструкта ЕС. // Society: Politics, Economics, Law. 5. 2018. С. 17–24.
553. Бирюков Е.С. Инвестиции в земельные ресурсы как новый тренд в глобальном управлении и международных экономических отношениях (на примере инвестиций аравийских монархий) // Международная торговля и торговая политика. 2017. № 4 (12). С. 134-150.

554. Бондарев Н.В. Россия на Балканах ходит как лунатик. 13.08.2019. [Электронный ресурс] URL: http://picreadianalitika.ru/bondarev?fbclid=IwAR2_SGL5G5FFbBzvMSckSIckZ-opM2iODXp2uHDcC5_UXyoxhzWLg9NvnHc17.
555. Бочаров К. Подготовка инфраструктуры Румынии к размещению воинских контингентов НАТО и США // Зарубежное военное обозрение. 2015. №10. С. 19-22.
556. Буланникова Ю.А. Региональное сотрудничество как инструмент европейской и евроатлантической интеграции стран Юго-Восточной Европы // Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. 350 С.
557. Власова О. Застраившие в соцблоке: Вступление Польши в ЕС // Эксперт. 2004. №36. С. 68-73.
558. Волков В.К. Трагедия Югославии (1991 – 1995) Славянский мир: проблемы истории и современность (Памяти Владимира Константиновича Волкова). М.: Институт славяноведения РАН. 2006. 136 С.
559. Волкова (Энтина) Е.Г., Кирьяков С. Типология распада СССР и СФРЮ // Международная конференция «Судьба России: вектор перемен», 10-13 июня 2007 г. Екатеринбург: Президентский центр Б. Н. Ельцина. 2007. С. 179-194.
560. Воробьева Е.В. Инвестиции в будущее // Сибирская нефть. 2019. № 158. С. 36-41.
561. Вуячич В., Заславский В. СССР и Югославия: причины распада // Этнографическое обозрение. 1993. №1. С. 22-37.
562. Гиренко Ю.С. В борьбе за интересы трудящихся (К 70-летию СКЮ) // Советское славяноведение. 1989. №4. С. 3-17.
563. Годованюк К. Саммит Западных Балкан в Лондоне // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №4. С. 73-78.
564. Громогласова Е. С. Концепция европеизации в зарубежной политологии // Вестник Московского университета. Серия 25: международные отношения и мировая политика. №. 2010. С. 27-43.
565. Гуськова Е.Ю. Вооружённый конфликт и политическое урегулирование: Кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Ч. 1 // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 83-100.
566. Едемский А.Б. Неоосманизм как реальность современной геополитики // Проблемы национальной стратегии. 2012. №2 (11). С. 204-208.
567. Жуковская Н.В. Балканы во внешней политике США в первой четверти XX века // Славяноведение. 2004. № 5. С. 14-28.
568. Зеликсон Д. И. Интересы Греции на Западных Балканах. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность // Доклады Института Европы РАН №363. М.: ИЕ РАН. 2019. С. 28-31.
569. Искендеров П. Зримый призрак «Великой Албании». Перспективы [Электронный ресурс] URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/balkan/zrimuj_prizrak_velikoj_albanii_2010-03-30.htm.
570. Кандель П.Е. Балканы в ожидании Трампа // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. II. / Отв. редакторы Е.А. Маслова, О.Ю. Потемкина. М.: ИЕ РАН. 2017. С. 71- 75.
571. Кандель П.Е. Балканы: «Праздник непослушания» // Европейская аналитика 2017. / Отв. ред. К.Н. Гусев. СПб.: Нестор-История. 2017. С. 142 – 152.
572. Кандель П.Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО. 2011. № 1 С. 77-86.
573. Кандель П.Е. Брюссельские стратеги и балканские реалии // Современная Европа. 2018. №7. С. 122-127.

574. Кандель П.Е. Грозит ли Балканам дестабилизация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. №3. С. 50-58.
575. Кандель П.Е. Западные Балканы между «Старой» и «Новой Европой»// *Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях* / Отв. ред. Л.Н.Шишелина. XII международная конференция. М.: ИЕ РАН. 2018. С.147-153.
576. Кандель П.Е. О «цветных» и «бесцветных» революциях в Юго-Восточной Европе // *Экспорт демократии» и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе*. М.: Фонд исторической перспективы. 2017. С. 114-121.
577. Кандель П.Е. Что нового в Стратегии ЕС на Западных Балканах? // *Современная Европа*. 2018. №5. С. 17-24.
578. Кандель П.Е. Экспоненты политической альтернативы на Балканах // *Партии и движения политической альтернативы в современной Европе* / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 128-132.
579. Квашин Ю.Д. Македонский вопрос в современной греческой политике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. №2(63). С. 66-74.
580. Квашин Ю.Д. Преспанское соглашение и перспективы урегулирования вопроса о названии Македонии // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. №5. С. 47-53.
581. Колянов А.Ю. Европейская идентичность сегодня: мысль или ощущение? // *Дискурс*;5(5). 2019. С. 76-87.
582. Кудряшова И.В., Матюхин В.В. Турция: национальные интересы и имперскость // *Политическая наука*. 2013. № 3. С. 117-136.
583. Кузнечевский В.Д. Какая концепция самоуправления осуществлена в Югославии? // *Советское Славяноведение*. 1991. №2. С. 17-29.
584. Ланг Р., Войнич Д. Реформа экономической системы в Югославии // *Мировая экономика и международные отношения*. 1990. № 5. С. 110-115.
585. Лобанов М. Отношения России и Сербии: новое содержание старых форм // *Современная Европа*. 2014. № 2. С. 91-105.
586. Лубоцкая А.С. Греция — ЕС: эволюция в восприятии объединенной Европой греческого кризиса // *Современная Греция в мировой экономике и политике* / Отв. ред. Ю.Д. Квашин. М.: ИМЭМО РАН. 2013. С. 84-89.
587. Лукьянов Ф.А. Ретро заказывали? // *Россия в глобальной политике*. 02.10.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/redcol/Retro-zakazyvali-19779>.
588. Лукьянов Ф.А. Стратегическая бездна // *Россия в глобальной политике*. 18.10.2012. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/redcol/Strategicheskaya-bezdna-15706>.
589. Мамедов Р. Турецкий поворот: снова на пути к «нулю проблем с соседями»? // *Российский совет по международным делам*. 21.07.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskiy-povorot-snova-na-puti-k-nulyu-problem-s-sosedyami/>.
590. Меден Н.К. Роль Германии в признании и становлении независимого Косово // *Косово: прошлое, настоящее, будущее* / Отв. ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелев. СПб.: Алетейя. 2012. 241 С.
591. Мовсисян А.А., Космачёв М.В. Методологические подходы к исследованию геополитического господства (на примере цивилизационного и мир - системного подходов). // *Бизнес. Общество. Власть*. №9. 2011. С. 48-59.
592. Мустафаев М. Трансформация внешней политики Турции через призму последних конституционных реформ // *Российский совет по международным делам*. 18.05.2018. [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/blogs/mamed-mustafaev/34183/?sphrase_id=33503412.

593. Наумкин В. Турецкая дилемма России // Российский совет по международным делам. 04.06.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/turetskaya-dilemma-rossii/>
594. Никифоров К. В. Четыре аспекта восточноевропейской трансформации // Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. 350 С.
595. Никифоров К. Отношение России к Сербии в конце XX века // Европа на раскршћу. Нови зидови или уједињена Европа. Белград. 1999. С. 157–167.
596. Пивоваренко А.А. Защищая рубежи. О миграционном кризисе в Юго-Восточной Европе // Российский совет по международным делам. 12.01.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zashchishchaya-rubezhi-o-migratsionnom-krizise-v-yugo-vostoch/>.
597. Пивоваренко А. А. Модернизация транспортной системы Сербии. Часть 2. // Российский совет по международным делам. 18.01.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasteurope/modernizatsiya-transportnoy-sistemy-serbii-chast-2-avtodorog/>
598. Пивоваренко А. А. Трансформация, стабилизация или консервация: политический кризис 2014 – 2017 гг. в Юго-Восточной Европе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. № 1 (11). 2018. С. 116–135
599. Пивоваренко А. Сербия становится Европой // РСМД. 02.06.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/serbiya-stanovitsya-evropoy/>.
600. Пивоваренко А. Современная Россия на Балканах: «мягкая сила» через инвестиции // РСМД. 16.05.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennaya-rossiya-na-balkanakh-myagkaya-sila-cherez-inves/>.
601. Полулях Д. С. Эволюция системы многоуровневого управления в Европейском Союзе. // Политическая наука. №2. 2014. С. 259-275.
602. Потемкина О.Ю., Бабынина Л.О. Лоббизм и легитимность в Европейском Союзе. // Современная Европа. 2018. № 2 (81). С. 135-140.
603. Пономарева Е. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 64-75.
604. Пономарева Е.Г., Димитровска А. Противодействие терроризму и экстремизму. Опыт Балканских стран. // Обозреватель. 2018. №10 (345). С. 37-54.
605. Пономарева Е. Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 86-95.
606. Пономарева Е., Попадьева Т. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель. 2018. №10. С. 63-76.
607. Пономарева Е.Г. Балканская политика Российской Федерации: в поисках потерянного времени? // 25 лет внешней политики России: сб. материалов X Конвента РАМИ. Т. 1. Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО-Университет. 2017. С. 486-502.
608. Прохоров А. Балканские грезы // Европа. № 40, июнь, 2004 Официальный сайт Представительства Европейской Комиссии в России. [Электронный ресурс] URL: http://www.delrus.cec.eu.int/em/44/eu01_40.htm.
609. Романенко С., Улуныян А. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла. Т. 6. М.: Pro et Contra. 2001. №4. С. 46-58.
610. Романова Т. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. №3. 2012. С. 8 – 21

611. Рубинский Ю.И. Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта Косово: международные аспекты кризиса / Под редакцией Д.Тренина и Е.Степановой. М: Московский Центр Карнеги. 1999. 309 С.
612. Саморуков М. Заедая стресс. Зачем Брюссель объявил о новом расширении ЕС? // Московский центр Карнеги. 07.02.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/75465>.
613. Саморуков М. Иллюзия близости: амбиции и возможности России на Западных Балканах. // Московский центр Карнеги. 12.12.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/2017/12/12/ru-pub-74975>.
614. Саморуков М. Побег из дружеских объятий. Почему Белград устал от российской поддержки // Московский центр Карнеги. 17.01.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/78146>.
615. Саморуков М. Противоречия России и ЕС на Балканах. В чем они и можно ли их преодолеть // Московский центр Карнеги. 19.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/77961>.
616. Симич П. Гражданская война в Югославии. Причины и последствия // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 74–83.
617. Слесарева К.В. Фактор Греции в дальнейшем расширении Европейского союза // Современная Греция в мировой экономике и мировой политике / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. 2013. 184 С.
618. Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов (Круглый стол) // История СССР. 1991. №1. С. 3-68.
619. Соколова П. Евро-атлантическая ориентация Западных Балкан // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. №7. С. 37-47.
620. Соколова П. К вступлению Хорватии в Европейский Союз. 2013. [Электронный ресурс] URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/comment/comm_2013_015.pdf.
621. Соколова П.С. Балканский регион: на пути к стабилизации // Год планеты. 2004. С. 363-367.
622. Соколова П.С. Балканская составляющая европейской безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11. С. 17-26.
623. Соколова П.С. Основные направления внешней политики Греции // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №8. С. 84-94.
624. Соколова П.С. Влияние кризиса на политику расширения ЕС: Западные Балканы. // Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) / Отв. ред Н.К. Арбатова и А.М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН. 2013. С. 31-48.
625. Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. 2009. №1 (25). С. 28-44.
626. Стрежнева М.В. Методологические аспекты в изучении внешней политики и глобальной роли Европейского союза. // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 25-42.
627. Стрежнева М. В. Структурирование политического пространства в Европейском Союзе // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12. С. 38–49.
628. Стрельцова Я.Р. Почему Франция признала независимость Косово? // Косово: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелев. СПб.: Алетейя, 2012. 241 С.
629. Тамбовцева М. А. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации. // Исторические, философские, политические и юридические

- науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики. №9(83). 2017. С.185-187.
630. Фененко А. Балканский кризис и российские внешнеполитические приоритеты Внешняя политика России: 1991–2000. Ч. II // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 59-73.
631. Харитоновна О.Г. Кризисная эволюция турецкой политической системы. // Полития. 2018. №3(90). С. 181-205.
632. Хас К. Турция versus ЕС: вы все еще спорите? Тогда Россия идет к вам... // Российский совет по международным делам. 18.04.2018. [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-versus-es-vy-vse-eshche-sporite-togda-rossiya-idet-k-vam/?sphrase_id=33503412.
633. Хортов А. А. Политика США в отношении Югославии после «холодной войны» (1991–1999 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 143 – 146.
634. Чихарев И. А., Косоруков А. А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса. Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки. №1. 2010. С. 50-66.
635. Штекль К. Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей. // Государство, Религия, Церковь. №1(30). 2012. С. 57-82.
636. Энгельгардт Г.Н. Местные выборы и политический кризис в Республике Сербской (конец 2012 – начало 2013 г.) // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 2 (23). С. 24-34.
637. Энгельгардт Г. Н. Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение 2000. №3. С. 27-41.
638. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. От мирового либерального порядка к нормализации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 12. С. 5-17.
639. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции. Ч. 2 // Современная Европа. 2019. № 2 (88). С. 39-49.
640. Энтина Е.Г. Балканы вчера и завтра: пороха хватит на всех! // Современная Европа. 2015. № 1. С. 37-45.
641. Энтина Е.Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 192-208.
642. Энтина Е. Г. Западно-балканское измерение политики Европейского союза // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. II / Отв. ред. О.Ю. Потемкина, Е.А. Маслова. М.: Институт Европы РАН. 2017. С. 62-71.
643. Энтина Е.Г. Кризис дипломатии ЕС как катализатор нового уровня международного сотрудничества на Балканах // Европа. Евразия. XXI век начинается. М.: Полимедиа. 2018. С. 115-134.
644. Энтина Е.Г., Коновалова Н.А. Переходные общества сквозь призму "Греческой болезни" (на примере Черногории) // Современная Европа. 2017. № 3 (75). С. 62-71.
645. Энтина Е.Г., Смирнова А.С. Роль диаспоры в формировании и развитии "мягкой силы" России в современной Сербии // Современная Европа. 2018. № 5. С. 49-59.
646. Энтина Е.Г., Энтин М.Л. К конструированию будущего отношений между Россией и ЕС // Современная Европа. 2017. № 5. С. 16-26.

647. Энтина Е.Г., Энтин М.Л., Войников В.В. Перспективы, потребности и подводные камни конституционализации ЕС и ЕАЭС // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 89-103.
648. Энтина Е.Г., Энтин М.Л., Торкунова Е. А. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 124-135.
649. Энтина Е.Г., Энтин М.Л., Торкунова Е.А. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции. Ч. 1 // Современная Европа. 2019. № 1. С. 27-37.
650. Энтина Е., Новакович Д. Возможные международные форматы «пакетного решения» по Балканам // РСМД, 27.12.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnye-mezhdunarodnye-formaty-paketnogo-resheniya-po-balkanam/>.
651. Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Правовые гарантии защиты интересов ЕС от последствий брекзита // Итоги правления Терезы Мэй / Отв. ред. Е.В. Ананьева. М.: ИЕ РАН, 2019. 148 С.
652. Язькова А.А. Косовский конфликт в балканском политическом контексте // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина. М.: Московский центр Карнеги. 1999. 309 С.
653. Гајић А.С. Евроатлантске Интеграције, Србија И Западни Балкан После «Брегзита»: Геополитичке Околности // Политика националне безбедности. 2018. 14 (1). С. 123-139.
654. Орловић С. Једна влада а два господара / Славиши Орловића «Politikolog». [Электронный ресурс] URL: <http://www.politikolog.com/Једна-влада-а-два-господара.pdf/>.
655. Barlet V., Uvalić M. Aktuelni problemi spoljnotrgovinskih odnosa između Jugoslavije i Evropske ekonomske zajednice // Ekonomska misao. 1986. № 2. Str. 69-81.
656. Dragišić P. Jugoslovensky pogledi na evropsku ekonomsku zajednicu 1957–1973 // Istorija 20. veka, 1 Institut za noviju istoriju Srbije. 2018. Str. 147-160.
657. Đurđević O. Hronologija odnosa SFRJ – EEZ 1962 – 1986 // Međunarodni problem. 1987. №2. Str. 195 -208
658. Jović D. 1989: GODINA KOJA NAM SE NIJE DOGODILA. // Politička misao. 07.12.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://politickamisao.com/1989-godina-koja-nam-se-nije-dogodila/>.
659. Jović D. Američka politika na Balkanu: motivi I interesi // Pescanik. 27.04.2010. [Электронный ресурс] URL: <https://pescanik.net/americka-politika-na-balkanu-motivi-i-interesi/>.
660. Jović D. Hrvatski referendum o članstvu u Europskoj Uniji i njegove posljedice za smanjeni Zapadni Balkan // Anali hrvatskog politikološkog društva. 2012. Str. 163-182.
661. Kovačević G., Spoljnotrgovinska saradnja Jugoslavije sa EEZ. // Međunarodni problem. 1987. № 2-3. Str. 48-51.
662. Simić P. Francuska i Nemačka pred jugoslovenskom dilemom. // Međunarodna politika, Beograd. Godina XLV. 1994. № 1023. Str. 1-5.
663. Simić P. Teorija „bezbednosne zajednice” i širenje EU i NATO na Zapadni Balkan Izazovi evropskih integracija // Časopis za pravo i ekonomiju evropskih integracija. 2011. № 15. Str. 35-45.
664. Stojiljković Z, Spasojević D. Populistički Zeitgeist u “proevropskoj” Srbiji // Politička misao. 2018. № 55(3). Str. 104-128.
665. Subotić Strahinja. Zapadni Balkan iz perspective Bregzita // CEPpogled. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://cep.org.rs/wp-content/uploads/2018/12/Zapadni-Balkan-i-Bregzit.pdf>.

666. Žic Z. Savremena kretanja u Zapadnoj Evropi – položaj i uloga u međunarodnim odnosima i interesi SFRJ. Pregled Centra za strategijske studije. 1987. God. I. Br. II. Str. 487-508.
667. Adenahr C., Töglhofer T. Firm supporter and severe critic – Germany’s two-pronged approach to EU enlargement in the Western Balkans // EU member states and enlargement towards the Balkans. Edited by Rosa Balfour and Corina Stratulat European Policy Centre. 2015. №79. 250 P.
668. Alterman S. Summit airs old British theme, dances to new German tune // Reuters. 1991.
669. ANALYSIS: Turkey’s Balkan policy not interest-oriented. Republic of Turkey // Ministry of Culture and Tourism. [Электронный ресурс] URL: https://www.tika.gov.tr/en/news/analysis_turkeys_balkan_policy_not_interest_oriented-21145.
670. Anastasakis O. Greece and Turkey in the Balkans: Cooperation or Rivalry? // Turkish Studies. 2004. P. 45-60.
671. Anastasakis O. The Europeanization of the Balkans // Brown Journal of World Affairs. 2005. N 7 (1) P.77-88.
672. Andelman D.A. China's Balkan Strategy // International Security. 1979/80. Vol. 4. № 3. P. 60-79.
673. Armakolas I., Triantafyllou G. Greece and EU enlargement to the Western Balkans: understanding an ambivalent relationship // Southeast European and Black Sea Studies. 2017. No4(17). P. 611-629.
674. Armakolas I., Triantafyllou G. Greece // EU member states and enlargement towards the Balkans. EPC Issue Paper No.79 July 2015. 250 P.
675. Artisien P. and Buckley P. Joint ventures in Yugoslavia: opportunities and constraints // Journal of International Business Studies. Vol. 16. No.1. 1985. pp. 111-135.
676. Artisien P., Holt Stephen Yugoslavia and the E.E.C. in the 1970s // Journal of Common Market Studies. Volume 18. Issue 4. June 1980. pp. 355 -369.
677. Aydıntaşbaş A. From myth to reality: How to understand Turkey’s role in the Western Balkans. Policy brief // European council on foreign affairs. March 2019. [Электронный ресурс] URL: https://www.ecfr.eu/page/-/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans.pdf.
678. Bajrović R., Garčević V. & Kraemer R. Hanging by a Thread: Russia’s Strategy of Destabilization in Montenegro // Foreign Policy Research Institute. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/07/kraemer-rfp5.pdf>.
679. Bandow D. US Policy toward Kosovo: Sowing the Wind in the Balkans, Reaping the Whirlwind in the Caucasus // Mediterranean Quarterly. 2009. Vol. 20. № 1. pp. 15-30.
680. Bardos G. Jihad in the Balkans: The next generation // World Affairs. 2014. N177(3). P. 73-79.
681. Bardos G.N. Iran in the Balkans: A History and a Forecast // World Affairs, 2013. P. 59-66.
682. Bastian J. The potential for growth through Chinese infrastructure investments in Central and South-Eastern Europe along the “Balkan Silk Road” // European Bank for Reconstruction and Development (with funding from the Central European Initiative), 2017. 62 P.
683. Bechev D. The Periphery of the Periphery: The Western Balkans and the Euro Crisis, ECFR Policy Brief, May, 2012 // European Council on Foreign Relations [Электронный ресурс] URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR60_WESTERN_BALKANS_BRIEF_AW.pdf.

684. Bechev D. Between Enlargement and CFSP: the EU and the Western Balkans LSE European Foreign Policy conference 2-3 June 2004. London School of Economics [Электронный ресурс] URL: <http://www.lse.ac.uk/efpu/efpuconferencepapers2004/bechev>.
685. Bechev D. Russia in the Balkans: How should the EU respond? Policy Brief. // European Policy Centre. 12 October 2015. 4 P.
686. Bechev D., Andreev S. 'Social Capital and the EU Institution-Building Strategies for the Western Balkans,' unpublished working paper // Integrating the Balkans in the EU (IBEU) project. May 2004.
687. Bechev D. The EU and Britain in the Western Balkans: Sustaining Cooperation after Brexit. // Atlantic community. March 12, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://atlantic-community.org/the-eu-and-britain-in-the-western-balkans-sustaining-cooperation-after-brexite/#>.
688. Bechev D. Turkey in the Balkans: Taking a Broader View // Insight Turkey. 2012. Vol. 14. № 1. pp. 131-146.
689. Bellinson O. Islam in the Balkans: Globalization, Europeanization, Localization // Insight Turkey. 2018. Vol. 20. № 3. pp. 283-289.
690. Bergmann A., Niemann J. Mediating International Conflicts: the European Union as an Effective Mediator // Journal of Common Market Studies. 2015. N 53 (9). 28 P.
691. Beshku K., The European Union's Normative Role in the Dissolution of the ex-Yugoslavia: An underestimated contribution. // Law journal, January 2018. 5. pp. 1- 15.
692. Bieber F. Patterns of competitive authoritarianism in the Western Balkans // East European Politics. 2018. Vol. 34. № 3, pp. 337-354.
693. Bieber F., Irena Ristić I. Constrained Democracy: The Consolidation of Democracy in Yugoslav Successor States // Southeastern Europe. 2012. N 36 (3). pp. 373-397
694. Bilman A. The Regional Cooperation Initiatives in Southeast Europe and the Turkish Foreign Policy. Perceptions. Journal of International Affairs. №3 (September-October 1998). 15 P.
695. Blue Bird Agenda for Civil Society in South East Europe // Search of Responsive Government. State Building and Economic Growth in the Balkans, Budapest: Center for Policy Studies, Central European University. 2003. 61 P.
696. Boduszynski M. The Gulf and the Balkans: Islam, Investment, and Influence. // A Gulf State Analytics report. January 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.internationalpolicydigest.org/?p=118088>.
697. Bogaards M. How to Classify Hybrid Regimes? Defective Democracy and Electoral Authoritarianism // Democratization. 2009. N 16 (2). pp.399-423.
698. Bonomi Matteo. Off Track. The EU's Re-engagement with the Western Balkans // IAI Papers. 19/08. April 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip1908.pdf>.
699. Bonomi, M., Reljic, D. The EU and the Western Balkans: so near and yet so far: why the region needs fast-track socio-economic convergence with the EU // SWP Comment, 53/2017. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik -SWP- Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-55516-3>.
700. Börzel T. A., Risse T. Who is Afraid of a European Federation? How to Constitutionalise a Multi-Level Governance System. // Jean Monnet Working Paper 7. 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://centers.law.nyu.edu/jeanmonnet/papers/00/00f0101.html>.
701. Bougarel X. The Role of Balkan Muslims in Building a European Islam // European Policy Centre. 2005 [Электронный ресурс] URL:

- https://www.researchgate.net/publication/32230189_The_Role_of_Balkan_Muslims_in_Building_a_European_Islam.
702. Bozay M. K. The Balkan Experience in the Development and the Implementation of Comprehensive Strategies for Multidimensional Peace Operations: A Brief Analysis on the Bosnia and Kosovo Cases. // *Perceptions*, Special Issue on Peace Operations. December 2003-2004. 7 P.
 703. Broun J. Islam in the Balkans: Religion and Society between Europe and the Arab // *World Religion, State & Society*. 1999. Vol. 27. № 1. pp. 135-141.
 704. Bugajski J. Return of the Balkans: Challenges to European Integration and U.S. Disengagement // *Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press*. 2013. pp. 1-192. [Электронный ресурс] URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/>
 705. Bulent A. Turkey and the Balkans: New Policy in a Changing Regional Environment. // *The German Marshall Fund of the United States. Analysis*. October 31, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.gmfus.org/wp-content/blogs.dir/1/files_mf/1351696866Aras_Balkans_Oct12.pdf.
 706. Butković H., Samardžija V. Challenges of continued EU enlargement to the Western Balkans - Croatia's experience. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/profile/Hrvoje_Butkovic/publication/309196434_Challenges_of_continued_EU_enlargement_to_the_Western_Balkans_-_Croatia's_experience/links/5804c57e08aed2e9ea779b1e.pdf.
 707. Cagaptay S., Parris M. Turkey after the Iraq War: Still a U.S. Ally? // *Washington Institute*. 2003 [Электронный ресурс] URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/turkey-after-the-iraq-war-still-a-u.s.-ally>.
 708. Çaliş Ş. Turkey's Balkan Policy in the Early 1990s // *Turkish Studies*. 2001. Vol.2. № 1. pp. 135-146.
 709. Cohen L. J. Russia and the Balkans: Pan-Slavism, Partnership and Power // *International Journal*, №49(4) // *Russia's Foreign Policy* (Autumn, 1994), pp. 814-845.
 710. Conley H. A., Hillman J. E. The Western Balkans with Chinese Characteristics. // *Center for Strategic and International Studies*, July 30, 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/western-balkans-chinese-characteristics>.
 711. Couloumbis T. A. Strategic consensus in Greek domestic and foreign policy since 1974 In: *Greece in the Balkans: Memory // Conflict and Exchange* Cambridge Scholars Publishing. 2009. 266 P.
 712. Daalder I. H., O'Hanlon M. E. The United States in the Balkans: There to Stay The // *Washington Quarterly*. Autumn 2000. N23(4). pp. 155-170.
 713. Deliso C. The Coming Balkan Caliphate The Threat of Radical Islam to Europe and The West // *Library of Congress Cataloging* (Praeger Security International). 1974. P. 183-204
 714. Demirtas B. Turkish Foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol.17. № 2. pp. 123-140.
 715. Duvnjak V. Coping with Crisis in the EU Periphery: The Case of Bosnia and Herzegovina // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2018. Vol. 20. № 2. pp. 196-210.
 716. Džihić V., Dieter S. Lessons from 'Post-Yugoslav' Democratization. Functional Problems of Stateness and the Limits of Democracy // *East European Politics and Societies*. 2012. N. 26 (2). pp. 239-253.
 717. Džihić V., Wieser A. Incentives for Democratisation? Effects of EU Conditionality on Democracy in Bosnia & Hercegovina // *EU conditionality in the Western Balkans*, edited by F. Bieber. 2018. pp. 1803-1825.

718. Ekinçi M. U. A Golden Age of Relations: Turkey and the Western Balkans during the AK Party Period // *Insight Turkey*. 2014. Vol. 16. №. 1. pp. 103-125.
719. Elbasani A. EU enlargement in the Western Balkans: strategies of borrowing and inventing // *Journal of Southern Europe and the Balkans* 2008. N 10 (3). pp. 292-307.
720. Entina (Volkova) E. From The Dissolution To The Modernization: On Contemporary Russian-Serbian Relations. // *The History of the 20th Century*. Belgrade, Institute of Contemporary History. 2012. №2. pp. 197-221.
721. Entina E. Macedonian trap. // *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2015. No3(327). P. 343-358.
722. Entina E. Saf(v)e Bosnia! *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe // Debatte*. September 2016. 24:2. pp.149-167.
723. Europe – Mixed Migration Flows In: Western Balkans 2018 Overview [Электронный ресурс] URL: <https://migration.iom.int/reports/europe-%E2%80%94-mixed-migration-flows-western-balkans-2018-overview>
724. Europe, south and east redefining the American interest: report of a Study Mission to Portugal, Greece, Yugoslavia, and Hungary from January 1-12, 1975: pursuant to H. Res. 267 Michigan State University Libraries. 1975 [Электронный ресурс] URL: <http://hdl.handle.net/2027/msu.31293024687695>
725. Exadaktylos T. Uncharted Waters: Greek Foreign Policy Agenda during the Process and in the Aftermath of the EU Eastern Enlargement. // Working paper presented at the 3rd Hellenic Observatory PhD Symposium: Contemporary Greece: Structures, Context and Challenges London School of Economics and Political Science, London. 14-15 June 2007. [Электронный ресурс] URL: http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/pdf/3rd_Symposium/PAPERS/EXADAKTYLOS_THEOFANIS.pdf.
726. Facon I., Mazzucchi N., Patry J-J. Countering hybrid threats: EU and the Western Balkans case // Policy Department, Directorate-General for External Policies. 2018. 45 P.
727. Factiva D. J. China unsettles EU with Belt and Road moves in the Balkans // *Nihon Keizai Shimbun*. 2018 [Электронный ресурс] URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-unsettles-EU-with-Belt-and-Road-moves-in-the-Balkans>.
728. Faris K., Arbeiter J. Is TIKA Turkey's platform for development cooperation or something more? Evidence from the Western Balkans. // *International Journal of Euro-Mediterranean Studies* 2019. N12(1). pp. 167-193.
729. Feyerabend F. The influence of external actors in the Western Balkans // *Konrad Adenauer Stiftung*. 2018 [Электронный ресурс] URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=194afc48b3bee3bcd1da02771a223f73&groupId=252038
730. Foucher A. On the Balkan route: Pernicious effects of E.U anti-migration policies // *NORIA, Analysis*. February 2018 [Электронный ресурс] URL: <https://www.noria-research.com/balkan-route-pernicious-effects-e-u-anti-migration-policies/>.
731. Foulon M. Neoclassical Realism: Challengers and Bridging Identities // *International Studies Review*. 2015. No17. pp.635-661.
732. Fouskas V. The Balkans and the enlargement of NATO: A skeptical view // *European Security*, Vol. 10. № 3. pp. 52-75.
733. Gangloff S. Turkish policy towards the conflict in Kosovo: the preeminence of national political interests // *Balkanologie*. 2004. N8(1). pp. 105-122. URL: <http://journals.openedition.org/balkanologie/517>.
734. Gledic J., Japan's Western Balkans Cooperation Initiative: A wise way to wage 'war' // *Japan Today*. Feb. 2, 2018 [Электронный ресурс] URL: <https://japantoday.com/category/features/opinions/japan%E2%80%99s-western-balkans-cooperation-initiative-a-wise-way-to-wage-war>.

735. Gogas P., Dimitriadou A. Greek banks in the Balkans: The big crunch // *The Business Thinker*. March 6. 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://businessthinker.com/greek-banks-in-the-balkans-the-big-crunch/>.
736. Grgić M. Chinese infrastructural investments in the Balkans: political implications of the highway project in Montenegro // *Territory, Politics, Governance*. 2017. pp. 2162-2671.
737. Guiraudon V. The EU Through Europeans' Eyes: Political Sociology and EU Studies // *EUSA Review*. 2006. No. 1(19). pp. 1-5.
738. Hackaj Ardian, Madhi Gentiola, Hackaj Krisela MONITORING THE BERLIN PROCESS: FROM PARIS TO TRIESTE // Working Paper "Berlin Process Series" Berlin Process/2/2017. 66 P.
739. Harxhi E. An Overview of Turkish Foreign Policy in the Balkans: 1990-2016 // *Insight Turkey*. 2017. Vol. 19. № 1. 2017. pp. 33-42.
740. Hoffmann S. Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe. // *Daedalus*. No. 3. 1966. pp. 862-915.
741. Howorth, J. European Defence and the Changing Politics of the European Union: Hanging Together or Hanging Separately? // *Journal of Common Market Studies*. 2001. No. 39: 765-789.
742. Ikenberry J. G., Kupchan Ch. Socialization and Hegemonic Power // *International Organizations*. 1990. N44. pp. 283-315.
743. Initiatives to Prevent/Counter Violent Extremism in South East Europe // *Regional Cooperation Council*, 2016. 67 P. [Электронный ресурс] URL: [https://www.rcc.int/download/pubs/RCC-CVE-Case-Study%20\(3\).pdf/88adfd3c5fd8007d87bfc2e7ecba2cc2.pdf..](https://www.rcc.int/download/pubs/RCC-CVE-Case-Study%20(3).pdf/88adfd3c5fd8007d87bfc2e7ecba2cc2.pdf..)
744. International Crisis Group, Bin Laden and the Balkans: The Politics of Anti-Terrorism // *ICG Balkan Reports*. 9 November 2001. No. 119. [Электронный ресурс] URL: https://www.files.ethz.ch/isn/28037/119_balkans_anti-terrorism.pdf.
745. Jacimovic D., Dragutinović Mitrović R., Bjelić P., Tianping K., Rajkovic M. The role of Chinese investments in the bilateral exports of new E.U. member states and Western Balkan countries // *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*. 2018. Vol.31. № 1. pp. 1185-1197.
746. Joseph E. P. Back to the Balkans // *Foreign affairs*, 2005 Vol. 84. №. 1. pp. 111-122. [Электронный ресурс] URL: https://www.pin1.harvard.edu/cas/login?service=https%3A%2F%2Fwww.pin1.harvard.edu%2Fpin%2Fauthenticate%2FHUL_ACC_MGMT_SVC
747. Jovanović S. Mogućnosti I granic eunapređivanja odnosa Jugoslavije I Evropske ekonomske zajednice // *Međunarodni problemi*. 1987. N4. Str. 447-462.
748. Jovic D. Accession to the European Union and Perception of External Actors in the Western Balkans // *Croatian International Relations Review*. 2018. N 25 (83). pp. 6-32.
749. Jovic D. Croatia and the European Union: a long delayed journey // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2016. N 8 (1). pp. 85-103.
750. Jovic D. Problems of Early Post-Communist Transition Theory: From Transition from to Transition to // *Politička misao*. 2010. N 47:5. pp. 44-68.
751. Jovic D. Turning nationalists into EU supporters: the case of Croatia // Rupnik Jacques (ed.). *The Western Balkans and the EU: 'the hour of Europe'* Chaillot Paper, 126, Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2011. 186 P.
752. Kandel M. Une diplomatie des diasporas ? La mobilisation des diasporas «yougoslaves» aux États-Unis et leur influence sur la politique étrangère américaine pendant les guerres balkaniques des années 1990 // *Relations internationales*. 2010. Vol.1 №141. pp. 83-97. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cairn.info/revue-relations-internationales-2010-1-page-83.htm>

753. Karić E. Islamic thought in Bosnia-Herzegovina in the 20th Century: debates on revival and reform // *Islamic studies*. 2002. vol. 41. no. 3. pp. 391-444
754. Karnitschnig M. Macron's Balkan breakdown // *Politico*. 05 May 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.politico.eu/article/merkel-macron-balkans-serbia-kosovo/>.
755. Kauppi N. Bourdieu's Political Sociology and the Politics of European Integration // *Theory and Society*. 2003. No. 32. pp. 775-789.
756. Kavalski E. The Western Balkans and the EU: the Probable Dream of Membership// *South East European Review* 2003. N 1-2. pp. 197-212.
757. Kerem O., Between emigration, de-Islamization and the nation-state: Muslim communities in the Balkans today. // *Southeast European and Black Sea Studies*. June 2011. N11(2). pp. 155-171.
758. Kiehl W. P. Peacekeeper or occupier? US experience with information operations in the Balkans // *International Peacekeeping*, 2001. Vol.8. No.4. pp. 136-146.
759. Kmezić M., Bieber F. Media Freedom in the Western Balkans // *Background Papers Balkans in Europe Policy Advisory Group*. 2015. 29 P.
760. Koen L. Constitutionalism and the Many Faces of Federalism // *American Journal of Comparative Law*. 38. 1990. pp. 205-263.
761. Koliopoulos J.S. Greece and The Balkans: A historical perspective // *Southeast European And Black Sea Studies*. 2002. Vol.2. № 3. pp. 25-38.
762. Konitzer A. Speaking European: Conditionally, Public Attitudes and Pro-European Party Rhetoric in the Western Balkans In: *EU conditionality for the Western Balkans*. Edited by Florian Bieber. London: Routledge. 2018.
763. Belgian Foreign Ministry Website: "Gradual Integration of the Western Balkan countries in the EU" [Электронный ресурс] URL: http://diplomatie.belgium.be/en/policy/european_union/belgium_and_the_eu/external_relations/europe_and_the_world/western_balkans/#3.
764. Koppa M. The Greek Crisis and Its Repercussions on the Balkan Neighbourhood: The End of the Myth // *Special Issue: Deciphering the Greek Crisis: Issues, Failures, Challenges Uluslararası İlişkiler International Relations*. 2018. No. 58(15). pp. 57-67.
765. Kovač O., Popović T. Yugoslavia and the European Union: the past and the future. Belgrade. 1996. 184 S.
766. Kosovo: Greek and Turkish Perspectives.// *CRS Report for Congress*. Order Code RS20149 Updated May 27. 1999 [Электронный ресурс] URL: https://www.everycrsreport.com/files/19990527_RS20149_96f2ebfbadc8c59ea820d196032fc8f8ce1f1e4f.pdf.
767. Krastev I. Europe is facing a potential crisis in the Balkans. It has to act soon. // *The Guardian*. 21.02.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/21/europe-crisis-balkans-eu-membership-russia-china-turkey>.
768. Kulić V. New Belgrade and Socialist Yugoslavia's Three Globalisations International // *Journal for History, Culture and Modernity*. 2014. Vol. 2. №. 2. pp. 125-153
769. Kurop M. European Jihads: Al Qaeda's Balkan links // *Asian Wall Street Journal*. Victoria, Hong Kong. 2001. N 1 [Электронный ресурс] URL: <http://search.proquest.com.ezp-prod1.hul.harvard.edu/docview/315358268?accountid=11311>.
770. Larrabee F. S. Greece's Balkan Policy in a New Strategic Era // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2005.No. 3(5). pp. 405-425.
771. Lasas A. Restituting Victims: EU and NATO Enlargements through the Lenses of Collective Guilt // *Journal of European Public Policy*. 2008. No.1(15). pp. 98-116.

772. Lavreniadis L. Western Balkans Policy Review 2010 edited by Bugajski J // Center for Strategic and International Studies. 2010. pp. 26-33.
773. Le Corre P. China's Rise as a Geoeconomic Influencer: Four European Case Studies. 2018 // Carnegie Endowment for International Peace [Электронный ресурс] URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_LeCorre_China_formatted_FINAL_WEB.PDF.
774. Lilyanova V. Saudi Arabia in the Western Balkans European Parliamentary Research Service. 2017 [Электронный ресурс] URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA\(2017\)614582_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA(2017)614582_EN.pdf).
775. Linden R.H., İrepoğlu Y. Turkey and the Balkans: New Forms of Political Community? // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. № 2. pp. 229-255.
776. Liperi Maria Saide. The EU's Externalisation of Migration Management Undermines Stabilisation in the Western Balkans // IAI Commentaries. 2019. N 19 (27). 5 P.
777. Lipkin M. A Struggle between Eastern and Western Models of «Integration» in the First Half of the 1970s// Quelle(s) Europe(s)? Nouvelles approches en histoire de l'intégration européenne. Katrin Rucker & Laurent Warlouzet (eds). P.I.E.-Peter Lang. Brussels. 2006. P. 299-310
778. Loakimidis P.C. The Europeanization of Greece: an overall assessment // South European Society and Politics. 2000. N5. pp. 73-94.
779. Lucarelli S. The European Response to the Yugoslav Crisis Story of a Two-Level Constraint // EI Working paper RSC No. 95-37. 1995. 41 P.
780. MacDonald S. Why China and Russia are Vying for Influence Over the Balkans // The National Interest. 07.02.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://nationalinterest.org/feature/why-china-and-russia-are-vying-influence-over-balkans-43852>.
781. Major C. Europeanisation and Foreign and Security Policy – Undermining or Rescuing the Nation State? // Politics. 2005. 25(3). P. 175-190.
782. Makocki M., Nechev Z. Balkan corruption: the China connection European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2017. 2 P.
783. Malazogu L., Bieber F. The Future of Interaction Between Prishtina and Belgrade. Confidence Building Measures in Kosovo Prishtina: Democracy for Development and Project on Ethnic Relations – Kosovo. September 2012. No. 3. 76 P.
784. Mandacı N. Western Balkans and the Gulf: Interregionalism in the making // Mediterranean Politics. 2018. Vol. 23. № 3. pp. 340-363.
785. Mandacı N., Tutan M.U. Global Land Grab and the Balkans: Continuity and Changes in a Unique Historical Context // Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 2018. Vol. 20. № 3. P. 230-250.
786. Mandić, D. Anatomy of a refugee wave: Forced migration on the Balkan route as two processes // Europe Now Journal. 05.01.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.europenowjournal.org/2017/01/04/anatomy-of-a-refugee-wave-forced-migration-on-the-balkan-route-as-two-processes/>.
787. Marcia C.K. European Jihads: Al Qaeda's Balkan Links // Asian Wall Street Journal. 2001. P. 11. [Электронный ресурс] URL: https://www.pin1.harvard.edu/cas/login?service=https%3A%2F%2Fwww.pin1.harvard.edu%2Fpin%2Fauthenticate%2FHUL_ACC_MGMT_SVC.
788. Marciacq F. 2015. EU Enlargement in troubled times? Adapting to new realities and drawing lessons from democratisation failures // ÖGfE policy Brief. 2015. N 39. 7 P.
789. Marciacq F. The European Union and the Western Balkans after the Berlin Process. Reflecting on the EU Enlargement in Times of Uncertainty // Sarajevo 2017

- Friedrich-Ebert-Stiftung. Dialogue Southeast Europe [Электронный ресурс] URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/sarajevo/13948.pdf>.
790. Margesson R. Balkan Conflicts: U.S. Humanitarian Assistance and Issues for Congress CRS Report for Congress Harvard Law School Library. 2001. 19 P.
791. Marjan B., Guzina D. An Early «Spring» in Bosnia. February 2014. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cigionline.org/publications/2014/2/early-spring-bosnia>.
792. Marks G. Structural Policy in the European Community // *Europolitics: Institutions and Policymaking in the “New” European Community*, edited by A. Sbragia. Washington: Brookings Institute. 1992. 303 P.
793. Marolov D. The EU policy towards the dissolution of Yugoslavia. Special emphasis on the EU policy towards the Republic of Macedonia // *Analytical journal* January 2012. 4(2) 22 P.
794. Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. Balkans Forward. A New US Strategy for the Region // *Atlantic Council*. November 2017. 20 P.
795. Mazover M. The War in Bosnia: An Analysis. London, Action for Bosnia. 1992. 31 P.
796. Meservy-Whiting Peace Conference: The Politico-Military Interface London Defence Study. 1994. N.21. 85 P.
797. Metz S. The American Army in the Balkans: strategic alternatives and implications Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. 2001. P. 1-49.
798. Muminović E. Poznań Summit highlights: What has marked the 2019 Berlin Process meeting? // *European Western Balkans*. 06.07.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/07/06/poznan-summit-highlights-what-has-marked-the-2019-berlin-process-meeting/>.
799. Nechev Z., Nikolovski I., Minić J., Qesaraku M. and Ćerimagić A. 2018 Western Balkans Summit: 3 key takeaways from London // *SEE Think Net*. December 2018 [Электронный ресурс] URL: <https://idscs.org.mk/wpcontent/uploads/2018/12/%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BD%D0%B0-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B7%D0%B8%D1%98%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%84-%D0%B2%D0%B5%D0%B1-2.pdf>.
800. Obadic I. A troubled relationship: Yugoslavia and the European Economic Community in détente // *European Review of History: Revue europeenne d'histoire*. 2014. Vol. 21. № 2. pp. 329-348.
801. Öktem K. Between emigration, de-Islamization and the nation-state: Muslim communities in the Balkans today // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2011. Vol. 11. № 2. pp. 155–171.
802. Öniş Z., Yilmaz Ş. Between Europeanization and Euro-Asianism: Foreign Policy Activism in Turkey during the AKP Era // *Turkish Studies*. 2009. Vol. 10. № 1. pp. 7-24.
803. Orlović S. Parties and the party system of Serbia and European Integrations // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2008. N 10 (2). pp. 205-222.
804. Othon A. Greece and Turkey in the Balkans: Cooperation or Rivalry? // *Turkish Studies*. N5(1). pp. 45-60.
805. Ozkan B. Turkey, Davutoglu and the Idea of Pan-Islamism // *Survival*. 2014. Vol. 56. № 4. pp. 119-140.
806. Pap N., Kitanics M. Hungary and The Balkans // *Megatrend Review*. 2014. Vol. 11. № 4. pp. 219-240.
807. Papacosma, S V. NATO in the Post-Cold War Balkans // *Journal of Political and Military Sociology*. 1996. Vol. 24, № 2. pp. 233-252.

808. Papadimitriou D. The European Union's Strategy in the Post-Communist Balkans: Of Carrots, Sticks and Indecisiveness // *Journal of South East European and Black Sea Studies*. 2006. N1 (3). pp. 69-94.
809. Parkas C. C. The United States, Greece, and the Macedonian Issue: The Tito Legacy That Haunts the Southern Balkan // *World Affairs*. 1997. Vol.159. № 3. pp. 103-108.
810. Pavličević D. 'China Threat' and 'China Opportunity': Politics of Dreams and Fears in China-Central and Eastern European Relations // *Journal of Contemporary China*. 2018. Vol. 27. № 113. pp. 688-702.
811. Pavlicevic D. China's New Silk Road Takes Shape in Central and Eastern Europe // *China Brief*, Issue 1. 09.01.2015. pp. 9-14.
812. Pavlicevic D. The Sino-Serbian Strategic Partnership in a Sino-EU Relationship Context // *The University of Nottingham, Briefing Series April 2011. Issue 68, 12 P.*
813. Pavlos K., Armakolas I. Maksimovic M. Bledar Feta The Western Balkan EU Accession Process and the Greek Presidency 2014 ELIAMEP. August 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2014/07/The-Western-Balkan-EU-accession-process-and-the-Greek-Presidency-2014-FINAL-29-July-2014-PDF.pdf>.
814. Pavlović D. Srbija posle izbora // *Političke analize*. 2012. № 3 (11). str. 16-19.
815. Pena C.V. Al Qaeda: The Balkans Connection // *Mediterranean Quarterly*. 2005. Vol. 16. № 4. pp. 65-76.
816. Penerliev M. Asian "Energy Players" and Their Role in the Balkan Energy Strategy // *Journal of Settlements and Spatial Planning*. 2012. Vol. 3. № 2. pp. 175-179
817. Petritsch W., Solioz C. Thinking The Balkans out of the Box — EU Integration and Regional Cooperation, Models, Lessons Southeast European Integration Perspectives *Nomos*. 2017. 177 P.
818. Petrovic Z. Turkey in the Western Balkans. Goals and Means of the New Foreign Policy // *Policy Paper*. Beograd, ISAC Fund. 2011. 12 P.
819. Petrovic Ž., Reljic D. Turkish Interests and Involvement in the Western Balkans: A Score-Card // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. № 3. pp. 159-172.
820. Petrovich R. The National Composition of Yugoslavia's Population, 1991 // *Yugoslav Survey*. N 1 (1992). pp. 3-24.
821. Phinnemore D. Stabilisation and Association Agreements: Europe agreements for the Western Balkans? // *European Foreign Affairs Review*. 2003. N 8. pp. 77-103.
822. Pjevović D., Subotić S. EU Sentiments of Serbia's Citizens. Unpacking the Motivations Behind the Ayes, the Nays, and the Undecided Policy Brief // *European Policy Centre*. March 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://cep.org.rs/wp-content/uploads/2019/03/EU-Sentiments-of-Serbia%E2%80%99s-Citizens.pdf>.
823. Poulain L. China's new Balkan Strategy // *Central Europe Watch*. Center for strategic and international studies. August 2011. N1(2). 7 P.
824. Pranger R.J. The Milosevic and Islamization Factors: Writing Contemporary History in the Balkans // *Mediterranean Quarterly*. 2011. Vol. 22. № 1. 14 P.
825. Primatarova A., Deimel J. "Bridge over Troubled Waters? The Role of the Internationals in Albania" // *Center for Liberal Strategies*. Sofia. 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cls-sofia.org/en/forthcoming-events/bridge-over-troubled-waters-the-role-of-the-internationals-in-albania-180.html>.
826. Qorraj G., Ajdarpašić S. Brexit Implications for the EU Enlargement of the Western Balkans // *European Integration Studies*. 2017. N 11. pp. 76-88.
827. Scharpf F. W. The Joint-Decision Trap: Lessons from German Federalism and European Integration // *Public Administration*. No3. 1988.
828. Rexhepi P. Arab others at European borders: racializing religion and refugees along the Balkan Route // *Ethnic and Racial Studies*. 2018. N 41:12. pp. 215-234.

829. Rhodes R. A. W. Understanding Governance: Ten Years On // *Organization Studies*. 2007. No. 8(28). pp. 1243-1264.
830. Risse T., Grabowsky J. K. European Identity Formation in the Public Sphere and in Foreign Policy. // 12 RECON Online Working Paper 2008/04. [Электронный ресурс] URL: https://www.polsoz.fuberlin.de/polwiss/forschung/international/atasp/publikationen/4_artikel_papiere/2009_paper_TR_european_identity_formation/RECON_wp_0804.pdf.
831. Russia in the Balkans // Conference Report «The Balkans in Russia's Foreign Policy Strategy. Russia and Conflict Resolution in the Balkans. The Economic Dimension. Russian Soft Power». London School of Economics. 13.03.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ceas-serbia.org/en/external/3645-russia-in-the-balkans-the-balkans-in-russia-s-foreign-policy-strategy-russia-and-conflict-resolution-in-the-balkans-the-economic-dimension-russian-soft-power>.
832. Rynning S. Return of the jedi: realism and the study of the European union // *Politique européenne*. 2005. №17(3). pp. 10-33.
833. Saheeb J. Arab views on Balkan's Muslims: an attempt at shedding more light of the role of Islamic fundamentalists *Politics and religion*. 2008. Vol. 2. N 1. pp. 65-76.
834. Sander O., Turkey and the Balkans // *Middle East Business and Banking*. 1991. N11(11). pp.4-10.
835. Schwartz S. The Arab Betrayal of Balkan Islam // *Middle East Quarterly*, 2002. Vol. 9. № 2. pp. 1-9.
836. Shpend Krasniqi, Balkans in the era of 'America First' // *Foreign Policy News*. 22.02.2018: [Электронный ресурс] URL: <http://foreignpolicynews.org/2018/02/22/balkans-era-america-first/>.
837. Sioussiouras P., Vavouras I. Political Rights, Development, and Corruption in the Balkan and Arab Mediterranean Countries // *Mediterranean Quarterly*. 2012. Vol. 23. № 1. pp. 89-103.
838. Sjurgen H. Why Expand? The Question of Legitimacy and Justification in the EU's Enlargement Policy // *Journal of Common Market Studies*. No. 3(40). 2002. pp. 491-513.
839. Skylakakis T. Energy as a motor of Economic Integration // *The Bridge*. 2006. No2. pp. 42-43.
840. Spasojević D. Riding the wave of distrust and alienation – new parties in Serbia after 2008 // *Politics in Central Europe*. 2019. N 15 (1). pp. 139-162.
841. Stanimirović Z., Trifunović D. From Database to Knowledge: The Terrorist and Organized Criminal Search Database // *Social Science Computer Review*. 2011. Vol. 2. № 4. pp. 508-514.
842. Stanzel A., Kratz A., Szczudlik J., Pavličević D., Doyon J. China's investment in influence: The future of 16+1 cooperation European Council on Foreign Relations. 2016. 16 P.
843. Stratulat C. 2013. EU Enlargement to the Balkans: Shaken, not Stirred // *EPC Policy Brief*, 4 November 2013. European Policy Centre. [Электронный ресурс] URL: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_3892_eu_enlargement_to_the_balkans_-_shaken,_not_stirred.pdf.
844. Stronski Paul and Annie Himes. Russia's Game in the Balkans. January 2019 // *Carnegie Endowment for International Peace*. [Электронный ресурс] URL: https://carnegieendowment.org/files/Stronski_Himes_Balkans_formatted.pdf?fbclid=IwAR1GCH8YhgqYQCAzWJfX0QDNtdFm_sf3L2NIUSX2eiArBDbio7BPk894RII.
845. Thiebault J., La Commission d'arbitrage pour la Paix en Yougoslavie preside par Robert Badinter, 1994. // Cao-Huy Thuan et Alain Fenet (dir): *Mutations internationales et évolution des normes*. Presses Universitaires de France. 1994. pp. 155-169.

846. Thomas D. C. Constitutionalization through enlargement: the contested origins of the EU's democratic identity // *Journal of European Public Policy*. 2006. No. 13(8). pp. 1190-1210.
847. Thomas D. C., Tonra B. To What Ends EU Foreign Policy? Contending Approaches to the Union's Diplomatic Objectives and Representation // UCD Dublin European Institute Working Paper 11-2, July 2011. 14 P.
848. Timmins G., Jović D. Introduction: The Next Wave of Enlargement: The European Union and Southeast Europe after 2004 // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2006. N8(1). pp. 1-5.
849. Tonchev P. China's Road: into the Western Balkans // European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2017. pp. 1-4.
850. Topaloff L. K. Japan, China, and the Western Balkans // Tribune Content Agency LLC. 2018. [Электронный ресурс] URL: https://www.pin1.harvard.edu/cas/login?service=https%3A%2F%2Fwww.pin1.harvard.edu%2Fpin%2Fauthenticate%2FHUL_ACC_MGMT_SVC.
851. Trifunovic D. Al-Qaeda's Global Network and Its Influence on Western Balkans Nations // Fundación José Ortega y Gasset — Gregorio Marañón. [Электронный ресурс] URL: <file:///publicaciones/circunstancia/ano-vii---n--18---enero-2009/ensayos/al-qaeda-s-global-network-and-its-influence-on-western-balkans-nations>.
852. Trifunović D., Mijalkovski M. Terrorist Threats by Balkans Radical Islamists to International Security // *Politics and Religion Journal*. 2014. Vol. 8. № 2. pp. 1-36.
853. Tsardanidis C., Houliaras A. The Rise and Fall of the Greek Plan for the Economic Reconstruction of the Balkans // *Agora without Frontiers*. 2005. No1(11). pp. 38-49.
854. Tsilas L. Greece and the Balkans // *The Washington Post*. 16.04.1994. ProQuest Historical Newspapers: The Washington Post pg. A21
855. Tsygankov A. P. The final triumph of the Pax Americana? Western intervention in Yugoslavia and Russia's debate on the post-Cold War order // *Communist and Post-Communist Studies*. 2001. Vol. 34. pp. 133–156.
856. Tubilewicz C. Comrades No More: Sino–Central European Relations after the Cold War // *Journal Problems of Post-Communism*. 1999. 46:2. pp. 3-14.
857. Tziampiris A. Assessing Islamic terrorism in the Western Balkans: the state of the debate // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2009. pp. 209-219.
858. Uzgel I. Kosovo; Politics of Nationalism and the Question of International Intervention. // *Turkish Review of Balkan Studies*. 1998-1999. N4.P. 203-234.
859. Valasek T. Is Russia a partner to the EU in Bosnia? // *Policy Brief*. Center for European Reform. March 2009. 8 P.
860. Vangeli A. China's Engagement with the Sixteen Countries of Central, East and Southeast Europe under the Belt and Road Initiative // *China & World Economy* 2017. N25(5). pp.101-124.
861. Vangeli A. Global China and Symbolic Power: The Case of 16 + 1 Cooperation // *Journal of Contemporary China* 2018. N27:113. pp. 674-687.
862. Vathi, Z. Addressing migration of unaccompanied minors from and through the Western Balkans // International Organisation for Migration, Regional Report. 2015.[Электронный ресурс] URL: <http://www.albania.iom.int/publications/reports/IOM%20Regional%20Report%20on%20UAMs%20in%20Western%20Balkans.pdf>.
863. Venetis D.E. Islam Emerging in the Balkans // Hellenic Foundation for European and Foreign Policy (ELIAMEP): Working Paper. 2015. N 68. 26 P.
864. Veremis T. The End of History — American Views on the Balkans // *Southeast European And Black Sea Studies*. 2001. Vol.1. № 2. pp. 113-123.

865. Vermeulen H., Baldwin-Edwards M., Van Boeschoten R. Migration in the Southern Balkans From Ottoman Territory to Globalized Nation States // IMISCOE Research Series. 2015. 211 P.
866. Vracic A. The Way Back: Brain Drain and Prosperity in the Western Balkans // ECFR Report. 9 May 2018. [Электронный ресурс] URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/the_way_back_brain_drain_and_prosperity_in_the_western_balkans#_ftn11.
867. Vračić A. Turkey's role in the Western Balkans // SWP Research paper 11. SWP Berlin. 2016. 34 P.
868. Vujađinović Ź. Neosmanism, (re)Islamisation and the Balkans // „Политика“, бр. 2, Бања Лука, 2011 pp. 140-150.
869. Waardenburg. J. Politics and religion in the Balkans // Islamic studies. 1997. Vol. 36(2/3). pp. 383-402
870. Whan A. Reconciliation without Forgiveness: The EU in Promoting Postwar Cooperation in Serbia and Kosovo // University of Washington. 2016. 53 P.
871. Willaert Ph., Marques-Ruiz C. Vers une politique étrangère et de sécurité commune: état des lieux // Revue de Mazchi Unique Européen. 1995. N3. pp.35-96
872. Woehrel Steven Future of the Balkans and U.S. Policy Concerns. Congressional Research Service. 13 may 2009. [Электронный ресурс] URL: https://fas.org/sgp/crs/row/RL32136.pdf?fbclid=IwAR3f6R2t_KyUOIq16ircem_mTUHZNvAUzEmEft5QIVX4NJ42Df591bv6pvI.
873. Zaccaria B. Under the Shadow of the Soviet Union: the EEC, Yugoslavia and the Cold War in the long 1970s // In: The Balkans in the Cold War edited by Svetozar Rajak, Konstantina E. Botsiou, Eirini Karamouzi, Evanthis Hatzivassiliou. Palgrave Macmillan. 2017. 372 P.